

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVI, вып. 1—2.

СОДЕРЖАНІЕ.

Полтавская битва въ памяти искусства (съ 6 рисунками). Ал. М. Митронова. 1—22.

Книга Казанскаго муллы Шигабедина Марджани. Евв. А. Малова. 23—51.

Археологическая поѣздка П. И. Кротова. 52—54.

О саблѣ съ греческою надписью (съ 3 рисунками). Н. О. Катанова. 55—59.

Деформированные черепа Казанской коллекціи. М. М. Хомякова. 60—69.

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ:

Частушки — «припѣвки». А. М. Путинцева. 70—79.

Матеріалы для исторіи калмыковъ А. С. Лебедевъ. 80—148.

ХРОНИКА:

I. Открытіе памятника Н. В. Гоголю въ Москвѣ. С. Кедрова. 149—152.

II. Н. М. Петровскаго. 153—156.

III. О Пермскихъ древностяхъ, найденныхъ въ 1909 году. Н. Санина. 157—159.

IV. П. И. Кротова. 159.

V. 160.

БИБЛИОГРАФІЯ:

Замѣтки по поводу этнографическихъ очерковъ С. К. Кузнецова подъ названіями «Изъ воспоминаній этнографа» и Черемисская секта кугу сорта». В. Васильева. 161—166.

Двѣ рѣчи Θεодора Дафнопата. В. 166—168.

Древнее населеніе Рязанской области. М. М. Хомяковъ. 168—173.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

7

1961

5 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и
Этн. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Б. Варнеке.

1945г.

81
БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

81570/1.

~~г. Инв. № 472~~

Отдѣльный оттискъ изъ XXVI-го т. «Извѣстій Общества
Археологій, Исторіи и Этнографіи» за 1910 годъ.

Полтавская битва въ памятникахъ искусства.

(Юбилейная поминка о Петрѣ Великомъ въ связи съ Полтавскою побѣдой ¹⁾).

Въ текущемъ году 27 іюня Россія торжественно празднуетъ одну изъ величайшихъ побѣдъ, одержанныхъ войсками ея надъ вражескими войсками за все время ея историческаго существованія. Двѣсти лѣтъ назадъ подъ Полтавой сразились въ рѣшительномъ и страшномъ бою двѣ могучія силы народныя, руководимыя славнѣйшими полководцами той эпохи: сразились двѣ храбрѣйшія и сильнѣйшія арміи тогдашней Европы и цѣлаго міра,—шведская подъ личнымъ руководствомъ шведскаго короля Карла XII и русская подъ личнымъ предводительствомъ Великаго Петра. И въ этомъ бою прежде непобѣдимое шведское войско было на голову разбито русской арміей, позорно бѣжало вмѣстѣ съ своимъ королемъ, а остатки его черезъ нѣсколько дней были взяты въ плѣнъ Меншиковымъ.

Въ теченіе тѣхъ двухъ столѣтій, которыя протекли со времени царствованія Петра Великаго и этой славной побѣды, многочисленные историки успѣли въ достаточной степени выяснить и самую личность великаго царя, преобразователя Россіи, и значеніе всего его царствованія, и въ частности

¹⁾ Докладъ, читанный проф. Казанскаго Университета Ал. М. Мионовымъ въ публичномъ засѣданіи Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ, 18 марта 1909 года.

Полтавской побѣды его надъ шведскою арміею. Поэты неоднократно воспѣвали въ звучныхъ строфахъ и самого Петра, и великія дѣянія его, оставившія неизгладимые слѣды въ памяти народной. Изобразительныя искусства увѣковѣчили и вѣщній образъ Петра, могучій и прекрасный въ своемъ величіи, и длинный рядъ интересныхъ и важныхъ моментовъ изъ жизни его, столь богатой трудами и высокими подвигами на пользу родной земли и родного народа. Многочисленные портреты великаго царя, писанные красками, были исполнены художниками различныхъ странъ и въ различное время; еще болѣе многочисленны тѣ гравюры, въ которыхъ воспроизводится какъ личность Петра, такъ и разнообразнѣйшія событія изъ исторіи его царствованія, его доблестныя дѣянія, какъ и его личная жизнь, трудовая и скромная. Сохранилось сверхъ того значительное число картинъ, въ которыхъ художниками созданы были важнѣйшіе моменты государственной, общественной и военной дѣятельности Петра наряду съ картинами бытовыми, относящимися къ нему. Наконецъ, существуетъ весьма большое количество скульптурныхъ произведеній, статуй, рельефовъ, чеканныхъ работъ, портретовъ и картинъ, тканыхъ и шитыхъ шелками, такъ называемыхъ, шпалерныхъ картинъ, и т. д., посвященныхъ Петру.

Всѣ эти богатства искусства, созданныя на протяженіи двухъ столѣтій и разошедшіяся по музеямъ и частнымъ коллекціямъ, являются естественнымъ и прямымъ наслѣдіемъ славной эпохи Петра, поражающаго умы и сердца какъ современниковъ, такъ и потомковъ своимъ необычайнымъ величіемъ. И въ этомъ наслѣдіи, хотя и далеко отъ полноты, исчерпывающей ея неизмѣримо огромное содержаніе, все же нашли для себя воспроизведеніе художественное въ разнообразнѣйшихъ матеріалахъ наиболѣе интересные и важные моменты изъ этой эпохи.

Въ настоящемъ докладѣ своемъ я имѣю въ виду изъ всѣхъ этихъ художественныхъ богатствъ, посвященныхъ Петру, избрать и представить въ оцѣнкѣ одну только незначительную ихъ часть, имѣющую ближайшее отношеніе къ той

„преславной викторіи“, къ той великой побѣдѣ Петра подъ Полтавою, юбилей которой Россія собирается праздновать лѣтомъ текущаго года.

При этомъ раньше, чѣмъ перейти къ непосредственному предмету доклада, остановлюсь въ немногихъ словахъ на личности царственного юбиляра для того, чтобы тѣмъ яснѣе раскрыть и характеръ самой побѣды, занимающей насъ, и самую возможность ея, и обстоятельства, послѣдовавшія за нею и также воспроизведенныя въ памятникахъ искусства, какъ и внѣшній образъ Петра.

„Народъ, создавшій Петра, можетъ гордиться этимъ героемъ, бывшимъ какъ бы продуктомъ соприкосновенія русскаго народнаго духа съ общечеловѣческой культурою“,— справедливо замѣтилъ одинъ изъ историковъ великаго царя (Брикнеръ: „Исторія Петра Великаго“ стр. 686). И дѣйствительно, русскій народъ не только можетъ, но и долженъ гордиться этимъ могучимъ и славнымъ своимъ государемъ за всѣ тѣ по истинѣ колоссальныя заслуги, какія онъ оказалъ своему отечеству и какъ защитникъ его отъ внѣшнихъ враговъ, и какъ просвѣтитель многомилліоннаго своего народа, и какъ великій преобразователь всей внутренней жизни народной, пріобщившій ее къ культурѣ народовъ Европы и тѣмъ ее двинувшій изъ вѣковой косности на путь съ той поры неостанавливающагося прогресса.—

Въ яркихъ, сильныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ, исполненныхъ не только глубочайшаго уваженія къ великому государю, но и совершенной исторической правды характеризованы огромныя заслуги Петра для Россіи въ извѣстномъ „Актѣ поднесенія Петру Императорскаго титула (см. полное собраніе законовъ. VI. №. 3, 940, за 1721 годъ).

„Твоими неусыпными трудами,—сказано здѣсь отъ лица всей Россіи своему государю,—твоимъ единымъ руководеніемъ мы изъ тмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы всего свѣта и во общество политическихъ народовъ присовокуплены, яко не токмо намъ, но и всему свѣту

извѣстно... Благоволи же отъ насъ во знакъ признанія нашего толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній пріяти титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго“...

Итакъ, Петръ не являлся,—какъ поняли уже его современники,—счастливымъ избранникомъ судьбы, родившимся въ эпоху, удачную для совершенія подвиговъ среди подготовленнаго къ таковымъ, развитаго высоко народа. Онъ не былъ баловнемъ счастья, которому судьба безъ всякихъ усилій съ его стороны посылаетъ многочисленныя удачи, а сила собственнаго народа и слабость враговъ только увеличиваетъ блескъ его славы, добытой легко... Нѣтъ! царь Петръ былъ прежде всего и больше всего тѣмъ „всегда въ работѣ пребывающимъ“ государемъ, о которомъ поэтъ справедливо сказалъ, что онъ „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“.

Но это былъ неустанный и великій работникъ не по чьему-либо принужденію, а только ради сознанія тѣхъ драгоцѣннѣйшихъ благъ для родного народа и государства, какія возможно было пріобрѣсти только путемъ неусыпныхъ и огромныхъ трудовъ.

И сознаніе этого ясно, отчетливо выражено въ томъ письмѣ царя къ патріарху, которое Петръ послалъ изъ Голландіи въ объясненіе своего пребыванія тамъ. „Мы въ Нидерландахъ,—писалъ онъ,—въ городѣ Амстердамѣ, благодарію Божіею и вашими молитвами въ добромъ состояніи живы и, послѣдуя слову Божію, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся въ потѣ лица. Что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы искусясь совершенно, могли возвратясь противъ враговъ имени Христова побѣдителями быть, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, чего до послѣдняго издыханія желать не престану“.—

Задачи, поставленныя себѣ Петромъ по отношенію къ Россіи, были по истинѣ колоссальны: онъ хотѣлъ въ короткое время,—въ періодъ, если возможно, одного поколѣнія преобразовать полуазіатскую Россію въ великое евро-

пейское государство, столь же могущественное въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ среди остальныхъ государствъ тогдашней Европы, сколько цвѣтущее въ смыслѣ культурномъ: сильное просвѣщеніемъ, искусствами и науками, промышленностью, торговлею и разнаго рода культурными учрежденіями, содѣйствующими прогрессу общественной жизни...

Для осуществленія этихъ огромныхъ задачъ требовалась, съ одной стороны, желѣзная воля, неуклонно преслѣдующая намѣчанныя великія цѣли; требовался пламенный патріотизмъ, въ высочайшемъ значеніи этого слова, который давалъ бы силы поддерживать неизсякающій источникъ энергіи въ горячей любви къ своей родинѣ и ея обновленію. Съ другой стороны, необходимъ былъ строгій и ясный, обдуманый планъ всѣхъ многообразныхъ реформъ для того, чтобы провести ихъ въ опредѣленной послѣдовательности и зависимости однѣхъ отъ другихъ...

И проницательный, далеко провидящій умъ великаго преобразователя земли русской, расцѣпывая по степени важности для Россіи предстоящія начинанія, умѣлъ ясно понять, что великія внутреннія реформы отечества возможно осуществить только, тогда когда обезпечена внѣшняя безопасность его отъ враговъ, угрожавшихъ самому бытію государства. Онъ умѣлъ понять, что только послѣ того возможно будетъ приступить спокойно къ преобразованіямъ внутренней жизни Россіи, когда будутъ сломлены, уничтожены силы тѣхъ могучихъ ея враговъ-иноземцевъ, которые стремились къ поработенію, къ подчиненію себѣ этой обширной и богатой страны, но слабой тогда въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Вотъ почему величайшія усилія своего генія и желѣзной воли, и знаній царь Петръ устремлялъ прежде всего и больше всего на борьбу съ могущественными внѣшними врагами Россіи, а изъ всѣхъ нихъ, какъ съ самымъ опаснымъ, со шведами.

Борьба Петра со шведами, вторгшимися въ предѣлы Россіи подъ начальствомъ Карла XII, была для Россіи вои-

росомъ жизни или смерти, какъ самобытнаго государства. Побѣдою въ этой долгой борьбѣ, длившейся нѣсколько лѣтъ, рѣшался вопросъ: быть ли Россіи впредь въ подчиненіи иноземцамъ, какъ второстепенному и слабому государству, неспособному къ самостоятельной жизни культурной и политической; или же войти ей въ семью европейскихъ великихъ державъ, какъ равноправному члену этой семьи, какъ самобытному, могучему и культурному государству. Побѣда Петра въ этой долгой и тяжелой борьбѣ должна была обезпечить ему возможность проведенія въ жизнь задуманныхъ имъ великихъ реформъ; поражение означало бы для Россіи не только военный позоръ, но и остановку въ культурномъ развитіи государства, невозможность осуществленія какихъ бы то ни было преобразованій во внутренней жизни Россіи.

И когда побѣда въ этой страшной для бытія государства борьбѣ была достигнута Петромъ съ такимъ блескомъ и силою, съ такою рѣшительностью и такимъ полнымъ уничтоженіемъ могучихъ прежде враговъ, о какомъ русскій царь не смѣлъ и мечтать, начиная великую сѣверную войну, — онъ долженъ былъ и имѣлъ право гордиться этой побѣдой, какъ самымъ славнымъ дѣяніемъ за время всего своего славнаго царствованія.

Необходимо было сохранить для потомковъ поучительную исторію этой войны, въ которой слабая русская армія, неоднократно разбитая опытной шведскою арміей, умѣла подъ гениальнымъ руководствомъ Петра и его сподвижниковъ сдѣлаться сильной, могучей и изъ побѣждаемой превратиться въ славную побѣдительницу... Нужно было показать, какъ самые жестокіе уроки, какіе русскія войска претерпѣвали отъ шведовъ, русскіе полководцы и армія успѣли использовать для того, чтобы достигнуть небывалыхъ успѣховъ и побѣдить самихъ учителей своихъ въ военномъ искусствѣ.

И объ этомъ озаботился самъ Государь-побѣдитель. Онъ поручилъ нѣсколькимъ выдающимся лицамъ своего времени составить правдивую, точную и неприкрашенную исторію ве-

ликой сѣверной войны, или какъ она была тогда названа: „Гисторію Свейской войны“.

Но когда епископъ Теофанъ Прокоповичъ и баронъ Гюйсенъ представили Петру свои слабыя работы по исторіи этой войны,—онъ остался ими весьма недоволенъ, отвергнувъ ихъ и поручилъ написать исторію своему кабинетъ—секретарю Макарову. Въ теченіе 4 лѣтъ составлялъ ее Макаровъ на основаніи подлинныхъ журналовъ походовъ, на основаніи донесеній полководцевъ, министровъ, и на другихъ точныхъ данныхъ. Самъ царь руководилъ всею этой большой исторической работой, давая свои указанія и поясненія общаго хода войны по личнымъ своимъ яркимъ воспоминаніямъ. Тѣмъ не менѣе, когда „Гисторія Свейской войны“ была закончена Макаровымъ и поднесена на разсмотрѣніе Государю, онъ не оставилъ въ ней почти ни одной страницы, ни одной главы неисправленной... Руководясь стремленіемъ только къ правдѣ, онъ измѣнилъ цѣлыя описанія сраженій, если они были неточно изложены, ибо самъ сохранялъ въ своей памяти съ поразительной яркостью всѣ подробности этихъ сраженій. Онъ умѣрилъ повсюду восторженные хвалебныя выраженія, въ которыхъ Макаровъ писалъ о дѣяніяхъ и личности своего Государя. Онъ исправлялъ самый языкъ этой исторіи, замѣняя туманныя, растянутыя и неясныя фразы простыми, но ясными и опредѣленными.

И когда послѣ всѣхъ такихъ исправленій царя, Макаровъ, переписавши „Гисторію“, вторично поднесъ ее Государю,—Петръ снова пересмотрѣлъ и исправилъ въ ней еще другія мѣста и поручилъ опять переписать всю работу. Такая же участь постигла „Гисторію“ и въ третьей, редакціи и въ четвертой: Петръ снова и снова ее исправлялъ, такъ что отъ первоначальныхъ замѣтокъ Макарова не осталось почти ничего и послѣ всѣхъ исправленій можно сказать, что въ цѣломъ и главныхъ частяхъ „Гисторія Свейской войны“ является трудомъ самого Государя, великимъ памятникомъ историческимъ и литературнымъ въ честь великихъ дѣяній его.

Такъ понималъ самъ Петръ чрезвычайную важность своей долгой борьбы со шведами и побѣды надъ ними. И въ „Гисторіи Свейской войны“, въ которой, — по справедливому замѣчанію Устрялова¹⁾, — русскій Государь не уступаетъ въ главномъ достоинствѣ, въ достовѣрности, ни знаменитымъ запискамъ Юлія Цезаря о Гальской войнѣ, ни военнымъ запискамъ Фридриха Великаго, — онъ воздвигъ монументъ историческій и литературный столь же величественный, сколько величавы, и безсмертны, и достойны увѣковѣченія были и самыя дѣянія Петра и его сподвижниковъ и всей арміи русской въ этой замѣчательной по ходу событій войнѣ.

Съ своей стороны, и искусство увѣковѣчило память объ этой войнѣ и славной Полтавской побѣдѣ Петра въ цѣломъ рядѣ художественныхъ произведеній, которыя иллюстрируютъ достаточно ярко въ особенности рѣшительное сраженіе вражескихъ армій подлѣ Полтавы и побѣду русскихъ надъ шведами.

Изображенія Полтавскаго боя въ различные моменты его, равно какъ и тѣхъ торжествъ, которыми была ознаменована закончившая его побѣда Петра надъ шведами, дошли до насъ въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ художественныхъ произведеній. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь наиболѣе выдающіяся изъ нихъ.

1). Одинъ изъ первыхъ моментовъ только — что начавшагося подлѣ Полтавой сраженія представленъ въ большой и чрезвычайно сложной по композиціи гравюрѣ, которую и Д. А. Ровинскій въ его изданіи „Русскіе гравюры“, Москва, 1870²⁾, и Брикнеръ въ его „Исторіи Петра Великаго“, стр. 460, (образецъ гравюръ съ современной гравюры Шхонебека) неправильно относили къ произведеніямъ рѣзца извѣстнаго современнаго Петру гравера Шхонебека. Въ дѣйствительности, эта гравюра была исполнена не Шхонебекомъ, который

¹⁾ Н. Устряловъ: Исторія царствованія Петра Великаго, т. I, стр. 51.

²⁾ Въ своемъ позднѣйшемъ «Словарѣ русскихъ гравиров. портретовъ» 1889 г., т. II, №. 537. Ровинскій впрочемъ исправляетъ свою ошибку.

НИИ НАСЛЕДИЯ
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ
Историко-культурный институт
наследия
г. Москва

умеръ еще въ 1705 году, т. е. за 4 года раньше Полтавской битвы, а другимъ не менѣе извѣстнымъ современникомъ Петра, граверомъ *И. Пикаромъ* въ 1710 году.

Въ гравюрѣ этой мы видимъ начало сраженія и первыя военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ ¹⁾). На обширной равнинѣ передъ Полтавой, которая виднѣется въ глубинѣ плана на возвышенной площади, окруженной стѣнами, — на пространствахъ нѣсколькихъ верстъ размѣщаются большія колонны русскихъ и шведскихъ войскъ: пѣхоты, конницы, артиллеріи, раздѣленные другъ отъ друга опредѣленными промежутками. Между частями войскъ съ обѣихъ сторонъ видны брустверы, окопы, редуты и другія защитныя укрѣпленія.

Непріятельскія войска уже сближаются одни съ другими къ общему центру и артиллерія уже начала свои дѣйствія, какъ указываютъ на это цѣлыя облака дыма порохового, клубящагося въ различныхъ мѣстахъ поля сраженія вокругъ многочисленныхъ пушекъ, дающихъ первые залпы по войскамъ непріятеля.

На первомъ планѣ подлѣ небольшой группы деревьевъ, служащихъ нѣкоторымъ прикрытіемъ отъ вражескихъ выстрѣловъ, на бѣломъ конѣ ѣдетъ самъ Петръ, окруженный своими вождами, испытанными въ прежнихъ бояхъ и побѣдителями въ предстоящемъ сраженіи. Поднявши въ правой рукѣ свою шпагу и обернувшись къ своимъ полководцамъ и близко стоящимъ къ нему частямъ русскаго войска, царь обращается къ нимъ съ извѣстною горячею рѣчью, воодушевляющею ихъ на рѣшительный бой. Слева отъ этой свиты Петра, также всѣ на коняхъ, сидятъ трубачи, подающіе сигналъ къ наступленію; а справа подъ звуки сигнала уже выступаютъ въ сраженіе ближайшія къ Петру части войскъ.

II). Приблизительно такой же *начальный моментъ*, но въ иной композиціи, довольно несовершенной по исполненію, изоб-

¹⁾ Рис. № 1. Гравюра эти весьма тонкой работы и композиція ея, несмотря на огромное число фигуръ, отличается замѣчательной ясностью и отчетливостью какъ цѣлаго, такъ и всѣхъ мелкихъ деталей въ оригиналѣ.

раженъ на народной картинкѣ, гравированной рѣзцомъ (упомянута у Ровинскаго: словарь русскихъ грав. портретовъ т. II, подъ № 551). Картинка эта представляетъ собой, какъ произведеніе, назначенное для широкаго распространенія въ народѣ, интересъ не столько своей композиціей, неискусно исполненной почти неизвѣстнымъ художникомъ А. Белянкинымъ въ 1850 году и маложиленной, сколько тою длинною надписью, въ которой увѣковѣчивалась прекрасная, полного истиннаго величія и самоотверженности, рѣчь Петра предъ Полтавскимъ сраженіемъ. Вотъ эта надпись подъ самой картинкой, дающая и описаніе ея композиціи, и содержаніе рѣчи Петра.

„Петръ Великій, построивъ стоящую подъ Полтавою армію свою въ боевой порядокъ; ставъ посреди фрунта, обратился къ ней лицомъ и, держа обнаженный мечъ, произнесъ къ воинству съ видомъ безстрашія, спокойствія и надежды исполненнымъ, слѣдующія слова, достойныя вѣчной памяти. „Воины! Се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Должны вы помышлять, что сражаетесь не за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти сами вы побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте передъ очами вашими въ сраженіи правду и Бога, поборающаго по васъ. На Него единого, яко всесильнаго во бранѣхъ, уповайте. А о Петрѣ вѣдайте, что Ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ваше!“...

III). Самымъ большимъ по размѣрамъ своимъ, самымъ труднымъ по технику исполненія и самымъ дорогимъ по стоимости работы изъ всѣхъ произведеній искусства, посвященныхъ Полтавскому бою, является огромная мозаическая картина, заказанная въ 1760 году знаменитому Ломоносову, ученому и поэту, который въ то же время стоялъ во главѣ устроенной имъ при Академіи Художествъ мозаичной фабрики.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ была исполнена эта огромная мозаика, имѣвшая въ ширину 9 аршинъ и въ вышину 6 $\frac{1}{2}$ аршинъ. По первоначальному плану она должна была вмѣстѣ съ девятью другими большими мозаическими картинами украшать стѣны Петербурскаго Петропавловскаго собора, внутри котораго предполагалось также поставить колоссальный саркофагъ съ огромною статуей самого Петра... Обширные замыслы эти однако не были выполнены, и только «*Полтавская баталія*», какъ сюжетъ, казавшійся Ломоносову изъ всѣхъ остальныхъ наиболѣе важнымъ и интереснымъ, была воспроизведена въ той мозаикѣ, которая въ теченіе долгого времени сохранялась въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ она закрѣплена была въ стѣнѣ въ мастерской (прежде профессора Виллевальде) при помощи металлической рамы; нынѣ мозаика эта въ находится Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ въ Петербургѣ ¹⁾. Многофигурная композиція мозаики, описанная въ свое время уже самимъ Ломоносовымъ, представляетъ Полтавскую битву въ тотъ моментъ ея, когда по выраженію Ломоносова, — «Петръ Великій въ немалой опасности въ послѣдній разъ выѣхалъ къ сраженію при наклоненіи въ бѣгство Карла». Самъ Петръ (въ натуральную величину своей громадной фигуры) скачетъ на могучемъ конѣ, а за нимъ славнѣйшіе его полководцы: Меншиковъ, Шереметевъ, Голицынъ и нѣкоторые другіе, причѣмъ всѣ лица въ этой мозаикѣ воспроизведены Ломоносовымъ по лучшимъ портретамъ, сохранившимся до его времени отъ знаменитыхъ участниковъ Полтавскаго боя. Вокругъ Петра, защищая его отъ враговъ, въ среду которыхъ неустрашимый царь бросился такъ отважно, русскіе воины колютъ и рубятъ, и стрѣляютъ шведскихъ солдатъ, угрожающихъ государю и свитѣ его. Позади государевой свиты слѣдуютъ тру-

¹⁾ Главная часть ея воспр. нарис. № 2. По словамъ Д. А. Ровинскаго оригиналомъ для нея послужила картина придворнаго живописца Пьера Дени Мартена младшаго, находившаяся въ большомъ царскосельскомъ дворцѣ. Мозаика не была закончена Ломоносовымъ.

бачи и литаврщики, и знаменщики со штандартами и знаменами. На полѣ сраженія видны многочисленные трупы и шведскія войска, отступающія отъ русскихъ среди облаковъ дыма, производимаго усиленною стрѣльбою съ обѣихъ сторонъ. Въ глубинѣ представленъ сидящій въ коляскѣ Карлъ XII, окруженный своими трабантами и рукою подающій знакъ къ продолженію битвы. Сраженіе между вражескими войсками ведется ожесточенно; видно много убитыхъ и раненыхъ; но побѣда уже явно склонилась на сторону русскихъ, которые въ правой части картины преслѣдуютъ уже бѣгущіе отъ нихъ шведскіе полки, разбитые русскими героями, несмотря на отчаянное сопротивленіе храбраго непріятели. Въ дали горизонта виднѣется въ клубахъ дыма Полтава, изъ которой артиллерія выстрѣлами своими по шведскимъ войскамъ помогаетъ уничтоженію непріятельской арміи. Въ верху надъ мозаикой изображенъ пишущій апостолъ Павелъ, а ниже начертана надпись, взятая изъ его посланія, съ слѣдующими словами: „Богъ по насъ; кто на ны“...

IV). *Заключительный моментъ Полтавскаго боя показанъ въ большой, красиво и жизненно исполненной, картинѣ профессора Коцебу, гравированной впослѣдствіи Паннемакеромъ*¹⁾. Сраженіе только-что закончилось побѣдой Петра и его войска надъ шведами. На первомъ планѣ обширной равнины, гдѣ происходила передъ тѣмъ жестокая битва, въ центрѣ всей композиціи изображенъ самъ Петръ, скачущій на бѣломъ конѣ. Его окружаютъ побѣдители полководцы,—вся „славная стая птенцовъ гнѣзда Петрова“, къ которымъ присоединился и недавно передъ тѣмъ выбранный вмѣсто Мазепы гетманъ Скоропадскій. Царь вмѣстѣ со свитой въ горделивой и радостной позѣ подъѣзжаетъ къ стоящей слѣва (для зрителя) группѣ побѣжденныхъ шведскихъ вождей, среди которыхъ видны и раненые; и въ это самое время знамена, отнятыя у шведовъ, склоняются

¹⁾ Картина эта воспроизведена по гравюрѣ Паннемакера въ сочиненіи Брикнера: «Исторія Петра Великаго», стр. 460. См. рис. № 3.

НИИ БИБЛИОТЕК
И Музейной работы
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

къ самой землѣ передъ царственнымъ побѣдителемъ; побѣжденные генералы, снявши шляпы, почтительно преклоняются передъ нимъ; а стоящіе слѣва конные трубачи и литаврщики торжественной музыкою привѣтствуютъ своего Государя, одержавшаго величайшую изъ побѣдъ надъ могучимъ и храбрымъ раньше врагомъ. По широкой равнинѣ разбросаны въ группахъ и конныхъ, и пѣшихъ, закончившія сраженіе части войскъ; и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ клубы дыма указываютъ на послѣдніе выстрѣлы сражающихся кое-гдѣ непріятелей. Побѣда добыта царемъ Петромъ и войсками его цѣною огромныхъ усилій и величайшаго мужества, и потому такъ величаво и радостно встрѣчаются въ этотъ моментъ побѣдители съ побѣжденными.

Въ извѣстной упомянутой уже выше „Гисторіи Свейской войны“, вышедшей подъ непосредственною редакціею самого Петра, объ этой величайшей побѣдѣ, одержанной русскими войсками, написано: „Тако милостію Всевышняго одержана совершенная викторія, которой подобной мало и слыхано, противъ гордаго непріятеля черезъ самого Государя, персональной, храброй и мудрой приводъ, и черезъ храбрость начальниковъ и солдатъ. Ибо самъ Государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы поступалъ, какъ доброму полководцу надлежитъ“.

Гордый одержанной блестящей побѣдой, упоенный счастьемъ и радостью, въ виду достиженія завѣтной мечты объ одолѣніи стариннаго и грознаго врага Русскаго государства, который такъ долго считался непобѣдимымъ, — царь-побѣдитель тутъ же на полѣ законченнаго сраженія устраиваетъ, послѣ благодарственнаго молебна, торжественное пиршество. Онъ приглашаетъ къ столу не только своихъ генераловъ, славныхъ сотрудниковъ въ достигнутой имъ побѣдѣ, но и взятыхъ въ плѣнъ шведскихъ военачальниковъ, которыхъ Петръ въ своемъ рыцарскомъ благородствѣ считалъ учителями своими въ военномъ искусствѣ. Въ числѣ этихъ плѣнниковъ находились здѣсь самъ фельдмаршалъ Рейншильдъ,

генералы Шлиппенбахъ, Розенъ и другіе знаменитые участники Сѣверной войны, а также графъ Пиперъ, первый министръ шведскаго короля. Во время обѣда Петръ всталъ и поднявши бокаль, полный вина, провозгласилъ торжественный тостъ, едва ли могущій сравниться по великодушію своему съ какими-либо другими: тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. И когда фельдмаршалъ Реншильдъ спросилъ Государя, кто эти учителя, Петръ отвѣчалъ: „Это вы, господа шведы, научившіе насъ побѣждать“. На это фельдмаршалъ въ свою очередь отвѣтилъ царю: „плохо однако ученики отблагодарили своихъ наставниковъ въ этомъ искусствѣ“.

Торжественное пиршество Петра и его генераловъ вмѣстѣ съ плѣненными шведскими генералами прекрасно описано въ звучныхъ стихахъ Пушкинской „Полтавы“, которыми поэтъ заключаетъ описаніе битвы Полтавской.

„Пируетъ Петръ. И городъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ“...

Этотъ торжественный пиръ послѣ славной победы возсозданъ былъ въ художественныхъ произведеніяхъ нѣсколько разъ, и для нашего времени сохранились (какъ выяснилось изъ нашихъ розысканій по этому предмету), три различные по характеру въ самой трактовкѣ сюжета художественныя композиціи. Изъ нихъ двѣ—на гравюрахъ и одна на чеканномъ серебряномъ блюдѣ.

Посмотримъ теперь, какъ-же въ нихъ трактовалась эта интересная тема?

V). *Наибольшую сложностью и многофигурностью отличается та композиція, какую представилъ нѣмецкій художникъ Weinrauch въ своей гравюрѣ, исполненной имъ въ 1793 году въ Вѣнѣ для чрезвычайно рѣдкаго нынѣ изданія Millot: Universalhistorie alter, mittler und neuer Zeit. IX Band. Wien. 1794.* Пиршество происходитъ въ богатыхъ чертогахъ дворца, весьма сложной архитектуры, съ арками на колоннахъ, съ роскошнымъ балдахиномъ на первомъ планѣ налѣво; подъ этимъ балдахиномъ на тронѣ сидитъ самъ Петръ въ мѣховой шапкѣ съ султаномъ, въ богатомъ кафтанѣ и поверхъ него въ царской мантии; рядомъ съ нимъ за столомъ сидитъ супруга царя Екатерина. Дальше за тѣмъ же столомъ, богато уставленнымъ блюдами, сидятъ многочисленные участники пиршества: мужчины въ перемежку съ дамами въ роскошныхъ придворныхъ костюмахъ. Всѣ гости держатъ въ рукахъ бокалы, въ которые виночерпій наливаетъ вино. Царь Петръ поднимаетъ въ этотъ моментъ большой свой бокалъ и произноситъ извѣстный тостъ за здоровье своихъ учителей въ военномъ искусствѣ,—за шведовъ. Сцену пиршества дополняютъ здѣсь фигуры придворныхъ, стоящихъ за креслами пирующихъ; стражи, охраняющей своего государя; прислуги, разносящей пирующимъ блюда съ пищею и вино, и оркестръ трубачей въ глубинѣ залы, которые приготовились встрѣтить царскій торжественный тостъ трубными звуками ¹⁾).

Нетрудно замѣтить, что вся эта многофигурная композиція какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, совершенно не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, хотя довольно высокія

¹⁾ Гравюра эта упомянута, впрочемъ безъ описанія ея композиціи, Д. А. Ровинскимъ въ его подробномъ словарѣ русскихъ гравиров. портретовъ, т. II, подъ № 553 (о Петрѣ I).—Подпись подъ этой гравюрой имѣетъ слѣдующаго содержанія: Weinrauch fecit. Wienne 1793. Peter Czaars Betragen nach dem Sieg gegen seine Feinde. Er zog die vornehmsten Schwedischen gefangenen an seine Tafel und sagte ihnen: «Ich trincke auf die Gesundheit meiner Lehrer in der Kriegskunst»!—Worte, welche ihm nicht weniger, als ihnen Ehre machten. Рис. № 4.

качества исполненія этой гравюры въ техническомъ отношеніи и по стилю обнаруживаютъ рѣзецъ опытнаго гравера. Въ дѣйствительности, (какъ это очевидно изъ всѣхъ историческихъ описаній Полтавскаго боя), пиршество побѣдителей въ этомъ бою вмѣстѣ съ плѣнными, побѣжденными шведами происходило въ самый день Полтавской побѣды за столами, поставленными на самомъ полѣ сраженія подлѣ шатровъ. Въ простой обстановкѣ, подъ открытымъ небомъ, среди трофеевъ побѣды, сошлись на этомъ пиру побѣдители съ побѣжденными: ни дворцовыхъ пышныхъ чертоговъ; ни роскошно одѣтыхъ придворныхъ дамъ съ императрицею во главѣ; ни дорогой золотой и серебряной утвари, — ничего изъ всего того, чѣмъ изукрасилъ и обставилъ пиръ Петра въ своей гравюрѣ нѣмецкій художникъ Weinrauch, не было въ дѣйствительности на этомъ пиру, гдѣ благородная простота боевой обстановки естественно сочеталась съ величіемъ дѣйствующихъ здѣсь историческихъ лицъ и важной торжественностью изображаемаго момента.

VI). Въ противоположную крайность впадаетъ французскій художникъ, возсоздавшій тотъ же сюжетъ на гравюрѣ 1813 года, которая помѣщена въ книгѣ *Blin de Saintmore: Histoire de Russie. Paris 1813. t. III, pag. 41*, и принадлежитъ рѣзцу извѣстнаго въ свое время гравера Давида (*F. A. David*), исполнившаго гравюру по рисунку Monnet. Здѣсь композиція и чрезмѣрно упрощена, опять въ извращеніе исторической правды, и по типамъ и обстановкѣ столь же не отвѣчаетъ дѣйствительности, какъ и первая. За небольшимъ столомъ, покрытымъ длинною скатертью, какъ бы подъ навѣсомъ шатра, огороженнаго на заднемъ планѣ заборомъ, сидитъ на креслѣ царь Петръ съ непокрытою головою. На немъ кафтанъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ и расшитые длинные брюки; лѣвая рука опирается на эфесъ кривой сабли; правую онъ протягиваетъ къ шведскому генералу, подходящему къ столу и одѣтому поверхъ кафтана въ длинную мантию; на головѣ генерала большая мѣховая

НИ БИОИСТОРИЧЕСКАЯ
в Музейно-библиотечной
коллекции

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Библиотечная
 НИ И-та Краеведческой
 и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
 НИ И-та Краеведческой
 и Музейной работы

шапка съ султаномъ. Прикладывая руку къ сердцу и слегка преклоняясь передъ царемъ, генераль какъ бы изъясняетъ ему покорность... Вмѣстѣ съ Петромъ сидятъ за столомъ четыре русскихъ военачальника, а за кресломъ царя стоитъ воинъ, одѣтый подобно шведскому генералу, приподнимая край полога. Позади шведскаго генерала видны три другія фигуры. На землѣ у ногъ Петра лежатъ нѣсколько шведскихъ знаменъ. Работа гравюры-неискусная, грубая. Изображенные здѣсь лица не имѣютъ ни малѣйшаго портретнаго сходства ни съ Петромъ, ни съ кѣмъ либо изъ его сподвижниковъ, ни съ шведскими генералами, участвовавшими въ Полтавскомъ сраженіи. Одежды всѣхъ дѣйствующихъ лицъ фантастичны и совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, показывая полное незнакомство французскаго художника съ костюмами русскими, какъ и шведскими. Композиція въ цѣломъ лишена жизни и того одушевленія, которымъ она должна быть проникнута въ соотвѣтствіи съ характеромъ изображаемаго момента ¹⁾).

VII). Гораздо выше обѣихъ описанныхъ сейчасъ гравюръ и по трактовкѣ сюжета, и по строгому соотвѣтствію съ исторической дѣйствительностью, стоитъ композиція, воспроизводящая пиръ Петра на серебряномъ блюдѣ чеканно-выбивной работы, находящемся въ коллекціи автора предлагаемаго доклада. Блюдо это было исполнено, согласно единодушному опредѣленію такихъ знатоковъ этого рода художественныхъ произведеній, какъ завѣдующій музеемъ Строгановскаго училища въ Москвѣ В. Ф. Ноаковскій и преподаватель по исторіи русскаго искусства въ томъ же училищѣ Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, — около середины XVIII столѣтія, въ эпоху Елизаветы Петровны (или нѣсколько позже) въ одномъ изъ городовъ южной Россіи, повидимому, въ Кіевѣ. Присоединяемся къ этому опредѣленію

¹⁾ Подпись подъ этою гравюрой: Pierre, après la bataille de Pultawa, dine dans son camp avec les généraux suédois en 1709, — мало соотвѣтствуетъ композиціи самой гравюры. Рис. № 5.

времени и происхожденія блюда ¹⁾). Композиція эта, состоящая изъ 17 фигуръ, столько же оживлена по группировкѣ всѣхъ участниковъ сцены, по ихъ позамъ и жестамъ, сколько и правдива по той обстановкѣ, въ какой здѣсь представлено дѣйствіе.

Пиршество послѣ побѣды, какъ это было и въ самой дѣйствительности, изображено тутъ ²⁾ происходящимъ на самомъ полѣ сраженія, подлѣ поставленныхъ здѣсь же шатровъ. За двумя столами, покрытыми скатертями, стоятъ и сидятъ на низкихъ скамьяхъ, также покрытыхъ богатыми покрывалами, русскіе полководцы и шведскіе генералы, гетманъ малороссійскій, а подлѣ нихъ, подающіе блюда и кубки, царскіе слуги. Самъ Петръ, поднявшись съ своего мѣста, высоко поднимаетъ въ правой рукѣ свой кубокъ, провозглашая торжественный тостъ за здоровіе своихъ учителей въ военномъ искусствѣ. Фельдмаршалъ Реншильдъ, сидящій на первомъ планѣ подлѣ царя, также приподнимаетъ въ этотъ моментъ свой кубокъ, отвѣчая на тостъ, предложенный побѣдителемъ. Подлѣ шатровъ и пирующихъ разставлены русскія и шведскія знамена. Справа и слѣва видны деревья. Подъ сценою пиршества награвирована надпись: „Петръ Великій пируетъ послѣ полтавской битвы“. Вокругъ всей композиціи идетъ двойной орнаментъ сначала изъ листковъ золотыхъ и серебряныхъ попеременно, а далѣе изъ вѣтокъ съ плодами. По четыремъ угламъ размѣщены 4 двуглавыхъ орла съ вензелями на нихъ Петра Великаго.

Таковы главные сохранившіяся для насъ художественныя произведенія, посвященныя памяти славной побѣды Петра и его войскъ надъ шведскою арміею подъ начальствомъ Карла XII,—побѣды, одержанной подъ Полтавой 27 іюня 1709 года.

¹⁾ Блюдо это, до сихъ поръ нигдѣ не опубликованное, находилось на выставкѣ въ Екатеринославѣ, устроенной XIII Археологическимъ съѣздомъ, въ 1905 г.

²⁾ Рис № 6.

И если многократно воспроизводилась она въ искусствѣ; если въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ своего царствованія самъ Петръ называлъ этотъ торжественный день—„днемъ воскресенія для Россіи“, днемъ „преславной викторіи“; „началомъ благополучія нашего и спасенія“;—если такъ долго и много работалъ онъ самъ надъ „Гисторіей свейской войны“, чтобы оставить потомкамъ правдивое и точное ея описаніе; если теперь черезъ 200 лѣтъ вся Россія празднуетъ день Полтавской побѣды, какъ одно изъ величайшихъ событій въ своей тысячелѣтной исторіи,—то все это естественно и понятно.

Полтавская побѣда Петра была,—по справедливому замѣчанію Вольтера (въ его „исторіи Россійской имперіи при Петрѣ Великомъ“)—едва-ли не единственною побѣдой, послѣдствіемъ которой было не разрушеніе, а счастье человѣчества, ибо она дала царю широкій просторъ и спокойствіе, необходимыя ему для великихъ преобразованій всей русской жизни...

Долговременная война съ храброю и опытною шведскою арміей, руководимой искусными полководцами, воспитала постепенно превосходную боевую русскую армію изъ прежней слабой и неумѣлой. Страшное пораженіе шведовъ подъ Полтавою (и затѣмъ Переволочною), уничтоживши самого опаснаго и могучаго раньше врага и сосѣда Россіи на сѣверѣ, дало возможность окончательно утвердиться Россійскому государству и столицѣ ея на берегахъ Балтійскаго моря и уже навсегда сохранить морскіе пути на западъ,—въ Европу и заокеанскія страны, со всѣми неисчислимыми благотворными послѣдствіями этого. А внутри самой Россіи эта побѣда надъ шведами сдѣлала возможными для великаго государя, мечтавшаго только о благѣ отечества, спокойно и безъ боязни новыхъ нашествій враговъ-чужеземцевъ,—провести въ жизнь цѣлый рядъ огромныхъ и важныхъ реформъ, преобразовавшихъ весь государственный строй Россіи на новыхъ культурныхъ началахъ и вводившихъ преобразованное отечество наше въ семью великихъ европейскихъ народовъ.

Закключаемъ докладъ нашъ словами лучшаго изъ историковъ царствованія Петра Великаго, проф. С. М. Соловьева. (Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Москва 1872 г., стр. 73) „Полтавская побѣда была однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій. Могущество Швеціи, созданное искусственно посредствомъ завоеваній, было сокрушено. Исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и передъ изумленными народами запада явилось новое и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшіеся до тѣхъ поръ непобѣдимыми... При громѣ Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ. Но и не одинъ народъ: при громѣ этой битвы родилось новое племя,—племя славянское, нашедшее для себя достойнаго представителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни“...

Въ европейской исторіи наступила съ этой поры новая эпоха, и обновленная и сильная Россія съ этого времени пріобрѣла рѣшающее значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ европейскихъ народовъ...

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Въ виду того, что въ докладѣ, прочитанномъ въ годичномъ засѣданіи Общ. Арх., Ист. и Этн., вслѣдствіе ограниченности отведеннаго для него времени могли быть описаны и демонстрированы свѣтовыми картинами не всѣ, а лишь наиболѣе характерныя изъ произведеній, относящихся къ Полтав. побѣдѣ, въ послѣдовательности важнѣйшихъ моментовъ событія,—приводимъ здѣсь въ приложеніи списокъ другихъ извѣстныхъ худож. произведеній (исключая архитектурныхъ), въ которыхъ воссозданы въ разнообразныхъ композиціяхъ тѣ-же или иные еще моменты этого великаго историческаго акта.

I) Картина, гравиров. на мѣди Патрикiемъ Балабинымъ въ 1778 г. и нынѣ хранящаяся въ Полтав. Вскресен. соборѣ. Исполнена по заказу полт. жителя П. Я. Руденко въ память избавленiя его отца изъ швед. плѣна; композицiя ея представляется измѣненной въ немногихъ деталяхъ копiей съ гравюры Пикара, воспроизв. въ наш. докл. подъ № 1. Вверху добавлены фигуры Христа и молящагося св. Самсонiя въ облакахъ.

II) Современная гравюра съ надписью вверху, поддерж. генiями: „баталiя Полтавская“: весьма сложная, многофигурная и запутанная въ своей композицiи, воспроизводящей битву въ разгарѣ ея. Среди массы мелкихъ фигуръ сражающихся помѣщается слѣва огромная фигура Петра на конѣ.

III. Картина франц. художника Натъе, исп. въ 1715 г. и наход. въ Зимнемъ дворцѣ. На первомъ планѣ направо группа Петра со свитою на коняхъ близко напоминаетъ таковую-же на гравюрѣ Пикара (№ 1); обѣ сражающiяся армiи сошлись на близкое растоянiе; все пространство между ними покрыто дымомъ отъ перестрѣлки.

IV) Упомянутая въ примѣчанiи на 11 стр. наш. доклада картина Пьера Дени Мартена Младшаго, исполн. въ 1726 г., нынѣ въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ. Въ композицiи главной группы на первомъ планѣ, дѣйствительно, ясно сходство съ мозаикой Ломоносова. Картина эта была воспроизведена и въ гравюрахъ.

V—VII) Три гравюры неизв. художниковъ,—одна русскаго съ надписью вверху на лентѣ: „баталiя Полтавская“; двѣ другiя иностранныхъ художниковъ. Изъ нихъ на одной надпись на голланд. и франц. яз. гласитъ: „совершенная побѣда одержанная московитами надъ шведами подлѣ Полтавы (на 2¹/₂ градуса отъ Чернаго моря) въ iюлѣ 1709 года“. На другой—французская надпись слѣд. содержанiя: „побѣдоносное сраженiе его царскаго величества выигранное противъ шведскаго короля при Полтавѣ въ Украинѣ 27 iюня (11 iюля) 1709 года“. Композицiи всѣхъ трехъ гравюръ, представляю-

щихъ средніе моменты сраженія, съ трудомъ поддаются точному описанію по своей запутанности и неопредѣленности.

VIII) Картина академика В. К. Шебуева, исп. въ 1807 г., нынѣ въ Полтав. кадет. корпусѣ. На перв. планѣ на конѣ скачетъ рядомъ со знаменосцемъ и свитою Петръ; надъ нимъ въ облакахъ два летящихъ генія, одинъ трубящій, другой съ вѣнкомъ и пальм. вѣткой. На второмъ планѣ—сраженіе.

IX) Аллегорич. гравюра, исп. Даніиломъ Голяховскимъ въ 1709 г. въ Кіевѣ и поднесенная Петру Теофаномъ Прокоповичемъ, и подобная же картина, находящаяся въ Крестовоздвижен. монастырѣ въ Полтавѣ. Царь Петръ (въ центрѣ композиціи) скачетъ на конѣ съ поднятой въ правой рукѣ шпагой; конь его топчетъ ногами опрокинутое чудовище. Окружающіе Петра у ногъ его коня шведы протягиваютъ ему свои шпаги эфесами впередъ въ знакъ покорности. На второмъ планѣ видна Полтава и войска. Гравюра и картина сопровождаются длинными пояснительными надписями.

Къ моментамъ, непосредственно слѣдующимъ за Полтав. побѣдой относятся еще: картина В. Черикова, (воспроизв. по рисунку Иванова въ соч. „Живописный Карамзинъ т. III, 1844 г.): „Петръ I послѣ Полт. побѣды возвращаетъ плѣннымъ шведскимъ генераламъ ихъ шпаги“. И два варіанта композиціи, имѣющейся на серебр. блюдѣ, опис. въ докладѣ: „Петръ Великій пируетъ послѣ Полтав. битвы“. Изъ нихъ одинъ варіантъ на картинѣ масл. кр., исполн. проф. ист. живописи А. Кошелевымъ; другой на небольшой серебряной рельефной картинѣ, заключен. въ деревян. рамку и находящейся въ коллекціи г-на Массина въ Калугѣ.

Произведеніямъ этимъ будетъ нами посвященъ особый докладъ.

Ал. М. Мионовъ.

I.

Книга Казанскаго муллы Шигаб-ед-дина Марджани.

النسمة الأولى من كتاب مستفاد الأخبار في أحوال قزان وبلغار. ١٨٨٥

Т. е. первая часть изъ книги полезныхъ извѣстій о состоянїи Казани и Булгара (Казань. Типогр. Унив., 267 стр. 8^о 1885 г.), ¹⁾ —обращаетъ на себя вниманіе потому уже, что авторъ ея среди Казанскихъ мухаммеданъ считался и до сихъ поръ считается ученымъ мужемъ, замѣчательнымъ или „настоящимъ“ историкомъ ²⁾).

Намъ—русскимъ не излишне узнать, какія возрѣнія на русскую исторію имѣетъ мулла Шигаб-ед-динъ и какія онъ въ ней открываетъ новыя стороны, доселѣ, быть можетъ, ускользавшія отъ взора русскихъ историковъ.

Мулла Шигаб-ед-динъ изложилъ всю русскую исторію, начиная съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Государя Императора Александра III.

Прежде чѣмъ представить переводъ этой исторіи, я долженъ замѣтить, къ сожалѣнію, то не мало удивившее меня обстоятельство, что мулла Шагиб-ед-динъ ни однимъ словомъ не обна-

¹⁾ 2 ое изданіе I части книги Шигаб-ед-дина Аль-Марджани, напечатано въ 264 стр. въ 8^о на счетъ братьевъ Кяримовыхъ, въ Казани, въ 1897 году, въ Типографіи Б. Л. Домбровскаго, безъ перемѣнъ. Глава о Руси, въ изданіи Кяримовыхъ настр. 41—48. Первое изданіе II части той же книги содержитъ въ себѣ исторію мечетей, муллъ и муфтіевъ Булгаро-Казанскаго района и напечатано въ 368 стр. въ 8^о, 1900 г., въ Университетской типографіи, на счетъ купца Бакирова. *Примѣчаніе редакци.*

²⁾ Шигаб-ед-дину принадлежитъ также «очеркъ исторіи Болгар. и Казан. царствъ», помѣщенный на стр. 40—58 тома I-го «Трудовъ IV археологическаго съѣзда» (Казань, 1884). *Примѣч. ред.*

ружилъ хотя малѣйшаго сочувствія къ народу, исторію котораго онъ пишетъ; этотъ народъ для него какъ бы совершенно чуждый народъ, съ которымъ онъ не имѣетъ никакихъ положительно отношеній. Впрочемъ, быть можетъ, историкъ и долженъ быть такимъ, т. е. долженъ быть совершенно безпристрастенъ.

Хотя это условіе справедливо, но мулла, въ извѣстномъ и хорошо понятномъ ему смыслѣ, вѣренъ этому началу: въ отношеніи къ русскимъ онъ дѣйствительно не проявляетъ никакихъ выраженій сочувствія, но въ отношеніи, напр. къ Булгарамъ, татарамъ и другимъ мухаммеданствующимъ народамъ у него звучитъ другая нота, которую сей часъ же можетъ слышать и не слишкомъ разборчивое ухо.

Въ книгѣ муллы Шигаб-ед-дина исторія о Руси занимаетъ семь страницъ. Надобно имѣть, слѣдовательно, большое искусство, чтобы изложить Русскую исторію на семи страницахъ! Но мулла исторіи почти не излагаетъ, а передалъ только нѣкоторые факты изъ русской исторіи, притомъ передалъ ихъ такъ, что читатели его, мухаммедане, могутъ только удивляться неблагоразумію Владиміра, который изъ-за вина и свинины не принялъ Ислама, въ истинности котораго будто вполне убѣдился. Принявши вѣру христіанскую, онъ поступилъ, такимъ образомъ, вопреки своему искреннему убѣжденію. Читатели узнаютъ такъ же, что русскіе нѣкоторыхъ изъ своихъ царей, за ихъ заслуги отечеству, изображаютъ на кредитныхъ билетахъ и проч.

Мы представимъ краткій планъ исторіи о Руси муллы Шигаб-ед-дина:

Русскіе происходятъ съ одного острова (стр. 44).

Въ старину русское племя состояло изъ трехъ вѣтвей — Славянъ, Барманіи и Бабармы (тамъ-же).

Государство русскихъ основалось въ 980 г. по Р. Х. или 375 гиджры (тамъ-же).

Новгородъ построенъ спустя 500 л. послѣ Р. Х.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ призваны изъ Германіи.

Русскіе цари происходятъ отъ трехъ фамилій—отъ дома Рюрика, Романовыхъ и Голштейнъ—Готторпской фамиліи.

Юрій Долгорукій основалъ Москву.

Столицъ было пять.

Цари коронуются въ Москвѣ.

Сначала князья жили въ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ.

Князья дѣлили по смерти правителя (отца) царство, какъ наслѣдники, отъ чего явилось крѣпостное право, уничтоженное Императоромъ Александромъ II-мъ послѣ Крымской войны.

Нѣкоторые князья, напр. Александръ Невскій, Донской и Иванъ Калита мечтали отложиться отъ власти татаръ, но осуществилъ это на дѣлѣ только Иванъ III.

Иванъ III женился на Греческой царевнѣ, и потому считалъ себя какъ бы наслѣдникомъ греческихъ царей, почему и присвоилъ себѣ титулъ царя и ввелъ греческій гербъ.

Всѣхъ Императоровъ было въ Россіи 13, царей—10 и множество князей.

Русскіе сначала были язычниками, а Христіанство принялъ Владиміръ изъ-за жены и потому, что не хотѣлъ отказаться пить вино.

Вѣра русскихъ называлась сначала *Ортодоксусъ*, или исповѣданіемъ греческимъ или мелькитскимъ, а со времени Николая Павловича русскіе стали называть свою вѣру *права слава*.

Прежде русская церковь подчинена была Греческому Патріарху, а потомъ имѣла своего патріарха.

Петръ I уничтожилъ патріаршество; учредилъ святѣйшій Синодъ, подчинивъ его Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Послѣ того идетъ краткій перечень правителей Россіи, начиная съ Рюрика и до Государя Императора Александра III.

Какъ выполнилъ мулла Шигаб-ед-динъ свою задачу?

Онъ выдаетъ свои слова за безпорно точныя и не приводитъ доказательствъ. Критики въ его трудѣ положительно нѣтъ. Укажемъ тѣ факты, кои у муллы Шигаб-ед-дина или поставлены не въ надлежащемъ порядкѣ, или даже представляются намъ ошибочными.

Свѣдѣніе муллы Шигаб-ед-дина о томъ, будто русскіе въ старину убивали своихъ дочерей, а дѣти—престарѣлыхъ своихъ родителей, не подтверждается древними сказаніями, и не извѣстно, откуда мулла заимствовалъ это извѣстіе, у Димешки, или у кого либо другаго ¹⁾. Не думалъ ли мулла поравнять въ этомъ отношеніи русскихъ съ арабами язычниками, о которыхъ Коранъ говоритъ, что они убивали дочерей своихъ ²⁾?

Мулла Шигаб-ед-динъ, говоря о томъ, что русскіе состояли изъ трехъ вѣтвей—Славянъ, Барманіи и Бабармы, считаетъ ихъ всѣхъ русскими. Но подъ именемъ Барманіи и Бабармы едва ли не разумѣются финскія племена? Нѣкоторые ученые подъ Абармой (Бабармой) разумѣютъ Мордовское племя ³⁾.

Мулла говоритъ, что русское государство образовалось, по сказаніямъ арабскихъ историковъ ⁴⁾, въ 980 г. Но что мулла разумѣетъ подъ образованіемъ государства? Если призваніе князей Рюрика, Синеуса и Трувора, то оно было въ 862 г.; если же вообще государственную жизнь, то мулла противорѣчитъ себѣ, потому что онъ утверждаетъ, что рус-

¹⁾ Не основывался ли Шигаб-ед-динъ на свидѣтельствѣ араб. писателя Ахмеда Ибнъ Фадлана X вѣка объ умерщвленіи дѣвушекъ и мужчинъ? См. «Араб. Хрест». Гиргаса и Розена, вып. I, 1875, стр. 316—323, и «Сказанія мусульман. писателей» Гаркави, 1870, стр. 93—102. *Примѣч. ред.*

²⁾ См. Коран. 17, 33. 6, 152. 141. Сравни. 6, 138. 16, 59—61. 43, 16. 81, 8. 9.

³⁾ Въмѣсто «Бабарма» بابارما очевидно слѣдуетъ читать «Біярма» или «Біармія», о которой подробно писалъ недавно членъ—сотруд. Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи С. К. Кузнецовъ въ «Этнограф. Обзорѣніи» кн. LXV и LXVI (Москва 1905). *Примѣч. ред.*

⁴⁾ Мулла имѣетъ, конечно, въ виду арабскихъ мусульманскихъ историковъ.

скіе спустя 500 лѣтъ послѣ Р. Хр. построили городъ Новгородъ, а потомъ Кіевъ. Это показываетъ, что государственная жизнь русскихъ началась ранѣе 980 г.

Мулла говоритъ, что Рюрикъ, послѣ смерти своихъ братьевъ—Синауса и Труфура, овладѣвши Кіевомъ, сдѣлался самодержавнымъ. Но Русская исторія не сообщаетъ этого: Рюрикъ не владѣлъ Кіевомъ.

Онъ говоритъ, что Георгій (Юрій) Долгорукій построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было селеніе Кучкай, городъ Москву. Это свѣдѣніе само по себѣ вѣрно, но оно искажено муллою поясненіями, которыя даны муллою въ перечнѣ правителей Россіи. Мулла пишетъ, что послѣ *Андрея* Ивановича (слѣдуетъ читать: Юрьевича *Боголюбскаго*) былъ великимъ княземъ „Всеволодъ Егоровичъ. Потомъ Михайлъ. Потомъ Фіулядъ (Всеволодъ?). Потомъ Константинъ. Потомъ Георгій Долгорукій“. Послѣ этого мулла опять повторяетъ рассказъ о построеніи Москвы Георгіемъ Долгорукимъ. Но послѣ Всеволода Егоровича (Юрьевича) слѣдуетъ князь Юрій 2-й (Всеволодовичъ), а потомъ Ярославъ 2-й (братъ Юрія 2-го). Чтоже касается до Михаила (Юрьевича), то онъ не былъ великимъ княземъ Владимірскимъ, а Фіулядъ (или Всеволодъ) оказывается такъ же лишнимъ. Константинъ Всеволодовичъ былъ лишенъ отцемъ своимъ Владимірскаго стола, а сдѣланъ былъ великимъ княземъ второй сынъ Юрій 2-й, который не считался Долгорукимъ. При этомъ Юріи 2-мъ было нашествіе Монголовъ на Россію. Изъ исторіи муллы Шигаб-еддина выходитъ, что Москву построилъ именно этотъ Юрій 2-й, тогда какъ Москву построилъ Юрій 1-й (Владиміровичъ), который и назывался Долгорукимъ.

Мулла Шигаб-ед-динъ сообщаетъ, что Москва была столицею для русскихъ правителей до тѣхъ поръ, когда Петръ I построилъ въ Финляндіи, на берегахъ Невы, городъ *Петербургъ*. Замѣчательно, что мулла Шигаб-ед-динъ пишетъ не Петербургъ, а всегда: *Петербургъ*.

Шигаб-ед-динъ мулла говоритъ, что племянница греческаго Кесаря Палеолога Софья *убѣжала*,—послѣ завоёванія Константинополя султаномъ Мухаммедомъ¹⁾, сыномъ Мурада,—въ Россію, гдѣ женился на ней Иванъ III. Но извѣстно изъ исторіи, что Софья Ѳоминачна вовсе *не убѣжала* въ Россію изъ Греціи, или Константинополя, но рука ея предложена была Ивану III самимъ Папою, такъ какъ Софья Ѳоминачна жила тогда въ Римѣ, послѣ взятія въ 1453 г. Константинополя Турками, и папы не опускали случая, чтобы подчинить Русскую церковь своей власти, посему въ бракъ Софіи Ѳоминачны видѣли къ этому поводъ, и съ нею въ Россію прибылъ папскій посолъ кардиналъ Антоній Посевинъ.

Но мы намѣрены остановить въ исторіи Руси Муллы Шигаб-ед-дина вниманіе читателей на его рассказѣ о принятіи русскими христіанства. Объ этомъ обстоятельствѣ мулла передаетъ два раза, какъ онъ поступаетъ подобнымъ образомъ и въ другихъ случаяхъ, напр., объ устроеніи Москвы.

Прежде русскій народъ, говоритъ мулла Шигабъ, находился въ язычествѣ. Христіанство принялъ сначала Владиміръ. Но этого Владиміра, т. е. Владиміра святаго, мулла Шигабъ-ед-динъ смѣшалъ, какъ замѣтно, съ Владиміромъ Мономахомъ. Владиміръ святой былъ сынъ Святослава, а не сынъ Всеволода; притомъ и Владиміръ Мономахъ, съ коимъ мулла смѣшиваетъ Владиміра святаго, не былъ внукомъ Изяслава. Мулла называетъ Владиміра „Великимъ“ тогда какъ ни Владиміръ Святой, ни Владиміръ Мономахъ не назывались „Великими“.

Владиміръ (Святой) воевалъ съ Греками и отнялъ у нихъ нѣкоторыя земли. Два Греческихъ Императора, Василій и Константинъ, чтобы примириться съ нимъ, выдали за

¹⁾ Мухаммедъ II, сынъ Мурада II, по порядку османскихъ султановъ 7-ой вступилъ на престолъ въ 1451 году. *Примѣч. ред.*

него свою родную сестру. Но такъ какъ эта женщина, по словамъ муллы, отказывалась идти за Владиміра по причинѣ разности въ вѣрѣ, то Владиміръ принялъ христіанскую вѣру.—Такимъ образомъ изъ этого сообщенія вытекаетъ то заключеніе, что Владиміръ принялъ христіанство положительно не по убѣжденію въ его истинности и превосходствѣ предъ язычествомъ, а только изъ-за женщины.

Въ другомъ мѣстѣ (стран. 47), тамъ, гдѣ Мулла перечисляетъ правителей Россіи изъ дома Рюрика, онъ говоритъ совершенно другое. Именно, онъ говоритъ: „Владиміръ одержалъ побѣду надъ кесарями и женился на ихъ сестрѣ. Колеблясь въ избраніи вѣры (значитъ уже послѣ брака на сестрѣ кесарей), Владиміръ вытребовалъ изъ города Булгара мусульманскихъ ученыхъ и муллъ, а изъ Константинополя поповъ. Попы прибыли съ позолоченными образами. Когда каждый изъ нихъ объяснилъ основанія и обряды своей вѣры, тогда онъ (т. е. Владиміръ) величайшее желаніе возымѣлъ къ вѣрѣ Ислама и уже близокъ былъ къ принятію Ислама, но когда объяснили ему, что въ религіи Ислама запрещается пить вино и ѣсть свиное мясо, то онъ, сказавши, что безъ этихъ вещей нельзя весело жить, принялъ вѣру христіанскую и проч. Изъ этого разсказа оказывается, что Владиміръ принялъ вѣру христіанскую, хотя такъ же не по убѣжденію, но по другому поводу, не изъ-за женщины, а по нежеланію отказаться отъ вина и свиного мяса. Хотя бы малѣйшій намекъ о томъ, какъ говорятъ о принятіи Владиміромъ Христіанства сами русскіе!

Въ надеждѣ, что, быть можетъ, нѣкоторые изъ безпристрастныхъ мусульманъ не откажутся прочесть наши свѣдѣнія о принятіи Владиміромъ единой истинной, христіанской вѣры, мы представляемъ здѣсь эти свѣдѣнія изъ „Русской Исторіи“ К. Бестужева—Рюмина¹⁾.

¹⁾ См. К. Бестужевъ—Рюминъ. Русская Исторія. I. С. Петербургъ. 1872 г. стр. 126—129.

„Первымъ русскимъ княземъ, принявшимъ крещеніе, былъ, какъ мы знаемъ, Аскольдъ; въ дружинѣ Игоря, что тоже уже извѣстно, было такъ много христіанъ, что для нихъ въ Кіевѣ существовала церковь Св. Іліи¹⁾. Въ 957 году крестилась Ольга, а въ 988 г. внукъ ея Володиміръ. Крещеніе Володиміра подало поводъ къ обширному сказанію, занесенному въ первоначальную лѣтопись и составленному на основаніи нѣсколькихъ источниковъ. Сказаніе это такъ характерно передаетъ самый фактъ и его побужденія, что историкъ долженъ нѣсколько остановиться на немъ. Лѣтопись рассказываетъ²⁾, что къ Володиміру приходили послы отъ разныхъ народовъ: отъ Болгаръ, Хозарскихъ Евреевъ, Нѣмцевъ и наконецъ Грековъ и каждый изъ нихъ хвалилъ свою вѣру и предлагалъ князю въ нее обратиться; что Володиміръ отвергъ Исламъ потому, что „Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти“; Нѣмцамъ отвѣтилъ: „идите вспять, яко отцы наши сего не пріяли суть“; отъ Евреевъ отказался потому, что они изгнаны Богомъ; но благосклонно выслушалъ Грека, который изложилъ ему всю исторію Ветхаго и Новаго Заветъа³⁾ и тронулъ его, показавъ изображеніе страшнаго суда, что по греческимъ источникамъ — побудило къ обращенію и Богориса Болгарскаго. Вообще вопросъ о судьбѣ человѣка по смерти, темно и смутно разрѣшаемый язычествомъ, не рѣдко заставлялъ варваровъ обращаться въ христіанство... Тоже самое побужденіе дѣйствуетъ и на Володиміра: подъ вліяніемъ картины страшнаго суда, онъ готовъ принять православіе, но совѣтуется съ боярами и старцами и, по ихъ предложенію, отправляетъ пословъ въ тѣ страны, откуда являлись къ нему

¹⁾ На Подолѣ. См. Н. В. Закревскаго: «Описаніе Кіева». М. 1868 г. I. стр. 328—332.

²⁾ См. П. С. Р. Л. (т. е. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей) т. I. стр. 36—51. См. Христ. Чтеніе 1849 г. II.

³⁾ Изложеніе это въ Лѣтописи основано на Палей. См. М. И. Сухомлинова «о Древн. Лѣт».

проповѣдники ¹⁾). Посольство Володимірово не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, что же касается до посольства къ Володиміру, то едвали не слѣдуетъ видѣть здѣсь купцевъ разныхъ народностей, жившихъ въ Кіевѣ. Какъ бы то ни было, но—по сказанію—послы Володиміровы привезли неблагопріятные отзывы обо всѣхъ богослуженіяхъ, кромѣ греческаго: въ Константинополѣ они присутствовали при торжественномъ патріаршемъ служеніи. Впечатлѣніе было потрясающее: „и не свѣмы,—говорили они,—на небѣ ли есмы были, или на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ни красоты такой и недоумѣемъ бо сказать; токмо то вѣмы, яко ондѣ Богъ съ человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыть красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще искуситъ сладка, послѣди горести не пріимаетъ, тако и мы не имамы здѣ быти ²⁾). Вотъ еще новое побужденіе: великолѣпіе храма, блескъ одеждъ, стройность пѣнія слишкомъ сильно дѣйствуетъ на свѣжее чувство людей необразованныхъ; ими овладѣваетъ тотъ трепетъ, который чувствовали западные варвары при видѣ новаго для нихъ Рима. Бояре высказали и третіе побужденіе креститься—авторитетъ: „аще бы лихъ законъ Греческій, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже премудрѣйша всѣхъ человѣкъ“ ³⁾)—и Володиміръ рѣшился креститься. Отправившись въ слѣдующемъ году на Корсунь (въ Крыму, гдѣ теперь Севастополь, тогда

¹⁾ Подтвержденіемъ этого посольства считается слѣдующее мѣсто въ свиткѣ, найденномъ Г. Фирковичемъ: «Я одинъ изъ вѣрноподданныхъ Израилю Аврамъ, сынъ Маръ-Симхи изъ города Сафороль (Босфоръ, Керчь) въ царствѣ братьевъ нашихъ, благочестивыхъ прозелитовъ Хозаръ—былъ въ 1682 г. послѣ изгнанія нашего, т. е. 4746 г. по сотвореніи, по эрѣ, по которой считаютъ братья наши Евреи города *Матархи*, въ то время, когда послы князя *Рошъ Мешехъ* изъ города *Ціоба* пришли къ Государю нашему Хозарскому князю Давыду развѣдовать о дѣлахъ религіи—отправленъ имъ въ Персію».... Д. А. Хвольсонъ: «Восемнадцать Еврейскихъ надписей изъ Крыма». С. П. Б. 1865 г. стр. 68.

²⁾ См. П. С. Р. Л. I, стр. 46.

³⁾ См. П. С. Р. Л. I, стр. 46.

городъ Греческій), онъ по взятіи города потребовалъ руки *Анны*, сестры царей Василя и Константина, и согласился на ихъ условіе, чтобы креститься. Крестившись и взявъ изъ Корсуня нѣкоторыя святыни и духовенство, онъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ крестилъ свою семью и народъ. Кіевляне шли креститься охотно, говоря: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре пріяли“ ¹⁾).

Такимъ образомъ Русская Лѣтопись передаетъ очень ясно, что Владиміръ прежде всего основательно узналъ Христіанскую вѣру, т. е. ознакомился съ исторіей Ветхаго и Новаго Завѣта и рѣшился креститься. Если же онъ и посылалъ своихъ бояръ къ разнымъ народамъ,—откуда были у него послы съ предложеніемъ своей вѣры,—какъ бы еще на мѣстѣ убѣдиться въ религіозно-нравственномъ настроеніи тѣхъ народовъ, куда отправлялись его бояре, то это посольство, по всей вѣроятности, имѣло значеніе больше для самихъ уже бояръ и для народа, чѣмъ для Владиміра. Рѣшенія его принять христіанство уже нельзя было поколебать: судьба послѣ смерти, представленная ему картинно христіанскими греческими миссіонерами, окончательно, можно сказать, утвердила его въ рѣшимости принять христіанство. Слѣдовательно, мulla Шигаб-ед-динъ совершенно неосновательно набрасываетъ тѣнь на побужденія Святаго Владиміра, будто онъ принималъ христіанскую вѣру не по убѣжденію, будто онъ убѣдился, напротивъ, въ справедливости мухаммеданства и не принималъ его, будто, только по любви своей къ вину, употребленіе коего, какъ и употребленіе свиного мяса, запрещаетъ мухаммеданская религія, а такъ же изъ-за женщины, которая не хотѣла выходить за него замужъ, какъ язычника.

Если бы мусульманскіе ученые убѣдили его въ истинности Ислама, то ужели бы Владиміръ не захотѣлъ бросить

¹⁾ См. П. С. Р. Л. I, стр. 50.

употребленіе вина и свиного мяса, если бы созналъ истину религіи Ислама? Равнымъ образомъ не имѣетъ никакого основанія та мысль муллы Шигаб-ед-дина, будто Владиміръ крестился изъ-за женщины. Всѣмъ извѣстно, что мухаммеданская религія дозволяетъ многоженство. Принявши мухаммеданство, Владиміръ могъ бы имѣть четыре законныя жены одновременно, не говоря о наложницахъ. Слѣдовательно, если бы эта причина располагала Владиміра перемѣнить язычество на христіанство, то это значитъ положительно не понимать дѣла. Мухаммеданство и язычество дозволяютъ многоженство, а потому Владиміръ или же могъ оставаться язычникомъ, или же принять мухаммеданство, если бы въ выборѣ религіи руководствовался не истиною дѣла, а своими отношеніями къ женскому полу.

Положительное непониманіе дѣла видно и въ томъ убѣжденіи муллы Шигаб-ед-дина, будто исповѣданіе или вѣра русскихъ есть *ортодоксусъ*, извѣстное подъ названіемъ исповѣданія греческаго или мелькитскаго, и будто только уже въ послѣднее время, во дни Николая Павловича, во время Крымской войны, по своему мнѣнію русскіе стали называть свое вѣроученіе *права слава*. Если бы мулла понималъ хотя сколько нибудь греческій языкъ, то онъ не могъ бы допустить такой грубой ошибки: потому что самое слово *ортодоксусъ* и означаетъ по русски именно то, что мы называемъ *православіемъ*. Слѣдовательно, русскій народъ называетъ и считаетъ свою религію *православною* вовсе не со времени Крымской войны, а съ самаго начала христіанства въ Россіи, потому что слово русское „Православіе“, есть только буквальный переводъ греческаго слова *ортодоксія*, или какъ неумѣло мулла называетъ „*ортодоксусъ*“. По всей вѣроятности мулла и здѣсь введенъ былъ въ ошибку незнаніемъ дѣла: во время Крымской войны Русскіе воевали за *Православіе*, Царя и Отечество, въ то же время въ литературѣ русской учеными особенно проводились три принципа: *Православіе*, *Самодержавіе* и *народность*. Но выводить изъ

этого заключеніе, будто мы—русскіе стали называть, по своему мнѣнію, свою вѣру *права слава* только со временъ Государя Императора Николая Павловича, могутъ только люди, чуждые Россіи, не знакомые съ ея жизнію и мало развитые.

Мулла Шигаб-ед-динъ передаетъ еще, что Петръ I, учредивши Святѣйшій Синодъ, подчинилъ его Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Это сообщеніе такъ же не справедливо: Министерство Внутреннихъ Дѣлъ было основано не при Петрѣ I, а гораздо позже, при Государѣ Императорѣ Александрѣ I, слѣдовательно Синодъ не могъ быть подчиненъ такому вѣдомству, какого еще не было.

Прослѣдимъ теперь родословную русскихъ князей и царей.

Мулла Шигаб-ед-динъ говоритъ, что послѣ Рюрика (правила Русью) *его жена Ольга* (стр. 47).

Русская исторія не знаетъ жены Рюрика и не передаетъ, чтобы она управляла Русью по смерти своего мужа Рюрика. Послѣ Рюрика правителемъ Руси мы видимъ родственника Рюрикова *Олега*. Мулла Шигаб-ед-динъ, положительно не понимая русскаго языка, вѣроятно счелъ этого *Олега* за жену Рюрика и называетъ, поэтому ее, *Ольга*. Для него, вѣроятно, безразличны русскія имена *Олегъ* и *Ольга*.

Мулла Шигаб-ед-динъ помѣщая рядъ однихъ именъ русскихъ князей и царей, большею частію безъ означенія отчества и времени ихъ жительства, затрудняетъ въ высшей степени читателя: при одинаковости именъ многихъ изъ русскихъ князей и царей не извѣстно становится, кого именно въ данномъ случаѣ разумѣетъ мулла. Кромѣ того по татарской транскрипціи даже иногда трудно добратъся до самаго имени. Если бы мулла Шигаб-ед-динъ имена русскихъ царей и князей писалъ, въ слѣдъ за татарской транскрипціей, русскими буквами, тогда онъ избѣжалъ бы многихъ въ этомъ отношеніи ошибокъ. А теперь изъ его перечня именъ трудно составить что либо опредѣленное. Такъ напр. онъ говоритъ:

„Потомъ Вситаславъ. Потомъ *Фиуладъ*“. Въ послѣднемъ названіи мы считаемъ Всеволода Ярославича, бывшаго великимъ княземъ въ 1078—1093 г. „Потомъ Святополкъ. Потомъ Владиміръ. Потомъ Вситаславъ“. Здѣсь опять ошибка. Подъ Владиміромъ, надобно думать, мulla разумѣть здѣсь Владиміра Мономаха (Всеволодовича), съ 1113 по 1125 г. бывшаго великимъ княземъ. А потомъ мulla ошибается, когда вмѣсто: Мстиславъ (Владиміровичъ, сынъ Мономаха, 1125—1132 г.) пишетъ: Вситаславъ (т. е. Святославъ). Подъ другимъ именемъ *Фиуладъ* мы разумѣемъ у мully Всеволода Ольговича.

Предъ Георгіемъ (или Юріемъ Долгорукимъ) мulla Шигаб-ед-динъ упоминаетъ Изяслава (т. е. Мстиславовича), а потомъ и послѣ Георгія снова упоминаетъ Изяслава, какъ бы другую личность, тогда какъ этотъ, по всей вѣроятности, есть тотъ-же Изяславъ Мстиславовичъ, который спорилъ о престолѣ Кіевскомъ съ Юріемъ Долгорукимъ. Или же, быть можетъ, подъ этимъ вторымъ Изяславомъ мulla разумѣетъ Изяслава Давыдовича, который былъ въ 1154—1157 и 1161 г. великимъ княземъ Кіевскимъ? Трудно угадать.

Великаго князя Андрея (т. е. Боголюбскаго) мulla величаетъ такъ же невѣрно *Ивановичемъ*, тогда какъ слѣдовало бы назвать его Андреемъ *Юрьевичемъ*.

„Потомъ сынъ его (т. е. мulla упоминаетъ Димитрія Ивановича Донскаго) Василій. Поразивши народъ Булгарскій, онъ самъ себя прозвалъ „завоевателемъ Булгаръ“. Здѣсь снова явилась у мully ошибка: Василій (Димитріевичъ, сынъ Д. И. Донскаго) бывшій великимъ княземъ въ 1389—1425 г. вовсе не поражалъ Булгаръ, а поражалъ ихъ братъ его Юрій Димитріевичъ въ 1399 году.

Равнымъ образомъ мulla дѣлаетъ ошибку, когда называетъ Темнымъ Василя *третьяго*; потому что, по русской исторіи, Темнымъ считается Василій 2-й, а не 3-й. По смерти Василя Димитріевича престолъ занялъ Василій 2-й, Темный

и велъ борьбу, изъ-за престола съ дядей своимъ Юріемъ Галицкимъ и сыновьями Юрія Василиемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякою. Эти послѣдніе были двоюродными братьями Василию Темному, что и не понялъ, или смѣшалъ, кажется, мулла.

По словамъ муллы русскій князь Иванъ III побѣдилъ казанскаго хана, взялъ дань съ него и *вошелъ въ Казань*. Но по сказанію русской исторіи этого не было, т. е. мы не знаемъ, чтобы Іоаннъ III лично былъ въ Казани. Извѣстно только, что при этомъ князь Казань была дѣйствительно взята *Холмскимъ* въ 1477 году.

Тамъ, гдѣ читатель могъ надѣяться, что Мулла Шигабеддинъ сообщитъ какія либо интересныя свѣдѣнія, напр. о состояніи Казани предъ взятіемъ ея русскими, мулла тоже кратокъ и ничего не сообщаетъ особеннаго. Онъ только говоритъ, что Казань взялъ Іоаннъ IV, который былъ „злаго характера, кровопролитель и безсовѣстный“. Онъ былъ, говоритъ мулла, тотъ самый человѣкъ, который уничтожилъ царство Казани и Астрахани и совершенно этими двумя царствами окончательно завладѣлъ.

Говоря о второй династіи—о *домѣ Романовыхъ*, мулла упоминаетъ, что Дмитрій Самозванецъ родителя Михаила Ѳеодоровича сдѣлалъ Митрополитомъ и отправилъ его посломъ въ Польшу, гдѣ онъ нѣсколько времени находился узникомъ. Несправедливость этого сообщенія муллы Шигабеддина открывается изъ того, что Дмитрій Самозванецъ былъ убитъ 17 мая 1606 года, тогда какъ Митрополитъ Филаретъ Никитичъ, отецъ Михаила Ѳеодоровича былъ посланъ въ Польшу вмѣстѣ съ княземъ Василиемъ Голицынымъ во время уже Московскаго раззоренія, т. е. въ 1610—1613 г., для переговоровъ о подробностяхъ избранія польскаго королевича Владислава на русскій престолъ. Такимъ образомъ не Дмитрій Самозванецъ отправилъ Митрополита Филарета Никитича въ Польшу.

Третію династію, или *домъ Голштейнъ—Готторпскій* мулла начинаетъ съ Петра Θεодоровича, извѣстнаго подъ названіемъ III-го.

Сообщая о томъ, что во время Екатерины II изъ среды Яицкихъ казаковъ явился съ притязаніями на царскій престолъ Иванъ Емельяновъ, извѣстный подъ именемъ Пугача, который объявилъ себя Петромъ III, мулла дѣлаетъ странное добавленіе: „поэтому Павла долго не хоронили для показанія простому народу“.—

Петръ III умеръ и похороненъ въ 1762 г., Емелька же Пугачъ (а не Иванъ Емельяновъ) явился въ 1773 году. Поэтому нельзя предположить, чтобы кто либо могъ предвидѣть, что явится человѣкъ—самозванецъ и будетъ выдавать себя Петромъ III. Поэтому же нельзя думать, что вмѣсто Павла слѣдуетъ читать Петра III...

Еще нѣсколько замѣчаній мы думаемъ высказать о манерѣ авторства муллы Шигаб-ед-дина.

Онъ не рѣдко ставитъ событія позднѣйшія прежде древнихъ, отъ чего неизбѣжно у него являются повторенія. Но отъ этой же обычной у муллы манеры выходятъ и своего рода странности. Напр. Екатерина II, по словамъ исторіи муллы Шигаб-ед-дина, сначала умерла, а потомъ выстроила флотъ на Черномъ морѣ... Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что и самъ мулла сознавалъ подобный недостатокъ въ своемъ изложеніи историческихъ фактовъ, но онъ, вмѣсто того, чтобы переставить факты, въ должный, хронологическій порядокъ, обозначалъ годъ напр. смерти Императора Павла Петровича и постройки флота Екатериной II-ой, но это уже не могло загладить дурнаго впечатлѣнія, полученнаго читателемъ отъ указаннаго недостатка. Или вотъ еще примѣръ: сказавши о Пугачѣ и о томъ, что Павла долго не хоронили, мулла—историкъ продолжаетъ: „имя и портретъ его (мѣстоименіе здѣсь можетъ быть прочитано и: *его* и *ея*) изображается на кредитномъ сторублевомъ билетѣ“. Спрашивается: чей же именно портретъ изображается на кредитномъ билетѣ сто-

рублевого достоинства? Если читатель не отнесетъ, по своему благоразумію, этой чести къ Пугачу, то онъ съ спокойною совѣстію можетъ думать, что изображается на сторублевомъ кредитномъ билетѣ портретъ Императора Павла. Вообще читатель исторіи муллы Шигаб-ед-дина не рѣшилъ бы этого вопроса, если бы не зналъ, что дѣло идетъ о портретѣ Екатерины II-ой. Такой путаницы не было бы, если бы мулла, въ данномъ случаѣ повторилъ имя уважаемой и среди мухаммеданъ Государыни Императрицы Екатерины II-ой, которую они называютъ: „Аби падша“, т. е. Бабушка царица. Если бы было сказано: портретъ Екатерины, Бабушки царицы, изображается на такомъ-то кредитномъ билетѣ, то всякая неясность и сбивчивость не имѣла бы мѣста. Такою же сбивчивостію отзываются послѣднія строки въ исторіи Руси муллы Шигаб-ед-дина. Онъ почему-то считалъ слишкомъ важнымъ въ исторіи Руси тотъ фактъ, что казанскихъ татаръ онъ именно, мулла Шигаб-ед-динъ, приводилъ къ присягѣ (на подданство) въ первой соборной мечети *обоимъ послѣднимъ Государямъ* (т. е. Александру II и Александру III-му). Изъ этого сообщенія читатель можетъ заключить, что Государи Россіи Александръ II и Александръ III *единовременно* оба вступали на престолъ и единовременно царствовали, каковое заключеніе будетъ ошибочно. Этого ошибочнаго заключенія читатель не могъ бы сдѣлать, если бы мулла Шигаб-ед-динъ, по крайней мѣрѣ, обозначилъ время вступленія на престолъ каждаго изъ тѣхъ Государей, на подданство которымъ онъ приводилъ къ присягѣ въ Казани казанскихъ татаръ въ первой соборной мечети. Оставляемъ другія неточности; ихъ очень много: вся глава „о Руси“ наполнена неточностями и ошибками ¹⁾.

¹⁾ Можно упомянуть и о томъ, что у Шигаб-ед-дина очень часто мусульманская и христіанская хронологія не соотвѣтствуютъ другъ другу, т. е. одна хронологія неудачно переводится на другую. *Примѣч. ред.*

Языкѣ въ сочиненіи муллы Шигаб-ед-дина смѣшанный: онѣ сплетаетъ рѣчь свою изъ арабскихъ, татарскихъ и нерѣдко персидскихъ словъ. Поэтому рѣчь его пестра, не имѣетъ чистоты, а потому языкѣ сочиненія, можно сказать, тяжелый языкѣ. Мулла гораздо лучше бы поступилъ, если бы писалъ сочиненіе или исключительно однимъ арабскимъ языкомъ, или же исключительно татарскимъ языкомъ.—

Обращу вниманіе читателей на вѣшнюю сторону изданія книги муллы Шигаб-ед-дина. Въ этомъ отношеніи книга муллы даетъ видѣть нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ прежними изданіями казанскихъ мухаммеданскихъ книгъ. Именно: прежде цѣлыя страницы мухаммеданскихъ книгъ тянулись безъ всякаго перерыва, точно представляли изъ себя образецъ древняго вукефальнаго письма. Рѣдко встрѣчались въ книгахъ знаки, для обозначенія другаго содержанія рѣчи. Мулла Шигаб-ед-динъ ввелъ въ своей книгѣ, по образцу печатныхъ казанскихъ изданій Корана звѣздочки (бѣлыя въ темномъ кругломъ фонѣ), для означенія разныхъ отдѣловъ рѣчи. Кромѣ этихъ звѣздочекъ въ книгѣ муллы употреблены небольшія черныя звѣздочки, для указанія иногда главныхъ предложеній рѣчи. За это нельзя не поблагодарить сочинителя: эти знаки значительно облегчаютъ чтеніе книги. Такихъ знаковъ желательно бы видѣть въ изданіяхъ мухаммеданъ по больше, чтобы была возможность толковаго чтенія мухаммеданской книги. Русскій человѣкъ вполне уяснить важное значеніе знаковъ, о которыхъ мы говоримъ, если представилъ бы себѣ страницы двѣ или три печатной книги, гдѣ онѣ не встрѣчалъ бы ни одной заглавной буквы, не видѣлъ бы ни зяпятой, ни точки, ни другихъ знаковъ чтенія. Трудность чтенія и пониманія тогда русской книги увеличилась бы для самихъ русскихъ весьма значительно. Поэтому мулла Шигаб-ед-динъ, введеніемъ въ своей книгѣ значительнаго количества знаковъ чтенія, сдѣлалъ замѣтное улучшеніе въ изданіи мухаммеданскихъ книгъ. Жаль, впрочемъ, что мулла вводилъ, по мѣстамъ, въ своей книгѣ, странное соче-

таніе цифръ и буквъ для означенія хронологіи. Такъ напр. вмѣсто 445 г. онъ пишетъ первыя двѣ цифры цифрами 44, а послѣднюю цифру—5 онъ, почему-то, обозначаетъ буквою *в* и, какъ бы такъ 44Е, а потомъ то же самое обозначеніе времени пишетъ словами: четыреста сорокъ пятый годъ. Не правда ли, что при послѣднемъ обозначеніи буквы и цифры становятся ненужными совершенно. Изъ этого мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мулла пишетъ двойную, или тройную хронологію, а въ другихъ мѣстахъ, гдѣ желательно бы видѣть хотя одно какое либо обозначеніе времени, онъ оставляетъ вовсе читателя въ недоумѣніи относительно того, когда то или другое историческое событіе происходило. Однако-же и при двойной бухгалтеріи мулла не избѣжалъ ошибокъ, такъ вмѣсто 941 г. онъ пишетъ 94, вмѣсто 1241 г.—124 г.—

Два-три слова скажу о своихъ побужденіяхъ, заставившихъ меня сдѣлать отзывъ о книгѣ почтеннаго муллы Шигабъ-ед-дина. Я высоко цѣню его научныя стремленія. Онъ извѣстенъ многими трудами по части вѣроученія мухаммеданскаго. Въ этой послѣдней области, какъ своей, мулла отличается лучшими достоинствами, чѣмъ тѣ, какія онъ обнаружилъ при составленіи исторіи Руси. Здѣсь онъ очень мало обнаружилъ внимательности и вовсе не обнаружилъ любви къ отечеству, въ которомъ Господь Богъ судилъ ему питаться и жить.—

Протоіерей *Евѣимій Маловъ.*

II.

Г Л А В А

о Руси¹⁾.

Предки Русскихъ, по сказанію Шемсъ-эд-дина Димешки и другихъ, происходятъ съ одного острова. Такъ какъ у нихъ не было земли и посѣвовъ, то промыселъ ихъ состоялъ въ охотѣ за звѣрями: горностаемъ, бѣлкой и куницей, шкурами коихъ они производили торговлю. Кромѣ того, они нападали на Славянъ и, захватывая въ плѣнъ, продавали ихъ Булгарамъ и Хазарамъ. Они (т. е. Русскіе) были крайне нечужественны, держались разныхъ пустыхъ суевѣрій и совершали гнусные обряды. Обычаи ихъ были вродѣ ихъ богослуженія—отцы убивали своихъ дочерей, а дѣти убивали престарѣлыхъ своихъ родителей, мертвыхъ сожигали.

Русское племя въ старину состояло изъ трехъ вѣтвей: одна вѣтвь—Славія, т. е. славяне, другая—Барманія, а третья—Бабарма. Правитель той части русскихъ, которая была близко къ Булгару, находился въ городѣ Куяя, т. е. въ Кіевѣ. Городъ этотъ былъ больше Булгара.

Государство русскихъ образовалось въ 375 г. гижры, въ 980 г. по Р. Хр. Начало ихъ государства съ этого именно времени считается у историковъ. Но они по прошествіи

¹⁾ Переводъ изъ книги *القسم الاول من كتاب مستفاد الاخبار فی احوال قران وبلغار* Казань. 1885 г. стр. 43—50.

500 лѣтъ послѣ Рождества Іисуса Христа,—да будетъ надъ нимъ миръ,—для спасенія себя отъ вреда чуждыхъ народовъ, построили сначала Новгородъ, потомъ Кіевъ, согласились поставить царя и просили изъ государства Германіи челоуѣка, достойнаго царствовать. Въ 248 г. гижры, т. е. въ 862 г. по Р. Хр. къ нимъ пришли три брата, по имени: Рюрикъ, и Синаусъ, и Труфуръ. Старшій изъ нихъ Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ. Послѣ того, какъ въ 250 г. гижры два брата его умерли, Рюрикъ, овладѣвши Кіевомъ и другими городами, сдѣлался самодержавнымъ. До настоящаго времени правители русскіе происходятъ изъ трехъ фамилій. Первый домъ *Рюрика* управлялъ до 1006 г. гижры. Правленіе втораго дома *Романова* продолжилось до 1174 г. гижры. Третій домъ—*Голстинскій* продолжается до настоящаго времени. Столицъ было пять. Первою столицей былъ *Новгородъ*, второю столицею былъ городъ *Кіевъ* до 542 г. гижры. Третьей столицей былъ городъ *Владиміръ* до 726 г. гижры. Четвертой столицей была Москва. Правитель Руси, Георгій Долгорукій въ концѣ 542 г. гижры на берегахъ Москвы рѣки, на томъ мѣстѣ, гдѣ было селеніе *Кучкай*, построилъ городъ, который въ продолженіи нѣкотораго времени упоминался съ именемъ города *Кучкай*, а потомъ сталъ называться по имени рѣки *Москвой* (Маскубъ).

Москва была столицею для русскихъ правителей до 1114 г.; до тѣхъ поръ, когда Петръ Первый, въ Финляндіи, на берегахъ рѣки Невы построилъ городъ *Петербургъ* и сдѣлалъ его столицею. Впрочемъ до настоящаго времени каждый изъ русскихъ царей коронуется въ Москвѣ. Они (т. е. русскіе правители) раздѣлялись подобно мелкопомѣстнымъ царькамъ и соединялись между собою только на случай защиты отъ опасности со стороны чуждыхъ враговъ. Главными правителями были сначала Новгородскіе, а потомъ Московскіе; они и назывались *великими князьями*. По смерти правителя, сколько бы ни осталось послѣ него дѣтей, государство раздѣлялось между всѣми ими на части по закону наслѣдства, како-

выя части каждому и отдавались во владѣніе, такъ что простой народъ подвергся крѣпостному владѣнію, покупался и продавался. Отсюда и до нашихъ дней многіе изъ русскихъ людей были въ рабствѣ у благородныхъ. Послѣ Крымской войны Александръ II въ нашъ вѣкъ отпустилъ ихъ на волю.

Въ прежнее время правителей русскихъ не называли именемъ „царь“; они назывались только именемъ „князь“. Прежде Александръ Невскій, Иванъ Донской и Иванъ, по прозванію Калита, только мечтали о собраніи государства и о единовластіи; правитель Иванъ Васильевичъ III осуществилъ это на дѣлѣ, уничтоживъ на Руси многочисленныхъ владѣльцевъ, подобныхъ мелкимъ царькамъ, и сдѣлался царемъ всея Россіи.

Въ 857 г. гижры, когда Османскій Султанъ Мухаммедъ сынъ Мурада, завоеватель, завоевалъ Константинополь, тогда, во время войны убитъ былъ послѣдній изъ греческихъ Кесарей Палеологъ, по прозванію Дарагужъ. Племянница этого Кесаря Ѳомы, по имени Софія Ѳомина, убѣжала въ русское царство. На ней женился упомянутый правитель Иванъ III. А такъ какъ у Кесарей на знаменахъ было изображеніе двуглаваго орла, то онъ (т. е. Иванъ III) на своихъ знаменахъ сдѣлалъ такое же изображеніе, считая себя самого какъ будто наслѣдникомъ и преемникомъ кесарей, и принялъ титулъ *царя*, искаженный изъ слова кесарь. Цари, бывшіе послѣ него, также стали называться этимъ титуломъ.

Въ 1133 г. гижры, послѣ мира съ Швеціею, русскіе называли Петра I „Великимъ“, „Отцомъ отечества“ и „Императоромъ.“ Для прочихъ царей также стало какъ бы наслѣственнымъ обычаемъ называться этимъ именемъ. Всего до нашихъ дней среди русскихъ правителей было: 13 императоровъ, 10 царей и множество князей.

Прежде русскій народъ находился въ язычествѣ. Умершій въ 406 г. гижры правитель Владиміръ, сынъ Всеволода, сына Изяслава, сына Ярослава, сына Владиміра, въ 375 г. гижры принялъ вѣру христіанскую. Ему послѣдовали въ

этомъ поданные его. Этотъ правитель Владиміръ въ нѣкоторомъ отношеніи улучшилъ Русское государство, усилился самъ и былъ названъ „Великимъ.“ Онъ воевалъ съ Греками и отнялъ у нихъ нѣкоторыя земли. Тогда два греческихъ императора, Василій и Константинъ, чтобы примириться съ нимъ, выдали за него родную свою сестру, почему Владиміръ снова отдалъ имъ ихъ земли и возвратился (въ Россію). Но историкъ Ибнъ-уль-Асиръ, — да будетъ милость Божія на немъ, — рассказываетъ, что они (т. е. греческіе императоры Василій и Константинъ) выдали за него свою сестру за то, что онъ помогалъ имъ противъ ихъ враговъ. Но такъ какъ эта женщина, по причинѣ разности въ вѣрѣ отказывалась идти за него, то Владиміръ принялъ Христіанскую вѣру. Послѣ того, по просьбѣ ихъ, (т. е. русскихъ) Патріархъ Фотій для наученія ихъ вѣрѣ отправилъ изъ Константинополя (въ Русь) Епископа Михаила, и кромѣ него, еще другихъ двоихъ мужей, отъ коихъ русскіе узнали уставы вѣры. Поэтому всѣ русскія церкви подчинялись Греческому Патріарху и употребляли греческій алфавитъ. Въ 996 году гиджры русскіе изъ среды самихъ себя поставили патріарха, а исповѣданіе ихъ есть *ортодоксусъ*, извѣстное подъ названіемъ греческаго и мелькитскаго. Въ наше время, въ послѣдніе годы Николая Павловича, во время Крымской войны, русскіе, по своему мнѣнію, стали называть свое вѣроученіе *права слава* въ смыслѣ правильнаго вѣроученія. Патріархъ (русскій) и бывшіе у него подъ властію духовные начальники въ дѣлахъ вѣры, подобно папѣ (римскому), имѣя значеніе царственное, вмѣшивались всецѣло и въ дѣла государственныя.

Петръ I, подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло религіи есть дѣло великое, для коего недостаточно ума и знанія одного лица, и что это дѣло неудобно довѣрить одному лицу, а надѣжнѣе основываться на соглашеніи взглядовъ и взаимодействіи мнѣній великаго собранія, совсѣмъ уничтожилъ въ русскомъ государствѣ патріаршество, учредивши особое духовное собраніе, состоящее изъ нѣсколькихъ членовъ. Начальникъ

и предсѣдатель его сдѣланъ Митрополитомъ. По дѣламъ вѣры и относятся уже въ это (духовное) судилище. Сверхъ того, отнявши отъ него (духовнаго судилища) также независимость, онъ (Петръ I) подчинилъ оное Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Рядъ правителей Россіи.

Русскіе правители до настоящаго времени, до 1303 г. гджры, происходятъ изъ трехъ домовъ.

Первая династія — это *домъ Рюрика*. Послѣ Рюрика, его жена Ольга. Потомъ сынъ его Игорь. Потомъ жена его (т. е. Игоря) Ольга, отправившись въ Грецію, въ Константинополь, приняла христіанство. Потомъ сынъ его (т. е. Игоря) Вситаслубъ (Святославъ). Онъ отказался отъ принятія вмѣстѣ съ матерію своею христіанства и остался въ вѣрѣ предковъ своихъ. Потомъ Ярополкъ. Потомъ Владиміръ. Во время его (царствованія) русскій народъ очень усилился, — Владиміръ одержалъ побѣду надъ кесарями и женился на ихъ сестрѣ, и побѣдоносно заключилъ миръ. Колеблясь въ избраніи вѣры, Владиміръ вытребовалъ изъ города Булгара мусульманскихъ ученыхъ и муллъ, а изъ Константинополя поповъ. Попы при- были съ позолочеными образами. Когда каждый изъ нихъ объяснилъ основанія и обряды своей вѣры, тогда онъ (т. е. Владиміръ) величайшее желаніе возымѣлъ къ вѣрѣ Ислама и уже близокъ былъ къ принятію Ислама, но когда объяснили ему, что въ религіи Ислама запрещается пить вино и ѣсть свиное мясо, то онъ, сказавши, что безъ этихъ вещей нельзя весело жить, принялъ вѣру христіанскую; большая часть русскихъ послѣдовала ему. У него было 12 сыновей; одинъ изъ нихъ, взбунтовавшись противъ своего отца, произвелъ много споровъ и разстройства. Въ 406 г. гджры онъ (т. е. Владиміръ) умеръ.

Потомъ сынъ его (Владимира) Вситапулъ (Святополкъ). Потомъ братъ его (Святополка) Ярославъ, уничтоживши безпорядки и установивши законы, водворилъ въ государствѣ

миръ. Онъ умеръ въ 445 г. гижры. Потомъ сынъ его Изяславъ. Потомъ Вситаславъ (Святославъ). Потомъ Фіуладъ (Всеволодъ?). Потомъ Святополкъ. Потомъ Владиміръ. Потомъ Вситаславъ (Святославъ). Потомъ Ярополкъ. Потомъ Фіуладъ (Всеволодъ?). Потомъ Игорь. Потомъ Изяславъ. Потомъ Георгій. Потомъ Изяславъ. Потомъ Вситаславъ (Святославъ). Потомъ Андрей Ивановичъ. Такъ какъ онъ воевалъ съ Булгарами и одержалъ надъ ними побѣду, то въ благодарность за это ежегодно русскіе празднуютъ въ 1 день августа мѣсяца.

Потомъ Всеволодъ Егоровичъ. Потомъ Михаилъ. Потомъ Фіуладъ. Потомъ Константинъ. Потомъ Георгій Долгорукій. Онъ въ концѣ 542 г. гижры построилъ на мѣстѣ городка Кючкый городъ, который въ продолженіи нѣкотораго времени назывался городокъ Кючкый, а впослѣдствіи времени названъ былъ по имени рѣки Москвой, которая сдѣлалась для русскихъ царей постояннымъ мѣстожителемъ.

Потомъ Ярославъ. Потомъ Вситаславъ. Потомъ Михаилъ. Потомъ Андрей. Потомъ Александръ Невскій. Этотъ человекъ очень сильно желалъ освободиться изъ подъ владычества татаръ, всю Русь подчинить одной власти и сдѣлаться царемъ самодержавнымъ. Русскіе правители, замѣтивши сначала слабость татарскаго государства, взбунтовались; явившись къ Наурузъ-Бекъ хану, они потребовали себѣ свободы и независимости.

Потомъ Ярославъ. Потомъ Василій. Потомъ Димитрій. Потомъ Даніиль. Потомъ Михаилъ. Потомъ Георгій. Потомъ Димитрій. Потомъ Александръ. Потомъ Иванъ извѣстный среди татаръ подъ именемъ „Калита.“ Въ сердцѣ этого человека также вертѣлась вышеупомянутая мысль (т. е. отложиться изъ подъ власти татаръ). Потомъ сынъ его Симеонъ. Потомъ Иванъ. Потомъ Димитрій. Потомъ Димитрій Ивановичъ Донской. Этотъ человекъ держалъ на умѣ то же, что и два его предшественника. Во время Булякъ-хана онъ въ соединеніи со всѣми русскими началъ войну противъ татаръ, одержалъ надъ ними побѣду и отложился отъ нихъ. Послѣ

того Тохтамышъ Ханъ снова подчинилъ ихъ. На кредитныхъ пятирублевыхъ російскихъ билетахъ, каковыя находятся въ употребленіи въ наши дни, рисуется портретъ его (конечно, не Тохтамышъ хана, какъ выходитъ по исторіи муллы Шигабъ-ед-дина, а Димитрія Ивановича Донскаго) и подписывается имя его, чѣмъ (русскіе) выражаютъ благодарность къ памяти его.

Потомъ сынъ его Василій. Поразивши народъ Булгарскій, онъ самъ себя прозвалъ „завоевателемъ Булгаръ.“ Потомъ сынъ его Василій Третій *Альмякфугз* (ослѣпленный—Темный). Отецъ его умеръ въ то время, когда въ Сараѣ былъ царемъ Улу-Мухаммедъ Ханъ, сынъ Тимуръ-Хана; двоюродный братъ его заспорилъ съ нимъ; попеченіемъ Мухаммедъ хана онъ сдѣлался правителемъ Россіи и утвердился (на царствѣ). Въ это время онъ дѣлалъ набѣги на города Булгаръ и Казань, производилъ убійства и въ плѣнъ забиралъ людей. Послѣ того пришелъ въ Казань Мухаммедъ ханъ и, укрѣпившись на царствѣ Казанскомъ, сдѣлалъ начальниками войска двухъ сыновей своихъ, принцевъ Махмуда и Якуба и отправилъ (противъ русскихъ); произошло большое сраженіе, въ которомъ татары одержали полную побѣду: взяли въ плѣнъ Василія и представили его къ Мухаммедъ Хану, который держалъ его нѣсколько времени въ темницѣ.

Потомъ сынъ его (Василія Темнаго) Иванъ III. Сдѣлавшись царемъ московскимъ въ 807 г., онъ овладѣлъ Новгородомъ и уничтожилъ народное (вѣче) управленіе. По окончаніи 900 г. гиджры онъ всю Русь подчинилъ одной власти. Въ 885 г. онъ прекратилъ выдачу ежегодной дани, платимой царю Сарайскому Шейху Ахмедъ-Хану, онъ не оказалъ обычнаго почтенія и уваженія посламъ, прибывшимъ требовать дани, бросилъ на землю письмо хана и топталъ его ногами, а пословъ умертвилъ, оставивши только одного изъ нихъ, котораго и отпустилъ назадъ. Ханъ очень разгнѣвался на это и, чтобы отомстить и наказать, онъ вторгся въ русское государство, произвелъ грабежи, убійства и захватъ людей и

достигъ до береговъ рѣки Угры, наконецъ онъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ русскими и убитъ, и государство Сарайское прекратилось. Послѣ того Иванъ III побѣдилъ въ 889 г. казанскаго хана, взялъ дань съ него и вошелъ въ Казань, а въ Москвѣ онъ воздвигъ большія зданія. Женившись на племянницѣ Кесаря, онъ усвоилъ себѣ титулъ царя, испорченный изъ имени „кесаря,“ и сдѣлался независимымъ (самодержавнымъ) государемъ. Онъ умеръ въ 911 году. Все, что задумывали предшественники его, онъ осуществилъ на самомъ дѣлѣ. Онъ принялъ гербъ двуглаваго орла, заимствовавши его отъ кесарей. Потомъ сынъ его Василій. Онъ произвелъ нѣсколько сраженій съ народомъ казанскимъ и умеръ въ 941 году.

Потомъ сынъ его Иванъ. Такъ какъ онъ сдѣлался государемъ русскимъ на четвертомъ году своего возраста, то дѣлами государства управляла мать его. Онъ былъ кровопролитель, злаго характера и безсовѣстный. Онъ умеръ въ 992 году. Это былъ тотъ самый человекъ, который уничтожилъ царство Казани и Астрахани и совершенно этими двумя царствами окончательно завладѣлъ. Онъ царствовалъ 50 лѣтъ. Потомъ сынъ его Θεодоръ. Онъ былъ слабъ здоровьемъ и скуденъ энергіей. Онъ довольствовался только именемъ царя, а управленіе дѣлами государства захватилъ шуринъ его и визирь его Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ. Въ его время Сибирское царство вошло въ подданство Руси, и въ 995 г. основанъ былъ городъ Тобольскъ. Въ 1006 г. гиджры онъ умеръ и правленіе дома Рюрика совершенно прекратилось. Борисъ Годуновъ, сославши достойнаго и способнаго къ царствованію сына Іоанна IV по имени Димитрія вмѣстѣ съ матерію его въ Угличъ, а въ 1005 г. совершенно уничтоживши его, хотя и сдѣлался самъ правителемъ въ русскомъ государствѣ; но въ то же время Григорій Юрьевъ, по причинѣ сходства своего съ убитымъ Димитріемъ, объявилъ себя Димитріемъ, сыномъ Ивана IV, нѣсколько разъ сражался съ Борисомъ, побѣдилъ его и надѣлъ на себя царскую корону,

но когда открылось его настоящее положеніе, русскіе убили его и самый трупъ его сожгли. Борисъ въ 1013 году самопроизвольно отравилъ себя ядомъ. Сынъ его Ѳеодоръ, спустя восемь недѣль, тоже былъ убитъ. А нѣсколько человѣкъ одинъ за другимъ опять объявили себя Лже-Димитріями.

Вторая династія—*домъ Романовыхъ*. Первый изъ этой династіи былъ Михаилъ, сынъ Ѳеодора, сына Никиты, сына Романа, сына Юрія, сына Захарова. Русскіе, ослабѣвши внутри своего государства отъ сильныхъ смутъ и множества безпорядковъ и убійствъ, поставили царемъ 15-тилѣтняго Михаила, такъ какъ онъ былъ близкимъ родственникомъ предшествующимъ царямъ съ матерней стороны. Но Борисъ родителей его насильно сдѣлалъ монахами; а Димитрій Самозванецъ родителя его сдѣлалъ митрополитомъ, отправилъ посломъ въ Польшу, гдѣ онъ нѣсколько времени находился узникомъ. Сынъ его, сдѣлавшись царемъ, выкупилъ его на плѣнныхъ поляковъ и, возвративши (въ Россію), возвелъ его на степень патріарха. Сынъ хотя именовался царемъ, но настоящимъ правителемъ былъ этотъ человѣкъ. Изъ находящихся въ наше время въ обращеніи кредитныхъ билетовъ на десятирублевой бумажкѣ воспоминается имя Михаила и изображается портретъ его. Онъ умеръ въ 1055 году.

Потомъ сынъ его Алексѣй. Онъ установилъ законы (Уложеніе) и ввелъ въ государствѣ шелковое и бумажное производство. Онъ именуется и изображается на 25-ти рублевой бумажкѣ. Онъ умеръ въ 1088 году. Потомъ сынъ его Ѳеодоръ. Онъ умеръ въ 1093 году. Такъ какъ родной его братъ, т. е. по отцу и по матери, Иванъ, былъ болѣзненнаго и слабаго тѣлосложенія, а братъ его по отцу, Петръ, былъ очень молодъ—десяти лѣтъ, то Петра сдѣлали наслѣдникомъ престола и обоихъ братьевъ сдѣлали государями на равныхъ правахъ; управленіе дѣлами государства было поручено родной ихъ сестрѣ Софьѣ въ видѣ опеки съ той и другой стороны. Отъ этого произошли въ государствѣ многіе мятежи, бунты и кровопролитія. Софья имѣла умыселъ погубить Петра

и сдѣлаться самодержавной государыней, но Петръ узналъ замыслы сестры своей и сослалъ ее въ одинъ московскій монастырь. Въ 1107 году братъ его Иванъ умеръ, и Петръ остался самодержавнымъ государемъ. Петръ извѣстенъ подъ именемъ І-го и Великаго и въ числѣ русскихъ считается знаменитымъ. Онъ употребилъ много старанія и заботъ, чтобы благоустроить свое государство, ввелъ цивилизацію, искусства, ремесла и науки, и побѣдилъ много враговъ. Онъ отмѣнилъ употребленіе лѣтосчисленія отъ сотворенія міра и ввелъ вмѣсто него въ своемъ государствѣ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова; введеніемъ этого лѣтосчисленія онъ заявилъ и внѣшнимъ образомъ свою вѣру. Въ русскомъ царствѣ онъ первый началъ называться Императоромъ. Онъ построилъ городъ Петербургъ и сдѣлалъ его резиденціей царства, а высшій санъ духовныхъ—санъ патріарха уничтожилъ. А въ 1122 г., во время турецкаго султана Ахмеда III, сына Мухаммеда, въ сраженіи при Прутѣ онъ былъ побѣжденъ пашею Ахмедомъ по прозванію Балтачи. Войско его находилось тогда въ самомъ критическомъ положеніи, терпѣло многочисленныя лишенія и онъ едва-едва не попалъ въ плѣнъ. Его имя и изображеніе находится на кредитномъ билетѣ пятидесяти рублеваго достоинства. Смерть его послѣдовала въ Петербургѣ въ 1137 году.

Потомъ супруга его Екатерина Алексѣевна. Она была второю женою Петра. Онъ женился на ней на вдовѣ. Она скончалась въ 1139 году.

Потомъ внукъ мужа ея Петръ, сынъ Алексѣя, убитаго. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Петра II. Онъ умеръ 12 лѣтъ отъ оспы въ 1142 г. Потомъ двоюродная тетка его по отцѣ Анна, дочь Ивана, сына Алексѣя, сына Михаила. Она умерла въ 1150 г.

Потомъ двоюродная сестра ея Елизавета, дочь Петра, сына Алексѣя, сына Михаила. Она скончалась въ декабрѣ мѣсяцѣ 1174 г. Когда сдѣланъ былъ наслѣдникомъ престола сынъ герцога Голштинскаго, рожденный отъ Анны Петровны,

родной сестры по отцѣ и по матери Елизаветы Петровны,—Петръ, сынъ Θεодора Готторпскаго,—настала власть *династіи Голштинской*, а династія Романовыхъ прекратилась.

Третья династія—домъ Голштейнъ—Готторпскій. Первый изъ нея Петръ Θεодоровичъ пріѣхалъ изъ Голштейна и по наслѣдству сдѣлался въ Россіи Императоромъ и извѣстенъ подъ названіемъ Петра III. Мать его была дочь Петра I Анна. Поцарствовавши недолго, онъ умеръ въ 1174 году.

Потомъ супруга его Екатерина II Алексѣевна. Она извѣстна среди татаръ подъ названіемъ „Аби-Падша“ (т. е. Бабушка-царица). Въ ея время изъ среды Яицкихъ казаковъ Иванъ Емельяновъ, извѣстный подъ именемъ Пугача, возымѣлъ притязаніе на царство, объявивъ себя Петромъ III и возбудилъ смуту. Поэтому Павла долго не хоронили для показанія простому народу. Имя и портретъ ея изображается на кредитномъ сторублевомъ билетѣ. Въ 1210 году она умерла. Послѣ мира Кучукъ-Кайнарджинскаго, взявши на долю Россіи часть Чернаго моря, она построила флотъ въ 1182 году.

Потомъ сынъ ея Павелъ Петровичъ, внукъ Θεодора. Онъ умеръ въ 1215 году.

Потомъ сынъ его Александръ I. Онъ скончался въ 1241 году въ Таганрогѣ, но оттуда былъ привезенъ и погребенъ въ Петербургѣ.

Потомъ братъ его Николай. Послѣ смерти Александра I, въ то время, когда я (говоритъ историкъ о себѣ) былъ въ деревнѣ, дана была присяга брату его Константину, но по прошествіи одной недѣли эта присяга была отмѣнена и уничтожена, и дана была присяга другому брату его Николаю. Вышеупомянутый Константинъ умеръ въ 1242 г., а Николай—въ 1272 г., во время Крымской войны въ Петербургѣ.

Потомъ сынъ его Александръ II. Онъ убитъ въ 1298 году въ Петербургѣ крамольниками.

Потомъ сынъ его Александръ III. Во время присяги обоимъ этимъ послѣднимъ, я (говоритъ историкъ о себѣ), будучи въ городѣ Казани, приводилъ къ присягѣ мусульманъ въ первой соборной мечети.

Археологическая поѣздка.

Задачей моей поѣздки въ сѣверо-восточную часть Чебоксарскаго уѣзда, въ которой принималъ участіе студ. А. С. Лебедевъ, было осмотрѣть памятники древности около д. Катергиной (15 вер. отъ д. Козловки), о которыхъ было сообщено Обществу Археологіи крестьяниномъ д. Катергиной Козьмой Захаровичемъ Салендеевымъ. Прибывъ въ Катергину, мы прежде всего, по указанію Захара Салендеева, осмотрѣли городище въ одной верстѣ къ Ю.В. отъ этой деревни. Здѣсь высокоприподнятая мѣстность, пересѣченная оврагами, направляющимися къ С.З. Въ вершинахъ этихъ овраговъ и расположено находящееся между ними довольно большое по площади пространство, защищенное съ сѣвера двумя дуговидно изогнутыми высокими валами, раздѣленными вершиной плоскаго оврага такъ, что длина западнаго вала до 60 саж., а восточнаго до 50 саж. Прилегающая къ нимъ съ сѣвера и юга почва распахивается, причемъ часть почвы подъ городищемъ окрашена въ нормальный для этого района красновато-сѣрый цвѣтъ, а другая въ сѣрый. На поверхности городища мы нашли только обломокъ металлической пуговицы, а одна крестьянка прежде нашла здѣсь обломокъ перстня. Мнѣ кажется, что эти остатки могли попасть сюда вмѣстѣ съ навозомъ, при позднѣйшей культурѣ этого пространства. Валу же имѣютъ до 4 арш. высоты, при значительной ширинѣ, причемъ рва около нихъ не замѣтно. Что касается матеріала, изъ котораго состоитъ валъ, то съ перваго взгляда кажется,

что валы эти дѣйствительно сложены сплошь изъ обломковъ вывѣтрившагося и полуразрушеннаго кирпича. Но при внимательномъ разсмотрѣніи этого матеріала оказалось, что по структурѣ своей это не кирпичъ, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ различной формы и величины куски, а иногда и большія глыбы и *никогда не имѣетъ формы кирпича*. Въ массѣ его я нашелъ довольно много отпечатковъ стеблей и стволиковъ растений и даже хорошо сохранившіеся отпечатки листьевъ клена (*Acer platanoides*). Въ этомъ же матеріалѣ оказались ошлакованные куски пермскаго песчаника и пермскаго мергеля, очень сходные съ развитыми по сосѣднимъ оврагамъ этими горными породами. Очевидно, что этотъ валъ былъ насыпанъ изъ накопннаго въ сосѣднихъ оврагахъ краснаго мергеля и песчаника, перемѣшанныхъ съ массой нарубленнаго здѣсь же клена и другихъ деревьевъ. Древесный матеріалъ отъ какой-то причины сгорѣлъ, оставивъ послѣ себя только отпечатки листьевъ и стеблей на перегорѣвшемъ и пережженомъ мергелѣ. И это, вѣроятно, имѣло мѣсто давно, послѣ чего защищенная этими валами площадь была пересѣчена, вмѣстѣ съ валомъ, новымъ оврагомъ. Судя по отсутствію предметовъ жизни и дѣятельности человѣка, само укрѣпленное пространство, вѣроятно, не долго служило потребностямъ обитателей и устроителей его, было скорѣе временнымъ укрѣпленіемъ, своеобразной „засѣкой“.

Потомъ нами были осмотрѣны два кладбища, находящіеся верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 къ западу отъ д. Катергиной. Одно изъ нихъ находится на склонѣ значительной высоты, обращенномъ къ долинѣ р. Аниша. Оно въ значительной степени поросло лиственнымъ лѣсомъ, полувыврубленнымъ теперь и имѣетъ очень большую площадь, съ сѣвера огороженную канавой (казенный лѣсъ!). На этомъ кладбищѣ находится много слѣдовъ древнихъ могилъ въ видѣ ямъ, вытянутыхъ съ сѣвера на югъ. Надъ одной изъ этихъ могилъ на памяти кр. Кузьмы Захарова Салендеева, находился каменный памятникъ съ непонятной для него надписью, который теперь находится подъ угломъ избы одного крестьянина с. Бишево, въ

2 вер. отъ д. Катергиной. — Если этотъ памятникъ теперь не доступенъ, то намъ показали другой памятникъ, находящійся теперь въ качествѣ межевого знака въ $1\frac{1}{2}$ —1 верстѣ отсюда, на сосѣднемъ полѣ, расположенномъ ближе къ рѣчкѣ Анишу. Онъ сохранилъ на одной плоской своей сторонѣ арабскую надпись. Камень—памятникъ имѣетъ удлинненно четырехъ-угольное очертаніе, а на верхнемъ концѣ закругленъ. Другая такой же формы плита найдена была на томъ же полѣ и при тѣхъ же условіяхъ, но она не имѣетъ на себѣ никакихъ надписей, а потому нами оставлена, между тѣмъ какъ плита-камень съ арабской надписью доставленъ въ Казань и находится теперь въ помѣщеніи Городского музея. —

Около сѣвернаго края этого лѣса, около проѣзжей дороги находятся два невысокихъ плоскихъ возвышенія, сlying подъ именемъ кургановъ. Что они состоятъ изъ насыпного матеріала (темно-сѣрая почва), было обнаружено при раскопкахъ одного изъ нихъ, произведенныхъ А. С. Лебедевымъ. Но никакихъ предметовъ при этихъ раскопкахъ не было найдено. Мѣстное названіе этого большого кладбища — „Тубахъ-мазаръ“ — тансарское кладбище (Тубахъ-деревня на берегу р Аниша, къ Ю. В. отъ с. Байгулова).

У юго-восточнаго подножія этого кладбища, въ верстѣ отъ него, на берегу ручья, обтекающаго возвышенность съ первымъ кладбищемъ, находится другое кладбище малыхъ размѣровъ, носящее названіе „ача-мазаръ“ — дѣтское кладбище. При раскопкахъ одной могилы здѣсь былъ обнаруженъ не цѣльный скелетъ съ брахицефальнымъ черепомъ взрослого, что стоитъ въ извѣстной степени въ согласіи съ нахожденіемъ на сосѣднемъ кладбищѣ памятниковъ съ арабскими надписями. Оба эти кладбища слѣдовало бы раскопать специалисту антропологу. Скелетъ здѣсь былъ въ деревянномъ гробѣ и былъ положенъ головою на сѣверо-западъ.

Остается еще сказать, что каменные памятники сдѣланы не изъ мѣстныхъ известняковъ, а изъ оолитоваго известняка, каковой развитъ около Казани и ниже.

Проф. П. Кротовъ.

О саблѣ съ греческою надписью ¹⁾.

Въ Лихачевскомъ отдѣлѣ Казанскаго Городскаго Научно-промышленнаго Музея подъ № 56-мъ имѣется сабля съ ярлыкомъ, на которомъ рукою А. Θ. Лихачева написано слѣдующее:

„Клинокъ сабли (см. рис. 1) съ греческою надписью, найденъ при распашкѣ нови изъ подъ срубленнаго строеваго сосноваго лѣсу, подъ корнями одного изъ пней въ дачахъ с-ца Каргалы, Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи, и былъ подаренъ тогдашнимъ владѣльцемъ имѣнія Г. Терскимъ моему отцу Θ. С. Лихачеву въ началѣ 30-хъ годовъ этого столѣтія“ ²⁾.

Повидимому это—тотъ самый клинокъ, который нѣкогда, для опредѣленія его времени и значенія, былъ посланъ въ Русское Археологическое Общество и о которомъ говоритъ между прочимъ Василій Александровичъ Прохоровъ ³⁾. По его словамъ „клинокъ сабли найденъ въ землѣ, при раскопкѣ нивы, въ 1832—33 гг., въ Тетюшскомъ уѣздѣ, Казанской губ., въ селеніи Карчалѣ“. Такимъ образомъ, видимъ, что г. Прохоровъ передѣлалъ выраженіе „при распашкѣ нови“

¹⁾ Доложено Общему Собранію О-ва А., И. и Э. 26 апр. 1909 года.

²⁾ т. е. XIX-го столѣтія.

³⁾ Въ его интересной статьѣ «О древнихъ сабляхъ съ греческими, славянскими и другими надписями», помѣщенной во 2-мъ вып. «Трудовъ II археологическаго съѣзда въ С. Петербургѣ» (СПБ. 1881, отд. IV. Г.), стран. 195—202.

въ „при раскопѣхъ нивы“ и „сельцо Каргалу“ въ „селеніе Карчалу“¹⁾).

Теперь переходимъ къ нашему клинку. Вѣсомъ онъ въ 2 фунта и длиною въ 94 сантиметра, кривой формы, съ остаткомъ просверленной въ 4 мѣстахъ вдоль рукоятки въ 8 сантиметровъ и съ золотыми инкрустаціями. Поставивъ саблю вертикально, острымъ концемъ вверхъ и рукояткой внизъ, увидимъ слѣдующее:

Самая нижняя инкрустація (см. рис. 2) изображаетъ арку арабской архитектуры, съ копьеобразнымъ наверху репейкомъ (узоромъ), напоминающимъ куполы русскихъ церквей, но съ узоромъ въ видѣ креста не наверху купола, а внутри его.

По бокамъ копьеобразнаго узора стоятъ два подсвѣчника съ горящими свѣчами (рис. 2).

Надъ подсвѣчниками—овальный образъ Божіей Матери съ Младенцемъ Іисусомъ и съ расцвѣтшимъ цвѣткомъ на длинной вѣткѣ. Божія Матерь поддерживаетъ Св. Младенца лѣвой рукой, а цвѣтокъ держитъ правой. Оба вокругъ своихъ главъ имѣютъ нимбы. Св. Младенецъ 4 пальцами лѣвой руки прикасается 4 пальцевъ правой руки Богоматери. Правой рукой Св. Младенецъ благословляетъ. На самомъ образѣ, на главахъ Богоматери и Божественнаго Младенца, коронъ или вѣнцевъ не имѣется: обѣ главы покрыты матерією такою-же, какъ и одежда.

Просматривая изображенія Богородицы, изданныя Софіей Снеессоровой²⁾, находимъ, что образъ, представленный золотой

¹⁾ По «Справочной Книгѣ Казанской Епархіи», изданной въ семь году Казанской Духовной Консисторіей, стран. 416, Каргалой называются находящіяся рядомъ: с. Можарово, отстоящее отъ Казани въ 100 верстахъ и Тетюшъ въ 75 верстахъ, и дер. Тояба, отстоящая отъ Можарова въ 2 в. и населенная чувашами. Другой Каргалы и «селенія Карчалы» въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи не имѣется.

²⁾ въ книгѣ «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ Православною Церковью на основаніи Священнаго Писанія и Церковныхъ Преданій» (СПБ. 1898. Изд. 2-ое), стран. 189 и 544.

инкрустаціей на нашемъ клинкѣ, не есть вовсе, какъ думаетъ В. А. Прохоровъ, образъ „Неувядаемый Цвѣтъ“, чествуемый Православною Церковью 3-го апрѣля, а есть совершенно другой, именно „Благоуханный Цвѣтъ“, который чествуется на-шею Церковью 15 ноября. Указываемый г. Прохоровымъ образъ „Неувядаемый Цвѣтъ“ не подходитъ къ образу, инкрустированному на нашемъ клинкѣ: на образѣ „Неувядаемый Цвѣтъ“ Богоматерь держитъ Спасителя правой рукой, а вѣтку лѣвой, а на нашемъ образѣ—наоборотъ; далѣе, на образѣ „Неувядаемый Цвѣтъ“ Божія Матерь—въ коронѣ и правая рука Спасителя опущена, а не благословляетъ, на нашемъ-же образѣ—такъ, какъ сказано выше.

Поднимаясь выше, видимъ (рис. 2) двухъ полунагихъ и имѣющихъ по два крыла ангеловъ, снабженныхъ каждый большимъ крестомъ на груди. Лѣвый ангелъ держитъ въ правой рукѣ черный мечъ, а лѣвой поддерживаетъ корону, правый-же корону поддерживаетъ правой рукой, а въ лѣвой держитъ черный мечъ. Мечи—кривой формы. Корона, по опредѣленію г. Прохорова,—западной формы: обычай украшать короною Божію Матерь, какъ Царицу Небесную, въ иконографіи Восточной Церкви явился подъ вліяніемъ западнаго искусства и то лишь въ позднѣйшія времена (съ конца XVII вѣка).

Выше ангеловъ, держащихъ корону Богоматери, слѣдуетъ (см. рис. 3) начинающаяся крестомъ греческая надпись, которую В. А. Прохоровъ, Г. С. Дестунисъ и дѣйств. чл. нашего Общ. Арх., Ист. и Этн. проф. С. П. Шестаковъ дешифрируютъ удобопонятнымъ образомъ такъ:

ΣΥ ΒΑΣΙΛΕΥ ΑΝΤΙΤΗ ΛΟΓΕ ΘΕΟΥ ΠΑΝΤΑΝΑΞ....

Σὺ βασιλεῦ ἀντίτητε, λόγε θεοῦ παντάναξ....

По-русски эта надпись переводится:

Ты, Царю Непобѣдимый, Слово Божіе всевластно.....

Надпись, какъ видно, не окончена и не вполне отдѣлана, напр. въ послѣднемъ словѣ *παντάναξ* не додѣланы два *α*, и затѣмъ нѣтъ глагола—сказуемаго, въ родѣ: *ΒΟΗΘΗ*—„помоги“, *ΔΩΡΗΣΕ ΝΙΚΗΝ*—„даруй побѣду“ и т. п., что

встрѣчается нерѣдко на другихъ подобныхъ настоящему предметамъ.—Имѣющаяся на нашемъ клинкѣ надпись встрѣчается въ этомъ-же или болѣе полномъ видѣ, по словамъ г. Прохорова, также: на одной саблѣ, поднесенной Государю Павлу I, на одной саблѣ въ коллекціи князя Паскевича, на одной саблѣ въ Царскосельскомъ Арсеналѣ¹⁾, на одной овальной иконѣ Св. Георгія въ Музеѣ древнерусскаго искусства при Императорской Академіи Художествъ и на другихъ предметахъ, гдѣ эта надпись имѣла значеніе оберега, т. е. молитвы для охраненія владѣльца вещи отъ враговъ²⁾.

На другихъ сабляхъ встрѣчаются и рисунки нашего клинка, какъ-то: арка, куполь, образъ Богоматери съ вѣткой и ангелы, хотя съ нѣкоторыми отличіями отъ рисунковъ нашего клинка. Для сбыванія любителямъ греческой, русской и арабской старины такія вещи, какъ сабли, снабжались часто или именами древнихъ царей и князей, или древними арабскими и славянскими цыфрами и словами, въ родѣ напр. *ΜΕΓΑΛΟ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟ*—„Константину Великому“ и *ΑΛΛΑΧ ΚΑΙΡΗΜ* *الله كريم* „Аллахъ Керимъ“—„Богъ Милостивъ“, какъ имѣется на одной греческой саблѣ Царскосельскаго Арсенала³⁾, изготовленной въ концѣ XVII вѣка.

Размѣры инкрустацій и нѣкоторыхъ частей клинка слѣдующіе: высота арки—4,2 сантиметра, высота копьеобразнаго узора—2,7 с., высота подсвѣчниковъ до конца пламени—4,7 с., высота ободка образа—3,3 с. и ширина ободка—3 с., высота изображенія ангеловъ до верхушки короны—

¹⁾ См. книгу «Царскосельскій Музей съ собраніемъ оружія, принадлежащаго Государю Императору» (СПБ. 1860), стр. 157—158.

²⁾ Здѣсь нелишне добавить, что значеніе оберега имѣла и икона Божіей Матери, которая какъ оберегъ встрѣчается и на амулетахъ, называемыхъ змѣвиками, изученіемъ которыхъ такъ ревностно занимаются русскіе археологи гр. И. И. Толстой и почет. членъ нашего Общ. Арх., Ист. и Этн. проф. Н. О. Высочкій.

³⁾ См. сочин. «Царскосельскій Музей съ собраніемъ оружія» (СПБ. 1860), стран. 65.

НИ БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

3 с.; длина надписи вмѣстѣ съ крестомъ—19,5 с. и ширина ея—1 с.; ширина клинка: у эфеса—4 с., въ 16 с. отъ конца надписи вверхъ—3 с. и въ 21 с. отъ остраго конца—3,7 с.; наибольшая толщина лезвія—1,1 с.

Другая (лѣвая) сторона клинка—чистая, безъ надписей и орнаментовъ. Фонъ сабли—темный.

Въ виду того, что у грековъ до XV вѣка, т. е. до паденія Византіи отъ ударовъ, нанесенныхъ турками, не употреблялись кривой формы мечи (сабли), то нѣтъ основаній считать нашу саблю древней греческой, хотя почеркъ письма, можетъ быть, и древній (X-го вѣка). По всѣмъ даннымъ видно, что нашъ клинокъ сдѣланъ въ подражаніе древнему греческому холодному оружію какимъ-нибудь славяниномъ, знавшимъ греческій языкъ. По рисункамъ короны, поддерживаемой ангелами съ кривыми мечами, по формѣ и работѣ сабли, сходствующимъ съ таковыми-же на вещахъ времени съ Петра I, нашей саблѣ можно дать отъ роду развѣ немного болѣе 200 лѣтъ, а можетъ быть, и меньше того.

И такъ, мы имѣемъ передъ собою не древнегреческую рѣдкость, а просто—новѣйшей фабрикаціи поддѣлку подъ древность, хотя она, по записи бывшаго владѣльца, и найдена „подъ корнями одного изъ пней, изъ подъ срубленнаго строевого соснового лѣса“ *).

Н. Катановъ.

*) Въ «Описи собранія оружія графа С. Д. Шереметева», составленной Э. Ленцомъ и напечатанной 1895 г. въ С.-Петербургѣ, имѣются: 1) на стр. 64-ой подъ № 268-мъ описаніе подобной же, какъ Лихачевская, греческой сабли конца XVIII в. и 2) на таблицахъ IX и XX въ уменьшенномъ видѣ 2 изображенія этой сабли, равные которой экземпляры хранятся также въ Имп. Эрмитажѣ и въ Москов. Оруж. Палатѣ.

Деформированные черепа Казанской коллекціи.

Громадной величины опознавательнымъ пунктомъ въ археологіи является находеніе деформированныхъ череповъ. Въ коллекціи Казанскаго антропологическаго музея имѣется нѣсколько череповъ, которые до сихъ поръ еще неизучены надлежащимъ образомъ. Къ нимъ я отношу черепа изъ Херсонеса, Керчи; черепа изъ Перу; нѣкоторые деформированные черепа неизвѣстнаго происхожденія. Дѣлать какіе либо выводы не считаю возможнымъ. Слишкомъ мало точекъ опоры.

Измѣренія произведены согласно *Project d'entente internationale sur les mesures craniométriques et céphalométriques*, пом. въ *revue de l'école d'anthropologie* за 1907 годъ р. 50. II. при чемъ для сокращенія подѣ

№ 1	подразумѣвается	наибольшая	длина	черепа.
№ 3	—	наибольшая	ширина	
№ 4а	—	высота	отъ базіона	къ брегмѣ
№ 5	—	миним.	ширина	лба
№ 6	—	максимальн.	ширина	лба
№ 7	—	діаметръ	би-мастоидальный	м.
№ 8	—	—	скуловой	м.
№ 9	—	—	назіонъ—базіонъ	
№ 10	—	—	альвіонъ—базіонъ	
№ 11	—	—	назіонъ—альвіонъ	
№ 12	—	—	назіонъ—ментіонъ	
№ 13	—	—	высота	носа
№ 14	—	—	ширина	носа
№ 15	—	—	межглазничная	ширина

№ 16	—	—	ширина глазницъ
№ 17	—	—	высота глазницъ
№ 18	—	—	шир. альвеолярнаго края верхней челюсти
№ 18'	—	—	высота альвеол. дуги в. ч.
№ 19a	—	—	длина неба
№ 19b	—	—	ширина неба
№ 21a	—	—	длина з. отверстія
b	—	—	ширина з. отверстія
№ 22	—	—	сагиттальный обмѣръ лентой
№ 23	—	—	трансверзальный
№ 23'	—	—	горизонтальный

За неимѣніемъ талона емкость не измѣрялась.

Черепъ изъ Керчи, № 3. деформированный назадъ.

N. Fr. Лобная кость отдавлена назадъ, бугры уплощены, между ними на всемъ протяженіи кости лобный шовъ. Хорошо развиты надбровныя дуги. F. supraorbitale высоко отъ края; справа до 1 сент.; glabella выпуклая, широкое переносье; большія округлыя глазницы; тонкій съ горбинкой носъ; широкія скулы; хорошо развиты f. caninae.

N. P. Черепъ достигаетъ макс. высоты близъ obelion'a вдоль s. сог. перемычка; ниже второе возвышеніе въ видѣ небольшого валика переходящее въ лобный скать. S.S. заросъ на всемъ протяженіи.

N. L. Птеріонъ съ обѣихъ сторонъ заросъ. Черепъ скошеннымъ лбомъ; близъ брегмы скать прерывается перемычкой; достигаетъ своего макс. около obelion'a; сильно развитые pr. mast.;

N. Oc. Черепъ вверхъ въ видѣ удлиненнаго овала. L. заросъ почти совершенно. Могущ. pr. mast.

N. B. Широкія дуги; зубы сильно изъѣдены; з. мудр. есть; небо плоское широкое; Thorus двумя валиками со щелью: f. magnum неправильной формы. S. Sph. заросъ.

Черепъ былъ сдавленъ, по видимому лентой или дощечками по плоскостямъ пар. діаметру obelion—S. Nasion, имѣетъ видъ сахарной головы отклоненной назадъ.

№ 1	182	№ 15	29
№ 2	162	№ 16	33
№ 3	137	№ 17	37
№ 4	137	№ 18	62
№ 5	100	№ 19a	46
№ 6	126	№ 19b	37
№ 7	137	№ 20	47
№ 8	—	№ 21a	39
№ 9	103	№ 21b	36
№ 10	98	№ 22	125, 255, 370
№ 12	78	№ 23	325
№ 13	56	№ 23'	475
№ 14	26		

Черепъ изъ Пантикопей деформированный назадъ.

Norma Fr. Лобъ покатый, бугры сглажены. На glabell'ѣ слѣдъ suturae persistens, справа inc: supraorb; слѣва f. supraorb. глазницы велики, четырехугольны; умѣрено р. ск. кости;

Norma. V. Швы открыты; вдоль s. сог. валъ.

Norma occip. шовъ мысомъ; ворміевы кости; кость стерта.

Norma B. Широкое и плоское небо; Thorus'a нѣтъ; неправильный рядъ зубовъ; synchondrosis basilaris открытъ, четырехугольный f. magn.

Norma L. Черепъ склоненъ назадъ, съ перехватомъ на брегмѣ.

№ 1	172	№ 9	97
№ 3	142	№ 10	97
№ 4	140	№ 11	114
№ 5	97	№ 12	65
№ 6	116	№ 13	48
№ 7	126	№ 14	22
№ 8	сломанъ	№ 15	сломанъ

№ 16	40	№ 21b	31
№ 17	34	№ 23'	490
№ 19a	45	№ 22 130;222;255;365	
№ 19b	39	№ 23	325
№ 21a	35		

Черепъ деформированный изъ Херсонеса Таврическаго.

N. Fr. Лобъ сильно скошенъ назадъ. На брегмѣ воз-
шеііе; большія округлыя глазницы; сильныя ск. кости; глу-
бокія f. canina

N. Vert. швы спаяны.

N. Occip. Шовъ дугой; кость сглажена.

N. Later. Черепъ сильно скошенъ въ направленіи al-
vion—obelion.

N. basil. Продолговатое нѣбо. Thorus мысомъ; неопр.
формы foramen magn.

№ 1	181	№ 14	25
№ 3	122	№ 15	22
№ 4	130	№ 16	43
№ 5	90	№ 17	38
№ 6	спайка?	№ 19a	52
№ 7	120	№ 19b	38
№ 8	125	№ 21a	30
№ 9	100	№ 21b	24
№ 10	101	№ 22 . 115;—;—;370	
№ 11	нѣтъ	№ 23	290
№ 12	66	№ 23'	485
№ 13	63 ¹⁾		

Черепъ деформированный изъ Херсонеса; № 211 Ан.
К. М.

N. Fr. Лобъ скошенъ; incisurae s. orb.; высокія квад-
ратныя глазницы; удлин. apertura pyriform. сильныя ск.
дуги; уплощ. fossae caninae; прогнатизмъ.

N. Vert. швы открыты;

¹⁾ Соб. А. Лебедева.

N. Occip. высокій черепъ; ossa praeinterpar. кость. уплощена;

N. Lat. черепъ скошенъ.

N. Basil. Глубокое небо; торусъ двувалообразный; оваломъ. f. magnum.

№ 1	170	№ 14	21
№ 3	130	№ 15	17
№ 4	147	№ 16	38
№ 5	88	№ 17	35
№ 6	115	№ 19a	45
№ 7	128	№ 19b	34
№ 8	сломанъ	№ 21a	33
№ 9	103	№ 21b	27
№ 10	99	№ 22 120;210;260;355;	
№ 11	нѣтъ	№ 23	310
№ 12	75	№ 23'	455
№ 13	54		

Черепъ изъ Керчи (деформированный?)

N. F. Черепъ съ удлинненнымъ лиц., немного покатымъ лбомъ; съ косо поставленными продолговатыми, выдающимися надбров. дугами, удлиненной ар. pyriformis, съ носовыми костями горбомъ; хорошо развитыми скуловыми костями, альвеолярнымъ прогнатизмомъ.

N, P. овоидъ; поверхность изъѣдена.

N. O. Пентагоноидъ, Thorus occipitalis, могущ. pr. mastoidaei.

N. B. Глубокое гиперболическое небо. Thorus palatinus. F. ovale сломано.

№ 1	198	№ 4'	126
№ 2	133	№ 4''	134
№ 3	—	№ 5	—
№ 4 . 115 max.; 99 min.		№ 6	—

№ 7	70	№ 14	40
№ 8	48	№ 15	—
№ 9	24	№ 16	—
№ 10	26	№ 17	400
№ 11	45	№ 18	420
№ 12	34	№ 19	545
№ 13	49		

Черепъ изъ Перу съ раздавшимися темянными бугр; покатымъ лбомъ, округлыми глазницами, умѣренно развитыми скуловыми костями. № 710.

N. Fr. Покатый лобъ; умѣренно развитые лобные бугры валь плоскій, но хорошо замѣтный на мѣстѣ лобнаго шва. Его слѣдъ на glabella; большія округлыя глазницы; выпуклая glabella; слабыя слитныя дуги; умѣренно развитое переносье; сглаженные *incisurae supraorbitales*; плоскія *fossae caninae* съ громадными *f. infraorbitales*; прогнатизмъ;

N. P. швы цѣлы, т. бугры сильно развиты; слѣва къ брегамъ примыкаетъ слѣдъ поверхностнаго остеопороза.

N. T. Лобъ скошенъ умѣренно; затылокъ обрывомъ. Птеріонъ H—образный.

N. Oc. Шовъ выростомъ; Ворміевыхъ костей нѣтъ. *Thorus occipitalis*; умѣренно развитыя *pr. mast.* мышечныя поля хорошо отграничены.

N. B. Основной шовъ не заросъ; *Thorus palatinus* двумя валиками со щелью; овальное б. з. отверстіе. Небо плоское овальное.

№ 1	150	№ 3	135
№ 2	144	№ 4	120

№ 5	85	№ 16	35
№ 6	113	№ 17	35
№ 7	114	№ 18	58
№ 8	114	№ 19a	42
№ 9	88	№ 19b	32
№ 10	84	№ 20	32
№ 11	—	№ 21	30
№ 12	60	№ 21	25
№ 13	60	№ 22 :	105;215;320.
№ 14	21	№ 23	289
№ 15	19	№ 24	445

Черепъ № 709. Изъ Перу съ кладбища 15 столѣтія въ Анконѣ.

N. Fr. Черепъ съ высокимъ отлогимъ лбомъ, широко раздавшимся темянными буграми; съ округлыми глазницами; съ умѣренно развитыми скулами; темянные бугры умѣренно развиты; на мѣстѣ лобнаго шва замѣтенъ валикъ, исчезающій близъ офріона. Лобныя дуги замѣтны; glabella выпукла. Переносъ сдвинуто. Справа и слѣва вырѣзки; слѣва кромѣ того и отверстіе (f. s. orb.). Округлыя глазницы; уплощенные f. caninae; сильный прогнатизмъ.

N. P. Черепъ округлый, сдвинутый со стороны лобной кости и со стороны затылочной кости; мѣсто obelion'a уплощено; темянные бугры расширены. Явственная асимметрия: Черепъ скошенъ слѣва на право.

N. L. Прогнатизмъ; носов. кости вздернуты; уплощенный лобъ; затылочная кость оттянута; черепъ скошенъ назадъ.

N. O. Ворміевы кости; бугристая чел.; Thorus occipitalis; сл. pr. mast.

N. B. Зубы мудрости; небо овальное. Глубокій Thorus palatinus неправильной формы: ромбовидной формы затылочное отверстіе; основной шовъ заросъ.

№ 1	159	№ 3	156
№ 2	153	№ 4	129

№ 5	94	№ 16	39
№ 6	137	№ 17	35
№ 7	125	№ 18	61
№ 8	130	№ 19a	52
№ 9	92	b	39
№ 10	95	№ 20	40
№ 11	—	№ 21a	32
№ 12	69	b	28
№ 13	51	№ 22	115;230;335
№ 14	22	№ 23	325
№ 15	29	№ 24	495

Черепъ за № 480 (помѣтка въ к. муз. типическій доли-коцефаль).

Norma front.: лобъ высокій, немного покатый; лобные бугры развиты мало; на мѣстѣ лобнаго шва вверху замѣтенъ ясно валикъ. *Glabella* рѣзко выпукла, могущественныя надбровныя дуги; между ними въ области *glabella* слѣдъ метопическаго шва. Справа одинъ *f. supraorbitale*; слѣва удвоение; *incisurae* слитны; большія четырехугольныя глазницы, продолговатыя; широкое переносье; приплюснутыя носовыя кости; *apert. pyr.* неопр. формы; *fossae caninae* уплощены; хорошо развиты скуловые кости.

Norma par. удлинennyй черепъ съ расширенными *F. parietalia*; вдоль всего черепа валъ; *S. S.* заросъ весь; *obelion* уплощенъ; *f. intirpariet* слѣва увеличено;

Norma occipitale; шовъ выростомъ; кое гдѣ синостозированъ; могущественный *Th. occipitalis*; поля хорошо отграничены; чешуя оттянута; *pr. mast.* хорошо развиты.

Norma T. empr.: птеріонъ Н—образный формы; сильное развитіе темянныхъ дугъ; черепъ уплощенъ; макс. высоты достигаетъ на *bregm'ѣ*; прогнатизма нѣтъ;

Norma basilare. Зубы изѣдены *caries'*омъ; есть зубы мудрости; *Th. palatinus* мысомъ; *T. occipitale* ромбоидной формы.

№ 1	213	№ 14	27
№ 2	200	№ 15	24
№ 3	135	№ 16	40
№ 4	139	№ 17	33
№ 5	102	№ 18	—
№ 6	118	№ 19'	51
№ 7	125	№ 19"	—
№ 8	128	№ 21'	37
№ 9	119	№ 21"	29
№ 10	104	№ 22	150;295;425
№ 11	—	№ 23	315
№ 12	74	№ 24	560
№ 13	55		

Черепъ безъ № ; скафоцефаль.

Черепъ съ высокимъ покатымъ лбомъ, большими округлыми глазницами; сильно развитыми скуловыми костями.

Н. Г. Лобъ высокій покатый; на мѣстѣ лобнаго шва ясно замѣтный валъ переходящій выше въ такой же валъ на всемъ протяженіи сплошь заросшаго стрѣловиднаго; лобные бугры замѣтны; *glabella* выпукла; дуги слитны; справа *incis.* и *for. supraorbit.*; слѣва *for. supraorb.* Утолщенное переносье съ сильно разв. слезными костями; удлиненная *apertura rugif.*, плоскія ямки (*caninae*), мощная в. челюсть.

Н. Р. Черепъ—овоидъ; *Coronalis* и *Sagit.* заросли сплошь, *Foramen. interp.* сохранились.

Н. Т. Высокій черепъ съ отлогимъ лбомъ и округлымъ затылкомъ; хорошо развитый *pr. stil.*; Н—птеріонъ;

Н. Ос. Шовъ плоскій дугою; Ворміевыхъ костей нѣтъ. *Thorus occipitales*; уплощенные ямки для *gest.*; хорошо отграниченныя поля;

Н. В. Зубы мудрости есть; *caries* мало выраженъ; небо глубокое; цилиндрическое; *Thorus palatin.* смѣшанной формы, основ. шовъ открытъ; з. отверстіе овальной формы.

№ 1	171	№ 14	26
№ 2	167	№ 15	29
№ 3	126	№ 16	37
№ 4	136	№ 17	36
№ 5	93	№ 18	66
№ 6	122	№ 19a	50
№ 7	117	b	43
№ 8	127	№ 20	49
№ 9	95	№ 21a	33
№ 10	94	b	27
№ 11	—	№ 22	—?;250;355
№ 12	82	№ 23	300
№ 13	57	№ 25	470

М. Хомяковъ.

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФІЧЕСКІЕ.

Частушки—«припѣвки».

(Изъ села Гусихи Спасскаго уѣзда Казанской губерніи).

Сравнительно недавно появившаяся частушка, которая возбудила много толковъ и среди общества и среди людей науки и успѣла найти даже подражателей себѣ въ нашей литературѣ¹⁾, все же еще мало изслѣдована²⁾.

Собрано частушекъ тоже еще мало, не смотря на широкую распространенность ихъ по Россіи: извѣстны въ печати собранія частушекъ изъ Московской, Костромской, Ярослав-

¹⁾ Укажу на В. Брюсова, одного изъ видныхъ современныхъ поэтовъ у котораго въ сборникѣ стиховъ: «Пути и перепутья» (т. II, стр. 17, 18, 23) есть «пѣсни», очень близкія по характеру къ частушкѣ. Самъ онъ ихъ называетъ «фабричными».

²⁾ Литературу о частушкѣ можно назвать уже обширною. Она почти вся приведена въ книжкахъ извѣстнаго изслѣдователя частушки Д. К. Зеленина: «Новыя вѣянія въ народной поэзіи» (М. 1902), «Пѣсни деревенской молодежи» (Вятка 1903) и статьѣ его: «Собраніе частушекъ Новгородской губ.» («Этн. Обозр.», 1905, №№ 2 и 3). Съ своей стороны могу еще указать слѣдующее: «Низовая частушка»—Н. Работнова («Жив. Стар.», 1906, I вып.); «Пѣсня»—Е. Аничкова (въ «Исторіи рус. слов.», изд. т-ва «Міръ»), т. I, стр. 170—220; нашу брошюрку: «Народная пѣсня новаго времени» (Казань. 1908). Какъ намъ извѣстно, скоро выйдетъ въ свѣтъ изслѣдованіе А. И. Зачиняева.

ской, Вятской, Пермской и Саратовской губерній, всего приблизительно около 4000 куплетовъ. Кажется, собраній частушекъ изъ Казанской губерніи въ печати не появлялось.

Недавно намъ представился случай записать около 70 частушекъ изъ с. Гусихи Спасскаго уѣзда Казанской губерніи. Это собраніе, конечно, весьма незначительно, охватываетъ слишкомъ маленький районъ, но пренебрегать ими во всякомъ случаѣ нельзя по какимъ бо то ни было побужденіямъ: онѣ быстро исчезающій, иногда весьма важный матеріалъ для историка, какъ сказалъ Н. Костомаровъ.

Частушки эти записаны мною отъ неграмотной крестьянки Прасковьи Андр. Богомоловой, пришедшей въ первый разъ въ Казань на заработки (въ услуженіе) лишь осенью 1908 года изъ с. Гусихи, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи. Сама она умѣла и распѣвать ихъ.

Гусиха—базарное село съ великорусскимъ населеніемъ, имѣющимъ окающій говоръ. Оно находится приблизительно въ 20 верстахъ отъ уѣзднаго города Спасска и 120 верст. отъ г. Казани. По словамъ пѣсенницы, по близости отъ с. Гусихи нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ни желѣзной дороги, ни пристаней (пристань на р. Камѣ въ 40 верст.), къ которымъ могло бы тяготѣть мѣстное населеніе. Однако отхожіе промыслы здѣсь существуютъ. Крестьяне ходятъ на заработки въ окружные помѣщичьи хутора, въ уѣздный городъ Спасскъ, г. Казань и другіе новолжскіе города. Грамотныхъ въ селѣ, повидимому, много, такъ какъ школа здѣсь будто-бы существуетъ давно.

Припѣвки ¹⁾ (такъ называютъ здѣсь частушку) въ этой мѣстности, вѣроятно, явленіе недавняго времени. *Когда* именно, какъ сюда проникла припѣвка-частушка, отъ пѣсенницы

¹⁾ Мѣстное названіе частушки—*припѣвка*, вѣроятно, объясняется изъ манеры пѣнія ея, близкой къ речитативу. Можетъ быть, это объясняется и тѣмъ, что слова въ этой пѣснѣ, имѣютъ второстепенное значеніе, лишь *припѣваются*, а главное—мелодія, которая всегда неизмѣнна.

мы опредѣленныхъ свѣдѣній не получили. Это, какъ и вездѣ, трудно узнать изъ разспросовъ. Намъ кажется, что гусихинцы познакомились съ частушкой благодаря отхожимъ промысламъ. Что припѣвка здѣсь появилась благодаря отхожимъ промысламъ (главнымъ образомъ), объ этомъ достаточно ясно говорить, во 1-хъ, неоригинальность многихъ куплетовъ ея, во 2-хъ, упоминаніе въ нихъ тѣхъ городовъ, куда гусихинцы отправлялись раньше и отправляются теперь на заработки: Казани, Самары, Мелекеса, Саратова¹⁾. Итакъ, толчокъ данъ былъ извнѣ. Затѣмъ, дальнѣйшее развитіе припѣвки пошло еще и въ зависимости отъ мѣстныхъ условій; тогда появились и мѣстныя припѣвки. Что такія есть среди записанныхъ нами, на это убѣдительно указываютъ припѣвки, воспѣвающія что-либо мѣстное, которыя могли возникнуть, конечно, только въ этой мѣстности²⁾. Здѣсь случилось то же, что и вездѣ. Деревня, познакомившись и усвоивъ форму *новой пѣсни*, не замедлила обзавестись куплетами собственнаго производства, вложивъ въ нихъ свое, деревенское, содержаніе. Но мы едва-ли должны ограничиться указаніемъ одного вліянія—вліянія города, фабрики и т. п. Едва-ли можно забыть про школу, ея стишки, народные пѣсенники, лубочныя картинки съ пѣснями. Вѣдь, грамотные крестьяне въ селѣ есть; они вышли изъ школы съ нѣкоторымъ запасомъ стиховъ. И по выходѣ изъ школы грамотные продолжали знакомиться со стихами по лубочнымъ пѣсенникамъ и картинкамъ. Такимъ образомъ, помимо „фабричныхъ“ пѣсенъ-частушекъ у гусихинцевъ (какъ и во многихъ мѣстностяхъ) могли быть другіе, болѣе совершенные, образцы для подраженія, образцы *чисто литературные*. Изъ устъ самой пѣсенницы П. А. Богомоловой мы слышали въ искаженномъ видѣ слѣдующія произведенія русскихъ поэтовъ: 1) „Сяду я за столъ“...—*Кольцова*, 2) „Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ“...—*Никитина* и 3) „Охъ, полнымъ-полна

¹⁾ См. въ настоящемъ собраніи куплеты припѣвокъ №№ 18, 46, 64.

²⁾ См. куплеты №№ 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15.

коробушка“....—*Некрасова* ¹⁾). Всѣ эти стихотворенія давно уже циркулируютъ въ народныхъ лубочныхъ пѣсенникахъ, которые распространены среди народа.

Итакъ, появленіе и распространеніе припѣвки—частушки въ данной мѣстности можно объяснить, по нашему мнѣнію, тремя факторами:

- а) вліяніемъ фабрики и города,
- б) непосредственнымъ литературнымъ вліяніемъ и
- в) чисто мѣстными условіями.

Припѣвки здѣсь широко распространены, тогда какъ старыя пѣсни въ забвеніи и пренебреженіи у молодежи. Парни и дѣвицы распѣваютъ припѣвки подъ аккомпаниментъ гармоникки (какъ и вездѣ почти) или балалайки. Дѣвицы, если онѣ однѣ, распѣваютъ ихъ лишь подъ балалайку. Мелодія припѣвки однообразна, бѣдна въ музыкальномъ отношеніи. Подъ эту же пѣсню съ аккомпаниментомъ гармоникки здѣсь устраиваютъ „тѣнцы“ (танцы)—кадриль („кадрэль“). Назвать хорошихъ „припѣвочниковъ“ и „припѣвочницъ“, творцовъ ея, пѣсенница намъ не могла. Несомнѣнно, однако то, что мѣстные творцы припѣвокъ здѣсь, какъ и вездѣ, должны быть: иначе нельзя объяснить себѣ появленія куплетовъ припѣвокъ съ „мѣстною“ окраскою.

Что же представляютъ собою гусихинскія припѣвки въ литературномъ отношеніи?

Гусихинскія частушки—по большей части двухстрочныя пѣсенки.

Напр., Прощай, матушка Гусиха,—

Я гулялъ въ тебѣ не тихо.

Иногда бываютъ припѣвки въ четыре строки.

Наприм., У гармошки мѣдны ножки,

Бѣлорозовы мѣхи;

Полюбилъ бы сталовѣрку,—

Не замолить-ли грѣхи.

¹⁾ Къ сожалѣнію, эти стихотворенія въ искаженномъ видѣ, имѣющія свой интересъ, мы записать не успѣли.

Очень рѣдки припѣвки больше четырехъ и двухъ строкъ. Такъ, куплеты № 13 и № 24 (всего два) — въ 12 строкъ, куплетъ № 21 — въ 8 строкъ (всего одинъ), куплеты № 29 и № 60 въ 6 строкъ (всего два). Какъ и во всѣхъ частушкахъ, въ угоду мелодіи, рассчитанной на 2 стихотворныхъ строки, у гусихинскихъ припѣвокъ — четное количество стихотворныхъ строкъ. Замѣчено, что если куплетъ ея не имѣетъ четнаго числа строкъ, то послѣднее устанавливается съ помощью повторенія. Стихосложеніе въ гусихинскихъ частушкахъ не представляетъ чего-либо выходящаго изъ ряда обыкновеннаго: оно литературно-тоническое. Его можно назвать вполне установившимся; тяготѣніе къ старинной пѣснотворческой традиціи очень слабо. Укажемъ куплеты № 47, № 48, № 52, гдѣ замѣтна попытка установить ударенія въ стихѣ въ связи съ логическимъ удареніемъ, а не чрезъ опредѣленное количество слоговъ. Изъ литературно-тоническихъ размѣровъ, какъ и вездѣ, преобладаютъ хорей и ямбъ. Рима въ припѣвкѣ является обязательной. Въ большинствѣ случаевъ стихотворныя строки припѣвокъ римуется удовлетворительно: тина-картина (№ 8), кочки-цвѣточки (№ 9), Гусиха-тихо (10), лопаты(=а)ми-горбатыми (№ 12), томпаково-плакала (№ 22) и др. Преобладаютъ въ ней сосѣднія римы (А а—В в), женскія (— —).

Приемы творчества въ гусихинскихъ припѣвкахъ тѣ же, что и въ старинной народной пѣснѣ: въ этомъ отношеніи частушка болѣе всего зависима отъ старой народной пѣсни. Среди небольшого собранія гусихинскихъ частушекъ мы отыскивали символы, параллелизмы, сравненія, эпитеты, повторенія и уменьшительно-ласкательныя слова. *Примѣры символовъ* можно указать въ куплетахъ № 54 и № 59. *Примѣры параллелизма* (положительнаго) ¹⁾ — въ куплетахъ № 39,

¹⁾ Укажу, что отрицательный параллелизмъ почти не встрѣчается вообще въ частушкѣ. Изъ всѣхъ частушекъ, собранныхъ въ разныхъ губерніяхъ, намъ попался всего только одинъ случай его употребленія. См. А. Маркова собраніе ветлужскихъ частушекъ, напечат. въ «Извѣст. Казанск.

№ 30 и № 51. *Сравненія*—въ куплетахъ № 8, № 9, № 23 и № 37. *Отдѣлы эпитетовъ* чрезвычайно богатъ. Таковы изъ нихъ: бѣлорозовы мѣхи, дѣвка-портретъ, Степанка-портретъ, чужая сторонка, черный воронъ, сироточка круглая, бѣлый свѣтъ и т. д. *Примѣры тавтологій*: цвѣтами-букетами (смысловая) въ № 11, туча тучилась (корневая) въ № 13, сошью—вышью (корневая)—въ № 12, пропилась—прокутилась (смысловая)—въ № 58 и др. *Примѣры повтореній* въ куплетахъ №№ 23, 24, 27, 39, 43, 60, 45, и др. *Уменьшительно-ласкательныя слова*: простудушка (№ 48), пролубочка (№ 47), сироточка (№ 24), гармошечка (№ 20), некрутики (№ 13) и др.

Языкъ гусихинскихъ припѣвокъ—близкій къ разговорному языку средняго (мѣщанскаго) класса; провинціализмовъ нами замѣчено два случая: лелѣю (=качаю), матанечка (=милочка)—въ куплетахъ № 43 и № 42.

Что касается содержанія гусихинскихъ припѣвокъ, то отъ систематизаціи ихъ въ этомъ отношеніи мы совершенно отказываемся. Оно излишне здѣсь потому, что, во—1-хъ, большинство ихъ нехарактерно для данной мѣстности, во—2-хъ, ихъ слишкомъ мало, въ—3-хъ, куплеты припѣвокъ не есть принадлежащее всему народу, а лишь отдѣльнымъ личностямъ изъ него, выражающимъ иногда свое чисто мимолетное настроеніе. Слѣдовательно, группировать ихъ по содержанію не представляется даже и нужды. Укажемъ лишь, что большинство ихъ—любовнаго характера и что мѣстная жизнь въ нихъ почти не отразилась. Указанія на мѣстныя условія крайне скудны и безсодержательны. Таковы, напр., куплеты № 8, № 9, № 10 (перодѣлка самарскаго, см, купл. № 18), № 11, № 12, № 8, № 14, № 15.

Настоящее собраніе припѣвокъ изъ с. Гусихи, безусловно, имѣетъ мало значенія. Семьдесятъ частушекъ въ сравне-

Общ. Арх., Ист. и Этн., № 230. Чѣмъ это объяснить? Вѣроятно, этотъ сложный пріемъ, разработанный старою пѣсней оказался не подъ силу частушкѣ, стремящейся къ простотѣ.

ніи съ тысячами безконечнаго потока ихъ—капля въ морѣ. Ихъ нужно собирать, пока онѣ еще не исчезли, не изгладились безпощаднымъ по отношенію къ нимъ временемъ. Только тогда, когда частушекъ будетъ собрано достаточно, возможно будетъ дѣлать строго обоснованные выводы относительно этого новаго вида народнаго творчества.

Собраніе припѣвокъ (частушекъ) изъ с. Гусихи Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи.

1. У гармошки мѣдны ножки,
Бѣлорововы мѣхи;
Полюбилъ бы старовѣрку.—
Не замолить-ли грѣхи.
2. У Гришавой у Анѣнки
Завлекательны глазѣнки.
3. У мово у Осеньки
Всѣ рубашки косеньки.
4. У мово у Филеньки
Всѣ рубашки синеньки.
5. Какъ ловкаприпѣвать,—
Знать, учила се мать.
6. Черна кофточка на ней;
Я—дуракъ—гонюсь за ней.
7. Сошью кофточку на ваткѣ,
А другую на мѣху;
Одного люблю на совѣсть,
А другого для смѣху.
8. Во Гусихѣ грязь да тина;
Дѣвченочки, какъ картина.
9. Во Гусихи грязь да кочки;
Дѣвченочки, какъ цвѣточки.
10. Прощай, матушка Гусиха.—
Я гулялъ въ тебѣ не тихо.
11. Гусинска гора,
Разукрашена она
Цвѣтами—букетами,
Дѣвками—портретами.
12. Княжая гора,
Чѣмъ украшена она?
Ступами, лопатами,
Дѣвками горбатами.
13. Не ходите, дѣвки, замужъ,
Не любите некрутовъ:
Любить некрутиковъ можно,
Разставаться тяжело.
Разстанье-разстаньеце,
Кому миль достанется?
Доставался мой милой
Подруженькѣ дорогой.
Подруженька лестная,
Давай любить мѣстнаго.
Если будемъ мы водиться,
Каждый день будемъ браниться.
14. Черезъ рѣчку, черезъ Камъ,
Подай, милка, телеграмъ
15. Черезъ Волгу рѣченьку
Подай, милый, рученьку.
16. Черезъ темнецькій лѣсокъ
Подай, милка, голосокъ.

17. Черна пара не одѣжа;
На чужихъ плоха надѣжа.
18. Прощай, матушка Самара,—
Я гулялъ въ тебѣ не мало.
19. Отчего солдатки гладки?
На нихъ юбочки на ваткѣ,
На шелковенькой подкладкѣ.
20. Ты, гармошечка, воспой,
Мое сердце успокой.
21. Раскрашенная кивотка;
Милъ уѣхалъ,—я сиротка.
Раскрашена широко;
Милъ уѣхалъ далеко.
Милъ уѣхалъ верстъ за двѣсти,—
Мое сердце не на мѣстѣ.
Милъ уѣхалъ верстъ за сто,—
Не глядѣлъ бы ни на что.
22. Провожала Коленку
Въ поле за часовеньку.
Колечко томпаково,—
Шла оттуда, плакала.
23. Яша—сахаръ, Яша—медъ,
Яша крѣпко ручкой жметъ.
24. Всѣ хороши поженились;
Остается срамота;
Мово милаго забрили,—
Остаюся я одна.
Сироточка круглая,—
Приголубить некому.
Приголубить есть кому,—
Не милъ сердцу моему.
На всѣхъ кольца, на мнѣ пер-
стенъ;
Всѣ попарно, а мнѣ не съ кѣмъ.
На всѣхъ кольца, на мнѣ два;
Всѣ попарно,—я одна.
25. Ты, душистая геранка,
На окошечкѣ не вянь.
Ты повянешь, я полью;
- Милъ посвата(е)тъ, я пойду.
26. Я купила, шить не буду
Коленкор(о)ву кофточку;
Я во вѣки не забуду
Милаго походочку.
27. Надуваетъ, надуваетъ
На дороженьку песку;
Нагоняетъ, нагоняетъ
На меня милой тоску.
28. Туча, туча тучилась;
Я (о)бъ миломъ соскучилась.
29. Шла я лѣсомъ, краюшкомъ,
Кинулъ милый камешкомъ.
Не кидай, милый, камнями:
Не одна иду,—съ парнями.
Еж(е)ли кинешь кирпичомъ,
Останешься не при чемъ.
30. Шла я боромъ, краюшкомъ,
Видѣла соловушка;
У миленка есть сестрѣнка,—
Будетъ мнѣ золовушка.
31. Что ты, милый, губы дуешь?
Иль любить меня не будешь?
Что ты, милый, грубіянишь?
Напротивъ сидишь,—не взгля-
нешь.
32. Шила милому рубашку,
Не хватило шелку;
Хотѣлъ милый просмѣять,—
Не хватило толку.
33. Милый мой—воздушный, тайный—
На чужой сторонкѣ дальней.
Черное море, бѣлый пароходъ—
Сяду я, поѣду на Дальній Вос-
токъ.
34. Говорила подлецу,—
Бѣла шапка не къ лицу,
Не губить тебя фуражка;
Губить кремова рубашка.

35. Гармонь Нова, крышки стерты,
Гармонистъ похожъ на чорта.
36. У Мартыновыхъ на крышѣ
Нестроганный, новый тестъ;
У нихъ есть сынокъ Степанка,
Нарисованный портретъ.
37. Мнѣ—такого алаго,
Какъ Ваньку Таманова.
38. Я пошью, я вспашу,
Кустъ малины посажу,
Я подамъ миленку вѣсть:
Приходи малинку вѣсть.
39. Ты не вейся, черный воронъ,
Надъ вершинкой тоненькой
Ты не смѣйся, плутъ—мальчиш-
ка,
Надо мной молоденькой.
40. Охо-хо-хо-хонюшки,
Тошно безъ Аеонюшки;
Аха-ха-ха-ханюшки,
Тошно безъ Гаранюшки.
41. У гармошки—мѣхи сини;
Зачѣмъ женятся разини?
У гармошки—мѣхи буры;
Зачѣмъ замужъ идутъ дуры?
42. Матанечка съ горъ бѣжала,
Въ одной кофточкѣ дрожала.
43. Прощай, лѣсъ, прощай, дуброва,
Прощай, милка черноброва;
Милка спить, а я лелѣю ¹⁾,
Разбудить его не смѣю.
44. Прощай, лѣсъ, прощай, орѣш-
никъ,
- Прощай, милый мой насмѣш-
никъ.
45. Сошью, вышью мелкій сборъ,—
Буду прыгать чрезъ заборъ.
Сошью, вышью по канвѣ,—
Пусть страдаетъ обо мнѣ.
46. Мелекесъ мой, Мелекесъ,
Въкругъ тебя зеленый лѣсъ.
Мелекесъ—городъ-посадъ.
Вокругъ его зеленый садъ.
47. Мой-отъ миленькій уѣхалъ,
Я, голубушка, куда?
Есть на рѣченькѣ пролубочка,—
Головужкой туда.
48. Болить моя грудужка;
Сказали,—простудужка.
Болить сердце не отъ боли,
Отъ проклятой отъ любви.
49. Чрезъ тебя, проклятый песъ,
Пролила я сколько слезъ,
Чрезъ тебя, проклятаго,
Всю ночь проплакала,
50. Мой-отъ—милый пьяница,
Не велитъ румяниться,
А я его не боюсь,
Нарумянюсь, набѣлюсь.
51. Вѣтеръ дуетъ изъ конецъ (?);
Везутъ Саньку подъ вѣнецъ.
Вѣтеръ дуетъ изъ конца;
Везутъ Саньку с'—подъ вѣнца.
52. Вотъ и пѣсня вся;
Ее пѣть нельзя
На припѣвочку.

¹⁾ Качаю.

53. Машинушка кругомъ—кру-
гомъ;
Разстаемся съ милымъ другомъ.
54. Разстается ледъ съ водою,
А мы, миленькій, съ тобою.
Ледъ съ водой опять сойдется,
А намъ съ тобой не придется.
55. Всѣ я шали пер'носила,
До ковровой добралась;
Всѣхъ миленковъ пер'любила,
Свое мила дождалась.
56. Я сидѣла подъ окошкомъ,
Ѣла кашу съ молокомъ,
Вижу милаго въ окошко,—
Хлопъ по кашѣ кулакомъ.
57. Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу свое милку,
Дайте ножикъ повострѣе,
Я зарѣжу поскорѣе.
58. Сидитъ Петя на крыльцѣ
Съ выраженьемъ на лицѣ.
59. Растай, бѣленькій снѣжокъ,
До зеленаго лужка;
Слава Богу, подруженьки,
Я отвыкла отъ дружка.
60. Дѣвки, пой, пока поется.
Замужъ выйдемъ, не придется.
Замужъ выйдешь, бабой будешь,
Всѣ припѣвочки забудешь;
Навяжутся малы дѣти,
Пропадешь на бѣломъ свѣтѣ.
61. Не ходите, дѣвки, замужъ,
Не теряйте красоту.
Какой мужъ достанется,—
Дологъ вѣкъ покажется.
62. Тятка мерина продастъ,
На гармошку денегъ дастъ.
63. Шла я мельницей, горой,
Повстрѣчался мнѣ милой.
64. Ты припой-ка, кавалеръ,
На саратовскій манеръ.

(Записаны отъ П. Богомоловой
въ февралѣ 1909 г.).

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи калмыковъ ¹⁾.

Среди рукописей преосвященнаго Іакова (Вечеркова), епископа саратовскаго (1832—1847), хранящихся въ библіотекѣ саратовской духовной семинаріи, находится собранный имъ матеріаль по исторіи калмыковъ. Въ настоящее время мы считаемъ полезнымъ издать этотъ матеріаль въ виду того, что, съ одной стороны, литература о калмыкахъ вообще не велика ²⁾, а съ другой,—іаковскій матеріаль сообщаетъ нѣсколько новыхъ данныхъ, къ тому же, здѣсь есть нѣсколько интересныхъ офиціальныхъ документовъ, частію въ оригиналахъ, частію въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ.

Матеріалы касаются, главнымъ образомъ, вопроса объ обращеніи калмыковъ въ христіанство, но понятно сообщаютъ и много интересныхъ подробностей объ ихъ бытѣ, религіи, богослуженіи и т. д. Авторъ матеріаловъ—протоіерей царицынскаго Успенскаго собора Петръ Лугаревъ, который былъ участникомъ въ дѣлѣ обращенія калмыковъ.

¹⁾ *Примѣчаніе редакціи.* Всю отвѣтственность за достоинства транскрипціи калмыцкихъ словъ, встрѣчающихся въ настоящей статьѣ, редакція оставляетъ на ея авторѣ.

²⁾ По инициативѣ Іакова, въ 1840 хъ гг. была составлена, а затѣмъ и напечатана, ст. П. Смирнова: *Объ обращеніи калмыковъ къ христіанской религіи въ текущемъ столѣтіи въ Саратовской губерніи.* «Саратов. Губ. Вѣдомости», 1845, 24—25 и отд. отт.

Издаваемый нами матеріалъ даетъ свѣдѣнія сначала о происхожденіи калмыковъ, а затѣмъ (подробнѣе) объ ихъ религіи. По словамъ автора, свою религію они знаютъ очень худо; даже гелюнги, и тѣ излагаютъ свои религіозныя понятія сбивчиво,—находя себѣ оправданіе въ томъ, что ихъ законъ запрещаетъ открыто проповѣдывать.

Обращеніе калмыковъ въ христіанство началось до 1680 г. ¹⁾, Источниковъ для его исторіи—очень мало, тѣмъ болѣе, что метрическія книги начинаютъ записи лишь съ 1800 и даже 1811 г. Въ 1700 г. крещенныхъ калмыковъ было уже такъ много, что они населили цѣлую слободу около рѣки Терешки; слобода эта была сожжена Аюкой, по настоянію калмыцкаго духовенства. Въ половинѣ XVIII в. новыхъ христіанъ было 3330 душъ. Нѣкоторые изъ нихъ крестились при содѣйствіи астраханскаго генерал-губернатора Н. А. Бекетова (1750),—другіе—при сформированіи казачьяго астраханскаго полка.

Крещенные получали денежную помощь отъ правительства и земли между рѣками Сокомъ и Кондурчей. По своей любви къ кочевой жизни, калмыки обычно отдавали свои земли русскимъ изъ оброка, а сами продолжали переходить съ мѣста на мѣсто, занимаясь скотоводствомъ.

Болѣе успѣшное обращеніе началось съ 1768 г., когда возникло сарептское евангелическое братство. Два его члена были назначены братствомъ для всесторонняго изученія быта калмыковъ, ихъ языка, религіи и обычаевъ. 29-го мая 1768 г. эти члены отправились къ калмыкамъ, въ сопровожденіи зайсанга Тохмута ²⁾, и, встрѣтивъ у нихъ самый радушный пріемъ, познакомились съ ихъ бытомъ и культомъ. Члены возвратились въ Сарепту, и братство продолжало свои дѣйствія. Большихъ успѣховъ не было, но расположеніе къ христіанству явилось у многихъ.

¹⁾ П. С. Рос. Закон, III, № 1591.

²⁾ Или Тахмута,—мы удержали первое правописаніе.

Въ началѣ XIX ст. выступаетъ библейское общество: оно дѣлаетъ переводъ евангелія отъ Маттея на калмыцкій языкъ. Чтеніе этого перевода въ 1815 г. стало раздаваться въ улусахъ. Такъ, членъ сарептскаго братства 29-го мая 1815 г. отправился къ владѣльцу Ноюну Тюмену, гдѣ и дѣйствовалъ въ смыслѣ распространенія христіанства до 1821 г. Много сдѣлали и проповѣдники изъ прозелитовъ, особенно Бадма Морчуновъ и Намту. Они занимались переводомъ евангелія съ калмыцкаго на монгольскій языкъ (1817 г): Обнаруживавшіе склонность къ христіанству часто терпѣли разныя непріятности и оскорбленія отъ своихъ родственниковъ и гелюнговъ; послѣдніе старались изгнать прозелитовъ, — тѣ поселились въ дачахъ сарептскаго общества. Такъ какъ это общество не имѣло права крестить калмыковъ по обряду западной церкви, то оно препроводило въ 1823 г. ихъ, въ числѣ 25 ч., въ Царицынъ для крещенія по православному обряду. Епархіальная власть разрѣшила крещеніе ¹⁾).

Одинъ изъ новообращенныхъ, зайсангъ Соднумъ, даетъ подробный разсказъ о томъ, какимъ путемъ пришелъ онъ ко Христу. Увидѣвъ у своихъ соплеменниковъ евангеліе на калмыцкомъ языкѣ, онъ любопытствовалъ, что это за книга, — и просмотрѣлъ начало евангелія; оно показалось ему непонятнымъ, — и Соднумъ сожегъ книгу, и возненавидѣлъ христіанство. Затѣмъ въ Соднумѣ возникло сомнѣніе, правильно-ли онъ поступилъ, — отсюда интересъ къ евангелію, сочувствіе къ нему, и, наконецъ, Соднумъ — христіанинъ: онъ сожигаетъ идоловъ, книги и принадлежности калмыцкаго культа. Мать и братья бросаютъ Соднума, онъ терпитъ всякія оскорбленія со стороны калмыковъ. Большую моральную поддержку онъ нашелъ въ зайсангѣ Бадмѣ Морчуновѣ, который подробно изложилъ ему сущность евангелія ²⁾ и старался вну-

¹⁾ Впослѣдствіи было получено разрѣшеніе крестить калмыковъ безъ особыхъ прошеній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Приложеніе V.

²⁾ Прилож. XI.

шить, что прежняя его вѣра вела къ гибели, что буддійскія книги—ядъ ¹⁾, что истина только въ христіанствѣ. ²⁾ Вскорѣ къ нему присоединяется братъ, и въ октябрѣ 1823 г. состоялось ихъ крещеніе.

Крестившіеся получили земли по рѣчкѣ Мечетной, близъ г. Царицына, и на Сарпинскомъ островѣ. Въ 1828 г. казна строить имъ дома и покупаетъ рабочій скотъ. Дѣти новыхъ поселенцевъ воспитывались сначала въ саратовскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ 1838 г. въ Царицынѣ открывалась для нихъ спеціальная школа ³⁾. По своему обращеніи, калмыки проводили въ общемъ прежній образъ жизни, очень немногіе изъ нихъ воздѣлывали отведенныя для нихъ земли. Переходя съ мѣста на мѣсто, они не были подчинены никакому надзору, и не исполняли христіанскихъ обязанностей. Поэтому, имъ дозволено водвориться на правахъ поселянъ среди православныхъ селеній.

Всего за 38-лѣтній періодъ крещено 739 душъ обоого пола ⁴⁾.

Часто препятствія къ обращенію строились и среди тогдашней администраціи; саратовскій губернаторъ Переверзевъ доказывалъ, что всѣ калмыки—всегдашніе воры и пьяницы и обращаются только для того, чтобы избѣжать наказаній за преступленія. Авторъ рукописи защищаетъ калмыковъ отъ подобнаго взгляда: калмыковъ крестить необходимо, такъ какъ это полезно и для церкви, пріобрѣтающей новыхъ членовъ, и для государства, потому что калмыки—прекрасные наѣзд-

¹⁾ Прилож. XII.

²⁾ Прил. XIII. Интересенъ взглядъ калмыка на европейцевъ: если бы гдѣ-либо дѣйствительно были, какъ учатъ калмыки, горы изъ серебра и золота, на которыхъ живутъ духи, то европейцы давно бы разрушили эти горы, все золото взяли себѣ, а духовъ сдѣлали бы своими рабами. Европейцы почти всевѣдущи.

³⁾ Въ саратовской духовной семинаріи есть образцы каллиграфіи учениковъ этой школы.

⁴⁾ Краткое свѣдѣніе о калмыкахъ и въ особенности объ ихъ обращеніи въ христіанской вѣрѣ.—Перечневая вѣдомость.

ники, могущіе, при кордонной службѣ, охранять границы Россіи. Нужно лишь водворить ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ на постоянное жительство ¹⁾).

Что касается лицъ, особенно заботившихся о проповѣди среди калмыковъ, то изъ нихъ выдѣляются губернской секретарь, В. Я. Кудрявцевъ. и прот. П. Лугаревъ. При помощи Кудрявцева, калмыки просили у правительства 8327 десятинъ земли по рѣчкѣ Червленой; земля—не удобная, но все же калмыки соглашались платить оброкъ, если правительство не отдастъ земли безъ оброка ²⁾). Эта земля еще при Александрѣ I должна быть отдана калмыкамъ, но они почему-то ее не получили ³⁾); въ виду заявленія Кудрявцева, министръ финансовъ, Канкринъ, запросилъ саратовскую казенную палату освойствахъ и угодьяхъ земли, не нужна ли она для казенныхъ крестьянъ, и сколько должно бы отвести калмыкамъ, по мнѣнію палаты ⁴⁾). Наконецъ калмыкамъ предоставили 450 десятинъ по рѣчкѣ Мечетной и пользованіе безъ оброка въ теченіе десяти лѣтъ 2000 дес. земли (послѣ же этихъ 10 лѣтъ, они могутъ имѣть ее изъ оброка). Черезъ Кудрявцева же крещенный калмыкъ, К. Васильевъ, просилъ снабдить его письменнымъ видомъ и книгами, изданными библейскимъ обществомъ, для проповѣди среди калмыковъ; Васильеву это разрѣшеніе было дано ⁵⁾). Кудрявцевъ помогалъ калмыкамъ: то выхлопочетъ для нихъ деньги, то возвратитъ имъ скотъ, отнятый калмыками у своихъ крестившихся собратій; старался приучить ихъ къ хлѣбопашеству. Для лучшаго ознакомленія съ калмыками, собиралъ о нихъ справки ⁶⁾). За это содѣйствіе Кудрявцевъ получилъ въ 1833 г. перстень съ драгоценными камнями. Интересно отмѣтить, что Кудрявцева

¹⁾ О водвореніи крещенныхъ калмыковъ.

²⁾ Продолженіе исторіи обращенія калмыковъ и приложеніе II.

³⁾ Прилож. VI.

⁴⁾ Прилож. I.

⁵⁾ Прилож. III.

⁶⁾ Прилож. X.

въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ считали священникомъ, впоследствии эта ошибка разъяснилась ¹⁾).

О. Лугаревъ содѣйствовалъ обращенію проповѣдью раздачей книгъ на калмыцкомъ языкѣ, присылаемыхъ преосвященнымъ Іаковомъ, а въ голодный годъ собралъ для калмыковъ 376 р. 40 к. Дѣятельность Лугарева награждена камилавкой и наперснымъ крестомъ.

Самъ преосвященный Іаковъ также заботился о миссіи среди калмыковъ; онъ дѣлалъ пожертвованія деньгами и вещами, больныхъ онъ отправлялъ въ Александровскую саратовскую больницу.—

Крещеніе, большею частію, происходило на рѣкѣ, при торжественныхъ процессіяхъ, съ крестными ходами и при колокольномъ звонѣ. Два раза (въ Царицынѣ и Отрадѣ) крещеніе происходило въ присутствіи самого преосвященнаго Іакова, который въ Царицынѣ самъ приобщилъ новокрещенныхъ. Однажды онъ прислалъ кресты крестившимся гелюнамъ ²⁾).

Возникаетъ интересный вопросъ: *какія результаты получились въ дѣлѣ обращенія калмыковъ въ христіанство?*

Отвѣтъ долженъ быть не утѣшительнаго свойства; что это такъ,—видно изъ документовъ. Они говорятъ, что Кудрявцевъ, интересуясь положеніемъ калмыковъ, и прибывшій для того въ Астрахань ³⁾, отправился въ 1834 г. къ Чуркинскому монастырю (красноярскаго уѣзда), гдѣ были поселены калмыки, крещенные еще при Екатеринѣ II. Кудрявцевъ получилъ и открытый листъ, а земскимъ судамъ, астраханскому и красноярскому, предписано было оказывать ему законное содѣйствіе ⁴⁾. Около указаннаго монастыря калмыковъ поселили съ тѣмъ расчетомъ, что, живя здѣсь, они будутъ всег-

¹⁾ Прилож. IV.

²⁾ Продолженіе etc.

³⁾ Прилож. VII.

⁴⁾ Прилож. VIII.

да находится подъ надзоромъ манашествующихъ. Къ нимъ-то и отправился Кудрявцевъ. Можно представить себѣ удивленіе и досаду г. губернскаго секретаря, когда тамъ не оказалось и слѣдовъ пребыванія калмыковъ. Справки въ монастырѣ не имѣли результатовъ: здѣсь жили люди новые, переселенные изъ разныхъ мѣстъ. Отъ старожиловъ узнали, что здѣсь, дѣйствительно, жили калмыки, называвшіеся архіерейскими, но уже болѣе 20 лѣтъ они всѣ ушли въ улусъ владѣльца Тюменя, а двое изъ нихъ крестились, и живутъ въ Астрахани. Наконецъ, поиски Кудрявцева увѣнчались успѣхомъ: около Красноярска онъ нашелъ калмыковъ—почти язычниковъ. Христіанскія обязанности они исполняютъ только по принужденію, да и то лишь при вѣнчаніи и рожденіи дѣтей мужескаго пола. Много калмыковъ живетъ также у помѣщиковъ: Всеволодскаго, Визилева и Савельева. Справки показали, что при Екатеринѣ II 300 кибитокъ калмыковъ просили астраханскаго генераль-губернатора, Бекетова, принять ихъ въ число христіанъ; просьба эта была исполнена, и новые христіане, по приказанію Бекетова, кочевали при деревнѣ Травиной, при имѣніи его на Черепахѣ. Когда же дочь Бекетова вышла замужъ за Всеволодскаго,—имѣнія отошли къ Всеволодскому, и калмыки сдѣлались рабами,—крѣпостными. Во времена Кудрявцева они уже болѣе 10 лѣтъ были идолопоклонниками; православное духовенство не обращало на нихъ никакого вниманія, а управление имѣнія требуетъ отъ нихъ только работы. О раскрытыхъ несправедливостяхъ Кудрявцевъ сообщилъ астраханскому генераль-губернатору, Тимирязеву, но тотъ *выразилъ свое неблаговоленіе*. Послѣ всего этого, Кудрявцевъ долженъ былъ отправиться домой, во избѣжаніе, по его словамъ, дальнѣйшихъ непріятностей ¹⁾.

На этомъ кончаются наши матеріалы о калмыкахъ.

Рукопись печатается нами безъ измѣненій; не измѣнили

¹⁾ Приложение IX.

мы и порядка документовъ. Одинъ документъ встрѣчается два раза (открытый листъ Кудрявцеву,—у насъ № VIII).

Александръ Лебедевъ.

Копія.

О водвореніи крещенныхъ калмыковъ.

Калмыкъ есть беззаботно кочующій житель степей! Калмыки отъ самой колыбели до преклонныхъ лѣтъ проводили жизнь кочевую съ своимъ скотомъ, пренебрегая всѣми мірскими заботами. Но 1822 года всеблагій Промыслъ ниспослалъ благое начало къ преобразованію кочеваго народа. Мразная зима, необыкновенные шурганы и гололедица лишили многихъ значительнаго скотоводства, а нѣкоторыхъ ввергла въ безнадежную нищету.

Тайны судебъ Всевышняго не исповѣдимы.—Многіе изъ идолопоклонниковъ, убѣдясь въ ниспосланіи на нихъ гнѣва Божія, явились съ желаніемъ поступить въ соединеніе христіанъ.

Православная церковь, принявъ ихъ, яко дѣтей, оградила своею любовью, утѣшая упованіемъ на промыслъ о нихъ Божій, а Августѣйшій Монархъ, въ Бозѣ почившій Александръ 1-й, по ходатайству Оберъ-Прокурора Князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, повелѣлъ дать имъ землю по 30 десятинъ на душу подлѣ города Царицына, выстроить тамъ четыре дома и надѣлить для хлѣбопашества инструментами.—Получа неожиданныя милости отъ щедротъ Помазанника Божія, они, находясь подъ моимъ руководствомъ, обучались: пахать, жать, косить, а женщины и хлѣбы печь, служа образцомъ для идолопоклонниковъ-калмыковъ, которые болѣе и болѣе укрѣпляясь въ покровительствѣ Высшаго о нихъ Правительства, обращались въ христіанство постепенно, и въ 1834 году явилось новыхъ Христіанъ до 200 душъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явились и препятствія.

Правящій должность Саратовскаго Губернатора, Перверзевъ, донесъ Правительству, что калмыки обращаются въ Христіанство во избѣжаніе токмо наказанія за сдѣланныя ими преступленія, и что-де они всегдашніе воры, пьяницы, и никогда не отстанутъ отъ врожденной праздности, я же самымъ опытомъ доказывалъ противное.

Благополучно Царствующій Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ въ 1830-мъ году 24 Марта обращаемымъ Калмыкамъ въ Христіанство давать по 30-ти десятинъ земли, но уже на семейство и по 50 рублей на обзаведеніе, дозволивъ имъ селиться при первой Калмыцкой колоніи въ 10 верстахъ отъ Царицина и приписываться къ селамъ казенныхъ крестьянъ.

Число крещенныхъ Калмыковъ возрасло до 500 душъ, и могли бы увеличиться, но причисленные къ селамъ большею частію нынѣ находятся въ безъизвѣстности, поелику по привычкѣ къ скотоводству нанимаются въ пастухи и, будучи безъ всякаго надъ ними надзора и не укрѣпясь еще въ вѣроисповѣданіи, переходятъ изъ мѣста въ мѣсто, и увлекаются опять въ Орды! Водворенные же въ особой колоніи, хотя безъ моего надзора и ослабѣли въ хлѣбопашествѣ, но живутъ при своемъ заведеніи постоянно, а дѣти ихъ обучаются уже въ училищѣ. Изъ всего этого самый опытъ удостовѣряетъ, что ежели бы новокрещенные Калмыки находились подъ особымъ присмотромъ чиновника хозяина агронома, и были бы водворяемы при колоніи, для нихъ заведенной, то колонія эта могла бы по способности своего народа не только надѣлать скотомъ обращенныхъ въ Христіанство своихъ единокровцевъ, но оплачивать степи, отдаваемые имъ изъ оброка для скотоводства преимущественно цѣною противъ получаемой нынѣ. Сверхъ этого никто изъ Русскихъ не въ состояніи вынести въ степи столько холода и голода, какъ Калмыкъ, и будучи хорошими наѣздниками, предлагали бы изъ среды себя отличныхъ воиновъ для кордонной пограничной стражи. Калмыку въ полѣ нужна кибитка, для обѣда на ведро теплой воды чашку мо-

лока, горсть муки и немного соли. И такъ имѣя резервомъ Царицынскую колонію, изъ которой снабжались бы они лошадьми и рогатымъ скотомъ; а на границѣ Оренбургской линіи устроить другое поселеніе для крещенныхъ Калмыковъ же, гдѣ воины ихъ имѣли бы запасныхъ лошадей и храненіе провіанта съ малой запашкой и частью рогатаго скота; тогда въ скоромъ времени Правительство узрѣло бы неисчислимыя выгоды собственно отъ этого народа, а Православная церковь избавилась бы отъ упрека и сохранила бы обращенныхъ Калмыковъ въ Христіанской вѣрѣ, поселивъ при нихъ и священниковъ. Поелику Богъ, Вѣра и Любовь къ Отечеству суть животворящія свѣтила Державъ, ими существуютъ онѣ, возносятся и сіяютъ во Вселенной, а безъ оной не надежны и маловременны всѣ Гражданскія постановленія!—Но все это среди такого народа, какъ Калмыки, возрасти и утвердиться можетъ только при постоянномъ поселеніи и бдительномъ надзорѣ особаго Попечителя, который бы былъ знакомъ хотя нѣсколько съ врожденными привычками Калмыка.

Марта 1841. Село Всевятское.

Краткое свѣдѣніе о Калмыкахъ и въ особенности объ ихъ обращеніи (къ христіанской вѣрѣ) ¹⁾.

Къ составленію историческаго описанія весьма способствуетъ современное изложеніе свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ самаго источника происшествій того времени. Гдѣ же начала сіи сокрыты завѣсою отдаленныхъ временъ и изслѣдованіе истинъ остается недовольно извѣстнымъ, тамъ трудно осуществить въ памяти то, что погребено уже по небрежности почти совершенно во мракѣ забвенія.

Таковъ относительно сего народъ Калмыцкій! Онъ, переходя изъ страны въ страну, отъ рода своего къ иноплемени-

¹⁾ Карандашная приписка преосвящ. Іакова А. Л.

ному народу, утратилъ, по дикости и безпечности, ясныя слѣды своего происхожденія.

Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ краткихъ изысканій видно, что Калмыки ведутъ начало происхожденія своего отъ Монголовъ, издревле обитавшихъ отъ горъ Уральскихъ на востокъ, коихъ родоначальники почитаются Гунны а). Монголы—народъ кочующій, съ внезапнымъ появленіемъ своимъ въ юговосточной Россіи многочисленностію, страшнымъ видомъ и звѣрскими нравами привели въ 1224 году Европу въ изумленіе и ужасъ. Жестокости сихъ варваровъ въпервыхъ подверглась участь Россіянъ, но Провидѣнію угодно было возвратить поправную свободу, и Русскіе, по долговременномъ порабоженіи содѣлались сами ихъ обладателями. Въ самой Монголіи происходили внутренніе раздоры и мятежи, да и съ Китаемъ даже воспламенялась сильная вражда.

По симъ обстоятельствамъ многіе Монгольскіе владѣтели вознамѣрились отойти отъ своихъ владѣльцевъ и искать защиты и покровительства у постороннихъ народовъ.

Такимъ образомъ самые Калмыки, по несогласію съ Дербенъ-Ойратами, обитавшими отъ границъ Сибири за хребтами горъ Алтайскихъ (въ Зюнгариі) и въ четыре рода соединенными, какъ-то: Зюнгарскій, Дурботскій, Торготскій и Хототскій отошли въ началѣ XVI столѣтія къ предѣламъ губерній Томской и Енисейской, а потому и названіе получили отъ Ойратовъ элѣтъ или Калмакъ, что означаетъ отпавшій или ушедшій.

Въ началѣ же XVII столѣтія Тайши: Богатырь и Каракула первые изъявили желаніе быть подданными со всею Ордою Россійскому Государю Михаилу Ѳеодоровичу, на что

а) Примѣч. Гунны прежде едва извѣстные имѣютъ отвратительныя лица и щеки, изрѣзанныя ножомъ для того, чтобы не росла борода. Они вообще всѣ бозобразны, не знаютъ домовъ, убѣгаютъ ихъ, какъ могилъ; терпятъ холодъ и голодъ; живутъ безъ вѣры и законовъ; не имѣютъ по-

и получили грамоты; и хотя приглашались многіе изъ нихъ б) въ сибирскіе предѣлы и города, но по представленію ими съ невыгодной стороны климата и прочимъ видамъ оставили Сибирь и перешли въ страны Россіи, болѣе благопріятствующія в) кочевой ихъ жизни,

Въ тожъ время явились многіе владѣльцы съ сильными Ордами Калмыковъ и заняли степи между Волгою и Ураломъ до рѣки Самары, принимая со всѣми улусными людьми присягу на подданство Россіи г). Впрочемъ, Калмыки и по принятіи на вѣрность Царю присяги оставляли весьма ясныя слѣды вѣроломства и измѣны, сохраняя клятву до первой возможности только нарушить оную.

Они, соглашаясь большею частію съ мятежными Башкирцами, производили во многихъ областяхъ Россіи буйства и опустошенія д), а на Волгѣ набѣги и грабежи.

За всѣмъ тѣмъ Аюка е), знаменитый въ исторіи Волжскихъ Калмыковъ, хитрый и въ случаѣ также вѣроломный ханъ, никогда, впрочемъ, не уклонялся ¹⁾ отъ личной услуги ²⁾ и покорности Россіи. Онъ ³⁾ въ 1673 году, принявъ по смерти отца своего, Пунцука, на вѣрность присягу ⁴⁾ обѣщался ж) ⁵⁾ всѣми силами защищать Россійскія границы со

нятія о чести и нравственности; Гунны, по общему мнѣнію, были Калмыки. Современные историки не находятъ словъ о лютой свирѣпости и самого безобразія Гунновъ. Примѣч. на 1-й томъ Исторіи Г. Карамз. стат. 35. и Исторія Карамзина т. I. стр. 14. б) Полн. собраніе Законовъ грамоты 1618 Апрѣл. 14 в) Обзорѣніе достоп. Оренбургск. края, — Жуковскаго. г) Присяга Калмыковъ состоитъ въ поклоненіи и цѣлованіи Бога своего — Бурхана и молитвенной книги Бичикъ; въ лизаніи четокъ и ножица своего; въ прикладываніи онаго къ горлу и на голову, въ знакъ посѣченія оной въ случаѣ измѣны и отступства. д) Шертн. Запись Аюки 1633 г. Генв. 24. е) Геогр. Словарь Госуд. Россійск. стат. Калмыки. ж) Полн. собр. Россійск. Законовъ Том I, № 540-й.

¹⁾ Поправка преосвященнаго Іакова.... явно не уклонявшійся.

²⁾ Эти два слова зачеркнуты.

³⁾ Зачеркнуто.

⁴⁾ Здѣсь.

⁵⁾ Онъ обѣщался.... (слово написано неразборчиво). А. Л.

стороны Азіатской, и продолжая оказывать преданность свою Россіи приходилъ у Правительства въ особенную довѣренность, такъ что ему дозволялось между прочими договорными статьями переправлять на казенныхъ судахъ Калмыковъ, отъ Чернаго Яра до Саратова съ луговой стороны на нагорную, тогда какъ имъ воспрещалось до того, по вышеизъясненнымъ наглымъ поступкамъ, переходить туда подъ смертною казнію. Сей Аюка въ 1710 году, по повелѣнію Царя Петра Алексѣевича отправилъ сверхъ пятитысячнаго отряда десять тысячъ человѣкъ, отъ Дона, по рѣкамъ Салу и Манычу для усмиренія Башкирцевъ и для отвращенія набѣговъ со стороны Кубанцевъ и воровскихъ партій Донскихъ казаковъ Некрасова и прочихъ. Впослѣдствіи Калмыки сіи остались въ вѣденіи Донскаго войсковаго начальства.

Сверхъ того, согласно желанію Императора Петра 1-го, предпринявшаго въ 1722 году походъ въ Персію и путешествовавшаго Волгою въ Астрахань, Аюка по представленіи Ихъ Величествамъ Императору и Императрицѣ съ женою своею Дарма Бала и дочерью на яхтѣ близъ Царицына, выставилъ въ знакъ преданности своей за Терекъ 40000. человѣкъ Калмыцкой конницы для наказанія Лезвиновъ и прекращенія злодѣйскихъ ихъ нападеній. А когда Астрахань подверглась жестокости бунтовавшихъ стрѣльцовъ, Аюка укрылъ Митрополита Сампсона з) въ своемъ улусѣ и истребилъ на Волгѣ мятежниковъ, намѣревавшихся приступить къ Царицыну.

По смерти же Аюки, случившейся въ 1724 году, жена его, вышеупомянутая Дарма Бала, намѣревавшаяся выйти въ замужество за внука своего, Дондокъ Омбо, и сдѣлать его ханомъ, но не достигши предполагаемой цѣли, первая склоняла всѣ Калмыцкіе улусы возвратиться съ Волги въ Зюнгарию. По сему поводу впослѣдствіи времени намѣстникъ

з) Рукопись: Записки Астраханской Іерархіи.

Убаша, обманутый, по его легковѣрію, неблагонамѣренными людьми о мнимомъ предположеніи Начальства—взять значительную часть Калмыцкихъ земель въ казну и обратить Калмыковъ въ военную службу, бѣжалъ въ 1771 году съ тридцатью слишкомъ, а по увѣренію Калмыковъ съ 70 т. кибитокъ (или семействъ) отъ береговъ Волги къ Уралу, по направленію до рѣки Или, въ продолженіе чего лишась онъ болѣе половины народа и испыталъ на пути всѣ ужасы грабежей и убійства, со стороны Киргизъ—Кайсаковъ, прибылъ на границы Китая съ шестью сопровождавшими его владѣльцами и нѣкоторыми другими, совершенно истощенный въ силахъ. Оставшіеся же въ предѣлахъ Россіи двѣнадцать владѣльцевъ съ 13000, какъ считалось тогда, кибитокъ получили впослѣдствіи времени Высочайшее соизволеніе на дарованныя имъ, согласно ихъ желанію, права, съ назначеніемъ во владѣніе земли отъ Царицына по рѣкамъ: Волгѣ, Сарпѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и проч. Въ знакъ же особеннаго Монаршаго благоволенія, Всемиловѣйше пожаловано въ 1828 году національному Калмыцкому Суду—Зарго золотая печать, хранящая въ семъ судѣ въ городѣ Енотаевскѣ, каковъ судъ нынѣ переведенъ въ городъ Астрахань.

Нынѣ сіи Калмыки раздѣляются на три главные рода: Торгоуты, Дербеты и Хотоуты, кои составляютъ 9-ть улусовъ, а улусы дѣлятся на аймаки или участки и именно: 1) Екицохуровскій, 2) Яндыковскій, 3) Харахусовскій, 4) Эрдени-Кичиховскій, 5) Богацохуровскій, 6) Эркитеневскій, 7) Большедербетевскій, 8) Малодербетевскій и 9) Хотоутовскій.

Такимъ образомъ, коснувшись кратко свѣдѣній о происхожденіи, свойствахъ и происшествіяхъ Волжскихъ Калмыковъ, прилично упомянуть здѣсь нѣчто касательно ихъ вѣры.

Калмыки суть идолопоклонники и многобожники. Они насчитываютъ главныхъ своихъ Боговъ не менѣе десяти числомъ, называя ихъ Бурханами, коимъ воздаютъ Божескія почести, и раздѣляютъ ихъ, согласно ученію вѣры, на доб-

рыхъ и злыхъ, имѣющихъ различныя свойства, виды и совершенства, а также особенное вліяніе на судьбу міра, изъ числа коихъ нѣкоторые изображаются со многими головами, лицами и руками, а притомъ ужасными и отвратительными. Послѣ сихъ сопричитаются у нихъ къ имѣющимъ также права на почести Божескія, почитаемые за представителей на землѣ: Далай-Лама и вообще всѣ Ламы (Лама верховный духовенства Калмыцкаго сановникъ). За ними слѣдуютъ Тенгеріи (добрые духи), которые существуютъ цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ. Сверхъ того, солнце, луна, звѣзды и даже огонь бываютъ отъ нихъ боготворимы. Они въ своихъ догматахъ допускаютъ переселеніе душъ, съ возрожденіемъ оныхъ въ людяхъ, тваряхъ безмысленныхъ и даже насѣкомыхъ. Души людей непорочныхъ водворяются въ жилищѣ блаженства, беззаконныхъ осуждаются на мученія; домашнія животныя, дикіе звѣри и всѣ твари равномерно подвергаются адскимъ мученіямъ, если они, вмѣщая въ себѣ души людей, ведутъ себя худо.

Мѣстомъ идолослуженія ихъ во всякомъ улусѣ есть хурлъ, или Бурхани Эрьгэ (жилище Бурхановъ). Въ каждой изъ сихъ противу двери устроится возвышеніе, на коемъ поставляются истуканы, литые изъ мѣди, густо вызолоченные.

Простолюдины и всѣ почти свѣтскіе не участвуютъ при моленіи, состоящемъ попеременно въ пѣніи и музыкѣ (приводящей дикимъ ревомъ трубъ душу и чувства въ содроганіе) а только ходятъ кругомъ Бурхани Эрьгэ и, въ угодность боговъ, усердно питаютъ Гелюнговъ (поповъ) разными яствами отъ жертвоприношеній. Женскому полу въ капище ихъ служенія входитъ воспрещается. Они всѣ вообще относительно знанія правилъ вѣры ихъ сущіе невѣжды и о томъ, чтобы постигнуть оныя,—никогда не заботятся, а къ тому жъ и всѣ ихъ религіозныя книги писаны на Тангутскомъ нарѣчій, отъ чего едва ли кто и изъ самыхъ Гелюнговъ ихъ понимаютъ въ подробности свою религію. Это доказывается тѣмъ, что они объясняютъ догматы оной сбивчиво и невразумитель-

но, извиняя какъ бы себя въ семъ случаѣ тѣмъ, что имъ говорить открыто о вѣрѣ ихъ закономъ возбраняется. А по-сему Калмыки всѣ вообще бываютъ весьма суевѣрны. Самыя обыкновенныя явленія природы, какъ-то: бури, громъ, молнія и симъ подобное въ глазахъ Калмыка представляется сверхъестественнымъ. Они вѣрятъ существованію щастливыхъ и нещастливыхъ дней; имѣютъ большую довѣренность и къ волшебству, и въ таковомъ грубомъ и жалкомъ ихъ положеніи самыя Гелюнги вмѣсто возможнаго просвѣщенія, толико слѣпотствующихъ и легкомысленныхъ Калмыковъ, стараются отдалять отъ нихъ всѣ случаи къ образованію въ религіозныхъ познаніяхъ, и сею стороною слабости и легковѣрія пользуясь, присвояютъ они себѣ право непосредственнаго ходатайства за народъ у Бурхановъ, внушая при томъ со властію простолюдинамъ не входить въ подробности знанія вѣры, а знать только всякому самого себя; и Калмыкъ, слѣпо увѣренный къ силѣ заступленія своего духовенства, ставитъ за велико и то, если онъ получитъ отъ Гелюнга Мани (небольшой лоскутъ какой-нибудь матеріи) или хранящіяся въ кибиткѣ Тангутскія письма; тогда считаетъ сіи вещи залогомъ безопасности и несумнѣнно вѣритъ, что ими прогоняются Ерлики (злые духи) и избавляются люди отъ всякаго нещастія.

Блуждая такимъ образомъ среди мраковъ суевѣрія, глупыхъ нелѣпостей и предубѣжденій, многіе за всѣмъ тѣмъ изъ нихъ склоняли слухъ свой безъ отвращенія и упорства на гласъ истиннаго Слова Божія и принимали Христіанскую Вѣру. Почему надлежитъ теперь изложить, по возможности, исторію обращенія ихъ въ Христіанство.

Относительно свѣдѣній о началѣ обращенія Калмыцкаго народа въ Саратовской губерніи прямыхъ изысканій не обрѣтено. Ближайшее къ дознанію того средство—своевременная въ Метрическихъ книгахъ записка, изъясляющая единственную достовѣрность времени и количества обращенныхъ идо-
лопоклонниковъ. Но какъ и сіи документы во многихъ цер-

квахъ ведутся токмо съ 1800, а въ прочихъ даже съ 1811 и ниже сихъ годовъ, то количество крещенныхъ Калмыковъ могло оставаться до существованія Метрикъ въ неизвѣстности. Часто случается видѣть нѣкоторыхъ изъ Калмыковъ въ Саратовской губерніи преклонныхъ уже лѣтами, но крещенныхъ еще въ дѣтствѣ. Изъ сего обстоятельства можно, по самой справедливости заключить, что многіе изъ нихъ были крещены до сказаннаго 1800 года.

Калмыки, какъ выше сказано, въ началѣ еще XVII столѣтія перешли изъ Сибири въ страны Россіи и съ тѣхъ временъ сообщаясь по своей большею частію скотоводственной промышленности съ Россіянами, у коихъ стараясь прійти въ довѣріе и подражать ихъ обычаямъ и правамъ, заимствовали, вѣроятно, отъ нихъ и познанія Христіанской Вѣры. И какъ по сему поводу и по случившемуся послѣ вышесказаннаго побѣга ихъ изъ Россіи голоду, такъ и по притѣсненіямъ отъ самыхъ своихъ владѣльцевъ и), многіе, ища отъ оныхъ независимости и покровительства Церкви Россійской и державы, принимали святое Крещеніе; нѣкоторые же содѣйствіемъ Генерала Никиты Аѳанасіева Бекетова крещены въ 1750 году; а большая часть изъ нихъ обращены при сформированіи бывшаго Астраханскаго казачьяго полка въ казаки, изъ коего нынѣ составилось Волжское войско. Изъ нихъ рѣдкіе имѣютъ неподвижные дома, а больше проживаютъ въ національныхъ ихъ кибиткахъ. По договорнымъ же грамотамъ і) видно, что Калмыки начали повсемѣстно обращаться еще около 1680 года.—

Въ началѣ же 1700 года столько уже обращенныхъ было, что они населили выше Саратова на рѣчкѣ Терешкѣ, впадающей въ Волгу, цѣлую слободу, которую Аюка, по внушенію Калмыцкаго духовенства, сожегъ.—

и) Сіе свѣдѣніе сообщилъ живущій въ станицѣ Грачевской 70-ти лѣтній старецъ изъ новокрещенныхъ Калмыковъ, нареченный при святомъ Крещеніи Владиміръ.—

і) Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. III. № 1591.

Въ 1724 году сказаннаго хана Аюки внукъ, второй сынъ Чахдоржапа Петръ Тайшинъ, искавшій по праву первородства, послѣ Дайсанга, умершаго брата своего, ханства, принялъ со всѣми своими подвластными Христіанскую Вѣру; ему воспріемникомъ былъ Самъ Государь Петръ Великій, и, наименовавъ его, въ знакъ особеннаго благоволенія, Петромъ, к) пожаловалъ ему походную Церковь, съ опредѣленіемъ къ ней священноцерковнослужителей. л).

А какъ Калмыки, слѣпотствующіе въ религіозныхъ познаніяхъ, большею частію сопрічислялись къ Церкви Христовой изъ корысти или по какимъ либо обстоятельствамъ и видамъ, а не по чувству святости ученія и убѣжденія: то Благочестивые Монархи Россійскіе, желая утвердить ихъ въ истинахъ Вѣры Евангельской и распространить съ большимъ успѣхомъ и между прочими Калмыками законъ Христіанскій, повелѣвали опредѣлять къ нимъ пастырей учительныхъ и благонадежныхъ. м).

По указу же, состоявшемуся въ 1725 году принимающіе святое Крещеніе Калмыки отправляемы были въ Чугуевъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы ихъ помѣщать между тѣмъ въ число тамошнихъ козаковъ. Впрочемъ, для безопасности отъ некрещенныхъ Калмыковъ и Киргизовъ, они были поселяемы близъ Самары за чертою Закамской линіи. Осѣдлость для нихъ и водвореніе признано отъ Правительства необходимымъ и полезнымъ.

По смерти Петра Петровича въ 1737 году, супруга его, нареченная при свят. Крещеніи Анною, возведена въ достоинство княгини, съ производствомъ ей ежегодно по 500 рублей, кромѣ хлѣба, и прочимъ при ней сановнымъ лицамъ н) приличнаго оклада жалованья и съ правомъ быть главою

к) Геогр. Словарь Россійск. Государ. стат. о Ставроп. Калмыкахъ.

л) Инструкція Іером. Никодиму 1725. Марта 19.

м) Указъ 1724 года Апрѣля 19 дня. н) Указъ Прав. Сената 1737.

Апрѣл. 18.

всѣхъ, обращенныхъ въ Христіанство Калмыковъ, вызванныхъ къ ней изъ Астрахани, Царицина и прочихъ городовъ, съ которыми и поселена она была близъ Воли на притокѣ, называемомъ Куньею Воложскою, гдѣ и устроена, по Высочайшему Повелѣнію, крѣпость, именуемая о) Ставропольскою, что прежде городъ Симбирской (а теперь Самарской) губерніи и штабъ-квартира Ставропольскаго Калмыцкаго войска. Сія крѣпость въ послѣдствіи со всѣми крещено-Калмыками, коихъ было 3330 душъ обоего пола, подчинена была управленію Оренбургскаго начальства. п).

Распорядившись такимъ образомъ, попечительное Правительство предположило упрочить сихъ новыхъ сыновъ Церкви благосостояніе, съ желаніемъ видѣть въ нихъ осѣдлыхъ Христіанъ и земледѣльцевъ; а потому и предоставило имъ во владѣніе богатѣйшія земли между рѣками Сокомъ и Кондурчею въ нынѣшнемъ Самарскомъ уѣздѣ, гдѣ построены для нихъ селенія и Церкви. Причемъ, были оказываемы имъ независимо отъ пособій при начальномъ обзаведеніи (имъ) выдаваемыхъ, разнаго рода вспомоствованія, а сверхъ того, отпускался имъ для засѣва полей отъ казны хлѣбъ; назначались для обученія ихъ земледѣльчеству Русскіе работники, получившіе также казенное содержаніе. р).

Въ 1743 и 1744 годахъ Церковь Христова въ особенности пріобрѣтала въ семь краѣ многія семейства крещенныхъ Калмыковъ, переводимыхъ съ Дона и Оренбурга съ владѣльцами ихъ.

Калмыки сіи, подражая находящимся таковымъ же въ Астраханской губерніи, ведутъ жизнь кочевую и занимаются скотоводствомъ, а не хлѣбопашествомъ, отдавая принадлежащія имъ земли, луга, лѣсъ и воды Русскимъ людямъ изъ оброка.

о) Указъ 1739 г. Маія 14 дня.

п) Указъ 1744. г. Ноября 12. р) Указъ Прав. Сен. 1739. Генв. 15.

Вскорѣ потомъ и именно въ означенномъ же 1744 году крестилась въ Санкт-Петербургѣ со всѣми дѣтьми своими жена Дондока Омбо (внука Аюки), оставшаяся вдовою Джаны, которая при свят. Крещеніи наречена Вѣрою, дочери: Бунигара—Надеждою и Делекъ—Любовью, сыновья: Рандуль—Петромъ, Добданъ—Алексіемъ, Асарай—Іоною и Джибасаръ—Филиппомъ. Всѣхъ ихъ изволила воспринимать отъ купели свят. Крещенія Сама Императрица Елисавета Петровна. При чемъ, новокрещенная Вѣра пожалована титуломъ и фамиліею княгини Дундуковой.

Означенныя сыновья ея воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ, изъ коихъ Алексѣй Дундуковъ, живши въ Астраханской губерніи, въ городѣ Енотаевскѣ, померъ въ 1783-мъ году послѣ всѣхъ въ чинѣ Полковника и погребенъ въ оградѣ Церковной. Онъ сдѣлалъ многіе приклады и пожертвованія въ тамошнюю Церковь, въ которой и нынѣ хранится приложенное отъ него святое Евангеліе (о семъ Христолюбивомъ и благосердомъ мужѣ и доселѣ еще сохраняется въ душѣ у многихъ Енотаевскихъ жителей память его Христіанскихъ добродѣтелей. (Онъ былъ, сверхъ того, ревностнымъ защитникомъ и образцомъ крещенныхъ Калмыковъ).—

Вышеупомянутой княгини дочери, Надежда также скончалась въ 1744 году, а Любовь выдана въ 1750 г., по соизволенію Императрицы, въ замужество въ городъ Ставрополь за владѣльца тамошнихъ крещенныхъ Калмыковъ Іоанна Дербетева.

Въ Саратовской же губерніи предварительныхъ до 1768 г. опытовъ къ распространенію между Калмыками Евангельскаго ученія не видно. Въ упомянутомъ же году Сарептское Евангелическое братское общество вскорѣ по учрежденіи, съ Высочайшаго Повелѣнія, въ Царицынскомъ уѣздѣ колоніи Сарепты и населеніи оной Евангелическими братьями Аугсбургскаго исповѣданія, обращая вниманіе на кочующихъ близъ сказанной колоніи Калмыковъ (какъ изъ хранящихся въ Сарептск. архивѣ документовъ явствуетъ) возымѣло благочесті-

вую ревность—преподать, какъ дражайшій Божій даръ,—ученіе Вѣры Христовой поработеннымъ нечестію идолопоклонства Калмыкамъ и чрезъ оное отвративъ ихъ отъ мрачной прелести язычества, привлечь къ свѣту разума святаго Евангелія.

Для приведенія въ исполненіе сего Христіанскаго предпріятія Сарептское общество поставило необходимымъ долгомъ предварительно научиться Калмыцкому языку, и на сей конецъ отправились два сочлена онаго общества прежде къ ближайшимъ, на дачахъ Сарептскихъ кочующимъ Калмыкамъ, построивъ при нихъ хижинку и водворясь тамъ хозяйственно по подобію Калмыковъ. Сіе испытаніе предпринято съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы чрезъ совмѣстное съ ними пребываніе научиться Калмыцкому языку и обратить ихъ на себя довѣріе. Главная же цѣль Сарептскаго общества показать собственною жизнію примѣръ отъ Вѣры, въ дѣлахъ Христіанина сіяющей и симъ благочестія средствомъ удобнѣе озарить ихъ омраченныя зловѣріемъ сердечныя чувства.

Сіи предположенія охотно были исполняемы; ибо съ первыхъ еще лѣтъ, по учрежденіи колоніи познакомился съ Сарептскимъ Обществомъ Зайсангъ (Калмыцкій дворянинъ), именемъ Тохмутъ, который оказывалъ къ Сарептянамъ необыкновенное дружество и довѣріе. Съ симъ то Зайсангомъ означенные два сочлена, по изученіи Калмыцкому языку до того, что могли на немъ объясняться, предприняли намѣреніе во первыхъ посѣтить Дербетевскую Орду, расположившуюся тогда кочевьемъ неподалеку отъ Сарепты.

Здѣсь, полагаю, небезполезно упомянуть нѣчто изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Сарептянамъ возвратившимися посѣтителями Орды, сказанными двумя сочленами, для соображеній въ подобныхъ случаяхъ и нужнаго понятія о Калмыцкомъ народѣ, ихъ обыкновеніяхъ, свойствахъ и образѣ жизни, „29 Маія 1768 года (такъ пишутъ они въ дневной своей запискѣ) отправились мы съ провожатымъ нашимъ Зайсангомъ Тохмутомъ въ Орду, и къ вечеру достигли части большой ханской

Орды, гдѣ Тохмутъ нечаянно былъ обрадованъ, нашедши тутъ дѣтей своего брата, которыхъ онъ въ продолженіе десятилѣтняго времени не видалъ. По введеніи тамошними Калмыками насъ въ кибитку и принятіи къ сбереженію нашихъ лошадей, Тохмутъ на спросъ сказалъ имъ, какіе мы люди, и что у него живемъ мы для наученія Калмыцкому языку. За сіе они столь ласково насъ приняли, что угощали, въ залогъ дружественнаго ихъ пріема и новаго съ ними знакомства, пищею отъ стадъ стойхъ и поили чиганомъ (кислымъ молокомъ) и виномъ (приготовленнымъ изъ молока). Но какъ все сіе было приготавливаемо въ виду нашемъ гадко и въ нечистыхъ котлахъ; то мы, смотря на то съ непреодолимымъ отвращеніемъ, никакъ не могли принудить себя къ употребленію предлагаемаго намъ въ пищу и питіе, а изготовили для себя ужинъ изъ Сарептскихъ съѣстныхъ припасовъ.

Утромъ на другой день мы отправились далѣе и къ вечеру прибыли въ средину Дербетевской Орды, гдѣ владѣлецъ улуса съ знатнѣйшими Гелюнгами имѣли тогда непремѣнное пребываніе при находящихся тамъ капищахъ. Отселъ мы заѣхали къ бабкѣ малолѣтняго владѣльца, къ коей Тохмутъ взошелъ сперва одинъ, сдѣлавши ей поклонъ. А какъ она видѣла и насъ изъ кибитки своей; то приказала взойти къ ней и намъ, гдѣ также мы были угощаемы чиганомъ и виномъ. Въ сей части Орды мы приняты были какъ владѣльцами, такъ и Калмыками весьма также ласково; ибо они, узнавъ отъ Тохмута, что мы желаемъ познакомиться съ Калмыцкими обыкновеніями и научиться ихъ языку, весьма тѣмъ были обрадованы; почему дозволили намъ осматривать у нихъ все достойное замѣчанія, и мы въ самое торжество, случившееся у нихъ въ то время, были сопровождаемы Тохмутомъ по ихъ капищамъ, гдѣ жрецы во всей формѣ торжественно отправляли свое идолослуженіе. Въ капищахъ число знатнѣйшихъ и низшихъ въ чинѣ Гелюнговъ было не одинаково. Въ величайшемъ и преимущественно обрядномъ предъ другими изъ сихъ капищъ находилось 20 Гелюнговъ, кои, сидя другъ

противу друга въ два ряда, такъ что между ими оставался одинъ только проходъ, начинали два главные изъ нихъ низшимъ и тихимъ голосомъ читать молитвы, а потомъ выше и громче, чему подражалъ весь съ ними соединенный молитвенный хоръ, при наблюденіи непремѣннаго такта; при чемъ чрезъ каждыя четыре или пять минутъ начиналась новая статья молитвы, съ употребленіемъ при семъ случаѣ музыкальных инструментовъ, кои суть слѣдующіе: 1) Двѣ большія мѣдныя трубы, длиною около четырехъ аршинъ, съ широкими отверстіями, производящія два низкіе и пронзительные звука 2) Двѣ трубы короче прежнихъ, наподобіе гобоя, имѣющія нѣсколько дыръ для перебирания пальцами и производящія около шести тоновъ; 3) Двѣ трубы еще короче прежнихъ, наподобіе рожка съ продолговатымъ отверстіемъ и муштукомъ, производящія дрожащій звукъ; 4) Пять маленькихъ барабановъ плосковатыхъ, наподобіе сита, обтянутые съ обѣихъ сторонъ кожею съ ручками для держанія и съ боевыми палочками; 5) Двѣ большія мѣдныя тарелки, наподобіе турецкихъ, въ кои ударяя, старшій Лама своевремѣнно съ соблюденіемъ такта давалъ чрезъ то и прочимъ музыкантамъ возможность примѣняться къ дѣйствіямъ или звукамъ его такта.

Во всѣхъ капищахъ происходило одно и тоже идолослуженіе, во время коего прочіе Калмыки Знатные и низшіе въ лучшемъ нарядѣ обходили процессіально вокругъ капищъ.

Въ послѣдній день сего языческаго торжества видъ прежняго идолослуженія въ самый полдень перемѣнился. Всѣ Гелюнги съ стѣсненіемъ входили въ капища до сту человѣкъ въ каждое, а манчжики (ученики Гелюнговъ) расположились внѣ капищъ по сту человѣкъ, кои были возрастомъ отъ 8 до 18 лѣтъ. За ними надзирали, во отвращеніе безпорядковъ, нѣкоторые Гелюнги, наказывая ихъ въ случаѣ возникавшей между ними ссоры и драки. Другіе Гелюнги въ разныхъ четырехъ мѣстахъ собирали въ деревянные чаши отъ народа, простиравшагося до 4000 человѣкъ, жертвуемыя деньги въ пользу Гелюнговъ. Въ сіе время въ капищахъ Гелюнги молились

прилежнѣе прежняго и за сіе, какъ бы въ сугубое возмездіе трудовъ, болѣе прежняго употребляли, среди самыхъ моленій чигана и вина. Это явленіе продолжалось около двухъ часовъ и народъ, предвидѣвъ конецъ торжества, становился предъ капищами въ два ряда, такъ чтобъ Гелюнги единъ по едину могли сквозь ихъ проходить.

Такимъ образомъ сіе торжественное идолослуженіе кончилось, и мы 3 числа Іюня отправились съ нѣкоторыми ѣдущими до города Царицына Калмыками обратно въ Сарепту, куда 5 числа прибыли благополучно. Провожатый же нашъ Тохмутъ остался въ Ордѣ у своихъ родственниковъ.“—

Какъ изъ сихъ свѣдѣній, такъ и изъ словесныхъ сказаній упомянутыхъ сочленовъ ясно видѣть можно, съ какими они грубыми и закоснѣлыми въ язычествѣ людьми имѣли обхожденіе. Калмыки—слѣпо увлеченные нелѣпостію предубѣжденій, внушаемыхъ имъ духовенствомъ ихъ, о положительныхъ правилахъ идолопоклонства, имѣють оное въ виду дѣйствительной системы, такъ что ученіе о Христіанствѣ и распространеніе Божественнаго Слова никакъ не могло отверзти свободнаго въ грубыхъ сердца ихъ входа.

При таковыхъ, впрочемъ, обстоятельствахъ Сарептское Общество нисколько не усумнилось въ благой надеждѣ обращенія и не устало, но продолжало составлять болѣе сочленовъ для основательнаго изученія Калмыцкому языку, какъ необходимому и единственному средству предварительно и удобовразумительно истолковать святѣйшіе догматы Христіанства и начертать въ ослѣпленномъ прелестію идолопоклонства умѣ язычника правильное понятіе о спасительныхъ истинахъ Слова Божія.

Упражняясь многія лѣта въ семъ ученіи, нѣкоторые сочлены Сарептскаго общества при всякомъ удобномъ случаѣ простирали Слово Христово свободно къ Калмыкамъ на ихъ нарѣчій, какъ при колоніи Сарептѣ находящимся и временно пріѣзжавшимъ въ оную, такъ и во время посѣщенія ихъ въ Ордѣ.

Сіе благочестивое испытаніе о толико важномъ предметѣ продолжалось со времени упомянутого 1768 и кончилось въ исходѣ 1796 года. Въ продолженіе сего многолѣтняго занятія проповѣдію Евангельскою хотя дѣйствительнаго успѣха въ обращеніи не послѣдовало, но въ нѣкоторыхъ Калмыкахъ, а въ особенности у сказаннаго Зайсанга Тохмута (какъ дневныя записки сихъ сочленовъ показываютъ) выражалась въ словахъ и поступкахъ склонность къ Христіанской Религіи.

Съ 1796-го по 1815 годъ Сарептское общество вторичнаго опыта въ распространеніи Слова Божія у Калмыковъ не предпринимало. Впрочемъ, нѣкоторые сочлены, исполнившіе Христіанскаго упованія, что, по милосердію Всемогущаго и Преблагаго Бога, приидеть и то благодатное время, въ которое Калмыки изъявляютъ большую готовность къ принятію Слова Истины, занимались всегда изученіемъ въ твердости Калмыцкаго языка.

Между тѣмъ, по учрежденіи въ 1813 году, съ Высочайшаго повелѣнія, Россійскаго Библейскаго Общества, предпринявшаго благочестивое попеченіе—печатать и раздавать книги Истиннаго Слова Божія на всѣхъ языкахъ, которыми говорятъ обитающіе въ обширной Россійской Имперіи разноплеменные народы, Россійское библейское Общество обратило въ особенности вниманіе изъ числа первыхъ инородцевъ на Калмыцкій народъ, и сіе важное дѣло поручило въ 1814 году сочлену Сарептскаго Общества Г. Шмидту, научившемуся совершенно въ Сарептѣ Калмыцкому языку. Шмидтъ имѣлъ тогда пребываніе въ Санкт-Петербургѣ и переводилъ, найдяшисъ сочленомъ Библейскаго Общества, Новый Завѣтъ на Калмыцкій языкъ. По окончаніи Г. Шмидтомъ перевода Евангелія святаго Матѳея въ 1815 году и по напечатаніи Библейскимъ Обществомъ довольноаго количества таковыхъ книгъ, библейское Общество препроводило изъ числа сихъ Евангелій нѣсколько экземпляровъ Сарептскому Обществу на тотъ конецъ, дабы сіи книги раздавать по Ордамъ желающимъ Калмыкамъ, съ предварительнымъ увѣдомленіемъ, что

по окончаніи перевода и по напечатаніи Евангелій и другихъ Евангелистовъ, прислано будетъ въ Орду для раздачи таковыхъ книгъ потребное количество.

На сей конецъ библейское Общество снабжало избранныхъ для раздачи книгъ рекомендательными письмами къ владѣльцамъ Улусовъ, съ предварительнымъ препровожденіемъ при своемъ отношеніи двухъ экземпляровъ сего Евангелія къ тогдашнему владѣльцу Хототовскаго улуса Ноюну Тюмену, при слѣдующемъ изъясненіи: „Россійское Библейское Общество учреждено въ Санкт-Петербургѣ по Высочайшему повелѣнію, каковое Общество печатаетъ и раздаетъ книги истиннаго Слова Божія на всѣхъ языкахъ, на коихъ говорятъ обитающіе въ Россіи инородцы и что изъ числа таковыхъ людей вопервыхъ обращено вниманіе на Калмыцкій народъ, и на семъ языкѣ напечатанную первую часть Божественныхъ книгъ, въ числѣ двухъ экземпляровъ, препровождаетъ къ вамъ изъ особеннаго къ вашему сану уваженія, прежде прочихъ и надѣется, что вы не только сами воспользуетесь чтеніемъ толико священной и полезнѣйшей книги, но и подвластнымъ вамъ подадите къ тому совѣтъ и наставленіе, и что на сей конецъ отправляются, какъ для раздачи сихъ книгъ, такъ и для лучшаго наученія народа вашего и изъясненія Слова Божія двѣ довѣренныя особы Сарептскаго общества, которыхъ пріимите, по прибытіи къ вамъ въ улусъ, благосклонно и оградите ихъ отъ всякихъ непріятностей, съ оказаніемъ имъ всякой помощи и уваженія“.

Вслѣдствіе чего Сарептское общества возобновляя ближайшее обхожденіе съ Калмыками относительно предварительнаго распространенія Слова Божія, отправило въ 1815 году сочленовъ въ Орду, и именно въ Хототовскую, для раздачи присланныхъ Библейскимъ Обществомъ Евангелій.

По прибытіи сихъ сочленовъ въ улусъ 29 Маія упомянутого 1815 года, и по предъявленіи владѣльцу рекомендательнаго письма отъ Россійскаго Библейскаго Общества, означенный владѣлецъ Ноюнъ Тюмень принялъ ихъ благосклонно и оказалъ имъ должную защиту.

Въ семь улусѣ означенные сочлены имѣли пребываніе до 1821 года, занимаясь раздаваніемъ присылаемыхъ въ разное время Библейскимъ Обществомъ Евангелій и совершеннымъ изученіемъ Калмыцкому языку, а притомъ наставленіемъ при всякомъ удобномъ случаѣ въ истинахъ Евангелія желающихъ принять Слово Божіе Калмыковъ.

Уже въ 1811 году познакомился съ сими сочленами Калмыкъ Соднумъ, изъявившій искреннее жаланіе научиться отъ нихъ догматамъ Христіанской Религіи (впослѣдствіи нареченный при святомъ Крещеніи Константиномъ, который нынѣ, по указу Саратовской духовной Консисторіи, употребляется въ надлежащихъ случаяхъ, а особливо при обращеніи Калмыковъ переводчикомъ). Сей Калмыкъ вскорѣ бывъ озаренъ, по благодати Всемогущаго Бога, свѣтомъ Евангелія и здравымъ смысломъ къ постиженію истинъ, въ ономъ содержащихся, презрѣлъ пустое и душевредное идолослуженіе въ той благочестивой увѣренности, что одна только Христіанская Вѣра доставляетъ въ мірѣ семь спокойствіе духа, а въ будущемъ вѣкѣ даруетъ жизнь вѣчную. Таковому примѣру слѣдуя, какъ родственники его, такъ и другіе Калмыки приняли, по времени, ученіе Христово съ благодушіемъ.

Сверхъ того, сказанный Соднумъ къ совершенному удостовѣренію въ Божественности Христіанской Религіи особенно понуждаемъ былъ и въ оной утверждаемъ письмами двухъ знаменитыхъ Зайсанговъ Хоринскихъ Бурятъ Иркутской губерніи.

Сии два Зайсанга, именуемые Бадма и Намту, по приглашенію Россійскаго Библейскаго Общества, прибыли въ Санкт-Петербургъ для перевода Новаго Завѣта съ Калмыцкаго на Монгольскій языкъ въ 1817 году, кои, предпринявъ сіе Богоугодное дѣло съ неутомимою ревностію и вскорѣ окончивъ съ благоуспѣхіемъ оное, были, по благодати Божіей, проникнуты живѣйшимъ чувствомъ Вѣры Христіанской, такъ что они чистосердечно сознавались наставнику своему, вышеупомянутому Г. Шмидту, въ сихъ словахъ: „Мы теперь, по

лости Всемогущаго Бога, признаемъ Сына Его Иисуса Христа за нашего Бога и Спасителя, и положили себѣ ни-го болѣе не знать, кромѣ Его, и посему вознамѣрились принять Христіанскую Вѣру“.

Они, между прочимъ, Соднуму писали: „Мы слышали Г. Шмидта, съ великою радостію, что и ты съ родственниками твоими благое намѣреніе принялъ—отвергнуть пугное идолослуженіе и, напротивъ того, принять Христіанскую Вѣру и хотя (какъ тоже слышали) претерпѣли вы прискорбя, причиненныя вамъ отъ вашего народа за то, что оставили идолопоклонство и обратились къ Истинному Богу, но твердо уповайте, что на васъ нынѣ исполняются слова Господни: Блаженны тѣ, которые для Него такимъ образомъ потерпятъ скорби“.

А какъ оныя Калмыки болѣе и болѣе озарялись свѣтомъ ученія Евангельскаго и публично признавались, что они хотн желаютъ принять Христіанскую Вѣру; то Калмыцкіе елюнги убѣдили въ то время владѣльца своего Серебчана и ихъ Калмыковъ, какъ отступившихъ отъ идолопоклонства, удалить изъ улуса. Почему въ осеннее время 1821 года сіи Калмыки, состоящіе изъ четырехъ семействъ, отправились съ наставниками ихъ (упомянутыми сочленами Сарептскаго общества) въ Сарепту, гдѣ и жили по ихъ обыкновенію на Сарептской дачѣ и назидались чтеніемъ и наставленіемъ Слова Божія.

Въ 1823 году сіи новые ученики Вѣры возжелали отъ искренняго сердца, принять святое Крещеніе и причислиться къ Христіанской Церкви; Въ сходство сего желанія ихъ Сарептское Евангелическое общество, какъ не имѣющее положеннаго Закономъ права—крестить ихъ по обряду западной своей Церкви, препроводило оныхъ въ числѣ 25 душъ обо-го пола, состоящихъ изъ четырехъ семействъ, того жъ года Октября 15 числа въ городъ Царицынъ для Крещенія къ Греко-Россійскому духовенству, гдѣ, по дозволенію Епархіальнаго Начальства, и окрещены изъ нихъ съ предварительнымъ

наставленіемъ въ законѣ и Вѣрѣ Православной, по чиноположенію, упомянутого жъ Октября 25 дня 10-ть, а 15 (изъ нихъ) душъ Апрѣля 11-го 1824 года въ Царицынскомъ Успенскомъ Соборѣ.

Предъ Крещеніемъ своимъ представили они Царицынскому Соборному духовенству свидѣтельство отъ Сарептянъ, заключающееся въ слѣдующемъ: „1823 года 6 Октября дано сіе изъ Правленія Сарептскаго Евангелическаго братскаго Общества, съ приложеніемъ печати онаго, Дербетевской Орды Калмыкамъ: Соднуму, Чюрюму и Юскѣ съ семействами ихъ, жившимъ въ Ордѣ и прибывшимъ вмѣстѣ съ сочленомъ Библейскаго Общества на Сарептскую дачу для чтенія Слова Божія, Библии Ветхаго и Новаго Завѣта, которые упражнялись въ томъ, какъ въ данномъ отзывѣ сношенія Дербетевскому Калмыцкому Приставу отъ 17 февраля 1822 года явствуетъ, кочуя по Сарептской дачѣ, завѣдомо владѣльца своего князя Эрдени, и нынѣ пожелавъ быть наставляемы въ Православномъ Греко-Россійскомъ Христіанскомъ Законѣ, отравились въ Царицынъ, и что они, вышесказанные Калмыки, во всю бытность свою на Сарептской дачѣ вели себя добропорядочно и, при Библейскомъ наставленіи, занимались прилежно работою для содержанія своего, утверждаясь болѣе и болѣе въ Христіанской Религіи; а потому никакихъ претензій со стороны Сарептскаго Общества относительно ихъ не имѣется“.—Подлинное подписалъ Начальникъ Григорій Леонъ Грефельдъ.—

О таковомъ происхожденіи и Промысла Божія дѣйствиіи самъ вышеупомянутый оный Соднумъ такъ изъясняется: „Предки мои и я были Хототовскаго владѣльца Серебчана, до сороколѣтняго возраста моего содержалъ я Монгольскій законъ Ламайскаго исповѣданія и дотолѣ онымъ былъ ослѣпленъ и нечестіемъ идолопоклонства зараженъ, что въ то самое время, когда прибыли къ намъ въ Орду съ рекомендательными изъ Петербурга къ владѣльцу Тюмену письмами изъ нѣмцовъ три человека для проповѣданія Святаго Евангелія на Калмыцкомъ

іалектѣ и раздавали желающимъ Калмыкамъ сіи книги без-
платно; я, увидѣвъ изъ числа сихъ двѣ книги у Калмыковъ
азвернулъ оныя, прочелъ нѣсколько, почудился странному для
меня моего и сердца въ нихъ Писанію, и тутъ же ихъ сожегъ.
Какимъ ревностно убѣждалъ я Калмыковъ, у коихъ взялъ, чтобы
они отнюдъ таковыхъ книгъ у себя не имѣли. Послѣ чего вскорѣ
почувствовалъ я въ совѣсти моей ужасное волненіе, трепетъ
и укоризну, что я, не прочетши ихъ, учинилъ таковой не-
благодѣтельный и дерзкій поступокъ, и съ того времени
искивалъ я съ великимъ тщаніемъ возможность имѣть сіи
книги паки у себя, и Господь, не хотѣвшій смерти грѣшника,
ио желающій обратиться ему и живу быть, даровалъ мнѣ
вскорѣ благовременный къ тому случай. Кочевавшіе въ Иркут-
ской губерніи Зайсанги—Бадма и товарищъ его, Дала-Ламай-
скаго исповѣданія, писали ко мнѣ изъ Петербурга, что они
находившись тамъ переводчиками Святаго Евангелія, приняли
оное, съ несумнѣнною вѣрою, почему убѣждали также и меня
принять оное, какъ Истинное Слово Божіе, чему я искренно
послѣдовалъ и поучался оному съ твердою рѣшимостію—вѣро-
вать и исповѣдывать Господа Іисуса Христа Истиннымъ Бо-
гомъ. Бывъ проникнутъ симъ святѣйшимъ чувствомъ, я съ
сердечнымъ восхищеніемъ открывался въ вѣрованіи моемъ во
Христа Спасителя семейству моему и родственникамъ, и съ
особенною ревностію внушалъ имъ и даже окружающимъ
меня Калмыкамъ Божественность Вѣры Евангельской, наста-
вляя притомъ ихъ на путь спасенія, чему нѣкоторые изъ
нихъ не вѣровали, но я удостовѣрялъ ихъ, что мы и предки
наши вѣруемъ въ бездушныхъ и глухихъ идоловъ, а посему
вѣрующіе въ нихъ уготовляютъ себѣ путь къ гееннѣ и вѣчному
мученію. Съ симъ вмѣстѣ я находящіися у меня Калмыціи
относящіися до вѣры ихъ книги, а равно и идоловъ своихъ
огню предалъ, чрезъ что самое мать свою и братьевъ весьма
огорчилъ, и они меня за таковой поступокъ мой бросили
одного.

Между тѣмъ, вышеупомянутые сочлены Сарептскаго общества находились при Приставѣ владѣльца Серебчана, и я, оставленный родными въ одиночествѣ, присоединился къ нимъ, пользуясь отъ нихъ спасительнымъ наставленіемъ Вѣры.

Спустя нѣсколько времени, и братъ мой родной Жемба, нареченный впоследствии при святомъ Крещеніи Іаковомъ, пришедъ ко мнѣ, соединился со мною, съ которымъ мы около трехъ лѣтъ находились при сказанномъ владѣльцѣ. Въ продолженіе сего времени, претерпѣвая со стороны Калмыковъ разныя притѣсненія, вознамѣрился я перекочевать съ упомянутымъ братомъ моимъ Іаковомъ двумя кибитками къ Сарептской колонкѣ, куда въ продолженіи самаго даже пути встрѣчалъ я жестокое отъ Дербетовъ оскорбленіе.

Достигнувъ сего колонка, мы поселись при ономъ домо-водственно, куда вскорѣ, по Благословенію Божію, пришли къ намъ еще двѣ кибитки Калмыковъ, съ коими соединясь, мы жили, какъ родные, во взаимной любви и единомысліи относительно принятія Христіанства.

1823 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ явились мы въ городъ Царицынъ съ рѣшительнымъ нашимъ прошеніемъ, въ числѣ 25 душъ, къ тамошнему Протоіерею, дабы онъ совершилъ надъ нами, согласно единодушному желанію нашему, святое Крещеніе, и мы въ томъ же мѣсяцѣ были по обряду Греко-Россійскія Церкви, въ количествѣ 10. душъ окрещены въ Царицынскомъ Успенскомъ Соборѣ. Въ слѣдующемъ же 1824 году товарищи мои, состоящіе въ 15 душахъ, а къ симъ и еще присовокупясь пять душъ обоего пола, сподобились также быть причастниками Вѣры Христовой чрезъ благодатное отрожденіе въ купѣли святаго Крещенія".—

Симъ новокрещенымъ Калмыкамъ вскорѣ потомъ отмежевана лучшая земля по рѣчкѣ Мечетной близъ Царицына — пашенная и сѣнокосная съ достаточнымъ лѣсомъ; построены въ 1828 году отъ казны дома, съ дворнымъ строеніемъ, состоящіе отъ Царицына въ 15 верстахъ; купленъ каждому семейству для воздѣлыванія земли и прочихъ хозяйственныхъ занятій рабочій скотъ.

Сіе поселеніе въ 1833 году наименовано крещенно-Калмыцкимъ, и отдано въ вѣдѣніе Погроминскаго Волостнаго Правленія.

Вышеупомянутыхъ новокрещенныхъ родныхъ братьевъ, Константина и Іакова, сыновья: Александръ и Игнатій, а равно и малолѣтніе новокрещенные жъ сироты—Василій и Аврамій возведены, по дозволенію верховнаго духовнаго Начальства, въ духовное званіе; изъ коихъ первые два, удостоенные чести стихаря, обучались въ Саратовскомъ духовномъ училищѣ на казенномъ содержаніи (сіи оба померли), а послѣдніе воспитываются въ Спасо-Преображенскомъ Саратовскомъ Монастырѣ. Для прочихъ же крещенно-Калмыцкихъ дѣтей учреждена въ настоящемъ 1838 году, по Указу Саратовской духовной Консисторіи, школа для обученія Россійской и Калмыцкой грамотѣ въ Царицынѣ.

Съ 1824-го по 1832-й годъ особеннаго успѣха въ обращеніи Калмыковъ не было, въ тридцать же второмъ году и послѣдующихъ до 1838 года оказалась большая готовность оныхъ къ принятію Христіанства въ городѣ Царицынѣ и уѣздѣ онаго отъ дѣйствій настоятеля Царицынскаго Собора, которые и крещены имъ во многомъ количествѣ, какъ изъ приложенной въ концѣ сего вѣдомсти явствуется.

Изъ числа крещенныхъ въ 1832 и 1833 годахъ воспользовались 29-ть семействъ надѣленіемъ отведенной, по назначенію Саратовской Казенной Палаты, лѣсной и сѣнокосной земли на Сарпинскомъ островѣ, на каждое по 30 десятинъ всего 870 десятинъ, и получили изъ Царицынскаго Уѣзднаго Казначейства на первое обзаведеніе денежное пособіе, женатымъ по 50, а холостые по 25 рублей; и какъ вышеозначенные Крещенно-Калмыцкаго селенія, такъ и сіи Калмыки отдають большею частію участки земли своей Царицынскимъ жителямъ изъ оброка, а сами они, по необыкновенному для нихъ занятію земледѣліемъ, ни полей, ни луговъ почти никогда не воздѣлываютъ, кромѣ весьма немногихъ изъ нихъ. Всѣмъ же вообще новокрещенымъ предоставлено положеніемъ Комитета

Гг. Министровъ, состоявшимся Марта 24 дня 1830 года, право десятилѣтней льготы отъ платежа всѣхъ податей и повинностей, съ избраніемъ, сверхъ того, по собственному ихъ желанію, рода жизни, мѣстоводворенія и надѣленія законною пропорціею земли.

Впрочемъ, Калмыки сіи, какъ не имѣющіе сродства къ осѣдлой жизни и жителству въ домахъ, живутъ, большею частію, и нынѣ въ кибиткахъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто. Таковая жизнь, сближая ихъ съ однородными себѣ Калмыками, даетъ возможность и поводъ обращаться къ прежнимъ обычаямъ и увлекаться первыми невѣдѣнія ихъ похотѣніями. т). Они, скитаясь такимъ образомъ всюду, избѣгаютъ всякаго надъ ними особаго, со стороны духовной и гражданской, надзора и не исполняютъ прямо Христіанскихъ обязанностей.

Все сіе принявъ въ соображеніе, Саратовское Епархіальное Начальство содѣйствовало въ постоянной заботливости изысканію возможныхъ средствъ, — какъ бы, приспособляясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, устроить благосостояніе крещенныхъ Калмыковъ и утвердить ихъ въ Вѣрѣ и благочестіи; и, по предположенію онаго и ходатайству, Калмыкамъ симъ дозволено водворяться по селеніямъ между Христіанами на правахъ поселанина, гдѣ они, взимая обычаи Россіянъ и поведеніе добрыхъ Христіанъ за образецъ собственной жизни, могутъ безусловно, при особомъ попеченіи мѣстнаго духовнаго и сельскаго Начальства, исполнять неупустительно обязанности Христіанскія и заниматься обыкновенными благонамѣренному поселанину работами.

Въ которомъ же именно году, гдѣ и вѣмъ сколько обращено Калмыковъ по Саратовской губерніи; о томъ прилагается при семъ перечневая, по возможности, составленная изъ Метрическихъ свѣдѣній, доставленныхъ духовенствами трехъ уѣздовъ, вѣдомость.

Города Царицына Успенскаго Собора Протоіерей *Петръ Лугаревъ.*

т) I Посл. Петр. гл. I. ст. 14-й.

Вѣдомость о крещенныхъ въ Саратовской губерніи Калмыкахъ, учиненная ¹⁾, при составленіи исторіи обращенія оныхъ, города Царицына Протоіереемъ и Благочиннымъ Петромъ Лугаревымъ, съ показаніемъ, въ которомъ году, гдѣ и кѣмъ сколько обращено оныхъ. Октября дня 1838 года ²⁾.

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и кѣмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	А всѣхъ.
1800	Іюня.	10	Въ городѣ Царицынѣ. Протоіереемъ Петромъ Любар- скимъ.	1	—	1
1804	Іюня.	10	Въ Дубовскомъ посадѣ. Священникомъ Александромъ Ива- новымъ.	—	1	1
1805	Августа.	22	Въ Царицынѣ. Протоіереемъ Любарскимъ. . . .	—	1	1
—	Октября.	29	Священникомъ Любарскимъ. . .	—	1	1
1809	Ноября.	1	Священникомъ Мих. Ивановымъ.	3	1	4
1823	Октября.	25	Протоіереемъ Любарскимъ. . . .	5	5	10
1824	Апрѣля.	11	— Имъ же Любарскимъ.	8	7	15
1825	Октября.	17	— Имъ же. —	1	—	1
1827	Іюня.	16	Священникомъ Сосновскимъ. . .	—	1	1
1829	Августа.	22	Священникомъ Флювіаловымъ. .	1	2	3
—	Октября.	8	Въ селѣ Пришибѣ. Священникомъ Катаевскимъ. . .	2	2	4
—	Маія.	7	— Нижне-Ахтубинскомъ. Священникомъ Потѣхинымъ. . .	—	1	1
1830	Сентября.	2	— Слободѣ Рахинкѣ. Священникомъ Муромскимъ. . .	1	1	2
1831	—	—	Въ Царицынѣ. Священникомъ Львовымъ. . . .	—	—	—
1832	Марта.	14	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	—	—	—

¹⁾ Учиненная.. Лугаревымъ.

²⁾ Съ 1800 по 1839 г.

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Часла.	Гдѣ именно и кѣмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
—	Юня.	13	Въ Дубовскомъ посадѣ. Священникомъ Ивановымъ.	1	—	1
—	Августа.	20	— Слободѣ Владиміровкѣ. Священникомъ Благосвѣтловымъ.	—	3	3
—	Декабря.	4	— имъ же.	1	—	1
Итого на страницѣ				24	28	52
1832	Стр. 2 Марта.	19	Въ селѣ Пришибѣ. Священникомъ Зороастровымъ. .	1	—	1
—	Ноября.	6	— Нижне-Ахтубинскомъ. Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	16	18	34
1833	Марта.	3	Въ городѣ Царицынѣ. Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	5	6	11
—	—	27	— Имъ же Лугаревымъ.	—	1	1
—	—	30	Священникомъ Разумовскимъ. .	1	—	1
—	Апрѣля.	27	Священникомъ флювіаловымъ. .	1	—	1
—	Маія.	22	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	6	4	10
—	—	22	— Имъ же Лугаревымъ.	4	5	9
—	—	29	Священникомъ Миловымъ. . .	1	—	1
—	—	31	Священникомъ Сосновскимъ. . .	4	5	9
—	Юня.	11	— — — — —	2	1	3
—	—	24	— — — — —	1	1	2
—	Юля.	9	— — — — —	2	—	2
—	—	16	— — — — —	2	—	2
—	Августа.	6	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	4	4	8
—	—	10	— — — — —	1	—	1
—	—	17	— — — — —	1	1	2
—	Ноября.	7	— — — — —	1	1	2
—	—	28	— — — — —	—	1	1
—	—	30	— — — — —	2	—	2
—	Декабря.	7	— — — — —	1	—	1
—	—	28	Священникомъ Разумовскимъ. . .	1	—	1

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и кѣмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
—	Генваря.	10	Въ Нижне-Ахтубинскомъ.			
—	Апрѣля.	11	Протоіереемъ Лугаревымъ	6	3	9
			Священникомъ Мещерскимъ . . .	7	4	11
			Слободѣ Царевкѣ (что нынѣ городъ)			
—	—	13	Протоіереемъ Лугаревымъ	3	2	5
—	Маія.	25	— имъ же. —	2	2	4
			Въ Дубовскомъ посадѣ.			
—	Апрѣля.	16	Священникомъ Смирновымъ . . .	2	—	2
—	Маія.	26	Священникомъ Дьячковымъ . . .	—	1	1
	Стр. 3.		Итого	77	60	137
1833	Іюля.	11	Священникомъ Смирновымъ . . .	2	6	8
—	—	16	— — — — —	2	—	2
—	Августа.	7	— — — — — имъ же.	1	—	1
—	—	22	— — — — —	1	2	3
—	Сентября.	6	Священникомъ Дьячковымъ . . .	1	—	1
			Въ слободѣ Капустинкѣ.			
—	Генваря.	23	Священникомъ Филемовымъ . . .	2	1	3
—	Сентября.	18	Священникомъ Іоною Захаркинымъ	1	1	2
			—Слободѣ Владиміровкѣ			
—	Маія.	28	Священникомъ Ливановымъ . . .	—	1	1
—	Іюня.	5	Имъ же Ливановымъ	2	1	3
—	—	8	— Имъ же. —	—	1	1
			—Александровской станицѣ.			
—	Іюня.	16	Священникомъ Миткирейцевымъ.	2	1	3

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и къмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
1834	Маія.	23	— Селѣ Отрадѣ.			
			Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	10	10	20
	Іюня.	11	— Слободѣ Лизной.			
			Священникомъ Смирновымъ. . .	2	7	9
	Генваря. — Февраля. — — Апрѣля. — Іюня. — Августа. — Октябрю. —	5 20 1 7 10 1 15 5 27 2 13 25 26	Въ Царицынѣ.			
			Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	1	—	1
			Священникомъ Дилигенскимъ. . .	—	1	1
			Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	1	—	1
			Священникомъ Дилигенскимъ. . .	1	—	1
			Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	—	1	1
			— — — имъ же. —	—	2	2
			— — — имъ же. —	2	—	2
			— — — имъ же. —	—	1	1
			Священникомъ Сосновскимъ. . .	1	—	1
			Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	3	2	5
			— Имъ же. —	1	—	1
			Священникомъ Дилигенскимъ. . .	3	—	3
			— Имъ же —	—	1	1
	Стр. 4		Итого	39	39	78
1834	Ноябрю.	6	Священникомъ Дилигенскимъ. .	1	—	1
	—	13	— Имъ же. —	1	—	1
	—	21	Протоіереемъ Лугаревымъ . . .	12	9	21
	—	22	— Имъ же Лугаревымъ. — . . .	4	4	8
	—	28	Священникомъ Львовымъ	1	1	2
	Декабрю.	8	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	7	5	12
	—	10	— Имъ же Лугаревымъ. . . .	—	1	1
	—	17	— Имъ же.	1	—	1
	—	17	Священникомъ Дилигенскимъ. .	1	—	1
	—	18	Въ городѣ Царевѣ.			
1834	Февраля.	18	Протоіереемъ Шиловскимъ. . .	3	3	6
	—	—	Слободѣ Владиміровкѣ.			
	Маія.	28	Священникомъ Ливановымъ. . .	1	—	1
1834	—	19	— Имъ же Ливановымъ. — . . .	—	1	1

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ ииенно и къмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
—	—	—	— Селѣ Пришибѣ.	—	—	—
—	Апрѣля.	1	Священникомъ Зороастровымъ. .	—	1	1
—	Сентября.	9	— Имъ же.	—	1	1
—	—	—	Въ Нижне-Ахтубинскомъ.	—	—	—
—	Юля.	5	Священникомъ Зороастровымъ. .	3	1	4
—	Декабря.	16	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	7	6	13
—	—	—	— Слободѣ Рахинкѣ.	—	—	—
—	Февраля.	4	Священникомъ Послѣдышевымъ.	1	—	1
—	—	—	— Селѣ Отрадѣ.	—	—	—
—	Октября.	—	Священникомъ Лебедевымъ. . . .	4	2	6
—	—	—	Въ Дубовкѣ.	—	—	—
—	Юня.	3	Священникомъ Дьячковымъ. . . .	—	1	1
—	Сентября.	10	Священникомъ Смирновымъ. . . .	—	1	1
—	—	—	— Селѣ Водяномъ.	—	—	—
—	Ноября.	14	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	11	7	18
—	—	—	— Балыклеи.	—	—	—
—	Февраля.	25	Священникомъ Кинарейкинымъ.	1	2	3
—	—	—	— Верхне-Погромномъ.	—	—	—
—	—	1	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	1	—	1
—	Сентября.	29	Свѣщенникомъ Кутлинскимъ. . . .	—	1	1
—	—	—	На Елтонскомъ озерѣ.	—	—	—
—	—	—	Протоіереемъ Орловымъ.	5	4	9
Итого				65	51	116

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и къмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
	Стр. 5:		Въ городѣ Царицынѣ.			
1835	Генваря.	1	ротоіереемъ Лугаревымъ, . . .	1	—	1
—	—	30	— Имъ же Лугаревымъ.	17	11	28
—	Февраля.	10	— Имъ же. —	—	1	1
—	—	22	Священникомъ Сосновскимъ. . .	—	1	1
—	Марта.	3	— Имъ же Сосновскимъ,	—	1	1
—	Юня.	16	— Имъ же.	1	—	1
—	Юля.	12	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	1	1	2
—	Августа.	17	— — } имъ же.	1	3	4
—	Сентября.	5	— — } имъ же.	1	—	1
—	Октября.	23	— — } имъ же.	—	1	1
—	Февраля.	3	Священникомъ Дилигенскимъ. .	—	1	1
—	—	10	— Имъ же.—	1	—	1
—	Юля.	4	— Имъ же.	—	1	1
—	Августа.	7	Св щенникомъ Миловымъ. . . .	—	1	1
—	Марта.	28	Св щенникомъ Разумовскимъ. . .	—	1	1
			В елѣ Соляномъ.			
—	Генваря.	1	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	3	4	7
—	—	7	— Имъ же.—	5	7	12
—	Декабря.	5	Священникомъ Муромскимъ. . .	1	1	2
			— Верхне-Ахтубинскомъ.			
—	Генваря.	2	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	19	20	39
—	Февраля.	1	— — } имъ же.	11	16	27
—	Марта.	9	— — } имъ же.	2	1	3
—	Ноября.	17	— — } имъ же.	—	1	1
			Въ Дубовкѣ.			
—	Маія.	14	Священникомъ Волковскимъ. . .	—	1	1
—	Декабря.	31	Священникомъ Смирновымъ. . .	1	—	1
			— селѣ Водяномъ.			
—	Генваря.	20	Священникомъ Дубовскимъ. . . .	—	1	1
—	Февраля.	11	— Имъ же.	3	—	3
—	—	20	— Имъ же.	—	2	2

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и кѣмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
			— Балыклеи.			
—	Апрѣля.	3	Священникомъ Кинарейкинымъ.	1	—	1
	Стр. 6		Итого	69	77	146
1835	Сентября.	21	Въ Верхнепогромномъ. Священникомъ Кутлинскимъ. . .	—	2	2
			— Слободѣ Рахинкѣ.			
—	Ноября.	11	Священникомъ Послѣдышевымъ.	1	3	4
			— Слободѣ Капустинкѣ.			
—	—	—	Священникомъ Добросердовымъ.	8	4	12
			— Слободѣ Владиміровкѣ.			
—	Генваря.	12	Священникомъ Ливановымъ. . .	2	1	3
—	—	25	— — — — —	—	1	1
—	—	31	— — — — —	—	1	1
—	Февраля.	19	— — — — — имъ же.	—	1	1
—	Ноября.	11	— — — — —	—	1	1
—	Декабря.	1	— — — — —	1	—	1
			Въ Пришибѣ.			
—	Генваря.	6	Священникомъ Зороастровымъ. .	16	15	31
—	Марта.	8	— имъ же Зороастровымъ. . . .	—	4	4
—	Октября.	14	— Имъ же. —	8	7	15
			Въ Заплавномъ.			
—	Іюля.	10	Священникомъ Гирундовымъ. . .	1	—	1
			Нижне-Ахтубинскомъ.			
—	Марта.	22	Священникомъ Быстрицкимъ. . .	1	—	1

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и къмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
1836	—	Сентября.	16 Камышинскаго уѣзда: Въ слободѣ Николаевской. Протоіереемъ Груздовымъ. . . . — селѣ Дьяковкѣ.	4	4	8
	—	Маія.	5 Священникомъ Зоринымъ. . . .	5	6	11
	—	Августа.	6 — Имъ же Зоринымъ.	1	—	1
	—	—	Въ городѣ Камышинѣ. Протоіереемъ Терновскимъ. . . .	—	1	1
	—	Апрѣля.	26 Въ Николаевской слобо- дѣ. Протоіереемъ Груздовымъ. . . .	1	—	1
	—	Декабря.	22 — Слободѣ Ольховкѣ. Священникомъ Украинскимъ. . .	1	—	1
	—	Генваря.	28 Въ г. Царицынѣ. Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	2	1	3
	—	Февраля.	6 — Имъ же.	6	5	11
	Стр. 7	Итого	58	57	115	
	1836	Марта.	11 Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	—	3	3
—	Апрѣля.	21 — Имъ же Лугаревымъ.	—	2	2	
—	Маія.	27 Священникомъ Флювіаловымъ. .	—	1	1	
—	Іюня.	7 Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	1	—	1	
—	Іюля.	26 — — — — —	6	3	9	
—	Сентября.	24 — — — — —	—	1	1	
—	Октября.	31 — — — — —	1	—	1	
—	Ноября.	8 — — — — —	1	—	1	
—	—	22 — — — — —	2	2	4	
—	Генваря.	27 Священникомъ Львовымъ. . . .	—	1	1	
—	Іюля.	4 Священникомъ Дилигенскимъ: .	—	1	1	

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и кѣмъ крещены.	Мужеска	Женска.	а всѣхъ.
—	Генваря.	19	Въ Дубовкѣ. Священникомъ Смирновымъ. . .	3	2	5
—	Марта.	3	Въ селѣ Водяномъ. Священникомъ Гируновымъ. . .	—	1	1
—	Апрѣля.	22	— Балыклеѣ. Священникомъ Кинарейкинымъ.	1	—	1
—	Августа.	23	—Слободѣ Александров- кѣ. Священникомъ Тибетовымъ. . .	1	—	1
—	Октябрі.	20	Въ г. Царевѣ. Священникомъ Альтаментовымъ.	—	1	1
—	Февраля.	18	Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	7	4	11
—	—	19	Въ Пришибѣ. Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	2	1	3
—	Апрѣля	6	Протоіереемъ Леплейскимъ. . . .	1	2	3
—	—	20	Священникомъ Альтаментовымъ.	—	1	1
—	Августа.	15	Протоіереемъ Леплейскимъ. . . .	—	1	1
—	Ноября.	5	— Имъ же Леплейскимъ. . . .	—	1	1
—	Іюля.	22	Въ Верхнепогромномъ. Священникомъ Кутлинскимъ. . .	—	3	3
—	Генваря.	23	— Слободѣ Рахинкѣ. Протоіереемъ Лугаревымъ. . . .	—	1	1
—	—	6	Священникомъ Послѣдышевымъ.	1	3	4
Итого				27	35	62

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и кѣмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
1837	Стр. 8. Генвара.	6	Въ городѣ Камышинѣ. Священникомъ Никольскимъ.	—	1	1
—	Февраля.	4	Въ г. Царицынѣ. Протоіереемъ Лугаревымъ.	—	1	1
—	Марта.	13	Священникомъ Сосновскимъ.	1	—	1
—	Маія.	4	Протоіереемъ Лугаревымъ.	—	1	1
—	Іюля.	14	Священникомъ Дилигенскимъ.	8	9	17
—	Іюня.	22	Въ Пришибѣ. Протоіереемъ Леплейскимъ.	3	2	5
—	—	29	— имъ же.	1	—	1
—	Іюля.	4	Священникомъ Галикарнасовымъ.	1	—	1
—	—	26	— имъ же.	—	1	1
—	—	29	Протоіереемъ Леплейскимъ.	1	—	1
—	Марта.	3	Въ Нижне-Ахтубинскомъ. Священникомъ Быстрицкимъ.	—	1	1
1838	—	—	Въ городѣ Камышинѣ. Священникомъ Дивногорскимъ.	1	—	1
—	Марта.	26	— Николаевской Слободѣ. Протоіереемъ Молдавскимъ.	1	—	1
Итого				17	16	33
А всего въ 1800 году обращено.				1	—	1
Въ 1804-мъ				—	1	1
— 1805.				—	2	2
— 1809.				3	1	4
— 1823.				5	5	10
— 1824.				8	7	15
— 1825.				1	—	1
— 1827.				—	—	1

Какого именно года.	Какого мѣсяца.	Числа.	Гдѣ именно и кѣмъ крещены.	Мужеска.	Женска.	а всѣхъ.
			— 1829.	3	5	8
			— 1830.	1	1	2
			— 1831.	—	1	1
			— 1832.	19	22	41
			— 1833.	86	73	159
			— 1834.	78	59	137
			— 1835.	117	127	244
			— 1836.	37	42	79
			— 1837.	15	6	31
			— 1838.	2	—	2
А во всѣхъ вообщѣ годахъ .				376	363	739

Протоіерей Петръ Лугаревъ.

Продолженіе Исторіи обращенія Калмыковъ ¹⁾.

1. По дѣлу обращенія въ Саратовской губерніи Калмыковъ много содѣйствовалъ находящійся въ городѣ Царицынѣ Губернскій Секретарь Василій Кудрявцовъ. Онъ, бывъ упомянутому въ исторіи сей Калмыку Соднуму, по Крещеніи Константину, воспріемникомъ отъ купѣли святаго Крещенія, являлъ возможные опыты Христіанскаго попеченія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прочимъ новокрещеннымъ, состоящимъ въ 25 душахъ (коимъ всѣмъ вообще были воспріемниками Царицынскіе Чиновники: Городничій Быковъ, Подполковникъ Рычковъ, Подполковникъ Марковъ, Надворный Совѣтникъ Нагубновъ, Маіоръ Воронинъ, Капитанъ-Лейтенантъ Каширинъ, Артиллеріи Порутчикъ Балясниковъ, Титулярный Совѣтникъ Да-

¹⁾ Отмѣтка Іакова: 1840 года Ноябр. 28 дня. По переплетѣ хранить въ семинарской библіотекѣ, какъ матеріалъ для исторіи церкви. А. Л.

ниловъ, Титулярный Совѣтникъ Поповъ, Лейтенантъ Анучинъ, Порутчикъ Наттеръ, Штабъ-Лекаръ Соколовъ, Губернскій Секретаръ Нагубновъ, Коллежскій Регистраторъ Петровъ, 12-го класса Кобазевъ и градскій Голова Ершовъ. Относительно же водворенія сихъ Калмыковъ, образованія и нужныхъ пособій, онъ, Кудрявцевъ, въ 1824-мъ году описывалъ (какъ изъ указа Пензенской духовной Консисторіи съ отношенія Его Сіятельства Святѣйшаго Правительствующаго Синода Оберъ-Прокурора Князя Петра Сергѣевича Мещерскаго къ Его Преосвященству Амвросію Епископу Пензенскому, видно) въ представленіи къ бывшему Министру духовныхъ дѣлъ и народнаго Просвѣщенія князю Александру Николаевичу Голицыну, слѣдующія обстоятельства: „Люди сіи, находясь въ крайней бѣдности и не имѣя способовъ къ жизни, кромѣ скотоводства, изъявляютъ желаніе поселиться и для того просятъ отвести имъ казенную степь, лежащую по рѣчкѣ Червленой въ числѣ 8327 десятинъ, большею частію, неудобной земли, которая находится нынѣ въ оброчномъ содержаніи у крестьянъ помѣщика Г. Попова за 274 рубл. въ годъ. Калмыки соглашаются даже платить таковую сумму, ежели Правительству негодно будетъ отдать имъ сію степь безъ оброка. Они находятъ (её) тѣмъ болѣе для себя удобною, что она граничитъ со степями Калмыцкой Орды, гдѣ они будутъ имѣть возможность и другихъ идолопоклонниковъ обучать закону Истиннаго Бога“.—

Кудрявцевъ представлялъ при томъ, что изъ числа сихъ крещенныхъ Калмыковъ вышеозначенный Константинъ Васильевъ, знающій хорошо Калмыцкій языкъ, имѣетъ желаніе отправиться въ Орду для распространенія Слово Божія, но, не имѣя на сей предметъ письменнаго вида, не рѣшается явиться къ Калмыкамъ, и потому просилъ снабдить его таковымъ свидѣтельствомъ, а также и книгами изъ Библейскаго Общества. Вслѣдствіе чего онъ Г. Оберъ-Прокуроръ имѣлъ шастіе представлять о семъ Государю Императору. Его Величеству угодно было изъяснить на предложеніе Кудрявцова

Высочайшее соизволеніе. О чемъ сообщая Его Преосвященству для зависящаго распоряженія о надѣленіи онаго Константина Васильева книгами отъ Библейскаго Общества, а также для объявленія Кудрявцову о послѣдовавшемъ на предложеніе его Высочайшемъ соизволеніи, присовокупилъ, что объ отводѣ просимой Калмыками земли сообщено имъ Г. Оберъ-Прокуроромъ по Высочайшему Повелѣнію Г. Министру Финансовъ, а о надѣленіи Константина Васильева письменнымъ видомъ для отправленія въ Орду къ Г. Управляющему Азіатскимъ департаментомъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. На семъ отношеніи резолюція Его Преосвященства послѣдовала такова: „Кудрявцову объявить чрезъ Благочиннаго; а о снабдѣніи книгами Константина Васильева предоставить Саратовскому Отдѣленію Комитета Россійскаго Библейскаго Общества“.—

И по Высочайшему Повелѣнію, сообщенному Г. Министромъ Финансовъ Саратовской Казенной Палатѣ въ предписаніи отъ 11-го Апрѣля 1828 года за № 1137. дано симъ Калмыкамъ земли при рѣчкѣ Мечетной на нагорной сторонѣ рѣки Волги изъ казеннаго участка, заключающаго въ себѣ 15,024 десят. съ саженьями на 15 мужеска пола душъ по 30 десят. на каждую, всего 450. десятинъ. Да сверхъ того, предоставлено право пользоваться 10-ть лѣтъ безъ оброка особымъ участкомъ въ 2000 десят. съ тѣмъ, что онымъ, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, могутъ они навсегда пользоваться безъ переобработки за плату, какая причтется, по соразмѣрности величины его и того оброка, за который вся помянутая статья, за исключеніемъ изъ него 2 т. десятинъ отдаваема будетъ.

Сверхъ того, по предписанію Его Сіятельства Князя Петра Сергѣевича Мещерскаго имѣлъ онъ, Кудрявцовъ, постоянно о сихъ новокрещенныхъ Калмыкахъ попеченіе 8 лѣтъ, въ теченіи коего времени успѣлъ исходатайствовать имъ, кромѣ сказанной земли, деньги; возвратитъ отнятой у нихъ идолопоклоннико-Калмыками тысячи на двѣ рублей разной скотъ, чрезъ посредство прежнихъ владѣльцовъ и приучитъ ихъ, сколько могъ, къ хлѣбопашеству.

За всѣ сіи подвиги и содѣйствіе по дѣлу обращенія Калмыковъ въ Христіанство Всемилостивѣйше награжденъ онъ, Кудрявцовъ, въ 1833 году перстнемъ, украшеннымъ драгими камнями.

2. За симъ впослѣдствіи времени просвѣщено святымъ Крещеніемъ идолопоклонико-Калмыковъ дѣйствіями Царицынскаго Протоіерея Петра Лугарева значительное количество въ городѣ Царицынѣ и уѣздѣ онаго, куда они отпускаемы бывають владѣльцами ихъ изъ Астраханской губерніи, къ коей сопричислены, для заработка и прокормленія себя съ семействами, и гдѣ они проживають временно въ національныхъ ихъ кибиткахъ. Ибо Царицынскій уѣздъ есть ближайшій къ границѣ сей губерніи, а, слѣдовательно, и къ Калмыцкимъ Ордамъ.

Изъ сихъ кочующихъ cadaго обрѣтаемаго близъ народонаселенія и въ степныхъ кибиткахъ, убѣждалъ онъ, Лугаревъ, къ принятію Вѣры Христовой при всякомъ благовременномъ случаѣ, то есть: и въ проѣзды по особымъ Начальства въ разныхъ мѣстахъ уѣзда порученіямъ, и въ часы свободы отъ занятій по дѣламъ службы; и по предписаніямъ о семъ предметѣ Епархіальной Власти; и по соображеніямъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ въ дѣлѣ обращенія, употребляя притомъ, въ нужныхъ случаяхъ, для изъясненія при первоначальномъ внушеніи истинъ Евангелія, знающимъ мало Русскій языкъ Калмыкамъ, вышеупомянутаго новокрещеннаго Константина Васильева. Причемъ раздаваемы были нѣкоторымъ изъ нихъ книги на Калмыцкомъ нарѣчій: Свят. Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, присылаемыя для сего, по временамъ, отъ Его Преосвященства Іакова, Епископа Саратовскаго и Царицынскаго. Изъ числа таковыхъ книгъ преимущественно розданы по одному экземпляру Евангелія четыремъ крестившимся Гелюнгамъ, а именно: Зодьбу—Гавріилу; Манчжику—Іакову; Шалкаарши—Даніилу и Чюрюму—Іакову.

Такимъ образомъ, сіи новокрещенные, съ предоставленіемъ способовъ къ полученію душевной пользы, получали отъ

сего Архипастыря касательно и внѣшней ихъ жизни благотворительныя пособія, состоящія въ денежномъ и прочемъ пожертвованіи. Нѣкоторые же изъ нихъ попеченіемъ Его и содѣйствіемъ отправляемы были, въ болѣзненномъ состояніи, въ Саратовскую Александровскую больницу, съ оказаніемъ, къ поправленію здоровья, всѣхъ возможныхъ и дѣйствительныхъ средствъ.

Вышеизъясненныя мѣры обращенія, предпринимаемыя Протоіереемъ Лугаревымъ Вседѣйствующій Промыслъ Божій устроилъ во благое. Успѣхъ въ принятіи Христіанства обнаружился между Калмыками вождѣннѣе. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ присоединено имъ, Лугаревымъ, къ Православной Греко-Россійской Церкви оныхъ чрезъ святое Крещеніе близъ четырехъ сотъ душъ.

3. Кромѣ сихъ дѣйствій, онъ, Лугаревъ, имѣлъ попеченіе о поддержаніи бѣднаго состоянія сихъ новокрещенныхъ въ извѣстный голодный годъ, случившійся въ Саратовской и прочихъ южныхъ губерніяхъ, въ пользу коихъ и собрано имъ, по дозволенію Епархіальнаго Начальства отъ добротнаго подаенія Христолюбцевъ, какъ въ городѣ Царицынѣ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ, денежнымъ сборомъ 376 рублей и 40 коп. кои, смотря по надобности и состоянію каждаго изъ нихъ, и употреблены, завѣдомо Начальства, на необходимыя ихъ нужды. За таковыя его, Лугарева, подвиги, согласно удостоенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ представленія Его Преосвященства, Всемилоствѣйше награжденъ онъ въ 1833 году камилавкою, а въ 1837 г. наперснымъ золотымъ крестомъ, и въ томъ же году указомъ Святѣйшаго Синода къ Его Преосвященству послѣдовавшимъ, съ предположеніями по предмету обращенія Калмыковъ въ Христіанство, Высочайше утвержденными, велѣно ему, Лугареву, по Саратовской Епархіи, куда приходятъ Калмыки на кочевку и гдѣ оказался успѣхъ въ обращеніи ихъ къ Христіанству отъ дѣйствій его, предоставить ему же, Протоіерею, продолжать таковыя дѣйствія.

Принимающіе святое Крещеніе Калмыки крещаемы были большею частію въ рѣкѣ, по примѣру древнихъ Христіанъ, при торжественныхъ процессіяхъ и колокольномъ звонѣ, съ предшественнымъ изнесеніемъ изъ Церкви святыхъ иконъ и хоругвей, изъ коихъ двѣ процессіи были въ присутствіи Его Преосвященства,—въ городѣ Царицынѣ и селѣ Отрадѣ Царицынскаго уѣзда, при обозрѣніи имъ въ 1833 году Епархіи. При первой изъ сихъ процессій крещено имъ, Лугаревымъ, Маія 22 дня, въ день сошествія Святаго Духа, въ рѣкѣ Царицѣ 10-ть душъ, которыя были Самимъ Преосвященнѣйшимъ приобщены святыхъ Христовыхъ Таинъ, при совершеніи къ Царицынскомъ Успенскомъ Соборѣ Божественной Литургіи. Всѣмъ имъ были воспріемниками Царицынскіе: изъ духовенства дворянства и купечества; при второй—23 тогожь Маія бывшей, крещено имъ въ рѣкѣ села Отрады 20 душъ обоого пола.—

Изъ числа новокрещенныхъ Калмыковъ вышеупомянутые Гелюнги удостоились получить отъ Его Преосвященства присланные на благословеніе святыя кресты, кои и возложены на нихъ при священнодѣйствіи Крещенія. Сверхъ того, крещенные въ 1832 году,—шестидесяти-пятилѣтній старецъ Шарапка, наименованный при святомъ Крещеніи Павелъ, и сынъ его, Чюрюмка—Петръ, тридцати семи лѣтъ, съ семействами ихъ и родственниками, состоящими изъ 32 душъ, получили также для возложенія при купѣли святаго Крещенія присланные отъ Архипастыря кресты, каковое возложеніе святыхъ крестовъ, при Святительскомъ благословеніи присылаемыхъ, было продолжаемо и на другихъ, около ста человѣкъ, въ разное время крещаемыхъ.—

Города Царицына Успенскаго Собора Протоіерей *Петръ Лугаревъ.*

Приложенія.

I.

№ 72.

М. Ф.

ДЕПАРТАМЕНТЪ

Государственныхъ

Имуществъ

Отдѣленіе 1-е

Столъ 2-й

6. Сентября 1824.

№ 137.

О землѣ для поселенія
Калмыковъ.

Списокъ.

24 Сентября 1824.

Саратовской казенной палатѣ.

Препровождая при семъ списокъ съ полученнаго мною отъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Правительствующаго Синода отношенія за № 298-мъ объ отдачѣ принявшимъ Христіанскую вѣру 25 калмыкамъ 8327. десятинъ земли по рѣчкѣ Червленой, я предписываю Саратовской Казенной Палатѣ донести мнѣ немедленно съ приложеніемъ плана, буде имѣется во 1-хъ о свойствахъ и угодьяхъ упомянутой земли, во 2-хъ не нужна ли она для казенныхъ крестьянъ и не предстоитъ ли какого другого препятствія, къ отдачѣ оной Калмыкамъ и въ 3-хъ, какое количество достаточно бы для нихъ было по мнѣнію оной Палаты, и въ которомъ мѣстѣ отвести слѣдовало бы.

Подлинной подписалъ Министръ Финансовъ, Генералъ-Лейтенантъ Канкринъ, скрѣпилъ управляющій Сенаторъ Н. Дубенскій.

II.

Списокъ съ отношенія къ Г. Министру Финансовъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 13 Августа 1824 года, № 298.

Находящійся въ Саратовской губерніи въ городѣ Царицынѣ Прапорщикъ Кудрявцевъ донесъ бывшему Министру Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о распространеніи

св. крещенія между калмыками, изъ коихъ въ короткое время обратились 25 человекъ изъ идолопоклонства.

Люди сіи, какъ пишетъ Кудрявцевъ, находясь въ бѣдности и не имѣя другаго способа къ жизни, кромѣ скотоводства, изъявляютъ желаніе поселиться и для того просятъ отвести имъ казенную степь, лежащую по рѣкѣ червленой въ числѣ 8327. десятинъ большею частію неудобной земли, которая находится нынѣ въ оброчномъ содержаніи у крестьянъ помѣщика Попова за 274 руб. въ годъ.—Калмыки соглашались даже платить таковую сумму, если Правительству не угодно будетъ отдать имъ означенную степь безъ оброка. Они находятъ оную, тѣмъ болѣе для себя удобною, что она граничитъ съ степями Калмыцкой орды, гдѣ они будутъ имѣть возможность и другихъ идолопоклонниковъ обучать закону истиннаго Бога.

Прапорщикъ Кудрявцевъ проситъ оказать имъ покровительство, присовокупляя, что калмыки, видя въ семъ случаѣ попеченіе объ нихъ правительства, охотно будутъ искать слова Божія, и современемъ сія степь можетъ сдѣлаться населеніемъ новаго народа.

Я имѣлъ счастіе представить о сихъ предположеніяхъ Прапорщика Кудрявцева на Высочайшее благоусмотрѣніе. Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть мнѣ снестись съ Вашимъ Превосходительствомъ, объ отводѣ просимыхъ калмыками земель на первый случай, хотя изъ того же оброка, который нынѣ казна получаетъ.

Сообщая о семъ Высочайшемъ повелѣніи Вашему Превосходительству, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, о распоряженіяхъ вашихъ по сему предмету не оставить меня увѣдомить. На подлинномъ написано вѣрно: управляющій отдѣленіемъ М. Плисовъ, читаль столоначальника помощникъ Красицкій.

III.

Получено Ноября 30 дня 1824. Г. ¹⁾).

Исправляющаго Долж-
ность главнаго Калмыц-
каго Пристава Коллеж-
скаго Совѣтника *Мамы-*
шева.

№ 1705.

14. Ноября 1824.

Царицынскому Надзирателю Кудрявцову.

По донесенію вашему Господину
Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Правитель-
ствующаго Синода князю мещерскому, о
желаніи крещенаго калмыка Константина

Васильева распространять въ калмыцкихъ улусахъ слово Бо-
жіе, и по одобренію о семъ Государа Императора предпи-
сано мнѣ начальствомъ снабдить его позволеніемъ на кал-
мыцкомъ и русскомъ языкахъ и доставить къ вамъ; Почему,
прилагая при семъ открытый на имя его листъ, покорно
прошу васъ, Милостивый Государь, вручить ему оной; о по-
лученіи онаго, равно о успѣхахъ его въ распространеніи
Христіанскаго ученія неоставьте меня своевременно увѣдомить;
причемъ неизлишнимъ считаю извѣстить васъ, что особо дано
мною знать калмыцкимъ приставамъ, владѣльцамъ и правите-
лямъ улусовъ о недѣланіи ему Васильеву никакихъ обидъ и
притѣсненій. Колежской Совѣтникъ Мамышевъ ²⁾).

IV.

Денабря 20 ч. 1824 Года.

Его благородію
В. Я. Кудрявцеву

Милостивой Государь мой
Василій Яковлевичъ

Я получилъ посъмо Ваше, въ коемъ упоминая о содѣй-
ствіи, оказанномъ Вами къ обращенію кочующихъ калмыковъ

¹⁾ Замѣтка Преосвященнаго Іакова: 1841 года Апр. 8 дня. Хранить
при дѣлахъ Калмыцкихъ. А. Л.

²⁾ Въ рукописи имѣется и копія этого документа, за подписями: Гу-
бернскій Секретарь Василій Кудрявцовъ. Здѣсь же и калмыцкая подли с
(тоже и на оригиналѣ). А. Л.

въ Христіанскую вѣру, изъясняете при—томъ, что при исходатайствованіи на сей конецъ, нѣкоторыхъ для нихъ пособій, названы вы, по ошибкѣ, Священникомъ, между тѣмъ, какъ въ представленіи Вашемъ къ бывшему Г. Министру Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія означено, якобы настоящее званіе Ваше.

На сіе долгомъ поставляю увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что въ помянутомъ представленіи Вашемъ во все нѣтъ никакого значенія о чинѣ, или званіи вашемъ, а подписано токмо имя и фамиліе Ваши; отъ чего и произошла ошибка по канцеляріи бывшаго департамента Духовныхъ дѣлъ въ наименованіи Васъ Священникомъ. Впрочемъ труды и содѣйствіе Ваше въ семъ благородномъ дѣлѣ не останутся сокрытыми, и хотя въ самомъ совершеніи онаго Вы получаете достойное для себя воздаяніе, но за всѣмъ тѣмъ я съ своей стороны вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность изъяснить Вамъ за оныя должную признательность. Что же касается до покровительства самыхъ новокрещенныхъ, въ отводѣ просимой ими земли, то о семъ въ слѣдствіе высочайшей воли, я вошелъ уже въ сношеніе съ Г. Министромъ финансовъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашимъ Милостиваго Государя моего покорнымъ Слугою.

К. Петръ Мещерскій.

V.

Копія

Іюня 29 дня 1825.

Милостивый Государь мой Василій Яковлевичъ!

Въ слѣдствіе письма Вашего ко мнѣ о разрѣшеніи Царицынскаго Протоіерея крестить желающихъ идолопоклонниковъ въ Христіанскую вѣру, не испрашивая каждый разъ особаго на сіе предписанія, относился я къ Пензенскому

Преосвященному Амвросію, и получивъ отзывъ Его по сему предмету, я предлагалъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Синодъ находя, что желающіе обратиться въ Христіанскую вѣру идолопоклонники, могутъ быть допускаемы къ крещенію безъ особенныхъ къ тому дозволеній, предписалъ Преосвященному разрѣшить въ семъ случаѣ Царицынскаго Протоіерея съ тѣмъ, чтобы каждый изъ желающихъ креститься—входилъ съ письменнымъ о томъ прошеніемъ къ сему Протоіерею, отъ кого дано будетъ принимающему Христіанскую вѣру—предварительное наставленіе, съ достаточнымъ испытаніемъ и утвержденіемъ его въ сохраненіи оной.

Увѣдомляя о семъ Васъ Милостиваго Государа моего, я прошу о продолженіи содѣйствія Вашего въ семъ Богоугодномъ дѣлѣ, о успѣхахъ коего весьма пріятно мнѣ будетъ въ свое время довести до Высочайшаго свѣденія Его Императорскаго Величества.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ
Милостиваго Государа моего
покорнымъ слугою.

Подлинное подписалъ К. П. Мещерскій.

*Его Благородію
В. Я. Кудрявцову.*

№ 912-й
15 Іюня 1825.

1836 года Сентября 11 дня выдана
сія копія въ слѣдствіе состоявшейся сего
числа въ Царицынской Градской Полиціи резолюціи, подлинное же препровождено въ Саратовскую Палату Уголовнаго суда.

VI.

*Милостивѣйшій Благодѣтель и Покровитель нашъ
Василій Яковлевичъ!*

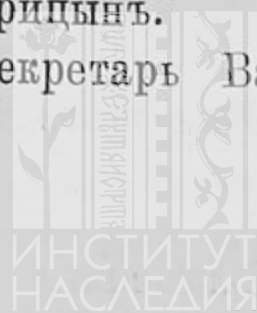
Блаженные и достославныя памяти въ Бозѣ почившіи
Августѣйшій Императоръ Всемилоствѣйшій Государь Але-

ксандра I-й Высочайше соизволилъ повелѣть отдать намъ изъ оброку на рѣчкѣ Червленой Казенную землю, но мы и по сіе время не имѣемъ оной во владѣніи, и не извѣстно почему здѣшній Земскій Судъ требовалъ отъ насъ показанія, желаемъ ли мы оную землю имѣть изъ того оброка, какой нынѣ Казна получаетъ? хотя мы рѣшительно изъявили на сіе согласіе наше, однакоже и затѣмъ она намъ не предоставлена во владѣніе; Васъ же, благодѣтеля нашего, въ то время въ Царицынѣ не было—А потому и ходатайствовать о насъ некому! извѣстно Вамъ, что теперь время заниматься лѣтными работами, но намъ и скотину—единственное наше достояніе—выпустить некуда—при чемъ я съ своей стороны донести осмѣливаюсь почтеннѣйше Вамъ, что и другіе калмыки, познавъ отъ меня Вездѣсущаго Бога и научась православной вѣрѣ Христа Спасителя, желаютъ принять Святое Крещеніе; но я останавливаю ихъ, дабы, не имѣя пристанища и скитаясь по лицу земли, опять невпали въ идолопоклонство. А почему и рѣшился отъ лица всѣхъ Христіано-Калмыкъ прибѣгнуть къ Вамъ, яко Отцу и благодѣтелю нашему, и рабски просить, взойдите въ наше положеніе и не лишите милости ходатайствовать за насъ у владыкъ земныхъ о возвратѣ намъ того, чѣмъ осчастливлены мы были отъ щедротъ Добродѣтельнѣйшаго и Величайшаго въ Бозѣ почившаго нынѣ Монарха. О семъ однѣмъ умоляемъ васъ и остаемся, утѣшая себя надеждою на Ваше покровительство. Преданныя Святой волѣ Всемогущаго Бога дѣти ваши: Константинъ, Яковъ, Петръ, Ираклій съ своими семействами и усерднѣйшія слуги съ глубочайшимъ почтеніемъ пребывающія. *(подписи по калмыцки)*.

16 Марта 1826.

Г. Царицынъ.

17 марта 1826 г. получилъ Губернскій Секретарь Василій Кудрявцовъ.

VII.

Управленіе Астраханскаго
Военнаго Губернатора По
части Гражданской.

Г. Губернскому Секретарю Кудрявцову.

№ 6985.

31 Октября 1833.

Получивъ рапортъ Вашъ отъ 25-го Октября за № 67-мъ, я позволяю Вамъ прибыть въ Городъ Астрахань для личныхъ со мною объясненій, по дѣлу крещеныхъ Калмыковъ.

Военный Губернаторъ (фамилія не розобрана).

VIII.

Открытый листъ.

Прибывшій въ Астрахань, по порученію Саратовскаго Епархіальнаго Начальства, Губернскій Секретарь Кудрявцовъ, долженъ быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Астраханскому и Красноярскому уѣздамъ, для содѣйствія въ дѣлѣ о обращеніи Калмыковъ въ Христіанство. Почему предписывается Земскимъ судамъ Астраханскому и Красноярскому, оказывать ему Кудрявцеву, по требованіямъ его, законное содѣйствіе къ исполненію возложеннаго на него порученія, и въ случаѣ надобности давать ему, для переѣзда въ селенія по рѣкѣ Волгѣ и на промысла, косныя или обывательныя лодки съ потребнымъ числомъ людей. Данъ въ Астраханѣ за подписомъ и печатью моими. Маія 21 дня 1834 года.

Его Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго Государя моего, Свиты Его Величества Генераль Маіоръ, исправляющій должность Астраханскаго Военнаго Губернатора и Кавалеръ (фамилія не розобрана) ¹⁾.

№ 618-й. Съ подлиннымъ вѣрно: Губернскій Секретарь Василій Кудрявцовъ.

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ переписчикъ читалъ *Тимирязевъ*.

IX.

1834 года Маія 22 дня по открытому листу Его Превосходительствомъ Господиномъ Генераль-Маіоромъ исправляющимъ должность Астраханскаго Военнаго Губернатора и Кавалеромъ Темерязевымъ данному, отправился Красноярскаго Уѣзда къ Чуркинскому Монастырю, находящомуся подлѣ сянго Морца, предполагая тамъ найти Калмыковъ, принявшихъ Святое Крещеніе въ Царствованіе Блаженной памяти Императрицы Екатерины 2-й болѣе двухъ тысячъ душъ; какъ изъ числа оныхъ по распоряженію Правительства въ тридцати кибиткахъ крещеные калмыки отданы были Епархіальному Начальству и поселены подлѣ поминаемаго Монастыря, вѣроятно для образованія ихъ Христіанскимъ догматамъ, то преимущественно желая видѣть образъ жизни новыхъ Христіанъ подъ надзоромъ Духовной власти находящихся, я не щадя ни достоянія своего, ни здоровья, а пламенѣя однимъ усердіемъ, спѣшилъ достигнуть до Чуркинскаго Монастыря, дабы тамъ утѣшиться и побесѣдовать съ Христіано-Калмыками, какъ о Религіи, а равно и о хозяйствѣ предпринятомъ ими въ Гражданскомъ быту. Но какимъ былъ пораженъ огорченіемъ, когда по трехъ-дневномъ плаваніи, остановясь у берега Чуркинскаго Монастыря, не нашелъ и слѣдовъ жительства крещеныхъ Калмыковъ подлѣ сего Монастыря! Прискорбіе мое еще болѣе увеличилось, когда Монашествующіе въ томъ Монастырѣ отзывались незнаніемъ крещеныхъ Калмыковъ:—поелику де мы всѣ присланы изъ разныхъ мѣстъ въ сію Пустыню, для испытанія. Итакъ должно было обратиться къ старожиламъ при рыбныхъ промыслахъ проживающимъ, отъ сихъ къ облегченію горести моей узналъ, что Крещеные Калмыки, подлѣ Чуркинскаго Монастыря дѣйствительно проживая въ тридцати кибиткахъ и занимаясь ловлею рыбы въ Монастырскихъ водахъ, именовались Архіерейскими: но болѣе двадцати лѣтъ всѣ увлечены въ Улусъ владѣльца Тюменя: истина сія подтверждается и тѣмъ, что двое молодыхъ Калмыковъ, дѣти

бывшихъ крещеныхъ Калмыковъ Архіерейскихъ и воспитанные при домѣ владѣльца Тюменя, обученные имъ, одинъ на кларнетѣ, другой пекарному мастерству, въ 1833 году, крестились и проживаютъ въ Астраханѣ.

Возвращаясь отъ Монастыря къ Красному яру, заѣзжалъ въ кочевье крещеныхъ Калмыковъ, проживающихъ отъ Города Красноярска въ 14 верстахъ; Люди сіи въ 32 кибиткахъ причислены къ Астраханскому Войску, обозрѣвши ихъ жизнь во всѣхъ отношеніяхъ, замѣтилъ, что никто, никогда и мысли не подавалъ имъ о прочномъ водвореніи, Христіанской же обрядъ они исполняютъ по настоянію Казачьяго Начальства при вѣнчаніи и рожденіи мальчика; отъ сихъ Калмыковъ освѣдомился, что Крещеные же Калмыки находятся при нѣкоторыхъ Станицахъ Астраханскаго „Войска; въ Моздоцкомъ Полку, и у Помѣщиковъ Г. Всеволодскаго при ватагѣ Самоздѣлкѣ, у Везилева ¹⁾, и значительное количество у Г. Савельева на Линіи“.

Чтобы видѣть образъ жизни Калмыковъ сихъ, у русскихъ Помѣщиковъ проживающихъ, вынужденнымъ нашелся отправиться на другой край Каспійскаго Моря, и среди необозримыхъ камышей на бугру Маянскомъ, Толчино тожъ, въ дачахъ Г. Всеволодскаго нашелъ Калмыковъ, именующихся Крещеными и крѣпостными поминаемаго Помѣщика. Отыскавъ среди ихъ маститаго Старца, (Старшину надъ ними), который уже былъ 25-ти лѣтъ, когда совершаемо было надъ ними Святое крещеніе, и онъ изъяснился такъ: Въ Царствованіе Императрицы Екатерины 2-й, оставшіеся отъ побѣга Калмыки въ 300 кибиткахъ, просили Астраханскаго Генераль Губернатора Бекетова, принять насъ въ число Христіанъ, получивши же на сіе прошеніе наше повелѣніе Государыни, распорядился онъ Бекетовъ о приведеніи насъ крещеніемъ къ сынамъ Православной Церкви. По исполненіи же сего

¹⁾ Поправка: Визилева. А. Л.

Церковнаго обряда, приказалъ кочевать при имѣніи Его на черепахѣ, въ 12,—а при деревнѣ Травиной въ 38 кибиткахъ; при выдачѣ же дочери своей въ замужество за Г. Всеволодскаго, имѣнія сіи поступили за ней въ приданое, а съ симъ вмѣстѣ и мы преданы въ рабство.

Правила Вѣроисповѣданія ихъ болѣе десяти лѣтъ идо-лопоклонническіе; поелику управленіе имѣніемъ требовало отъ нихъ токмо исполненія повинностей, [отбываемыхъ] крестьянами своему Господину. Духовенство же рѣшительно незанималось о укрѣпленіи ихъ въ Христіанскихъ догматахъ.

Возвратясь въ Астрахань, о открытіи въ рабствѣ находящихся крещеныхъ Калмыкахъ, а равно и о скрывающихся въ Улусѣ владѣльца Тюменя, донесъ о всѣмъ подробно Г. Астраханскому Военному Губернатору Тимерянову ¹⁾, 28 Іюня № 23, но вмѣсто поощренія за труды и вознагражденія за собственныя издержки, (поелику отъ казны я пособія не получалъ) по усильному ходатайству владѣльца Тюменя, замѣтилъ къ дѣйствіямъ моимъ неблаговоленіе: итакъ во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, возвратился обратно на постоянное жительство въ Городъ Царицынъ.

Губернскій Секретарь Василій Кудрявцевъ.

Х.

*Милостивый Государь
Василій Яковлевичъ!*

Виноватъ предъ вами, что порученія вашего своевременно не исполнилъ, причиною тому Г. Воронинъ, умедлившій сообщить свѣдѣніе, которое какъ невольно при семъ посылаю, за тѣмъ, поручая себя Вашему доброму расположенію при засвидѣтельствovanіи искренняго почтенія, имѣю честь быть.

¹⁾ Должно быть: Тимирязеву. А. Л.

28 Іюля 1834.
Астрахань.
Бывшій Главный
Калмыцкій Приставъ.

Милостивый Государь
Вашимъ
Покорнѣйшимъ Слугою
Т. Симоновъ.

Съ подлиннымъ Вѣрно: Губернскій
Секретарь Василій Кудрявцевъ.

У хомоутовскаго Владѣльца Полковника Сердбѣжанъ Тюменева жена была Лукерья, 4 года времени умершая, дочь Симбирской Губерніи Ставропольскаго уѣзда атамана Владимира Ѳеодоровича Барышевскаго; съ оною прижитъ сынъ Гесержанъ, 6 или 7 лѣтъ.

Люди Коллежскаго Секретаря Ѳеодора Воронина, находящіеся у Тюменева Крещенныя:

1-й Егоръ, по калмыцки цагалда.

2-й Сынъ его Михаилъ, по калмыцки Жалъ.

Другіе есть, коихъ именъ незнаемъ.

XI.

Письмо 1-е.

Переводъ.

По благословенію Всевышняго Владыки, желающій вкуситъ священной воды истиннаго (чистаго) ученія—источника добродѣтели

Г. Зайсанъ Содномъ!

Прекрасное письмо ваше отъ 22-го числа мѣсяца коровы, года тигра получилъ я въ Санктпетербургѣ отъ высоко-роднаго учителя моего Якова Ивановича Шмидта. Вы, любезный Г. Содномъ, узнавши, что мы прибыли въ Царскій градъ Санктпетербургъ на дѣло святаго ученія, въ письмѣ своемъ просили научить Васъ, какъ найти единственный путь и врата, ведущія къ спасенію и какъ понять истинное

ученіе Единого Бога. Я очень радъ, что сердце ваше приняло новое направленіе и ищетъ ближайшаго пути ко спасенію. Впрочемъ, чтобы исполнить благое ваше желаніе, я постараюсь сообщить вамъ все то, что я могъ узнать при ограниченномъ своемъ умѣ о сущности Евангелія. Мы прежде сего исповѣдывали вѣру Шикгемунія (?) и Далай-Ламы, но теперь, когда нашли истинное ученіе, отвергнули прежнюю дурную свою вѣру, какъ не могущую служить подпорою въ жизни, и твердо рѣшились принять вѣру Іисуса Христа, Всевышняго, Всеблагаго Бога, вѣчнаго Владыки неба и земли. И такъ мы теперь вѣримъ, что Отецъ нашъ есть единый Высочайшій Господь, который пребываетъ на небесахъ; мы Его прежде не познали; Высочайшій Господь нашъ есть Іисусъ Христосъ; посему Богъ Отецъ и Богъ Сынъ суть не раздѣльны по существу своему. Высочайшій Господь есть безконеченъ, вездѣсущъ и владѣетъ всемъ. Небо и свѣтъ есть одно и тоже; мы этого не уразумѣли. Духъ Святой даетъ человѣку разумъ; но мы не познали его. Сіи три по существу своему безразличны. Свѣтлое и чистое вмѣстилище неба видимо для перла сердца чистаго и непорочнаго. Посему, если вознестись мысленно къ небу, то должно думать, что Высочайшая дверь есть только одна и что нѣтъ другаго пути, котораго и найти нельзя, ибо Іисусъ Христосъ Самъ сказалъ: *„Я есмь путь и дверь которою входятъ“*. Мы вѣримъ, что Евангеліе Іисуса Христа не есть произведеніе многихъ людей, но что Единый Богъ Самъ изъ собственныхъ рукъ даровалъ его, какъ изъясненіе своей воли съ тѣмъ, чтобы оно распространялось по міру добезконечности.....

Желающій Вамъ благополучія Бадма Морчуновъ.—

XII.

*Письмо 2-е.***Любезный и соединенный со мною узами братства
Зайсанъ Содномъ!**

Краснорѣчивое и благозвучное письмо ваше отъ 19-го числа мѣсяца свиньи, года зайца, писанное по изліянiю прекрасныхъ чувствованiй вашего сердца, получилъ я 22-го числа прошедшаго Декабря въ Санктпетербургѣ изъ рукъ моего учителя Исаака Іакова Шмидта, который обрадовалъ всѣхъ переводомъ Святаго Евангелiя—сего единственнаго свѣтильника, служащаго средствомъ спасенiя для всѣхъ, и вѣрной переправы чрезъ море плотской жизни. Хотя я познакомился съ вами только на бумагѣ, но я и этому чрезвычайно радуюсь, потому что счастья нашего отнять никто не можетъ. Да будемъ благополучны и спокойны!

Въ то время, когда мы, какъ бы увлеченные стремленіемъ воды, страдали среди горестей и впадали въ невѣжество, когда подпавши подъ власть обманчивыхъ, хитрыхъ и слѣпыхъ Ламъ, погрязли въ нечистотѣ ученiя Шикгемунiя, который заблудился, отдалился отъ лучезарнаго свѣта, питалъ насъ ядомъ страданiй подъ видомъ вкусной пищи и скрывалъ отъ насъ солнце истинной первобытной вѣры, тогда, говорю я, поелику Всевышній видитъ всѣ наши желанiя и помышленiя, мы услышали и познали гласъ добраго Пастыря, пришли на призывный гласъ Его, и составили единое стадо со стадомъ сего добраго Пастыря—Исуса Христа. Такъ какъ добрый Пастырь Всемогущъ, то мы укрылись подъ Его мощною дланью и симъ избѣгнули рукъ злыхъ пастырей, обольщавшихъ насъ коварными словами, и поселились въ вѣчно-твердой, недоступной для нихъ крѣпости

Что касается до меня, любезный другъ, то я до 20 лѣтъ жилъ въ восточной области, называемой Сибирью, среди Да-

урскихъ Монголо-Бурятовъ и поклонялся Шикгемунію, исполнялъ всѣ его велѣнія и простодушно вѣрилъ имъ. Хотя въ то время я и читалъ священныя (Буддійскія) книги на Монгольскомъ языкѣ и твердо запечатлѣвалъ ихъ въ памяти, но теперь, сравнивши ихъ съ истиннымъ ученіемъ, смотрю на нихъ, какъ на ядъ. Сей обманщикъ (Шикгемуни) при основаніи своей вѣры насчиталъ необъятное множество Буддъ и хубилгановъ, создалъ три тысячеміріе (хиліюкосма) и повелѣлъ готовить обильныя жертвы Ламамъ, рожденнымъ отъ нечистой плоти. По смерти Шикгемунія, достойнаго проклятія, Ламы его помощники, присвоили себѣ всю его славу такъ, что *имъ оказываютъ болѣе почтенія, нежели сыну Судадани* ¹⁾. Известно, что Ламы величаютъ свою вѣру титулами *Далай-Ламы* ²⁾ и *Хутуктъ*; и я самъ видѣлъ на своей родинѣ среди Монголовъ, какъ эти бритыя головы прыгали и скакали, гордясь своими наружными достоинствами. Мы легко можемъ понять, если только сообразимъ все это съ 23 главою Евангелія отъ Матвея. Мнѣ кажется, Шикгемуни самъ чувствовалъ, что онъ проповѣдывалъ ложь и возжигалъ пламя грѣховъ; потому что онъ написалъ, что чрезъ 500 лѣтъ его ученіе разрушится; посему онъ самъ свидѣтельствовалъ о себѣ. Не таково ученіе нашего Спасителя, Который сказалъ: „Хотя бы и исчезъ весь міръ, но ни одна буква, ни одна йота изъ Моего ученія не погибнетъ“. И такъ да отвергнемъ старыя свои богатства, потому что мы нашли перлы и алмазы среди нивъ нашихъ, и да воспользуемся сими драгоценностями, какъ и прежде. Еще кажется мнѣ, что многіе изъ вашихъ соплеменниковъ, сознавая загроубѣлость своихъ чувствъ, объемлются страхомъ и трепетомъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже уменьшается благоговѣніе къ вѣрѣ; поэтому намъ остается молиться и желать отъ чистаго сердца, чтобы счастли-

¹⁾ Отмѣтка на поляхъ: (Несправедливо!). А. Л.

²⁾ Отмѣтка на поляхъ: (тоже несправедливо!). А. Л.

вые познали Спасителя, чтобы у нихъ изкоренилось древо ядовитаго ученія и всѣ они увѣровали во Единого, чтобы престолъ владыки, которому мы поклонялись прежде, рушился, чтобы избранные оставили свое заблужденіе, познали истинное ученіе и приняли его.

Единственное желаніе моего сердца и души моей, любезный другъ, состоитъ въ томъ, чтобы скверна нашей плоти смылась священою водою живаго источника Всевышняго и очистилась огнемъ Святаго Духа, чтобы мы возродились и освободились отъ ига грѣховъ, содѣлались рабами Божиими и соединились съ Высочайшимъ Отцемъ, Его возлюбленнымъ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Высочайшій Отецъ нашъ не оставитъ насъ въ сиротствѣ; Онъ всегда съ нами и, пребывая съ нами до скончанія вѣковъ, не разстанется; Онъ такъ утѣшаетъ насъ, что, при всякомъ Его словѣ, сердца наши, палимыя огнемъ, успокоиваются, какъ бы встрѣчая прохладный источникъ.

Я уже обрадованный полученіемъ письма вашего, дорогой другъ мой, теперь желаю, чтобы вы, какъ возвѣстившій людямъ имя Божіе, были отличены передъ Творцемъ и наслаждались блаженствомъ. Прошу васъ продолжать ежедневно переписку нашу о Спасительномъ дѣлѣ.

Любящій васъ, какъ себя самаго, братъ

Бадма Морчуновъ.

Отъ Рождества Спасителя 1820-го года. Января 6-го дня. С.-Петербургъ.

ХІІІ.

Письмо 3-е.

Любезный другъ мой Зайсанъ Содномъ!

Съ того времени, какъ я услышалъ объ васъ и пожелалъ съ вами познакомиться, взаимная переписка наша не

прекращалось. Последнее письмо ваше отъ 22-го Мая я получилъ 23-го Іюня, и за удовольствіе, доставленное мнѣ этимъ письмомъ, избралъ васъ, любезный Зайсанъ, своимъ другомъ въ настоящей и будущей жизни. Всякій, кто достигъ до средоточія знанія, оставилъ путь заблужденія, позналъ путь истины и надѣется узрѣть образъ Спасителя, тотъ никогда не лишится вѣчнаго блаженства. Такъ какъ бремя нашего Спасителя чрезвычайно легко и духъ Его кротокъ и чуждъ гордости, то вы несите это бремя и учитесь, подобно Ему, смиренію. Онъ былъ прежде всего, есть теперь и конца не имѣетъ; никто не можетъ сосчитать лѣтъ Его жизни; Онъ сотворилъ небо и землю и все въ нихъ заключающееся, животныхъ и человѣка. Поелику Онъ единой своей десницею сотворилъ изъ одной крови, то нѣкоторые избранные познали Его, другіе же, хотя и заблудились, но освободились отъ власти смерти за то, что почитаютъ Его Всемогущимъ Спасителемъ всѣхъ. Его священная книга говоритъ, что для тѣхъ, кто истинно желаетъ знать Его, Онъ весьма близокъ. Да вкоренятся подобныя изреченія Его въ сердцахъ всѣхъ!

Если мы возьмемъ для сравненія ученіе Шикгемунія, которому я покланялся, почитавши его своимъ наставникомъ, то, въ безчисленномъ множествѣ книгъ, заключающихъ въ себѣ основныя правила его ученія, мы найдемъ, что міръ произошелъ самъ собою, что существа совершенствуются сами собой, что солнце и луна извлечены изъ моря силою царей драконовъ, что величественная гора Суммеръ, состоящая изъ золота, серебра, изумруда (и лазурики) и имѣющая чрезвычайной величины уступы, возникла сама собою, равно какъ и семь другихъ золотыхъ горъ и семь морей, служащихъ мѣстомъ жительства и наслажденій для безчисленныхъ Тенкгеріевъ (духовъ): Хормусты, Акганисты, Ассуріевъ и другихъ, что жизнь людей продолжалась безчисленное множество лѣтъ, изъ которыхъ самое малое количество составляло не менѣе 80:000, что во время каждаго кгалана (?) (періода времени

существованія міра)¹⁾ разрушенія, произходящаго отъ огня и воды, управляетъ міромъ одинъ главный Будда (божество) съ своими помощниками, что по прошествіи такихъ шести кгалановъ, тогда какъ жизнь людей дошла до ста лѣтъ, Шикгемуни сынъ Индійскаго царя Судидани, низшедши съ области²⁾ Тушитъ на землю въ видѣ бѣлаго слона Арач-жавартанъ, воплотился въ чревѣ царицы Маха-Мая и родился въ году у-лу (желтаго дракона); будучи семи лѣтъ онъ научился всѣмъ знаніямъ человѣческимъ; на шестнадцатомъ году своего возраста онъ женился на дѣвицѣ Буминкгъ (?) и принялъ правленіе Государствомъ; двадцати девяти лѣтъ онъ при рѣкѣ Наранчжана преодолѣлъ всѣ трудности (т. е. одержалъ побѣду надъ плотью), а 35-ти лѣтъ онъ у дерева Боди предался самосозерцанію, и, по прошествіи 7 дней, пріобрѣлъ достоинство Будды въ индійскомъ царствѣ Макгада, называемомъ также *Вачрату Сигуринъ* (т. е. вѣчный престоль); послѣ сего на 36 году своего возраста онъ показывалъ разныя чудеса, началъ проповѣдывать три рода ученія для усовершенствованія существъ, живущихъ въ мірѣ, говоря что все на земли тлѣнно, что и онъ самъ, хотя совершенъ и является въ трехъ вѣпостасяхъ, но долженъ умереть внѣшней вѣпостасью (т. е. матеріально).—Этотъ Шикгемуни, рожденный отъ плоти и крови нечистой, присвоилъ себѣ имя Всевышняго; называя себя спасителемъ, онъ привлекъ на свою сторону многихъ; онъ, чувствуя, что нарушилъ волю Всевышняго и зная свою смертность и тлѣнность, научилъ злыхъ Ламъ—своихъ преемниковъ, какимъ образомъ обманывать людей. Онъ, завлекши всѣхъ въ заблужденіе, умеръ какъ будто бы для того, чтобъ доказать, что смерть неминуема. Трупъ его, покрытый пескомъ, изсохъ и, превратившись въ пепелъ, разсѣялся точно такъ же, какъ и корень благочестія его послѣдователей: ибо большая часть жителей цар-

¹⁾ На поляхъ: (перепутано!). А. Л.

²⁾ На поляхъ: не такъ! А. Л.

ства Макгада оставила ученіе Будды и приняла христіанскую вѣру; извѣстно также, что эти жители подпали подъ власть другаго народа; Евангеліе уже переведено на ихъ языки. Посему можно сказать, что слова Шикгемунія сбылись; онъ, кажется, предчувствовалъ, что ученіе его будетъ разрушаться съ самаго начала до конца и что наконецъ его послѣдователи отступятся отъ него.—Съ другой стороны возьмемъ ученіе Христа. Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ не показывалъ собою неминуемой смерти всѣхъ людей, а напротивъ для удостовѣренія, что всѣ люди будутъ вѣчны, дозволилъ невѣрнымъ попрасть свое священное тѣло, чѣмъ самымъ искупилъ насъ отъ грѣховъ, показалъ образъ вѣчности, и хотя и скончался, но воскресъ въ третій день при глазахъ народа и при колебаніи земли. Что люди будутъ вѣчны доказывается его словами: „я есмь жизнь и воскресеніе; вѣрующій въ меня, хотя и умеръ, живъ будетъ; вѣрующій же въ меня живой—никогда не умретъ“.

Желая указать намъ путь къ спасенію, онъ по своему великому милосердію, сдѣлалъ свое слово путеводителемъ и судьей нашимъ, и, кромѣ того, для удаленія насъ отъ пороковъ міра, освободилъ насъ отъ страстей и даровалъ намъ святое свое ученіе для просвѣщенія нашего разума. Бремя, налагаемое Имъ весьма легко и исполнено *сострадательности* (?); для истинно вѣрующихъ нести это бремя и передавать другимъ нисколько не тягостно ни въ уединеніи, ни среди множества людей, ни въ странствованіи, ни среди враговъ, ни дома, ни въ чистомъ полѣ, ни въ силѣ, ни въ слабости, ни среди занятій, ни въ какое время. Это ученіе дано человѣку для руководства его въ жизни сей.

Изъ вашего письма видно, что ваши Калмыки безсмысленно твердятъ, что есть какая-то гора Суммеръ и какія-то моря увеселеній. Гдѣ же они находятся? Между Калмыками нѣтъ ни одного, видѣвшаго изображеніе міра, который ученые Европейцы видѣли своими глазами и измѣрили своими руками.—Хотя многіе ученые во время морскихъ своихъ пу-

тешествій вокругъ свѣта открыли множество новыхъ острововъ и народовъ, но досихъ поръ еще не видѣли ни горы Суммеръ, состоящей изъ золота, серебра и изумудовъ, ни семи золотыхъ горъ съ омывающими ихъ морями, ни малыхъ острововъ (тибовъ), которые должны быть вокругъ земли. Если бы дѣйствительно находились такія горы изъ золота и серебра, то Европейцы давно разрушили бы ихъ, все золото взяли бы себѣ, а Тенкгеріевъ, на нихъ обитавшихъ, поймали бы и сдѣлали бы своими рабами.—Всѣ горы, моря, рѣки и рѣчки на земли, все, кромѣ этого чуда, имѣютъ названія; даже движеніе звѣздъ, солнца, луны и переменна времени года хорошо извѣстны Европейцамъ. Впрочемъ, такъ какъ знаніе Калмыковъ есть тама, то оно и не можетъ быть видимо людьми, озаренными свѣтомъ. Человѣкъ не можетъ вѣрно знать величину неба и земли, потому что онѣ не суть произведеніе рукъ человѣческихъ, но твореніе Всемогущаго; Его же твореній никто не можетъ знать, кромѣ Его Самаго.

Любезный другъ! Вы ученикъ Христа, ибо признаете Его Отцемъ—Спасителемъ своимъ. Такъ какъ Онъ всегда находится съ вами, то я желаю искренно, чтобы Вы распространили между своими единоплеменниками Его ученіе и чтобы, наложивши на нихъ легкое бремя Христа, обратили къ Нему тѣхъ, которые соблюдаютъ *лункиъ*, *ванксъ*, *обишикъ*, *санваръ* и другія тяжкія предписанія Шикгемунія.

Вы помните, что все, что вы говорите, проповѣдуете, не проистекаетъ изъ вашего ума, но что Всевышній говорить только вашими устами.

Если въ это благое дѣло наше вмѣшаются злые Ламы, будутъ препятствовать и отвращать сердца вѣрующихъ, то пишите ко мнѣ; есть Правительство, которое можетъ обуздать наглость сихъ людей обожающихъ вырытое изъ песка тѣло Шикгемунія и высасывающихъ кровь изъ своихъ пленниковъ; здѣшнее начальство васъ не оставитъ одного и не отдастъ Ламамъ въ добычу. Не должно бояться гибели тѣла, но надобно страшиться гибели души, ибо она можетъ погибнуть навсегда.

Познакомившійся съ вами чрезъ имя Христа Спасителя
и желающій вамъ счастья, благополучія и твердости въ вѣрѣ
Зайсанъ Монголо-Бурятскаго племени
Бадма Морчуновъ.

Столица Санктпетербургъ.

1820-го года

18-го Октября.

А. Лебедевъ.

ХРОНИКА.

Открытие памятника Н. В. Гоголю въ Москвѣ.

Согласно предложенію Общества (отъ 22 марта 1909 г.) я имѣлъ честь быть его представителемъ на гоголевскихъ торжествахъ, происходившихъ въ Москвѣ 26—28 апрѣля текущаго года. Ближайшимъ образомъ мое представительство выразилось въ присутствіи на торжествѣ Открытія Памятника и на засѣданіяхъ Общества Любителей Словесности въ Университетѣ и залѣ Консерваторіи. Кромѣ того—я намѣренъ былъ сказать отъ имени О-ва привѣтствіе, какъ это дѣлали представители другихъ О-въ и Учрежденій; но за недостаткомъ времени О-во Любителей Словесности выслушало только адреса и привѣтствія Иностранныхъ гостей, заграничныхъ и русскихъ Академій и Университетовъ, предложивъ—въ послѣдній день торжествъ, 28 апрѣля,—остальнымъ делегаціямъ письменно выразить тѣ привѣтствія, какія онѣ хотѣли сказать устно; посему и я подалъ письменный привѣтъ. Адреса, привѣтствія и телеграммы, съ описаніемъ происходившихъ торжествъ, О-во Любителей Словесности обѣщало отпечатать и разослать лицамъ и Учрежденіямъ, почтившимъ Общество своимъ вниманіемъ и откликнувшимся на его призывъ. Въ виду этого и въ виду болѣе или менѣе подробнаго описанія гоголевскихъ дней въ Московскихъ газетахъ, преимущественно въ «Рус. Вѣдомостяхъ», и здѣсь я имѣю честь доложить Совѣту свѣдѣнія о праздникѣ Гоголя только общаго характера, минуя подробности.—

Самое открытіе памятника не отличалось желательною торжественностію. Погода была пасмурная, холодная; наканунѣ шелъ обильный снѣгъ. Къ назначенному часу открытія, къ полдню, довольно обширная Арбатская площадь, въ одномъ концѣ которой возвышался памятникъ, наполнилась публикою и учащимися разныхъ школъ, при чемъ не было достаточной распорядительности и порядка какъ въ размѣщеніи публики, такъ и ходѣ церемоніи. На стоявшія около площадки памятника трибуны нельзя было сѣсть, по непрочности ихъ, вслѣдствіе чего тѣ, кто имѣли билеты на трибуны, числомъ свыше 2000 человекъ, смѣшались съ депутаціями на площадкѣ; образовалась невообразимая тѣснота и давка, какъ и на цѣлой площади. Отъ этого произошло то, что самое открытіе памятника, актъ передачи его Го-

роду, возложеніе къ подножію его многочисленныхъ вѣнковъ, которые передавались депутаціями чрезъ головы, какъ свѣчи въ храмахъ, дефилированіе депутацій и учащихся—эти и подобныя №№ программы торжествъ совершенно не удались. За тѣсною очень трудно было пробраться къ памятнику, а равно и видѣть все—происходившее около него. Гвоздемъ открытія являлась кантата, которую должны были исполнить 2500 учащихся городскихъ школъ, съ аккомпаниментомъ 13-ти оркестровъ военной музыки. Написанная въ былинномъ стилѣ—она могла произвести сильное впечатлѣніе при искусномъ исполненіи. Последняго не было: звуки разсѣивались и поглощались шумомъ волнующейся толпы; въ одномъ мѣстѣ кончали пѣніе стиха въ тотъ моментъ, когда въ другомъ только-что начинали; даже не въ дальнемъ разстояніи отъ памятника слышался только то понижающійся, то повышающійся гулъ, слабо похожій на то, что мы привыкли соединять съ словомъ пѣніе. Хаотическая обстановка открытія соответствовала и неопредѣленности, туманности скульптурнаго изображенія Гоголя на памятникѣ. Когда сдѣрнута была завѣса, то зрителямъ, находившимся вблизи памятника (издали нельзя было ничего разглядѣть), представилась печальная глубоко-согбенная, сидящая фигура Гоголя, обернутая въ халатъ неопредѣленныхъ очертаній, съ длиннѣйшимъ, отчасти—уродливымъ носомъ. Говорятъ, что памятникъ созданъ въ упадочномъ стилѣ; говорятъ, что надо всмотрѣться въ изображеніе, чтобы его понять; другіе на это замѣчаютъ, что и на лунѣ можно видѣть оленя, и въ фигураціи облаковъ—чудныя картины. Такъ или иначе, но несомнѣнно, что ни самый памятникъ, ни условія его открытія не могли создать бодрой настроенности или свѣтло памятнаго дня.

Иное впечатлѣніе получилось отъ торжествъ литературнаго характера. Настоящій, подлинный праздникъ культуры, съ переживаніемъ благородныхъ патріотическихъ чувствъ, научно эстетическій праздникъ—происходилъ въ стѣнахъ Университета и Консерваторіи, въ присутствіи представителей изящнѣйшаго общества—иностранныго, провинціального и мѣстнаго. Здѣсь развивалось празднество не московское и не русское только, но международное. Здѣсь находились представители Франціи, Англіи, Славянскихъ земель. Здѣсь лилась рѣчь на языкахъ—англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ, латинскомъ, финскомъ, болгарскомъ, чешскомъ. Здѣсь—главы литературы—академики и профессора заграничныхъ и русскихъ ученыхъ корпорацій, складывали свои вѣнки,—по счастливому выраженію Г. Брандеса, приславшаго свое привѣтствіе—у подножія памятника Гоголя, совмѣстно съ интеллигенціею всего свѣта. Здѣсь читались адреса и привѣтствія академій—русской, французской, британской, флорентійской, чешской, финской; университетовъ—Сорбонскаго, Римскаго, Кембриджскаго, Ліонскаго, Дижонскаго, Лилльскаго, Бордосскаго, Бѣлградскаго, Софійскаго, Пражскаго, Вѣнскаго, Александровскаго-Гельсингфорскаго, Женевскаго, Цюрихскаго, Дублинскаго, Католическаго и почти всѣхъ русскихъ. Въ этихъ адресахъ и безчисленныхъ привѣтствіяхъ, въ рѣчахъ академиковъ и профессоровъ—обрисовался Геній русской земли во весь свой величавый литературный ростъ, мощно и ярко, и на столько полно, что читавшій въ числѣ послѣднихъ рѣчь о юморѣ Гоголя, академикъ О. Е. Коршъ замѣтилъ, что всякая попытка сказать о немъ

новое слово должна граничить или съ сумашествіемъ или съ ложью. Особенное впечатлѣніе произвела рѣчь президента Французской Академіи, М. де Вогюэ, говорившаго по французски и изрѣдка перемежавшаго свою рѣчь вставками русскихъ словъ и выраженій. Онъ сравнивалъ геній Гоголя съ геніемъ Сервантесса, В. Гюго и Доде и указывалъ на связь его съ послѣдующими писателями—Достоевскимъ, Толстымъ и Тургеневымъ. Въ заключительной краткой рѣчи на русскомъ языкѣ, г. Вогюэ высказалъ горячую благодарность Россіи за ласковый приемъ, что вызвало не смолкаемыя овации. Не менѣе восторжено отнеслась публика и къ рѣчи другого академика Франціи, Луи Леже, привѣтствовавшаго отъ Institut de France, а равно къ рѣчамъ проф. Лилльскаго Университета—Лирондельна и Дижонскаго-Легра. Оба послѣднихъ говорили свои рѣчи на русскомъ языкѣ, заявляя, что произведеніями Гоголя восхищаются и въ провинціальныхъ захолустьяхъ Франціи, что студенты университетовъ ихъ читаютъ въ подлинникѣ, что въ числѣ книжныхъ подарковъ школьникамъ, наряду съ Сервантесомъ и В. Скотомъ, дается и Тарасъ Бульба, причемъ послѣдній читается съ большимъ восторгомъ, чѣмъ первые. Глубокое впечатлѣніе произвело на публику привѣтствіе отъ Финской Академіи, сказанное проф. Миколъ, заключенное словами: «привѣтъ русскому народу, за который билось такое горячее сердце, какое было у Гоголя.» Особенно сильно взволновала публику рѣчь Г. Брандеса, прочитанная академикомъ А. Н. Веселовскимъ. Брандесъ ставитъ Гоголя на недостижимую высоту, сравнительно съ его предшественниками, преклоняется предъ его вдохновеннымъ геніемъ и выражаетъ убѣжденіе, что пока жива будетъ русская рѣчь—будетъ живъ и Гоголь. Британская Академія въ своемъ привѣтствіи, прочитанномъ проф. Тимирязевымъ, преклоняется предъ могучимъ талантомъ русскаго писателя, своимъ словомъ зажигающаго сердца людей, и ставитъ его въ одинъ рядъ съ Шериданомъ и Диккенсомъ; а проф. Кембриджскаго университета г. Фрэръ заявилъ, что и въ древнѣйшихъ очагахъ высшаго образованія Англіи изучается Гоголь. Привѣтствія Англіи встрѣчались особенно сочувственно и преимущественно привѣтствіе Дублинскаго университета, который въ своемъ прекрасномъ адресѣ, написанномъ на латинскомъ языкѣ, заявилъ, что слава Гоголя растетъ такъ-же таинственно, какъ растетъ дерево, а его «Мертвыя души» правильнѣе было бы назвать бессмертными по ихъ міровому признанію. Съ громкими аплодисментами встрѣченъ былъ адресъ Флорентійской Академіи, въ которомъ сказано, что «въ комъ въ Италіи бьется живое сердце, тотъ не можетъ не говорить о творцѣ «Мертвыхъ душъ». Съ бурнымъ восторгомъ встрѣченъ былъ адресъ отъ «Товариства имени Шевченка» и Галицко-русской Матицы во Львовѣ. Читавшій адресъ и, послѣ, того говорившій рѣчь, депутатъ Галиціи, г. Дудыкевичъ высказалъ, что геніемъ Гоголя русская культура окончательно завоевала міровое значеніе, что юго-западное Славянство въ творчествѣ Гоголя находитъ опору въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ, что Гоголь—гордость и красота Славянскаго Юга, а для подневольной Прикарпатской Руси—онъ крѣпость и любовь. Восторжено встрѣчались рѣчи, адреса и привѣтствія русскихъ ученыхъ и литераторовъ, за исключеніемъ

рѣчи В. Брюсова, который гиперболически уличалъ Гоголя въ преувеличеніяхъ и чуть-ли не въ зоологическихъ инстинктахъ... Особенно публикѣ понравилось краткое, но сильное по лаконизму привѣтствіе Петербургскаго Городскаго Головы г. Рѣзцова, который сказалъ: «Петербургъ не съ чувствомъ зависти, но съ восхищеніемъ привѣтствуетъ Первопрестольную.» Большія оваціи вызвалъ адресъ Петербургскаго Юридическаго Общества, прочитанный проф. М. Ковалевскимъ, въ которомъ заявлялось, что Гоголь былъ самымъ сильнымъ борцомъ съ «неправдой черной,» борьба съ которой—призваніе и долгъ служителей идеи права. Весьма сочувственно встрѣчено было привѣтствіе отъ Москов. Духов. Академіи, прочитанное ея Ректоромъ, еп. Евдокимомъ. Академія вспомнила, что нѣкогда Гоголь, въ эпоху исканія правды заѣзжалъ въ нее, призывая служить Одному Общему Хозяину. Отличное впечатлѣніе всестороннимъ раскрытіемъ творчества Гоголя и его значенія въ дѣлѣ развитія народнаго самосознанія и слова—произвели рѣчи профессоровъ, гг. Багалѣя (Харьковъ), Иванова (Нѣжинъ), Корша и Веселовскаго (академики), Евг. Трубецкаго, Муромцева, Грузинскаго и ректора Московскаго Университета, А. Мануилова, закончившаго свою рѣчь словами, обращенными къ бюсту Гоголя: «слава тебѣ, прславившему Россію.»

Отъ имени Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи мною выражено было привѣтствіе въ слѣдующихъ словахъ: «Гоголь былъ геніальнымъ бытописцемъ русской жизни и не только современной ему, но и прошлой. Онъ художественно-правдиво изобразилъ картину ея общественнаго уклада; онъ бралъ типы въ живой ихъ обстановкѣ, въ условіяхъ современной имъ среды и быта; онъ въ яркихъ и сильныхъ образахъ повѣдалъ міру историческую скорбь родной ему Украйны. Его сочиненія—живая лѣтопись первой половины XIX в.,—цѣнный историческій документъ. И нельзя изучать исторической эпохи, не зная Гоголя. Въ этомъ его важное значеніе для русской исторіи и этнографіи.

«Привѣтъ отъ имени Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ высокопочтимаго Обществу Любителей Россійской Словесности въ свѣтлыя дни открытія памятника великому бытописцу и глубокая благодарность за увѣковѣченіе памяти и прославленіе автора безцѣнныхъ произведеній! Въ эти дни радостно питать надежду, что славное и нынѣ имя Гоголя и слава его побѣдно-обаятельнаго слова, позднѣе—тѣмъ шире и ярче разгорятся, чѣмъ шире и обильнѣе зажгутся огни русскаго просвѣщенія, свѣтильники знанія.»

Празднества въ память Гоголя закончились въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности предложеніемъ, внесеннымъ Г-жей Маклаковой, организовать подписку на устройство въ Москвѣ памятника И. С. Тургеневу: «пусть Москва—средоточіе русской земли—будетъ и Пантеономъ представителей ея литературы.»—1909 г. мая 5-го дня.

С. Кедровъ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Въ Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 20 марта 1909 года поступило слѣдующее заявленіе Н. М. Петровскаго:

Тридцать лѣтъ тому назадъ, 11 апрѣля 1879 года, Общее Собраніе Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ утвердило проэктъ ¹⁾ проф. В. М. Флоринскаго объ устройствѣ «Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея», въ составъ котораго должны были входить «предметы по всѣмъ проявленіямъ русской и инородческой народной жизни, какъ нынѣ употребляемые, такъ и бывшіе въ употребленіи въ прежнія времена» ²⁾. Представляя свой проэктъ, покойный любитель археологіи предвидѣлъ возраженія, сводящіеся къ трудности осуществленія подобнаго плана, «во первыхъ по недостатку у общества средствъ на такое крупное дѣло, во вторыхъ по неимѣнію для музея соотвѣтствующаго помѣщенія. То и другое опасеніе было бы безусловно вѣрнымъ, если бы музей предполагалось устроить въ очень короткое время.... Я не имѣю этого въ виду, а разсчитываю и считаю возможнымъ въ настоящее время положить лишь основаніе для такого, въ высшей степени важнаго для насъ, учрежденія. Собираніе матеріаловъ, почти исключительно путемъ частныхъ пожертвованій, безъ сомнѣнія будетъ подвигаться медленно; слѣдовательно для перваго времени у насъ можетъ быть будетъ достаточно и помѣщенія и быть можетъ окажутся и кое-какія средства для размѣщенія поступающихъ предметовъ. Но разъ начатое по извѣстному плану дѣло, само въ себѣ будетъ имѣть задатки для дальнѣйшаго развитія. Труднѣе собрать матеріалы, чѣмъ размѣстить ихъ. Потому я полагаю, что въ случаѣ успѣшнаго хода предпріятія общества и избытка накопившихся для музея предметовъ, гораздо легче будетъ, впослѣдствіи, изыскать средства для приличнаго и удобнаго размѣщенія ихъ, если только общество не утратитъ присущую ему нынѣ энергію и любовь къ своему дѣлу и будетъ пользоваться такимъ же вниманіемъ и сочувствіемъ большинства просвѣщенныхъ людей здѣшняго края» ³⁾. Къ сожалѣнію, оптимистическія ожиданія проф. Флоринскаго не оправдались: собираніе предметовъ для музея шло если и не быстро, то во всякомъ случаѣ подвигалось впередъ, но Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи не располагало средствами для достойнаго размѣщенія ихъ, такъ какъ отводившіеся для этого университетской администраціей комнаты были слишкомъ малы. Это обстоятельство замѣчалось не только казанцами, но и иногородними лицами, интересовавшимися нашимъ музеемъ; вотъ что писалъ о немъ покойный А. Н. Пыпинъ, бывшій въ Казани въ 1884 г.: «Въ единственномъ университетскомъ городѣ Волжскаго края....

¹⁾ Напечатанъ въ «Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ», I, 126—140, и отдѣльно, 8^о, 15 стр.

²⁾ Op. cit., pag. 129.

³⁾ Ibid., pag. 139—140.

настоящее прискорбіе внушалъ видъ любопытнѣйшей археологической коллекции, для должнаго расположенія которой университетъ не имѣетъ ни денегъ, ни помѣщенія» ¹⁾. Нѣчто подобное сообщаетъ и г. М. Мурко, посетившій нашъ городъ четырема годами позднѣе Пыпина: «Покажутъ вамъ археологическій музей: двѣ маленькихъ комнаты, да и тутъ не все въ порядкѣ, и даже не можетъ быть [въ порядкѣ], потому что матеріала археологическое общество уже имѣетъ во сто разъ больше, но куда его дѣвать?» ²⁾. Гг. членамъ Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи извѣстно, что въ настоящее время коллекции нашего музея помѣщаются отчасти въ Музей Отечества, отчасти въ канцеляріи Общества, отчасти—благодаря любезности П. И. Кротова—въ Географическомъ Кабинетѣ, причемъ это послѣднее убѣжище, по словамъ самого П. И. Кротова, въ скоромъ времени должно быть оставлено. Это послѣднее обстоятельство даетъ мнѣ смѣлость предложить вниманію гг. членовъ Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи нѣсколько соображеній о дальнѣйшей судьбѣ нашего музея. Гдѣ удастся ему пріютиться? Трудно разсчитывать, что для него найдется мѣсто въ зданіяхъ Казанскаго Университета, который до сихъ поръ не можетъ должнымъ образомъ расположить даже кабинеты и лабораторіи, обслуживающіе преподаваніе и потому имѣющіе болѣе правъ на университетскія помѣщенія, нежели музей только *состоящаго* при Университетѣ Общества. На наемъ отдѣльной квартиры для музея у Общества нѣтъ средствъ. Единственный на мой взглядъ выходъ изъ такого положенія былъ указанъ проф. Флоринскимъ ³⁾: «Видя наши труды», говоритъ онъ, «на пользу русской археологіи, исторіи и этнографіи и имѣя надежные задатки на осуществленіе проектируемаго музея, не безполезнаго для русской науки вообще и для здѣшняго края въ особенности, быть можетъ, со временемъ, Казанское городское общество, земство или правительство подадутъ намъ руку помощи для довершенія задуманнаго нами предпріятія». Едва ли можно предположить, чтобы земство оказало поддержку нашему Обществу такъ какъ задачи этихъ двухъ учрежденій почти не имѣютъ точекъ соприкосновенія; трудно разсчитывать и на успѣхъ какого либо ходатайства о денежной помощи передъ правительствомъ, такъ какъ оно уже даетъ нѣкоторое, хотя и очень не крупное, пособіе нашему Обществу—на охрану и ремонтъ Болгарскихъ развалинъ (300 рублей въ годъ) и (временно) на изданіе журнала (600 рублей въ годъ). Единственнымъ изъ указанныхъ Флоринскимъ учрежденій, которое могло бы содѣйствовать намъ въ благополучномъ разрѣшеніи музейнаго кризиса, остается Казанское Городское Общество. Оно давно уже устроило свой музей, среди коллекцій котораго на-

¹⁾ См. въ статьѣ «Волга и Кіевъ. Впечатленія двухъ поѣздокъ»—Вѣстникъ Европы, 1885 г., томъ IV (CXIV), стр. 196.

²⁾ См. въ статьѣ «V provinciji na Ruskem. Potni spomini in vtiski»—Ljubljanski Zvon, 1889, стр. 533.

³⁾ Op. cit., pag. 140.

ходится немало предметовъ, однородныхъ съ хранящимися у насъ; таковы старинныя монеты, болгарскія древности, вещественные памятники церковной археологіи и современнаго народнаго быта (между прочимъ поволжскихъ инородцевъ) и т. п.. Въ настоящее время, въ виду возрастанія коллекцій Городскаго Музея, дирекція его, какъ сообщалось въ газетахъ, ходатайствуетъ о расширеніи его помѣщенія на нѣсколько комнатъ. Мнѣ кажется, что кромѣ размѣщенія предметовъ, уже пріобрѣтенныхъ Городскимъ Музеемъ, можно было бы имѣть въ виду и то обстоятельство, что лѣтомъ текущаго 1909 года въ Казани имѣетъ быть областная выставка; весьма вѣроятно, что нѣкоторые—можетъ быть довольно многочисленные—изъ экспонатовъ ея (особенно кустарнаго отдѣла) будутъ пожертвованы Городскому Музею. Если бы Казанское Городское Общество нашло возможнымъ значительно расширить помѣщеніе своего Музея, то было бы весьма желательно, чтобы и археологическія и этнографическія коллекціи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи были переданы на храненіе въ это учрежденіе. Позволю себѣ въ нѣсколькихъ пунктахъ отмѣтить возможность и пользу такой передачи:

1) Въ исполненіи подобнаго проэкта не было бы ничего незаконнаго, коллекціи, пріобрѣтенныя (путемъ пожертвованія или покупки) Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи продолжали бы составлять его собственность, такъ какъ витрины съ принадлежащими ему предметами могли бы быть снабжены соотвѣтственной надписью о принадлежности ихъ Обществу.

2) Въ научномъ отношеніи сосредоточеніе однородныхъ коллекцій въ одномъ пунктѣ вообще имѣетъ большія преимущества, такъ какъ даетъ изучающему культуру того или другаго вѣка или народа возможность сравнивать сохранившіеся предметы въ натурѣ, не прибѣгая къ снимкамъ; сверхъ того, при централизаціи однородныхъ музеевъ любая культура оказывается представленной гораздо полнѣе и всестороннѣе, нежели при размѣщеніи коллекцій въ разныхъ пунктахъ.

3) Въ случаѣ передачи нашихъ коллекцій въ Городской Музей онѣ сдѣлались бы гораздо болѣе доступными для осмотра и изученія. Съ этой точки зрѣнія можно смѣло сказать, что вообще музеямъ, не обслуживающимъ преподаванія той или другой отрасли знанія, не мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ; представимъ себѣ, что, напр., предметы, характеризующіе болгарскую культуру, находятся въ Казани и въ Городскомъ Музее, и въ университетскихъ, и въ двухъ-трехъ гимназическихъ; въ какое положеніе будетъ поставленъ ученый, интересующійся ею? Сколько времени придется ему потратить на старанія проникнуть въ тотъ или другой музей, находящійся при гимназій? Вполнѣ сочувствуя мысли нашего уважаемаго сочлена, К. В. Харламповича ¹⁾, о необходимости собирать мѣстные церковныя древности для музея Церковнаго историко-археологическаго Общества Казанской епар-

¹⁾ См. въ его брошюрѣ «Объ изученіи церковныхъ древностей Казанскаго края», стр. 3—8.

хи, я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы спасенные такимъ образомъ отъ вѣроятной гибели предметы оставались въ этомъ учрежденіи, гдѣ они были бы мало доступны для осмотра и изученія; самымъ удобнымъ было бы помѣщеніе ихъ въ Городскомъ Музеѣ, имѣющемъ церковно-археологическій отдѣлъ.

4) Какъ извѣстно моимъ уважаемымъ сочленамъ, заграничные музеи нерѣдко издають журналы, въ которыхъ всесторонне описываютъ свои коллекціи и характеризуютъ ихъ значеніе; наши музеи въ большинствѣ случаевъ ограничиваются печатаніемъ краткихъ каталоговъ и годовыхъ отчетовъ канцелярскаго характера; въ случаѣ принятія коллекцій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи въ помѣщеніе Городского Музея этотъ послѣдній получилъ бы возможность, при посредствѣ специалистовъ, разрабатывать свои сокровища на страницахъ нашихъ «Извѣстій», и этотъ журналъ, занявшій уже видное мѣсто въ областной литературѣ по археологіи, исторіи и этнографіи, объединилъ бы труды едва ли не всѣхъ казанскихъ специалистовъ по этимъ отраслямъ знанія; такая централизація въ высшей степени удобна, особенно для иногороднихъ ученыхъ, которымъ трудно добывать равнѣнные по нѣсколькимъ провинціальнымъ изданіямъ—зачастую газетамъ—статьи.

Указывая, въ какихъ отношеніяхъ была бы полезна передача нашихъ коллекцій на храненіе въ Городской Музей, я позволяю себѣ думать, что она не представила бы, въ случаѣ согласія со стороны Казанскаго Городского Общества, никакихъ затрудненій; все дѣло въ отводѣ лишняго мѣста въ зданіи Городского Музея; увеличенія штата служащихъ въ этомъ учрежденіи пока не потребовалось бы. На Казанскомъ Городскомъ Обществѣ лежитъ нѣкоторая нравственная обязанность содѣйствовать сохраненію—и въ то же время доступности для изученія—памятниковъ мѣстной старины; сверхъ того, безвозмездно пользуясь *духовными* трудами членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Казанское Городское Общество могло бы вознаградить это учрежденіе по крайней мѣрѣ нѣкоторой—въ общемъ незначительной—*матеріальной* жертвой—изыскать средства для помѣщенія нашихъ коллекцій. Если, несмотря на крайнее равнодушіе мѣстнаго населенія къ просвѣтительнымъ предпріятіямъ, Городской Музей всетаки начинаетъ пользоваться нѣкоторой извѣстностью среди казанскихъ жителей, какъ показываетъ значительное возрастаніе—изъ года въ годъ—числа его посѣтителей, то можно думать, что и постановка нашихъ коллекцій въ помѣщеніи Городского Музея придастъ ему еще болѣе цѣнности, а это можетъ со временемъ усилить притокъ публики и тѣмъ содѣйствовать повышенію дохода отъ продажи входныхъ билетовъ и каталоговъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я позволяю себѣ просить моихъ уважаемыхъ сочленовъ обсудить вопросъ о возможности и условіяхъ передачи нашихъ коллекцій на храненіе въ Казанскій Городской Музей.

Н. Петровскій.

НАСЛЕДІЯ

О Пермских древностяхъ, найденныхъ въ 1909 году.

(Новѣйшая археологическая находка въ Пермскомъ краѣ).

Въ XXV томѣ «Извѣстій» О-ва археологiи, исторiи и этнографiи въ замѣткѣ подъ назв. «Новѣйшія археолог. находки въ Чердынскомъ краѣ» мы описали находки 1907 и 1908 годовъ.

Лѣтомъ 1909 г. въ Чердынскомъ уѣздѣ вновь сдѣлана была не менѣе важная археологическая находка, близъ дер. *Аниковской*, расположенной на р. *Вишерѣ*, въ 18 верстахъ къ югу отъ уѣзднаго города Чердыни, въ предѣлахъ Пянтежской волости, неподалеку отъ с. Редикора, той-же волости.

Одна крестьянка въ іюлѣ 1909 г. выпала изъ земли на своей пашнѣ нижеслѣдующіе археологическіе предметы:

1) *Серебряное блюдо*, массивное, кованное (вѣсъ $2\frac{1}{2}$ ф.), величиною съ тарелку, съ придѣланною съ боку рукояткою, съ чудными изображеніями людей—всадниковъ, по парно сидящихъ на коняхъ, въ полномъ боевомъ вооруженіи, съ мечами и копьями. Фигуры всадниковъ расположены рядами по обѣимъ сторонамъ фасада какого-то зданія, расположеннаго въ центрѣ картины: на одномъ изъ балконовъ фасада этого зданія—видны фигуры людей, трубящихъ въ трубы, а сверху зданія или дворца виднѣются фигуры повѣшенныхъ внизъ головою людей, повидимому, казненныхъ. Сюжетъ рисунка, кажется, взятъ изъ древне-персидской придворной жизни. Рисунка весьма отчетливой, тонкой работы и исполнены барельефомъ, сохранились удивительно отчетливо. Фонъ блюда золоченый, дивной художественной работы съ украшеніями по краямъ, въ видѣ фигуръ, видимо, символическаго характера. Блюдо, несомнѣнно, сассанидскаго и вообще восточнаго характера. Сверху и сбоковъ главнаго рисунка помѣщены эмблемы, луна, солнце и какія-то человѣкообразныя фигуры. Наружная сторона блюда гладкая, безъ всякихъ украшеній.

2) *Серебряная кованная чашка*, (формой напоминаетъ современныя полоскательницы), снаружи гладкая, внутри украшена тонкимъ, сдѣланнымъ отъ руки рисункомъ, сплошь покрывающимъ всю внутреннюю поверхность чашки, по краямъ фигурный бордюръ—не то узоръ, не то надпись на неизвѣстномъ языкѣ. Съ наружной стороны этой чашки имѣется мусульманская надпись. На днѣ чашки находится рисунокъ, изображающій странную фантастическую фигуру, съ лицомъ человѣка и человѣчьимъ туловищемъ, но съ распушеннымъ хвостомъ птицы, съ 2-мя птичьими ногами, повидимому, какое-то божество.

3) *Такая-же, но другой формы, серебряная ваза или чаша*, на подобіе бокала или кружки, высокая, на подставкѣ, снаружи и внутри гладкая съ рукояткою, которая отпаялась. Вокругъ чаши сверху узоръ въ видѣ бордюра.

4) *Два слитка серебра* въ видѣ плитокъ неправильной формы, одинъ со слѣдами отруба, по виду недавняго, оба вмѣстѣ вѣсятъ около 2-хъ фунтовъ металла.

5) Три серебряныхъ «гривны», въ видѣ витого обруча, особый родъ украшеній. Одна изъ нихъ по-крупнѣе, вѣситъ ровно 1 фунтъ, двѣ другихъ по-менѣе. Снаружи у всѣхъ узоръ спиральной формы; всѣ имѣютъ при окончаніи застежку въ видѣ многогранной срѣзанной пуговицы, общеизвѣстнаго типа и образца этого рода украшеній.

Вся находка вѣситъ до 8 фунтовъ и была приобрѣтена у нашедшаго ее крестьянина дер. Аниковской за 250 руб. для Чердынскаго музея и отослана для опредѣленія въ Спб. въ Императорскую археологическую комиссію. Результаты опредѣленія въ данное время пока не извѣстны.

Говоря о предметахъ Редикорской находки 1908 года, мы высказали уже свой взглядъ на происхожденіе этого рода древностей, находимыхъ въ Пермскомъ краѣ, и на ту эпоху, къ которой онѣ относятся. По опредѣленію специалистовъ членовъ Археологической Комиссіи А. А. Спицына и А. К. Маркова (проф. Спб. Археологическаго Института) большая часть предметовъ изъ Редикорскаго клада, (описанныхъ въ прошлогодней статьѣ нашей), состоявшаго изъ мѣдныхъ предметовъ чудской эпохи и серебряныхъ золоченыхъ украшеній, относятся къ VIII—XI вѣкамъ, мусульманскія-же монеты оказались древне-персидскаго происхожденія временъ VI, VII и VIII вѣка нашей эры; остальная часть относится специалистами къ позднѣйшему времени, не ранѣе, впрочемъ, XII—XIV вѣковъ.

Къ этому-же приблизительно времени можетъ быть отнесена и послѣдняя находка въ Чердынскомъ краѣ (1909 г.)

Всѣ эти предметы несомнѣнной древности, находимые въ Пермскомъ краѣ, носятъ явно восточный характеръ, что доказывается и имѣющимися на нѣкоторыхъ изъ нихъ мусульманскими надписями и эмблемами востока (луна, солнце) и пр.

Всѣ этого рода вещи, безспорно, иноземнаго происхожденія и могли быть завезены въ Верхокамье только путемъ торговли, которая уже въ очень отдаленные вѣка велась между аборигенами Верхокамья, такъ наз. Пермской или Камской «чудью» и отдаленными странами Азіи. Въ частности серебряныя, нерѣдко золоченыя арабскія издѣлія и древне-персидскія монеты указываютъ на участіе Пермской чуди въ арабско-булгарской торговлѣ, процвѣтавшей на Волгѣ въ IX—X столѣтіяхъ, хотя нынѣ считается установленнымъ, что эти торговые сношенія происходили и гораздо ранѣе, задолго до образованія Руси, приблизительно съ V и до VII вѣка.

Совершенно естественно, что вслѣдствіе этой былой торговли монеты и другія произведенія древней персидско-арабской культуры изъ отдаленнѣйшихъ мусульманскихъ земель стекались въ Приволжье, проникали даже и въ Верхокамье. Несомнѣнно одно, что уже въ VIII в., по свидѣтельству средне-вѣковыхъ арабскихъ географовъ и путешественниковъ (Ибнъ Даста, Ибнъ Фодлана, X в., Мукадесси и др.) изъ югры и абармы (искаженное названіе страны «Пермь») и другихъ сѣверныхъ странъ арабскіе халифы получали мѣха *чернобурыхъ лисицъ*, познѣе: соболы и проч., а на сѣверъ привозили для обмѣна предметы роскоши, серебряныя издѣлія и разнаго рода дорогія украшенія: перстни, кольца, браслеты и т. п.

Слѣдовательно, вотъ откуда попадали въ Прикамье серебряные сосуды чаши, блюда, иногда удивительно тонкой и изящной работы, а также серебряныя украшенія, находимыя въ нѣдрахъ земли, поражающіе не только своею древностью, но также тонкой, художественной отдѣлкою въ восточномъ вкусѣ. Употребленіе этихъ блюдъ для цѣлей культа считается болѣе или менѣе вѣроятнымъ.

Многіе изслѣдователи Пермскихъ древностей, изучавшіе ихъ, начиная съ проф. Ешевскаго, замѣчаютъ большое сходство между грубыми мѣдными издѣліями изъ числа *Пермскихъ* древностей съ таковыми-же *билярскими* находимыми въ предѣлахъ Булгарскаго царства. Сходство, дѣйствительно, есть и сходство огромное. Тоже самое нужно сказать о металлическихъ бусахъ и пронизкахъ изъ блестящей стекловидной массы разныхъ цвѣтовъ и вообще о мѣдныхъ украшеніяхъ.

Это сходство легко объясняется тѣмъ, что источникъ для полученія этихъ предметовъ въ былыя времена былъ одинъ и тотъ-же, а именно болгарско-арабская торговля, въ которой Булгары играли роль посредниковъ по сбыту товаровъ ея на сѣверъ, въ томъ числѣ и въ страну «Пермь», какъ это подтверждается арабскими писателями. По ихъ словамъ, сами арабскіе и персидскіе купцы боялись проникнуть въ эти отдаленныя страны, не зная языка туземныхъ жителей, и булгары изъ опасенія потерять свое посредничество въ этой торговлѣ нарочно запугивали ихъ разказами о томъ, что жители этихъ странъ убиваютъ каждаго приходящаго къ нимъ иноземца.

Н. Санинъ.

Въ статьѣ П. И. Кротова «Новыя поселенія каменнаго вѣка въ Казанской губерніи», напечатанной въ в 3 XXI т. Извѣстій Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ, было сообщено объ открытыхъ имъ мѣстахъ поселеній каменнаго вѣка на правомъ берегу р. Свіяги, около д. Ст. Кокузы. Въ настоящее время проф. Кротову доставлена коллекція каменныхъ орудій изъ окрестностей с. Б. Мимй, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Ст. Кокузы, также на правомъ берегу Свіяги, свидѣтельствующая о значительной населенности долины этой рѣки въ ту пору и распространенности въ ней слѣдовъ каменнаго вѣка. На поляхъ этой деревни было найдено довольно много наконечниковъ стрѣлъ и копій изъ кремня бѣлаго, сѣраго и краснаго цвѣтовъ, нѣсколько скребковъ въ различныхъ стадіяхъ ихъ изготовленія и т. д. Но интересно, что вмѣстѣ съ этими остатками были найдены также обломки каменныхъ молотковъ, изящно сдѣланныхъ, украшенныхъ ребрами и, повидимому, игравшихъ роль боевыхъ молотковъ. Тутъ же была найдена мѣдная иластинка, похожая по формѣ на наконечникъ стрѣлы. Все это можетъ указывать на болѣе высокую культуру, на которой находились эти древніе обитатели Б. Мимй, въ сравненіи съ обитателями поселеній окрестностей Ст. Кокузы.

Въ недавнее время Обществомъ Археологiи, Исторiи и Этнографiи выработаны слѣдующія Правила Пользованія собраніемъ рукописей Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Они составлены, по порученію Совѣта Общества, секретаремъ Общества, В. Л. Борисовымъ пересмотрѣны въ засѣданіи Совѣта 7 мая 1908 г.

1. Собраніемъ рукописей Общества могутъ пользоваться для своихъ научныхъ изысканій всѣ члены Общества, для чего требуется предварительное разрѣшеніе Предсѣдателя Общества и члена Совѣта, завѣдующаго рукописнымъ собраніемъ Общества, дѣлаемое на письменномъ заявленіи лица, пожелавшаго пользоваться рукописями, принадлежащими Обществу.

Примѣчаніе. Постороннія лица могутъ получить доступъ къ рукописямъ Общества лишь по особому на каждый разъ разрѣшенію Совѣта Общества.

2. Пользованіе рукописями возможно исключительно въ помѣщеніи библіотеки Общества; на домъ рукописи никоимъ образомъ выдаваемы быть не могутъ.

3. Лицо, получившее доступъ къ собранію рукописей Общества, обязано испрашивать особое разрѣшеніе Совѣта, если пожелаетъ напечатать что нибудь изъ рукописей, принадлежащихъ Обществу.

Примѣчаніе. Если опубликованіе какихъ-либо документовъ, принадлежащихъ Обществу, будетъ произведено не въ органѣ самого Общества, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, то желательно представленіе издателемъ въ Общество отдѣльныхъ оттисковъ изъ того изданія, въ которомъ напечатаны публикуемые документы, или, по крайней мѣрѣ, сообщеніе г. Завѣдующему рукописнымъ собраніемъ Общества свѣдѣній, въ какомъ именно изданіи помѣщенъ тотъ или другой документъ, составляющій собственность Общества.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Замѣтки по поводу этнографическихъ очерковъ С. К. Кузнецова подъ названіями «Изъ воспоминаній этнографа» и «Черемисская секта кугу сорта».

На страницахъ журнала «Этнографич. Обзорѣніе» за послѣдніе годы напечатаны Этнографич. очерки С. К. Кузнецова подъ названіями «Изъ воспоминаній этнографа» и «Черемисск. секта кугу сорта». Авторъ въ «воспоминаніяхъ» живымъ, почти картиннымъ языкомъ знакомитъ читателя съ мало извѣстными религіозными вѣрованіями вотяковъ и черемисъ и въ частности съ жертвоприношеніями. Весьма обстоятельно изложена имъ и черемисская секта «кугу сорта». На стр. 4 «воспоминаній» (мы пользуемся отдѣльными оттисками изъ журнала) авторъ говоритъ, что ему «хотѣлось бы коснуться преимущественно темныхъ вопросовъ инородч. жизни», чтобы предупредить этимъ, какъ видно изъ 33 стр., заблужденія историка XXIII вѣка. Конечно, такое желаніе похвально, и мы, желая автору успѣховъ, хотѣли бы обратить его просвѣщенное вниманіе на слѣдующія замѣтки, какъ могущія быть небезполезными для него на будущее время.

Какъ ни гладко скомбинированы и освѣщены г. Кузнецовымъ въ его «Воспоминаніяхъ» факты, но намъ не совсѣмъ вѣрится, чтобы во всемъ ему везло (44 стр) и чтобы все было такъ, какъ онъ расписываетъ, если только не допустить, что авторъ родился подъ счастливой звѣздой и что для такихъ людей все возможно. Если бы авторъ во всемъ сохранилъ правдоподобность изложенія, то трудно было бы усумниться въ томъ, что онъ передаетъ подлинную дѣйствительность. Хотя онъ и говоритъ, что матеріаловъ у него оч. много, но очевидно не хватаетъ ихъ для совершенно правдиваго изложенія, чѣмъ и объясняются неудачныя подробности. Такъ, наприм, вотякъ, умѣющій правильно сказать «ножемъ колетъ да пускаетъ».., едва ли скажетъ «миста оставилъ надо» (стр. 13). Если и допустить возможность искаженія послѣдней фразы вотякомъ, то никакъ не относительно слова «мѣсто», пот. что звукъ «е» имѣется и въ вотьк. языкѣ и вотяки легко произносятъ слова со звукомъ е. Сказать «миста» скорѣе свойственно татарину, которому, по неимѣнію въ его языкѣ звука «е», дѣйствительно трудно произнести этотъ звукъ. Но если авторъ не могъ усвоить

и передать въ точной редакціи русской рѣчи вотяка, то что же сказать объ отрывкахъ изъ молитвы, читанной вотякомъ во время жертвоприношенія? Не зная этой молитвы, мы, конечно, не можемъ сказать, что приведенные отрывки не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; тѣмъ не менѣе сильно сомнѣваемся въ томъ, что они сказаны вотякомъ буквально такъ, какъ приводитъ авторъ. Основаніемъ для сомнѣнія служить намъ то, что авторъ и эти небольшіе отрывки передалъ въ недостаточно толковой транскрипціи, перепуталъ ударенія и даже исказилъ слова и потому, очевидно, что не все ясно осмыслилъ себѣ. Напр. на стр. 11 читаемъ: «Ой вотлісь мынісь! Монэ эн куты... Нюк кужо! Чук пересьос! Кутысьос! Монэ эн куты!..» Природный же вотякъ Мамадышскаго уѣзда, т. е. изъ той же мѣстности, о которой главн. образомъ пишетъ г. Кузнецовъ, сообщилъ намъ, что приведенные отрывки слѣдовало бы напечатать такъ: «Эй ветлісь мынісь! Монэ эн куты. Нюк кузё. Чук пересьёс! Кутысьёс! Монэ эн кутэ». Поставивъ «ой» вмѣсто междометія «эй», г. Кузнецовъ допустилъ совершенно невозможное и ничего незначащее сочетаніе «ой вотлісь», пот. что «ой» представляетъ форму отрицател. глагола въ 1 лицѣ прош. врем., а отриц. глаг. можно сочетать только со спрягаемымъ глаголомъ, но не съ причастіемъ «ветлісь». Въ переводѣ тоже допущены ошибки. «Эй ветлісь мынісь» значитъ «Эй ходящій, идущій (подразумѣвается духъ), но слова «ночью», которое прибавилъ авторъ, не подразумевается. Вмѣсто «Нюк кузё» (хозяинъ оврага), авторъ пишетъ «нюк кужо», что даетъ невразумительное реченіе «пеньковый оврагъ». Также и слово «кутысьёс» означаетъ не «безродные покойники», какъ думаетъ авторъ, а «держашіе покойники». Весьма сомнительно также слѣдующее обстоятельство. Вотякъ хорошо знаетъ автора, не язычника, безусловно подозрѣваетъ, что автора, просто интересовавшагося жизнью вотяковъ, какъ и самъ имъ заявлялъ, влекло не религіозное побужденіе и, конечно, только подъ вліяніемъ угощенія водкой соглашается совершить жертвоприношеніе. Какъ же, спрашивается, этотъ же вотякъ наотрѣвъ отказался сообщить автору цѣликомъ всю молитву, которую читалъ при жертвоприношеніи? Напротивъ, мы, на основаніи собственного опыта, положительно утверждаемъ, что гораздо легче попросить инородца ради желанія познакомиться прочитать какую-нибудь молитву, чѣмъ заставить совершить съ этой же цѣлью самое моленіе. У насъ лично имѣется не мало матеріаловъ и между прочимъ имѣется молитва, читаемая при изгнаніи «кереметя», которая записана нами не на моленіи (пот. что тамъ это дѣйствит. невыполнимо), а просто продиктована жрецомъ по просьбѣ.

Весьма непростительно погрѣшаетъ авторъ и противъ фактовъ и потому, вѣроятно, что собиралъ свѣдѣнія больше по наслышкѣ изъ пятихъ—десятихъ рукъ и не потрудился даже провѣрить ихъ. Такъ, наприм., онъ говоритъ, что «Переводческая Коммиссія (Казанская) разсылаетъ свои изданія священникамъ и учителямъ изъ инородцевъ только за плату, приче́мъ не дѣлаетъ *никакой скидки*» (курсивъ автора, стр. 33). Напротивъ, намъ хорошо извѣстно, что изданія Переводч. Коммисіи Прав. Мисс. Общества

и таковой же Коммисіи при управленіи Казанскаго учебнаго округа даже при требованіяхъ на нѣсколько копеекъ отпускаются всегда съ уступкой не менѣе 20% со стоимости книгъ. Извѣстно также, что и бесплатная раздача изданій Мисс. Общ. въ одной только Казани превышаетъ въ годъ тысячу рублей. Затѣмъ авторъ говоритъ, что «во главѣ переводч. дѣла стоитъ свящ. Глезденевъ, родной братъ Мендіярова, писавшаго въ «Этногр. Обзорѣ», и что «онъ, повидимому, оставленъ въ дѣлѣ переводовъ совершенно безъ контроля» (стр. 34). Опять же намъ оч. хорошо извѣстно, что въ Этногр. Обзор. писалъ не братъ о. Глезденева, а самъ онъ; «Мендіяровъ» же была его языческая фамилія. Въ дѣлѣ переводовъ онъ не былъ оставленъ безъ контроля и все, что переводилось имъ и подлежало просмотру и что печаталось на средства названныхъ Переводч. Коммисій, издавалось подъ руководствомъ — по свѣтскимъ изданіямъ профессора университета Н. Э. Катанова и по духовнымъ професс. духовн. академіи П. А. Юнгера.

Но самое больное мѣсто въ очеркахъ г. Кузнецова — это неудовлетворительность изображенія имъ вотскихъ и черемисскихъ словъ и такое же толкованіе ихъ. Называя «вопіющей ненормальностью» современное состояніе переводч. дѣла, онъ говоритъ: «Переводы выходятъ въ свѣтъ, но они ничѣмъ между собой не связаны; правописаніе мѣняется съ каждой книжкой; а встрѣчаются и такіе переводы, что одно и то же слово имѣетъ троякое начертаніе на одной страницѣ. Таковъ «Марла календарь на 1907 г.». Мы лично тоже читали названный календарь, но не рѣшаемся такъ строго судить о его транскрипціи, пот. что, какъ изданіе частное, календарь этотъ не могъ быть контролированъ Переводч. Коммисіей. Дѣйствительно транскрипція въ немъ не выдержана, но для многихъ ли инородческихъ языковъ выработана опредѣленная транскрипція, да и можетъ ли быть она еще выработана? У приволжскихъ инородцевъ Россіи, кромѣ татаръ — мусульманъ своей письменности (и алфавита) не имѣется и потому для изображенія словесныхъ произведеній на ихъ языкахъ пользуются русскимъ алфавитомъ. И такъ какъ при этомъ имѣется въ виду не созданіе литературнаго языка для инородцевъ, а просто облегченіе имъ труда въ усвоеніи русскаго языка, то и видоизмѣненія азбуки, для изображенія характерныхъ звуковъ инородч. языковъ, дѣлаются въ весьма тѣсной зависимости отъ русской графики. Правда, наиболѣе характерные звуки, игнорированіе которыхъ повлекло бы искаженіе словъ и затруднило пониманіе смысла рѣчи, выражены видоизмѣненными русскими буквами; другіе же выражены русскими буквами только приблизительно. Напр., звуки русск. языка, изображаемые буквами «д, л» не соотвѣтствуютъ строго этимъ же звукамъ черемисск. языка, а много тверже. А напр. средній между «д, з, ч» звукъ черемисск. языка изображается буквой «ч.» И такъ не для всѣхъ характерныхъ звуковъ инородч. языковъ видоизмѣнены русскія буквы, но болѣе или менѣе удовлетворительныя системы транскрипцій установлены и ихъ со временъ просвѣтителя инородцевъ Н. И. Ильминскаго придерживаются съ незначительными измѣненіями всѣ работающіе по инородч. просвѣщенію. Уклоненія же отъ нихъ, повторяемъ, вслѣдствіе неполной удовлетворительности, неизбѣ-

жны¹⁾. Точную орфографію при такомъ положеніи установить еще труднѣе; этимъ и объясняется то, что одно и то же слово можетъ быть написано въ двухъ и даже трехъ видахъ. Но г. Кузнецовъ не далъ себѣ труда убѣдиться въ этомъ; поговорилъ о транскрипціи и, не внявъ контролю логики, сдѣлалъ отсюда заключеніе о самыхъ переводахъ и сразу рѣшилъ, что современные переводы не только неудовлетворительны, но представляютъ даже «шедѣвръ безконтрольности» (стр. 33). Мы же смѣли бы полагать, что скорѣе всего писанія г. Кузнецова представляютъ подобный шедѣвръ, пот. что онъ вотскіе и черемисск. тексты изображаетъ такъ, какъ никто; онъ опять какъ будто забылъ, что пишетъ не для себя, а для «историка XXIII вѣка», который, конечно, всего легче разберется, руководясь какой-нибудь общепринятой транскрипціей, чѣмъ той, которая сочинена г. Кузнецовымъ по принципу «всякъ молодецъ на свой образецъ». Напр. на 46, 48, и 49 стр. находимъ: «сыр дыры, босясь, кенѣш», а надо бы: «сур дыр, вѣсясь, кенеш», пот. что никакой вотякъ не скажетъ «сыр дыры». Сур=пиво, дыр=время, а «сыр дыры»—сочетаніе, какого совсѣмъ нѣтъ въ вотск. языкѣ. О неправильн. изображеніи другихъ вотск. словъ нами сказано выше. Своеобразно же изображены г. Кузнецовымъ и черемисск. тексты, причемъ неправильное изображеніе исказило даже смыслъ рѣчи. Напр., на стр. 17, 19, 20, 29 читаемъ: «Мужан, мужэд, јѣштѣ, сомыл јынг, Кугу пѣйрш-Юмо», а надо бы: «Мужан, мужэдшы, ѣштѣ (поясь), сомыл ѣйн, Кугу пѣйршѣ Йумо». Въ сто слова «мужэдшѣ» (ворожея, букв. ворожащѣй) никакъ нельзя поставить слова «мужэд», пот. что «мужэд» значитъ «ворожи» (пов. накл. отъ глаг. ворожить). Точно также, если авторъ въ словѣ «јѣштѣ» считаетъ мягкое «ѣ», какъ и должно, то слово въ этомъ видѣ «јѣштѣ» будетъ означать уже не «поясь», а «холодъ, холодный». Въ изложеніи секты «Кугу сорта» наблюдается то же. Напр., на стр. 6—7: «пучал, куэ понгѣ, лѣнгѣж, той кѣзѣ»; слѣдовало бы: «пѣчал, куэ-понгѣ, лѣнгѣж, той кѣзѣ». На стр. 14 въ текстѣ молитвы, очевидно, и опечатковъ довольно и транскрипція весьма неточная. Вотъ наиболѣе неправильно изображенные слова: «кѣчкын—юн, кѣзѣ—гѣчин, ѣйжынг, ѣрвѣзѣ—шамыч гѣйы улна», а надо бы: «кѣчкын—ѣѣын, кѣзѣ—гѣчын, ѣйжын, ѣрвѣзѣ—шамыч гѣйы улына». Требуя отъ другихъ строгой выдержки въ транскрипціи (34 стр. Воспом.), г. Кузнецовъ самъ же сплошь и рядомъ нарушаетъ это требованіе. Напр. на стр. 7 читаемъ: «кѣзѣ», а на стр. 14 это же слово напечатано такъ: «кѣзѣ». А въ молитвенныхъ словахъ: «ѣол—дѣнѣ, кѣчкын, кѣзѣ—гѣчин, лулѣгѣм, ѣйжынг, кутѣрышна» одинъ и тотъ же краткій звукъ «ѣ» изображенъ имъ шестью буквами: ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, и (стр. 14). Если бы авторъ руководился при этомъ закономъ гармоніи звуковъ

¹⁾ Впрочемъ въ изданіяхъ Финно-угорск. Общества и друг. ученыхъ обществъ тексты на инородч. языкахъ изображаются весьма точно при помощи, такъ называемой, фонетическ. транскрипціи, но эта транскрипція, какъ сильно отличающаяся отъ русскаго алфавита, весьма трудна для усвоенія и потому не можетъ получить практическ. примѣненія среди инородцевъ.

го такое разнообразіе въ изображеніи можно бы объяснить тѣмъ, что въ словахъ съ мягкими гласными краткій звукъ «ы» изображаетъ онъ одной, а въ словахъ съ твердыми гласными—другой буквой, хотя и въ этомъ случаѣ достаточно было бы двухъ какихъ-нибудь буквъ. Но съ другой стороны ясно опять, что онъ и не думалъ объ этомъ законѣ, пот. что, напр., на стр. 7 въ словахъ «тѹмбѣр, шѹбыр» съ мягкой гласной «ѹ» краткій звукъ «ы» изображенъ вмѣсто одной двумя буквами «ё, ы». Кромѣ того г. Кузнецовъ имѣетъ неудержимую склонность поправлять другихъ, напр. г. Мошкова, который на равныхъ правахъ съ нимъ дѣйствительно могъ не знать и потому неправильно писать черемисск. слова. Увлечшись идеей поправлять всѣхъ и все, онъ допустилъ даже такую несообразность. На стр. 14 онъ говоритъ, что «медовщина большею частью называется пурѣ, въ Яранск. говорѣ пурѣ, но не пѹрѣ, какъ пишетъ Якмановъ». Крайне смѣшно и жалко, когда человѣкъ, зная лишь жалкій десятокъ словъ чужого языка и то со смутными представленіями о значеніи ихъ, рѣшается говорить о тонкостяхъ этого языка. Якмановъ точно не образованъ, но обладаетъ вѣрнымъ чутьемъ и ужъ навѣрное свой черемисск. языкъ (по крайн. мѣрѣ произношеніе) знаетъ лучше г. Кузнецова, потому и пишетъ совершенно правильно «пѹрѣ, ибо этого слова такъ, какъ рекомендуетъ г. Кузнецовъ, т. е. «пурѣ» никакой черемисинъ не произноситъ, да и произнести-то оч. трудно. Точно также это слово не только большею, но даже меньшею частью не произносится черемисами «пурѣ».

Наконецъ «шелѣвромъ» учености г. Кузнецова (употребимъ опять его словечко) можетъ служить толкованіе «изложенія вѣроученія кугусортинцевъ» и въ частности разъясненіе фразы «киндеркеш тычмаш сукѹромъ пѣштѣна» (стр. 9). На стр. 15 эту фразу онъ объясняетъ такъ. «Киндер—кеш. Въ такомъ видѣ слово это не имѣетъ никакого смысла: киндер, полузабытое старочеремисское слово, значитъ «конопля», а кеш не имѣетъ значенія; если разбить слово это на два: кіндэ и еркѣш или эрыкѣш, то получится невразумительное реченіе: хлѣбъ на волю. Остается допустить здѣсь опisku, къ сожалѣнію трудно исправимую, хотя ясно, что рѣчь идетъ о чистомъ (ѣрѣ) ржаномъ хлѣбѣ (кіндэ), непочатомъ (тычмаш), испеченномъ въ видѣ обыкновеннаго корова (сукѹр).» Совершенно напрасное хитромудрствованіе! Цѣлыхъ три объясненія и ни одного не стоятъ! Слова «киндер» въ черемисск. языкѣ совсѣмъ нѣтъ и не было и нечего его забывать; это слово татарское и означаетъ дѣйствительно «конопля». У черемисъ же, если гдѣ и можно найти, то не у луговыхъ, а скорѣе у восточныхъ черемисъ, которые испытываютъ сильное вліяніе татаръ и перенимаютъ у нихъ не мало словъ. У самихъ же черемисъ «конопля» называется: у восточныхъ «кинъэ», у луговыхъ «кѣнъэ». Теперь пояснимъ злополучную фразу. «Киндэркеш тычмаш сукѹрымъ пѣштѣна» значитъ: «на хлѣбное блюдо непочатый хлѣбъ положимъ». «Киндеркеш» дѣйствительно заключаетъ въ себѣ два слова: «киндѣй» (хлѣбъ) и «тѣркѣш» (на блюдо, на тарелку, на вопр. куда?); начало слова «тѣркѣш». При произношеніи этихъ словъ звукъ «т» второго слова, вслѣдствіе того, что слѣдуетъ за гласнымъ звукомъ уподобляется голосному звуку «д» и получается сочетаніе «киндѣй дѣркѣш»; въ словѣ «киндѣй» кратк. звукъ «ы» при

произношеніи почти выпадаетъ, звуки «д» и «д» сливаются и уже получается сочетаніе «киндэркэ». Отъ этого и получилась описка, исправленіе которой даже при всѣхъ познаніяхъ г. Кузнецова оказалось для него не только труднымъ, но и непосильнымъ. Точно также на стр. 16, объясняя слово «туара» (приготовленіе изъ творога), г. Кузнецовъ говоритъ, что у вост. черемисъ оно называется «торык». Неправда, у вост. черем. тоже называется «туара», а словомъ «торык» называется кислое молоко, приготовленное изъ топленого, собственно варенаго въ котлѣ и доведеннаго до кипяченія.

Выражая г. Кузнецову признательность за этногр. изысканія, мы надѣемся, что онъ, какъ этнографъ, который «десятками лѣтъ изучаетъ народную жизнь, входитъ во всѣ мельчайшіе ея изгибы» (стр. 35 воспом.) и который, подразумѣвается, знаетъ и языкъ изучаемаго народа, не позволитъ себѣ болѣе искажать фактовъ и инородч. текстовъ, чтобы не вводить вопреки своему желанію въ заблужденіе историка XXIII вѣка. И еще одно пожеланіе. Въ очеркахъ г. Кузнецова вездѣ виденъ отпечатокъ насмѣшливо-презрительн. отношенія къ объектамъ описаній. При каждомъ удобномъ случаѣ имъ иронизируется какая-нибудь отрицательная черта, хотя и положит. качества не особенно имъ жалуются. Особенно жестоко иронизируетъ онъ на счетъ нечистоплотности вотяковъ. Правда, вотяки, какъ и многіе инородцы, нечистоплотны, но не въ такой же степени, чтобы можно было сказать, что «собаки у нихъ играютъ роль судомоекъ» (стр. 10 восп.). Да если бы и были такъ нечистоплотны, то и въ этомъ случаѣ, думается намъ, не достойно для ученаго этнографа такъ насмѣхаться и низводить тѣмъ серьезное изслѣдованіе до степени какого-то забавнаго анекдота.

Членъ-Сотрудникъ Общества *В. Васильевъ*.

Двѣ рѣчи Θεодора Дафнопата, изданныя съ введеніемъ о жизни и литературной дѣятельности автора и съ русскимъ переводомъ В. В. Латышева. Православный Палестинскій Сборникъ. Выпускъ 59. Спб. 1910.

Почетный членъ нашего Общества, академикъ В. В. Латышевъ, давно уже пріобрѣтшій европейскую славу своими неустанными трудами по изученію эпиграфическихъ памятниковъ, за послѣднее время значительно расширилъ кругъ своихъ ученыхъ интересовъ включеніемъ въ нихъ занятій по агіографіи. Плодомъ его выдающейся дѣятельности и на новомъ поприщѣ явилось его замѣчательное изданіе: Житія св. епископовъ Херсонскихъ, изслѣдованія и тексты, составляющее № 3 восьмого тома Записокъ Императорской Академіи Наукъ, и по заслугамъ оцѣненное какъ въ отечественной, такъ и въ западной критической литературѣ. Къ этой же области относятся его труды, выполненные при участіи извѣстнаго византіолога А. И. Пападопуло-Керамевса: Сборникъ Сирійской и Палестинской агіологии и

Матерьялы для исторіи архієпископіи Синайской горы. Оба послѣдніе труда появились въ серіи изданій Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, Сборникъ котораго, какъ извѣстно, представляетъ собой одно изъ наиболѣе солидныхъ проявленій русской ученой дѣятельности благодаря тому, что надъ нимъ потрудились такіе выдающіеся ученые, какъ В. Г. Васильевскій, и И. В. Помяловскій, достойнымъ продолжателемъ дѣла которыхъ и является В. В. Латышевъ. Послѣдній трудъ нашего именитаго сочлена представляетъ собою издание двухъ рѣчей Θεодора Дафнопата на рождество Іоанна Крестителя и на перенесеніе изъ Антиохіи досточтимой и честной руки славнаго пророка, предтечи и крестителя Іоанна. Первое изъ нихъ до сихъ поръ было извѣстно въ далеко неудовлетворительномъ изданіи Гарнье, войдя безъ надлежащихъ исправленій даже въ знаменитую патрологію Миня. Второе слово въ подлинникѣ не было извѣстно вовсе, мѣсто котораго, конечно, не могъ заступать старинный латинскій переводъ, сдѣланный Францискомъ Зиномъ по одной венеціанской рукописи, перепечатанный и въ *Acta Sanctorum* и въ греческой патрологіи Миня. Нынѣ акад. Латышевъ издалъ первое слово на основаніи двухъ рукописей Ватиканской бібліотеки №№ 820 и 1079, а второе—на основаніи іерусалимской, московской и трехъ ватиканскихъ рукописей, причемъ авторъ вполне убѣдительно доказалъ, что это слово, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, было произнесено не при самомъ торжествѣ перенесенія руки Іоанна Предтечи, а въ первую годовщину перенесенія т. е. 5 янв. 957 г. (стр. LIV). Это слово имѣетъ спеціальныи интересъ для Россіи въ виду того, что нынѣ святыня эта хранится въ соборѣ Зимняго Дворца въ С.-Петербургѣ (См. *Русскій Паломникъ* 1889 №№ 44—46: Церковный праздникъ въ Гатчинѣ 12 октября). Въ приложеніи опубликованы два сказанія о чудесахъ св. Іоанна изъ рукописи архива св. Синода № 3831. Согласно прекрасному обычаю, установленному для Православнаго Палестинскаго Сборника, изданные тексты снабжены полнымъ русскимъ переводомъ, высокія достоинства котораго вполне обезпечены именемъ автора. Книгу замыкаютъ чрезвычайно обстоятельные и почерпывающіе указатели словъ къ греческимъ текстамъ (стр. 77—142), представляющіе собой безцѣнный даръ для всѣхъ, кто занимается изученіемъ позднегреческаго языка точно такъ же, какъ высокой интересъ для всѣхъ интересующихся и Византіей и отечественной агіологической литературой представляетъ та капитальная монографія объ условіяхъ и составѣ литературной дѣятельности Дафнопата, которую авторъ предпослалъ изданію подъ незаслуженно скромнымъ названіемъ введенія, и которая уже одна составила бы выдающееся явленіе въ области изученія Византіи. Не можемъ здѣсь отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить ту суровую отповѣдь, которую на стр. LXX по заслугамъ далъ авторъ А. И. Яцимирскому, позволившему себѣ недавно съ обычнымъ для себя верхоглядствомъ коснуться одной подробности въ изысканіяхъ акад. Латышева о св. Херсонскихъ епископахъ. Здѣсь же самъ академикъ Латышевъ безпощадно обнаруживаетъ грубѣйшій промахъ своего не въ мѣру поспѣшнаго критика. Можно только всемѣрно привѣтствовать рѣшеніе достоуважаемаго автора приложить къ своему и безъ того чрезвычайно содержательному труду рядъ критическихъ замѣ-

чаній къ остальнымъ текстамъ Дафнопата. Выраженіемъ полной увѣренности, что и этотъ трудъ акад. Латышева въ спеціальной критикѣ будетъ встрѣченъ съ той же благосклонностью, которая уже давно является неизмѣнной спутницей всѣхъ его трудовъ, оканчиваемъ эту краткую замѣтку, все назначеніе которой исчерпывается тѣмъ, чтобы и наше Общество не оставило не отмѣченнымъ на страницахъ своего органа появленіе новаго капитальнаго труда своего почетнаго члена.

В.

Древнее населеніе Рязанской области Городцева Изв. от. р. яз. и сл. И. А. Наукъ 1909. т. XIII кн. 4.

Пріокская область была издревле густо населена. Многочисленныя коллекціи издѣлій неолитическаго періода собраны въ Тульской, Рязанской и Владимірской губерніи. Судя по плотинному сооруженію для жилищъ близъ с. Дубровичъ въ 12 в. отъ Рязани культура была очень высокая, хотя земледѣліе еще не было извѣстно. Въ началѣ металлическаго періода развивается скотоводство; бронзовыя орудія и керамика близко подходятъ къ южнорусской керамикѣ и къ типу кургановъ со скорченными костяками.

Къ тому времени неолитическая керамика какъ бы перешла на сѣверъ, не давая отъ себя прямыхъ производныхъ въ Пріокской области.

Окскія колоніи южной народности были смѣнены финскими селеніями, выдвинутыми изъ болѣе сѣверныхъ областей.

Древнія колоніи, судя по монетамъ, относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ нашей эры.

Культура характеризовалась скотоводствомъ, и слабо развитымъ земледѣліемъ. Керамика отличается грубостью техники. Процвѣтало ткацкое искусство. Типъ погребенія не выясненъ.

Жилища имѣли форму четырехугольныхъ землянокъ съ односкатною крышею; помѣщались за землянымъ валомъ.

Наибольшаго процвѣтанія финскія населенія достигли въ VII и IX вѣкѣ.

Страна была покрыта городищами. На вещахъ ясно отражается готское вліяніе.

Къ концу IX вѣка славяне вытолкнули финскую народность къ сѣв. востоку въ сторону современныхъ черемисъ и къ востоку, въ сторону современной Мордвы.

Судя по начальной лѣтописи, дѣйствующими лицами явились въ этотъ періодъ Кривичи и Вятичи.

Кривичи, занимая истоки Днѣпра, Двины, Ловати и Волги, заняли къ IX вѣку сѣверъ до Финскаго залива и потомъ постепенно занимали верхнее теченіе Волги.

Вятичи шли слѣдомъ, отбрасывая уже ослабленныхъ борьбою Пріокскихъ Финновъ. Три типа кургановъ опредѣляютъ это «переселеніе» народовъ.

Въ Егорьевскомъ уѣздѣ, не достигая ни верхняго, ни средняго теченія Оки, встрѣчается погребеніе. сходное съ Ростово суздальскими курганами — по Спицыну здѣсь лежатъ Кривичи.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ погребеніе относится къ тому же типу, но болѣе поздней эпохи, характеризуясь проволочными височными кольцами, витыми гривнами и проч.

Третій типъ, занимая огромную область отъ Коломны по Окѣ до впаденія рѣки Прони, характеризуется семилопастными височными, привѣсками, ажурными перстнями и гранчатыми сердоликовыми бусами. Это—Вятчи—темнорусые субдоликоцефального типа.

Въ Х вѣкѣ они подчинились Хозарамъ, заложившимъ повсюду свои форты. (Казари въ 18 верст. отъ Рязани), потомъ Святославу. Въ курганахъ послѣднее событіе отмѣчается височными привѣсками изъ кольца съ 3 бусами Кіевского типа.

Матеріалы для исторіи саратовской епархіи, выпускъ III. (1909 года).

Въ этомъ выпускѣ находятся: Рапортъ пр. Шиловскаго относительно мѣстоположенія Сарая и трудъ А. Терещенко: изслѣдованіе мѣстности Сарая. Рапортъ Шиловскаго относится къ 1837 году: Интересно показаніе автора о томъ, что жители Селитряннаго городка рассказывали ему будто «придя на сіе мѣстожителство 37 лѣтъ тому назадъ, они нашли четыре по угламъ холма зданія очень мало разрушенными, а нѣкоторыя совершенно цѣлыми и, какъ завѣряютъ, что это были по угламъ сего холма оберегательныя башни, коихъ верхи еще на цѣлый этажъ въ подобіе нынѣшнихъ по городамъ на частяхъ каланчей, срублены были изъ дерева и на самой поверхности ихъ находились пушки.... сіи пушки я дѣйствительно нашелъ на старомъ кордонномъ начальническомъ дворѣ.... наши старыя російскія чугуныя... съ мѣтой 1702 года» для защиты, нужно полагать, селитряннаго завода, который былъ расположенъ на древнемъ кладбищѣ.

Мѣстонахожденіе Сарая авторъ опредѣляетъ на лѣвомъ берегу Ахтубы, отъ деревни Пришибъ до деревни Колобовщины, а именно часть селенія Пришиба, весь городъ Царевъ и деревню Колобовщину; даетъ подробную картину раскопокъ въ Царевѣ произведенныхъ въ 40-й годахъ.

Бѣлокурая раса въ средней Азіи Грумъ Гржимайло.

Можно считать доказаннымъ существованіе, говорилъ когда-то Топинаръ, въ былыя времена въ центральной и сѣверной Азіи расы съ зелеными глазами и рыжими волосами. Но что же случилось съ ней?

Сводку по этому вопросу даетъ Грумъ Гржимайло въ своей статьѣ Бѣлокурая раса въ средней Азіи, (Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Гр. Н. Потанина. 1909 г.)

Судя по даннымъ археологіи въ доисторическую эпоху въ долину рѣки Селенги столкнулись двѣ расы: крайне короткоголовая съ указателемъ

68,4; высокимъ черепнымъ сводомъ, широкимъ затылкомъ и длинноголовая съ указателемъ 93,6 съ сплюснутымъ черепомъ, сильными надбровными дугами и длиннымъ плоскимъ теменемъ (подходить по типу къ австралійской). На смѣну имъ пришла раса поддлинноголового типа съ умѣренно высокимъ сводомъ, умѣреннымъ лбомъ и небольшимъ затылкомъ. Въ началѣ нашей эры она уступила мѣсто среднеголовому племени, потомъ подкороткоголовому и наконецъ въ VI вѣкѣ короткоголовымъ платицефаламъ. Доликоцефалы отступали постепенно, подолгу базируясь въ предѣлахъ Алтайско-Саянскаго нагорья.

Съ другой стороны исторія знакомитъ насъ съ четырьмя племенами, населявшими Среднюю Азію внѣ китайской стѣны и имѣвшими голубые (зеленые) глаза и бѣлокурые (рыжіе) волосы. съ усунями, хагясами, динлинами и д. Судя по нѣкоторымъ даннымъ наибольшей чистотою крови отличались динлины, постепенно вытѣснявшіеся съ Желтой рѣки Китайцами. Разбитые на множество клановъ они не могли противостоятъ сплоченному напору послѣднихъ.

Съ теченіемъ времени они добрались до бассейна Брампутры, Иравати и Салуена; съ другой до Байкала, Алтая и Южной Сибири. Въ Алтайско-Саянскій районъ они попали къ 200 г. до Р. Хр., гдѣ ихъ и покорили Гунны. Къ особенностямъ быта Динлиновъ можно отнести многолѣтніе заботы объ умершихъ и устройство общихъ могилъ послѣ временнаго погребенія для многихъ сотенъ людей. Послѣднее ихъ переселеніе относится къ IV вѣку по Р. Хр., когда изъ помѣси тюрковъ съ динлинами образовался уйгурскій народъ. Бѣлокурый типъ повсемѣстно быстро исчезъ. Къ началу IX вѣка у хагясовъ-киргизъ обычно высокій ростъ, бѣлый цвѣтъ кожи, румяное лицо, рыжіе волосы и зеленые (голубые) глаза. Черные волосы считались нехорошимъ признакомъ. Къ XVII вѣку они уже поголовно смуглые и черноволосые. По свидѣтельству Ядринцева динълинскій типъ остался среди татаръ Мрасской долины и куманцевъ; среди енисейскихъ остяковъ и казаковъ большой, малой и средней орды, которые по Зеланду представляютъ смѣсь низкорослаго безбородатаго съ широкимъ лицомъ приплюснутымъ носомъ и темными глазами съ рослымъ типомъ съ горбатымъ носомъ длиннымъ лицомъ, бородатымъ и свѣтлыми глазами. Въ провинціи Шень-си и Гань-су динълины удержались болѣе долгое время. Въ 350 году имъ удалось основать государство Цинь, а въ X вѣкѣ въ Ордосѣ и Алашани царство Ся (минакъ, дансянь, тангоутъ), покоренное монголами.

Длинноголовый типъ Средней Азіи, существуя уже въ неолитическій періодъ, есть вѣтвь бѣлокурой европейской расы. Но происхожденіе и этой расы затемняется все болѣе и болѣе.

Какъ извѣстно о мѣстѣ, откуда двинулись арии, еще въ 1907 году создавалась новая гипотеза.

Тилакъ въ своей: *The arctic home in The Vedas* относитъ его на дальній сѣверъ.

Подробный рефератъ объ этой книгѣ мы встрѣчаемъ въ Современномъ Мірѣ за іюнь мѣсяцъ 1901 г. (Крайній сѣверъ, какъ родина человечества).

Напомню вкратцѣ положенія Тилака.

Давность Ведъ опредѣляется имъ въ 3000 лѣтъ до Р. Хр., потому что въ послѣднихъ упоминается про неподвижную полярную звѣзду, а такой по астрономическому разсчету могла быть только γ дракона за 3000 лѣтъ. Наблюдателю, находящемуся въ сѣверныхъ широтахъ въ то время казалось бы, что звѣзды описываютъ правильные круги вокругъ γ и дѣйствительно въ Ведахъ находится указаніе что звѣзды вмѣстѣ съ Большой Медвѣдицей идутъ по кругу; что Индра раздѣлилъ небо и землю, какъ ось раздѣляетъ два колеса.

Только житель крайняго сѣвера могъ написать въ Тайттиріисъ Брахманѣ.

То, что есть годъ—это только одинъ день и одна ночь боговъ.

или

Тому кто живетъ въ Меру день и ночь составляютъ цѣлый годъ.

Интересно, что Меру—мѣстопробываніе боговъ и оно же по терминологіи индійскихъ астрологовъ—сѣверный полюсъ.

Далѣе въ Ригъ Ведѣ находится требованіе, чтобы жрецъ во время зари прочелъ бы Ригъ Веду, на что нужно нѣсколько недѣль.

Въ VII книгѣ ея прямо упоминается.

По правдѣ это было много дней.

Въ теченіе коихъ до восхода солнца

Ты, о заря, была видна намъ.

Полярная ночь характеризуется словами

Все, что живетъ, покоя ищетъ въ ней,

Конца которой намъ не видно.

О, дай намъ, длинная темная ночь,

Конецъ твой увидѣть, конецъ твой увидѣть, о ночь.

А долгій полярный день:

Свою колесницу богъ солнца поставилъ посрединѣ неба

или

Бога Варуна качалъ на небѣ солнце, словно на качеляхъ.

Быть можетъ легко объяснить и старинный счѣтъ въ 360 дней и 10 мѣсяцевъ, потому что 2 мѣсяца полярной ночи въ разсчѣтъ не принимались. Получаетъ простое объясненіе и слѣдующее до сихъ поръ совершенно непонятное мѣсто въ Авестѣ: Когда прошло лѣто и наступила зима, а чело-вѣкъ поклонникъ Ахура Мазда умеръ,—какъ поступить съ умершимъ?

Въ такомъ случаѣ, въ домѣ этомъ слѣдуетъ вырыть просторную яму и въ неё положить бездыханное тѣло и пусть оно лежитъ тамъ двѣ, три ночи, или мѣсяцъ, пока птицы не залетаютъ, растенія не зачнутъ расти и воды снова не потекутъ. И тогда пусть положить мертвого лицомъ къ солнцу.

Въ книгѣ Вендидатъ есть описаніе страны Айріайна Вассіо—что означаетъ: сѣмя арійцевъ. Это была теплая страна съ длиннымъ лѣтомъ и съ короткою зимою, которая однако становилась все длиннѣе и суровѣе, такъ что подъ конецъ вмѣсто 10 мѣсяцевъ лѣта стало 10 мѣсяцевъ зимы и только 2 мѣсяца лѣта.

Уимо, благородный сынъ Вивангхаты, говорятъ боги человѣку, На землю нивойдутъ губительныя зимы; онѣ принесутъ снѣгъ на 14 пальцевъ глубиною даже и на высочайшихъ горахъ. И всѣ три рода животныхъ погибнутъ: и тѣ, что живутъ въ лѣсахъ и степяхъ; и тѣ, что живутъ на высокихъ горахъ и тѣ, что живутъ въ глубокихъ долинахъ. По этому сдѣлай Варо о четырехъ углахъ и туда собери всѣхъ овецъ и коровъ и птицъ и собакъ и кясный пылающій огонь.

И вотъ.... солнце, луна и звѣзды всходили надъ ними только одинъ разъ въ году и годъ казался имъ какъ одинъ день и одна ночь.

Любопытна роль сѣвернаго сіянія въ дѣлѣ созданія миеовъ о родинѣ первобытнаго человѣчества.

Елачичъ въ той же статьѣ приводитъ мнѣніе Нансена.

Сіяніе извивалось на подобіе огненнаго змія черезъ все небо, причемъ хвостъ его качался 10 градусами выше горизонта. Отсюда сіяніе повернуло на востокъ, разбрасываясь нѣсколькими широкими полосами, вдругъ мѣняя направленіе; изогнулось дугою. И снова поворотъ: сіяніе повернуло къ западу, гдѣ точно свернулось въ шаръ.

Вспомнимъ, что въ Ведахъ злой Вало приставилъ змѣй сторожить солнце, заключенное въ подземельѣ; что по Авестѣ страшныя змѣи-холодъ и снѣгъ погубили Ахуру Мазду; что сказки о змѣй Горынычѣ до сихъ поръ живы въ народной памяти.

О древнѣйшемъ населеніи приокскаго района, предшествовавшемъ славянской организаціи. Селиванова.

Труды III обл сѣзда (историко-археологическаго) 1909. Приокская культура въ особенности перваго періода погребенія съ инвентаремъ простѣйшихъ типовъ является древнѣйшей изъ культуръ желѣзнаго вѣка IV—V вѣка нашей эры; болѣе поздняя культура относится къ VII—VIII вѣку. Древнее населеніе было средняго роста, коренастое, черноволосое, длинно и средне головое, повидимому одно изъ восточно-финскихъ племенъ. Къ этому времени насеніе утратило свою самостоятельность, подчинившись пришлому воинственному конному племени. Пришлые завоеватели принадлежали къ степнымъ кочевникамъ тюркской народности.

Основные и типическія черты приокской культуры указываютъ на почти исключительное преобладаніе прошлаго тюркскаго племени. Аборигены видимо стояли на очень низкой степени развитія. Съ теченіемъ времени, когда воинственный характеръ пришлаго кочевого племени по мѣрѣ болѣе прочнаго осѣданія на мѣстѣ и сліянія съ мѣстнымъ населеніемъ сталъ замѣняться болѣе спокойною дѣятельностью, возникла культура второй эпохи.

Изъ типическихъ признаковъ первой эпохи выдѣляются крестообразныя и арбалетныя фибулы временъ IV вѣка, находимыя также и на Кавказѣ, въ Херсонесѣ, большія бляхи съ крышкой находимыя также въ Алтайскихъ курганахъ; шейныя гривы, попадающіяся также на каменныхъ бабахъ Западной Сибири; кельты съ продольнымъ отверстіемъ (желѣзныя) сближающіе могильники съ мѣднымъ вѣкомъ. Интересно, что одежда совре-

менныхъ самоѣдовъ напоминаетъ орнаментомъ, прорѣзанными бляхами и пр., приокскую культуру.

Сообщеніе Коновалова. Труды Сар. Уч. Арх. Ком. 25 вып. 1909 г.

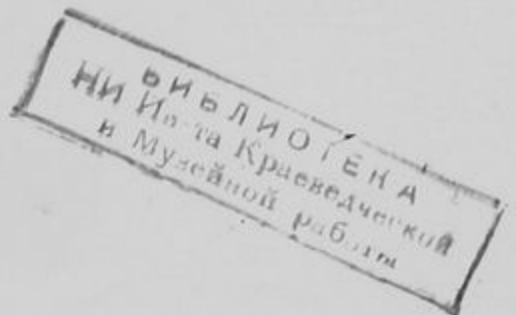
На правомъ берегу рѣки Еткары при впаденіи рѣки въ Медвѣлицу тянется высокое плоскогорье, господствующее надъ всѣмъ Аткарскомъ. Здѣсь разбросано болѣе сотни кургановъ.

24 мая одинъ изъ кургановъ былъ раскопанъ.

Могила оказалась 2 аршина ширины и 4 ар. длины. Вытянутый ко-
стякъ лежалъ лицомъ вверхъ, руки сложены на груди; головою на востокъ.
Рядомъ лежалъ костякъ лошади.

По правую сторону было много мелкихъ углей, около правой скулы
найденъ литой круглый дискъ въ $10\frac{1}{2}$ сент. діаметромъ: одна сторона бле-
стящая; другая украшена выпуклыми узорами. Подъ шейнымъ позвонкомъ —
желѣзные ножницы въ 21 сент. длины; около костяка лошади стремя,
желѣзный ножъ съ отломаннымъ кончикомъ.

М. Хомяковъ.

- 19) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1907 годы по 25 коп.
- 20) Пономаревъ, П. А. Апаньинскій могильникъ, 1892. 34 стр. 8°.
35 к.
- 21) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Казан. губ. 1877. 160 стр. 8°. ц. 1 р.
- 22) Спицынъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886 30 стр. 8°. ц. 10 коп.
- 23) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда, 1877. Стр. 30. 8° ц. 10 коп.
- 24) Замѣтка по поводу реферата Г. Н. Потанина «У вотяковъ Елабужскаго у.». С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.
- 25) Инструкціи, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1877. Стр. 7. 8°. 5 коп.
- 26) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ, Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.
- 27) Магницкій, В. К. Къ біографіи Василя Афанасьевича Собова. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.
- 28) Фуксъ К. О. «Краткая исторія г. Казани. Казань. 1817 г.». Изданіе 1905 г. съ послѣсловіемъ Н. М. Петровскаго и біографическими свѣдѣніями о К. О. Фуксѣ и его портретомъ. Стр. 60. Цѣна 30 коп.
- 29) В. К. Магницкій. Чувашскія языческія имена. Казань 1905 г. Ц. 75 коп.
- 30) П. В. Альфонсовъ. Указатель къ «Извѣстіямъ Общества археологій, исторіи и этнографіи при Имп. Казан. Университетѣ» за 1878—1905 годы (т. I—XXI). Каз. 1906. Ц. 70 коп.
- 31) Два историческихъ документа Императрицы Екатерины II о древностяхъ Волги и Кавказа. Казань 1907. Ц. 5 к.
- 32) Н. О. Высоцкій. Лихорадка, ея происхожденіе и способы леченія, по народнымъ воззрѣніямъ. К. 1907. Ц. 20 коп.
- 33) Общество Археологій, Исторіи и Этнографіи за 30 лѣтъ (1878—1908) рѣчь Н. О. Катанова. Казань, 1908. Ц. 10 коп.
- Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) при покупкѣ на наличныя деньги пользуются 30% уступки и бесплатно пересылкою; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.
- Рукописи, не принятые къ печати, хранятся въ теченіе 3 мѣсяцевъ со дня посланки автору извѣщенія, а затѣмъ уничтожаются. Обратная высылка производится только по полученіи денегъ на пересылку.

Въ 1910 г. «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;

2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи

4) Хроника. Извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи: отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: А. И. Александровъ (Казань), А. Е. Алекторовъ (Томскъ), П. В. Альфонсовъ (Казань), о. Н. А. Архангельскій (Ядринъ), Г. Н. Ахмаровъ (Казань), Н. И. Ашмаринъ (Казань), Б. В. Варнеке (Казань), Д. В. Васильевъ (Кострома), О. Т. Васильевъ (Казань), С. Н. Введенскій (Задонскъ), Н. О. Высотскій (Казань), Н. К. Горгаловъ (Казань), Я. I. Гурляндъ (С.-Петербургъ), А. И. Добросмысловъ (Смбирскъ), В. М. Юновъ (Якутскъ), Н. О. Катановъ (Казань), Д. А. Корсаковъ (Казань), П. И. Кротовъ (Казань), И. П. Кузнецовъ (Минусинскъ), С. К. Кузнецовъ (Москва), А. С. Лебедевъ (Казань) о. Е. А. Маловъ (Казань), И. С. Михеевъ (Казань), В. А. Мошковъ (Варшава), Н. Н. Пантусовъ (Николаевъ), Э. К. Пекарскій (С.-Петербургъ), Н. М. Петровскій (Казань), И. М. Покровскій (Казань), И. С. Порфирьевъ (Москва), о. К. П. Прокопьевъ (Челябинскъ), о. Я. Н. Саркинъ (Симферополь), И. В. Селицкій (Омскъ), М. М. Хомяковъ (Казань), А. А. Сухаревъ (Казань), К. В. Харламповичъ (Казань), С. П. Шестаковъ (Казань) и друг.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ въ случаѣ надобности измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются:

Въ г. Казань, Университетъ, Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Цѣна каждаго выпуска (кромѣ немногихъ) 1 рубль.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVI, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ прошлаго Императорской казанской 4-ой гимназіи. (Съ 2 портретами и видомъ гимназіи въ началѣ XIX столѣтія) Н. К. Гор talова. 175—221.

Матеріалы по антропологии Востока Россіи. М. М. Хомякова. 222—251.

О персидской саблѣ XVII вѣка съ клинкомъ работы Асадуллаха (съ 15 рисунками). О. А. Лихачева. 252—261.

Гадатели и знахари у царевokokшайскихъ черемисъ. С. А. Багина. 262—273.

МАТЕРІАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ:

Къ вопросу о видахъ старинной Казани. Н. П. 274—275.

БИБЛИОГРАФІЯ:

Списокъ съ писцовой и межевой книги города Свияжска. С. Порфирьева. 276—284.

Новыя книги. Казанскій сборникъ статей архіепископа Никанора (Каменскаго). К. В. Харламповича. 285—292.

ХРОНИКА:

Отъ Императорской Академіи Наукъ. 293—294.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

Вышелъ 20 мая 1910 года.

*Въ книжномъ складѣ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ
могутъ быть приобрѣтаемы слѣдующія изданія:*

1) Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

2) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Веске. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

3) Труды IV Археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани, томъ I и II (1884 и 1891) по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891)—цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877. Цѣна 1 рубль.

4) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882, Часть I, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.

5) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8°. Цѣна 75 коп.

6) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886 стран. 12°. Цѣна 10 коп.

7) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.

8) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Морквашъ Н. И. Золотницкаго. 1884, 56 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

9) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882 г. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

10) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 10 коп.

11) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стр. Цѣна 5 коп.

12) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

13) Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губерніи. Докладъ IV археологическому съѣзду (съ 5 таблицами). 53 стр. in f-o. Казань 1890 г. Ц. 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

14) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ, Составилъ И. О. Токмаковъ 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

15) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аристовъ. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

16) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

17) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 1 руб. 50 коп.

18) Уставъ Общества Арх. Ист. и Этн. при Император. Казан.

Унив.: изд. 1895 г. 7 стр. 8° ц. 10 к.

1898 г. 11 стр. 8° ц. 10 к.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVI, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ

Изъ прошлаго Императорской казанской 1-ой гимназіи. (Съ 2 портретами и видомъ гимназіи въ началѣ XIX столѣтія) Н. К. Гор т а л о в а. 175—221.

Матеріалы по антропологии Востока Россіи. М. М. Х о м я к о в а. 222—251.

О персидской саблѣ XVII вѣка съ клинкомъ работы Асаду'ллаха (съ 15 рисунками). О. А. Л и х а ч е в а. 252—261.

Гадатели и знахари у царвококшайскихъ черемисъ. С. А. Б а г и н а. 262—273.

МАТЕРІАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ:

Къ вопросу о видахъ старинной Казани. Н. П. . . . 274—275.

БИБЛИОГРАФІЯ:

Списокъ съ писцовой и межевой книги города Свияжска. С. П о р ф и р ѣ в а. . . . 276—284.

Новыя книги. Казанскій сборникъ статей архіепископа Никанора (Каменскаго). К. В. Х а р л а м п о в и ч а. 285—292.

ХРОНИКА:

Отъ Императорской Академіи Наукъ. 293—294.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

1957

1962 г.

1965 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и
Этн. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь М. Бенеманскій.

1945.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

520/2

г. Инв.

472

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ,
ученикъ казанской гимназіи выпуска 1805 года.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческих
и Музейной работы

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, какъ ученикъ казанской гимназіи,

по его личнымъ воспоминаніямъ и нѣкоторымъ даннымъ гимназическаго архива). ¹⁾

30-го апрѣля исполняется 50 лѣтъ со дня кончины С. Т. Аксакова, бывшаго, какъ извѣстно, ученикомъ казанской бывшей Императорской 1-ой) гимназіи и студентомъ казанскаго университета. Совѣтомъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи поручено было мнѣ отыскать въ гимназическомъ архивѣ какія-либо данныя, касающіяся пребыванія С. Т. Аксакова въ гимназіи. Вопреки ожиданіямъ, мнѣ удалось найти лишь весьма немногое. Самъ С. Т. въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ настолько подробно говоритъ о своемъ пребываніи въ гимназіи, что они являются лучшимъ матеріаломъ для его біографіи за этотъ періодъ времени.

Я позволю себѣ напомнить вкратцѣ почтенному собранію содержаніе этой части „Воспоминаній“ и сообщить тѣ документы, какіе сохранились въ архивѣ гимназіи.

Въ первый разъ С. Т. Аксаковъ пріѣхалъ въ Казань вмѣстѣ со своими родителями въ срединѣ зимы 1799 года; ему было тогда всего 8 лѣтъ отъ роду. Знакомый Аксаковыхъ по Уфѣ Максимъ Дмитріевичъ Княжевичъ, бывшій въ то время губернскимъ прокуроромъ въ Казани, а раньше въ Уфѣ, совѣтовалъ имъ отдать сына въ гимназію, гдѣ въ это время обучались его два сына, но мать не рѣшилась разстаться съ нимъ, и только лишь черезъ годъ, въ декабрѣ 1800

¹⁾ Читано въ общемъ собраніи О. А., И. и Э. 26-го апрѣля 1909 г.

года, Аксаковы снова приѣхали въ Казань, уже съ цѣлью помѣстить своего Сережу въ гимназію, гдѣ, какъ они знали, была въ это время свободная казенная вакансія.

16-го января 1801 г. Тимофеей Степановичъ подалъ вице-директору гимназіи Е. П. Герберу (а не директору Пекену) какъ пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ С. Т. Аксаковъ) слѣдующее прошеніе (въ то время прошенія писались на Высочайшее имя):

Генваря 16. дня 1801 года.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій
Великій Государь Императоръ Павелъ
Петровичъ Самодержецъ Всероссійскій
Государь Всемиловитѣйшій

Просить Титулярной Совѣтникъ Тимофей Степановъ Сынъ Аксаковъ, а очемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты

1-й

Имѣю я у себя сына Сергѣя десяти лѣтъ, коего для обученія наукамъ и языкамъ желаю отдать въ казанскую гимназію на полное дворянское пенсіонерное содержаніе.
Ксему.

2-й

Поелику сынъ мой дворянинъ, какъ явствуетъ изъ прилагаемаго при семъ свидѣтельства, даннаго мнѣ изъ оренбургской дворянской коммиссіи намое дворянство, такъ равно и отъ здѣшнихъ господъ дворянъ удостовѣреніе, что онъ дѣйствительно мой сынъ, то и взношу занево въ сумму гимназіи означенное въ высочайшемъ положеніи гимназіи за дворянина пенсіонное число денегъ сто пяддесять рублей въ годъ, кои и обязываюсь платить ежегодно до окончанія ученія сына моего, равно какъ и въ силу того жъ положенія въ пользу гимназіи единовременно двадцать пять рублей, съ представленнаго же отъ меня свидѣтельства, на мое дворянство благоволенобъ было списать копію, аподлинное мнѣ возвратить. *прошенію,*

3-й "

Притомъ увѣдомляю еще, что сынъ мой въвоспѣ и въ кори былъ, въ доказательство же что онъ неимѣетъ теперь никакихъ болѣзней, ипоруски обученъ читать и писать, при семъ представляю докторское и инспекторское свидѣтельство, и для того прошу *титулярной*

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принявъ онаго сына моего въ гимназію записать и доставлять ему пенсіонерное дворянское гимназическое содержаніе. *Совѣтникъ*

Всемилоствѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества осемъ моему прошенію рѣшеніе учинить. Генваря дня 1801 года.¹ Къ подацію надлежитъ казанской гимназіи вице-директору 7-го класса Герберу, Прошеніе писалъ Каванскаго Губернскаго Правленія Канцеляристъ Яковъ Аристовъ. *Тимовей Степановъ* сынъ *Аксаковъ* руку приложилъ.

Еще до подачи этого прошенія маленькаго Аксакова проэкзаменовалъ и. д. инспектора учитель Левъ Семеновичъ Левицкій и далъ ему такое удостовѣреніе:

Титулярнаго совѣтника г. Аксакова сына Сергѣя экзаминовалъ я, и нашелъ, что онъ по-россійски читаетъ и пишетъ изрядно.

Учитель правящій должность инспектора
Левъ Левицкій

1801 года

Генваря 15 дня.

А гимназическій врачъ, „штабъ-лѣкаръ 8-го класса“ Бенесъ (С. Т. Аксаковъ называетъ его „Бенисъ“) выдалъ ему

АТТЕСТАТЪ.

Представленнаго комны титулярнаго Советника Тимофеи Аксакова: Сынъ Ево Сергей я нахошу Здоровимъ. штабъ лѣкаръ 8. к. бенесъ.
Генварь 16 число 1801 года.

При прошеніи были представлены еще два свидѣтельства отъ оренбургскаго дворянскаго депутатскаго собранія и одно—отъ видныхъ казанскихъ обывателей.

Копія.

1) СВИДѢТЕЛЬСТВО.

1800 года Июля 27 д. дано сіе изъ оренбургскаго дворянскаго собранія, упраздненнаго уфимскаго верхняго земскаго суда прокурору изъ дворянъ Г. Титулярному совѣтнику Тимофею Степанову сыну Аксакову, въ томъ, что по представленнымъ въ бывшее уфимское дворянское собраніе доказательствамъ родъ Аксаковъ дворянской родословной книги въ 6 (ея) часть внесенъ, въ которомъ числѣ и сей Тимофей Степановъ значится; воуѣреніе чего за подписаніемъ Губернскаго Предводителя Дворянства съ приложеніемъ Дворянскаго Собранія печати свидѣтельствуется. Подписали: Губернскій Предводитель Дворянства Статскій Совѣтникъ Николай Булгаковъ. Надворный Совѣтникъ и Секретарь Дворянства Семень Семеновъ, Протоколистъ Григорій Толмачевъ.

У сего свидѣтельства Оренбургскаго Дворянскаго собранія печать.—Съ подлиннымъ вѣрно: 14 класса Курбатовъ.

М. П.

Подлинное. свидѣтельство принялъ и рописался титулярси советникъ Тимофеи Аксаковъ,

Копія.

2) СВИДѢТЕЛЬСТВО.

По Указу Его Императорскаго Величества, дано сіе изъ Оренбургскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія изъ дворянъ Г-ну Титулярному Совѣтнику Тимофею Степанову сыну Аксакову, въ томъ, что по представленіямъ въ бывшее Уфимское Дворянское Собраніе, отъ отца его Полковаго Квартермистра Степана Михайлова сына Аксакова доказательствамъ поучиненному во ономъ 1791-го года опредѣленію; родъ оной Аксаковыхъ (:въ томъ числѣ и сей предъявитель): внесенъ (Уфимской): что нынѣ Оренбургской губерніи дворянской родословной книги въ шестую часть; сынъ же сего просителя Тимофей Сергей по Алфавитнымъ дворянскимъ спискамъ присланнымъ отъ Бульминскаго Дворянскаго Предводителя Дворянства значаща рожденнымъ послѣ подачи доказательствъ девяти лѣтъ; недвижимое жъ имѣніе состоитъ Бугульминской округи въ деревнѣ Аксаковкѣ крестьянъ мужеска пола пятьдесятъ одна душа, да въ разныхъ губерніяхъ и округахъ 125 душъ. въ чемъ депутатское собраніе заподписаніемъ губернскаго предводителя дворянства и съ приложеніемъ печати свидѣтельствуется Генваря д. 1801 года. На подлинномъ подписи Губернскій предводитель дворянства статскій совѣтникъ Булгаковъ Секретарь дворянства надворный совѣтникъ Семень Семеновъ Протоколистъ Григорій Толмачевъ

М. П. У сего свидѣтельства Оренбургскаго депутатскаго собранія печать.

Читалъ съ подлиннымъ регистраторъ Прокопенко.

3) Копія.

1801-го года Генваря 14 числа мы нижеподписавшіеся дали сіе свидѣтельство изъ дворянъ малолѣтнему сергею тимофѣеву, что онъ дѣйствительно сынъ родной Титулярнова Совѣтника Тимофея Степанова сына Аксакова въ томъ свидѣтельствую подписуемся Казанскаго почтамта поста директорской помощникъ Статскій Совѣтникъ Иванъ Слащовъ. Коллежской совѣтникъ Илья Михѣевъ. Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Максимъ Княжевичъ. Съ подлиннымъ вѣрно: 14 класса Курбатовъ

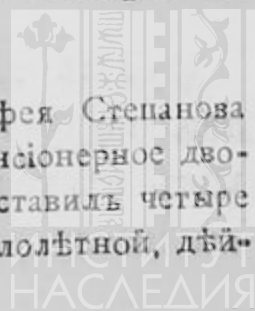
Подлинное свидѣтельство принялъ и ро-
списался титулярной советникъ
Тимофеи Аксаковъ,

Въ Совѣтѣ гимназіи было сдѣлано слѣдующее опредѣленіе:

1801 го года Генваря 16-го дня по слушаніи онаго прошенія въ собраніи Совѣта Казанской Гимназіи опредѣлено: принять его въ Гимназію на пенсіонерное дворянское содержаніе, о чемъ и дать знать Канторѣ, дабы она благоволила взыскавъ съ просителя повелѣнные въ Высочайшемъ положеніи за дворянина пенсіонера въ годъ сто пятьдесятъ рублей, и въ силу того же положенія вносимые имъ въ пользу Гимназіи единовременно двадцать пять рублей деньги, и давъ ему въ томъ квитанцію, числить сына его на ономъ содержаніи производя все для него нужное, Инспектору же и Главному Надзирателю каждому по ихъ части предписать ордерами. Подлинной подписали: Георгъ Герберъ, Левъ Левицкій, Григорій Карташевскій, Иванъ Запольскій, Иванъ Эрихъ и Богданъ Линкертъ.

Канцелярское дѣлопроизводство и въ тѣ далекія отъ насъ времена, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, было сильно развито: одна и та же бумага переписывалась 3—4 раза, пересылалась изъ одного гимназическаго учрежденія въ другое—изъ Совѣта въ Контору, и тутъ и тамъ записывалась во входящую и исходящую книги, рассылались ордера разнымъ служащимъ въ гимназіи лицамъ, и проч. Такъ и теперь во входящей записано подъ № 9:

«Января 16.—Прошеніе титулярнаго совѣтника Тимофея Степанова сына Аксакова, о принятіи въ гимназію для обученія на пенсіонерное дворянское содержаніе сына его Сергея 9 лѣтъ. При чемъ представилъ четыре свидѣтельства: 1) о дворянскомъ его достоинствѣ. 2) что малолѣтней, дѣй-

ствительно его сынъ, 3) что онъ никакихъ болѣзней неимѣетъ и 4) что онъ по руски читать и писать обученъ».

Въ исходящей подъ № 12:

«Января 16.—Вѣдѣніе въ Кантору.—По опредѣленію сего Совѣта принимается въ гимназію для обученія на пенсіонерное дворянское содержаніе сынъ Титулярнаго Совѣтника Тимофея Аксакова, Сергей 9 лѣтъ. Почему и благоволитъ она Кантора взыскать съ просителя повелѣнные въ Высочайшемъ положеніи за дворянина пенсіонера въ годъ сто пятьдесятъ рублей равно и въ силу того же положенія вносимые имъ въ пользу гимназіи двадцать пять рублей, и давъ Ему въ томъ квитанцію числить сына его на ономъ содержаніи производя все для него нужное».

За № 13 посланъ „ордеръ правящему должностъ инспектора Г. Левицкому“:

«Извѣстивъ васъ симъ о принятіи въ гимназію на пенсіонерное дворянское содержаніе сына Титулярнаго Совѣтника Тимофея Аксакова, Сергея 9 лѣтъ; рекомендую вашему благородію ввести его въ классы имѣть надъ нимъ во оныхъ смотреніе за прилѣжаніемъ и успѣхами его».

За № 14—„ордеръ Г. Правящему должностъ главнаго надзирателя 14-го класса василію Упадышевскому о томъ же“. Въ тотъ же самый день, въ который было послано „вѣдѣніе“ изъ Совѣта въ Кантору,

«1801 Года Генваря 16-го дня послушаніи онаго вѣденія въ Канторѣ Гимназіи въ журналѣ записано тако: При ка за ли слѣдующіе за пансіонерное содержаніе означеннаго Аксакова деньги 150 ру. и въ пользу Гимназіи 25 ру. по принятіи ихъ отъ отца его Г. Казначеемъ Баннеру и по записаніи приходомъ въ книгѣ приобщить къ подлѣжащей суммѣ, во вносѣ же ихъ дать Г. Аксакову изъ Канторы квитанцію; затѣмъ означеннаго питомца почисливъ между дворянскими пенсіонерами внеся въ списокъ велѣтъ Г. Эконому довольствоваться его полнымъ пансіонернымъ содержаніемъ, о выполненіи чего ему, а Г. Казначеемъ опріѣмѣ денегъ изапискѣ приходомъ въ книгу дать ордера съ тѣмъ, дабы изъ нихъ 1-й (Казначей) по исполненіи Канторѣ рапортовалъ.» Ордера даны 18-го Генваря подъ № 7 Эконому 79-мъ Казначеемъ 80-мъ, Квитанція дана 23-го подъ № 88-мъ.

Изъ „Воспоминаній“ С. Т. Аксакова мы знаемъ, какъ тяжело было разставаться съ нимъ горячо любящей матери, какъ въ теченіе цѣлаго года она подготовляла и себя, и его къ мысли о неизбежной разлукѣ, какъ, увидѣвъ его остро-

женнымъ подъ гребенку и переодѣтымъ въ форменную куртку, она въ первую минуту не узнала его, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ, какъ они нашли „истиннаго ангела-хранителя“, „благодѣтельнаго генія“¹⁾ въ лицѣ комнатнаго надзирателя Василя Петровича Упадышевскаго, позволившаго себѣ на первыхъ порахъ разныя отступленія отъ гимназическихъ правилъ и дѣлавшаго новому гимназисту много послабленій, хорошо зная, „что ему сильно достанется за это отъ главнаго надзирателя и инспектора, Николая Ивановича Средняго-Камашева, бывшаго въ это время въ отпускѣ“.

Кажется, до сихъ поръ не появлялись еще въ печати біографическія свѣдѣнія объ этомъ „добромъ геніи“ нашего писателя. Позволю себѣ сообщить то, что мною найдено въ послужныхъ спискахъ гимназическихъ учителей того времени. С. Т. Аксаковъ говоритъ:

«Этотъ добрый *старикъ* былъ такъ обласканъ моею матерью.» «Какъ теперь гляжу на его доброе и привѣтливое лицо, на его правую руку, подвязанную черной широкой лентой, потому что кисть руки была оторвана взрывомъ пушки и вмѣсто нея привязывалась къ рукѣ черная перчатка, набитая хлопчатой бумагой; впрочемъ, онъ очень четко и хорошо писалъ лѣвою рукою.»²⁾

Повидимому, Упадышевскій казался много старше своихъ лѣтъ: въ послужныхъ спискахъ за октябрь 1802 г. ему показано 33 лѣтъ, слѣдовательно, при первомъ знакомствѣ съ Аксаковыми ему было всего 37 или даже 36 лѣтъ и родился онъ, очевидно, въ 1764 г. или въ концѣ 1763 года. Происходилъ онъ „изъ польскаго шляхетства“, владѣлъ 4 душами крестьянъ вятской губерніи, уржумскаго уѣзда, въ селѣ Ключахъ;

¹⁾ С. Т. Аксаковъ, «Семейная хроника и Воспоминанія», Москва, 1859, стр. 272 и 279. Дальнѣйшія ссылки дѣлаются на это же изданіе.

²⁾ Стр. 274.

«въ службу вступилъ въ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ капитаномъ 779 г., при отставкѣ изъ онаго за болѣзнями пожалованъ прапорщикомъ 781 г. генваря 1-го, въ казанскую гимназію вступилъ 799 г. апрѣля 4. а съ сентября 10 того жъ году исправлялъ сверхъ того и должность дежурнаго по классамъ офицера, а неоднократно исправлялъ должность главнаго надзирателя; за усердное и исправное возлагаемыхъ порученій отправленіе удостоенъ въ числѣ прочихъ отъ г. бывшаго казанскаго гражданскаго губернатора, попечителя гимназіи и кавалера Казинскаго одобрительнымъ листомъ, и въ томъ же году рекомендованъ отъ него Правительствующему Сенату о награжденіи чиномъ».

При перемѣщеніи совѣтникомъ въ астраханскую губернію главнаго надзирателя Кукулина, исправлявшаго должность директора за болѣзнію Пекена, обязанности главнаго надзирателя поручены были надзирателю Мейснеру „пока не опредѣленъ будетъ настоящій главный надзиратель, или пока не возвратится г. надзиратель Упадышевскій, который по старшинству службы и лѣтъ, равно по хорошему отправленію своей надзирательской должности признавался всегда за достойнѣйшаго предъ другими къ занятію мѣста главнаго надзирателя“¹⁾. Несмотря на лучшіе отзывы о его службѣ, Упадышевскому не пришлось дожидаться повышенія:

8 іюля того же 1803 года въ Совѣтѣ гимназіи заслушано «вѣдѣніе Канторы, коимъ извѣщаетъ, что комнатный надзиратель Василій Упадышевскій, по случаю опредѣленія его по Почтовому Департаменту, — сею Канторою изъ гимназіи отъ настоящихъ его должностей уволенъ: опредѣлено: дать ему аттестатъ въ томъ, что онъ должность комнатнаго надзирателя, дежурнаго по классамъ офицера и неоднократно главнаго надзирателя отправлялъ съ особымъ и ревностнымъ усердіемъ и всегдашнею похвалою и примѣрнымъ поведеніемъ». Такой аттестатъ и выданъ ему за № 81.

Но возвратимся къ „Воспоминаніямъ“ С. Т. Аксакова.

Разсказываетъ онъ далѣе о томъ, какъ его мать рѣшилась уѣхать изъ Казани потихоньку, не простившись съ нимъ, какое потрясающее впечатлѣніе произвело на него извѣстіе объ ея неожиданномъ отъѣздѣ — съ нимъ случился столбнякъ, его отвели въ больницу, но и тамъ онъ долго не могъ притти въ себя.

¹⁾ Опредѣленіе Совѣта гимназіи отъ 10 Генваря 1803 г.

Въ гимназическомъ архивѣ хранится дѣло 1802 г. № 16 „о выдачѣ аптекарю Николаю Бринку за забранные у него въ прошломъ году медикаменты для гимназической больницы денегъ 630 ру. 43-хъ копѣекъ“. Здѣсь между прочимъ значится: „22 января. Аксаковъ. рвотной 28 коп.“

Сердце матери не выдержало разлуки съ сыномъ, и она, отбѣхавъ отъ Казани 90 верстъ, вернулась изъ села Алексѣевского (лаишевскаго уѣзда, въ 10 верстахъ отъ паровой пристани „Мурзиха“, на лѣвомъ берегу Камы), оставивъ тамъ мужа съ слегка недомогавшей дочерью. Всего только одну ночь Марiя Николаевна провела въ Казани, успокоила сына и общалась пріѣхать по первому лѣтнему пути, чтобы по окончанiи экзаменовъ, въ началѣ iюля, увести его съ собой въ деревню на вakatъ, до начала августа. Несмотря на сравнительное успокоенiе, С. Т. не могъ свыкнуться съ гимназiей; самое зданiе ея (гимназiя помѣщалась тогда въ теперешнемъ главномъ университетскомъ корпусѣ) внушало ему отвращенiе. Нѣжная заботливость Упадышевскаго поддерживала и утѣшала мальчика ¹⁾).

„Съ самыхъ первыхъ дней послѣ окончательной разлуки съ матерью,—говорить объ этомъ времени С. Т. Аксаковъ,—я принялся съ жаромъ за ученiе. Я упросилъ нашихъ учителей (все черезъ Упадышевскаго), чтобы мнѣ задавали не по одному, а по два и по три урока, для того чтобы догнать старшихъ учениковъ и не сидѣть на одной лавкѣ съ новенькими. Способность пониманiя и память были у меня сильно развиты,—черезъ мѣсяцъ я не только перегналъ и оставилъ позади новенькихъ, но во всѣхъ классахъ сѣлъ за первый столъ вмѣстѣ съ лучшими воспитанниками“ ²⁾). Дѣйствительно, въ „Вѣдомости о питомцахъ, показующей ихъ прилежанiе, успѣхи и поведенiе въ классахъ, равно какъ и отсутствiе ихъ“ за 1801 годъ мы видимъ, что успѣхи его если не черезъ мѣсяцъ, то къ концу учебнаго года улучшились (въ то время въ гимназiи было всего три класса по каждому предмету—

¹⁾ «Семейная хроника и Воспоминанiя», стр. 282 и 288.

²⁾ Стр. 284.

высшій, средній и низшій, и ученикъ могъ быть по разнымъ предметамъ въ разныхъ классахъ):

МѢСЯЦЫ.	Арифметики нижній	Россійскій нижній и чистописаніе	Нѣмецкій нижній	Французскій ниж- ній.	Танцованіе..
Генварь	Посредственнъ. Тихъ. 1. боленъ.	Прилѣженъ и успѣваетъ. Тихъ.	Недавно вступилъ.	Изряденъ. Тихъ. 2. боленъ.	Съ прилѣжаніемъ и успѣхами обуча- ется.
Февраль	Недавно вступилъ. Тихъ. 2. боленъ.	Посредственъ. Тихъ.	Недавно вступилъ.	Не успѣлъ ока- заться. Тихъ. 1. боленъ.	Прилѣжно обучается.
Мартъ	Быть можетъ что успѣетъ. Тихъ. 4. боленъ.	Прилѣженъ. Тихъ.	Недавно вступилъ.	Посредственнъ. Тихъ.	Средственно танцуетъ
Апрѣль	Успѣетъ есть ли бу- детъ стараться. Хорошъ. 1. боленъ.	Довольно прилѣ- женъ и успѣваетъ Тихъ.	Успѣваетъ. Тихъ.	Прилѣженъ Тихъ.	Средственно танцуетъ.
Май	Старается. Хорошъ. 4. боленъ.	Прилѣженъ. Тихъ. 2. боленъ.	Рачителенъ. Хорошъ. 2. боленъ.	Изряденъ. Тихъ.	
Іюнь	Боленъ.	Боленъ.	Боленъ.	Боленъ.	

Однако новыя непріятности ожидали больного, нервнаго 9-лѣтняго ребенка: возвратился изъ отпуска главный надзиратель Камашевъ, невзлюбившій его безъ всякой причины и сдѣлавшійся его гонителемъ, а Упадышевскому, узнавъ о его небольшихъ послабленіяхъ (свиданія съ родителями внѣ опредѣленныхъ сроковъ, отпуска домой и особенно на ночь), онъ сказалъ „съ тихою улыбкою, что если что нибудь подобное случится еще одинъ разъ, то онъ попроситъ почтеннаго Василія Петровича оставить службу въ гимназіи“ ¹⁾. Всякаго рода придирки со стороны Камашева возбудили въ Аксаковѣ страшную боязнь и нелюбовь къ нему, онъ сталъ,—по его словамъ,—задумываться и грустить, потомъ грусть превратилась въ періодическую тоску и наконецъ въ болѣзнь; онъ началъ избѣгать товарищей, уходитъ въ корридоръ, въ пустой классъ, на лѣстницу или во дворъ; наконецъ, съ нимъ стали дѣлаться припадки: всякое напоминаніе о домѣ, какъ голубь сѣвшій на подоконникъ, простой деревянный столъ, выскобленный заново, стоявшій въ „квасной“ комнатѣ и напомнившій чистый липовый столъ, бывшій у нихъ въ деревнѣ, съ которымъ были связаны у него воспоминанія о жизни въ родной семьѣ,—все вызывало нервные припадки. Однако, врачъ не находилъ нужнымъ оставлять его въ больницѣ и лѣчить его: за все это время въ вышеупомянутой книгѣ для записи лѣкарствъ мы находимъ упоминаніе объ Аксаковѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 г. всего четыре раза: 4-го и 6-го мазь по 50 коп., 8-го и 9-го примочка по 35 коп.

Уѣзжая изъ Казани, мать Аксакова заставила оставленнаго при немъ дядьку Евсеича поклясться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если Сережа сдѣлается боленъ, и тотъ исполнилъ свое обѣщаніе. Получивъ это извѣстіе, мать рѣшилась на рѣдкое самопожертвованіе и немедленно, въ страшную распутицу, отправилась въ путь. Десять дней ѣхала она до Мурзихи, гдѣ съ трудомъ нашла шесть человѣкъ, отважив-

¹⁾ Стр. 28;.

шихся съ опасностью для жизни перетащить ее черезъ Каму на протяженіи трехъ верстъ; на другой же день ледъ на Камѣ тронулся.

Я не буду дольше останавливаться на томъ, что далѣе говоритъ С. Т. Аксаковъ о новомъ свиданіи съ матерью, о ея столкновеніяхъ съ Камашевымъ, о томъ сочувствіи, съ какимъ отнеслись къ ней, не говоря объ Упадышевскомъ, врачъ Бенесъ и его жена и самъ директоръ Пекенъ; если я и позволилъ себѣ утомить вниманіе почтеннаго собранія пересказомъ многого изъ того, что всѣмъ извѣстно изъ „Воспоминаній“ С. Т., то лишь потому, что онъ самъ говоритъ ¹⁾: „никакой періодъ моего дѣтства не помню я съ такой отчетливой ясностью, какъ время перваго пребыванія моего въ гимназіи“, а также потому, что къ этому періоду относятся главнымъ образомъ тѣ немногія данныя, какія сохранились въ гимназическомъ архивѣ. Позволю себѣ лишь напомнить, что мать рѣшилась взять сына домой, не ожидая конца учебнаго года. Консиліумъ Бенеса съ двумя докторами, приглашенными имъ, призналъ „необходимымъ возвратить казеннаго воспитанника Аксакова на попеченіе родителей въ деревню“ ²⁾. Хотя С. Т. Аксаковъ и приводитъ выписку изъ докторскаго свидѣтельства, прибавляя: „копіи со всѣхъ бумагъ долго у насъ хранились“, однако въ архивѣ гимназіи этихъ документовъ нѣтъ. Только въ дѣлѣ объ отпускѣ лѣкарствъ значится: „Mense Maij 1801. 14. Аксаковъ. Мазъ. 55 коп.“

15 мая подано было директору гимназіи прошеніе:

Его Высокоблагородію, Господину
Коллежскому Совѣтнику
Казанской Гимназіи Директору Карлу
Крестьяновичу Пекину
Титулярной Совѣтницы Марьи
Николаевой Аксаковой

ПРОШЕНІЕ.

Въ Казанской Гимназіи состоитъ за

¹⁾ Стр. 293. ²⁾ Стр. 312.

писаннымъ на Пансіонерномъ дворянскомъ содержаніи сынъ мой родной Сергѣй, которой третей уже мѣсяцъ сдѣлался больнымъ ногами, то покорнѣйше прошу вашего высокоблагородія и прошу означеннаго сына моего за помянутую болѣзнію отдать на мое Материнское попеченіе впредь до со вѣршеннаго излѣченія. Мая 15. дня 1801 года.

Титулярная Советница Марія Николаева
дочь Аксакова,

На этомъ прошеніи послѣдовала резолюція:

1802-го года Маія 15-го дня по слушаніи онаго прошенія въ собраніи Совѣта Казанской Гимназіи По справкѣ оказалось, что онъ не однократно находился въ больницѣ и находящейся при Гимназіи Г. Бенесъ удостовѣряетъ о слабомъ его здоровьи, то опредѣлено: на просимое Госпожею Аксаковою время сына ея Сергія къ Матери отпустить; о чемъ и сообщить для свѣденія въ Кантору; Инспектору же и Главному Надзирателю объявить въ Совѣтѣ. Вѣдѣніе въ Кантору дано 18-го числа подъ № 78-мъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія послано

Изъ Совѣта Казанской Гимназіи въ Кантору оной же Гимназіи

ВѢДЕНІЕ.

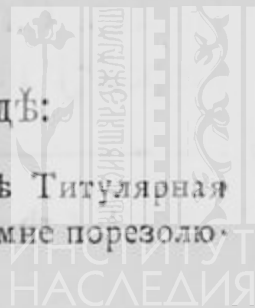
Благоволитъ оная Кантора чрезъ сіе извѣстна быть что по прозбѣ Титулярной Совѣтницы Г-жи Аксаковой сынъ ея Сергій пансіонеръ дворянинъ отпущенъ къ ней до излеченія его отъ болѣзни въ ногахъ. Маія 18-го дня 1801-го года.

Гимназическая Кантора въ свою очередь опредѣлила:

1801 года маія 18-го дня по слушанію сего ведѣнія, въ канторѣ гимназіи резолюціею записано тако: Приказали: обономъ пенсіонерѣ Аксаковѣ, что онъ отданъ матери до излѣченія сдѣлать по списку надлежащую отмѣтку; а овозвращеніи онаго Аксакова въ гимназію по выздоровленіи и обязать родительницу подпискою а г-ну эконому предписать, чтобы онъ оставилъ при Аксаковѣ ономъ все исключая кровати и постели относящіяся къ одеждѣ вещи.

Требуемая подписка дана въ слѣдующемъ видѣ:

1801 года маія 20 дня Казанской Гимназіи въ Канторѣ Титулярная Совѣтница Аксакова дала сію подписку втомъ, что отданнаго мнѣ порезолю-

ції Совѣта Гимназіи стоящаго на пансіонерномъ дворянскомъ содержаніи сына моего Сергѣя до излѣченія имѣющейся у него вногахъ болѣзни, по выздоровленіи отъ оной тотъ часъ попрежнему въ гимназію для обученія всеми имѣющимися приемъ казенными вещами представить должна. *Ксеи подписке титулярная советница Марья николаева, дочь, помуже аксакова, руку приложила.*

Наконецъ, самому С. Т. Аксакову выданъ былъ

БИЛЕТЪ.

Объявитель сего Императорской Казанской Гимназии ученикъ Сергей Аксаковъ отпущенъ изъ Гимназии по прозбѣ матери его Титулярной Совѣтницы Г-жи Аксаковой для излеченія его отъ болѣзни въ ногахъ. Въ увѣреніе чего и данъ ему сей билетъ за подписаніемъ Коллежскаго Совѣтника Директора Гимназии и съ приложеніемъ гимназической печати.

Такъ окончилось пребываніе С. Т. Аксакова въ казанской гимназіи въ качествѣ „казеннокоштнаго дворянскаго пансіонера“. Цѣлый годъ пробылъ онъ у себя въ деревнѣ и вернулся въ гимназію уже какъ своекоштный воспитанникъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ какою-то непонятной путаницей хронологическихъ данныхъ и съ цѣлымъ рядомъ совершенно необъяснимыхъ противорѣчій въ рассказѣ самого С. Т. Аксакова съ гимназическими документами.

Поступилъ онъ въ гимназію въ январѣ 1801 г., взявъ матерью въ деревню въ маѣ того же года; въ особой части своихъ „Воспоминаній“, озаглавленной „Годъ въ деревнѣ“¹⁾, С. Т. подробно рассказываетъ, какъ онъ проводилъ лѣто въ родномъ Аксаковѣ, медленно поправляясь въ своемъ здоровьѣ, какъ предавался съ увлеченіемъ рыбной ловлѣ, какъ прошла осень, необычайно суровая, зима съ ея удовольствіями, наступила весна и новое лѣто съ уженіемъ рыбы, и, наконецъ, 26-го іюля онъ со своими родителями и сестрой выѣхалъ въ Казань. Слѣдующая часть „Воспоминаній“ („Гимназія. Періодъ второй“) начинается словами: „Пріѣхавъ въ К. 1801 года“.

¹⁾ Стр. 321—348.

Несомнѣнно, мы здѣсь должны видѣть ошибку, и возвращеніе его въ гимназію должно относиться къ 1802 году. Но еще въ большее недоумѣніе мы придемъ, если обратимся къ официальной „Вѣдомости Императорской Казанской Гимназіи о питомцахъ показующей прилѣжаніе, успѣхи, поведеніе въ классахъ равно какъ и отсутствіе ихъ въ теченіи мѣсяцовъ: Генваря, Февраля, Марта, Апрѣля, Мая и Іюня сего 1802 года т. е. отъ послѣдняго приватнаго зимняго до нынѣшняго публичнаго лѣтняго экзамена“, здѣсь мы не только видимъ въ числѣ учениковъ „Сергія Аксакова“, но имѣемъ и оцѣнку его успѣховъ и поведенія за мартъ, апрѣль, май и іюнь 1802 г., при чемъ въ мартѣ по всѣмъ предметамъ отмѣчено: „недавно вступилъ“. Зная, что онъ отпущенъ былъ изъ гимназіи въ маѣ 1801 г. и что въ деревнѣ пробылъ, судя по его рассказамъ, около 14 мѣсяцевъ, мы не можемъ понять, какимъ образомъ случилось, что въ мартѣ 1802 г. онъ значится „недавно вступившимъ“, а въ послѣдующіе мѣсяцы аттестуется уже по всѣмъ предметамъ.

Разъ допущенная неточность ведетъ за собой цѣлый рядъ другихъ.

Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ С. Т. прослѣдилъ все свое пребываніе въ гимназіи, можно сказать, шагъ за шагомъ, постоянно приводя соотвѣтствующія даты, начиная съ возвращенія сюда въ августъ, какъ онъ обозначаетъ, 1801 года.

«такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—шли дѣла цѣлый годъ, т. е. до іюня 1802 года; въ продолженіе іюня происходили экзамены, окончившіеся совершеннымъ торжествомъ для моего дѣтскаго самолюбія: я былъ переведенъ во всѣ средніе классы. Въ первыхъ числахъ іюля на актѣ я получилъ книжку съ золотою надписью: «за прилежаніе и успѣхи» и еще похвальный листъ» (стр. 357); «быстро пролетѣли блаженные дни, и 10-го августа мы отправились въ К.» (358); «мы узнали, что Иванъ Ипатычъ поѣхалъ жениться» (тамъ же); «Григорій Ивановичъ сердился на Ивана Ипатыча за то, что онъ вмѣсто одного проѣздилъ три мѣсяца» (362); «и Григорій Ивановичъ прожилъ съ нами еще два мѣсяца;—въ эти 5 мѣсяцевъ я очень привязался къ Григорію Ивановичу» (362—3); «за двѣ недѣли, молодой Е.—въ, своякъ

Ивана Ипатыча, опредѣлился въ гимназію» ¹⁾ (365 прим.); «мѣсяца за полтора до экзаменовъ я принялся заниматься съ большимъ жаромъ» (367); «не былъ переведенъ въ высшій классъ и остался еще на годъ въ среднемъ» (368—9); «когда я пріѣхалъ на вакацію въ Аксаково (1803-го года)» (368); «возвратясь въ гимназію, я принялся прилежно учиться» (373), «и я скоро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ во всѣхъ среднихъ классахъ, кромѣ математики» ²⁾ (тамъ же). Осенью этого года Аксаковъ, по его словамъ, хворалъ, его мать пріѣхала въ Казань и перевезла его къ себѣ ³⁾ (374). Взявъ сына отъ Запольскаго, она помѣстила его къ Карташевскому, и «сдавъ меня.... съ рукъ на руки Григорію Ивановичу, уѣхала въ Аксаково.... это было уже въ февралѣ 1804 года» (375),—и вскорѣ: «пришла весна 1804 года» (382), наступилъ іюнь и время экзаменовъ (383) и С. Т. перешелъ въ высшіе классы (тамъ же). На лѣто съ нимъ поѣхалъ въ деревню и его другъ и воспитатель Гр. Ив. Карташевскій; вернувшись въ Казань 15 августа, они здѣсь попали въ самый разгаръ дѣла объ ученическихъ беспорядкахъ, бывшихъ въ іюнѣ, подробно описанныхъ профессоромъ Д. И. Нагуевскимъ ⁴⁾ на основаніи неизданныхъ до того документовъ.

„Въ декабрѣ 1804 г. получили официальное извѣстіе, что уставъ университета 5-го ноября подписанъ Государемъ“ (399), и 22 февраля 1805 года С. Т. Аксаковъ „произведенъ“ въ студенты казанскаго университета, только что открытаго 14-го числа этого мѣсяца, и по алфавитному списку оказался *первымъ его студентомъ*, хотя ловкій дѣлецъ Ил. Ѳед. Яковкинъ, учитель и инспекторъ гимназіи, сдѣланный прямо ор-

¹⁾ И здѣсь какое-то недоразумѣніе: въ послѣдней графѣ послужного списка «учителя Ивана Ипатова сына Запольскаго» за октябрь 1802 г. значится: «женатъ на дочерѣ поручика Елагина Настасьи Петровой», ученикъ же Василій Елагинъ еще въ августѣ 1800 г.,—за полгода до перваго поступленія Аксакова,—значится (подъ № 59) въ среднихъ и по нѣкоторымъ предметамъ въ высшихъ классахъ, другого же ученика Елагина въ спискахъ нѣтъ за все время, а въ ноябрѣ 1803 г. онъ уволенъ изъ гимназіи для опредѣленія въ службу.

²⁾ По гимназическимъ «Вѣдомостямъ» аттестація изъ математики у Аксакова не хуже другихъ предметовъ.

³⁾ Не было ли это весной 1803 г., когда С. Т. отмѣченъ въ «Вѣдомостяхъ» отсутствующимъ въ теченіе всего полугодія, съ января по іюнь мѣсяцъ включительно?

⁴⁾ «Казанская гимназія наканунѣ основанія казанскаго университета (1804—1805 г.г.)». Казань, 1900.

БИБЛИОТЕКА
НИИ
ИСТОРИИ
ИСКУССТВ

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведения
и Музейной работы

динарнымъ профессоромъ новаго университета, записаль первымъ по времени поступленія своего сына Александра, обозначивъ званіе „перваго студента казанскаго университета“ на его могильномъ памятникѣ на кладбищѣ Кизическаго монастыря (+ 21 ноября того же 1805 года) ¹⁾. Будучи студентомъ университета, С. Т. „продолжалъ учиться въ гимназіи, слушая въ то же время университетскія лекціи“.

Указывая на неточности въ разсказѣ С. Т. Аксакова и противорѣчія съ данными гимназическаго архива, я не могу вполне разъяснить ихъ. Пусть это сдѣлаютъ люди болѣе опытные въ подобнаго рода разысканіяхъ, я же закончу свое сообщеніе суммированіемъ тѣхъ неточностей, которыя мѣшаютъ восстановленію хронологическихъ данныхъ.

С. Т. Аксаковъ поступилъ въ гимназію въ январѣ 1801 г., увезенъ матерью въ маѣ того же года и, пробывъ цѣлый годъ дома, никакъ не могъ возвратиться осенью 1801 г. Если же онъ вернулся бы въ гимназію осенью 1802 г., то въ теченіе послѣдующихъ 2½ лѣтъ не могъ бы пробыть еще годъ въ низшихъ классахъ, два года въ среднихъ и нѣсколько болѣе полугода въ высшихъ. Можетъ быть, составляя свои „Воспоминанія“ чрезъ 50 лѣтъ послѣ пережитыхъ имъ событій, С. Т. представлялъ себѣ кое-что недостаточно ясно; очевидно, возвратился онъ въ Казань не осенью 1801 г. (что, какъ мы видѣли, невозможно) и не осенью 1802 г., а въ февралѣ или мартѣ 1802 г., когда онъ и значится въ „Вѣдомо-

¹⁾ Кстати объ Александрѣ Яковкинѣ: въ послужномъ спискѣ его отца, составленномъ въ октябрѣ 1802 г., занесено: «женатъ на дочери конной гвардіи вѣхмистра Екатеринѣ Ивановой, имѣетъ сына Александра 6 лѣтъ, которой находится въ К. гимназіи на казенномъ разночинческомъ содержаніи». И это, повидимому, не ошибка, такъ какъ въ послужномъ спискѣ 1804 г. видимъ: «имѣетъ сына Александра 8 лѣтъ, который...» и т. д., а въ спискѣ учениковъ за 1 февраля 1804 г. противъ его имени есть пометка: «вступилъ въ гимназію 1800 г. ноября 10-го», т. е., очевидно, 4 лѣтъ отъ роду, при поступленіи же въ университетъ этому «первому студенту» было, следовательно, всего 8 лѣтъ.

стяхъ“ „недавно вступившимъ“: тогда многое изъ части „Воспоминаній“, озаглавленной „Годъ въ деревнѣ“, должно быть отнесено къ болѣе раннему періоду его дѣтства. Невыясненнымъ остается вопросъ о времени полученія имъ награды: въ гимназической „Вѣдомости“ не только осенью 1802 г., но и въ первую половину 1803 года онъ числится ученикомъ низшихъ классовъ, въ спискѣ награжденныхъ въ 1802 г. его имени нѣтъ, и аттестація его еще не такова, чтобы можно было предполагать награжденіе книгой съ похвальнымъ листомъ, а въ 1803 году все первое полугодіе онъ значился больнымъ; быть можетъ, несмотря на болѣзнь, онъ настолько успѣшно сдалъ экзамены, что заслужилъ эту награду? Однако, о столь продолжительной болѣзни, не позволявшей ему цѣлые полгода посѣщать уроки, онъ почему-то не упоминаетъ. Возможно еще такое предположеніе: не получилъ-ли онъ эту награду по окончаніи осенняго полугодія и сопровождавшихъ его „приватныхъ“ экзаменовъ въ 1802 году? Тогдашніе его успѣхи, дѣйствительно, давали ему право на это.

Непонятно отсутствіе имени С. Т. Аксакова въ „Вѣдомостяхъ“ за осеннее полугодіе 1803 г.; объяснить это тѣмъ, что онъ былъ своекоштнымъ ученикомъ, а „Вѣдомости“ составлялись лишь о живущихъ въ гимназіи, тоже нельзя: каждой ежемѣсячной „Вѣдомости“ объ успѣхахъ и поведеніи *въ классѣ*“, дѣйствительно, предшествуетъ „Вѣдомость, учиненная за прошедшій (такой-то) мѣсяцъ, о поведеніяхъ находящихся въ Императорской гимназіи *питомцовъ* какъ на казенномъ коштѣ находящимся такъ и пенсіонерамъ дворянамъ и разночинцамъ значить ниже сего“, или, какъ иногда она вкратцѣ озаглавляется, „Вѣдомость о поведеніи *питомцевъ въ комнатахъ*“ (т. е. жилыхъ, въ отличіе отъ классовъ), но въ такой вѣдомости, напр., за сентябрь 1804 г. включено 58 дворянъ и 46 разночинцевъ, всего 104 человека, въ вѣдомости же объ успѣхахъ и поведеніи *въ классѣ* значится 159 учениковъ,—несомнѣнно, съ приходящими,—и Сергѣя Аксакова среди нихъ нѣтъ.

Остается пожалѣть, что многіе дѣла и документы, и притомъ, можетъ быть, очень цѣнные и интересные, исчезли, повидимому, изъ архива гимназіи безвозвратно, и въ томъ числѣ почти всѣ дѣла 1803—1808 г.г. Правда, многія изъ нихъ хранятся въ архивѣ казанскаго университета, но и тамъ, несмотря на поиски, не удалось найти ничего новаго о С. Т. Аксаковѣ.

Отмѣчу еще неточность у профессора А. С. Архангельскаго ¹⁾. Онъ говоритъ: „въ началѣ января 1799 года семилѣтній Аксаковъ въ первый разъ случайно пріѣзжаетъ въ Казань.... Въ декабрѣ того же 1799 года Аксаковы вторично пріѣзжаютъ въ Казань и помѣщаютъ сына въ гимназію казеннымъ пансіонеромъ“. Самъ С. Т. говоритъ: „въ серединѣ зимы 1799 года пріѣхали мы въ губернской городъ К. Мнѣ было восемь лѣтъ“ (стр. 264). „Пришла опять зима, и въ декабрѣ мы отправились въ К.“ (стр. 272). С. Т. Аксаковъ родился 20 сентября 1791 г.,—слѣдовательно, восемь лѣтъ ему было въ концѣ 1799 г., а подъ серединой зимы нужно разумѣть не начало (январь), а конецъ (декабрь) 1799 года, и вторичный ихъ пріѣздъ въ Казань относится уже къ декабрю 1800 г. или къ январю 1801 г., что и подтверждается официальными данными о пріемѣ С. Т. въ гимназію въ январѣ 1801 года.

Позднѣйшее добавленіе. Сообщеніе это было уже сдано въ печать, когда мнѣ удалось найти слѣдующую запись въ протоколѣ засѣданія гимназическаго Совѣта 19 марта 1802 г.

Слушано прошеніе титулярной совѣтницы Марьи Аксаковой, при комъ представляя по выздоровленіи отъ болѣзни сына своего Сергѣя Ак-

¹⁾ «Казанская гимназія и ея благотворное вліяніе на Аксакова», въ «Сокращенной исторической хрестоматіи» В. Покровскаго, ч. VI. стр. 29.

сакова, обучавшагося въ гимназїи на пенсіонерномъ дворянскомъ содержанїи, просить о позволенїи ему обучаться въ ней на собственномъ содержанїи. Опреѣлено: просительницу удовлетворить позволенїемъ продолжать сыну ученїе въ гимназїи на собственномъ дворянскомъ содержанїи, о чемъ и объявить инспектору въ Совѣтъ.

Такимъ образомъ подтверждается вполнѣ высказанное мною выше предположенїе о томъ, что С. Т. Аксаковъ возвратился въ Казань не осенью 1801 или 1802 года, а въ февралѣ или въ мартѣ 1802 г.

Несостоявшаяся посылка учениковъ казанской гимназіи въ петербургскую учительскую гимназію для усовершенствованія ихъ въ наукахъ (1803 г.) ¹⁾

Разбираясь въ дѣлахъ архива здѣшней Императорской 1-ой гимназіи, я нашелъ въ протоколахъ гимназическаго Совѣта за 1803 г. нѣкоторыя свѣдѣнія о предполагавшейся посылкѣ учениковъ этой гимназіи въ Петербургъ для усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Свѣдѣнія эти какъ-то ускользнули отъ вниманія В. Владимірова, составителя „Исторической записки о 1-ой казанской гимназіи“ (Казань, 1868), дающей вообще довольно много матеріаловъ для исторіи гимназіи, и, очевидно, въ печати не появлялись. Въ архивѣ казанскаго университета мнѣ удалось найти двѣ бумаги, относящіяся къ этому дѣлу.

5 августа 1786 г. былъ утвержденъ Императрицей Екатериной II новый общій уставъ народныхъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно открыть Главныя народныя училища въ 26 губерніяхъ; 22 сентября того же года отъ Петербургскаго Главнаго народнаго училища отдѣлилась Учительская Семинарія и продолжала отдѣльно свое существованіе, приготовляя учителей въ Главныя народныя училища ²⁾. Въ нее поступали исключительно казенные воспитанники петербургскаго Главнаго

¹⁾ Доложено въ общемъ собраніи О. А., И. и Э. 11 октября 1909 г.

²⁾ А. Вороновъ, Истор.—стат. обзор. учебн. завед. с.-петерб. уч. округа съ 1715 по 1828 г. включ. Спб., 1849, стр. 41 и 55.

народнаго училища, приготовлявшіеся въ учителя всѣхъ другихъ начальныхъ училищъ петербургской, новгородской, псковской, вологодской, олонецкой и архангельской губерній ¹⁾. Съ конца 1801 г., послѣ выпуска всѣхъ студентовъ, эта Учительская Семинарія существовала только по имени. Необходимость въ учителяхъ, особенно при предполагаемомъ распространеніи образованія, требовала поддержанія этого заведенія, а потому, по Высочайшему повелѣнію 20 мая 1803 г., оно возникло вновь подъ именемъ Учительской Гимназіи; число студентовъ въ ней положено было 100 человѣкъ ²⁾, „которые по образованіи своемъ должны будутъ занять мѣста въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ“. Министръ народнаго просвѣщенія ³⁾ отнесся (24 іюня т. г.) въ Синодъ, дабы епархіальныя семинаріи удѣлили отъ себя по мѣрѣ возможности учениковъ, которые бы какъ природными своими дарованіями, такъ и склонностью къ наукамъ, въ коихъ отличились уже въ высшей степени, тѣмъ большую и вѣрнѣйшую подавали надежду къ успѣхамъ приготовленія ⁴⁾. Кромѣ того 13 іюля т. г. министръ обратился къ только что назначенному попечителю казанскаго учебнаго округа ⁵⁾ съ такимъ предложеніемъ (№ 363):

„При возстановленіи въ здѣшней столицѣ Учительской Гимназіи, хотя изъ духовныхъ семинарій будутъ присланы Студенты: но неменьше полезно содѣйствовать сему предложенію и отъ Казанской Гимназіи. По чему прошу васъ, Милостивый Государь мой, предписать оной, избравъ нѣскольکو студентовъ, которые имѣли бы уже приобрѣтеніе въ сте-

¹⁾ Тамъ же, стр. 40, 50 и 63.

²⁾ Тамъ же, стр. 111.

³⁾ Графъ Петръ Вас. Завадовскій (1739—1812) съ учрежденіемъ въ 1802 г. министерствъ занялъ постъ мин. нар. просв., на которомъ и оставался до 1810 г. (Энцикл. словарь Брокгауза-Эфрона, LIII, 258).

⁴⁾ Сборн. распор. по мин. нар. просв., т. I, 1802—1834, ст. 9.

⁵⁾ Степ. Як. Румовскій (1732—1815), первый русскій астрономъ; съ 1763 г. э.-орд., съ 1767 г.—орд. проф. астрономіи, съ 1800 г. вице-презид. акад. наукъ, съ 1803 г. членъ главн. правл. училищъ, конеч. казанск. унив. и училищъ зд. губерній; переводчикъ «Лѣтописей» Тацита (1806—1808). (Энцикл. словарь Брокгауза-Эфрона, XXIII, 95).

пени высшихъ наукъ, и были бы съ природными дарованіями по усовершенствованію себя въ оныхъ, прислать ихъ сюда къ 15-му числу Октября“ ¹⁾).

До гимназій это распоряженіе дошло лишь черезъ мѣсяць, не только благодаря тогдашнимъ способамъ сообщенія, но и вслѣдствіе того, что попечитель казанскаго университета и учебнаго округа жилъ тогда въ Петербургѣ, что крайне замедляло его сношенія съ подвѣдомственными ему учебными заведеніями.

Въ засѣданіи Совѣта казанской гимназій 8-го августа 1803 г. было заслушано слѣдующее предложеніе г-на Попечителя Казанскаго Округа и Кавалера Румовскаго отъ 20-го іюля подъ № 288-мъ ²⁾. „Министръ Народнаго Просвѣщенія Его Сіятельство Графъ Петръ Васильевичъ Заводовскій препоручилъ мнѣ предписать Совѣту Казанской Гимназій: выбравъ нѣсколько студентовъ, которые бы имѣли уже пріобрѣтеніе въ степени высшихъ наукъ и одарены бы были природными дарованіями къ усовершенствованію себя въ оныхъ прислать сюда къ 15-му Октября. Выборъ сей долженъ падать преимущественно на разночинцевъ, содержимыхъ казеннымъ иждивеніемъ и желающихъ посвятить себя наукамъ; потому, что намѣреніе Министра Просвѣщенія есть то, чтобы открыть имъ путь къ усовершенствованію себя въ здѣшней учительской гимназій; желалъ бы я, чтобы Совѣтъ послѣланію выбора не мѣдленно увѣдомилъ меня о числѣ выбранныхъ и какихъ отцевъ они дѣти. Денги на отправленіе ихъ въ С.-Петербургъ Совѣтъ употребить имѣетъ изъ своей суммы“.

„Совѣтъ,—читаемъ въ протоколѣ засѣданія подъ п. 7, —приступивъ къ исполненію по сему предписанію, выбралъ предварительно для отсылки въ учительскую Гимназій слѣдую-

¹⁾ Архивъ казанск. унив., дѣло канц. Попеч. 1803 г., № 44.

²⁾ Протоколъ засѣд. Совѣта каз. гимн., дѣло гимн. архива 1803 г. № 23, л. 77 об.

щихъ: 1) Павелъ Делаacroa, 2) Петръ Сыромятниковъ, 3) Александръ Васильевъ, 4) Федоръ Пафомовъ, 5) Иванъ Крыловъ, 6) Петръ Алехинъ, 7) Владиміръ Графъ, 8) Василій Перевошиковъ, 9) Василій Кузминскій и 10) Петръ Балясниковъ, причеъ объявлено Инспекторомъ ¹⁾ дабы въ сходство онаго предписанія отобралъ отъ нихъ ихъ собственное на то согласіе, и разослалъ списокъ назначенныхъ ко всѣмъ учителямъ, у которыхъ они обучались въ послѣднее время, для точнаго показанія съ ихъ стороны, какъ много успѣли они въ по каждой части наукъ и представилъ бы онъ Инспектору къ будущему засѣданію 10-го августа, о чемъ довести меморію досвѣденія Его Превосходительства, такъ какъ назначеніе суммы для издержекъ проѣзда зависитъ вмѣстѣ и отъ его утвержденія.“

Въ засѣданіи Совѣта 10-го августа ²⁾ „разсматривали рекомендацію каждаго учителя объ отсылаемыхъ въ Петербургъ и опредѣлено назначить г-ну Куратору слѣдующихъ найденныхъ Совѣтомъ достойными быть въ учительской Гимназіи: Павла Делаacroa, Петра Сыромятникова, Александра Васильева, Петра Алехина, Федора Пафомова, Ивана Крылова, Петра Балясникова, Василія Перевошикова, Василія Кузминскаго, Дмитрія Княжевича и [Петра Кондырева]. Въ рапортѣ къ г-ну Куратору по поводу сего дѣла, увѣдомить его о собственномъ желаніи назначенныхъ кромѣ 4-го и 5-го у которыхъ хотя неможно было отобрать ихъ желанія за ихъ отсутствіемъ, но совѣтъ почти несумнѣвается въ ихъ согласіи; также объяснить ему какихъ отцовъ они дѣти, сколько успѣли они въ какой части, и что задолговременными болѣзнями, частными перемѣнами и попричинѣ трудности сыскивать свѣдущихъ иностранцевъ классы иностранныхъ языковъ были часто безъ учителей, посему инемогли питомцы успѣть совершенно въ языкахъ“.—При подписываніи этого прото-

¹⁾ Инспектору?

²⁾ Тамъ же, л. 82 об.

кола инспекторъ гимназій И. Θ. Яковкинъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: „Илья Яковкинъ находитъ способнымъ помѣстить въ число назначаемыхъ въ Учительскую Гимназію и Петра Кондырева“.

Посылаемые попечителю рапорты обыкновенно представляютъ дословную выписку изъ протокола, но на этотъ разъ мы видимъ въ рапортѣ нѣкоторые добавленія, почему будетъ нелишне привести и самый рапортъ отъ 11 августа за № 90: „Исполняя предписаніе Вашего Превосходительства, Совѣтъ назначаетъ слѣдующихъ, воспитанныхъ казеннымъ содержаніемъ дворянъ и разночинцевъ для помещенія въ учительскую гимназію: дворянъ: Павла Дела-Кроа, сына неслужащаго дворянина Ивана дела-Кроа; Петра Алехина—надворнаго совѣтника Михайлы Алехина; Федора Пафомова—неслужащаго дворянина Степана Пафомова; Петра Балясникова—неслужащаго дворянина Семена Балясникова; Василя Перовощикова—Титулярнаго Совѣтника Матвѣя Перовощикова; Дмитрія Княжевича—Надворнаго Совѣтника Максима Княжевича; разночинцовъ: Петра Сыромятникова сына Губернскаго Секретаря Андрея Сыромятникова; Александра Васильева—Губернскаго Секретаря Ивана Васильева; Ивана Крылова—Коллежскаго Секретаря Павла Крылова; Василя Кузминскаго—губернскаго регистратора Ивана Кузминскаго¹⁾. Всѣ они кромѣ Алехина и Пафомова неявившихся съ отпуска объявили свое собственное желаніе продолжать ученіе въ учительской Гимназій, да и осогласіи оныхъ двухъ отсутствующихъ Совѣтъ несумлѣвается. Они прошли довольно обстоятельно: Геометрію, Тригонометрію, Алгебру, Коническія сѣченія; Логику съ частію Метафизики; Физику; Исторію и Географію; многіе изъ нихъ достаточно образовали свой слогъ и удовлетворительно знаютъ французской или немецкой языкъ, а Кузминскій и Латинскій; но вообще сказать можно, что имъ остается еще много практиковать себя много

¹⁾ Рекомендованный Яковкинымъ П. Кондыревъ, какъ видно, не былъ признанъ заслуживающимъ включенія въ этотъ списокъ.

въ иностранныхъ языкахъ, ибо задолго—временными болѣзнями, частными перемѣнами и по причинѣ трудности сыскивать свѣдущихъ иностранцовъ, классы иностранныхъ языковъ были часто безъ учителей. За способности и дарованія назначенныхъ Совѣтъ можетъ смѣло ручаться“.

Надо думать, что казанскимъ педагогамъ хотѣлось похвалиться передъ столичными коллегами подготовкой своихъ учениковъ, и, выбирая лучшихъ изъ нихъ, они старались уговорить ихъ не отказываться отъ этой поѣздки, представляя имъ различныя выгоды и преимущества, сопряженныя съ обученіемъ ихъ въ Петербургѣ. Спрашивая согласія самихъ учениковъ, Совѣтъ гимназій, повидимому, находилъ излишнимъ спрашивать еще согласія и ихъ родителей. Не такъ посмотрѣли на дѣло нѣкоторые родители. Одинъ изъ нихъ, казанскій губернский прокуроръ М. Д. Княжевичъ, не желая имѣть дѣло съ игнорировавшимъ его Совѣтомъ гимназій, подалъ заявленіе казанскому губернатору (считавшемуся прежде, до учрежденія министерствъ и учебныхъ округовъ, попечителемъ гимназій) о своемъ нежеланіи отпустить сына въ Петербургъ. Черезъ мѣсяцъ по отсылкѣ къ попечителю Румовскому рапорта со спискомъ учениковъ въ засѣданіи Совѣта 9 сентября должно было „предложеніе Тайнаго Совѣтника, Казанскаго Губернатора и Кавалера: Препровождая у сего полученное мною 8-го числа сего Сентября отъ Господина Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Княжевича письмо, касательно посыланія находящагося въ Гимназій ученикомъ сына его въ Петербургъ, Совѣту предлагаю учинить по оному согласно воли родителя распоряженіе. При чемъ слушали приложенное письмо и опредѣлили: принять сіе обстоятельство въ разсужденіе при Рапортѣ къ г-ну Куратору, о которомъ будетъ говорено въ слѣдующей статьѣ“¹⁾.

Полученіе этого губернаторскаго предложенія совпало съ возвращеніемъ отъ Румовскаго, жившаго тогда, вплоть до

¹⁾ Архивъ каз. гимн., 1803 г. дѣло № 28, л. 99 об., протокъ 9 сент., п. 9.

самаго открытія казанскаго университета (14 февраля 1805 г.), въ Петербургѣ, рапорта, испорченнаго благодаря небрежности почтоваго вѣдомства. Отвѣчая Румовскому, Совѣтъ пытается оправдаться во взводимыхъ на него Княжевичемъ обвиненіяхъ, но въ концѣ концовъ довольно откровенно сознается, что съ несогласіемъ родителей на отправку ихъ дѣтей въ Петербургъ, пожалуй, не стали бы считаться. Очевидно, господа педагоги были увѣрены, что родители отличенныхъ ими учениковъ, изъ благодарности за полученное ихъ дѣтьми казенное воспитаніе въ казанской гимназій, не посмѣютъ противиться отправленію ихъ въ столицу.

Въ протоколѣ упомянутаго засѣданія 9-го сентября слѣдующей статьей за предложеніемъ губернатора записано „предложеніе Попечителя Казанскаго Университета и его округа Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера Румовскаго: Возвращая приложенный при семъ рапортъ, которой въ пути такъ истерся, что нѣкоторыхъ именъ разобрать невозможно, предлагаю Совѣту Казанской Гимназій поспѣшить доставленіемъ мнѣ другого, и набудущее время принять мѣры къ отвращенію подобныхъ приключеній. При доставленіи мнѣ вторичнаго рапорта, желалъ бы я, чтобы показанныхъ въ рапортѣ учениковъ приобщены были лѣта ихъ возраста“. Определено: возложить на Господина правящаго должность Директора, дабы снесся онъ съ Почтъ-Директоромъ о принятіи имъ мѣръ къ сохраненію казенныхъ пакетовъ.—Лѣта отсылаемыхъ изъ ученическихъ списковъ внести въ возвращенной рапортъ; но новымъ донести о желаніи Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Княжевича, чтобъ сына его Дмитрія оставили при гимназій и не посылали въ училищную Гимназію, *причемъ привести объявленіе его будто бы Господинъ Кураторъ согласенъ* чтобъ никто не былъ отправленъ безъ воли родительской, и что Совѣтъ повсѣму тому исключилъ его изъ числа назначенныхъ къ отправленію. Въ отправленіе же Совѣта прибавить, что нѣкоторые члены зная положеніе онаго Княжевича и сомнѣваясь въ согласіи его, подали было мнѣніе

свое, чтобъ непосылать сына его въ число отправляемыхъ; но сей воспитанникъ объявилъ собственную волю свою, представилъ свое письменное согласіе его матери, что и показалось достаточнымъ за отсутствіемъ самаго отца. Обвиненіе же Княжевича, будто уговорами исторгли желаніе его сына, неосновательно. Всякъ, кто непредупрежденъ несправедливо противъ состоянія для котораго назначаются сіи воспитанники, будетъ разсуждать такъ, какъ вѣроятно всѣ онѣ мыслятъ. Имѣя особенно въ предмѣтѣ совершенствованіе своихъ познаній они думаютъ, что по прошествіи извѣстныхъ годовъ будутъ опять свободны выбрать себѣ родъ службы по мыслямъ своимъ, при томъ льстятъ себя, что особенно отличившіеся ученики могутъ простирать виды на вышшіе ученые мѣста. Въ заключеніе рапорта, представить Господину Куратору, что Совѣтъ чрезъ членовъ своихъ старался увѣриться въ согласіи и прочихъ Родителей, которыхъ находили они весьма довольными такимъ назначеніемъ ихъ дѣтей. Но съ иными за отдаленностію пребыванія отъ Казани не можно было снестись. Но есть ли бы сіи объявили противныя ожиданію мысли, то неужели это должно остановить Совѣтъ въ отправленіи ихъ сыновей. Сіе обстоятельство и послѣднее требованіе г-на Куратора касательно скорого якобы предварительнаго увѣдомленія о лѣтахъ побудило Совѣтъ отсрочить отправленіе воспитанниковъ до полученія отвѣта на рапортъ которой будетъ отправленъ по своему протоколу“.

Соотвѣтствующій рапортъ былъ посланъ къ попечителю Румовскому 14-го числа того же мѣсяца за № 107. Изъ него мы узнаемъ ту подробность сравнительно съ протоколомъ, что отецъ Княжевича въ это время былъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ возможность видѣться съ Румовскимъ и лично пожаловаться ему на гимназическій Совѣтъ: „изъ числа ихъ,—говорится въ рапортѣ,—выпущенъ Дмитрій Княжевичъ пожеланію его отца, которой *изъ Петербурга* письменно далъ о томъ знать, *прибавивъ, что и Ваше Превосходительство на то согласны*“. Послѣдняя прибавка, какъ мы видѣли, вне-

сена по постановленію Совѣта, записанному въ протоколъ, какъ будто члены Совѣта придавали ей особое значеніе: очевидно, они думали что Княжевичъ въ припадкѣ гнѣва хочетъ ихъ лишь запугать именемъ далекаго отъ нихъ „Господина Куратора“, и не сдѣлана ли эта прибавка со спеціальной цѣлью провѣрить ссылку Княжевича и такимъ тонкимъ дипломатическимъ путемъ вывѣдать мнѣніе Румовскаго о необходимости считаться съ желаніемъ родителей въ вопросѣ объ отобраніи у нихъ дѣтей? Какъ увидимъ далѣе, предположеніе это было не безосновательно.

Не былъ еще окончательно рѣшенъ вопросъ объ отсылкѣ нашихъ гимназистовъ въ Петербургъ, какъ на ихъ казенныя мѣста начали уже „наклеиваться“ новые кандидаты, и 27 августа въ Совѣтѣ доложено было „предложеніе Г. Попечителя Кацарева“ (попечителя гимназіи, а не университета или округа,—казанскаго губернатора Ник. Ив. Кацарева) отъ того же числа за № 2543: „Поданнымъ ко мнѣ вдова Прапорщица Федора Смолина прошеніемъ изъясняя, что другой уже тому годъ, какъ сынъ ея родной Петръ Смолинъ находится въ гимназіи въ числѣ своекоштныхъ воспитанниковъ, котораго по бѣдности ея состоянія снабждать приличною одѣждою она не въ состояніи, просить того сына ея помѣстить на казенное содержаніе, а какъ мнѣ извѣстно, что изъ числа находящихся въ гимназіи на казенномъ иждивеніи воспитанниковъ десять человѣкъ должны быть отправлены для усовершенствованія наукъ къ попечителю Казанскаго Университета г-ну Румовскому въ Петербургъ, то препровождая у сего означенную прозьбу на уваженіе Совѣта предлагаю сдѣлать по ней подлежащее разсмотрѣніе и просительницѣ въ возможномъ удовлетвореніи“ ¹⁾.

1803-го года Сентября 16-го дня въ Совѣтѣ Казанской Гимназіи слушано было: Предложеніи Г-на Попечителя Ка-

¹⁾ Архивъ каз. гимн., дѣло 1803 г. № 30, л. 91.

занскаго Университета и Округа его Дѣйств. Сов. и Кавалера Степана Яковлевича Румовскаго: 1) отъ 31-го минувшаго Августа подъ № 77-мъ слѣдующее: „По причинѣ премѣнившихся обстоятельствъ Министръ Народнаго Просвѣщенія за благо разсудилъ отмѣнить отправленіе въ С.-Петербургъ воспитанниковъ Казанской Гимназіи; не взирая на сіе доставить мнѣ имена назначенныхъ къ отправленію для моего свѣдѣнія по тому, что я полагаю, что по мнѣнію Совѣта лучшіе изъ оныхъ были назначены“. Определено: Отвѣчать Г'осподину Попечителю что Совѣтъ въ послѣднемъ рапортѣ означилъ учениковъ, которыхъ хотѣли отправить въ учительскую Гимназію; Канторѣ же дать знать, что воспитанники не должны уже быть отправлены ¹⁾).

Спустя двѣ недѣли былъ разъясненъ попечителемъ и вопросъ объ исключеніи Д. Княжевича изъ списка учениковъ, рекомендуемыхъ къ отсылкѣ въ Петербургъ. Въ протоколѣ засѣданія Совѣта гимназіи отъ 15 октября читаемъ „выписку изъ предложенія, октября 1-го казанской гимназіи даннаго“: „Наконецъ долгомъ я поставляю объявить Совѣту, что не согласенъ я бы на выпускъ казеннаго воспитанника Дмитрія Княжевича, неизпрося на сіе соизволенія Министра Народнаго Просвѣщенія, ежелибъ Совѣтъ ко мнѣ отнесся, и мнѣ кажется удивительно, что Совѣтъ основался на увѣреніи родителя, будто бы я далъ согласіе на выпускъ сына его“. ²⁾

Интересно, что послѣ попытки М. Д. Княжевича освободить сына своего Дмитрія отъ посылки въ Петербургъ помимо его желанія, онъ уже иначе отнесся къ судьбѣ другого своего сына, Александра (впослѣдствіи министра финансовъ 1858—1862 г.г.), когда тотъ былъ уже студентомъ университета. Казенные студенты обязывались по окончаніи курса пробывать

¹⁾ Архивъ каз. гимн., дѣло 1803 г. № 28, л. 103.

²⁾ Архивъ каз. унив., дѣло канц. Попеч. 1803 г., № 44.

нѣкоторое время при педагогическомъ институтѣ университета въ званіи кандидата; родители, отдающіе сыновей на казенное содержаніе, давали подписку въ томъ, что „предоставляютъ ихъ въ полное распоряженіе гимназій и университета“; лица, оставляющія университетъ, обязывались подпискою прослужить не менѣе шести лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Передъ отъѣздомъ изъ Казани послѣ открытія университета попечитель Румовскій распорядился, чтобы Яковкинъ, тогда уже инспекторъ университета, запросилъ родителей о желаніи ихъ оставить или вновь отдать сыновей „въ полное распоряженіе университета“. Тогда М. Д. Княжевичъ приславъ Яковкину слѣдующій отвѣтъ: „Милостивый государь Илья Ѳеодоровичъ! Сынъ мой Александръ пишетъ ко мнѣ, что вы требуете отъ меня письменнаго отзыва, хочу ли я его оставить на казенномъ коштѣ; на что васъ увѣдомляю, что я на сіе весьма согласенъ и очень радъ, ежели сынъ мой будетъ достоинъ того жребія, чтобы доходить въ университетѣ до вышнихъ степеней наукъ, и рекомандую его въ ваше покровительство и покорнѣйше прошу быть ему отцомъ на мѣсто меня. Знаю я многотрудную должность быть учителемъ и обучать дѣтей, но сей трудъ награждается тѣмъ, что онъ все сіе время можетъ обучать самъ себя и приходить къ вѣщему совершенству... Повторяю мою всепокорнѣйшую просьбу, будьте ему, м. г., въ его малолѣтствѣ защитникомъ и благодѣтелемъ, за что я останусь во всю мою жизнь вамъ благодарнымъ“... ¹⁾

Въ заключеніе два слова о дальнѣйшей судьбѣ петербургской учительской гимназій. 16 апрѣля 1804 г. она переименована въ Педагогическій Институтъ, какъ „отдѣленіе имѣющаго учредиться въ С.-Петербургѣ университета,—сообразно тому, какъ называются таковыя отдѣленія въ другихъ универ-

¹⁾ Н. П. Залоскинъ, «Исторія Импер. Каз. Унив. за первыя сто лѣтъ его существованія (1804—1904)», т. I. К. 1902, стр. 83, 84, 18.

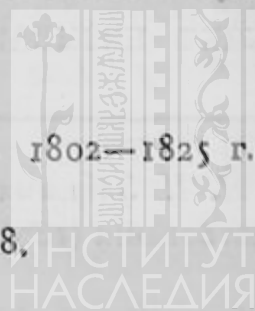
ситетахъ" ¹⁾, 23 декабря 1816 г. это учебное заведеніе получило названіе Главнаго Педагогическаго Института съ особымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ и штатами ²⁾, а 8 февраля 1819 г. онъ преобразованъ въ С.-Петербургскій Университетъ ³⁾.

¹⁾ Сборн. постан. по мин-ву нар. просв., т. I. 1802—1825 г.г. Спб. 1864, ст. 205.

²⁾ Тамъ же, ст. 829—874 и прилож. стр. 27—28.

³⁾ Тамъ же, стр. 1152—1160.

Степанъ Яковлевичъ Румовскій,
первый попечитель казанскаго учебнаго округа.

БИБЛИОТЕКА
НИИ и Краеведческой
и Музейной работы

ученики—надзиратели казанской гимназіи въ началѣ XIX столѣтія ¹⁾).

Въ настоящее время, когда ожидаются важнѣйшія реформы въ дѣлѣ народнаго образованія, нерѣдко приходится слышать недоумѣнные запросы: откуда же взять учителей при предполагаемомъ введеніи всеобщаго обученія для вновь открываемыхъ народныхъ училищъ, а также при ограниченіи числа недѣльных уроковъ у преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній (при введеніи новыхъ штатовъ), какъ нынѣ существующихъ, такъ и ежегодно учреждаемыхъ въ довольно значительномъ количествѣ? Подобное увеличеніе числа учебныхъ заведеній было и въ началѣ прошлаго столѣтія: въ теченіе шести лѣтъ (1803—1805 и 1808—1811 г. г.) въ разныхъ мѣстахъ Россіи было открыто 36 гимназій—число, можно сказать, очень большое, сравнительно съ количествомъ ранѣе существовавшихъ школъ того же типа. А число высшихъ учебныхъ заведеній, специально подготовлявшихъ молодыхъ людей къ педагогической дѣятельности, было весьма ограничено: московскій и виленскій университеты и петербургская педагогическая гимназія, изъ которой въ 1816 году возникъ петербургскій университетъ.

Является вопросъ, откуда же набирался контингентъ преподавателей, а также воспитателей для интернатовъ, существовавшихъ и тогда при гимназіяхъ? Учительскія мѣста закрѣплялись во многихъ случаяхъ лицами, не получившими специальной подготовки, изъ числа окончившихъ курсы въ духовныхъ семинаріяхъ и главныхъ народныхъ училищахъ. Обра-

¹⁾ Доложено въ общемъ собраніи О. А., И. и Э. 8 декабря 1909 г.

щаясь къ послужнымъ спискамъ учителей казанской гимназіи начала XIX столѣтія, мы видимъ, что здѣсь было нѣсколько человѣкъ изъ окончившихъ курсы въ московскомъ университетѣ (Гр. Ив. Корташевскій, Левъ Сем. Левицкій, Ив. Ив. Запольскій, Ст. Серг. Петровскій, Ник. Мис. Ибрагимовъ), одинъ съ заграничнымъ высшимъ образованіемъ (Юг. Генрихъ Эрихъ, „кандидатъ теологіи изъ Эрфурта“) и одинъ (И. Ѳ. Чекиевъ) „изъ воспитанниковъ петербургской академіи художествъ“, но число ихъ было невелико, всего 7 человѣкъ изъ 26 служащихъ въ гимназіи по учебной и воспитательной части (въ 1804 г.). У многихъ изъ нихъ въ послужныхъ спискахъ прямо обозначается поступленіе на службу безъ указанія на полученное ими образованіе. Интересны свѣдѣнія о комнатныхъ надзирателяхъ, которые кромѣ наблюденія за поведеніемъ учениковъ должны были помогать имъ въ приготовленіи уроковъ. Въ 1804 году эти должности занимали слѣдующія 9 лицъ: С. А. Поповъ—въ службу вступилъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ капраломъ; К. И. Мейснеръ—„21 іюня 1789 г. поступилъ лѣкарскимъ ученикомъ въ московскую хирургическую школу, и по несклонности къ медицинской наукѣ уволенъ того же года декабря 13“; И. М. Ридеръ—„г. Брауншвейга форштмейстерской сынъ“—свѣдѣній объ образованіи и о предыдущей службѣ въ формулярѣ нѣтъ; В. И. Горрь—„въ службу вступилъ въ московской генеральной гошпиталь подлѣкарскимъ ученикомъ“, потомъ „опредѣленъ въ губернской городъ Вятку подлѣкаремъ“, затѣмъ былъ „казанской губерніи въ городѣ Козмодемьянскѣ“, „въ уѣздномъ городѣ Ланшевѣ“, и наконецъ „въ уѣздномъ городѣ Мамадышахъ на ваканціи старшаго лѣкарскаго ученика“, послѣ чего поступилъ въ гимназію надзирателемъ; А. И. Васильевъ—изъ учениковъ гимназіи; Е. И. Лосевъ служилъ въ великолукскомъ полку солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ, сержантомъ, затѣмъ въ московской полиціймейстерской конторѣ, откуда переведенъ въ вѣдомство строенія Села Царскаго, далѣе вступилъ въ выборгскую пограничную стражу надзирателемъ, далѣе въ винную и

соляную экспедицію олонцакаго намѣстничества для закупки припасовъ, былъ засѣдателемъ въ царевкокшайскомъ нижнемъ земскомъ судѣ и, наконецъ, солянымъ приставомъ въ г. Козмодемьянскѣ; І. Ф. Наттерманъ—„нардгаузенской уроженецъ 48 лѣтъ“; Е. С. Лапшинъ—началь службу въ пермскомъ мушкатерскомъ полку, изъ котораго переведенъ въ такой же козловскій полкъ, оттуда выпущенъ въ симбирскую губернскую роту, помѣщенъ въ алатырскую штатную команду, былъ въ Симбирскѣ и въ Алатырѣ кварталнымъ надзирателемъ и частнымъ приставомъ въ Ставрополѣ, въ гимназіи надзирателемъ былъ дважды, а въ промежуткѣ успѣлъ послужить кварталнымъ надзирателемъ въ штатѣ казанской полиціи; наконецъ, Ф. С. Трофимовъ до назначенія надзирателемъ гимназіи служилъ въ казанскомъ гарнизонномъ и въ томскомъ мушкетерскомъ полкахъ.

По этимъ официальнымъ даннымъ можно судить, насколько подготовлены были казанскіе учителя и воспитатели къ педагогической дѣятельности своей предшествовавшей полковой, подлекарской и полицейской службой. Немудрено поэтому, что начальство и Совѣтъ гимназіи, чувствуя недостатокъ въ учителяхъ и надзирателяхъ и отыскивая лицъ, могущихъ занять свободныя мѣста, остановились на мысли приспособить къ дѣлу лучшихъ изъ учениковъ высшихъ классовъ. Вѣроятно, они имѣли предъ собою вѣковую практику духовной школы. Иногда выборъ оказывался удачнымъ и изъ гимназистовъ выходили, повидимому, дѣльные педагоги, но были и такіе случаи, когда педагогическій персоналъ ошибался въ своемъ мнѣніи объ ученикахъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о двухъ воспитанникахъ—Павлѣ Делаacroa и въ особенности Петрѣ Сыромятниковѣ.

Въ засѣданіи Совѣта 16 іюня 1802 года заслушано было предложеніе директора гимназіи, (въ которомъ описывая, сколь полезно имѣть въ надзирателяхъ людей съ познаніями и въ состояніи присматривать за домашними казенныхъ питомцевъ упражненіями и представляя сколь выгодно во многихъ отношеніяхъ дѣлать такихъ надзирателей изъ учениковъ взрослыхъ съ познаніями дознанными—предлагаетъ, чтобъ объ ученикѣ Делаacroa, котораго по лѣтамъ и знаніямъ считаетъ онъ не только достойнымъ быть над-

зирателемъ, но и кандидатомъ учительскимъ, отобрать всѣхъ членовъ мнѣнія и есть ли онѣ будутъ въ его пользу, то представить на утвержденіе Попечителю онаго Делаacroa въ надзирательской должности на счетъ пенсіонировъ, есть ли казенныя мѣста уже заняты.—Члены Совѣта по поводу сего предложенія предлагали свои мнѣнія: Инспекторъ, что онъ находилъ Павла Делаacroa всегда во всѣхъ классахъ съ лучшими успѣхами и поведеніемъ, былъ доволенъ и домашними его упражненіями въ особенности переводами на французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ изъ которыхъ равно какъ по классамъ и рапортамъ учителей сихъ языковъ видѣлъ отличные его передъ всѣми успѣхи въ языкахъ сихъ; свидѣтельствуетъ, что Делаacroa кончилъ курсъ Географіи и Исторіи и рекомендуетъ его кандидатомъ вышшаго Ариѳметическаго класса.—Главной Надзиратель, что поведеніе его было всегда хорошо и не противорѣчитъ видамъ какіе имѣютъ теперь на него Делаacroa.—Учитель философіи и краснорѣчія, что въ обоихъ его классахъ Делаacroa былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, что онъ окончилъ Логику и Руской классъ.—Учитель вышней чистой Математики, что Павелъ Делаacroa знаетъ, какъ должно знать, Ариѳметику по новому буквальному методу, нужнѣйшую часть Алгебры до уравненія третьей степени, Геометрію и Тригонометрію; что впрочемъ чистая Математика безконечна; что съ дарованіями и охотою, какую имѣетъ Делаacroa, можно продолжать дальше отъ себя; что хотя онъ выдетъ изъ числа учениковъ, на предполагаемой здѣсь конецъ, то все можетъ онъ пользоваться ученіемъ дальнѣйшимъ въ чистой Математики; что словомъ хотя до класса чистой Математики онъ только нынѣшнимъ годомъ дошелъ, однако сіе обстоятельство не препятствуетъ рекомендовать его какъ самаго способнѣйшаго изъ учениковъ занять въ имени кандидата упраздненной теперь вышней Ариѳметической классъ.—Учитель Физики и Смѣшанной Математики по болѣзни своей прислалъ письменное свидѣтельство, что Делаacroa окончилъ курсъ физики съ хорошими успѣхами и что по—праву класса Смѣшанной Математики можетъ его рекомендовать въ кандидаты вышшаго Ариѳметическаго класса.—Учитель вышшаго Нѣмецкаго класса по своей болѣзни объявилъ черезъ Секретаря Совѣта, что Делаacroa въ семъ языкѣ оказалъ успѣхи какихъ только можно желать.—Совѣтъ слушая такіе отзывы объ ученіи и поведеніи онаго Делаacroa Опредѣлилъ здѣлать его Комнатнымъ Надзирателемъ [онаго Делаacroa] съ тѣмъ, что бы онъ не только за поведеніемъ своихъ питомцевъ, но и за упражненіями ихъ имѣлъ смотрѣніе, а вмѣстѣ дать ему вышній Ариѳметическій классъ сперва только на годъ, дабы видѣть по самому опыту его способность къ сей должности. Но дабы по новости его Гимназія не потеряла успѣховъ въ препоручаемомъ оному Делаacroa классѣ, то объявить Инспектору дабы имѣлъ онъ не усильное смотрѣнію надъ ученіемъ новоопредѣляемаго, а вмѣстѣ подчинить его особенному надзиранію учителя вышней чистой Математики которой усмотря что небудь не выгодное въ методѣ ученія, имѣетъ давать ему свои наставленія, а въ случаѣ нужды относиться въ Совѣтъ. Инспектору и Главному Надзирателю объявить, дабы каждой по своей части старался о послушаніи новоопредѣляемому учениковъ, имѣющихъ быть ему подчиненными.—По неже казенныя надзирательскіе мѣста всѣ заняты, то Делаacroa долженъ быть

надзирателемъ на шесть пенсіонеровъ, на что есть въ послѣднемъ положеніи Высочайшее повелѣніе. Желованье полагается на первой случай двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ. Делаacroa, какъ одолженной Гимназіи своимъ воспитанникомъ долженъ быть и симъ доволенъ на этотъ разъ. Секретарь имѣетъ потребовать на все сіе его собственное согласіе и когда не будетъ онъ противорѣчить, то представить Господину Попечителю на утвержденіе его въ своихъ должностяхъ и въ жалованьи, изъясняя притомъ, что по всѣмъ отношеніямъ можно сказать, что Делаacroa кончилъ курсъ ученія Гимназическаго и выпускъ его былъ бы и безъ сего случая справедливъ¹⁾.

Черезъ полгода представился случай къ замѣщенію другой вакансіи комнатнаго надзирателя ученикомъ гимназіи Сыромятниковымъ. На него, какъ увидимъ далѣе, возложены были еще обязанности регистратора въ гимназическомъ Совѣтѣ, а вскорѣ и временное исполненіе обязанностей секретаря этого Совѣта, на случай отсутствія лица, состоящаго въ этой должности. 18 февраля 1803 г. въ Совѣтѣ заслушано

«введеніе Канторы Гимназіи²⁾ о томъ, что вмѣсто бывшаго Квартермистра Гимназіи 10-го класса Волкова утвержденъ въ сей должность Надзиратель Михайловъ и слѣдственно мѣсто Михайлова остается празднымъ, то Совѣтъ вошелъ бы въ разсмотрѣніе объ опредѣленіи на мѣсто онаго Михайлова Комнатнаго Надзирателя. О п р е д ѣ л е н о: Поелику Гимназіи Высочайшимъ рескриптомъ прошлаго 1802-го года предоставлено наполнять убытныя учительскія мѣста кандидатами изъ своихъ воспитанниковъ; и къ должности такой довольно способнымъ предвидится воспитанникъ Сыромятниковъ; то на непредвидимыя случаи для какихъ нибудь праздныхъ классовъ опредѣлить его учительскимъ кандидатомъ на мѣсто онаго надзирателя Михайлова—съ производствомъ ему Сыромятникову положеннаго по штату за надзирательскую должность жалованья. При семъ онъ Сыромятниковъ приметъ на себя на нѣкоторое время изъ признательности къ Гимназіи за воспитаніе свое и должность Регистратора въ Совѣтѣ—какъ по тому, что ученики дѣла должны быть ему извѣстны, нежели простому приказному служившему, такъ и потому, что Кантора по объявленію Г-на правящаго должность ректора затрудняется и сама въ приказныхъ служителяхъ, въ чемъ и можетъ она получить облегченіе, ежели отправляющій теперь въ Совѣтѣ должность сію приказный служитель Курбатовъ, будетъ въ нее отсланъ. Сверхъ сего новопроизводимый Надзиратель Сыромятниковъ не освобождается такъ

¹⁾ Дѣло гимназическаго архива, 1802 г., № 15. Протоколъ 16 іюля, д. 5 об.—47 об.

²⁾ Совѣтъ гимназіи и ея «Кантора» представляли изъ себя два самостоятельныя учрежденія, постоянно сносившіяся одно съ другими бумагами, ордерами, вѣдѣніями и проч.

же и отъ хожденія въ классы, къ какимъ въ особенности Совѣтъ назначить ему приготовляться; обовсемъ же семъ, въ чемъ слѣдуетъ къ Господину Попечителю отнестись рапортомъ. въ Кантору же о Курбатовѣ вѣденіемъ, когда послѣдуетъ отъ Г-на Попечителя разрѣшеніе ¹⁾).

Учитель гимназіи Гр. Ив. Карташевскій, извѣстный по „Воспоминаніямъ“ С. Т. Аксакова, состоявшій въ то время секретаремъ Совѣта, внесъ со своей стороны „представленіе“

«о томъ, что въ послѣднія два засѣданія, въ которыя за моею болѣзною я не могъ присутствовать, опредѣленъ Петръ Сыромятниковъ коммуннымъ надзирателемъ и регистраторомъ для Совѣта. Какъ онъ по высочайшему рескрипту Государя Императора долженъ числиться въ четвернадцатомъ классѣ, то и можно довѣрить ему больше нежели тому, кого нельзя еще назвать чиновникомъ. Почему пользуясь симъ случаемъ намѣренъ представить Совѣту о слѣдующемъ: 1-е. Не угодно ли будетъ, постановить разъ на всегда, чтобы по болѣзни моей или по законной отлучкѣ оной Сыромятниковъ отправлялъ должность Секретаря къ чему признаю его довольно способнымъ, въ особенности такъ какъ многіе изъ Господъ членовъ вѣроятно не откажутся руководствовать ему—прежде бывшему ученику ихъ.— 2-е. Какъ Сыромятниковъ будучи надзирателемъ обязанъ быть почти неотлучно въ Гимназіи, я же только на немногіе часы прихожу въ Гимназію позову учительской моей должности; между тѣмъ справки съ бумагами Совѣта частію со стороны Канторы, а частію со стороны Г-на Попечителя и Директора Гимназіи могутъ случаться въ неопредѣленное время, что предполагаетъ дабы чиновникъ, имѣющій подъ храненіемъ оныя бумаги, былъ всегда налицо во все продолженіе публичнаго отправленія казенныхъ дѣлъ; то не благоугодно ли Совѣтъ для облегченія меня въ такомъ дѣлѣ, которое какъ извѣстно Совѣту принялъ я на себя по своей доброй волѣ, изъ одного усердія къ пользѣ мѣста моего служенія, а не изъ интересу—возложить на Сыромятникова храненіе дѣлъ Совѣта какъ на такого человѣка въ добрыхъ нравахъ котораго какъ я, такъ—надѣюсь и прочіе члены не сомнѣваются.— 3-е. Хотя Курбатовъ по опредѣленію Совѣта и по представленію о томъ Г-ну Попечителю, долженъ быть отосланъ въ Кантору для отправленія тамошнихъ дѣлъ, а также и у Г-на Инспектора; однакожъ почитаю за нужное представить симъ Совѣту, не угодно ли будетъ оставить его на нѣкоторое время при Совѣтѣ, для приведенія дѣлъ въ надлежащій порядокъ, которой особенно для предыдущаго времени почитано нужнымъ. Въ оное время Курбатовъ сдѣлаетъ помощь Сыромятникову при потребной перепискѣ, которой для распоряженія старыхъ бумагъ, имѣетъ тѣмъ же порядкомъ поступать съ новыми; равно наблюдать при отсутствіи настоящаго Секретаря ту форму про-

¹⁾ Дѣло гимназическаго архива 1803 г. № 28. Протоколъ 18 февраля, л. 29 об.

токоловъ, какая заведена послѣ новаго году по словесному предложенію въ послѣднемъ присутствіи Совѣта истекшаго года, Правившаго тогда должностъ Директора Гимназіи, заставляя также тѣхъ, кому предлежитъ объявить что нибудь отъ Совѣта, подписываться на самомъ протоколѣ по выслушаніи его, естли такой чиновникъ пообстоятельствамъ немогъ явиться въ Совѣтъ и выслушать отъ Г-на Директора что относилось до него, какъ обыкновенно водится;—и прочее тому подобное.—О п р е д ѣ л е н о: уважая резоны сихъ представленія статей Г-на Корташевского, Совѣтъ на все соглашается; о возлагаемомъ же на Сыромятникова объявить ему словесно въ Совѣтѣ» ¹⁾).

Кромѣ Делаacroа и Сыромятникова, въ началѣ 1803—4 уч. года были еще три надзирателя, опредѣленные на эти должности таже изъ учениковъ гимназіи. Для нихъ была составлена особая инструкція и кромѣ того посланы 12 октября изъ Совѣта слѣдующіе „ордера“:

«Сверхъ общей Инструкціи которую вы получите изъ рукъ Главнаго Надзирателя предписывается вамъ еще имѣть смотрѣніе за упражненіями воспитанниковъ ввѣренныхъ надзиранію вашему, повторять съ ними пройденное учителями въ классахъ, замѣчать исправностъ каждаго изъ нихъ въ приготовленіи себя къ лекціямъ, и въ рапортахъ къ концу мѣсяца означать, кто каковымъ найденъ вами со стороны прилѣжанія въ комнатныхъ упражненіяхъ. Между тѣмъ начальство надѣется, что и вы будете стараться поддерживать то хорошее мнѣніе, какое имѣетъ оно о вашей ревности къ просвѣщенію; будете усовершенствовать ваши успѣхи въ тѣхъ наукахъ какими занимались вы до опредѣленія къ настоящей вашей должности; поставите себя главнымъ предметомъ ваше образованіе, такъ какъ начальство поставляетъ его. Увольняя васъ симъ въ теченіи преподаванія лекцій отъ всѣхъ прочихъ обязанностей вашихъ и не оставляя никакого препятствія могущаго удержать васъ отъ классовъ».

Такіе „ордера“ посланы были надзирателямъ: Сыромятникову, Васильеву, Александру и Николаю Скуридинымъ; Делаacroа посланъ былъ ордеръ нѣсколько иного содержанія:

(Начало то же, до словъ: «въ комнати ихъ упражненіяхъ») ... «Какъ кромѣ надзирательской должности поручены вамъ еще два класса, то разсуждая сколько свободнаго времени нужно вамъ для приготовленія себя къ преподаваемымъ вамъ урокамъ и для поправленія задачъ ученическихъ, почитено за нужное уволить васъ отъ слушанія лекцій для собственнаго вашего наставленія, развѣ когда досугъ дозволить вамъ, что предоставляется на ваше расположеніе» ²⁾).

¹⁾ Тамъ же. Протоколъ 4 марта, л. 33.

²⁾ Дѣло гимназич. архива 1803 г. № 30. Исходящая, л. 127.

Но недолго прослужилъ Сыромятниковъ въ должности надзирателя. Пока составлялась да переписывалась инструкция ему по этой должности, онъ задумалъ покинуть воспитавшую его гимназію и искать службы въ другомъ вѣдомствѣ: совершенно неожиданно его наставникамъ, бывшимъ о немъ самаго лучшаго мнѣнія, пришлось выслушать въ засѣданіи Совѣта 21 октября

«введеніе Канторы Гимназіи о томъ, что Сообщеніемъ Казанская Казенная Палата по случаю вступившей въ оную отъ Комнатнаго сей Гимназіи Надзирателя Петра Сыромятникова прозбы, о помѣщеніи его на имѣющуюся тамъ протоколистовскую ваканцію—требуеъ увѣдомленія: согласна ли Кантора просителя Сыромятникова уволить къ опредѣленію въ штатъ сей Палаты, и буде на таковое перемѣщеніе изъяснить согласіе: то бы его Сыромятникова по выключкѣ изъ своего вѣдомства прислала во оную со свидѣтельствомъ о произхожденіи наукъ, равно, съ каковымъ поведеніемъ и прилѣжностію исправлялъ онъ показуемая должности.—а потому въ оной Канторѣ опредѣлено: какъ оной Сыромятниковъ находясь въ числѣ казенныхъ воспитанниковъ, въ должность Комнатнаго Надзирателя помѣщенъ Совѣтомъ, то и увольненіе его къ другой должности предоставить общему разсмотрѣнію сего Совѣта, а по тому сообщить о семъ во оной вѣдѣніемъ приложивъ пріономъ съ сообщенія Палаты копію». Причемъ слушана была копія съ сообщенія оной Палаты и О п р е д ѣ л е н о: дать знать Канторѣ, что Совѣтъ самъ по себѣ не можетъ рѣшиться на увольненіе надзирателя Сыромятникова какъ по тому, что онъ не окончилъ еще курса ученія по нѣкоторымъ предмѣтамъ, такъ и по тому, что Г-нъ Попечитель въ послѣднемъ своемъ предписаніи изъяснилъ свое не согласіе о выпускѣ одного изъ назначенныхъ въ учительскую Гимназію воспитанниковъ, къ числу которыхъ и Сыромятниковъ принадлежить; притомъ прежде предписывалъ готовить гимназистовъ къ Профессорскимъ лекціямъ, и наконецъ Совѣтъ не знаетъ, не имѣетъ ли Господинъ Попечитель какихъ нибудь видовъ вообще на тѣхъ учащихся въ Гимназіи, которые оканчиваютъ курсъ наукъ; Почему Совѣтъ отнесется къ Г-ну Попечителю и испроситъ его согласія на увольненіе Сыромятникова.—Въ упомянутомъ отношеніи должно описать намѣреніе Совѣта при опредѣленіи воспитанниковъ къ надзирательскимъ должностямъ, и требовать наставленія Г-на Попечителя о содержимыхъ казеннымъ иждивеніемъ, и о томъ, можноли удовлетворять прозбы родственниковъ, желающихъ брать ихъ изъ Гимназіи, когда они получаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ наукахъ»¹⁾.—

¹⁾ Дѣло гимназич. архива 1813 г. № 28. Протоколы, л. 126.

Вслѣдствіе такого постановленія былъ посланъ попечителю въ Петербургъ соотвѣтствующій рапортъ:

«Казанская Казенная Палата снесясь съ Гимназіею спрашивала можно ли уволить изъ сего училища Петра Сыромятникова для опредѣленія его къ себѣ Протоколистомъ. Сей Сыромятниковъ есть одинъ изъ тѣхъ десяти человѣкъ которые были назначены для учительской Гимназіи. Совѣтъ не зная, не имѣете ли Ваше Превосходительство какихъ видовъ на сихъ или и на другихъ воспитанниковъ казеннаго содержанія не могъ рѣшиться самъ по себѣ уволить Сыромятникова. Примѣръ такой можетъ быть и впредь не рѣдокъ; сверстники Сыромятникова пожеланію своему, или родственниковъ своихъ захотятъ оставить Гимназію. Почему Совѣтъ проситъ Ваше Превосходительство разрѣшить его, можно ли выпускать изъ Гимназіи воспитанныхъ казеннымъ иждивеніемъ, или должны они ожидать открытія университета, дабы въ немъ усовершенствоваться и наполнить пріобрѣтенныя ими здѣсь познанія, Принимаемые на казенное содержаніе не обязываются отъ Гимназіи ни какими условіями. Уставъ сего училища не отнимаетъ у нихъ свободы выходить изъ Гимназіи когда они сдѣлаютъ успѣхи въ наукахъ до нѣкоторой степени, не ограничивая точно курса всего ученія. Что касается особо до Сыромятникова, то должно прибавить, что онъ изъ разночинцевъ, и что сдѣланъ уже надзирателемъ:—Обстоятельство введенное въ употребленіе, частію, дабы наградить преимущественные успѣхи, частію и по тому, что Гимназія находила всегда величайшую трудность сыскивать хорошихъ людей къ симъ должностямъ; а взрослые и отличившіеся воспитанники могутъ совершенно удовлетворять обязанностямъ надзирателя, зная порядокъ въ семъ училищѣ введенной; при томъ они въ состояніи руководствовать ввѣренныхъ имъ воспитанниковъ въ домашнихъ упражненіяхъ. Впрочемъ положеніе, на какомъ находятся надзиратели сіи вразсужденіи ученія мало отходить отъ ученическаго; они обязаны также продолжать свои науки, и разница только та между ними, что надзирателямъ уступлены нѣкоторыя свободныя часы для большаго усовершенствованія себя въ тѣхъ знаніяхъ, которыя они преимущественно назначили себѣ.—Совѣтъ будетъ ожидать разрѣшенія Вашего Превосходительства на настоящій рапортъ, и до того не сдѣластъ утвердительнаго отвѣта Казанской Казенной Палатѣ о Сыромятниковѣ»¹⁾).

Узнавъ о такомъ постановленіи Совѣта, Сыромятниковъ рѣшилъ обратиться къ далекому „господину Куратору“ съ письмомъ, въ которомъ онъ изложилъ основанія, заставляющія его оставить службу въ гимназіи и поступить въ казенную палату:

¹⁾ Дѣло 1803 г. № 30, окт. 26, стр. 150.

«Совѣтъ Казанской Гимназіи уже представилъ на разсмотрѣніе Вашему Превосходительству сообщеніе Казанской Казенной Палаты о увольненіи меня въ оную. Я приѣмлю смѣлость дать съ моей стороны отчетъ Вашему Превосходительству, что побуждаетъ меня оставить родъ службы, къ которому гимназія меня назначила, по поводу предложенія Вашего Превосходительства о вызовѣ нашихъ воспитанниковъ въ учительской Институтъ. Я былъ въ числѣ выбранныхъ, сколько мое прилѣжаніе и посильные успѣхи меня того удостаивали; хотя внутренно сознавая въ себѣ неспособность быть въ званіи такъ называемыхъ дѣйствительно ученыхъ, я тогда болѣе страшился оказать себя посредственнымъ, нежели чувствовалъ ревность отличиться. Безчисленными надѣюсь опытами увѣрены Ваше Превосходительство что пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ познаній въ началахъ ученія не всегда общаетъ успѣхъ въ усовершенствованіи себя онымъ, и что острота и способность въ отрочѣ не предполагаетъ еще будущаго генія. Впрочемъ скольниповерхностны мои свѣдѣнія въ наукахъ, надѣюсь что ихъ довольно будетъ для меня въ томъ мѣстѣ, куда себя опредѣляю, когда усердіе къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей будетъ руководствовать мною. Небезызвѣстно также Вашему Превосходительству, что для отечества всѣ роды служенія равно нужны; тѣмъ болѣе потребна во всякомъ добрая воля и способность.

Представя все сіе на благоразсужденіе Вашему Превосходительству всепокорнѣйше прошу васъ Милостивый Государь оказать мнѣ отеческое благодѣяніе, не лишитъ меня сего открывшагося случая вступить въ состояніе гражданина. Симъ пріобрѣтете вы вѣчную къ Вашему Превосходительству признательность отъ меня и отъ бѣднаго сѣмейства отца моего и присвокупите всѣхъ насъ къ числу одолженныхъ вами.» ¹⁾

Осторожность Совѣта въ рѣшеніи вопроса объ увольненіи Сыромятникова на службу въ другомъ вѣдомствѣ вполне понятна, если вспомнимъ, что только лишь передъ этимъ Совѣтъ получилъ строгое замѣчаніе отъ попечителя за исключеніе, безъ его вѣдома, Дм. Перевощикова изъ списка учениковъ, намѣченныхъ къ отсылкѣ въ петербургскую учительскую гимназію. И на этотъ разъ осторожность оказалась далеко не лишней, какъ это увидимъ сейчасъ изъ отвѣтнаго предписанія С. Я. Румовскаго:

«Совѣтъ благоразумно поступилъ, что неотнесшись комѣ не уволилъ воспитанника Сыромятникова. Ежели бъ Совѣтъ рѣшился его уволить, то многіе другіе послѣдовалибы его примѣру. въ такомъ случаѣ, когда Университетъ откроется, кому Профессоры будутъ читать лекціи?—Сыромятниковъ,

¹⁾ Архивъ каз. унив., дѣло канц. Попеч. 1803 г. № 51.

какъ я вижу изъ рапортовъ, есть одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и сдѣланъ уже надзирателемъ, то предлагаю Совѣту, призвавъ его въ собраніе, стараться убѣдить увѣщаніями, чтобъ продолжалъ ученіе. При семъ случаѣ Совѣтъ вручить ему приложенное здѣсь письмо.»—Послѣ чего оной надзиратель былъ призванъ въ собраніе и вручено ему оное письмо. Причемъ правящій должность директора и прочіе члены дѣлали ему приличныя увѣщанія побуждая его къ тому, чтобы напряженнымъ стараніемъ и отличными успѣхами въ ученіи старался заслужить продолженіе того добраго мнѣнія какое имѣетъ объ немъ Господинъ Попечитель. Въ заключеніе же о предѣлено: извѣстить Кантору, что Его Превосходительство не далъ своего согласія на увольненіе Сыромятникова» ¹⁾.

Упомянутое сейчасъ письмо попечителя сохранилось въ копіи въ архивѣ университета. Вотъ что писалъ Сыромятникову Румовскій:

«Государь мой. Если бъ вы въ письмѣ своемъ ко мнѣ не столь скромно и не столь умѣренно говорили о своихъ успѣхахъ, тобъ я согласился съ вами, что пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ въ наукахъ познаній необѣщаетъ еще вамъ званія дѣйствительнаго ученаго. Высоко о себѣ мыслящіе никогда онаго не достигаютъ, потомучто възгордяся такими успѣхами думаютъ, что они достигли до совершенства и что имъ ничего неостается, къ чемубъ могли устремляться. въ васъ на противъ того недостаетъ только доброй воли далѣе простираться. Состояніе, къ которому вы себя назначаете, требуетъ новаго на выку, а къ тому, къ которому по сіе время себя готовили, положили уже надежное основаніе. По чему по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія совѣтую вамъ остаться при наукахъ, потому, что оказали уже къ нимъ способность и упражняетесь въ оныхъ скорѣе можете достигнуть выгодъ, которыми васъ прельщаетъ приказное состояніе» ²⁾.

Ни увѣщанія бывшихъ его наставниковъ, ни письмо попечителя не могли заставить Сыромятникова отказаться отъ желанія уйти изъ гимназіи. Упорствуя въ своемъ намѣреніи, онъ повелъ дѣло такъ, что его вынуждены были смѣстить изъ надзирателей, но при этомъ снова сдѣлали ученикомъ, а не выпустили на службу въ другое вѣдомство. 14 января 1804 г. посланъ былъ изъ Совѣта

¹⁾ Дѣло гимн. архива 1803 г. № 28, л. 152 об. Протоколъ 9 декабря.

²⁾ Архивъ каз. унив., дѣло канц. Попеч. 1803 г. № 51.

«ордеръ Г-ну Главному Надзирателю фонъ Фишеру.—По рапорту Вашего Высокоблагородія въ которомъ рекомендуете съ худой стороны надзирателя Петра Сыромятникова и по соображенію его прежняго поведенія Совѣтъ почитаетъ за лучшее снять съ него должность надзирательскую и вмѣсто жалованья производить ему обыкновенное ученическое содержаніе. Вы Господинъ Главный Надзиратель не опустите обратить особенное вниманіе на его поступки впредь и сообщать свои примѣчанія Совѣту; воспитаннику же сему объявите, что онъ всегда найдетъ начальство готовымъ забыть его безпорядки,—если онъ хорошимъ поведеніемъ и успѣхами, которыми прежде столько отличалъ себя, увѣритъ оное въ своемъ исправленіи»¹⁾.

Въ то же время послано было „вѣдѣніе“ въ гимназическую контору:

«Резолюціею сего Генваря 9-го дня Комнатный Надзиратель Петръ Сыромятниковъ перемѣщается изъ надзирателей на одну изъ разночинческихъ ученическихъ ваканцій. Почему благоволитъ оная Кантора остановить производство ему жалованья, отобрать вещи, есть ли какіе поручены ему въ сохраненіе, и отпускать на него вмѣсто денегъ обыкновенное ученическое содержаніе»²⁾.

Въ своемъ стремленіи освободиться отъ службы въ гимназіи и поступить въ „приказное состояніе“ Сыромятниковъ не останавливался ни передъ чѣмъ, предпочитая даже быть уволеннымъ отъ гимназической службы за предосудительное поведеніе, лишь бы достигъ намѣченной цѣли. Но въ то же время онъ попытался еще разъ растрогать добраго старика попечителя и, когда уже состоялось разжалованіе его изъ надзирателей въ ученики, обратился къ тому съ слѣдующимъ прошеніемъ:

«Я пріѣмлю смѣлость утруждать Ваше Превосходительство сею бумагою, не подавая ее въ Совѣтъ Гимназіи; ибо оной совершенно отказалъ уже мнѣ въ ней, объявивъ, что только Ваше Превосходительство властны учинить на нее разрѣшеніе. Хотя имѣлъ я щастіе получить письмо Вашего Превосходительства, которымъ удостоился совѣтомъ Вашего Превосходительства, дабы я остался въ ученomъ состояніи; но какъ уже я и прежде говорилъ, что добрая воля, склонности, сверхъ того и другія еще убѣдительнѣйшія причины заставляютъ меня признаться Вашему Превосходительству, что болѣе въ Гимназіи моей службы не имѣю желанія.—Признательность по-

¹⁾ Дѣло гимн. архива 1804 г. № 26 (къ № 73), генв. 14, № 12.

²⁾ Тамъ же, № 11.

читая всегда лучше нежели скрытность и всегда послѣдуя ей осмѣливаюсь открыться Вашему Превосходительству объ убѣдительнѣйшихъ какъ я сказалъ причинахъ, вотъ они:—съ 19-го февраля 1803 года сдѣланъ я коммуннымъ Надзирателемъ, при чемъ до 15-го Сентября отправлялъ и должность Регистратора Совѣта. Сіи хотя и не столь трудныя должности, однако въ началѣ они сколько нибудь увлекли у меня времени для слушанія лекцій, а потомъ опустившись я нѣсколько, и уже болѣе отсталъ отъ оныхъ. И для того нынѣ лучше и желательно для меня прилѣпиться къ новому состоянію, нежели остаться при прежнемъ. Да и то состояніе къ которому я себя назначилъ, нѣсколько мнѣ уже извѣстно, выключая что какія нибудь мои свѣдѣнія въ наукахъ, особенное желаніе, и наставленія по сей части бездолжностнаго отца моего даютъ мнѣ еще большее право на хорошій въ немъ успѣхъ. И такъ представя все сіе на благоразсмотрѣніе Вашего Превосходительства всепокорнѣйше прошу и осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Превосходительство не лишите меня счастья вступить въ вышесказанное состояніе уволивъ меня изъ Гимназіи. Надѣяться въ выпускѣ я потому осмѣливаюсь, что при имѣющемъ открыться Университете, кромѣ меня, которой страшился оказать себя посредственнымъ или и хуже,—довольно есть воспитанниковъ готовыхъ и желающихъ слушать профессорскія лекціи»¹⁾.

Неудача Сыромятникова и разжалованіе его изъ надзирателей въ ученики не смутили Делаacroa, который черезъ недѣлю послѣ этого подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы въ гимназіи. Но онъ былъ дворянинъ, а Сыромятниковъ происходилъ изъ „разночинцевъ“, поэтому результатъ получился совершенно иной. Выслушавъ прошеніе Делаacroa, Совѣтъ рапортовалъ попечителю:

«Надзиратель Павелъ Делаacroa, поступившій въ сію должность изъ воспитанниковъ казеннаго дворянскаго содержанія подалъ прошеніе, на Высочайшее имя надписанное, о томъ, чтобъ уволить его изъ службы Гимназіи, и въ силу Грамоты дворянству пожалованной предоставить ему свободу выбора другой службы. Сей Делаacroa выведенъ изъ учениковъ еще въ Іюль 1802-го года и сверхъ сказанной должности обучалъ нижній Арифметической и русской классъ. Обстоятельства того времени, принудили Совѣтъ опредѣлить его къ симъ мѣстамъ, что сдѣлано съ согласія Господина Попечителя. Часы въ которые бывалъ Делаacroa занятъ по классу, и необходимость въ свободномъ времени для его приготовленій къ оному, не позволяли требовать отъ него, чтобъ онъ продолжалъ науки свои на ряду съ прочими старшими учениками. Такимъ образомъ со времени его исключенія изъ числа учениковъ должно считать его въ дѣйствительной службѣ; на чемъ основываясь и про-

¹⁾ Архивъ каз. унив., дѣло канц. Попеч. 1803 г. № 51.

силъ онъ, чтобъ предоставить ему свободу выбрать другой родъ службы. Совѣтъ не находя въ положеніи ни какихъ обязательствъ на него, не могъ удержать его и уволилъ. Совѣтъ желалъ бы споспѣшествовать видамъ вышешаго Начальства и увеличить число тѣхъ, которые должны воспользоваться открытіемъ Университета; но разсуждая сколько Делаacroa отсталъ отъ прочихъ своихъ товарищей въ полтора года, въ особенности же какъ велъ себя въ послѣдніе мѣсяцы, едвали можно было надѣяться видѣть въ немъ хорошаго студента.—Въ тоже время Совѣтъ получилъ извѣстіе, что надзиратель Петръ Сыромятниковъ дѣлаетъ злоупотребленіе изъ свободч., соединенной съ сею должностію—опредѣлилъ остановить производство ему надзирательскаго жалованья, а отпускать вмѣсто денегъ ученическое содержаніе. Совѣтъ надѣется, что такое положеніе обратитъ больше его мысли на главной предметъ, и возвратитъ ему прежнюю дѣятельность и прежніе отличные успѣхи¹⁾.

Очевидно, посланное Сыромятниковымъ попечителю прошеніе произвело, наконецъ, желаемое дѣйствіе, и попечитель, вѣроятно, въ частномъ письмѣ къ директору гимназіи далъ свое согласіе на увольненіе Сыромятникова, вслѣдствіе чего послѣдній подалъ прошеніе въ Совѣтъ, въ отвѣтъ на которое и послѣдовало слѣдующее опредѣленіе:

«Воспитанникъ Петръ Сыромятниковъ изъясняя, что отца его находясь при старости и безъ должности и имѣя нужду въ его помощи, настоятельно требуетъ, чтобъ онъ просилъ увольненіе изъ Гимназіи для вступленія въ дѣйствительную Его Императорскаго Величества службу—подалъ въ Совѣтъ согласное волѣ родителя прошеніе.—Совѣтъ уважая такіа справедливыя причины опредѣлилъ слѣдать о семъ представленіе Вашему Превосходительству присоединивъ аттестацію о его ученіи и поведеніи во время пребыванія въ симъ училищѣ съ 4-го Апрѣля 1799-го года.—Сыромятниковъ обучался языкамъ французскому и прежде нѣсколько нѣмецкому, русскому стилю, Исторіи и Географіи, физикѣ, Математикѣ чистой и нѣсколько смѣшанной, Логикѣ, рисовать, танцовать и фехтовать. Онъ будучи ученикомъ отличался всегда между своими товарищами хорошими успѣхами и велъ себя ;но слѣлавшись надзирателемъ не такъ былъ старателенъ, и что однакоже Совѣтъ полагаетъ, что ослабѣнію сему было причиною его намѣреніе перейти въ другой родъ службы, и надѣется, что онъ будущія должности свои будетъ проходить съ успѣхомъ и къ удовольствію начальства своего»²⁾.—

Осчастливленный благополучнымъ окончаніемъ дѣла, Сыромятниковъ на другой же день отправилъ къ попечителю благодарственное письмо.

¹⁾ Дѣло гимн. архива 1804 г. № 26, исход. № 23.

²⁾ Тамъ же, 22 февраля, № 39.

«Узнавъ отъ Господина Директора,—писалъ онъ,—что Вы соблаговолили на мое прошеніе о выпускѣ меня изъ училища для опредѣленія себя къ статскимъ дѣламъ, я не могу не изъявить торжественно предъ Вашимъ Превосходительствомъ той радостной къ Вамъ благодарности, что Вы Милостивый Государь принимаете великодушное участіе въ судьбѣ молодого чело-вѣка, и отечески споспѣшествуете его щастію. Равномѣрно считаю нужнымъ для себя увѣрить Ваше Превосходительство, что я всячески постараюсь быть достойнымъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя и попеченія начальниковъ моихъ, коими я пользовался будучи воспитываемъ въ здѣшней гимназіи. И нѣтъ ничего кажется вѣрнѣе сей пользы отечеству; какъ естли кто служить ему, избравъ званіе по склонности и занимаясь тѣмъ, что возвышаетъ его дарованіе»¹⁾.

Мѣсяцъ пришлось ждать оффиціального отвѣта отъ попечителя и почему-то еще мѣсяцъ гимназія не выпускала изъ своихъ стѣнъ Сыромятникова, и только лишь 24 апрѣля было послано изъ Совѣта „вѣдѣніе“ въ Кантору Гимназіи:

«Резолюціею сего Марта 23-го дня ученикъ казеннаго разночинскаго содержанія Петръ Сыромятниковъ въ сходствіе предписанія Г-на Попечителя Казанскаго Университета и округа его и Кавалера Степана Яковлевича Румовскаго уволенъ изъ Гимназіи. Почему благоволитъ она Кантора отобравъ отъ него казенные вещи, не числить болѣе въ Гимназіи и выдать ему квитанцію о сдачѣ вещей бывшихъ у него на рукахъ; да и впредь выдавать увольняемымъ изъ оной воспитанникамъ или и другимъ чинамъ таковыя квитанціи либо отъ себя, либо отъ чиновниковъ, которые завѣдываютъ разными вещами, безъ чего Совѣтъ не будетъ выдавать аттестата²⁾.

Такимъ образомъ Сыромятникову удалось, наконецъ, разстаться съ гимназіей, и даже, какъ мы видѣли, при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ можно было ожидать, такъ какъ въ выданной ему „аттестациі“ не было упомянуто о состоявшемся смѣщеніи его изъ надзирателей „на ученическую ваканцію“, хотя въ дѣлахъ гимназіи до самаго послѣдняго времени онъ именовался „ученикомъ казеннаго разночинскаго содержанія“.

¹⁾ Архивъ каз. унив., дѣло канц. Попеч. 1803 г. № 51.

²⁾ Дѣло гимн. архива 1804 г. № 26, исход. № 24.

Матеріалы по антропологіи Востока Россіи.

Въ первоначальный планъ моихъ изысканій, минувшимъ лѣтомъ 1909 года, входило изученіе мѣстности между Высокой горой и деревней: князь Камаево Казанской губерніи и уѣзда, гдѣ должны были сохраниться, судя по нѣкоторымъ даннымъ, слѣды древнѣйшаго населенія Казанскаго Царства. Дѣйствительно окрестности близъ Иски Казань, этой древней столицы, до сихъ поръ никѣмъ не изслѣдованы, да и сама Иски Казань можно сказать только зарегистрирована на археологическихъ картахъ. Во многихъ мѣстахъ, по указанію населенія, сохранились остатки сѣдой старины въ видѣ могилъ, надгробныхъ плитъ и пр., къ которымъ до сихъ поръ пріѣзжаютъ молиться мусульмане. Нужно замѣтить, что естественныя условія сильно измѣнились за послѣднія два столѣтія. Къ нашему времени лѣсъ сохранился и то почти въ видѣ декораціи близъ деревни Собакино, спускаясь къ лѣвому берегу Казанки. Отдѣльными островами онъ тянется до Чепчуговъ. Сама Казанка сильно измѣнила свое теченіе. Между тѣмъ уже на картѣ XVIII вѣка, хранящейся въ библіотекѣ Университета въ отдѣлѣ рѣдкихъ рукописей мы встрѣчаемъ близъ Собакино протокъ Янчурино—теперь полузасохшій ручей, впадавшій въ Казанку близъ исчезнувшей деревни Малой Бемери. Далѣе протекала Илетнева, теперь сухой логъ, Бирюлевна, Яматерма и пр. Всѣ эти протоки исчезли вслѣдъ за безжалостно вырубленнымъ лѣсомъ. Между тѣмъ какъ по рѣкамъ и приходится искать древнѣйшія поселенія. Раскопки обѣщали много инте-

реснаго. Но... къ сожалѣнію ихъ пришлось въ большей части оставить до болѣе удобнаго времени.

Близъ Чепчуговъ находится могильная плита, памятникъ, выступающая изъ земли аршина на два. Деревенская молодежь почему то рѣшила, что подъ этой плитою непременно долженъ находится кладъ. Глухою ночью стали подрывать могилу... и были захвачены на мѣстѣ преступленія проѣзжавшими мусульманами. Что случилось съ искателями клада исторія умалчиваетъ, но только съ тѣхъ поръ татары стали болѣе ревниво слѣдить за цѣлостью могилъ своихъ святыхъ, а русское населеніе изъ боязни поджоговъ тоже стало болѣе осторожно относиться къ вѣрованіямъ своихъ близкихъ сосѣдей.

При этихъ условіяхъ меня упорно отговаривали производить раскопки. До чего минувшимъ лѣтомъ могла достигать паника передъ татарами прекрасно иллюстрируетъ слѣдующій фактъ.

Не желая отступать съ пустыми, какъ говорится, руками, я произвелъ раскопки близъ деревни Большихъ Бемеръ. Населеніе этой деревни я близко зналъ, лечилъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и безусловно пользовался тамъ нѣкоторымъ авторитетомъ. Задача облегчалась тѣмъ болѣе, что намѣченное мѣсто давно уже не посѣщалось татарами, было обращено крестьянами въ выгонъ, а кости, попадавшіяся въ рядомъ лежащихъ каменоломняхъ, безцеремонно выбрасывались въ оврагъ вмѣстѣ съ мусоромъ.

Появленіе какого то татарина у разрытой могилы сразу понизило настроеніе у работавшихъ. Поднялись толки о мести, о поджогахъ и пр. Случаю было угодно, что часъ спустя другой проѣзжавшій татаринъ побилъ свою жену и та съ крикомъ побѣжала по деревнѣ..... мужъ за ней. А отъ мужа почти все женское населеніе деревни съ причитаіями, что „идутъ татары“. Собрали сходъ; стали упрекать, чуть не бить моихъ рабочихъ, что вотъ изъ за нихъ теперь сгоритъ вся деревня. Ко мнѣ отрядили сотскаго съ просьбой показать

бумагу отъ общества: при чёмъ, какъ всегда, сотскій оказался безграмотнымъ. Дѣло миновалось благополучно,..... но непріятный осадокъ остался. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могъ гарантировать обществу, что не будетъ у нихъ въ эту ночь пожара, а случись пожаръ, его бы, не обвинуясь, отнесли на счётъ моихъ раскопокъ.

Я счёлъ за лучшее отложить свои развѣдки до лѣта 1910 года.

Раскопки въ Бемеряхъ дали мнѣ слѣдующее.

Нужно замѣтить, что татары были сведены съ этого мѣста за рѣку Мешу около 280 лѣтъ. Слѣдовательно 280 лѣтъ минимальная давность кладбища. Высокій бугоръ весь покрытъ продолговатыми ямками, идущими рядами очень тѣсно другъ отъ друга на Ю. З. На глубинѣ 5—5½, четвертей въ боку (лѣвомъ) могилы за поставленной ребромъ доской лежалъ обыкновенно скелетъ на правомъ боку съ подогнутыми ногами съ головою на Ю. З.. Кости полуистлѣли, чему должна была много способствовать известковая почва.

Вещей найдено не было. Выше скелета на четверти 2—3 въ трехъ могилахъ я нашелъ кости жвачныхъ животныхъ; вѣрнѣе всего барана.

Черепъ разсыпались отъ прикосновенія, были сильно деформированы по смерти.

Черепъ № 1 съ татарскаго кладбища деревни Бемерь Собакинской волости Казанскаго у. и губ.

Long. max.—162.

H. bas. bregm.—137.

Обломокъ черепа брахицефала съ толстой крышкой, сильно ассиметричный.

Затылочное отверстіе продолговатое.

Long. 35

Larg. 26

Черепъ № 2,

Long. max.—181

Обломокъ продолговатаго и высокаго черепа.

Другимъ заранѣе намѣченнымъ пунктомъ изслѣдованія былъ городъ Свіяжскъ, вѣрнѣе прилегающая къ нему Макарьевская пустынь.

Пустынь находится на правомъ берегу Свіаги на склонѣ высокой горы, покрытой чернолѣсьемъ. Основана она была схимникомъ Исаіей, умершимъ въ 1661 году. Значительно ранѣе на этомъ же мѣстѣ предполагалъ устроить скитъ пр. Макарій Желтоводскій, имѣя здѣсь въ 1439 году продолжительную остановку. О древнемъ кладбищѣ, находящемся при пустыни, въ работѣ прот. Малова говорится: „Близъ пустыни находится кладбище (Воздыхалка), гдѣ кладутся тѣла усопшихъ не только монашествующихъ Макарьевской пустыни и Свіяжскихъ монастырей, но и гражданъ г. Свіяжска. Начало этого кладбища можно отнести къ глубокой древности, ко времени покоренія Казани, такъ какъ около пустыни и въ настоящее время есть большія могилы (ямы), наполненные человѣческими костями“. (Свіяжская подгородная Макарьевская пустынь, Малова 1897 г).

Въ прошломъ году удалось выяснитъ, что нижній рядъ могилъ, почти осыпающихся въ Свіагу, относится къ типу „братскихъ“ могилъ, гдѣ безъ различія національности хоронятъ людей связанныхъ лишь общими вѣрованіями или общимъ неожиданно пришедшимъ несчастьемъ. Въ теченіе лѣта мною былъ систематически раскопанъ цѣлый рядъ такихъ могилъ; при чѣмъ черепа только осматривались, такъ какъ измѣренія череповъ, взятыхъ въ прошломъ году изъ тѣхъ же могилъ, уже опубликованы, а новыя производить изъ за невозможности подвести какой либо общій итогъ не представлялось необходимымъ. Кладбище оказалось смѣшаннаго типа. На ряду съ болѣе свѣжими могилами попадались такія, которыхъ проросли вязы въ аршинъ и болѣе діаметромъ. Въ сущности сохранилась только часть кладбища, потому что весь пластъ почвы съ имѣющимся на ней лѣсомъ и кладбищемъ скользитъ по склону, обрываясь въ Свіагу. Во всѣхъ раскопанныхъ мною могилахъ было найдено погребеніе на

востокъ въ нѣсколько рядовъ численностью до 100—150 скелетовъ на могилу. Скелеты лежали рядами; въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ безъ признака какихъ либо украшеній. У старожиловъ воспоминаній о погребеніи не сохранилось. Монахи говорили мнѣ, что по всей горѣ они находили свинцовыя пульки; въ могилахъ случайно разрываемыхъ попадались крестики. Лично я ничего подобнаго не находилъ. Быть можетъ всѣ эти находки относятся къ могиламъ болѣе поздняго времени. Задачей моей было опредѣленіе типа погребенія, что благодаря каменистой почвѣ, лѣсистой мѣстности и смѣщенію культурнаго пласта удалось мнѣ съ большимъ трудомъ. Скелеты вездѣ сохраняли свое положеніе головою на востокъ, лицомъ въ верхъ, въ вытянутомъ положеніи.

Разумѣется, что опредѣлять давность погребенія—слишкомъ мало данныхъ.

Я лично отношу только одну могилу съ нѣкоторой долей вѣроятія къ эпохѣ завоеванія Казани.

Это первая, наиболѣе удаленная отъ монастыря могила, въ верстѣ отъ Свіяжска. Она осыпается на песчаный берегъ и на осыпи этой уже выросъ кленъ, которому теперь, судя по діаметру ствола около 80-лѣтъ. Самая могила пророщена корнями и находящіяся въ ней кости сильно перегорѣли отъ времени. Пересматривая черепа, я нашелъ, что многіе изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды сабельныхъ ударовъ; проломины кистенями и пр.. Справка въ исторіи края даетъ намъ только одно сраженіе въ этой мѣстности, а именно года за два, за три до покоренія Казани.

Взятые на выборъ черепа имѣли:

№ 1 Длина 174; ширина 142

№ 2 — 180; — 144

№ 3 — 170; — 144

№ 4 — 176; — 144

и такъ далѣе.

Типъ черепа смѣшанный. На ряду съ круглоголовыми, схожими съ инородческими типами, встрѣчался, правда въ небольшомъ процентѣ, длинноголовый черепъ съ продолгова-

тымъ тонкимъ лицомъ, съ незначительно развитыми скуловыми костями.

Разумѣтся—все это только служебная гипотеза. Въ археологіи и антропологіи слишкомъ мало опорныхъ пунктовъ и неудержимый полетъ фантазіи многихъ излѣдователей, по осколку черепа опредѣляющихъ чуть не нравственныя качества умершаго или по черепку степень культуры искомаго племени, врядъ ли можетъ содѣйствовать процвѣтанію этой науки.

Въ окрестностяхъ монастыря особеннаго ничего не было найдено. Упомяну только о валахъ, которые тянутся по верхъ горы, являясь видимо остатками ранѣе бывшей дороги.

Разъ я коснулся исторіи края, умѣстно, думается мнѣ, остановиться на коллекціи череповъ, любезно предоставленныхъ мнѣ для измѣренія пр. П. И. Кротовымъ и найденныхъ при земляныхъ работахъ въ чертѣ самой Казани на „II-ой солдатской“. Не особенно давно еще на памяти многихъ городскія церкви имѣли вокругъ себя кладбища для своего прихода. Этимъ и объясняется обиліе череповъ, попадающихся при закладкѣ стѣнъ, фундамента и пр. на церковной землѣ. Года 2, 3 тому назадъ въ оградѣ Богоявленской церкви были найдены черепа суббрахицефалическаго типа; были найдены даже цѣлые гроба-колоды съ мумифицированными остатками. Весной этого года мнѣ удалось осмотрѣть случайно вскрытое кладбище при Грузинской церкви по характеру и типу находимыхъ костяковъ мало отличавшееся отъ череповъ съ кладбища близъ Воскресенской церкви (на мѣстѣ новой церкви). Также, думается мнѣ, можно объяснить и происхожденіе череповъ изъ коллекціи пр. Кротова. Но, съ другой стороны, въ „Исторіи Казани“ Рыбушкина встрѣчается указаніе, что въ овражистой и лѣсистой мѣстности за Арскимъ полемъ около г. Казани, были сраженія съ пугачевцами, результатомъ которыхъ и могли быть подобныя братскія могилы. (Стр. 141. Кр. Ист. Каз. 1850 г.).

Черепъ № 1. Т. Удлиненной формы. Высокій покатый слегка лобъ, почти округлыя глазницы, хорошо развитыя скуловые кости; старикъ.

Н. Т. Лобъ высокій съ хорошо развитыми буграми, съ сросшейся съ *arc. superc. glabell'*ой; большія округлыя (почти) глазницы; продолговатая *apertura r.*; вздернутыя носовыя кости; запавшія *fossae caninae*; сильно развитыя скуловые кости.

Н. Р. черепъ съ сильными темянными буграми, *obelion* закрытъ; *foramina interparietalia* отсутствуют, височныя дуги отчетливо видны, идутъ на 59 отъ S.S.

Н. О. Затылочная кость бугриста; S.L. зарастаетъ мѣстами; справа *os interparietall.*: 42 и 34; вормиевы кости близъ *астеріонъ*; слабый, раздѣльный *Thorus transversus*; хорошо развитыя поля и *pr. mastoidei*.

Н. Л. Птеріонъ въ своей вѣнечной части заросъ съ обѣихъ сторонъ; сильныя височныя дуги; верхняя челюсть выдается.

Н. В. Небо плоское, овальное; *Thorus* незначителенъ: въ видѣ двухъ небольшихъ полуслитныхъ валиковъ. F. Ос. продолговатое. Основная кость раздроблена.

№ 1	173	№ 14	25
№ 2		№ 15	22
№ 3	145	№ 16	38
№ 4	133	№ 17	31
№ 5	91	№ 18	—
№ 6	135	№ 19	44
№ 7	127	№ 19	32
№ 8	130	№ 21	33
№ 9	95	№ 21'	27
№ 10	90	№ 22	365; 125; 260;
№ 11	—	№ 23	37
№ 12	67	№ 23	500
№ 13	51		

Черепъ № 2, деформированный, асимметричный съ высокимъ покатымъ лбомъ, большими четырехугольными глазницами, запавшими *fossae caninae*; хорошо развитыми скуловыми костями; лицо широкое; черепъ высокій, продолговатый среднего возраста,

N. Fr. Лобные бугры сглажены; *glabella* выпукла; на ней слѣдъ метопического шва; громадные инцизуры (надглазн.) четырехугольныя глазницы; продолговатое носов. отверстіе;

N. P. Овоидъ; *bregma* заросла; S S. до *obelion*'а тоже; одно слѣва *f. parietall.*; дуги замѣтны, идутъ на 60 отъ S.S.

N. O. Хорошо развитая затылочная кость; шовъ выростомъ; могущественный *Th. transversus*; вытянутое *planum. сильныя pr. mastoidei.*

N. L. Птеріонъ почти заросъ; дуги хорошо обособлены;

N. B. Небо продолговатое, почти четырехугольное; *Thorus. pal.*, двумя валиками, раздѣльный; F. Oc. ромбическое.

№ 1	177	№ 14	24
№ 2	—	№ 15	25
№ 3	145	№ 16	39
№ 4	144	№ 17	32
№ 5	99	№ 18	—
№ 6	127	№ 19	48
№ 7	129	№ 19	38
№ 8	135	№ 20	—
№ 9	104	№ 21	30
№ 10	94	№ 21'	35
№ 11	—	№ 22	379:135;265.
№ 12	72	№ 23	326
№ 13	53	№ 23'	510

Черепъ № 3. N. Fr. Высокій лобъ, слегка покатый; среднелицый; лобные бугры мало развиты; по мѣсту шва слабый тяжъ; *glabella* выпуклая; сильныя надбровныя дуги; *foramina supraorbital.*; овальныя большія глазницы; уплощен-

ныя fossae caninae; вздернутыя носовыя кости; старческая челюсть.

N. Par. Черепъ пинакоидной формы съ сильно развитыми темянными буграми; швы открыты; дуги на разстояніи 60 отъ S.S. Два foramina interparietalia.

N. Oc. Черепъ митрой; выростъ шва въ obelion'у: 22 д.; 30 шир.; могущественный Thorus transversus; сильныя pr. mast.

N. Lat. Черепъ продолговатый, средній съ вздернутыми носовыми костями, запавшимъ переносемъ. Н—образный птеріонъ заросъ въ его вѣнечной части.

N. Bas. Стёртая челюсть; Thorus мысомъ, плоскій; ромбовидное отверстіе.

№ 1	178	№ 13	50
№ 2	—	№ 14	24
№ 3	145	№ 15	19
№ 4	138	№ 16	38
№ 5	92	№ 17	30
№ 6	116	№ 18	—
№ 7	126	№ 19	46;37;
№ 8	—	№ 21	—
№ 9	102	№ 21	36;30.
№ 10	95	№ 22	368:125;250.
№ 11	—	№ 23	315
№ 12	60	№ 23'	510

Черепъ № 4. N. Fr. Широколицый съ высокимъ слегка покатымъ лбомъ; сдавленнымъ съ боковъ; лобные бугры слитно; глабелла могущественная, срослась съ arcus supraciliaris. Большія округлыя глазницы. Запавшее переносье, вздернутыя носовыя кости; широкая ар. pyriformis; уплотненыя fossae caninae; хорошо развитыя скуловые кости.

N. P. Продолговатый, овоидъ; obelion заросъ; for. interparietalia видны. Дуги идутъ на разстояніи 60 отъ S.S.

Н. Ос. Затылочная кость оттянута; *Thorus transversus*, валикомъ набѣгаетъ на него l. *Supr. nuchae*; Могущественныя рг. *mast*.

Н. Л. Высокій, продолговатый; съ Н-мъ птеріономъ, альвеолярный прогнатизмъ.

Н. В. Широкое нѣбо; *Thor. palatinus* въ видѣ двухъ валиковъ, раздѣльных; ромбическое затылочное отверстие.

№ 1	182	№ 13	50
№ 2	—	№ 14	26
№ 3	142	№ 15	25
№ 4	142	№ 16	40
№ 5	92	№ 17	34
№ 6	117	№ 18	—
№ 7	125	№ 19	42;32
№ 8	132	№ 20	—
№ 9	100	№ 21	35;32
№ 10	92	№ 22	385:135;280
№ 11	—	№ 23	325
№ 12	62	№ 23'	510

Черепъ № 5.

№ 1	183	№ 13	54
№ 2	—	№ 14	22
№ 3	144	№ 15	27
№ 4	142	№ 16	38
№ 5	98	№ 17	33
№ 6	126	№ 19	50
№ 7	123	№ 19'	37
№ 8	136	№ 21	37
№ 9	110	№ 21'	31
№ 10	98	№ 22	360:125;240;305.
№ 11	—	№ 23	315
№ 12	97	№ 23'	515

Черепъ средняго возраста.

N. frontalis: продолговатое лицо съ покатымъ лбомъ, хорошо развитыми надбровными дугами, сглаженными лобными буграми, косо поставленными овальными глазницами, продолговатымъ носовымъ отверстиемъ; широкимъ переносьемъ, прямыми носовыми костями, хорошо развитыми скуловыми дугами; метопъ.

N. parietalis: овальный черепъ съ хорошо развитыми темянными буграми, сглаженной безъ отверстій областью occipitalis; хорошо развитыя т. дуги.

N. occipitalis: много вормиевыхъ костей; хорошо замѣтный *Thorus transversus*; вытянутыя мышечныя поля, малыя *pr. mastoidei*.

N. later. Черепъ вытянуть въ длину; прогнать; Н—образный птерионъ; *proclaus frontalis*; *os. pariet.*

Черепъ № 6.

№ 1	179	№ 14	24
№ 3	135	№ 15	24
№ 4	132	№ 16	39
№ 5	96	№ 17	37
№ 6	116	№ 19	53
№ 7	125	№ 19'	42
№ 8 . сломана пр. ск. к.		№ 21	33
№ 9	98	№ 21'	30
№ 10	98	№ 22 . 360:125; L250;	
№ 11	—	№ 23	295
№ 12	76	№ 23'	500
№ 13	56		

Черепъ длиннолицый съ высокимъ лбомъ, сглаженными буграми; могущественная *glabella* (дуги слиты) съ косо поставленными четырехугольными глазницами; широкимъ переносьемъ, вытянутымъ *apert. pyriformis*; высокой челюстью, широкими скуловыми костями.

Norma lateralis. Черепъ продолговатый съ округлой затылочной костью, могущественнымъ *pr. occipitalis*; высокій съ вздернутыми носовыми костями *N*—узкій птеріонъ. Темянныя дуги замѣтны, продолжаются до глазницы.

Norma verticalis. Черепъ овоидъ; *f. interparietalia* нѣтъ.

Norma occipitalis. Чешуя оттянута; большія vormievы кости. Могущественный въ видѣ язычка *proc. occipitalis*. Хорошо развитыя *proc. mastoidei*.

Norma basilaris: Нѣбо глубокое, параболическое, округлое затылочное отверстие. *Th. palatinus* двувалообразный со щелью.

Черепъ № 7 сломанъ.

№ 1 174

№ 3 138

№ 4 129

Птеріонъ *N*—образный; *obelion* заросъ; непр. ф. *Thorus occipit.*

Черепъ № 8 сломанъ.

№ 1 183

№ 3 132

Затылочная чешуя уродливо оттянута, выдаваясь за *L.* на 25.

Черепъ № 9. Сломанъ, деформированъ post mortem.

Черепъ № 10 сломанъ.

№ 1 170

№ 3 143

Птеріонъ *N*—образный.

Черепъ № 11. Сломанъ.

№ 1 184

№ 3 138

Obelion зарастаетъ; птеріонъ N—образный.

Черепъ № 12. Сломанъ.

№ 1	179
№ 3	136
№ 4	123

Какихъ либо выводовъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ сдѣлать нельзя, потому что самый фактъ нахожденія этихъ череповъ въ чертѣ Казани еще ничего не говоритъ намъ о національности умершихъ. Опредѣлять же національныя черты при расплывчивости племенныхъ краніологическихъ признаковъ при почти полномъ отсутствіи образцовыхъ работъ въ этомъ направленіи я не берусь.

Мы имѣемъ въ сущности только одну оригинальную работу въ этомъ направленіи: Н. Маліева. Къ ученію о строеніи черепа и къ сравнительной анатоміи расъ отъ 1874 года, въ которой авторъ на основаніи изученія 259 череповъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Средняя величина горизонтальной окружности русскаго черепа равняется 511; татарскаго 509; черемисскаго 510, вотскаго 513,

2) Русскіе, татарскіе, черемисскіе и вотскіе черепа по величинѣ своей не представляютъ значительной разницы, и съ этой стороны близко сходны между собою.

3) Средняя вмѣстимость русскаго черепа равняется 1434; черемисскаго 1383; татарскаго 1363 и вотскаго 1370 при средней емкости вообще 1382.

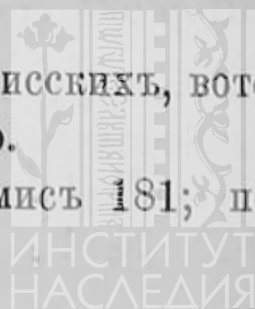
4) Средній типъ русскаго черепа—брахицефалическій.

5) Вотяки—брахицефалы.

6) Черемисы—мезоцефалы,

7) Различіе въ высотѣ русскихъ, черемисскихъ, вотскихъ и татарскихъ череповъ очень незначительно.

8) Наибольшая длина черепа у черемисъ=181; потомъ татары=178; русскіе и вотяки=176.

9) Наибольшей шириной черепа отличаются русскіе, потомъ вотяки, татары и черемисы.

10) Ширина лба всего меньше у вотскихъ череповъ, тогда какъ русскіе, татарскіе и черемискіе черепа почти не отличаются другъ отъ друга въ этомъ отношеніи.

11) Разстояніе между наружными краями глазницъ почти одинаково.

12) По ширинѣ скулъ русскіе, татарскіе, черемисскіе и вотскіе черепа близко сходны между собою.

13) Наименьшей длиной лица отличаются черемисскіе черепа.

14) Наибольшей шириной черепа по величинѣ поперечно вертикальной окружности обладают вотяки; за ними слѣдуютъ русскіе, татары и черемисы.

15) Лицевой уголъ у русскихъ $73^{\circ},9$ — 76° ; у татаръ 75° ; у черемисъ 74° ; у вотяковъ 76° ; у чувашъ 74° . Вдумываясь въ эти опредѣленія, всякій не предубѣжденный читатель пойметъ, что относить на основаніи ихъ найденный черепъ къ тому или другому классу крайне рискованно. А другихъ опредѣленій въ литературѣ до сихъ поръ нѣтъ; послѣдующія по времени работы Сухарева и Федорова были проведены уже на живомъ матеріалѣ.

Работа того же Маліева отъ 1882 года: О строеніи русскаго черепа, не имѣетъ научной цѣнности, потому что авторъ совершенно произвольно относитъ черепа, добытые съ кладбища близъ Воскресенской церкви, къ одному племени.

Все вышесказанное оправдываетъ, мнѣ кажется, мое скептическое отношеніе также къ коллекціи череповъ добытой изъ Сарапульскаго могильника. Вокругъ этой находки создавалась уже цѣлая газетная литература. Согласно порученію Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи я по просьбѣ мѣстныхъ любителей археологіи выѣзжалъ въ Сарапуль, чтобы на мѣстѣ собрать кое какія фактическія данныя. Чтобы не быть голословнымъ, приведу, во первыхъ, весьма обстоятельный и подробный отчетъ о могильникѣ, помѣщенный

въ № 64 Прикамской жизни подъ инициалами П. П. Б.
(20 мая 1909 г.).

Загадочное кладбище на Оползино.

По просьбѣ редактора „Прикамской Жизни“, я, какъ очевидецъ, дѣлаю краткое описаніе того, что я видѣлъ при скапываніи земли на выступѣ берега у пристани Кашиной при постройкѣ водонапорной башни.

Когда до меня дошелъ слухъ, что тамъ найдены человѣческія кости, я заинтересовался и въ свободное отъ занятій время, урывками сталъ наблюдать за раскопками.

Мнѣ не удавалось ежедневно бывать на мѣстѣ работъ, поэтому я полной картины раскопки дать не могу. Правильнѣе выразиться, здѣсь была не раскопка, а просто „кубическая“ земля, которую рабочіе сваливали съ обрыва, выбирая болѣе крупныя кости и черепа въ деревянные ящики.

Въ нѣсколько влажной почвѣ на глубинѣ 2-3 вершковъ лежалъ слой человѣческихъ костей. Болѣе густой слой костей достигалъ 8-10 вершк. и менѣе густой до 1 аршина. Длина слоя, направлявшагося покато внизъ, къ Камѣ, достигала 3-хъ сажень при ширинѣ 2-хъ сажень. Но всѣ эти измѣренія, а также и число скелетовъ (приблизительно сто) только приблизительно, т. к. приведены мною по личному впечатлѣнію и слухамъ.

Скелеты лежали въ различнѣйшихъ положеніяхъ и, какъ мнѣ казалось, по возможности ногами къ востоку. Въ прямомъ положеніи лежалъ верхній скелетъ, на спинѣ, ногами къ востоку. Всѣ скелеты распались и густо перемѣшались между собою. Большинство скелетовъ было взрослыхъ людей и немного дѣтскихъ. Послѣдніе, сильно истлѣвшіе, были, по словамъ Ф. В. Стрѣльцова, обернуты берестою.

Черепя, въ зависимости отъ скелетовъ, были направлены лицевыми костями вверхъ, внизъ, въ стороны. Осмотрѣлъ я ихъ около 20; всѣ черепа были цѣлы, разрубленныхъ, раз-

битыхъ или съ пробоинами не было и лишь нѣкоторые изъ нихъ разваливались по швамъ. Нѣкоторые изъ череповъ были съ низкими, очень покатыми назадъ лобными костями. Зубы у всѣхъ череповъ сохранились великолѣпно и у многихъ въ полномъ комплектѣ. Въ одномъ мѣстѣ, на какихъ нибудь $1\frac{1}{2}$ аршинахъ, въ одной плоскости было, помнится, 9 череповъ (съ этой группы снялъ фотографію приглашенный С. Н. Миловскимъ и Ф. В. Стрѣльцовымъ, фотографъ П. И. Рогожниковъ).

Время положило свой отпечатокъ на кости: онѣ потемнѣли, а нѣкоторыя части многихъ череповъ даже почернѣли.

Въ общей кучѣ скелетовъ были видны коричневые остатки совершенно истлѣвшаго дерева, кусочки болѣе сохранившейся еловой или пихтовой коры и нѣсколько хорошо сохранившихся кусковъ бересты.

По завѣреніямъ рабочихъ, около костей не найдено ни одного креста, хотя бы истлѣвшаго, ни клочка одежды, ни куска желѣза. (При моемъ послѣднемъ наблюденіи, костей было еще много, послѣ меня можетъ и было что найдено, но мнѣ не извѣстно). Все это, конечно, могло истлѣть, потому что почва, какъ я говорилъ, была не сухая и верхній слой ея былъ слишкомъ тонокъ.

Вдоль берега вверхъ по Камѣ саженьяхъ въ полуторахъ отъ общей могилы и на ряду съ ней былъ раскопанъ на полутора аршинной глубинѣ совершенно сохранившійся одинокій скелетъ, лежавшій навзничъ въ совершенно правильномъ вытянутомъ положеніи, ногами на востокъ, съ черепомъ, повернутымъ на сѣверъ лицомъ. Руки были вытянуты вдоль тѣла.

Тутъ же былъ найденъ мѣдный грудной крестикъ. Последній рабочіе хотѣли почистить и разбили на части. По истлѣвшему остатку креста я заключилъ, что онъ величиною былъ приблизительно въ $\frac{3}{4}$ вершка; четырехъ или восьми конечный былъ крестъ опредѣлить не удалось.

Серебряныя монеты времени Михаила Феодоровича были найдены, по рассказамъ, въ кучкѣ, саженьхъ въ 2-хъ къ сѣверу отъ общей могилы. (Черепковъ или какой либо посуды рабочими найдено не было).

Этотъ полувозвышенный берегъ, на языкѣ старожиловъ, носить названіе „Оползины“. Само названіе, сохранившееся отъ старины, да и положеніе этой части берега съ несомнѣнностью указываютъ, что она сползла съ верху. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдена общая могила, въ сравнительно еще недавнее время была улица, а потомъ, когда берегъ осыпался, оставалась до послѣдняго времени дорога.

Въ № 63 мы находимъ и другое краткое сообщеніе о томъ же могильникѣ.

Находка кладбища.

Загадочное кладбище, найденное при сносѣ части горы при постройкѣ водокачки будущаго водопровода на Оползинѣ, обратило на себя наконецъ (боимся не поздно ли) вниманіе специалистовъ ученыхъ. 16 мая предсѣдатель уѣздной земской управы М. С. Тюнинъ обратился въ казанское общество „любителей Исторіи, Археологіи и Этнографіи“ съ телеграфнымъ извѣщеніемъ о загадочной находкѣ. 17 мая М. С. Тюнинъ получилъ отвѣтную телеграмму, что въ непродолжительномъ времени специалистъ археологъ приѣдетъ въ Сарапулъ. Раскопки ученое общество проситъ приостановить.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать изъ Казани ученаго специалиста и будемъ надѣяться, что хотя м. б. теперь будетъ что нибудь сдѣлано для охраны научнаго достоянія, м. б., большой цѣнности. До сихъ поръ къ загадочной находкѣ, нужно сознаться, въ Сарапулѣ относились крайне небрежно. Вся масса найденныхъ костей, несмотря на ихъ очевидный интересъ въ научномъ отношеніи, вырывалась, костями набивались ящики изъ подъ пива и кости увозились и закапывались на кладбищѣ. Рылъ кто и сколько хотѣлъ. Съ мѣста

находки уносились, кто вздумаетъ, не только отдѣльные кости, а и черепа, чуть не скелеты. Между тѣмъ, кому же неизвѣстно, что при всякой подобнаго рода находкѣ должны оповѣщаться ученые общества и работы должны пріостанавливаться до пріѣзда специалистовъ. Ничего подобнаго въ Сарапулѣ сдѣлано, къ сожалѣнію, не было и нѣсколько заинтересованныхъ лицъ съ С. М. Тюнинымъ во главѣ по собственному почину извѣстили казанское ученое общество о загадочной находкѣ—кто знаетъ, м. б., представляющей большой интересъ въ научномъ отношеніи. Будемъ ждать специалистовъ и о ихъ рѣшеніи не преминемъ подробно сообщить.

Изъ всего этого видно, что 1) кладбище было потревожено работами до прибытія специалистовъ и что, слѣдовательно, съ большой осторожностью нужно относиться къ найденнымъ вещамъ и тѣмъ болѣе къ попыткамъ опредѣлить его давность. 2) что, снимая на большомъ протяженіи землю, рабочіе видимо захватили не одинъ только могильникъ, но и другія случайно находившіяся по близости могилы („одинокій скелетъ“) 3) что монеты Михаила Феодоровича, крестики и пр. болѣе мелкія находки, какъ потревоженные и взятые рабочими, потеряли къ сожалѣнію цѣнность при опредѣленіи давности могильника.

Чтобы исчерпать все возможное для рѣшенія послѣдняго вопроса, я остановлюсь на названіяхъ рѣкъ и деревень данной мѣстности. Иногда собственные имена надолго переживаютъ въ народной памяти лицъ, ихъ употреблявшихъ.

Идя вверхъ по Камѣ, мы встрѣчаемся съ Усть Сарапульскимъ перекатомъ: на право впадаетъ Сарапулка съ притоками: Малая Сарапулка; немного ниже Сарапула Островъ Сарапульскій съ воложкой Песчанкой. На лѣво отъ него рѣчка Ершовка. Самый Сарапулъ снизу ограниченъ рѣчкой М. Сарапулкой; сверху рѣчкой Юрмянкой. Выше его на правомъ берегу стоитъ село Яромаска; ниже послѣдней на лѣвомъ берегу впадаетъ рѣчка: Симониха.

Могильникъ лежитъ близъ рѣчки Юрманки, а по преданіямъ на то мѣсто, гдѣ онъ лежитъ, нѣкогда ходилъ крестный ходъ изъ Яромаски. Будто бы въ Сарапулѣ не было тогда церквей и мертвыхъ разъ въ годъ отпѣвалъ священникъ изъ Яромаски.

Инородческія наименованія попадаютъ и ниже Сарапула по большей части на правомъ берегу. Въ самомъ дѣлѣ на протяженіи отъ Сарапула до Тураева слѣва мы встрѣтимъ: 1) рѣка Шорья 2)—Камбарка. 3) село Саклово 4) рѣчка Ить.

Справа находимъ: 1) Сарапулка 2) Галаново 3) село Чеганда 4) село Гулюшурма 5) рѣка Ижъ 6) село Тураево.

Слѣдовательно инородческое населеніе свои слѣды въ названіяхъ кое гдѣ оставило.

Обращаясь къ исторіи самого могильника, мы видимъ, что мѣстность носитъ названіе: Оползино, потому что верхніе пласты здѣсь скатываются постепенно въ Каму скользя по ниже лежащей глинѣ; что здѣсь еще недавно была улица пользовавшаяся весьма сомнительной репутаціей при чемъ какъ я самъ лично убѣдился сваи нѣкоторыхъ домовъ пронизывали или скорѣе глубоко были врыты въ костеносный слой. При этихъ условіяхъ крестики, найденные въ могильникѣ, теряютъ всякую цѣнность. Да мнѣ и самому посчастливилось изъ одной могилы вытащить помадную банку современнаго образца и совсѣмъ свѣжій остатокъ чугуна. О могильникѣ преданій у сторожилъ не сохранилось.

При непрерывномъ дождѣ мнѣ пришлось осматривать могильникъ.

Заложивъ въ двухъ мѣстахъ траншеи, я убѣдился, что весь пласть пронизанъ, двумя „братскими“ могилами.

Съ верху каждая изъ нихъ была закрыта вершинами елей и сосенъ видимо съ необрубленной хвоей; стѣны обшиты деревомъ. Скелеты лежали рядами другъ на другѣ, строго сохраняя положеніе головами на Ю.З; ногами на С. В.; при

чѣмъ у многихъ черепъ былъ повернутъ лицомъ на Югъ. Руки вытянуты. Количество рядовъ колебалось; такъ же измѣнчиво было и число скелетовъ въ ряду. Въ одной могилѣ я насчиталъ 10 скелетовъ въ рядъ. Но цифра эта, разумѣется, случайная. Порою могилы почти касались прослоекъ зеленоватой глины, всюду выбѣгающей къ подножью горы. Вещей не было найдено, если не считать кусковъ полуистлѣвшей бересты. Много скелетовъ было сдвинуто при подвижкѣ земляного пласта. Костяки не имѣли слѣдовъ поруба; сохранились довольно хорошо. По завѣреніямъ работавшихъ у меня татаръ, это были ихъ соплеменники.

Обращаясь къ оцѣнкѣ добытаго, я долженъ безусловно отбросить гипотезу о давности могильника будто бы заложенного при Михаилѣ Феодоровичѣ. Монеты были найдены отдѣльно да и при обычаѣ инородцевъ носить въ видѣ украшенія старинныя монеты фактъ ихъ нахожденія ничего не доказываетъ.

Самый способъ погребенія безъ сомнѣнія мусульманскаго типа; на тюркскія нарѣчія косвенно указываютъ и имена: Юрмарка и Яромаска. Изученіе череповъ даетъ только общее указаніе, что это не болгары; еще точнѣе не представители краниологическаго типа съ Бабьяго бугра. Въ самомъ дѣлѣ измѣренія намъ даютъ.

Черепъ № 1 изъ Саранульскаго могильника.

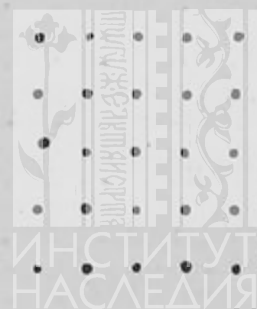
L. M.	182
L ^{ar} . M.	149
H. bas-br.	136
L ^{ar} . fr. m.	113
D. n. b.	116
D. a. b.	102
D. n. a.	70
H: du nez	51
L ^{ar} . du nez	25

L ^{ar} . int. or.	28
L ^o . orb	40
L ^{ar} . orb.	30
L ^o p. os.	52
L ^{ar} . p. os.	34
L Fr. oc.	35
L ^{ar} . Fr, oc.	28
C. S.	b.—335;ob.220;b.255;0.370
C. Tr.	325
C. h.	530

Черепъ съ широкимъ скуластымъ лицомъ, покатымъ широкимъ лбомъ, могучими нависшими надбр. дугами; большими четырехугольными глазницами; пентагоноидъ съ крутымъ затылкомъ, Thor оссир., глубокимъ нёбомъ, ромбовиднымъ затылоч. отверстиемъ.

№ 2.

L. M.	175
Lar. M.	136
H. b. br.	138
L. fr, min.	95
D. n. b.	101
D. a- b.	97
D. n. a.	60
H. a. nez	45
Lar. a. nez	23
Lar. int. orb.	26
L. or.	38
Lar. orb.	32
L. p. os.	49
Lar. p. os	37
L. ro. oc.	32
Lar. or. oc.	25
Lar. int. mast.	119

Lar. int. zig.	129
C. S.	360
C. Tr.	320
C. H.	495

Черепъ съ широкимъ лицомъ, могучими скуловыми бо-
стями; нависшей glabel., косо поставленными овальными глаз-
ницами, широкимъ приплюснутымъ носомъ; сфероидъ съ
умѣренно оттянутой чешуей з. к.; слабое развитіе торусовъ.

Черепъ № 3 изъ Саранульскаго могильника.

L. M.	174
Lar. M.	140
H. b. br.	135
Lar. fr. min.	95
D. n. b.	100
D. a. b.	99
D. n. a.	70
H. d. nez	53
Lar. d. nez	23
Lar. int. orb.	28
L. orbit.	40
Larg orbit	30
L. p. os.	48
Lar. p. os.	41
L. Tr. oc.	35
Lar. Tr. oc.	30
Lar. int. zig.	129
Lar. int. mast.	122
C. S.	360
C. T.	320
C. H.	506

Черепъ съ широкимъ лицомъ, могучими скулами; округ-
лыми глазницами, покатымъ лбомъ; сфероидъ; небо глубокое;
торусовъ нѣтъ. Старческій.

№ 4.

D. L. M.	176
Larg. M.	139
H. b, br.	140
Lar. fr. min.	99
D. b. n.	103
D. a. b,	89
D. n. a.	65
H. d. n:	56
Lar. d. n	23
Larg. int. orb.	29
L. orb.	39
Larg. orb	31
D. P. os.	43
D. P. os.	37
D. Fr. oc.	36
D. Fr. oc.	29
D. int. zig.	128
D. int, mast.	129
C. S.	370
C. Tr.	320
C. H.	510

Черепъ съ широкимъ лицомъ; овоидъ; могущественныя
скулы; старческій.

Черепъ № 5 изъ Саранульскаго могильника.

L. M.	175
Lar. M.	137
H. b, br.	135
Larg. fr. min.	87
D. n. b	96
D. a. b	102
D. n. a	64
L. d. nez.	47

Lar. d: nez.	23
Lar. int. orb.	23
L. orb.	36
Larg. orb.	35
L, p. os.	50
Larg. p. os.	42
L, T. oc.	38
Larg, T. oc.	34
D. int. zyg.	—
D. int. mast	127
C. S.	360
C, T.	290
C. H.	490

Черепъ съ покатымъ сжатымъ съ боковъ лбомъ, нависшей glab., широкимъ переносьемъ, вздернутыми носовыми костями, большими округлыми глазницами, умѣренно развитыми скулами. Овоидъ, os sagit.; большимъ округлымъ f. oc., глубокимъ нѣбомъ.

№ 6.

L. M.	184
Lar. M.	133
H. b. br.	137
Larg fr min.	96
D. n. b	105
D. a. b	95
D. n. a	73
L. int. orb.	28
L. orb.	41
Larg. orb.	33
L. p. os.	42
Larg, p. os.	34
L. Tr. oc.	28
Larg. Tr. oc.	28

L, d. nez	54
Larg. d. nez.	26
D. int. mas	127
D. int. zyg.	—
C. S.	380
C. Tr.	290
C. H.	505

Черепъ высокій, продолговатый съ четырехугольными глазами, сильными скулами, х. развитыми f. canin.. Овоидъ. Сильн. pr. mast: пробить при жизни.

Черепъ № 7 изъ Саранульскаго могильника.

L. M.	166
Larg. M.	135
H. b. br.	125
L. fr. min.	90
D. n. b	99
D. a. b	96
D. n. a	59
H. d. nez	46
Larg. d. nez	22
Long. orb.	36
Larg. orb.	30
Larg. int. orb.	24
L. p. os.	44
Larg. p. os.	33
L. Fr. oc.	29
Larg. Fr. oc	23
D. in. mast.	116
D. int. zyg.	119
C. S.	340
C, Tr.	295
C. H.	480

Черепъ съ короткимъ и широкимъ лицомъ; малыми, продолговатыми глазами; выдающимися скулами: пентагоноидъ.

№ 8.

L. M.	169
Larg. M.	142
D. b. br.	127
Larg. fr. min.	95
D. n. b.	95
D. a. b.	98
D. n. a.	59
H. du nez.	47
Lar. du nez	26
Larg. int. orb.	26
Long. orb.	39
Larg. orb.	32
L. p. os.	41
Larg. p. os.	43
L. Tr. oc.	37
Larg. Tr. oc.	29
D. int. mast.	118
D. int. zyg.	129
C. S.	345
C. Tr.	300
C. H.	500

Черепъ низкій съ широкимъ скуластымъ лицомъ, большими округлыми глазницами (немного вытянутыми), съ приплюснутымъ носомъ, сфероидъ.

№ 9.

L. M.	182
Larg. M:	141
D. b. br.	135
Larg. fr. min.	94
D. n. b.	105
D. a. b.	98
D. n. a.	67

H. du nez,	53
Larg. du nez	21
Larg. int, orb.	28
Long. orb.	38
Larg. orb.	37
L. p. os.	49
Larp. p. os.	44
L. Fr. oc.	32
Larg. Fr. oc.	28
D. int. zyg.	—
D. int. mast.	122
C. S.	380
C. Tr.	325
C. H.	520

Черепъ съ высокимъ лбомъ, большими округлыми глазами, широкими скулами, vzd. носовыми костями; овондъ.

№ 10.

L. M.	172
Larg. M.	141
D. b. br.	121
Larg, fr. m.	95
D. n. b.	105
D. a. b.	104
D. n. a.	67
H. du nez.	53
Larg. du nez.	24
Larg. inter. orb.	27
Long. orbit.	39
Long. orbit.	31
L. p. os.	—
Larg. p. os.	42
L. Fr. oc.	34
Larg. Fr. oc.	31
D. int. zyg.	130

D. int. mast.	122
C. S.	345
C. Tr.	305
C. H.	500

Черепъ съ покатымъ лбомъ, продолговатыми глазницами, прямыми нос. костями, широкими скулами.

Между тѣмъ, судя по изслѣдованіямъ Маліева, болгары были доликоцефалы съ указателемъ 0,74—9

съ горизонтальной окружностью	—	514
— вертикальной	—	370
— поперечной	—	312
— длиной черепа	—	179
— шириной	—	138
— ушнымъ діаметромъ	—	121
— височнымъ	—	135
— наибольшимъ лобнымъ	—	117
— наименьшимъ	—	97
— длиной затылочнаго о.	—	36
— шириной	—	29 и пр.

Рѣзко отличаются черепа и отъ типа Миклашеевскаго могильника, да и способъ погребенія совершенно другой.

Можно строить конечно какія угодно варьяціи на тему о моровой язвѣ, застигшей кочевую орду на рѣчкѣ Юрманкѣ, но это уже выходитъ за рамки научнаго изслѣдованія.

Заканчивая свое сообщеніе, я коснусь своихъ предварительныхъ изслѣдованій въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ близъ Ильинки.

Въ этой мѣстности на мысѣ, выбѣгающемъ въ оврагъ близъ деревни Кадикасы, И. И. Аристовъ любезно показалъ мнѣ городище. Мысъ отдѣленъ отъ материка валомъ и ровомъ; имѣетъ въ длину 44 аршина, въ ширину 26. Въ одномъ изъ заложенныхъ 5 шурфовъ почти въ серединѣ площадки былъ найденъ уголь. Близъ городища находились старыя Кади касы, при чѣмъ имена трехъ братьевъ родоначальниковъ мѣстныхъ чувашъ: Кинярь, Кади и Анарь упоми-

наются въ дарственной грамотѣ Іоанна и Петра. Приблизительно къ этому времени можно отнести и городище.

Добавленіе I.

Когда статья уже была сдана въ печать, мнѣ удалось познакомиться со работой Емельянова: могилы открытыя въ г. Сарапулѣ на Оползинѣ¹⁾. Являясь отчасти рефератомъ исторической справки свящ. Блинова: Человѣческія кости на Оползинѣ (Пр. Жизнь № 69. 1909 г.), она даетъ кое какія новыя данныя.

По автору, въ XII вѣкѣ близъ Сарапула обитали болгары; въ 1164 г. Андрей Боголюбскій взялъ городъ Бряхимовъ, слѣдъ котораго остался въ видѣ т. н. Чертова Городища; въ 1222 русскими были разорены Жукотинъ близъ Чистополя и Ошель близъ устья Камы. Въ XVI вѣкѣ есть помѣтка о Сарапулѣ: Въ Сарапулѣ и Сивѣ ловятъ рыбу изъ оброковъ и пермячи ихъ хмель берутъ отъ Осы. Блиновъ считаетъ, что сперва Сарапулъ стоялъ на Оползинѣ. Открытыя же могилы авторъ относитъ къ „чумнымъ“ могиламъ 1351 года, когда черная смерть перекинулась въ Россію, а въ Сарапулѣ еще жили башкиры (?), и 1607 или 1657 года, когда Сарапулъ былъ уже вполне русскимъ городомъ. Выставленная въ такомъ видѣ гипотеза въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ моими предположеніями.

Я не могу согласиться только съ той „цифровой“ точностью, которая всегда подозрительна въ археологическихъ изысканіяхъ.

Я оставляю на совѣсти автора утвержденіе, что часть череповъ принадлежитъ русскимъ. Доказать это невозможно.

Повторяю, что все, что можно сказать о Сарапульскомъ могильникѣ съ нѣкоторой научной достовѣрностью — это:

¹⁾ Труды Вятской У. А. Ком. в. I, 1909 годъ.

Могилы „братскаго“ типа, повидимому заложеныя во время какой нибудь эпидеміи, мусульманскаго погребенія, по всей вѣроятности, монгольскаго происхожденія.

Добавленіе II.

ПЛАНЪ ИЗМѢРЕНІЙ:

- 1 Longueur maxima.
- 2 Diametre antero—p—iniaque.
- 3 Larg. maxima.
- 4 Haut. basil. bregmat.
- 5 Larg. front. minim.
- 9 Diametre naso basil.
- 10 Diam. alveolo basil.
- 11 Diam. naso mentonnier.
- 12 Diam. naso alveol.
- 13 Haut. du nez.
- 14 Long du nez.
- 15 Larg. interorbit.
- 16 Long. orbit.
- 17 Haut. orbit.
- 18 Palais oseus. Long.
- 19' Larg.
- 21 Trou occip. Long.
- 21' Larg.
- 22 Courbe sagitt.
- 23 Courbe transv.
- 23' Courbe dite horizontal.

М. Хомяковъ.

О персидской саблѣ XVII в. съ клинкомъ работы Асаду'ллаха ¹⁾).

Сабля, которую я имѣю честь здѣсь демонстрировать, приобрѣтена мной минувшимъ лѣтомъ въ Пятигорскѣ, въ одномъ восточномъ ювелирномъ магазинѣ, куда она попала случайно, на комиссію, съ нѣсколькими другими вещами изъ восточнаго оружія. Она заинтересовала меня главнымъ образомъ изобиліемъ надписей, которыми покрыты всѣ металлическія части оправы.

Заинтересовавшись саблей и ея надписями, я показалъ ихъ предсѣдателю О-ва А. И. Э. Ник. Θεод. Катанову, и онъ нашелъ саблю интересной и достойной доклада общему собранію.

Какъ выясняется изъ разбора надписей, клинокъ сабли персидскій и сдѣланъ знаменитѣйшимъ изъ мусульманскихъ оружейниковъ Асаду'ллахомъ изъ Исфагани, придворнымъ мастеромъ шаха Аббаса Великаго, и относится къ началу XVII в. ²⁾ Подобныя клинки пользуются большою извѣстностью не только въ Азіи, но ихъ очень цѣнятъ и европейскіе любители—коллекціонеры стариннаго оружія. Какъ доказательство высокой репутаціи этихъ клинковъ, можно привести саблю маршала герцога Веллингтона, поднесенную впослѣдствіи сыномъ его Императору Николаю I. Она находится теперь въ Царскосельскомъ музеѣ и клинокъ ея также работы Асаду'ллаха.

¹⁾ Доложено общему собранію 15 нояб. 1909 года.

²⁾ Шахъ Аббасъ родился, приблизительно, въ 1558 г.; царствовалъ съ 1587 г. въ Хорасанѣ, а съ 1590 въ Персіи. Умеръ въ 1628 г.

Матеріаль, изъ котораго выкованъ клинокъ нашей сабли,—такъ называемый сѣрый булатъ, сорта „Киркъ-перде-венъ“ или, по персидскому произношенію, „Киркъ-пердебанъ“. Въ буквальный переводъ на русскій языкъ это значитъ „40 ступеней“, и этимъ образнымъ выраженіемъ обозначаются 40 поперечныхъ волоконъ стали, расположенныхъ по 20 на каждой сторонѣ клинка, что ясно видно даже невооруженнымъ глазомъ.

Кромѣ цѣнности и рѣдкости клинка, наша сабля представляетъ большой интересъ по обилію надписей на всѣхъ частяхъ оправы. Можно сказать, что эти надписи являются почти единственнымъ украшеніемъ скромной, типичной для персидскаго оружія, отдѣлки.

Надписей всего 15, и мы будемъ ихъ перечислять съ верху внизъ, взявъ положеніе сабли, когда она виситъ у лѣваго бока. На головкѣ и двухъ скрѣпахъ рукояти вырѣзано всего 8 именъ Божіихъ, при чемъ два изъ нихъ повторяются. Расположены онѣ слѣдующимъ образомъ.

На головкѣ съ внѣшней стороны вырѣзано:

یا مَنْان (рис. 1)

„О, Благодѣтельный“.

На головкѣ съ внутренней стороны вырѣзано:

یا حَنَّان (рис. 2)

„О, Сострадательный“.

На верхнемъ скрѣпѣ вырѣзано:

يا دِيَانُ (рис. 3)

„О, Искреннѣйшій“.

Затѣмъ, во второй разъ:

„О, Благодарный“

(рис. 4)

и также во второй разъ:

„О, Сострадательный“

(рис. 5).

На нижнемъ скрѣпѣ неискусно вырѣзано:

يا مُسْتَعَانُ (рис. 6)

„О, Ты, къ которому обращаются за помощью“.

Это имя встрѣчается въ Коранѣ въ 12 главѣ, стихъ 18 и въ 21, ст. 112.

Затѣмъ внизъ идетъ:

يا غُفْرَانُ (рис. 7)

„О, Всепрощающій“.

Изъ главы 2, ст. 285.

Наконецъ, вырѣзано третье:

یا بُرْهَان (рис. 8)

„О, Доказывающій“.

Въ гл. 4., ст. 174; въ гл. 12, ст. 24 и въ гл. 23, ст. 117.

Поперечина, предохраняющая руку, или крыжъ, имѣетъ 2 надписи:

Съ внѣшней стороны:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ نَسْتَعِينُ (рис. 9).

„Во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго; у Него мы просимъ помощи“.

Первая фраза есть вступительныя слова каждой главы Корана, за исключеніемъ главы 9, которая начинается прямо текстомъ.

Вторая фраза взята изъ 4 ст. 1 главы. На саблѣ она слегка передѣлана, потому что въ подлинникѣ стоитъ:

„У Тебя мы просимъ помощи“.

Съ внутр. стороны перекладины вырѣзано:

٥ - ٥٥ - ٥٥ - ٥٥ -
(рис. 10) نصر من الله وفتح قريب

„Помощь Божія, близкая побѣда“.

Это изъ 13 ст. главы 61.

На двухъ скобахъ ноженъ слѣдующія надписи.

На верхней скобѣ съ внѣшней вырѣзано стороны:

(рис. 11) يَا قَاضِيَ الْحَاجَاتِ

О, Удовлетворяющій нужды“.

На нижней скобѣ съ внѣшней стороны вырѣзано:

(рис. 12) يَا مُجِيبَ الدَّعَوَاتِ

„О Внемлющій молитвамъ“.

Послѣдняго имени часть взята изъ 64 ст. 11 главы.

Съ внутренней стороны на верхней скобѣ вырѣзано:

بَا رَافِعَ الدَّرَجَاتِ (рис. 13)

„О, Возвышающій степени достоинствъ“.

На нижней скобѣ вырѣзано:

يَا كَافِيَ الْهَوَاتِ (рис. 14)

„О, Удовлетворяющій нужды“.

Это имя встрѣчается во второй разъ, но нужно замѣтить, что по-арабски этотъ эпитетъ выраженъ разными словами, которыя по-русски приходится перевести одинаково.

Согласно мусульманскому ученію каждое имя Божіе обладаетъ особою силой и имѣетъ специальное значеніе. Подробныя указанія объ этомъ можно найти въ сочиненіи Саблукова: „Сличеніе мохаммеданскаго ученія о именахъ Божіихъ съ христіанскимъ о нихъ ученіемъ“, изданномъ въ Казани въ 1872 г., а также въ мусульманскихъ изданіяхъ о 1001 имени Божіемъ.

Изъ мусульманскихъ сочиненій, посвященныхъ именамъ, т. е. эпитетамъ, Божіимъ, видно слѣдующее:

Имена, приведенныя на рисун. 1—6, дѣлаютъ человѣка великимъ, а имена на рисун. 12 и 13 даютъ человѣку побѣду и одолѣніе надъ врагами. Что-же касается именъ на

рисун. 7 и 8, то они являются по видимому сокращеніями болѣе полныхъ выраженій:

Рис. 7 изъ ^{٠٠٠٠٠}يَا ذَا الْعَفْوِ وَالْغَفَرَانِ

„О Дающій прощеніе и пощаду“.

Рис. 8 изъ ^{٠٠٠٠٠}يَا ذَا الْحِجَّةِ وَالْبَرْهَانِ

„О, Дающій свидѣтельство и доказательство“.

Значеніе надписей рис. 9—14 видно изъ самаго содержанія ихъ. Однако формула

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

„Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго“, приведенная въ верху рис. 9, отличается отъ прочихъ приведенныхъ выше именъ наибольшою силою, именно:

Первыя 2 слова этой формулы, т. е. ^{٠٠٠٠٠}بِسْمِ اللَّهِ даютъ людямъ урожай хлѣбовъ и помогаютъ имъ противъ притѣснителей, негодяевъ и всякихъ вообще злодѣевъ.

Далѣе, кто произнесетъ имя ^{٠٠٠٠٠}اللَّهُ 100 разъ, того Богъ уподобитъ льву, сдѣлавши его совсѣмъ безстрашнымъ.

Кто произнесетъ имя ^{٠٠٠٠٠}الرَّحْمَنِ 100 разъ, тотъ никогда не будетъ нерадивымъ, забывчивымъ или мрачно настроеннымъ.

Кто произнесетъ имя ^{٠٠٠٠٠}الرَّحِيمِ 100 разъ, тотъ и самъ будетъ любить людей и милостивъ къ нимъ, и его будутъ любить люди.

Изъ всего этого ясно видно, какую пользу должны были приносить владѣльцу нашей сабли приведенныя выше надписи, изъ араб. именъ и рѣченій.

Наконечникъ ноженъ у сабли, къ сожалѣнію, утерянъ, а потому нельзя ничего сказать о его внѣшности. Вся оправа изъ стали, по краямъ наведенной золотомъ, которое во многихъ мѣстахъ совершенно стерлось.

Изъ какого матеріала рукоять—мнѣ не удалось выяс-
нить. Повидимому, это—дерево, обтянутое кожей, а можетъ
быть, одна толстая кожа. Сдѣлана рукоять позднѣе, чѣмъ
крыжъ, у котораго верхняя стрѣлка съ внѣшней стороны
сломана, и половинка рукояти пригнана по этому слому.

Клеймо клинка, насѣченное золотомъ, заключаетъ въ себѣ
2 самостоятельныя надписи, отдѣленные другъ отъ друга обод-
ками (см. рис. 15).

Для прочтенія ихъ нужно поднять саблю остриемъ вверхъ.
Верхняя надпись гласитъ:

(рис. 15)

عباس بنده شاه ولایت

„Аббасъ, рабъ царя намѣстничества Божія“.

Здѣсь нелишне припомнить, что намѣстничество Божіе
—это халифатъ, государство, основанное въ VII в. по смерти
Мохаммеда преемниками его духовной и свѣтской власти. Царь
намѣстничества, рабомъ котораго названъ Аббасъ,—это Али,
двоюродный братъ и зять пророка и одинъ изъ его ближай-
шихъ сподвижниковъ. Онъ является едва ли не величайшимъ
изъ мусульманскихъ героевъ, и еще при жизни Мохаммеда
за свою исключительную доблесть получилъ почетное назва-
ніе „Левъ Божій“. Около 656 г. онъ былъ провозглашенъ
халифомъ (четвертымъ по счету), процарствовалъ 4 г. и
палъ отъ руки убійцы фанатика. Необходимо замѣтить, что
по взгляду персовъ счетъ халифовъ нужно вести съ Али,

потому что пророкъ, умирая, ему завѣщалъ свою власть, которую у него незаконно узурпировали три первыхъ халифа Абу-Бекръ, Омаръ и Османъ. Въ виду этого царемъ намѣстничества Божія, о которомъ говорится въ надписи, и слѣдуетъ признать Али, а не Абу-Бекра, котораго персы не признаютъ халифомъ.

Въ книгѣ „Царскосельскій Музей“¹⁾, гдѣ приводится среди массы другого оружія нѣсколько сабель Асаду'ллаха, говорится, что въ клеймѣ этого мастера, къ имени шаха Аббаса, постоянно присоединяется фраза „рабъ царя избранныхъ“, какъ называлъ себя шахъ Аббасъ, по духу смиренія, въ различныхъ своихъ актахъ²⁾. По всей вѣроятности авторъ „Царскос. Музея“ просто нѣсколько вольно перевелъ ту же фразу, какая стоитъ на нашемъ клинкѣ. Это слѣдуетъ, во-первыхъ, изъ сходства между обѣими фразами, а, во-вторыхъ, совершенно нельзя объяснить, почему во всѣхъ актахъ царствованія Аббаса и на всѣхъ клинкахъ съ его именемъ постоянно фигурируетъ одинъ и тотъ же эпитетъ, и только на одной саблѣ встрѣчается другой эпитетъ.

Въ концѣ надписи помѣщенъ годъ 1610³⁾, обозначенный лишь двумя цифрами, что иногда встрѣчается на мусульманскихъ древностяхъ. Присутствіе даты на саблѣ довольно замѣчательно, потому что, судя по тѣмъ же саблямъ Царскосельскаго Музея, Асаду'ллахъ своихъ клинковъ не датировалъ.

Въ нижней надписи клинка значится:

عَمَلُ اسَدِ اللَّهِ اصفهانی

„Работа Асаду'ллаха изъ Исфагани“

Едва-ли не самое интересное въ саблѣ—это присутствіе надписей на ея оправѣ. Въ приведенной уже книгѣ „Царскосел. Музей“, гдѣ описано болѣе 300 сабель, не упомянуто

¹⁾ «Царскосельскій Музей съ собраніемъ оружія, принадлежащимъ Государю Императору». СПб. 1860.

²⁾ См. въ указ. книгѣ сабли за №№ 253 и 269.

³⁾ На клинкѣ, конечно, онъ показанъ на основаніи гиджры, 1019.

ни одной съ надписью на эфесѣ. Есть лишь указаніе на два персидскихъ кинжала со стальными рукоятями, на которыхъ вырѣзаны надписи. Относительно другихъ частей оправы не говорится ничего, и надо думать поэтому, что надписи на рукоятяхъ встрѣчаются рѣдко, а надписи на отдѣлкѣ ноженъ — представляютъ явленіе совершенно рѣдкое.

У сабли имѣется перевязь, сдѣланная изъ толстой замши коричневаго цвѣта, со стальной, насѣченной золотомъ, отдѣлкой. Ножны изящно обтянуты чернымъ шагренемъ и почему то сверху были еще сплошь оклеены почернѣвшей золотой бумагой. Бумагу эту я снялъ, но на концѣ ноженъ и теперь еще часть ея осталась.

Вѣсъ сабли безъ ноженъ 2 ф. 36 зол.

Размѣры слѣдующіе. Длина клинка отъ эфеса 82 см.; длина рукояти (до конца стрѣлки крыжа) $16\frac{1}{2}$ см.; длина крыжа 16 см. Ширина клинка у эфеса $3\frac{1}{2}$ см. Наибольшая толщина клинка 8 м.м.

Нужно еще сказать нѣсколько словъ о возможности поддѣлки клейма на клинкѣ. Въ серединѣ прошлаго (т. е. XIX) столѣтія большой спросъ любителей оружія на клинки Асад'уллаха привлекъ вниманіе разныхъ персидскихъ торговцевъ-спекуляторовъ, и они стали ставить клеймо Асад'уллаха на клинкахъ не его работы. Эти клейма, говорятъ, можно легко узнать въ увеличительное стекло по грубости исполненія.

Настоящее или поддѣльное клеймо на нашемъ клинкѣ — рѣшить очень трудно, потому что для этого нужно быть въ высшей степени опытнымъ знатокомъ оружія. Во всякомъ случаѣ, клеймо сдѣлано очень тонко, и даже сильное увеличительное стекло обнаруживаетъ лишь незначительные дефекты въ контурахъ нѣкоторыхъ буквъ. Если даже допустить, что клеймо не настоящее, то все же сабля по другимъ отличительнымъ признакамъ, о которыхъ говорилось выше, является довольно замѣчательной и интересной.

Въ заключеніе приношу мою глубокую благодарность Ник. Θεод. Катанову за многочисленныя и цѣнныя указанія.

Θ. Лихачевъ.

Гадатели и знахари у царевококшайскихъ черемисъ.

Языческій культъ у черемисъ-язычниковъ и частію—черемисъ-христіанъ—Царевококшайскаго уѣзда, Казанской губ., сохранился значительно болѣе, чѣмъ у другихъ инородцевъ губерніи. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что языческія вѣрованія у черемисъ поддерживаютъ такъ называемые „карты“ [старики], „омымъ-ужшы“ (сновидцы), „мужедшы“, „шинчан-ужшы“ (гадатели и знахари),—которые, подобно шаманамъ среди сибирскихъ инородцевъ, всѣми мѣрами стараются оживить умирающее язычество и, являясь главными руководителями при языческихъ общественныхъ жертвоприношеніяхъ, грозятъ своимъ единоплеменникамъ наказаніемъ божествъ, карающихъ за уклоненіе отъ жертвоприношеній и другихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ. Они же являются хранителями общественныхъ роцъ [по черемиски—„оты“], въ которыхъ приносятся въ жертву различныя животныя. Роци эти,—остатки тѣхъ громаднхъ лѣсовъ, которыми когда-то почти сплошь былъ покрытъ Казанскій край, являясь нѣмыми свидѣтелями языческихъ молитвенныхъ собраній черемисъ, указываютъ, несомнѣнно, на то, что христіанское ученіе еще недостаточно проникло въ религіозное сознаніе черемисъ и язычество имѣетъ значительную силу. Такихъ роцъ разсѣяно по Царевококшайскому уѣзду немало: въ одномъ приходѣ села Уньжи, въ которомъ, кромѣ 1891 чел. обоого пола черемисъ-христіанъ, числится 179 чел. черемисъ-язычниковъ, насчитывается около 20 такихъ роцъ; правда, изъ нихъ около 10 роцъ представляютъ лишь остатки прежняго величія, такъ

какъ, подъ вліяніемъ христіанства, постепенно онѣ уничтожаются черемисами, но все же еще продолжаютъ напоминать, что среди черемисъ требуется со стороны школъ и духовенства значительная христіански-просвѣтительная работа. Позволю себѣ нѣсколько остановиться на описаніи этихъ роцъ и краткой характеристикѣ жертвъ, приносимыхъ въ нихъ по указанію сновидцевъ, гадателей и знахарей, насколько это необходимо, по моему мнѣнію, для предмета настоящаго сообщенія, предлагаемаго благосклонному вниманію Собранія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Черемисскія рощи, гдѣ совершаются языческія жертвоприношенія, представляютъ небольшія группы деревьевъ различныхъ породъ, иногда огороженныхъ небольшимъ прясломъ изъ мелкихъ жердей, и имѣющихъ внутри лишь небольшую полянку для сожженія жертвъ и нѣсколько берестяныхъ цилиндрической формы кузовковъ, которые употребляются для защиты горящихъ восковыхъ свѣчъ во время молитвы при жертвоприношеніяхъ. Черемисскія рощи для жертвоприношеній раздѣляются на три категоріи: родовыя или племенные, общественныя или „соборныя“ и частныя. Въ родовыхъ рощахъ приносятся жертвы только однимъ какимъ либо родомъ, почему и самыя рощи носятъ названія по имени родоначальника, напр., „Макар-оты“ или же общее названіе—„Насыл-оты“ (родовая роща). Въ этихъ рощахъ черемисы другихъ родовъ жертвъ не приносятъ и не чтутъ ихъ.

Въ общественныхъ или соборныхъ рощахъ „Мер-оты“ (собственно—мірская роща), жертвы приносятся черемисами болѣе или менѣе обширнаго раіона, поэтому жертвоприношенія въ нихъ совершаются при большомъ стеченіи народа и въ жертву приносится какое-либо крупное животное—корова, быкъ или лошадь; при томъ жертвоприношенія эти совершаются по какимъ-либо общимъ нуждамъ: по случаю неурожая, падежа скота, засухи и проч. Частныя рощи носятъ различные названія, которыя онѣ получили отъ именъ первыхъ почитателей ихъ, мѣстоположенія и проч., напр., „Мрас-оты“,

„Мюкшид-оты“, „Кюс-оты“ и др. и пользуются популярностью среди черемисъ обыкновенно незначительнаго района, чаще — одной деревни; впрочемъ, нѣкоторыя извѣстны своими цѣлебными свойствами и за предѣлами уѣзда. Въ этихъ рощахъ жертвы приносятся, по указанію гадателей и знахарей, низшимъ духамъ, которые причиняютъ людямъ различныя семейныя несчастія и болѣзни, поэтому рощи эти не принадлежатъ ни роду или племени, ни отдѣльному обществу, а составляютъ достояніе всѣхъ вообще, и обязательныхъ, такъ сказать, очередныхъ жертвъ, въ нихъ не приносятся. На нихъ черемисы смотрятъ какъ на своего рода лечебницы, въ которыхъ почти каждое дерево, служа пристанищемъ какому-либо духу, является спеціальнымъ фетишемъ, имѣющимъ какія-либо цѣлебныя свойства: жертвы при одномъ помогаютъ отъ боли живота, при другомъ — отъ головной боли, при третьемъ — отъ лихорадки и проч.; одни помогаютъ — при семейныхъ раздорахъ, другіе — при безплодіи женщинъ и проч.

Имѣя цѣлью настоящаго сообщенія ознакомить слушателей съ черемисскими гадателями и знахарями, я не буду останавливаться на мифологіи черемисъ и обрядовой сторонѣ жертвоприношеній, вопросъ о которыхъ достаточно разработанъ въ этнографической литературѣ и перейду къ изложенію записанныхъ мною свѣдѣній о гадателяхъ и знахаряхъ черемисъ.

Языческія вѣрованія черемисъ и другихъ инородцевъ нашего обширнаго Казанскаго края, несомнѣнно, должны быть разсматриваемы какъ остатки шаманства, въ которомъ люди, обладающіе способностью вступать въ общеніе съ духами и непосредственно руководиться ими, а именно — колдуны, знахари, шаманы, имѣютъ важное значеніе въ религіозныхъ дѣлахъ и поддерживаютъ языческій культъ среди своихъ единоплеменниковъ. Эти представители шаманства у черемисъ сохранили свой авторитетъ болѣе, чѣмъ у другихъ мѣстныхъ инородцевъ и оказываютъ сильное противодѣйствіе христіанскому вліянію, такъ какъ, происходя изъ черемисской среды, они стоятъ

очень близко къ своимъ единоплеменникамъ и являются единственными совѣтниками и руководителями ихъ при всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни: при болѣзняхъ, несчастіяхъ, семейныхъ неудачахъ и раздорахъ и проч. Лица эти, по замѣчанію Г. Миллера, у черемисъ „состоятъ въ великомъ почтеніи.“ Въ своемъ трудѣ „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемисъ, чувашъ и вотяковъ“ (СПБ. 1791 г.) Г. Миллеръ такъ опредѣляетъ значеніе ихъ: „Оныхъ колдуновъ по справедливости можно почестъ за начальниковъ ихъ суетной и самовольно вымышленной жертвы; ибо все зависитъ отъ ихъ повелѣнія, гдѣ и когда, и какимъ образомъ службу служить, а паче какую животину, и при какомъ случаѣ въ жертву приносить надлежитъ, потому что ихъ служба наипаче состоитъ въ жертвоприношеніи звѣрей, которыхъ они сами послѣ въ снѣдь употребляютъ“ (стр. 47). Въ общественныхъ „сборныхъ“ рощахъ—„мер-оты,“ черемисы приносятъ жертвы по указаніямъ сновидцевъ „омым—ужшы“ (сны видящій, отъ „омо“—сонъ). Омыв—ужшы бываетъ обыкновенно ревностный поклонникъ и почитатель языческихъ обрядовъ и обычаевъ, который всѣ общественныя несчастія—неурожаи хлѣбовъ, засухи, градобитія, падежъ скота, эпидемическія болѣзни и проч., считаетъ наказаніями злыхъ божествъ за оставленіе языческихъ жертвоприношеній. Этотъ ревнитель язычества, при свойственной черемисамъ мнительности, во время общественныхъ бѣдствій начинаетъ ожидать еще болѣшихъ несчастій и сожалѣть, что сородичи его охладѣли къ „старой Адамовой вѣрѣ“ и что, если они не исправятся, ихъ постигнетъ еще какая нибудь бѣда. Поэтому въ частныхъ бесѣдахъ и во время „мірскихъ“ сходокъ онъ обличаетъ своихъ сородичей въ несоблюденіи традиціонныхъ обрядовъ и грозитъ, что, если они не послушаютъ его, имъ будетъ еще хуже. Въ это время омыв—ужшы переживаетъ тревожное состояніе и мысль о необходимости жертвоприношенія неотступно преслѣдуетъ его; наконецъ онъ видитъ во снѣ божество, которое грозно требуетъ

себѣ въ жертву какихъ либо животныхъ. Сновидѣцъ передаетъ объ этомъ черемисамъ и убѣждаетъ ихъ исполнить это требованіе божества и жертвы немедленно приносятся при участіи всѣхъ жителей деревни или даже — при участіи довольно значительнаго района окрестныхъ селеній, при чемъ о времени жертвоприношеній они извѣщаются особыми посланными.

Что касается гадателей и знахарей, то они имѣютъ значеніе не въ общественныхъ моленіяхъ, а частныхъ — по случаю различныхъ семейныхъ обстоятельствъ, во главѣ ихъ считается „*мужедшы*“ — гадатель или ворожецъ.

„МУЖЕДШЫ“ черемисы называютъ обыкновенно мужчину, который ворожитъ при помощи пояса или опояски. Иногда обязанности „мужедшы“ исполняетъ и женщина, но это наблюдается сравнительно рѣдко. Къ „мужедшы“ обращаются обыкновенно по случаю болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи, при чемъ онъ долженъ опредѣлить какому духу и какую жертву нужно принести для выздоровленія больного. Обыкновенно это происходитъ такъ: гадатель приходитъ въ домъ больного, смотритъ на него, качаетъ головой и говоритъ, что онъ можетъ помочь больному, но что для этого нужно погадать — кому и какую жертву нужно принести. Всѣ со вниманіемъ слѣдятъ за движеніями этого гадателя; безпрекословно исполняютъ всѣ его требованія. Разговоры прекращаются, — наступаетъ тишина, въ которой яснѣе слышится таинственное шептанье „мужедшы“. Онъ беретъ поясъ, завязываетъ два узла на разстояніи длины локтя съ кистью руки, садится гдѣ нибудь въ углу и, не переставая таинственно шептать и дуть, по временамъ, на поясъ, приступаетъ къ дѣлу. Всѣ со вниманіемъ смотрятъ, а „мужедшы“ какъ будто нарочно медлитъ... Наконецъ онъ, прижавъ локтемъ правой руки одинъ узелъ къ колѣнямъ, начинаетъ продѣлывать съ поясомъ всевозможныя манипуляціи, прикладывая къ другому узлу пояса кисть правой руки, при чемъ конецъ пояса вслѣдствіе этого дѣлается то длиннѣе, то короче, и ладонью лѣвой руки измѣ-

ряетъ произведенную перемѣну въ длинѣ пояса, при чемъ свои соображенія, время отъ времени, онъ сообщаетъ присутствующимъ и въ заключеніе объявляетъ, что для умиловленія злого духа, отъ котораго произошла болѣзнь, нужно принести въ жертву овцу или жеребенка, указываетъ мѣсто и время. Во время этого гаданья „мужедшы“ умѣютъ обставить дѣло такъ, что всецѣло овладѣваютъ вниманіемъ присутствующихъ черемисъ: всѣ слушаютъ его шопотъ съ большимъ вниманіемъ, придаютъ важное значеніе всѣмъ его движеніямъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ результата этого гаданья. Несомнѣнно „мужедшы“ окружающимъ его черемисамъ внушаетъ мысль, что все, что онъ дѣлаетъ, происходитъ при участіи духа, который наводитъ болѣзни и невольно, какъ бы отъ близкаго присутствія этого духа, всѣ испытываютъ страхъ. Одинъ священникъ изъ черемисъ, въ дѣтствѣ часто участвовавшій при гаданіяхъ „мужедшы“, такъ рассказывалъ мнѣ свои впечатлѣнія о нихъ: „Мужедшы“, при обыденной обстановкѣ, не представляющій ничего необыкновеннаго, во время этого гаданія какъ бы перерождается: онъ гордо смотритъ на присутствующихъ и какъ бы дѣйствительно вырастаетъ въ глазахъ присутствующихъ, движенія его дѣлаются смѣлыми, рѣшительными, въ голосѣ слышатся повелительныя нотки. Онъ авторитетно разсуждаетъ о злыхъ духахъ, которые наводятъ на людей болѣзни за неисполненіе жертвоприношеній и этимъ напоминаютъ людямъ о своемъ существованіи; говоритъ о томъ, гдѣ и въ какихъ рощахъ и отъ какой болѣзни нужно приносить жертвы. Приводитъ нѣсколько случаевъ выздоровленія больныхъ, за которыхъ были принесены жертвы по его указанію. Невольно всѣ проникаются чувствомъ уваженія къ нему и начинаютъ вѣрить, что при помощи „мужедшы“ все обойдется благополучно. Овладѣвъ вниманіемъ присутствующихъ, слѣдящихъ съ неослабѣвающимъ интересомъ за каждымъ его движеніемъ, мужедшы до конца гаданія поддерживаетъ это состояніе; по окончаніи гаданія испытывается нѣкоторое утомленіе и непріятное чувство, точно послѣ кашмара. Больной также все время внима-

тельно слушаетъ, что говорить „мужедшы“ и облегченно вздыхаетъ, вѣря, что его гаданье поможетъ. Гадателю „мужедшы“ предлагается обильное угощеніе, нѣсколько копѣекъ денегъ, а иногда какой-нибудь подарокъ и онъ отправляется домой.

Послѣ этого больной начинаетъ просить своихъ семейныхъ, чтобы они поскорѣе исполнили то, что имъ велѣно сдѣлать „мужедшы“ для его выздоровленія, т. е. принесли жертву. Жертвенное животное съ указанными „мужедшы“ признаками, если не имѣется въ стадѣ хозяина, обыкновенно покупается на ближайшемъ базарѣ или въ сосѣдней деревнѣ. Больной, надѣясь на выздоровленіе, торопитъ своихъ родственниковъ поскорѣе принести жертву. Если почему либо происходитъ промедленіе въ этомъ, больной плачетъ, упрекаетъ родныхъ въ томъ, что они не заботятся о его выздоровленіи, желаютъ его смерти. Больной смотритъ на приготовленія къ жертвоприношенію и радуется. Наконецъ все готово. Больной, зная разстояніе до рощи, высчитываетъ сколько нужно времени чтобы доѣхать до нея, сколько пройдетъ времени въ приготовленіяхъ къ жертвоприношенію и, приблизительно опредѣляя время закола жертвы, облегченно вздыхаетъ,—начинаетъ чувствовать что ему стало легче и, по возвращеніи участниковъ жертвоприношенія, обыкновенно садится за столъ, чтобы принять участіе въ угощеніи, приготовленномъ для нихъ. Иногда больной выздоравливаетъ послѣ этого и вѣра въ цѣлебныя свойства жертвъ, приносимыхъ по указанію „мужедшы“, укрѣпляется...

ШИНЧАН-УЖШЫ, т. е. видящій глазами, прозорливый. Этимъ именемъ называются гадатели или ворожецы, которые ворожатъ на бобахъ, черныхъ камешкахъ, на водѣ, при помощи зеркала, старинныхъ стертыхъ монетъ и проч. Бобы и камешки они перекладываютъ нѣсколько разъ особыми, извѣстными имъ, способами, бросаютъ ихъ и, изъ расположенія ихъ, выводятъ заключеніе, что нужно сдѣлать просителю, чтобы найти, напр., украденное или—чтобы прекратить раз-

доры въ семьѣ и проч.: принести ли жертву или обратиться къ заговорщику отъ болѣзней-„шювэдшы“, или къ „локтозы“, который причиняетъ порчу людямъ и можетъ заставить, напр., вора возвратить украденное и проч.

Нѣкоторые „шинчан-ужшы“ узнаютъ все это при помощи воды, зеркала или старинной стертой монеты, при чемъ долго и пристально смотрятъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что нужно. Обязанности „Шинчан-ужшы“ могутъ исполнять и мужчины и женщины; сравнительно съ „мужедшы“ они пользуются меньшимъ авторитетомъ и вліяніемъ.

„ШЮВЭДЫШЫ“, т. е. плеватель, въ смыслѣ—шептунъ или наговорщикъ, также бываютъ не только мужчины, но и женщины. При своихъ наговорахъ они берутъ небольшую деревянную или чайную чашку, наполняютъ ее солью, или—пивомъ, водой, смотря по спеціальности шювэдышы, берутъ деревянную небольшую палочку и, быстро мѣшая ею въ чашкѣ, произносятъ слова заговора; при этомъ они по временамъ плюютъ на содержимое чашки, почему и носятъ названіе „шювэдышы“. При заговорѣ отъ болѣзней „шювэдышы“ высказываетъ такіа пожеланія: „пусть (если у больного болитъ животъ) животъ у него болить тогда, когда будетъ плавать камень или желѣзо по водѣ, пусть болить тогда, когда пухъ будетъ тонуть въ водѣ, пусть болить тогда, когда въ морѣ вся вода высохнетъ“ и т. д. Послѣ этого наговора содержимое чашки, по мнѣнію черемисъ, пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства и больной долженъ выпить или съѣсть наговоренное не брезгуя тѣмъ, что „шювэдышы“ нѣсколько разъ туда плюнулъ.

„ЛОКТОЗЫ“, т. е. причиняющій порчу людямъ, подобно русскому колдуну. Эти лица причиняютъ порчу людямъ по просьбѣ тѣхъ, которые желаютъ сдѣлать вредъ своему сосѣду или врагу. Эти недоброжелатели обращаются къ „локтозы“, который беретъ какую-нибудь тонкую веревочку, косясь или шнурокъ, при чемъ наговоръ считается болѣе дѣйствительнымъ, если удастся взять ихъ у врага, и наговариваетъ всевозможныя недоброжелательства, завязывая узлы,

концы которыхъ затягиваются по возможности крѣпче. Завязывая узелъ „локтозы“ обыкновенно говорить: „чтобы жили этого человѣка были связаны, какъ узлы этой веревки, чтобы его скорчило, чтобы онъ не могъ ни сидѣть, ни лежать“ и такъ далѣе. Послѣ этого веревку, принявшую отъ узловъ видъ клубка съ запрятанными концами, „локтозы“ велитъ подбросить врагу, которому были адресованы вышеприведенныя пожеланія; при чемъ все это дѣлается тайно: сдѣлать это нужно въ самую полночь, до пѣнія пѣтуховъ и при томъ такъ, чтобы никто не видѣлъ, иначе наговоръ будетъ недѣйствительнымъ и не принесетъ желательныхъ результатовъ.

Нѣкоторые черемисы обращаются къ „локтозы“ и въ томъ случаѣ, если кто-либо, по указанію „мужедшы“ (ворожеца), долженъ принести за больного жертву, но не можетъ этого сдѣлать по бѣдности, т. е. по недостатку средствъ на покупку жертвеннаго животного и проч.; при этомъ „локтозы“, при помощи описаннаго выше наговора долженъ перевести болѣзнь на другого, болѣе состоятельнаго человѣка, которому, по его матеріальному достатку, не представить особеннаго труда принести умиловительную жертву за больного, т. е. по русской пословицѣ „свалить съ больной головы на здоровую“.

Черемисинъ, увидѣвъ на своемъ дворѣ подброшенный клубокъ изъ узловъ (пидышъ), сразу догадывается, что это такое, и на него моментально нападаетъ страхъ за участь семейныхъ и свою, и онъ принужденъ бываетъ обратиться за совѣтомъ къ „шинчан-ужшы“, т. е. къ прозорливому; предварительно же черемисинъ разыскиваетъ на дворѣ какую-нибудь „поганую“ т. е. грязную, опачканную въ отбросахъ, палку (или-метелку, лопатку) и со всевозможными предосторожностями и чувствомъ полнѣйшаго отвращенія, съ произнесеніемъ отборныхъ ругательствъ, поднимаетъ „пидышъ“ грязнымъ концомъ ея и, не глядя на него, и стараясь держать отъ себя по возможности дальше, уноситъ куда-нибудь въ ближайшій оврагъ, бросаетъ въ него вмѣстѣ съ палкой

и приговариваетъ при этомъ: „пустъ тебя самого согнетъ въ бараній рогъ“ и т. д.

ПОШАРШЫ. Въ заключеніе своего описанія гадателей и знахарей черемисъ считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о „пошаршы“ (смутитель), которые, хотя не занимаются гаданіемъ и заговорами, но все же, по мнѣнію черемисъ, близки къ нечистой силѣ и по желанію могутъ причинить не мало хлопотъ и труда, поэтому съ ними нужно обходиться поосторожнѣе и не возбуждать ихъ гнѣва. „Пошаршы“ обладаютъ способностью при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни, по недоброжелательству, наводить различныя непріятности и затрудненія, напр., „урось“ или упрямство на лошадей свадебнаго поѣзда, что можетъ доставить большія хлопоты поѣзжанамъ, неудачу во время пути отъ поломки колеса или оси и проч. Для защиты отъ „пошаршы“ обыкновенно обращаются къ заговорщику—„шювэдышы.“

Описанные мною въ настоящемъ сообщеніи лица имѣютъ важное значеніе въ глазахъ суевѣрныхъ черемисъ и приносятъ многимъ просвѣтительнымъ начинаніямъ безусловный вредъ,—боясь потерять свое вліяніе на народъ, они препятствуютъ постройкѣ или открытію школъ, парализуютъ дѣйствія духовенства и школъ въ ихъ христіанско-просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Какъ показываютъ наблюденія среди черемисъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ гадатели и знахари утратили свой авторитетъ, христіанское просвѣщеніе идетъ несравненно быстрѣе, поэтому всѣмъ, кому дороги интересы просвѣщенія черемисской народной массы, необходимо обратить наибольшее вниманіе на ихъ дѣятельность и съ проповѣдью христіанскаго ученія нужно обращаться къ нимъ прежде другихъ.

Изъ исторіи христіанскаго просвѣщенія черемисъ также извѣстно, что черемисскіе гадатели и знахари имѣли большее вліяніе на нихъ и въ прошломъ, такъ, напр., въ 1827 году, во время отпаденій крещеныхъ черемисъ въ язычество указывалось, между прочимъ, какъ на одну изъ причинъ этого отпаденія, на „тайное вліяніе языческихъ учителей—му-

жедовъ“ на крестившихся черемисъ“¹⁾). Кромѣ вреднаго вліянія ихъ на дѣло христіанскаго просвѣщенія черемисъ, наблюдается и значительный матеріальный ущербъ, причиняемый „мужедшами“ и другими гадателями суевѣрнымъ черемисамъ требованіями приносить тѣ или другія жертвы, такъ какъ эти жертвоприношенія обходятся имъ иногда рублей въ 20—30. Въ „Извѣстіяхъ по Казанской епархіи“ за 1876 годъ г. Маляровъ (изъ черемисъ) въ статьѣ „Похоронные обычаи и повѣрья горныхъ черемисъ“ говоритъ по этому поводу о мужедшѣ слѣдующее: „Иногда случается, что захвораетъ дорогой человѣкъ изъ семейства и лежитъ при смерти; тогда, по указанію „мужана,“ (такъ называется мужедшѣ у горныхъ черемисъ Козмодемьянскаго уѣзда) зарѣжутъ самого лучшаго рабочаго коня... Не окончили еще суевѣрные черемисы своего жертвоприношенія, не успѣли жертвоприносители полакомиться варенымъ мясомъ лошади,—а больной уже испустилъ свою душу... Вдругъ подымается въ семьѣ плачъ и вопль... Жаль человѣка, жаль и зарѣзаннаго коня-кормильца... Плачутъ и ропщутъ родственники умершаго на свои божества (на киреметей) и на мужановъ... Въ горѣ и досадѣ одинъ изъ старшихъ членовъ семейства умершаго бѣжитъ къ мужану и говоритъ ему: „по твоему наставленію все въ точности исполнено; чего же еще не доставало для того, чтобы больной выздоровѣлъ“? Мужанъ въ свое оправданіе отвѣчаетъ: „когда вы совершали жертвоприношеніе, то вѣрно кто нибудь изъ вашихъ семейныхъ въ душѣ своей пожалѣлъ назначенную въ жертву скотину и ропталъ на тяжелый обычай; или же вы предъ жертвоприношеніемъ имѣли недобрую встрѣчу: женщину, пона, свинью задкомъ, а не головою, зайца“ и т. п. Такъ упрекаетъ мужанъ несчастнаго черемисина за неосторожность и говоритъ: „вы сами погубили человѣка по своей глупости... Вашему больному слѣдовало бы еще дол-

¹⁾ См. Архимандритъ Сергій. Высокопреосвященный Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и его время. Томъ II. Казань, 1888 года. Стр. 5.

го жить"... Итакъ, по вѣрованію черемисъ, каждый больной человѣкъ умираетъ отъ неудачнаго жертвоприношенія." (Стр. 741.)

Въ виду такого вреднаго вліянія черемисскихъ гадателей, знахарей и сновидцевъ на дѣло просвѣщенія черемисъ, приходскому духовенству и школьнымъ дѣятелямъ необходимо обратить особенное вниманіе на дѣятельность этихъ лицъ и стараться парализовать ихъ вліяніе на черемисъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ для этого, является христіанская проповѣдь на родномъ языкѣ черемисъ, по слову апостола: „настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ“ (2 Тим. 4, 2.). Необходимо и въ школахъ объяснять дѣтямъ бесполезность языческихъ суевѣрій и, утратившихъ свое значеніе, жертвоприношеній животныхъ. Приходскій пастырь, знакомый съ языческими воззрѣніями своихъ пасомыхъ, всегда можетъ своевременно предупредить исполненіе ими тѣхъ или другихъ языческихъ обрядовъ, но при этомъ нужно дѣйствовать съ любовью и кротостію, и стараться убѣдить язычествующихъ инородцевъ въ суетности и бесполезности языческихъ обычаевъ безъ оскорбительныхъ выраженій для ихъ религіозныхъ понятій, съ которыми они сжились съ первыми проблесками дѣтскаго сознанія. Мѣры репрессивныя въ этомъ не помогутъ,—они, какъ показываютъ наблюденія, лишь ожесточаютъ инородцевъ и пробуждаютъ въ нихъ еще бѣольшую привязанность къ язычеству и холодность къ христіанству.

Свящ. С. А. Багинъ.

Матеріалы археологическіе.

Къ вопросу о видахъ старинной Казани.

Чрезвычайная рѣдкость изображеній старинной Казани заставляетъ интересующихся исторіей этого города дорожить каждымъ рисункомъ, сохранившимся для насъ видъ той или другой части «Красы Востока». Въ виду этого любители мѣстныхъ древностей, несомнѣнно, должны быть признательны г. профессору Казанской Духовной Академіи И. М. Покровскому за приложеніе имъ къ изслѣдованію «Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года» (Казань, 1906) двухъ снимковъ съ гравюръ голландскаго путешественника Н. Витсена. На этихъ гравюрахъ (онѣ заимствованы г. Покровскимъ изъ *второго*, относящагося къ 1705 году, изданія книги Витсена «Noord en Oost Tartarie») изображена Казань съ западной и съ сѣверной сторонъ, причемъ нѣкоторые пункты отмѣчены буквами, подъ которыми слѣдуетъ искать объясненій въ подписяхъ подъ картинками. Къ репродукціямъ гравюръ г. Покровскій приложилъ и русскій переводъ этихъ подписей, помогшихъ ему разобраться въ извѣстіяхъ о казанскомъ архіерейскомъ дворѣ (см. въ названномъ изслѣдованіи стр. 12—14).

Тѣ же снимки съ гравюръ Витсена съ сопровождающими ихъ подписями (въ голландскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ) были приложены и къ замѣткѣ «Древнѣйшіе виды казанскаго кремля» («Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, томъ XXII, выпускъ 2, стр. 146—148, съ подписью П. Х.), въ которой указывалось на полное соотвѣтствіе рисунковъ Витсена свѣдѣніямъ о казанскихъ башняхъ и бойницахъ, находящимся въ «Описаніи города Казани (стѣнъ и башенъ), 1675 года» (издано г. Г. Кунцевичемъ въ томъ же журналѣ, томъ XXII, вып. 1, стр. 23—33).

Въ виду выясняющей изъ этихъ примѣровъ важности рисунковъ Витсена необходимо имѣть педантически точный переводъ его подписей, переданныхъ г. Покровскимъ по русски на мой взглядъ не вполне вѣрно¹⁾.

¹⁾ Съ незначительнымъ пропускомъ перепечатанъ этотъ переводъ и при репродукціи рисунковъ Витсена въ книгѣ «Казанскій сборникъ статей архіепископа Никанора (Каменскаго). Изданіе Церковнаго историко-археологическаго Общества въ Казани». (Казань, 1909, стр. 96 и 97).

Не обладая знаніемъ голландскаго языка, я позволяю себѣ однако предложить свою посильную попытку разобратъся въ смыслѣ объясненій Витсена, надѣясь, что люди, знакомые съ голландскимъ языкомъ, не откажутся исправить мои ошибки. Гравюра, изображающая Казань съ запада (въ подлинникѣ: *Casan. Aan de Westsyde*) имѣетъ у Витсена такую подпись:

A. *Kerk en hof van den Metropoliet*. B. *Des Gouverneurs huijs*. C. *De Stadt der Tartaren, die met houten muuren en staken is omheynt, daar een hof in is, en wachthuys van Seremissen, ook Kerken, stoot aan't rivierken Bolak*. D. *Voorstat*. E. *Hofdkerk*. F. *Een Kerk*.

Г. Покровскій переводитъ эти слова такъ: А. Церковь во дворѣ митрополита. В. Домъ Управителя (воеводы). С. Городъ татаръ, находящійся въ высокихъ стѣнахъ и тына, въ немъ же находится караульный домъ черемисъ и церкви у рѣки Булака. D. Предмѣстье. E. Придворная церковь. F. Церковь. По нашему мнѣнію эти опредѣленія Витсена слѣдовало бы передать по русски приблизительно такъ: А. Церковь и дворъ митрополита. В. Домъ губернатора. С. Городъ татаръ, который огороженъ деревянными стѣнами и тыномъ, [и] въ которомъ находится дворъ и сторожевой домъ черемисъ¹⁾, [а] также церкви, примыкаетъ къ рѣчкѣ Болаку [sic]. D. Предмѣстье. E. Соборъ. F. Церковь.

Изображеніе Казани съ сѣвера (*Casan. Aan de Noortsyde*) имѣетъ у Витсена слѣдующія подписи:

1. *Hier leggen steeds veel Schepen*. 2. *Water molen die door de Vliet Casan gedreven wort*.

Переводъ г. Покровскаго гласитъ: 1. Здѣсь находятся дома въ города. 2. Водяная мельница, отъ которой идетъ дорога къ входу въ Казань. Думаю, что вѣрнѣе было бы передать слова Витсена такъ: 1. Здѣсь всегда стоитъ много кораблей. 2. Водяная мельница, которая приводится въ движеніе рѣчной Казанью.

Н. П.

¹⁾ Въ текстѣ у Витсена черемисы называются (напр. на стр. 620) *Seremissen*, а не *Seremissen*, какъ здѣсь.

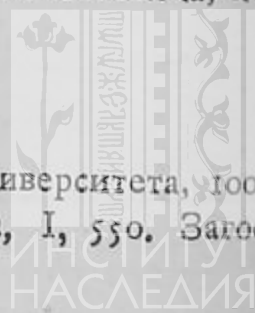

БИБЛИОГРАФІЯ.

Списокъ съ писцовой и межевой книги города Свіяжска и уѣзда письма и межеванія Никиты Васильевича Борисова и Димитрія Андреевича Кикина (1565—1567 г.). Изданіе Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской Епархіи. Казань, 1909.

Названное изданіе представляетъ, по словамъ предисловія, «точное воспроизведеніе» рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Казанскаго университета подъ именемъ «Списка съ писцовой Кикиной книги 7076 года Свіяжску и уѣзднымъ селамъ и деревнямъ». Извѣстна исторія этого списка. Въ 1809 г. И. О. Яковкинъ отыскалъ въ одномъ изъ свіяжскихъ монастырей рукопись, которая по его опредѣленію «писана 1568 года и содержитъ въ себѣ самое подробное описаніе въ тогдашнемъ Свіяжскѣ всѣхъ публичныхъ зданій съ казенными вещами, всѣхъ частныхъ строеній и казенныхъ мѣстъ съ ихъ межами, жалованныхъ и владѣемыхъ, во всемъ вѣдомствѣ онаго города»; въ слѣдующемъ году рукопись была въ Казани переписана для библіотеки университета, судьба же подлинника остается неизвѣстной—въ сороковыхъ годахъ, когда вѣроятно составлялъ свое описаніе А. И. Артемьевъ, рукописи уже не было, сколько онъ зналъ, въ Свіяжскѣ¹⁾. Издатели имѣли возможность сличить этотъ поздній списокъ со спискомъ XVI в. Архива Мин. Юстиціи № 432, вставить недостающее въ текстѣ казанскаго списка и слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ результатъ этой работы: «печатный «Списокъ» въ исправленномъ и пополненномъ видѣ является цѣннымъ изданіемъ: онъ по содержанію полнѣе сохранившейся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи писцовой книги г. Свіяжска, которая—безъ начала и конца».

¹⁾ Артемьевъ, Описаніе рукописей Казанскаго университета, 100—104. Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, I, 550. Загоскинъ, Ист. Каз. унив., II, 225.

Въ предисловіи издатели даютъ обзоръ содержанія памятника и отмѣчаютъ важное значеніе его историческаго матеріала⁽¹⁾, дѣлая это съ обстоятельностью можетъ быть нѣсколько излишней. Памятнику не приходится сѣтовать на недостаточное до сего времени вниманіе къ нему историковъ. Краткое извлеченіе изъ книги было дано въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1828 г. (мартъ, 180—183). Первая часть (книга городу и посаду) была подробно разсмотрѣна Н. Д. Чечулинымъ въ изслѣдованіи «Города Московскаго государства въ XVI в.», данныя книги нашли себѣ мѣсто также въ другихъ работахъ того же изслѣдователя («Нѣсколько данныхъ о книгахъ по городамъ Московскаго государства въ XVI в.», «Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в., не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ», Библиографъ 1890, № 7—8, и проч.). Вторая часть (книги Свіяжскаго уѣзда помѣстныхъ и проч.) доставили обильный матеріалъ для исторіи колонизаціи и экономическаго быта края Г. И. Перегатовичу («Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ», «Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.») и Н. А. Рожкову («Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.»); данными о помѣстныхъ земляхъ пользовался С. В. Рождественскій («Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.»). Въ частности о казанскомъ списокѣ нарочито сообщали А. И. Артемьевъ («Писцовыя книги Свіяжску и уѣзднымъ селамъ», Казан. Губ. Вѣд. 1846, часть неофициальная, № 9, ст. 73, «Историческія рукописи библиотеки И. Казанскаго университета», Ж. М. Н. Пр. 1854, т. LXXXIII, позднѣе въ «Описаніи рукописей») и А. В. Васильевъ («Къ исторіи землевладѣнія въ Свіяжскомъ уѣздѣ», Изв. Общ. Арх., Ист. и Эгн. XII, вып. 6); С. М. Шпилевскій ссылаясь на топографическія указанія книги («Древніе города»). Нѣсколько отрывковъ текста и основанныя на Свіяжской писцовой книгѣ указанія содержитъ и посвященная краю церковно-историческая литература; авторы отчасти пользовались извлеченіемъ изъ университетскаго списка, принадлежавшимъ Г. З. Елисееву⁽²⁾, не перечисляя относящихся къ этому предмету трудовъ, отмѣтимъ, что въ недавнее время и авторъ предисловія къ разсматриваемому изданію, прот. А. П. Яблоковъ, уже имѣлъ случай приложить знакомство съ писцовой книгой къ своему сочиненію объ Успенскомъ Богородицкомъ монастырѣ (Казань, 1906—1907). Попутно изслѣдователи должны были удѣлять мѣсто и общей критикѣ памятника. Такъ Чечулинъ (стр. 207) ставитъ вопросъ о цѣлости книги; его убѣждаетъ въ пропажѣ нѣсколькихъ листовъ значительная разниа въ числѣ стрѣлецкихъ дворовъ на посадѣ по итогу книги сравнительно съ его собственнымъ подсчетомъ описанныхъ дворовъ, разниа въ счетѣ посадскихъ церквей и проч. Напротивъ Рожковъ не ожидаетъ отъ писцовыхъ книгъ точности въ итогахъ и не удивленъ отличіемъ своего подсчета земельныхъ площадей, «болѣе до-

(1) Въ концѣ: «Достаточно и этого краткаго обзорѣнія содержанія издаемаго «Списка съ писцовой книги», чтобы видѣть, какой въ немъ заключается обильный и интересный матеріалъ для исторіи мѣстнаго края».

(2) Въ библиотекѣ Казанской академіи. (П. В. Знаменскаго) Житіе св. Германа (Каз. 1894), 12.

стовѣрнаго при ненадежности итоговъ» (стр. 26) отъ итоговъ книги, которыми пользовался Перетятковичъ. Упомянутое о предшествующей работѣ по изученію данной писцовой книги несомнѣнно облегчило бы издателямъ трудъ рекомендаціи памятника. Въ одномъ направленіи однако Церковное Общество съ достаточнымъ основаніемъ ждетъ новыхъ читателей и надѣется, что изданіе, какъ сказано въ предисловіи, — «несомнѣнно возбудитъ въ мѣстныхъ нѣкоторыхъ жителяхъ интересъ къ старинѣ; и съ помощію этихъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстностью и ея преданіями, можно будетъ уяснить... вопросы, возникающіе при чтеніи сего Списка»: ближайшимъ поводомъ къ изданію послужило весьма почтенное желаніе Ц. И. А. Общества воспользоваться данными книги при историко-статистическомъ описаніи церкви и приходовъ Свіяжскаго уѣзда, къ которому приступаетъ Общество. Это обращеніе къ мѣстнымъ корреспондентамъ Общества конечно придастъ изданію особый интересъ.

Пользуясь возможностью сравнить изданный текстъ съ рукописью московскаго архива, мы ставимъ цѣлью настоящей замѣтки выяснить, насколько появленіе Свіяжской писцовой книги (правильнѣе — книгъ) въ печати освобождаетъ будущихъ изслѣдователей отъ чтенія ея по рукописи. На всестороннее обзорѣніе издательскихъ приемовъ замѣтка не имѣетъ притязанія, рукописи университетской подъ руками у насъ не было, и мы могли только принять къ свѣдѣнію сказанное издателями о «точномъ воспроизведеніи» ими этой рукописи, поскольку впрочемъ этому утвержденію не противорѣчитъ чрезвычайное обиліе очевидныхъ опечатокъ.

Издатели предпочли положить въ основу своего текста поздній списокъ, хотя имъ былъ извѣстенъ списокъ временъ Грознаго. Съ извѣстной точки зрѣнія они были вправѣ поступить такъ, и съ бѣльшимъ основаніемъ, чѣмъ это видно изъ предисловія. Едва ли справедливо издатели считаютъ древнѣйшій архивскій списокъ подлинникомъ ⁽¹⁾ и полагаются въ этомъ опредѣленіи на авторитетъ печатнаго ярлыка, кѣмъ то наклееннаго на рукопись. Въ архивскомъ спискѣ листы скрѣплены въ началѣ рукой дьяка Ѳеодора Фатянова с. Кузьмина, а съ л. 246-го дьяка Ивана Клобукова; трудно предполагать въ этихъ дьякахъ лицъ, бывшихъ въ товарищахъ при свіяжскихъ писцахъ и подписавшихъ листы «въ ихъ мѣсто», особенно въ такомъ сановномъ дьякѣ, какъ Ив. Клобуковъ ⁽²⁾; къ подлинному акту съ печатью

¹⁾ «Рукописная писцовая книга города Свіяжска, какъ показываетъ имѣющаяся на ней надпись, подлинная.... На корешкѣ рукописи напечатано: «Подлинная писцовая книга», стр. II.

⁽²⁾ Дьякъ Ив. Тимоѳ. Клобуковъ въ 1566 г. уже управлялъ Разрядомъ, въ 1561 г. онъ по предположенію Лихачева («можно думать») сидѣлъ въ Казанскомъ Дворцѣ, умеръ въ иночествѣ 2 янв. 1573 г. (Разр. дьяки, 459, 461). Въ дьякѣ Ѳеодорѣ Фатян. Кузьминѣ (далѣе онъ подписывается только Ѳеодоромъ Фатяновымъ) можно предположить свіяжскаго дьяка Ѳеодора Фатянова, который показанъ въ этомъ городѣ подъ 7078 г. (Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, сборникъ библіотеки № 125/173, л. 569).

писца Дм. Кикина (объ этомъ актѣ рѣчь впереди) приписалъ подъячій. Въ каталогѣ Калачева ⁽¹⁾ рукопись № 432 названа только спискомъ съ писцовой книги; таковымъ и мы ее считаемъ—спискомъ конечно весьма старымъ и авторитетнымъ, близкимъ ко времени свѣжскаго письма, изготовленнымъ не позднѣе 1572 года. Во всякомъ случаѣ наличность древняго списка не отнимаетъ у казанскаго списка значенія самостоятельной археографической величины; исчезнувшій свѣжскій списокъ, легко убѣдиться, былъ изготовленъ не съ рукописи № 432 ⁽²⁾. Оставимъ однако въ сторонѣ вопросъ о близости списковъ къ начальному тексту, маловажный для приказнаго памятника, составъ книги въ основѣ одинъ и тотъ же здѣсь и тамъ. Практически—полезнѣе было бы издать списокъ XVI в., гораздо болѣе чистый по тексту и цѣнный по языку, а варианты казанскаго списка приписать къ нему.

Издавая списокъ новый, издатели мѣстами приписали по архивскому списку разночтенія и многое исправили. Размѣръ такихъ поправокъ долженъ былъ конечно имѣть предѣлы. Нельзя ожидать, чтобы издатели почли своей обязанностью приписывать къ слову «порожній»—«поровжій», «обложено» (бархатомъ)—«оболочено», «городской» (стѣны)—«городовой» или писать вмѣсто «Флоръ и Лавръ» новаго списка «Фролъ и Лаверъ» и т. д., все это предрѣшено выборомъ списка. Можно было не замѣчать различія между равно употребительными въ XVI в. «шандалъ» печатнаго текста и «шенданъ» московской рукописи (ср. Писц. книги Моск. государства, I, 1086). Но не слѣдовало простираť невмѣстательстві до лексическихъ потерь или признанія новыхъ терминовъ. Верстальные списки и книги называются «верстанными» (72, 106 и проч.). Въ началѣ книги много разъ печатный текстъ называетъ «городовальщиковъ» (стр. 10, 16, 21, 23, 24 и проч.), даже въ такомъ сочетаніи, какъ «городовальщики иногородцы»; въ серединѣ книги, гдѣ самъ памятникъ преподаетъ этимологию термина (свѣжскимъ годовальщикомъ княземъ и детемъ боярскимъ которые изъ верховскихъ городовъ годуютъ въ свѣжскомъ, стр. 63, л. 169) ⁽³⁾, мѣстами появляются «годовальщики», въ концѣ книги снова «городовальщики» (132, 139). При описаніи городовыхъ укрѣпленій московская рукопись часто упоминаетъ о «баштахъ», на которыхъ поставлены фальконеты или пушки; изъ десяти случаевъ употребленія этого слова въ девяти оно замѣнено въ печатномъ текстѣ «башней» (стр. 8—10). Отмѣченное фряжское реченіе было недолговѣчно на русской почвѣ. Встрѣчаясь въ памятникахъ XVI—XVII в., уже въ XVIII оно отчасти забыто. Татищевъ, излагая въ Исторіи Россійской Царственную книгу, оставляетъ казанскую «башту» неприкосновенной; Щербас-

⁽¹⁾ Описаніе докум. и бумагъ Моск. Арх. М. Ю., I.

⁽²⁾ О старомъ городищѣ (Шпилевскій, 499) московскій списокъ говоритъ: «на дикомъ поле наехано рвы круглые а бывало горо(д)ище старое...» Выраженіе «наѣхать» обычно въ писцовыхъ книгахъ для личнаго «наѣзда» писца, но вариантъ печатнаго текста «на шехяной» (стр. 109) кажется слѣдуетъ предпочесть: именно въ этой мѣстности протекаетъ р. Шахьянъ.

⁽³⁾ ѣ и ъ вездѣ разставляемъ по усмотрѣнію.

товъ въ качествѣ издателя Царственной книги спускаетъ это слово въ примѣчаніе, ставя въ текстѣ «о башнѣ» и оговаривая: «Въ подлинникѣ написано башта» (1). Т. о. въ замѣнѣ «башты» «башней» починъ не принадлежитъ издателямъ, однако не въ замѣнѣ безъ всякой оговорки.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ текстъ почтено было полезнымъ снабдить вариантами московской рукописи, въ изданіи принято отмѣчать разночтенія курсивомъ. Обращаясь къ этому матеріалу, мы принуждены отмѣтить во многомъ свое несогласіе съ рекомендуемымъ издателями чтеніемъ. Трудно понять, зачѣмъ понадобилось «исусъ» рукописи справливать въ «Иисуса» (стр. 12) и, цитуя столь опредѣленно опредѣленную рукопись, передѣлывать изъ «на харатьѣ»—«на хартѣе» или писать курсивомъ «пошести» (51) тамъ, гдѣ въ рукописи стоитъ «по шти». На стр. 82 читаемъ: «А перечень и окладъ (*Государю*) описанъ впереди...»; хотя «Государю» и набрано курсивомъ, но рѣчь здѣсь идетъ не о цивильномъ листѣ Ивану Грозному, а о помѣстномъ окладѣ «гордею» Ступишину. На стр. 16 вставлено курсивомъ же «(Д) Оелька жилецъ молотчей», но этого въ рукописи совершенно нѣтъ. Наоборотъ на стр. 107 однимъ «во дворѣ» меньше, чѣмъ слѣдовало: курсивомъ набрано «(В) Васюкъ Периса Родивоновъ», а въ рукописи «(в) васюкъ кривон (в) перша родивоновъ». Въмѣсто суммы копенъ (на стр. 64) 16605 слѣдуетъ читать 16690; въ 75 четей перелогу (стр. 121)—205, т. е. столько же, сколько и въ казанскомъ спискѣ. Въ скрѣпѣ дьяка Кузьмина (предисловіе, стр. II) первое сохранившееся слово слѣдуетъ читать не «царя», а «царевъ», а отчество дьяка, замѣненное точками: «Оатьяновъ».

Теперь отмѣтимъ нѣкоторые случаи, гдѣ разночтенія московскаго списка могли бы, по нашему мнѣнію, съ пользой для дѣла быть приписаны къ изданному тексту, не останавливаясь на причинахъ, по которымъ издатели пренебрегли этими поправками. П(ечатн., стр. 3) «до тое лѣсницы»—М(осков. спис.) «две лѣсницы». П(5) верховскіе рубли города «да» свіяжскіе рубли 70 сажень—М. «до», т. е. писцы насчитали здѣсь 70 сажень старой стѣны, сплавленной нѣкогда къ свіяжскому устью, а дальше идетъ мѣстная свіяжская рубль. П(6) «а свіяжскіе рубли 3 огородни въ томъ же числѣ»—М. «а свіяжские рубли 3 (т. е. сажени отъ башни до башни) а городни въ томъ

(1) У Дюканжа *bastia* (*castrum, turris, propugnaculum*), сохранилось въ обиходѣ западныхъ языковъ и въ имени парижской Бастилии. Въ языкѣ польско-литовскихъ актовъ Горбачевскій указываетъ лат. *bastia* и польск. *baszta* въ смыслѣ «подвижной деревянной башни, которую употребляли при осадахъ». Въ этомъ именно значеніи Густынская лѣтопись рассказываетъ объ осадѣ Магометомъ II Константинополя: «здѣлаша башты высокія на колахъ, яже превышаху муръ градныя...». (П. С. Р. Л. II. 356—357). Въ разсказѣ Никоновской лѣт. о взятіи Царягорода греки съ помощью фриговъ строятъ башню для обороны (П. С. Р. Л. XII, 88—93). По Царственной книгѣ, шестисаженную башню при послѣдней осадѣ Казани сооружаетъ дьякъ Выродковъ, тотъ же строитель, которымъ былъ рубленъ и свіяжскій городъ. Татищевъ въ Чг. Общ. И. и Др. 1848, № 9, 357; Царств. книга, стр. 290.

же числѣ»; тамъ же П. ворота прорублены «на городъ не подлѣ третьей башни»—М. «на городне подлѣ» и т. д.; П (7) «164» окна—М. «864», что ближе къ дѣйствительному; тамъ же П. воконѣ «и съ городень»—М. «изъ городень». П (8, также 10) «по полчетверть» гривенки ядро—М. «по полчетверте». П (11) прикладъ Княже Романовы Княгини «Романовской»—М. «ромодановского». Кн. Примиковъ (П 79 и проч.)—Пріимковъ. П (13) «писанъ въ горнѣй Ерусалимъ поставленъ Германа...»—М. «писанъ горней ерусалимъ поставленъ германа»... П (23) «Казанского» сторожа—М. «казенного», П (28) два наложъ «черныхъ»—М. «четьихъ». П (49, при описаніи гостинаго двора) «а надъ ворота изба таможенная... да подъ таможенной избою подклѣтъ, а въ немъ переделанной [т. е. передѣланы, М.] двѣ лавки государевы...»—неужели все это «надъ ворота»? въ М. «на дворѣ». П (51 дважды) «по 3 сажени»—М. «полтретьи сажени». П (52) Лавка Федосьи «лавочницы»—М. «колачницы». П (65) «земли»—М. «рамени». П. «которыхъ Городовѣхъ оставить»—М. «которыхъ государь велелъ оставить». П (110) «семеи составили не много больши»—М. «семеи со ста или немного болши». П (131) а по сулицы «въ вѣрхъ, гдѣ жити грацкимъ людемъ, въ лѣсъ»—по М. имъ предоставлено только ѣздить въ лѣсъ: «вверхъ ѣздити городцкимъ людемъ въ лѣсъ» и т. д. П (110) «и кнемиж татарскихъ и чувашскихъ пашень»—М. «и нынѣ межъ татарскихъ...». Въ Успенскомъ монастырѣ по П (26) «книга Государева жалованья (данья) Евангелъе...»; одну ли только книгу изъ этого длиннаго каталога послалъ обители Грозный, въ годъ ея основанія собиравшій по монастырямъ для Казани и богослужебныя книги и четьи? о книгахъ «Германовы прибавки», купленныхъ и написанныхъ въ монастырѣ, памятникъ говоритъ особо (стр. 31—32); въ М. здѣсь «книги государева данья».

Многія слова и строки текста въ изданіи опущены. На стр. 26 (впередѣ 12-й снизу строки) не названъ «псалтырь съ слѣдованьемъ въ десть на бумаге». На стр. 43 послѣ «тѣ книги въ полдестъ» слѣдуетъ въ рукописи «да служебникъ въ полдестъ жъ»; въ концѣ той же страницы передъ «въ полдестъ» опущено «всѣ», т. е. всѣ выше названныя книги—этого формата. На стр. 14 евангеліе—«тетръ». На стр. 30 (въ строкѣ 4) опущено: «ширинка въ золотомъ трепицы у неѣ шелкъ чернъ». Одна и та же икона въ концѣ 32 стр., наоборотъ, названа дважды. Въ началѣ 19 стр. опущенъ д(воръ) гриши иванова стрел(ь)ца». На стр. 40 послѣ жилья Стени Иванова долженъ быть „васкя чижевъ хлѣбникъ жилецъ“. На стр. 47 передъ дворомъ вдовы Овдотьи—„оюни яковлева стрел(ь)ца“. На стр. 49 въ итогѣ посадскихъ людей пропущено: „да молотчихъ 254 дворы а людеи 355 человекъ“. Въ концѣ стр. 64 послѣ „крестьяне сидѣли налготѣ“ слѣдуетъ „а лготы не отсидели“. На стр. 70 послѣ 50 четей—„ялося“. На стр. 113 (выше 3-ей снизу строки) должно быть „а ондрюшкѣ съ третые трети тое мѣлницы а“ дати имъ тотъ оброкъ и т. д. На стр. 82 оставленъ пробѣлъ вмѣсто имени деревни „киншелеева“. Нерѣдко опущены при именахъ прозвища и опредѣленія занятій. Карпъ Ѳеодоровъ (39)—„жилецъ“, Богданъ Калининъ (51)—ветошникъ, Тренька Пронинъ (118)—овчинникъ, жилецъ Треня—„желвакъ“, при имени Трофимка стрѣльца (42)—„крохи“, Треньки стрѣльца

(17)—«х.» Пропускъ надстрочныхъ буквъ иногда, напр. въ столь обычномъ „ж“, ведетъ лишь къ потерѣ колорита, но той же причиной вѣроятно вызвано и такое чтеніе, какъ „Якушко Дратьевъ“ (76) вмѣсто „якушь кондратьевъ“..

Сдѣланныя выше выписки приведены отнюдь не съ цѣлью дать корректурное приложеніе къ изданной писцовой книгѣ, онѣ заведомо неполны ⁽¹⁾. Это только матеріалъ для отвѣта на поставленный выше вопросъ—можно ли теперь, по напечатаніи памятника, обходиться безъ пользованія рукописями, хотя бы только архивской. Часть печатнаго текста (около трети) оставляемъ безъ свѣрки и устранимся отъ послѣдовательнаго сопоставленія текстовъ въ помѣстныхъ книгахъ, гдѣ о чтеніи географическихъ и личныхъ инородческихъ именъ судить можно только при специальной подготовкѣ; варианты московскаго списка издатели не исчерпали къ сожалѣнію и въ этой весьма отвѣтственной области (а между тѣмъ иногда достаточно написать по М. „изъ клереи“, чтобы имя „Уклерей“, П 110. перестало быть личнымъ).

Примѣчанія къ тексту обыкновенно состоятъ изъ объясненія словъ ⁽²⁾. На стр. 78 данъ и реальный комментарий къ описанію с. Жилецкой слободы, гдѣ писцовая книга насчитываетъ пашни добр. земли 80 четвертей въ полѣ, живущаго 8 вытей. Въ примѣчаніи къ этимъ даннымъ разъяснено: „вытей имѣетъ доброй земли 12 четвертей, средней 14, худой 16, и 8 вытей живущей или заселенной составить изъ доброй земли 96 четвертей“. Какъ же въ книгѣ не дошло противъ комментарія 16 четеи? Трудно думать, что авторъ примѣчанія надалѣ здѣсь къ выти, имѣя въ виду ту десятину ржи и яри, которую въ селѣ, раньше дворцовомъ, пахали на государя (стр. 64), а послѣ помѣстной раздачи должны были пахать на помѣщиковъ (стр. 65). Упомянутіе здѣсь же земли и средней и худой, каковыхъ совершенно не знали данная писцовая книга и свѣжскій уѣздъ того времени, указываютъ на отвлеченность этой нормы, на придаваемое ей авторомъ значеніе абсолютной единицы. Противъ этого слѣдуетъ возразить—не то, что въ XVI в.

(1) Въ качествѣ поправокъ нельзя и приводить инья разночтенія, не вѣдая подлинно, кожевникъ П 20 или ножевникъ былъ такой то стрѣлецъ, звали ли стрѣльца Оедькой П 46 или Филькой и т. д. Того же порядка и разногласія въ цифрахъ, каковыхъ случаевъ на одной 118 стр. три: П. „46 четеи“—43, П. „7 четеи“—6, П. „4 десятины“—30.

(2) Желательно бы знать источникъ редакціоннаго примѣчанія: „Вымла—рытина, водомоина; овражекъ“ (19, см. также 23, 40, 57, 126). По книгѣ слово—не женскаго рода („съ вымла“ М. л. 110, чѣмъ слѣдуетъ замѣнить П 40 „свхла“), ср. „вымоль“ словарей Срезневскаго и областного академическаго. Значеніе слова въ XVI в. остается темнымъ и послѣ примѣчанія. Для Казанской книги тѣхъ же писцовъ его пытался объяснить П. Е. Заринскій (Очерки древней Казани, 160).

выть вообще колебалась въ размѣрахъ ⁽¹⁾: въ свѣжскихъ помѣстныхъ земляхъ этого времени она была вездѣ одинакова, но заключала въ себѣ доброй земли *десять* четей, какъ видно и изъ итога на стр. 105—106 (2833 ч.: 283 выти ⁽²⁾).

Другія объясненія нашли мѣсто въ предисловіи, гдѣ изложена вкратцѣ исторія писцовыхъ книгъ вообще. Здѣсь литература послѣднихъ десятилѣтій заслуживала большаго приложенія. О мѣропріятіяхъ Ивана Грознаго по писцовому дѣлу сообщено между прочимъ: «...имъ изданъ былъ и особый писцовый наказъ съ правилами измѣренія земель, составленными по даннымъ науки. По этому наказу были описаны многіе города и уѣзды....» (стр. V). Здѣсь выступаетъ т. о. свидѣтельство Татищева, но утверждается большее, чѣмъ слѣдуетъ изъ его словъ о приложеніи землемѣрныхъ начертаній, «которое видимо нѣкто знающій Геометрію съ вычетами плоскостей сочинилъ». Геодезическое руководство въ списокѣ XVI в. кажется не найдено, но списки XVII в. изслѣдованы весьма обстоятельно, и хорошо извѣстно, близко ли къ «даннымъ науки» стояла эта геометрія съ катетами, равными гипотенузамъ ⁽³⁾. Что и время Ивана Грознаго не представляло по качеству землемѣрныхъ приемовъ счастливаго оазиса, авторъ введенія могъ убѣдиться изъ этой же писцовой книги, гдѣ въ уѣздномъ итогѣ (стр. 106) употребленъ обычный у московскихъ писцовъ ⁽⁴⁾ приемъ вычисленія суммы площадей путемъ сложенія отдѣльно основаній и отдѣльно высотъ: «лесу пашенного и непашенного въ розни по смѣте въ длину 54 версты безъ трет версты а поперегъ 33 версты безъ треті версты». О писцахъ и дозорщикахъ времени Михаила Ѳедоровича сообщено: «составленные ими книги назывались приправочными и дозорными». Совершенно справедливо, что приправочныя книги изготовлялись преимущественно въ это время, но изъ этого не слѣдуетъ, что тогда же онѣ и писцами были составлены и даютъ результатъ письма двадцатыхъ годовъ, а не XVI напр. вѣка ⁽⁵⁾. Дипломатическій

(1) См. напр. у Миклашевскаго, Др. русскіе поземельные кадастры, 21—22.

(2) Если на стр. 66—67 находимъ на двѣ выти «2 четей», на стр. 86 на семь вытей «10 четей» на стр. 98-ой четыре на четыре, то это не болѣе, какъ обычныя погрѣшности изданія. Въ М., какъ и слѣдовало ожидать, 20, 70 и 40.

(3) Милюковъ, Спорные вопросы, стр. 73, 84—91 «Отчета о 33 прис. нагр. гр. Уварова». Татищевымъ (Судебникъ, изд. 1786 г., 131—139) наказъ Ив. Грознаго отнесенъ не къ 1557, какъ слѣдуетъ изъ предисловія, а къ 1555 г.

(4) Готье, Замосковный край въ XVII в., 90.

(5) Ср. заключеніе Готье (Изъ исторіи хозяйственныхъ описаній Московскаго уѣзда, Ж. М. Н. Пр. 1902, мартъ) къ данному имъ пересмотру вопроса о значеніи приправочныхъ книгъ: «Приправочная книга давалась каждому писцу, который и велъ свое описаніе, руководствуясь спискомъ съ

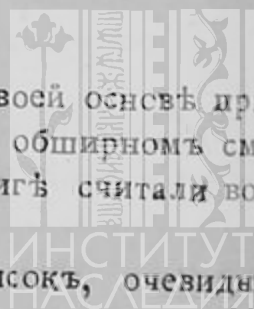
анализъ по поводу заголовка второго архивскаго списка, № 848 (стр. II—III)⁽¹⁾, былъ совершенно ненуженъ. Копіиста этой рукописи XVIII в. предисловіе поправляетъ: «Очевидно ошибочно писцовая книга названа «Спискомъ» дьяка Θεодора Кузьмина: рука послѣдняго отличается отъ письма писцовой книги» (т. е. № 432). Конечно копіистъ ошибался, приписывая книгу «письму» дьяка Θ. Кузьмина, но предисловіе поправляетъ его не въ томъ, въ чемъ онъ ошибался. Копіистъ конечно зналъ, что «писецъ» не былъ писцомъ, и подъ «письмомъ» такого то дьяка не разумѣлъ его автографа. Экспертиза почерка здѣсь не требовалась.

Съ пользою могли бы быть привлечены къ этому изданію нѣкоторые изъ «грамотъ Коллегіи Экономіи» Архива Мин. Юстиціи (указаны П. Н. Милуковымъ въ его списокѣ книгъ и выписей XVI в.). Изъ нихъ № 11460—подлинный актъ, относящійся къ тому же свѣяжскому письму, «грамота» о сложеніи оброка съ мельницы за Свѣягой Богородицкаго монастыря, выданная за печатью писца Дм. Кикина въ 7075 году, слѣдовательно во время свѣяжскаго письма. Добавляетъ къ тексту книги этотъ небольшой актъ немного, но интересенъ, какъ средній моментъ между письмомъ, при которомъ писцы Борисовъ и Кикинъ мельницу уже «написали на старомъ оброкѣ», и его кодификаціей, гдѣ, послѣ государева пожалованія, оброкъ оказывается сложеннымъ, а содержаніе акта входитъ въ составъ текста (стр. 119—120). Нельзя обойти также разночтеній (къ стр. 117—121, 125—129, 131 и 132) № 11461-го—довольно поздней выписи, выданной въ 1699 г. тому же монастырю со списка, хранившагося въ Свѣяжскѣ въ приказной избѣ.

С. Порфирьевъ.

прежняго письма. Каждая писцовая книга имѣла въ своей основѣ приправочную, т. е. одну изъ прежнихъ писцовыхъ книгъ; въ обширномъ смыслѣ приправочной по отношенію къ извѣстной писцовой книгѣ считали вообще ту болѣе раннюю книгу, которая легла въ ея основу».

⁽¹⁾ Выше мы не имѣли повода называть этотъ списокъ, очевидно копию съ № 432.

НОВЫЯ КНИГИ.

Казанскій сборникъ статей архіепископа Никанора (Каменскаго)
Изданіе Церковнаго историко-археологическаго Общества въ Ка-
зани. Казань. 1909. Ц. 3 р.

Чѣмъ разностороннѣе писатель, чѣмъ онъ плодovitѣе и чѣмъ дольше, наконецъ, онъ сѣялъ словесное сѣмя на бумажномъ полѣ, тѣмъ принудительнѣе бываетъ желаніе подвести итоги своему литературному творчеству, издать полное собраніе своихъ сочиненій или, въ крайнемъ случаѣ, напечатать хотя перечень своихъ трудовъ. Поводомъ къ такой ликвидаціи своей учено-литературной работы чаще всего служить для авторовъ юбилей ихъ дѣятельности. Такъ, по поводу своего 25-лѣтняго юбилея издалъ библиографію своихъ учено-литературныхъ трудовъ С. А. Бѣлокуровъ (см. Христ. Чтеніе 1908, октябрь); по тому же побужденію приготовилъ къ печати «Обзоръ» своихъ трудовъ проф. А. А. Бронзовъ (Христ. Чт. 1909, мартъ, — Отчетъ Спб. дух. академіи за 1908 г.). Повидимому, въ связи съ 40-лѣтіемъ своего священства приступилъ къ переизданію своихъ работъ преосвященный Никаноръ, архіепископъ Казанскій и Свѣяжскій.

Трудно сказать, есть ли въ настоящее время въ Россіи болѣе плодovitый писатель—архіерей, чѣмъ архіеп. Никаноръ. Онъ самъ заявляетъ, что у него «имѣется множество своихъ сочиненій». Заявленіе это напечатано въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» 1909, № 10, и связано съ приглашеніемъ преосвященнаго обмѣниваться съ нимъ книгами «по соотвѣтственной цѣнности», такъ какъ свою библіотеку владыка подарилъ духовенству г. Варшавы, гдѣ предполагалъ жить и умереть. Въ этомъ-то «Извѣщеніи» говорится о печатающихся Собраніи сочиненій, Словахъ и рѣчахъ, Казанскомъ сборникѣ. Очевидно, все это—разныя серіи одного полного собранія сочиненій архіеп. Никанора.

Мы хотимъ остановить вниманіе читателей «Извѣстій Общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ» на «Казанскомъ сборникѣ». Хотя для Общества всѣ труды его сочлена (а такимъ архіеп. Никаноръ состоитъ съ 1895 г.) должны быть интересны, тѣмъ болѣе, что авторъ связалъ свое имя съ исторіей Казани долговременною и плодотворною службой въ ней, «Казанскій сборникъ», содержащій историческія по преимуществу работы высокопр. Никанора, притомъ относящіяся къ Казанскому краю, долженъ представить для него особый интересъ.

Отмѣтить его появленіе считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что, насколько знаемъ, доселѣ не появилось отзывовъ о немъ въ печати, кромѣ краткой и очень сочувственной замѣтки о немъ въ Церковномъ вѣстникѣ (1910, № 4).

Приступая къ обзору содержанія книги, мы прежде всего встрѣчаемся съ предисловіемъ (стр. I—IV), выясняющимъ происхожденіе сборника, мотивы его изданія, общее содержаніе и значеніе. Оно не подписано, но принадлежитъ, видимо, пятичленному «редакціонному комитету».

Если вѣрить предисловію, мысль объ изданіи «Казанскаго сборника статей архіеп. Никанора» принадлежитъ не самому автору, а Церковному историко-археологическому Обществу Казанской епархіи, которое пожелало «оживить въ памяти и сознаніи казанской паствы литературные труды Высокопреосвященнѣйшаго автора по исторіи и археологіи мѣстнаго края переизданіемъ ихъ въ одномъ скомпанованномъ сборникѣ», для чего избрало «редакціонный комитетъ изъ пяти лицъ». Сначала Общество хотѣло издать только историческіе труды архіеп. Никанора, а потомъ «остановилось на мысли переизданія по возможности всѣхъ литературныхъ трудовъ Высокопр. Никанора, имѣющихъ то или другое отношеніе къ Казани и Казанскому краю». Сообразно съ этимъ, комитетъ включилъ въ составъ сборника 1) труды историко-археологическаго содержанія, 2) статьи по вопросамъ церковно-общественной жизни и 3) труды, относящіеся къ административной дѣятельности автора, предпославъ всему этому біографическій очеркъ владыки (стр. V—XXXVIII).

Изъ этого очерка мы узнаемъ, что архіеп. Никаноръ, по окончаніи Казанской дух. академіи въ 1874 г., провелъ въ Казани цѣлыхъ 19 лѣтъ (по 1893 г.),—сначала законоучителемъ инородческой учительской семинаріи, потомъ ректоромъ дух. семинаріи, наконецъ викарнымъ епископомъ. Къ этому то времени, говоритъ предисловіе, относятся почти всѣ статьи, вошедшія въ составъ сборника. «Тѣмъ не менѣе онѣ, отличаясь популярностью изложенія, и сейчасъ имѣютъ полную цѣнность». Впрочемъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, цѣнность эта—автобіографическаго и дидактическаго, такъ сказать, характера. «Внимательно знакомясь съ издаваемымъ сборникомъ, читатель вынесетъ изъ него не малое для себя назиданіе; онъ, видя духовный ростъ личности автора съ студенческой скамьи до отъѣзда изъ Казани, его отзывчивость къ явленіямъ мѣстной церковно-общественной жизни, кипучую энергію и работоспособность въ литературной области, пойметъ плодотворность труда въ жизни, необходимость упорной настойчивости въ дѣлѣ укрѣпленія и развитія собственныхъ, ему отъ Бога дарованныхъ, силъ и способностей, выйдетъ изъ состоянія, такъ часто охватывающаго его въ жизни, дремы и прозябанія къ сознательной и такъ нужной жизнедѣятельности. Изучая же собственно статьи церковно-историческаго и археологическаго характера, читатель увидитъ любовь автора къ былому нашей родинѣ и, увлекаемый ею, самъ почувствуетъ стремленіе въ глубинѣ вѣковъ, въ изученіи быта и строя жизни предковъ найти отвѣты строге и правдивые и на волнующіе вопросы современности; сознательно и вдумчиво углубляясь въ даль вѣковъ, пойметъ Россію и ея міровое значеніе; крѣпко подумавъ надъ многимъ изъ былого родины, найдетъ разрѣшеніе многимъ удручаю-

пямъ его за неопредѣленностію настоящаго и неясностію будущаго сомнѣніямъ, и пойдетъ въ дѣлѣ служенія родины историческимъ путемъ подъ руководствомъ коллективной совѣсти всея Руси».

Таково по коллективному разумѣнію всего редакціоннаго комитета значеніе лежащей предъ нами книги. Но, разумѣется, важность того или другого изданія обусловливается не предисловіемъ издателя или редактора его собственнымъ содержаніемъ.

Мы уже знаемъ, на какія три части распадается все содержаніе «Казанскаго сборника». 1-ая часть—статьи историко-археологическія, занимающія 566 страницъ. Ихъ двадцать. Въ главѣ ихъ стоятъ «Краткій очеркъ исторіи Казанскаго края до возникновенія Казани» «Краткая исторія Казанскаго царства» и «Покореніе Казани». Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ «Христіанство на востокѣ Россіи» (до св. Владимира и при немъ) и двѣ статьи, посвященныя христіанизации Казанскаго края въ XVI—XVIII вв. Потомъ въ двухъ статьяхъ мы находимъ краткія біографіи «Казанскихъ первосвятителей» и «Казанскихъ архипастырей», начиная съ св. Гурія и кончая Павломъ Лебедевымъ († 1892), въ одной разсказъ о явленіи Казанской иконы Божіей Матери. Четыре статьи посвящены Кизическому монастырю, его патронамъ, кладбищу и его угодымъ, одна даетъ текстъ владѣнныхъ грамотъ Спасскаго монастыря, одна говоритъ о храмахъ г. Казани, одна даетъ краткую исторію Казанской дух. семинаріи. Двѣ описываютъ синодики Свѣяжскаго Успенскаго и Зилантовскаго монастыря (подобное же описаніе синодика кафедральнаго собора составляетъ особый параграфъ статьи «Храмы г. Казани»). Заключается этотъ отдѣлъ «Современными остатками языческихъ обрядовъ и религіозныхъ вѣрованій у чувашъ» и «Правителями Казанскими», начиная съ воеводъ 1553 г. и кончая нынѣшнимъ губернаторомъ. Впрочемъ, текстъ послѣдней статьи позволяетъ усомниться въ авторствѣ архіеп. Никанора: въ ней, за перечисленіемъ правителей, говорится: «Посвящая свой трудъ воспоминанію 200-лѣтія ихъ дѣятельности, В. Д. Корсакова трудолюбно подноситъ публикѣ ихъ списокъ». Никакой ссылки на изданіе г-жи Корсаковой здѣсь не дѣлается, такъ что можно было бы думать, что ея списокъ печатается здѣсь впервые съ послѣсловіемъ преосв. Никанора. Между тѣмъ Общество археологіи, исторіи и этнографіи еще въ декабрѣ 1908 г. издало составленный В. Д. Корсаковой «Списокъ начальствующихъ лицъ въ городахъ теперешней Казанской губерніи съ 1553 г. по 1908 г. включительно» («Извѣстія», т. XXIV, вып. 5).

«Статьи по вопросамъ церковно-общественной жизни Казанской епархіи», числомъ 19, занимающія 569—736 страницы, составляютъ второй отдѣлъ сборника. Здѣсь мы находимъ описанія двухъ университетскихъ, двухъ академическихъ и одного гимназическаго актовъ и двухъ диспутовъ въ академіи въ 1870-хъ годахъ, «Чествованіе 6 апр. 1885 г. въ Казанской епархіи», о встрѣчѣ и проводахъ Седмозерной иконы Божіей Матери, описаніе празднованія обновленія храма въ Казанской семинаріи, три статьи, посвященныя юбилею Братства свят. Гурія и годовичному засѣданію его, рѣчь, сказанную пр. Никаноромъ въ день братскаго юбилея, двѣ статьи, касающіяся Н. И. Ильминскаго и его педагогическихъ взглядовъ.

Отдѣлъ III изъ 8 номеровъ, касающихся «административной дѣятельности Высокопреосвященнѣйшаго Никанора въ Казани», занимаетъ 739—836 стр. Въ него входятъ «Правила, составленныя въ 1880 г., въ видахъ подъема уровня развитія учениковъ Казанской дух. семинаріи», «Просекъ изученія инородческихъ языковъ въ Казанской дух. семинаріи», двѣ докладныя записки объ устроеніи новаго зданія семинаріи, «Отчетъ Казанскаго Центрального Строительнаго Комитета по постройкѣ церквей-школъ и школъ въ 1892 г.», два отчета по обзорѣнію Казанской епархіи въ 1891 и 1892 гг. и «Предложенія Высокопреосвященнѣйшаго Никанора Казанскому духовенству и паствѣ» (I—касательно усугубленія проповѣднической дѣятельности, II—объ участіи всѣхъ клириковъ въ церковномъ пѣніи, III—о необходимости «взаимной солидарности, согласія, мира и любви между собою» и IV—о прекращеніи тяжбъ и сокращеніи судебныхъ дѣлъ).

Значительное большинство перечисленныхъ статей было уже напечатано ихъ авторомъ: многія отдѣльными изданіями, иныя въ органахъ духовной и свѣтской печати—въ Православномъ обзорѣніи, Церковномъ и Церковно-общественномъ вѣстникахъ, въ Русскомъ паломникѣ, Извѣстіяхъ по Казанской епархіи, въ Извѣстіяхъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, въ Голосѣ и Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Нѣкоторыя, наконецъ, вещи появляются въ печати впервые: о иныхъ это прямо сказано, о другихъ можно предполагать.

По времени написанія огромное большинство статей относится къ первому періоду службы въ Казани преосвящ. автора—къ 1874—1892 гг., двѣ (о Н. И. Ильминскомъ и его педагогическихъ взглядахъ)—къ Смоленскому періоду (1896—1897), четыре—ко второму Казанскому періоду (описанія двухъ синодиковъ, «Правители Казанскіе» и «предложенія»). Собственно говоря, намѣреніе редакціоннаго комитета выяснить «духовный ростъ личности автора» требовало бы установить строго-хронологическій порядокъ размѣщенія статей съ обозначеніемъ всего написаннаго преосв. Никаноромъ въ томъ или другомъ году изъ не вошедшаго въ сборникъ. Данный же комитетомъ порядокъ вызываетъ возраженія и съ другой стороны. Въ I-мъ отдѣлѣ представляется лишней статья о современныхъ остаткахъ языческихъ вѣрованій у чувашъ: это область этнографіи, а не исторіи или археологіи. Въмѣсто нея слѣдовало бы помѣстить почему-то опущенныя редакторомъ брошюры, вошедшія въ изданный въ 1890 г. самимъ авторомъ сборникъ «Святѣи Казани»: «Св. Мученикъ Авраамій Болгарскій» и «Памятникъ убиеннымъ при взятіи Казани». Правда, содержаніе послѣдней вошло въ статью «Покореніе Казани», но въ предисловіи это не оговорено.

Большинство статей II-го отдѣла, по своему характеру принадлежащихъ къ хроникѣ церковной жизни, съ большимъ правомъ могло бы быть отнесено къ I-му отдѣлу—историческому, другія съ не меньшимъ основаніемъ могли бы войти въ новый отдѣлъ—педагогическій, куда можно бы перенести нѣсколько номеровъ и изъ III отдѣла. Помѣщенные же здѣсь отчеты по обзорѣнію епархіи должны бы быть перечислены къ I-му отдѣлу, какъ историческіе матеріалы, значеніе которыхъ подорвано однако тѣмъ, что имена духовныхъ лицъ, обревизованныхъ владыкой, скрыты подъ ини-

ціалами. Такъ какъ редакція не оговорила, что это сдѣлано ею, то можно подумать, будто преосвященный Никаноръ въ такомъ видѣ представилъ ихъ въ свое время архіепископамъ Павлу и Владиміру.

Характеръ отношенія редакціоннаго комитета къ своей работѣ самъ онъ опредѣляетъ въ предисловіи такъ: «Неостанавливающійся ходъ науки вообще не такъ замѣтенъ въ почти забытой до послѣдняго времени отрасли русской науки—археологіи, и потому комитетъ по изданію сборника отнесся къ содержанію его съ необходимой консервативностью, ограничиваясь въ своей редакціонной работѣ по преимуществу указаніями на то, когда и гдѣ первоначально та или другая статья была напечатана» (III). Въ этомъ заявленіи много невѣрнаго, но безспорно то, что комитетъ, дѣйствительно, отнесся къ своей задачѣ съ большой, какъ онъ говоритъ, «консервативностью». Правда, онъ не ограничился только указаніями на мѣсто первоначальнаго напечатанія той или другой статьи. На нѣкоторыхъ страницахъ мы видимъ попытки пополненія текста ссылками на новыя изслѣдованія или указаніями на новыя церкви, построенныя въ Казани въ послѣдніе годы, или на казанскихъ преосвященныхъ послѣднихъ лѣтъ, имена которыхъ не могли быть включены авторомъ въ свои напечатанныя ранѣе статьи. Иногда сообщается о судьбѣ церковныхъ учрежденій, упомянутыхъ авторомъ, и ученыхъ предпріятій, но не безъ ошибокъ¹⁾. Но разъ редакторы ступили на этотъ путь, имъ нужно было итти далѣе, и не только въ своихъ бібліографическихъ указаніяхъ, но и въ исправленіи на основаніи новыхъ работъ ошибокъ и неточностей, какія были въ свое время допущены авторомъ. Это касается также статей преосвященнаго, впервые напечатанныхъ. Впрочемъ, мы не хотимъ настаивать, что это—дѣло редакторовъ...

Но, безъ сомнѣнія, отъ нихъ зависѣло нападеніе Пугачева на Казань отнести къ 1774 г., а не къ 1772 (стр. 482), смерть м. Веніамина къ 1785, а не къ 1783 г. (ibid.), а кончину м. Палладія къ 1898 г., а не къ 1894 г. (488, пр. 2). Они не должны были дважды печатать одно и то же примѣчаніе, имѣющее при томъ характеръ рекламы (стр. 490 и 501). Должны были избѣгать неполной цитации въ родѣ «Смотр. Чуваш. Словарь Золотн.» (стр. 536. 537 и др.). Годы правленія губернаторовъ слѣдовало печатать полно, а не съ такими сокращеніями: А. И. Черкасовъ 82—84, Н. Е. Андреевскій 84—89, П. А. Полторацкій 89—1904 (стр. 565) Не слѣдовало имъ извращать выдержки изъ свящ. Писанія. Такъ на стр. 680 извѣстный текстъ библейскій приведенъ въ редакціи «Помянухъ дни древніе и научихся». Вообще редакціи нужно было тщательнѣе отнестись къ корректурѣ изданія, въ кото-

¹⁾ На стр. 638 въ прим. 1 говорится, что будто описаніе рукописей Соловецкой бібліотеки исполнено комиссіей профессоровъ Казанской академіи. Но *полнаго* описанія этой знаменитой бібліотеки не имѣется: оно еще не доведено до конца. На стр. 492 списокъ архіееревъ, въ Казани служившихъ или умершихъ, не дополненъ именами окончившихъ въ Казани свою жизнь б. Суздальскаго архіепископа Іосифа († 1642) и преосв. Кирилла Мелитопольскаго (Наумова, † 1866 г.).

ромъ даже неточно называется Общество, издавшее сборникъ. На обложкѣ оно названо Церковнымъ историко-археологическимъ Обществомъ въ Казани, въ предисловіи—Казанскимъ Церковнымъ ист.-археол. Обществомъ, дѣйствительное же его названіе, какъ оно формулировано въ уставѣ и какъ значится на задней сторонѣ обложки,—Церковное ист.-археологическое Общество Казанской епархіи...

Небрежность редакціи проявилась и въ отношеніи къ иллюстраціямъ. Прежде всего, нигдѣ не упомянуто даже, что текстъ книги иллюстрированъ 38 рисунками; не обозначено и то, откуда взяты они. Подборъ же ихъ заставляетъ думать, что тутъ руководились просто случайностью: были въ типографіи клише тѣхъ или другихъ изображеній, подходящихъ хотя издали къ тексту,—ими и воспользовались. Такъ изображенія университета, клиники, трехъ гимназій помѣщены только по поводу упоминаемыхъ университетской, клинической, гимназическихъ церквей, хотя на рисункахъ послѣднихъ совсѣмъ и не замѣтно. Сборникъ можно было бы сдѣлать цѣннымъ, если бы къ нему приложили снимки съ древнѣйшихъ церквей Казанскихъ и церковныхъ древностей, а также съ портретовъ Казанскихъ архипастырей, хранящихся въ архіерейскомъ домѣ, въ духовныхъ школахъ Казани и въ монастыряхъ,—портретовъ, изъ которыхъ не всѣ появлялись въ печати.

Всѣ приведенныя выше замѣчанія цѣликомъ или съ ограниченіями должны быть адресованы редакціонному комитету. Но есть въ сборникѣ вещи, и не отъ него зависѣвшія. На стр. 34 Суюмбекина башня относится ко временамъ татарскаго царства въ Казани, между тѣмъ теперь ученые склоняются къ мысли, что она построена едва ли не въ царствованіе Анны Ивановны. Ея, дѣйствительно, нѣтъ на двухъ видахъ Казани второй половины XVII в., помѣщенныхъ въ сборникѣ на стр. 96 и 97. На стр. 413, въ описаніи синодика Свѣяжскаго монастыря, Никаноръ Шульгинъ, приказный начала XVII в., орудовавшій въ пользу обособленія Казани отъ Москвы, почему-то названъ неизвѣстнымъ. На стр. 422 читаемъ въ той же статьѣ: «Въ заключеніе должно сказать о предпослѣдней (?) исторіи Синодика, а именно то, что онъ нѣсколько лѣтъ пропадалъ и обрѣлся съ другими книгами древними въ консисторіи.» Темно изложено: гдѣ пропадалъ, какъ очутился въ консисторіи, съ какими книгами? На стр. 423 въ описаніи синодика Зилантовскаго монастыря упомянуто, что онъ списанъ съ стараго литійнаго синодика, но не сказано о послѣднемъ и не обозначено, есть ли въ Зилантовскомъ монастырѣ другіе помянники. На 139 стр. въ описаніи синодика каѳедрального собора названъ казанскій губернаторъ Волконскій, но въ спискахъ казанскихъ правителей его нѣтъ (563), какъ нѣтъ тамъ и губернатора Скарятъ-паши, о которомъ авторъ говоритъ на стр. 565. Если это одно лицо съ названнымъ тутъ же Н. Я. Скарятинымъ, то, очевидно, послѣдній турецкаго происхожденія...

За исключеніемъ такихъ недосмотровъ и неточностей, статьи архіепа. Никанора и вновь напечатанныя и вторично изданныя найдутъ своихъ читателей и могутъ лицамъ, незнакомымъ съ казанской церковной стариной, дать такое знакомство. Изложены онѣ популярно и живо и пересчитываются

съ интересомъ даже людьми, не совсѣмъ чуждыми освѣдомленности въ казанской исторіи. Онѣ не вездѣ представляютъ результатъ изученія послѣдней по новѣйшей исторической литературѣ или по первоисточникамъ, но по мѣстамъ обнаруживаютъ непосредственное штудированіе послѣднихъ. Таковы описательныя работы—описанія синодиковъ, храмовъ, кладбища. Кстати объ «Историческомъ описаніи кладбища Кизическаго монастыря». Здѣсь преосв. авторъ обнаружилъ такую большую добросовѣстность и, точность въ описаніи памятниковъ, что становится жаль потеряннаго труда. «№ 42. Большой, зеленый, деревянный крестъ безъ надписи.» «№№ 44. 45. 46. 47. 48. 49 и 51. Большіе, деревянные, ветхіе кресты безъ надписей» (стр. 280). Такія и подобныя описанія могильныхъ памятниковъ фигурируютъ десятки разъ. Но кому они интересны, кромѣ кладбищенской администраціи? И нужно ли было перепечатывать ихъ теперь, когда чрезъ 18 лѣтъ эти «ветхіе кресты», конечно, и слѣда по себѣ не оставили? Столь же безцѣльными съ исторической точки зрѣнія представляются и нѣкоторыя описанія казанскихъ храмовъ, безъ обозначенія времени ихъ основанія и упоминанія о хранящихся въ нихъ святыняхъ и древностяхъ. Вотъ примѣры: «Макарьевская (церковь), въ Адмиралтейской слободѣ. Престолы: а) во имя пр. Макарія Унженскаго (25. іюля) и б) Рождества пресв. Богородицы (8 сент.).» «Никольская, на Булакѣ. Престолы: а) Николая Чудотворца (9 мая и 6 дек.) и б) Преображенія Господня (6 авг.)» (стр. 465. 466). Это уже не историческое описаніе, а справочникъ для о. ключаря или для благочестиваго посѣтителя всѣхъ престольныхъ праздниковъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ издателѣ книги—Церковномъ Историко-археологическомъ Обществѣ. Какъ видно изъ перечня, помѣщенного на ея обложкѣ, Общество выпустило до этого сборника 17 изданій (одно изъ нихъ совмѣстно съ Братствомъ во имя Пресв. Богородицы). Для молодого Общества, открытаго только въ концѣ 1906 г., это если и не очень много, то и не мало. Правда, два-три номера возбуждаютъ сомнѣніе въ своей принадлежности Обществу. Такъ «Казанскій архіерейскій домъ», изслѣдованіе проф. Покровскаго, хотя вышло въ 1906 г., но начало печататься за нѣсколько лѣтъ (въ 1901 г.) до открытія Общества, на страницахъ Православнаго Собесѣдника. А брошюры «Село Болгары» и «Обозрѣніе Казанской епархіи Высокопреосвященнѣйшимъ Димитріемъ за 1905 годъ» (въ 1905 году?) и вышли въ свѣтъ ранѣе учрежденія Общества (въ 1906 г.). Странно также, что Церковное историко-археологическое Общество *Казанской епархіи* издаетъ изслѣдованія, выходящія по предмету за предѣлы его района, напр. «Тверскій патерикъ. Краткія свѣдѣнія о Тверскихъ мѣстно-чтимыхъ святыхъ» или «Обрѣтеніе мощей св. Благовѣрнаго Андрея князя Смоленскаго, по древнему сказанію (1556 г.)». Или у Общества нѣтъ своихъ мѣстныхъ темъ для обслѣдованія и работъ—для изданія? Но всего замѣчательнѣе это то, что Общество, существуя третій годъ и обладая, по видимому, солидными средствами, не додумалось доселѣ до основанія собственнаго органа, въ которомъ помѣшались бы труды членовъ Общества. Эта ообенность замѣтно выдѣляетъ Общество изъ всѣхъ другихъ подоб-

ныхъ учреждений, но не въ выгодную сторону. И это тѣмъ удивительнѣе, что на эту ненормальность обращено уже вниманіе внутри самого Общества (см. нашъ докладъ «Объ изученіи церковныхъ древностей Казанскаго края», напечатанный въ «Извѣстіяхъ Общества археологій, исторіи и этнографіи», т. XXV, вып. 6). Къ сказанному тамъ добавимъ, что хотя такая практика новаго Общества обезпечиваетъ его докладамъ болѣе широкое распространеніе, но не среди его членовъ. Въ частности рецензируемое изданіе всего рѣже можно встрѣтить у нихъ именно: такъ мало оно популяризуется администраціей Общества. И нельзя объ этомъ не пожалѣть: оно будитъ мысль читателя и поднимаетъ вновь многіе вопросы. А Общество и основалось главнымъ образомъ для оживленія умственной дѣятельности въ направленіи изслѣдованія мѣстной церковной старины..

Е. Харламповичъ.

ХРОНИКА.

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

Въ виду исполняющагося 8 ноября 1911 года двухсотлѣтія со дня рожденія великаго Русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова, Императорская Академія Наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при Академіи существуютъ преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова, присуждаемыя на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

На преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова назначается 4.000 руб. Изъ нихъ 2.000 руб. образуютъ большую премію, а остальные 2.000 руб. образуютъ четыре малыхъ преміи, по 500 руб. каждая ¹⁾.

Большая премія присуждается за ученое жизнеописаніе Ломоносова, съ оцѣнкою его дѣятельности, какъ писателя, ученаго и гражданина.

Въ ученое жизнеописаніе Ломоносова должны быть даны полное изображеніе всѣхъ сторонъ его дѣятельности и оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, геологіи, металлургіи, географіи, статистики, политической экономіи, Русской исторіи, филологіи и словесности, съ изъясненіемъ, въ какомъ состояніи находились эти отрасли вѣдѣнія въ его время, и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по филологіи и словесности должно быть обращено особенное вниманіе на значеніе его въ развитіи Русскаго письменнаго языка.

Малыя преміи присуждаются за сочиненія, обнимающія дѣятельность Ломоносова въ области: 1) физики и химіи ²⁾, 2) минералогіи, геологіи, металлургіи; 3) философій и словесности, 4) географіи, статистики, политической экономіи и Русской исторіи.

На соисканіе премій принимаются оригинальныя сочиненія на Русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя; сочиненія могутъ быть пред-

¹⁾ Изъ нихъ одна малая премія уже присуждена въ 1907 г. сочиненію Б. Н. Меншуткина «М. В. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ», С.-Пб. 1904.

²⁾ Премія за сочиненіе о дѣятельности Ломоносова въ области физики и химіи уже присуждена указанному выше сочиненію Б. Н. Меншуткина.

ставлены или самими авторами, или дѣйствительными членами Императорской Академіи Наукъ. Рукописи должны быть четко писаны и съ подписью имени автора или же безъ нея, но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора.

Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

Разборъ ученаго жизнеописанія и присужденіе за него преміи предоставлены Императорской Академіи Наукъ, которою, въ конкурсномъ году, въ январскомъ засѣданіи Общаго Собранія, назначается коммиссія изъ академиковъ для предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе. На основаніи донесенія этой коммиссіи, присужденіе преміи будетъ произведено въ декабрьскомъ засѣданіи Общаго Собранія Конференціи.

Преміи могутъ быть выданы лишь самому автору или его законнымъ наслѣдникамъ, но не издателю.

Срокъ представленія сочиненій на соисканіе премій назначается 1 января 1912. Отчетъ о присужденіи премій будетъ прочитанъ въ годовомъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1912 г. и затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

Всѣ преміи присуждаются только одинъ разъ, и, по присужденіи четырехъ малыхъ премій и одной большой, конкурсъ закрывается.

Апрѣль 1910 г.

19) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1908 годы по 25 коп.

20) Пономаревъ, П. А. Апаньинскій могильникъ. 1892. 34 стр. 8°. 35 к.

21) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Казан. губ. 1877. 160 стр. 8°. ц. 1 р.

22) Спицынъ А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886. 30 стр. 8°. ц. 10 коп.

23) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8°. ц. 10 коп.

24) Записка по поводу реферата Г. Н. Потанина: «У вотяковъ Елабужскаго у.». С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.

25) Инструкціи, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ: 1877. Стр. 7. 8°. 5 коп.

26) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.

27) Магницкій, В. К. Къ біографіи Василя Аванасьевича Сбоева. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.

28) Фуксъ К. О. «Краткая исторія г. Казани. Казань. 1817 г.». Изданіе 1905 г. съ послѣсловіемъ Н. М. Петровскаго и біографическими свѣдѣніями о К. О. Фуксѣ и его портретомъ. Стр. 60. Цѣна 50 коп.

29) В. К. Магницкій. Чувашскія языческія имена. Казань 1905 г. Ц. 75 коп.

30) П. В. Альфонсовъ. Указатель къ «Извѣстіямъ Общества археологін, исторіи и этнографіи при Имп. Казан. Университетѣ» за 1878—1905 годы (т. 1—XXI). Каз. 1906. Ц. 70 коп.

31) Два историческихъ документа Императрицы Екатерины II о древностяхъ Волги и Кавказа. Казань 1907. Ц. 5 к.

32) Н. О. Высоцкій. Лихорадка, ея происхожденіе и способы леченія, по народнымъ воззрѣніямъ. К. 1907. Ц. 20 коп.

33) Общество Археологін, Исторіи и Этнографіи за 30 лѣтъ (1878—1908) рѣчь Н. О. Катанова. Казань. 1908. Ц. 10 коп.

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) при покупкѣ на наличныя деньги пользуются 30% уступки и бесплатно пересылкою; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Рукописи, не принятые къ печати, хранятся въ теченіе 3 мѣсяцевъ со дня посылки автору извѣщенія, а затѣмъ уничтожаются. Обратная высылка производится только по полученіи денегъ на пересылку.

Въ 1910 г. «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника. Извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи: отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: А. И. Александровъ (Казань), А. Е. Алекторовъ (Томскъ), И. В. Альфонсовъ (Казань), о. Н. А. Архангельскій (Ядринъ), Г. Н. Ахмаровъ (Казань), Н. И. Ашмаринъ (Казань), Б. В. Варнеке (Казань), Д. В. Васильевъ (Кострома), О. Т. Васильевъ (Казань), С. Н. Введенскій (Задонскъ), Н. О. Высоцкій (Казань), Н. К. Горталовъ (Казань), Я. І. Гурляндъ (С.-Петербургъ), А. И. Добросмысловъ (Симбирскъ), В. М. Іоновъ (Якутскъ), Н. О. Катановъ (Казань), Д. А. Корсаковъ (Казань), П. И. Кротовъ (Казань), И. П. Кузнецовъ (Минусинскъ), С. К. Кузнецовъ (Москва), А. С. Лебедевъ (Казань), о. Е. А. Маловъ (Казань), И. С. Михеевъ (Казань), В. А. Мошковъ (Варшава), Н. Н. Пантусовъ (Николаевъ), Э. К. Пекарскій (С.-Петербургъ), Н. М. Петровскій (Казань), И. М. Покровскій (Казань), И. С. Порфирьевъ (Москва), о. К. П. Прокопьевъ (Челябинскъ), о. Я. Н. Саркинъ (Симферополь), И. В. Селицкій (Омскъ), М. М. Хомяковъ (Казань), А. А. Сухаревъ (Казань), К. В. Харламповичъ (Казань), С. П. Шестаковъ (Казань) и друг.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ въ случаѣ надобности измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются:

Въ г. Казань, Университетъ, Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Цѣна cadaго выпуска (кроме немногихъ) 1 рубль.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVI, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ жизни крестьянъ села Кургуль
Е. Н. Петровской. 295—342.

Киргизы Кустанайскаго уѣзда, Тур-
гайской Области. Студ. Войтехов-
скаго. 342—358.

Поззія кладбища. (Изъ наблюденій
надъ могильными надписями Казанска-
го Арскаго кладбища) Л. К. Ильин-
скаго. 259—377.

О памятникахъ идеографическаго
письма крестьянокъ Скопинскаго уѣз-
да Рязанской губерніи (съ 9 таблицамъ)
Н. Граціанскаго. 378—392.

Серебряный рубль Суздальско-Ниже-
городскаго князя Василя Кирдяпы
(съ 3 рисунками). О. Т. Василье-
ва. 393—397.

Отчетъ о поѣздкѣ съ археологиче-
скою цѣлью лѣтомъ 1909 года въ Свѣж-

скій и Тетюшскій уѣзды Казанской
губерніи. Г. Ахмарова. 398—408.

ХРОНИКА:

Отъ Императорской Академіи Наукъ.
409—410.

Суевѣріе чувашъ. 410.

Заклинаніе кометы Галлея. 410—411.

БИБЛИОГРАФІЯ:

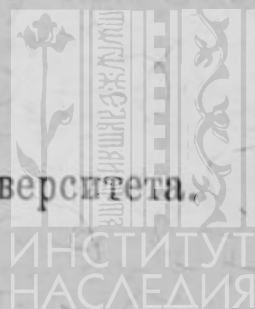
Иллюстрированный научный и тор-
гово-промышленный адресъ-календарь
мусульманъ всей Россіи «Маалюматъ»
на 1908 годъ. Томъ I-ый. Изданіе га-
зеты «Баянуль-хакъ». Н. О. Ката-
пова. 412—414.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

Вышелъ 6 августа 1910 г.

Въ книжномъ складѣ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ могутъ быть приобрѣтаемы слѣдующія изданія:

1) Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

2) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Веске. 1890. 324 стр. 8°. Цѣна 2 руб.

3) Труды IV Археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани, томъ I и II (1884 и 1891) по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891)—цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877. Цѣна 1 рубль.

4) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1832. Часть I. 300 стр. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.

5) Памяти графа А. С. Уварова. 1883. 101 стр. 8°. Цѣна 75 коп.

6) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886 стр. 12°. Цѣна 10 коп.

7) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36. 12°. Цѣна 20 коп.

8) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Морквашъ. И. П. Золотницкаго. 1884. 56 стр. 8°. Цѣна 45 коп.

9) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1832 г. 67 стр. 8°. Цѣна 45 коп.

10) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 10 коп.

11) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стр. Цѣна 5 коп.

12) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1883 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

13) Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губерніи. Докладъ IV археологическому съѣзду (съ 5 таблицами). 53 стр. in f-o. Казань. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

14) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ, Составилъ И. О. Токмаковъ 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

15) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). И. Аристовъ. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

16) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

17) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1893. Цѣна 1 руб. 50 коп.

18) Уставъ Общества Арх. Ист. и Этн. при Император. Казан. Унив.: изд. 1895 г. 7 стр. 8°. ц. 10 к.
1898 г. 11 стр. 8°. ц. 10 к.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVI, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ жизни крестьянъ села Кургулъ
Е. Н. Петровской. 295—342

Киргизы Кустанайскаго уѣзда, Тур-
гайской Области. Студ. Войтехов-
скаго. 342—358

Поэзія кладбища. (Изъ наблюденій
надъ могильными надписями Казанска-
го Арскаго кладбища) Л. К. Ильин-
скаго. 359—377.

О памятникахъ идеографическаго
письма крестьянокъ Скопинскаго уѣз-
да Рязанской губерніи (съ 9 таблиц-
ми). Н. Граціанскаго. . . 378—392

Серебряный рубль Суздальско-Ниже-
городскаго князя Василя Кирдяпы
(съ 3 рисунками). О. Т. Василье-
ва. 393—397.

Отчетъ о поѣздкѣ съ археологиче-
скою цѣлью лѣтомъ 1909 года въ Свѣж-

скій и Тетюшскій уѣзды Казанской
губерніи. Г. Ахмарова. . 398—408.

ХРОНИКА:

Отъ Императорской Академіи Наукъ. 409—410.

Суевѣріе чувашъ. 410.

Заклинаніе кометы Галлея. 410—411.

БИБЛИОГРАФІЯ:

Иллюстрированный научный и тор-
гово-промышленный адресъ-календарь
мусульманъ всей Россіи «Маалюматъ»
на 1908 годъ. Томъ I-ый. Изданіе га-
зеты «Баянуль-хакъ». Н. О. Ката-
нова. 412—414.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

1962 г.

1965 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и
Этн. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь М Бенеманскій.

1945г.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

570/3

Г. ИНВ. № 472

Изъ жизни крестьянъ с. Кургуль ¹⁾.

Село Кургуль (Спасскаго уѣзда Казанской губерніи) лежитъ въ 18 верстахъ отъ пристани Мурзихи (на р. Камѣ) и имѣетъ около 500 дворовъ крестьянъ, живущихъ хлѣбопашествомъ. Часть молодежи ежегодно уходитъ въ городъ за работой и остается тамъ навсегда; кое-кто отправляется со своимъ мастерствомъ въ Сибирь на годъ, на два, иногда лѣтъ на десять съ побывками; нѣкоторые, устроившись на новомъ мѣстѣ, забираютъ и семью. Правильныхъ отхожихъ промысловъ, хотя бы на близкую Каму, въ селѣ нѣтъ. Земля кормитъ плохо; экономій по близости нѣтъ; единственнымъ предметомъ, дающимъ побочный заработокъ, является шерсть. „Кто заводитъ торговлю шерстью, тотъ богатѣетъ“, говорятъ мѣстные жители. Шерсть скупаютъ торговцы по окрестнымъ деревнямъ, преимущественно у татаръ осенью, послѣ стрижки, невытую и нечесаную, отъ 7 до 9 рублей за пудъ, а по обработкѣ перепродаютъ рублей по 55 съ пуда. Видную роль играетъ шерсть и въ жизни дѣвушекъ: имъ сдается она на руки для пряжи и платится имъ 8 копѣекъ съ напряденнаго фунта, такъ что хорошая работница можетъ въ одну посидѣлку заработать до 50 копѣекъ. А деньги дѣвушкѣ очень нужны: семья ничего не даетъ ей на платье; наоборотъ, посягаетъ часто и на ея заработокъ, а приданаго надо накопить много,

¹⁾ Особенности мѣстнаго быта охарактеризованы на основаніи разсказовъ 17-лѣтней крестьянки изъ с. Кургуль, отъ которой записаны и всѣ сообщаемые въ статьѣ тексты. Нѣкоторые примѣчанія къ нимъ принадлежатъ Н. М. Петровскому.

не говоря уже о нарядахъ. Нарядаться въ Кургулѣ любятъ; напр., лѣтомъ въ праздникъ послѣ обѣдни подруги уговариваются, въ чемъ придуть вечеромъ на игру: въ голубомъ ли, въ розовомъ, въ ситцѣ или сатинетѣ. Если у одной изъ дѣвушекъ кружка не окажется выбраннаго наряда, она предпочтетъ остаться дома, чѣмъ выказывать свою бѣдность. Но праздничное платье есть дѣло ея женскаго тщеславія, между тѣмъ какъ отъ „одежи“ зависитъ ея будущность. „Одежа“ состоитъ изъ шубы дубленой, шубы плисовой, двухъ (суконной и плисовой) бекешъ (полудлинное платье на ватѣ съ борáми сзади) и треуборка (короткая кофта на ватѣ). Пока у дѣвушки нѣтъ „одежи“, ее не пойдутъ сватать; качество верхняго платья серьезно обсуждается родней при выборѣ невесты. Кромѣ этой, самой цѣнной части приданаго, дѣвушка должна заготовить: холста краснаго и синяго, мѣшки для муки, полотенца, столешники, тканые дома изъ бумаги, и одну покупную скатерть. Рѣдко семья поможетъ дѣвушкѣ сшить шубу; даже если богатые родители сами справляютъ приданое дочери, надъ ней смѣются, что ей-де лѣнь работать.

Для пряжи нѣсколько дѣвушекъ составляютъ кружокъ и устраиваются зимою въ какомънибудь хлѣву, потому что избы слишкомъ тѣсны для большихъ колесъ. Для этой цѣли въ хлѣву прорубаются маленькія оконца, складывается подтопка и полъ усыпается золой или пескомъ. Въ теплое время колеса ставятся въ рядъ на улицѣ, пряжи поютъ и, когда являются парни, работа нерѣдко бросается и начинаются игры. Лѣтомъ есть обычай выручку съ ночной работы откладывать себѣ на сласти; 29 іюня прядутъ всю ночь, чтобы накопить денегъ для ярмарки въ ближнемъ селѣ на „Казанскую“.

Лѣтнія игры, т. е., хороводы и пѣсни, продолжаются до глубокой ночи. Начинается сборъ съ того, что дѣвушки одной улицы запѣваютъ пѣсню „За розвязью за зеленою, За бѣлымъ цвѣткомъ за черемухой Тутъ шли-прошли красныя дѣвушки“..... и, взявшись за руки, идутъ къ мѣсту хороводовъ. Но общественными играми не исчерпывается теплая

ночь: благодаря тому, что крестьянская семья спитъ лѣтомъ гдѣ попало во дворѣ, дѣвушки могутъ незамѣтно убѣгать на свиданіе. Если отецъ или мать, проснувшись, хватятся дочери, они безъ дальнихъ разговоровъ поджидаютъ ее съ прутомъ или плетью; но страхъ наказанія удерживаетъ мало. Нерѣдко дѣвушкѣ приходится потомъ, спасая свое доброе имя, прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для уничтоженія плода, потому что родившую до замужества не возьметъ никто, кромѣ вдовца, худшаго жениха въ деревнѣ.

Но проходятъ лѣто и хлопотливая осень и начинается зима, время сватовства, свадебъ и веселья. На порогѣ ея, 1-го ноября—праздникъ „Кузьминки“. Съ утра дѣвушки ходятъ и ищутъ избу, гдѣ бы ихъ пустили на вечернюю игру. На село приходится избъ пять, гдѣ собираются справлять „братчинку“ (такъ называется Кузьминская вечеринка). Дѣти топятъ себѣ баню и въ ней играютъ; подростки тоже справляютъ свою „братчинку“, не смѣшиваясь ни съ ними, ни съ взрослыми. „Братчинка“ начинается съ того, что парни стоятъ у входа, а дѣвушки садятся по лавкамъ и поютъ:

Ужъ ты братчинка, солдатчинка,
Яровая, хмѣлевая, веселая голова!

Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда.

Дороженьку не торй,
Худу славу не клади.

Худа славушка пройдетъ,

Никто замужъ не возьметъ;

Отцу съ матерью безчестье,

Роду-племени поборъ,

Съ плечъ головушку долой.

Покати́лась голова, какъ есть маковка.

(въ стихамъ 3 и слѣд. ср. близкій вариантъ изъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи въ сборникѣ ак. А. И. Соболевскаго: „Великорусскія народныя пѣсни“, IV, 255—256, № 333,

стихи 8 и слѣд.; при дальнѣйшихъ ссылкахъ этотъ сборникъ обозначается ВП).

Затѣмъ начинаются игры и пѣсни, сначала длинныя, потомъ, по мѣрѣ того, какъ устаютъ поющія, короткія, шутивыя, похожія на частушки. Большинство длинныхъ пѣсенъ сопровождается „игрой“, т. е., хожденіемъ парня или дѣвушки по горницѣ, и оканчиваются поцѣлуемъ (братчинскія пѣсни см. въ приложеніи къ настоящей статьѣ).

Кромѣ „игровыхъ“ пѣсенъ есть и игры безъ пѣнія, напр. „почта“. Одинъ беретъ палку и стучитъ ею о полати, говоря: „идетъ почта изъ такого то села, туда то, въ такому то“; названный встаетъ и идетъ въ свою очередь выступать. Игра въ дрему состоитъ въ томъ, что одна дѣвушка сидитъ на табуретѣ, другія ходятъ вокругъ, хлопаютъ въ ладоши и поютъ:

Сидитъ дрема, сама спитъ.

Вставай, дрема, иди домой,

Выбирай себѣ пару.

При этихъ словахъ всѣ бѣгутъ по мѣстамъ и кто остался безъ мѣста, садится на табуретъ.

Самая сложная игра—въ „сусѣди“. Дѣвушки садятся на лавки, парни стоятъ отдѣльно; одна пара—парень и дѣвушка—распоряжается, опрашиваетъ потихоньку, кто съ кѣмъ хочетъ сидѣть, и размѣщаетъ играющихъ. Когда размѣщеніе кончилось, распорядители обходятъ и спрашиваютъ: „мила ли сусѣдка“. Если кто скажетъ „мила“, заставятъ поцѣловаться, а „не мила“, такъ ударятъ палкой или скалкой, „чтобы не мутить порядокъ“. Затѣмъ парни становятся на колѣни передъ дѣвушками и распорядители ходятъ и опрашиваютъ дѣвушекъ: „за что поставила“. Дѣвушка называетъ какую нибудь вину. Слѣдуетъ вопросъ: „Прощаешь ли?“ Если дѣвушка прощаетъ, парень поднимается; если нѣтъ, продолжаетъ стоять, пока распорядители, кончивъ первый обходъ, не подходятъ вторично съ тѣмъ же вопросомъ, и такъ до третьяго раза. Если дѣвушка все не прощаетъ, то ее угоща-

ютъ палкой за жестокость. Послѣ этого дѣвушки въ свою очередь становятся на колѣни, а парни судятъ тѣмъ же порядкомъ. Когда игра кончена, распорядители выходятъ вмѣстѣ изъ избы, какъ говорятъ „топить баню“, и, черезъ минутку вернувшись, посылаютъ остальныхъ и всѣ идутъ поочередно, пара за парой.

Ни вина, ни пива во время „братчинки“ не полагается. Начинается игра съ темнотой, а кончается часовъ въ пять утра. „Кузьминки“ продолжаются три дня, 1, 2 и 3 ноября, причемъ времяпрепровожденіе 2-го и 3-го числа не отличается отъ описаннаго.

Еще разъ играютъ въ заговѣнье передъ началомъ филипповскаго поста.

Затѣмъ наступаютъ святки, гдѣ главную роль играютъ гаданія о женихѣ. Это и понятно: промежутокъ отъ Рождества до поста—самое свадебное время. Если не выйдешь въ эти полтора-два мѣсяца, то останешься въ дѣвкахъ по крайней мѣрѣ до слѣдующей осени. Гаданій много: напр., бросаютъ валенокъ за ворота; куда онъ упадетъ голенищемъ, туда и выйдешь. Ходятъ на перекрестокъ слушать, гдѣ воетъ собака; въ ту сторону засвѣтаетъ. Надѣваютъ на голову лукошко, вращаются съ нимъ по двору и идутъ прямо впередъ; если попадешь въ открытыя ворота, замужъ выйдешь, не попадешь—дома останешься. Ловятъ въ темномъ хлѣву овцу; какая попадется, таковъ и женихъ будетъ: черный или бѣлый. Ловятъ курицу и приносятъ въ избу; если кудахчетъ, свекровь будетъ бойкая; сидитъ тихо—и свекровь будетъ смирная. Наливаютъ на сковороду воды, прикрѣпляютъ къ сковородѣ свѣчку, ложатся на полатахъ, свѣшиваютъ голову черезъ брусокъ и смотрятъ въ зеркало на сковороду: сколько отраженій свѣчи, столько и семьи будетъ. Идутъ на гумно, прислоняются къ омету спиной и, откинувъ голову назадъ, ртомъ вытаскиваютъ колосъ; если выдернется большой, женихъ будетъ богатъ, если маленькій—бѣденъ. Бросаются ночью въ свѣжій снѣгъ спиною и кладутъ рядомъ внута; если отпечатокъ ут-

ромъ окажется исполосованнымъ—знакъ, что мужъ будетъ бить. Ставятъ на ночь подъ кровать колодець, т. е., блюдо съ водой, а вокругъ него лучинки, сложенные въ видѣ сруба, снимаютъ крестъ и, ложась, говорятъ: „не благослови Господи“, послѣ чего должны во снѣ увидеть суженаго, который придетъ поить коня. Нечего и говорить, что парни стерегутъ гадающихъ дѣвушекъ и всячески имъ досаждаютъ, напр., при гаданіи съ бросаніемъ валенокъ стараются забрать обувь и тѣмъ создаютъ замѣшательство и хохотъ въ дѣвичьей толпѣ.

Упомяну кстати объ одной деревенской забавѣ: на тропинкѣ ночью, тайкомъ, выкапываютъ въ снѣгу яму, кладутъ двѣ перекладыны и легонько засыпаютъ ихъ снѣжкомъ. Копаютъ съ расчетомъ на опредѣленнаго человѣка; тотъ, а иногда, конечно, и совсѣмъ другой, проваливается, ушибается и поднимаетъ крикъ, такъ какъ безъ посторонней помощи встать не можетъ.

Самое таинственное гаданіе происходитъ въ Крещеніе: днемъ, во время обѣдни, когда никого нѣтъ дома, надо завѣсить иконы, снять крестъ, поставить приборъ и позвать суженаго-ряженаго; приходитъ „онъ“ съ „личностью“. Придетъ, посмотритъ и уйдетъ, не сдѣлавъ зла.

Въ „него“ вѣрятъ твердо. Когда кто нибудь тоскуетъ по умершемъ, къ нему летаетъ огненный змѣй съ большой головой; „отъ него искры“. У избы онъ разсыпается огнемъ и входитъ человѣкомъ. Однажды къ тоскующей по мужу женщинѣ леталъ змѣй и она съ нимъ говорила, причемъ другіе его не видали. Эти разговоры очень опасны, такъ какъ могутъ кончиться тѣмъ, что „онъ“ вовсе унесетъ довѣрчиваго человѣка. Поэтому встревоженные близкіе научили вдову, какъ быть, и она при слѣдующемъ разговорѣ стала дразнить и ловить гостя, чтобы показать, что не боится, но у нея въ рукахъ осталось только полотенце. Послѣ этого „онъ“ больше не являлся.

Черти вообще живутъ на кладбищѣ, а домовый подъ печкой. Съ чортомъ связано колдовство и приговоръ. Въ Кур-

гуль приговариваніемъ занимались двѣ сестры, старыя дѣвы. Одинъ изъ видовъ приговора—нашептываніе на поясъ или пшеницу, которые кладутся на порогъ или въ воротахъ. Перешагнетъ человекъ—приговоръ подѣйствуетъ. Къ приговору прибѣгаютъ, когда надо помирить или разлучить когонибудь или вернуть себѣ любовь. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ обращаются къ колдуну въ другую деревню. Это дѣлается обычно изъ мести и не проходитъ безнаказанно. Если ктонибудь потерпѣлъ отъ кражи, или дѣвушкѣ вымазали ворота, или парень, обѣщавшій жениться, засваталъ другую, идутъ къ колдуну. Если обидчикъ неизвѣстенъ, колдунъ даетъ пришедшему зеркало и велитъ смотрѣть въ него на дверь за спиной, а самъ наговариваетъ, и тогда гадающій видитъ, что входитъ сдѣлавшій зло. Обиженный назначаетъ наказаніе—какоенибудь физическое страданіе, но и самъ долженъ принять на себя чтонибудь. Рассказываютъ случай, какъ одна женщина, желая отомстить человеку, укравшему у нихъ снопы, привѣсила ему килу, а себѣ взяла большую губу, думая, что у нея пройдетъ, но такъ на всю жизнь и осталась съ раздутой нижней губой. Потомъ сообщается еще, какъ одна дѣвушка, вѣрившая до такой степени въ любовь парня, что даже столешницу скроила по столу его избы, пораженная его женитьбою на другой, испортила его жену и та въ припадкахъ выбѣгала въ одной рубашкѣ изъ дому, каталась по снѣгу, билась головой о стѣну, а была-де до свадьбы здоровой дѣвкой.

Крещеніе—большой смотръ невѣстъ. На водосвятіе приѣзжаютъ женихи изъ окрестностей высматривать себѣ подругу; дѣвушки поэтому въ этотъ день наряжаются во все лучшее, бѣлятся и румянятся. Кромѣ этого праздника, чужіе парни приходятъ иногда на посидѣлку къ знакомымъ или даже въ самый домъ примѣченной дѣвушки. Дѣвушка считается на выданѣ съ 16 до 20 лѣтъ; послѣ этого срока она уже стара. Сватаютъ во всѣ дни, кромѣ пятницы и понедѣльника. Иногда дѣвушка знаетъ о предстоящемъ и тогда, не говоря ни слова родителямъ, уходитъ къ подругѣ; если же сватов-

ство захватываетъ ее неожиданно, она прячется въ чуланъ и не показывается до ухода гостя. Сватаетъ обыкновенно родственница (иногда и родственникъ). Сваха приходитъ и садится подъ матку (главное бревно въ потолокъ), чѣмъ сразу открываетъ цѣль прихода. Посидѣвъ, для вступленія въ дѣловую разговоръ она обыкновенно говоритъ: „у васъ курочка, а у насъ пѣтушокъ; не посадить ли ихъ въ одинъ хлѣвушокъ?“ Родители отвѣчаютъ уклончиво: „не знай, что выйдетъ; спросимъ невѣсту“. Если не хотятъ, то отказываютъ прямо, говоря, что-де невѣста молода или не идетъ. Противъ воли парня не женятъ. Конечно, родня можетъ уговорить, оказать то или другое давленіе, но безъ согласія жениха не пойдутъ сватать. Съ невѣстой дѣло обстоитъ хуже: родители иногда даютъ согласіе противъ воли дочери и ей остается покориться. Если родители, отказывая, говорятъ: „невѣста не идетъ“, а дѣвушка передъ тѣмъ позволила парню послать свата, ее бьютъ товарищи обиженнаго, потому что такой поступокъ считается непозволительнымъ. Когда дѣвушка хочетъ выйти за опредѣленнаго парня, а родители не позволяютъ, ей удается иногда поставить на своемъ угрозой, что убѣжитъ и обвиняется тайкомъ. Во всякомъ случаѣ, если прямого отказа нѣтъ, сваха приходитъ во второй разъ, потому что приличіе не позволяетъ родителямъ согласиться съ первыхъ словъ. При второмъ посѣщеніи уговариваются о „кладкѣ“, т. е., о количествѣ денегъ, которыя женихъ даетъ невѣстѣ на подарки, и о приданомъ, т. е., о томъ, что родители даютъ дочери (если даютъ вообще). Это приданое состоитъ изъ скота, т. е., овецъ или—у богатыхъ—коровы. Какъ просватаютъ, идутъ за женихомъ и его родителями и пьютъ вмѣстѣ безъ закуски. Въ тотъ же вечеръ сестра невѣсты идетъ звать родственницъ-дѣвушекъ, подругъ на дѣвичникъ. Онѣ тотчасъ приходятъ и живутъ въ домѣ невѣсты до свадьбы, т. е., дней пять—семь. Первую ночь сидятъ почти всю напролетъ, поютъ, гадаютъ; берутъ, наприкладъ, мѣръ, кудель, зажигаютъ, кладутъ на сковороду съ водой и

покрываютъ горшкомъ; если кудель трещить, свекровь будетъ бойкая. Сходно съ этимъ гаданье на уголекъ.

Кладка—обычно рублей 10—15—вручается невѣстѣ; на другой день подруги ѣдутъ къ жениху за рубашкой для мѣр-ки. Подѣзжая къ его дому, онѣ запѣваютъ:

Изъ Покровской изъ улицы
Тутъ идетъ-идетъ удалый молодецъ,
Молодецъ то молоденькій,
Неженатый, холостенькій.
За собой онъ ведетъ дѣвицу,
За собой ведетъ красавицу.
Часто къ дѣвицѣ припадываетъ,
Изъ ума ея вывѣдываетъ,
Изъ рѣчей-рѣчей выпрашиваетъ:
—„Скажи дѣвица, красавица, душа“.
Я теперь, я теперь не твоя.
„Я теперь, сударь, батюшкина,
Изо всей воли матушкиной.
Меня сватала свахонька.
Она сватала, хвастала,
За чужу душу божила“.
Еще право пра дѣтинушка уменъ.
Онъ уменъ, уменъ—не пьяница,
Только любить позабавиться
На бутылочку бѣлаго винца,
На вторую то зеленаго.

(Ср. другой вариантъ въ брошюрѣ: „Русскія народныя пѣсни, записанныя въ г. Казани. Этнографическіе матеріалы, собранные А. В. Овсянниковымъ. Казань, 1886“, стр. 9.) Съ этою пѣснею дѣвушки входятъ въ избу и съ нею же уѣзжаютъ.

На „кладку“ невѣста съ подругами шьетъ подарки жениху и всей будущей роднѣ: свекру рубаху и штаны, свекрови рубаху, всѣмъ роднымъ безъ исключенія какіе нибудь гостинцы,

хотя бы платки. Женихъ приѣзжаетъ къ невѣстѣ каждый вечеръ. Въ честь его поется особая пѣсня:

На вѣфчикѣ [sic] два голубчика сидятъ,
 Промежу ли себя рѣчи говорятъ
 Про удалаго добра молодца,
 Про Ивана Михайловича [вообще имя жениха];
 Еще нѣтъ такого соколá
 Не въ фицѣрѣ [sic], ни въ Новымъ городѣ,
 У матушки въ высокомъ теремѣ.
 Онъ и тысяцу на тысяцу вступáтъ,
 Милліоны ни во что не считáтъ,
 Пятистрáми [sic] ворота запира́тъ,
 Изъ неволи сестеръ выкупáтъ.
 Вы сироты ли, сиротушки мои,
 Помолитесь, попросите обо мнѣ,
 Чтобы Богъ меня помиловалъ,
 Государь бы Царь пожаловалъ,
 При горóдѣ городни́чать [sic],
 При синодѣ синодатчи́комъ [sic],
 При сіяненомъ [sic] полковникомъ.

(Нѣсколько сходныхъ строкъ, не объясняющихъ всей заключающейся здѣсь безсмыслицы, [но первому стиху соотвѣтствуетъ понятное „На дубчикахъ голубчики сидятъ“] ср. въ ВНП, II, 162—164, № 200; указанія на *мѣсто* записи мы приводимъ только тогда, когда они есть въ ВНП; зачастую въ этомъ сборникѣ находимъ цитаты: „Якушкинъ“, „Пѣсенникъ 1812 года“ и т. п.—въ такихъ случаяхъ приходится ограничиваться замѣчаніемъ, что данная пѣсня *существуетъ*, безъ точныхъ географическихъ свѣдѣній объ ея распространенности, или, если варіантовъ нѣсколько, упоминать географическія даты только при нѣкоторыхъ, оставляя цитаты вродѣ „Пѣсенникъ“ etc. въ сторонѣ).

Дня черезъ два послѣ просватанья женихъ набираетъ товарищей, холостыхъ братьевъ и незамужнихъ сестеръ, и

ѣдетъ на дѣвичникъ съ гостинцами. Невѣста выходитъ въ лучшемъ платьѣ и въ теченіе вечера разъ семь переодѣвается. Дѣвушки на дѣвичникѣ поютъ пѣсни за деньги холостымъ и женатымъ, причемъ тотъ, кого славятъ, платитъ отъ 2 до 5 копѣекъ. У холостыхъ всего болѣе цѣнится (пять копѣекъ и дороже) слѣдующая пѣсня:

Розанъ, мой розанъ, виноградъ зеленый! ¹⁾

Кто же у насъ уменъ,

Кто у насъ разуменъ?

Иванъ то уменъ,

Михайловичъ разуменъ.

Въ сѣни выбѣгаетъ,

Дѣвушекъ встрѣчаетъ,

За столы сажаетъ,

Чай наливаетъ.

Съ чая пьянъ не будешь,

Дѣвокъ не забудешь.

Ужъ вы дѣвки, дѣвки,

Не пью я такого вина зеленѣго.

Дайте мнѣ коня вороного,

Уздицу шелкову.

На коня садится,

Конь подъ нимъ бодрится.

Онъ плеточкой машетъ,

Подъ нимъ конь то пляшетъ.

Онъ лугами ѣдетъ,

Луга зеленѣютъ,

Луга зеленѣютъ,

Цвѣточки алѣютъ,

Пташки распѣваютъ.....

(не кончено; ср. Овсянниковъ, ор. cit., pag. 53—54, и въ сборникѣ В. Магнитскаго „Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго,

¹⁾ Повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи. Казань 1877", стр. 147—149, № 32).

Изъ пѣсень, поющихъ на дѣвичникѣ, приведу еще двѣ;
жениху или женатому поютъ:

Убита дороженька коврикомъ.
Кто тое дороженьку торилъ—убивалъ?
Убивалъ дороженьку Иванъ осударь,
Къ Марьюшеѣ ходючи, къ Ивановнѣ бродючи,
Дорогіе подарочки носючи.
Первый подарочекъ—чай да кофе,
Другой подарочекъ—весь чайный приборъ,
За приборомъ самъ онъ къ ей на дворъ.
Онъ дворомъ то шелъ, все онъ разспросилъ,
Во теремъ вошелъ—все рассказалъ.
Еще чѣмъ теремъ, чѣмъ онъ украшенъ?
Украшенъ теремъ красными дѣвками,
Красными дѣвками подруженьками,
Подруженьками задушевыми.

(Ср. Овсянниковъ, ор. cit., pag. 19—20, № 6; Магнитскій,
ор. cit., pag. 131, № 4). Невѣстѣ поютъ:

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Тутъ гуляла—погуливала
Молода душа боярыня,
Марья то Ивановна.
Она буживала-побуживала
Своего то друга милаго,
Что Ивана то Михайловича:
„Ужъ ты стань, пробудись, мой другъ;
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба отъ дубоваго,
Отъ колечушка [вар. коретушка!] серебряннѣ

„—Не тужи, моя умная,
Не тужи, моя разумная;

Наживемъ съ тобой зеленъ садъ,
Со калину [sic], со ма́линой,
Черну ягоду смородинку [sic]“.

(Ср. Овсянниковъ, *op. cit.*, pag. 66—67, № 1; Магнитскій, *op. cit.*, pag. 143, № 26; ВНП, IV, 649—653, №№ 826—829, между прочимъ изъ Черниговской губерніи и Сибири).

Дѣвушки еще разъ ѣдутъ къ жениху за мыломъ—„мыть невѣсту“, причемъ женихъ или его братъ катаютъ ихъ на своей лошади и поятъ виномъ, иногда и до пьяна. Вернувшись, дѣвушки наряжаются поверхъ своего въ невѣстино верхнее платье и катаются еще на ея лошади. Весь дѣвичникъ невѣста должна плакать, даже если выходитъ за любимаго парня, но протестовать не можетъ и въ случаѣ, если чувствуетъ къ жениху нерасположеніе. Случилось, что родители просватали дочь за богатаго, хорошаго по ихъ мнѣнію парня, между тѣмъ какъ она хотѣла выйти за другого, подлежавшаго рекрутчинѣ. Отвергнутый пришель на дѣвичникъ и былъ жестоко избитъ женихомъ и его товарищами на глазахъ у молчавшей невѣсты.

Наканунѣ свадьбы невѣсту ведутъ въ баню; по возвращеніи подруги плетутъ ей косу, причемъ поется слѣдующая пѣсня:

Родимыя мои подруженьки,
Заплетите мою русу косыньку
Съ корешку то тугошенько,
Посередъ то милешенько,
По конецъ косы алу ленточку.

Это—последній день дѣвичника. Подругъ кормятъ куриномъ, т. е., сдобнымъ пирогомъ съ мясомъ или свининою. Онѣ расходятся на ночь по домамъ и на другой день приходятъ одѣвать и провожать невѣсту. Въ день свадьбы невѣста должна встать раньше всѣхъ, умыться, одѣться и начать плакать и причитать „Ты вставай, родимый батюшка“ и т. д. Если она сирота, или полусирота, то два раза ѣдетъ на клад-

бище къ родителямъ—утромъ и днемъ передъ прїѣздомъ жениха. Свадьба бываетъ обыкновенно къ вечеру. Въ теченіе дня собираются родственники и неvěста встрѣчаетъ ихъ прічитаніями вродѣ слѣдующаго:

Родимая ты моя тетенька,
 Поди ко мнѣ доброжаловать,
 Къ моему то родимому батюшкѣ,
 Къ моей то лебедушкѣ матушкѣ,
 Къ моему то горю великому;
 Просватали меня горькую,
 Просватали разнесчастную
 Во чужи люди незнаемы.

При одѣваніи неvěсты подружки поютъ:

Собирайся, наша умная,
 Собирайся, наша разумная,
 Во чужи люди незнаемые,
 Къ чужому отцу—матери.
 Что чужой то отецъ не батюшка,
 Что чужая то мать не матушка.

Передъ благословеніемъ поютъ:

Что ни ласка [sic], ни касатынька,
 Кругъ краю то увивалася,
 Увивалася, улещалася
 Марьюшка кругъ батюшки,
 Ивановна кругъ родимаго.
 Благослови ее, родной батюшка,
 Что великимъ благословеніемъ.

Если родителей у неvěсты нѣтъ, то передъ благословеніемъ поютъ:

У сахáрной у яблонки
 Много листу, много вѣхирю [?],
 Одноё нѣтъ вершиночки,
 Одноё нѣтъ кудрявыя.
 У Марьюшки нѣтъ матушки,

У Ивановны нѣтъ родимыя.
Снарядить то ее есть кому,
Благословить то ее некому,
Благослови ка ее крестный батюшка,
Что великимъ благословенникомъ,
Что со дна то моря вынесетъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ выведетъ.

(Ср. Овсянниковъ, стр. 46—47, № VII).

Когда показывается поѣздъ, ворота запираютъ и требуютъ выкупа. Дружка, обычно зять жениха, даетъ копѣекъ двадцать. Когда поѣзжане входятъ въ избу, они находятъ мѣсто вокругъ стола занятымъ: тамъ сидятъ дѣти и требуютъ денегъ. Дружка ударяетъ плетью по столу, а дѣти въ свою очередь приготовленными палками; маленькіе обыкновенно начинаютъ плакать. Дружка даетъ ребятишкамъ какую нибудь мелочь. Еще разъ ему приходится платить, когда подходятъ къ невѣстѣ, потому что сестра или подруга продаетъ ея косу; тутъ дается копѣекъ десять. Сваха расплетаетъ волосы невѣсты надвое; послѣ этого отецъ беретъ руки дочери и жениха, а мать перевязываетъ ихъ платкомъ; обрученныхъ сажаютъ за столъ. Подается водка и холодная закуска: рыба, грибы. Дружка угощаетъ „дружить“. При немъ состоитъ еще „поддружка“, который исполняетъ часть работы, помогаетъ. Въ церковь ѣдутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: дружка, потомъ женихъ съ крестнымъ, за ними невѣста. Подруги невѣсты идутъ въ церковь, если ихъ берутъ „ребята“, а иначе возвращаются домой и никакого участія въ дальнѣйшемъ пиршествѣ не принимаютъ. Изъ церкви молодые ѣдутъ въ домъ мужа, гдѣ ихъ благословляютъ и ведутъ въ чуланъ, куда приносятъ имъ пить и ѣсть. Къ свадебному угощенію готовятъ всякіе пироги—сдобные съ яйцами, курникъ (см. выше), сладкіе пироги и всякія витушки изъ тѣста. Главное, чтобы вина, т. е., водки, было въ изобиліи. Немного погодя, пріѣзжаютъ родные молодой съ ея вещами. Если сундукъ легокъ, его презрительно

подбрасываютъ, подчеркивая скудость платья. Приданое разбирается, по стѣнамъ развѣшиваются полотенца и холсты и раздаются дары. Свекры надѣваютъ привезенное платье, на которое дѣвушки нарочно нашиваютъ всякія кисточки и лоскуточки, становятся на лавки, показываются всѣмъ и балагурять. Молодыхъ въ это время дразнятъ: заставляютъ цѣловаться и спрашиваютъ: „кого цѣлуешь“. Та или тотъ отвѣчаютъ, называя по имени. Спрашивающій притворяется глухимъ и заставляетъ повторять. Когда дары розданы, дружка приготовляетъ постель въ кладовой, ведетъ туда молодыхъ и запираетъ. Спустя нѣкоторое время тотъ же дружка стучится къ нимъ, ведетъ ихъ обратно. При проходѣ молодыхъ за ними съ шумомъ бьютъ горшки. Затѣмъ пируютъ до глубокой ночи. Угощеніе опять лежитъ на дружкѣ; нерасторопный портитъ пиръ и награждается шутливой пѣсней вродѣ слѣдующей:

У нашего свата
Голова мохната.
По рюмочкѣ поднесетъ,
Поцѣлуетъ и уйдетъ.

или:

Шель Ванюша дворянинъ,
Головой попалъ въ овинъ,
На немъ драпово пальто,
Шито, барско, хорошо.
Полы машутся,
Клинья тащутся.
Я у барыни былъ—съ печки оборвался,
Ни песъ тебя несъ, что ты не держался,
Сядь къ милой на колѣни,
Сядь ты, ягода моя.
Мы раздѣлимъ съ тобой скуку.
Не тужи ни ты, ни я.

На свадьбѣ поютъ разныя пѣсни; есть подходящія къ данному моменту, со вставленіемъ именъ молодыхъ, какъ

напр., уже приведенныя выше „Убита дороженька“, „Какъ по сѣ-
нямъ“, такъ и двѣ нижеслѣдующія:

Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмнаго,
Вотъ люли люли, изъ-за темнаго ¹⁾,
Изъ-за садика зеленаго,
Тутъ шли-прошли двое молодца,
Двое молодца, оба холосты,
Оба хóлосты, неженатые,
Не женатые, кудреватые.
Они шли-пошли, становилися,
Врозь пошли, разбранилися
Объ одной душѣ красной дѣвицѣ,
Объ Марьѣ объ Ивановѣ.
Вы не здóрьтеся, не бранíteся.
Кому жъ я достануся—
Или бѣлому, бѣлокудруму,
Или черному, чернобровому?
Доставалась красна дѣвица
Ивану то Михайловичу.

(Ср. ВНП, II, 165—167, №№ 202 и 203, первый изъ Ка-
ширскаго уѣзда Тульской губерніи, второй изъ Москвы).

Какъ во сáдѣ было, сáдикѣ,
Во зеленомъ виноградиѣ,
Тутъ ходилъ гулялъ дѣтинушка,
Разудáлый добрый молодецъ,
Что Иванъ то Михайловичъ,
Онъ чесалъ свою головушку,
Самъ съ кудрями разговаривалъ:
„Прилегайте, кудри русыя,
Прилегайте, свѣтлорусыя,
Къ моей буйной головушкѣ.

¹⁾ Послѣ каждого стиха повторяется послѣднее слово его съ припе-
вомъ «Вотъ люли люли».

Привыкай душа ты, Марьюшка,
 Къ моему то уму-разуму".
 Привыкать то не хотѣлося,
 Съ пѣсенъ горности [sic] убавити,
 Ума-разума прибавити.
 Что назвать то свекръ батюшка,
 Звеличать то свекровь матушку,
 Всѣхъ по имени, по отчеству,
 Всѣхъ деверей и золовшекъ,
 Своего то друга милаго
 Ивана то Михайловича....

(Ср. ВНП, II, 507—508, № 604, изъ Москвы; этотъ вариантъ исправляетъ безсмыслицу въ 14-мъ и 16-мъ стихахъ; соотвѣтственные строки здѣсь читаются: „Спѣси-гордости убавити“ и „Знать, назвать мнѣ свекра батюшкой“). Кромѣ этихъ пѣсенъ, поются и другія, не относящіяся прямо къ свадьбѣ.

На другой день бабы мажутся сажей, наряжаются чулками, берутъ, что попало, въ руки и ѣдутъ звать родню молодой на пиръ. Въ этотъ день „собираютъ сыръ“: молодые становятся рядомъ, наклонивъ голову, а дружка „дружить“, т. е., кланяется, приговаривая: „отъ овцы ягненокъ, отъ кобылы жеребеночка“, и собираетъ подарки, деньги на тарелочку, а матерію, чулки, полотенца — себѣ на плечи. Когда дружка нагруженъ, онъ спускаетъ всѣ дары и снова просить. По окончаніи сбора молодые цѣлуютъ всѣхъ присутствующихъ. Въ этотъ день новобрачные катаются въ разубранныхъ саняхъ, а если наканунѣ было нѣсколько свадебъ, парочки катаются вмѣстѣ. Вечеромъ ѣдятъ блины у родителей молодой. На третій день пируютъ у молодыхъ только ближніе родственники. Если женихъ и невѣста изъ разныхъ деревень, пируютъ дня два у жениха, а потомъ въ послѣдній разъ у невѣсты, чтобы сократить переѣзды.

Этимъ кончается свадьба и начинается обыденная жизнь новой семьи, идущая далеко не всегда гладко. Нерѣдко,

если невѣста неволей шла замужъ, ссоры и перебранки начинаются въ первый же вечеръ при гостяхъ. Иногда отношенія сглаживаются, но бываетъ, что разладъ продолжается: „хоть и бьетъ мужъ; а все жена не любитъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поводомъ къ раздору служить семья, свекры, золовки; иногда, боясь побоевъ и пинковъ мужа, молодая бѣжитъ къ родителямъ, но такой побѣгъ кончается тѣмъ, что либо мужъ ее вытребуетъ, либо она сама увидитъ необходимость вернуться и подчиниться. Женскую долю значительно облегчаетъ раздѣлъ, т. е., выдѣлъ женатаго сына стариками. Это въ Кургуль теперь случается довольно часто.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А). Братчинскія пѣсни.

1.

Какъ по ярмонкѣ купчикъ идетъ,
По Макарьевской удѣла голова,
Ой ли, ой люлі говори, по Макарьевской удѣла
голова ¹⁾).

Ты куды ли, куды, купчикъ, идешь,
Куда, радость, пробираешься?
Пробирался купецъ молодой
Во веселое во новое село,
Къ красавицамъ, къ цыганочкамъ.
Хорошо цыганки пѣсни поютъ,
Еще лучше съ купца деньги берутъ.
А цыганочка глазкомъ поведетъ,
А цыганочкѣ бумажечку дають;
Бумажечка новенькая,
Двадцатипятирублевенькая.

¹⁾ Такой припѣвъ, т. е. «Ой ли, ой люли, говори» съ присоединеніемъ второго стиха изъ двустишія, повторяется послѣ каждой четной строки.

2.

Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза
Рѣчка протекала.

Какъ во этой во рѣчкѣ

Нельзя воду пить,

Нельзя, нельзя воду пить,

Нельзя зачерпнуть,

Нельзя жонушку побить,

Нельзя пожурить.

Побилъ жонушку часочекъ,

Проплакалъ годочекъ.

Онъ заплакалъ свои очи

За четыре ночи.

(Ср. ВПЦ, III, 461—464, №№ 569—574, изъ Курской губерніи, изъ Пинежскаго уѣзда Архангельской губерніи, изъ Сибири, изъ Ярославской губерніи, изъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи и изъ Казанской губерніи—по сборнику Можаровскаго, о которомъ см. при слѣдующей пѣснѣ).

3.

Верба, верба, вербица

Зеленá, кудрявая!

Не стой, верба, надъ водой,

Надъ Дунаемъ надъ рѣкой.

На тебѣ ли, вербица,

Соколино гнѣздышко.

Соколица гнѣздо вьетъ,

Соколь увиваетъ.

Удалъ добрый молодецъ

По торгу гуляетъ.

Онъ гуляетъ по торгу,

На немъ сюртукъ до долу,

Сертучечко по долу,

Фуражечка на боку,

Папиросочка во рту.

(Ср. „Святочные пѣсни, игры, гаданія и очерки Казанской губерніи. Александра Можаровскаго [Приложеніе къ протоколамъ Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ]. Казань, 1873“, стр. 26, № 19—отсюда въ ВНП, IV, 62, № 88; cf. *ibid.*, 62—63, №№ 89 и 90, изъ Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи и Котельническаго уѣзда Вятской губерніи; ср. также варіантъ изъ Елабужскаго уѣзда Вятской губерніи, помѣщенный въ „Вѣстникъ Славянства“, VIII, 131—132, № 2).

4.

Ужъ ты Семонька, Симеонушка,
 Не ходи, Сема, по сѣничкамъ,
 Ты не топай ногой, не мотай головой,
 Не мотай головой, мнѣ не быть за тобой.
 Ужъ я буду ли, не буду за Миколинькой.
 У Микола кудряша
 Нѣтъ ни [sic] денегъ, ни гроша,
 Нѣтъ ни [sic] денегъ, ни гроша,
 Походочка хороша.
 Походка павлиная,
 Рѣчка [sic] лебединая.
 За походочку люблю,—
 Золотымъ кольцомъ дарю.

(Ср. ВНП, II, 195—198, №№ 237—241, изъ Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи, изъ Терской области, изъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи, изъ Казанской губерніи—по вышеназванному сборнику Можаровскаго, стр. 29, № 25—и изъ Вологодской губерніи).

5.

Распосѣй свое горе ¹⁾
 По чистому полю;

¹⁾ Каждый стихъ поется по двѣ раза.

Уродися мое горе,
 Ни рожь, ни пшеница,
 Трава муравая,
 Что травонька муравая,
 Садами, цвѣтами.
 Это всѣ цвѣты алые,
 Одинъ всѣхъ алѣе.
 Эти всѣ дружки милые,
 Одинъ всѣхъ милѣе.

(Ср. ВНП, III, 130—131, № 161, изъ Терской области).

6.

Ты поповна, поповна моя,
 Ты пожалуйста попомни меня.
 Полюбилъ меня молоденькій попѣкъ,
 Подарилъ онъ мнѣ батистовый платокъ.
 Мнѣ платочекъ носить хочется,
 А попа любить не хочется.
 Почему его не хочется?
 По плечамъ кудри волочатся.

(Ср. ВНП, VII, 60—62, №№ 54 и 55, изъ Щигровскаго уѣзда Курской губерніи и изъ Тульского уѣзда; оба варианта весьма отдаленные).

7.

Ужъ ты Васенька, Васильюшка,
 Размолоденькій дѣтинушка,
 Зачѣмъ пьяный напиваешься,
 По черной грязи валяешься?
 Сняли съ Васи со борами сапоги,
 Со бѣлыхъ рукъ перчаточки долой.
 Не пора ли тебѣ, Васенька, домой?
 На пути живетъ сударушка;
 Не така была, догадливѣе;

Наварила пива мартовскаго,
Зеленá вина макарьевскаго.

(Ср. ВНП, IV, 337—338, №№ 433 и 434, оба изъ Вологодской губерніи).

8.

Здумалъ Ванюшка ¹⁾ жениться,
Началъ сваху посылать.
Сваха ласкова была,
Скоро дѣвицу нашла.
А дѣвица не'тказалась,
Говорила: „я пойду“.
Еще шаль да платокъ,
Сафьянныя башмачки,
Сафьянны башмачки,
Бумажны чулочки.

9.

Вы стулья мои, стулья.
Стулья новенькіе.
На стульяхъ то ковры,
Ковры вышитые.
Еще кто этотъ коверъ
Шилъ-вышивалъ?
Его шилъ-вышивалъ [sic]
Красна дѣвица душа,
Красавица душа,
Про Ванюшу молодца.

10.

Катя маленькая,
Катя рябенъкая,

¹⁾ Имя варьируется сообразно съ тѣмъ, кому поется пѣсня.

Пройди, Катя, горенкой,
Топни, радость, ноженкой.
Я бы рада топнула,
Боюсь, боюсь батюшки,
Боюсь, боюсь батюшки,
Опасаюсь матушки.
Шалью голову свяжу,
Въ окошечко погляжу.
На улицѣ елица,
Во дворѣ метелица.
Не метелица мететь,
Холодная русу вьеть.
Мой миленькій въ лѣсъ идетъ,
Карманъ пряничковъ несетъ,
Разныхъ винъ подаетъ.
Вино крашеное,
Рюмка ряженная.

(Ср. болѣе исправный вариантъ въ ВПЦ, V, 591—592, № 759, изъ Симбирской губерніи).

11.

Летѣли двѣ птички, обѣ невелички.
Аленькій, бѣленькій, розовый, голубенькій¹⁾.
Гдѣ онѣ летѣли, всѣ люди глядѣли.
Сѣли при долинѣ на бѣлу березу.
Гдѣ онѣ сидѣли, всѣ люди глядѣли.
Сѣли, посидѣли, взвились, полетѣли.
Высоко взвивались, люди дивовались.

(Ср. Можаровскій, *op. cit.*, pag. 46—47, № 55).

¹⁾ Эти четыре слова повторяются послѣ каждой строчки въ качествѣ припѣва.

12.

Шла утица полевая,
 Шла сѣрая луговая.
 А уті, уті, уті,
 Мнѣ куда съ горя уйти?
 Кабы лѣсъ, кабы лѣсъ,
 Я ушла бы въ лѣсъ;
 Кабы полая вода,
 Утопилась бы я;
 Кабы кусъ калача,
 Подавилась бы я;
 Кабы рюмочка винца,
 Захлебнулась бы я.
 Ужъ вы дѣтушки,
 Мои матушки,
 Не давайтесь,
 Не бросайтесь.

(Ср. у Можаровскаго, стр. 77—78, № 12, безъ соотвѣтствія послѣднимъ четыремъ строкамъ нашего варіанта, повидимому случайно попавшимъ въ эту пѣсню).

13.

Будетъ, Танюшка, форсить,
 Дай колечко поносить.
 Не хочу кольцо носить,
 Хочу зазнываться [sic].
 Прочь, прочь, отойди,
 Какой ненадежный!
 На хорошихъ не гляди,
 Любить недостойный!
 Что хороши то пригожи,
 Ваню высушили,
 Убавили румяна
 Изъ бѣлаго лица
 У Ванюшки молодца.

14.

У моей у душечки
Хорошо въ избушечкѣ:
Часы ходятъ, стрѣлки бьютъ,
Рамы колютъ, стекла бьютъ,
На ворота дегтю льютъ.
Этимъ недосадите,
Дома не усадите,
Любить не заставите.

15.

Котомочка, котомочка,
Что тебѣ тонко [?]?
Положила столько,
Больше не кладется.
Пролетѣлъ соловей,
Цѣловаться велѣлъ.

16.

Мой то миленькій нарядненькій ходилъ,
Безъ жилеточки на улицу не ходилъ.
Я еще еще прибавила красы:
На бѣлую грудь повѣсила часы.

17.

Умеръ, умеръ мой Алешка;
Я построю гробъ на ножкахъ,
Обобью его цвѣтами,
Зальюсь горькими слезами.
Провожала Коленьку
Въ полѣ за часовенку;
Рученьку накинула,
Коленьку спокинула.

(Повидимому, здѣсь соединены двѣ пѣсни въ одну).

18.

Будеть, Таня, модиться;
Говори, съ кѣмъ водишься.
Твое личико не въ модѣ:
Черны брови по природѣ,
Голубые глаза въ модѣ.

19.

На окошечкѣ стаканчикъ
Съ розовой водицей;
Виситъ бѣло полотенце
Ему утереться.
Мой то милый утирался,
По семи разъ цѣловался.

20.

Съ пароходу паренекъ
На казанскій трактъ идетъ.
Онъ идетъ и поетъ:
„Гдѣ моя милая“?
За рученьку беретъ
И цѣлуетъ ее.

21.

Арбузъ катится,
Дыня пятится.
Огурецъ не великъ,
Цѣловаться велить.

22.

Бѣшь, коровушка, соломѣ,
Сама думай про траву;
Прижимай, милóй, подушку,
Словно лапушку свою.

23 ¹⁾.

Изъ-подъ бережку быстра рѣка течеть,
 Вдоль бережку добрый молодецъ идетъ.
 За собой онъ красну дѣвицу ведетъ.
 Спала съ молодца шляпа пуховá;
 „Сподыми, моя ревнивая жена!“
 Мнѣ споднять шляпу не хочется,
 Спокориться—на умѣ того нѣтъ.
 Я пойду ли во зеленый садъ гулять,
 Я спрошу ли молодого соловья:
 Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
 Воля-нѣга краснымъ дѣвушкамъ гульба,
 Молодушкамъ миновалася.
 Со молодцемъ цѣловалася.

(Ср. ВНП, II, преимущественно стр. 114—117, №№ 134—137, между прочимъ изъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи и изъ Курской губерніи; ср. Можаровскій, стр. 35—36, № 36).

24.

Я качу-мечу золото кольцо,
 Золото кольцо, бруліянтово [sic];
 За кольцомъ идетъ красна дѣвица,
 За собой ведетъ добра молодца.
 Ты бери его за праву руку,
 За праву руку, за золотъ перстень;
 Проведи его вдоль по горенѣ,
 Проведи его вдоль по новыя,
 Ты поставь его посреди горницы.
 Вы сойдите съ нимъ близехонько,
 Поклонитесь низехонько,
 Распроститесь милехонько.

¹⁾ Пѣсни №№ 23—32 принадлежатъ къ игровымъ.

(Ср. Овсянниковъ, стр. 86, № 6; Можаровскій, стр. 50, № 59).

25.

Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечеринка.
Кому дѣти, кому дѣти,
А мнѣ ихъ учить.
Среди горницы поставлю,
Танцовать заставлю.
Потанцуй, потанцуй, потанцуй маленько.
Поцѣлуй, поцѣлуй,
Поцѣлуй маленько.

(Ср. Овсянниковъ, стр. 89, № 11; Можаровскій, стр. 21, № 12).

26.

Тутъ ходила царевна́, царевна́,
На ей платье голубо́, голубо́,
Матерёво, дорогó, дорогó,
Бери его за рукú, за рукú,
Веди его за рукú, за рукú,
Ко царёву ко дворú, ко дворú.
До стулика доведу, доведу,
Я на стуликъ посажу, посажу,
Поцѣлую и опять уйду.

(Ср. ВП, VII, главнымъ образомъ стр. 507, № 558—изъ книги Можаровскаго, стр. 42, № 47).

27.

Какъ за нашимъ за дворомъ¹⁾,
За двóромъ, за дворóмъ,

¹⁾ Каждый стихъ повторяется по два раза.

За зеленымъ садомъ,
 За садомъ, за садомъ,
 Растетъ трава муравая,
 Мурава, мурава.
 По той травѣ пава шла,
 Павонька, пава шла.
 За павой павлинъ идѣтъ,
 Идетъ, идетъ, идѣтъ,
 Поетъ: „Пава ты моя,
 Ты моя, ты моя!
 — „Я теперь не твоя,
 Не твоя, не твоя“.
 „Поцѣлую я тебя,
 Я тебя, я тебя“.

(Ср. ВНП, II, 157—158, №№ 191 и 192; первый вариантъ изъ книги Можаровскаго—стр. 63—64, № 8, второй изъ Вологодской губерніи).

28.

На заводѣ были мы,
 Были мы.
 Соколицу видѣли,
 Соколицу дѣвицу.
 Встань, дѣвица, прибодрись,
 Топни ножкой, развернись,
 Низехонько поклонись,
 Милехонько распростись!

(Ср. ВНП, VII, 511—512, №№ 564—566; первые два изъ Казанской губерніи и Казани—Можаровскій, стр. 11—12, № 14, и Овсянниковъ, стр. 107, № 48—, третій изъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи).

29.

Ужъ вы сѣни, мои сѣни,
 Сѣни новенькія!

Сѣни новыя, вленовыя,
 Рѣшетчатыя!
 Что рѣшетчатыя, новы клѣтчатыя.
 Мнѣ по этимъ по сѣничкамъ
 Не хаживать,
 Мнѣ мила дружка за рученьку
 Не важивать!
 Ужъ я дай пройду,
 Мила дружка проведу,
 Я дружочка проведу,
 Поцѣлую и уйду.

(Сходное начало ср. въ пѣснѣ у Магнитскаго, стр. 116, № 6).

30.

Шла я по травкѣ,
 Шла по муравкѣ.
 Клубокъ ленты нашла.
 Ленты долѣ, долѣ, долѣ,
 Клубокъ болѣ, болѣ, болѣ.
 Рѣчка тиновая,
 Вся рябиновая.
 Не рябинушка часта,
 Цѣлуй молодца въ уста.
 Поцѣлуй въ щечку,
 Борода въ смочку.

(Ср. Можаровскій, стр. 9, № 11).

31.

Ты полякѣ, ты полякѣ,
 А я католичка.
 Не за то ли, милый, любишь,
 Что я круглоличка?
 Одна гора высока,

А другая низка;
 Мой то милый далеко,
 А другой то близко.
 Ужъ я ближняго милóго
 Къ себѣ приголублю,
 Ужъ я дальняго милóго
 Семь разъ поцѣлую.

(Ср. Можаровскій, стр. 18—19, № 7; для стиховъ 5 и слѣдд. ср. также ВНП, IV, 25—26, №№ 29 и 30, изъ Олонецкой и Новгородской губерніи).

32.

Какъ по травкѣ, по муравкѣ ¹⁾,
 Шелъ дѣтина молодой,
 Неженатый, холостой.
 Ему встрѣчу двѣ дѣвицы со цвѣтами,
 Со нѣмецкими дарами.
 Позволь, холостъ съ нами играть.
 „Я готовъ съ вами играть“.
 Рѣзвы ноги заплясали,
 Бѣлы руки замахали,
 Цѣловаться приказали.

(Ср. Можаровскій, стр. 51—52, № 61).

Б). Обыденныя пѣсни.

1.

Молóдка, молóдка, молóденькая.
 Не съ кѣмъ мнѣ, молóдкѣ,
 Попить, погулять, ночку почевать,
 Ночку почевать, темну переспать.

¹⁾ Каждая строчка поется по два раза.

Лягу спать једна́, безъ мила дружка.
 Безъ мила́ дружка беретъ грусть-тоска.
 Грусть тоска беретъ, далёкъ [sic] милъ жи-
 ветъ.

Далёко, далёко, на той сторонѣ,
 На той на сторóнкѣ, не близко ко мнѣ.
 Сударка, сударка, перейди сюда.
 Рада перешла бы, переходъ не нашла.
 Переходъ нашлá—жердочка тонка́,
 Жердочка тонка—рѣчка глубока́.
 Во этой во рѣчкѣ купался боберъ,
 Купался, купался, не выкупался,
 Не выкупался, весь вымарался.
 На горку вошелъ, отряхивался,
 Отряхивался, оглядывался,
 Не идетъ ли кто, не несетъ ли что.
 Охотнички свищутъ, черного бобра ищутъ.
 Хотятъ застрѣлить, лисью шубу сшить,
 Лисью шубу сшить бобромъ обложить,
 Къ обѣднѣ сходить ¹⁾).

(Ср. ВП, V, главнымъ образомъ стр. 143—145, №№ 189—193, изъ Пермской губерніи, Чебоксарскаго уѣзда Казанской губерніи—по Магнитскому, стр. 37—38, № 31—Калужской губерніи и Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи; ср. также VII, 151—152, № 152, изъ Алатырскаго уѣзда Симбирской губерніи).

2.

Во гóродѣ случилася бѣда;
 Что бѣда то: тамъ убили
 Молодого казака́.
 Схоронили при широкой доли́нѣ.

¹⁾ Эта пѣсня поется и на свадьбѣ, преимущественно женщинами.

Тутъ летѣли сизокрылые орлы,
 Сѣли, пали у вдовоньки на дворѣ,
 Крылышкѣми широкъ дворикъ размели,
 Голосѣми овдовоньку [sic] будили.
 „Встань, овдова [sic], встань, проснись.
 Молодая овдова,
 Выдь, послушай, чего люди говорятъ:
 Всѣ солдаты со походика идутъ,
 Ружья, пашки во бѣлыхъ рукахъ несутъ,
 Твоего мужа во колесочкахъ [sic] везутъ“.

(Ср. ВНП, VI, преимущественно стр. 218—220, №№ 282—285, изъ Кубанской области, Уральской области, Щигровскаго уѣзда Курской губерніи и Данковскаго уѣзда Рязанской губерніи).

3¹⁾.

. [начала пѣть]
 Тычинушка гнется, гнется,
 А хмѣль выше вьется;
 Тычинушка обломилась,
 А хмѣль опустился.
 Опустился, обломился на мать сырѹ землю,
 Что на мать сырѹ землю, во садъ во зеленый.
 Во саду то во зѣленомъ дѣвушки гуляли,
 Тутъ дѣвушки гуляли, шишечки собирали,
 Онѣ шишечки собирали, пиво затирали.
 Какъ со этого со пива голова болѣла.
 Бóлеть, бóлеть головушка до самаго мозгу,
 Ноеть, ноеть сердечушко съ великаго посту.
 Пойду съ горя утоплюсь съ татарскаго мосту.
 Не топись ка, не давись, добренѣй молодой,
 На закуску съѣшь, голубчикъ, солёненькой рыбки,
 Рыбки, рыбки, судочка, мочененькой [sic] яблочко.

¹⁾ Поется иногда и на свадьбѣ.

4 ¹⁾).

Ты подуѣй ка, подуѣй, мать погодушка,
 Ты еще то роздуѣй, ты холодненькая,
 Калинку въ саду,
 Калинушку со малиною,
 Лазоревой цвѣтъ.
 Разневесела тамъ кампаньѣца,
 Гдѣ милого нѣтъ.
 Развесела та кампаньѣца,
 Гдѣ миленькій пѣтъ.
 Онъ пить то не пѣтъ,
 За мной молодой шлетъ.
 Я сама то млада, я младешенька,
 Я за тѣмъ, то за сѣмъ, я за гусями,
 За вольной за пташечкой за журунькой.
 Ты журавлюшка, вольна пташечка,
 По бережку похаживаешь,
 Шелковую мелку травоньку пощипываешь,
 Съ ключевой водицей прихлебываешь.

(Ср. ВНП, II, 216—221, №№ 262—268, изъ Ржева [съ указаніемъ на „очень сходныя пѣсни“ изъ Донской области и Рязанской губерніи], изъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи, изъ Чебоксарскаго уѣзда Казанской губерніи [по Магнитскому, стр. 33—34, № 25], изъ Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи, изъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи [съ указаніемъ на „очень сходныя пѣсни“, поющіяся въ Вологодской губерніи и Терской области], изъ Зубцова и изъ Онежскаго уѣзда Архангельской губерніи [съ указаніемъ на сходныя пѣсни, поющіяся въ Мезени и Яранскомъ уѣздѣ Вятской губерніи]; ср. также „Сборникъ пѣсенъ употребляемыхъ простонародіемъ, 91 русскихъ и 36 переводныхъ: съ башкирскаго, чувашскаго, мордовскаго и черемис-

¹⁾ Поется на масленицѣ при катаніи.

скаго языковъ, собранныхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, въ продолженіи десяти лѣтъ съ 1886 по 1896 годъ. Женой священника Пульхеріей Никитской. Казань, 1900“, стр. 11—12, № 12).

5.

Ждала, ждала душа Катенька
Дружка съ вечера.
Не дождавшись, душа Катенька
Ложилася спать.
Скрипнули воротечки дубовенькія,
Брякнуло колечушко серебряное,
Вздогнуло сердечушко Катюшенькино.
Выходила душа Катенька
На красѣнный на крылецъ,
Говорила душа Катенька
Со милымъ она дружкоймъ рѣчь:
„Что же ты, мой размиленькій,
Долго шляешься?“... [конца нѣтъ].

6.

Сладка ягодка лѣсная,
Прикрытая спѣла.
Свѣтъ княгиня молодая
Съ князя [sic] въ Кіевѣ жила.
Князь дознался, догадался,
Посадилъ жену въ острогъ.
Какъ у князя жилъ Ванюша,
Кудреватый, молодой.
Ужъ вы слуги, мои слуги.
Слуги вѣрные моѣ [sic]!
Вы пойдите, приведите
Ваньку ключничка ко мнѣ.
Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу;
Вѣтеръ Ванюшку шатать,

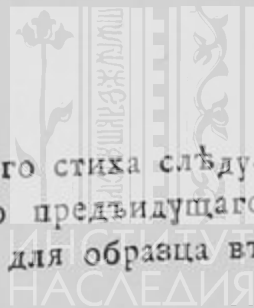
Вѣтеръ Ванюшку шатаетъ,
 Какъ былинку на межѣ,
 Какъ былинку на межинкѣ,
 Разгорькую чернобыль.

(Одинъ изъ безчисленныхъ вариантовъ весьма распространенной пѣсни о Ванькѣ Ключникѣ; ср. преимущественно ВП, I, 49—84, №№ 25—47, и VII, 625—626, № 734).

7 ¹⁾).

Какъ на горѣ калина,
 Ну чтожъ, кому дѣло калина
 Ну кому какое дѣло малина
 Тутъ дѣвчонки гулялі,
 Ну чтожъ....
 Калинушку ломали,
 Ну чтожъ....
 Во пучечки вязали,
 Ну чтожъ....
 На дорожку бросали,
 Ну чтожъ....
 Тутъ ѣхалъ дворянинъ,
 Ну чтожъ....
 Всю калину придавилъ,
 Ну чтожъ....
 На буланой лошади,
 Ну чтожъ.....
 Двѣ собачки впередъ,
 Ну чтожъ....
 Онѣ лаютъ и скучать,
 Ну чтожъ....

¹⁾ Каждая строчка поется по два раза, и послѣ каждого стиха слѣдуетъ двустрочный припѣвъ, въ которомъ послѣднее слово предвѣдущаго стиха повторяется въ предшествовавшихъ другихъ, приведенныхъ для образца въ строкахъ 2 и 3.

Хотятъ онѣ Машу разорвать.

Ну чтожъ....

Ужъ ты баринъ, дворянинъ,

Ну чтожъ....

Ты возьми меня съ собой,

Ну чтожъ...

Я тебѣ буду слуга,

Ну чтожъ...

Слуга вѣрная твоя,

Ну чтожъ....

Добрыхъ коней напою,

Ну чтожъ....

Я къ колечку привяжу,

Ну чтожъ...

(Ср. ВНП, IV, 642 sqq., № 815 и слѣдд. изъ различныхъ и другъ отъ друга отдаленныхъ мѣстностей; одинъ изъ близкихъ вариантовъ, № 821—стр. 646—647—взятъ изъ сборника Магнитскаго, стр. 119—120, № 9).

8.

Заинька сѣренькій,

Гдѣ ты былъ-побывалъ?

З'огородами гулялъ,

Цвѣты алы сорывалъ.

Заинька, не видалъ ли тамъ кого?

Сѣренькій, не видалъ ли тамъ кого?

Видѣлъ, видѣлъ, баринъ мой,

Видѣлъ, видѣлъ, сердце мой [sic].

Двѣ дѣвицы гуляли,

Красавицы гуляли.

Заинька, ты не знаешь, какъ зовутъ?

Сѣренькій, ты не знаешь, какъ зовутъ?

Знаю, знаю, баринъ мой,

Знаю, знаю, сердце мой.
Заинька, ты скажи, какъ зовутъ;
Сѣренькій, ты скажи, какъ зовутъ.
А первую то Катюша,
А другую то Марюша,
Третья, Дуня удала,
Каши мазаной дала.
Заинька, пригласили ли тебя?
Сѣренькій, пригласили ли тебя?
Пригласили, баринъ мой,
Пригласили, сердце мой.
Заинька, ночевалъ ли ты у ихъ?
Сѣренькій, ночевалъ ли ты у ихъ?
Ночевалъ, баринъ мой,
Ночевалъ, сердце мой.
Заинька, накормили ли тебя?
Сѣренькій, напоили ли тебя?
Накормили, баринъ мой,
Напоили, сердце мой:
Катюша пирогомъ,
Марюша то пивцомъ,
Третья—Дуня удала—
Каши мазаной дала.... [конца нѣтъ].

(Ср. ВПЦ, VII, 445—456, №№ 492—499, между прочимъ изъ Воронежской губерніи, изъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи, изъ Суджинскаго уѣзда Курской губерніи, изъ Новгорода и изъ Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи; въ „Вѣстникѣ Славянства“, VIII, 131, № 1, помѣщенъ вариантъ изъ Елабужскаго уѣзда Вятской губерніи, а въ „Трудахъ третьяго областного историко-археологическаго съѣзда“, стр. 45—47 двадцать пятаго счета, № 57, изъ Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи; ср. также въ книгѣ г. В. Н. Перетца „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы“, томъ I, часть 2, стр. 185—186, № 173).

9.

Съ горя ноженъки не ходять,
 Глазки на свѣтъ не глядятъ.
 За рѣкой живетъ милая,
 Тамъ привольна сторона.
 На привольной на сторонкѣ
 Разливалась мать пола вода
 Разливалась рѣченька, сравнялася
 Съ крутымъ рѣчка бережкомъ.
 Всякъ, кто не знаетъ тоску-скуку,
 Всякъ потужить, бѣдный, обо мнѣ.
 Всякъ потужить, бѣдный, обо мнѣ,
 Объ несчастной круглой сиротѣ.
 У несчастной круглой сироты
 Нѣтъ ни матери, ни отца.

(Ср. первыя двѣ строчки въ ВМП, IV, 14, № 16, изъ Грязовецкаго уѣзда Вологодской губерніи; болѣе или менѣе сходныя пѣсни cf. *ibid.*, pag. 439—440, №№ 561—563, оттуда же, а также изъ Череповецкаго уѣзда Новгородской губерніи и изъ Вологодской губерніи).

10.

Какъ со вечера рябинку дождичкомъ мочило,
 Со полуночи кудряву вѣтромъ раздувало.
 Вѣтеръ дуетъ, солнце грѣетъ, рябина алѣетъ.
 Не рябинушка алѣетъ, мой милый далѣетъ.
 Онъ далѣетъ, онъ далѣетъ, не со мной гуляетъ.
 Не со мной, со једной, съ Машей молодой.
 Не завидуй Маша нами, пойдемъ гулять съ нами.
 Мы поѣдемъ гулять съ нами на вороной парѣ,
 На вороной на парѣ, въ золотой каретѣ.
 Какъ на рѣчкѣ, на ледочкѣ, я коня пошла;
 Еще конь воды не пьетъ, дороженьку чувствуетъ;
 Дороженька трахтова, на трахтѣ стоитъ кабакъ,
 Наливаютъ вино такъ, ни про дѣвокъ, ни про бабъ,
 Про холостенькихъ робятъ.

(Ср. сходное начало въ ВНП, V, 237—238, №№ 308 и 309, изъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи и Чердынскаго уѣзда Пермской).

11.

Катенька, Катюшенька, печальное сердце,
Печальное сердечушко безпрестанно тужить,
Тужить и горюетъ все по прежней волѣ,
Все по прежней волюшкѣ, разсизыя крылья,
Разсизыя крылышки, павлиныя перья.
Взвился бы высоко, улетѣлъ далеко,
Улетѣлъ далеко, на родиму сторону,
На родиму сторонущку, къ родимому батюшкѣ,
Къ родимому батюшкѣ, къ лебедушкѣ матушкѣ.

(Ср. ВНП, III, 33, № 40, изъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи, и V, 443—444, № 571, изъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи).

12.

Ты прощай ка, прощай, ты нашъ вольный свѣтъ;
Ты еще то прощай, ты нашъ милый другъ;
Ужъ я васъ полюбилъ, я счастливый былъ;
Я отъ васъ то отсталъ, разнесчастный сталъ.
Разнесчастлива моя головушка, изунывно [sic] мое сердечушко,

Мнѣ куды то съ горя дѣваться,
Съ великой то тоски бросатися.
Съ великаго горя во чисты поля.
Во чистыхъ то поляхъ все чистехонько,
Въ зеленыхъ то лугахъ зеленехонько.
Тамъ растеть трава шелковая,
По травѣ то цвѣты лазоревы.

(Ср. ВНП, V, 24—26, №№ 27, 29, изъ Вологодской губерніи, изъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи и изъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи).

13.

Куда я ни пойду,
Все въ бѣду попаду;
Брошу я весь міръ,
Пойду въ монастырь;
Я тамъ буду жить,
Всѣмъ людямъ служить;
Я построю себѣ келью новую,
Келью новую, всю сосновую;
Прорублю я себѣ три окошечка,
Прорублю я себѣ три косящихъ [sic];
Я первое прорублю
Во Божію церкву,
А второе прорублю
Во зеленый садъ..... [конца нѣтъ].

(Ср. ВНП, VI, 482, № 577, изъ Вологодской губерніи; ср. также въ „Запискахъ Семипалатинскаго Подъотдѣла Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, вып. IV, стр. 53 шестого счета, № 58, въ статьѣ „Пѣсни казаковъ Сибирскаго казачьяго войска“).

14.

За Кубанью за рѣкой
Тамъ казакъ гулялъ;
Не одинъ казакъ гулялъ,
Со товарищемъ;
А товарищъ то его былъ
Вороненькій конь;
Онъ конечка то спасалъ,
Ковылъ [sic] - травку рвалъ,
Онъ ковыль-то травку рвалъ,
На дорожку ее клалъ,
Все раскладывалъ,
Свои раночки казакъ

Перевязывалъ.

„Ужъ вы, раночки мои,
Къ ретиву сердцу прошли,
Раны кровью изошли“.

(Ср. ВНП, VI, 239—240, № 309, изъ Донской области: ср. также „Сборникъ пѣсенъ..... собранныхъ..... Пульхеріей Никитской“, стр. 85—87, № 80).

15 ¹⁾).

Съ горъ вода не течетъ,
А подъ горку льется;
Уланъ дѣвицу ведетъ,
Самъ надъ ней смѣется;
Вы уланы молоды,
Какъ ваши кони?
Наши кони вороны,
Тесменная сбруя.
На нашихъ то коняхъ
Золотая грива“.
Мать дочери говоритъ:
„Слушай, дочь, совѣта“.
— „Я совѣта твоего
Слушать не хотѣла;
Съ уланомъ молодымъ
Взвилась, улетѣла“.
Черезъ годикъ дочь идетъ
Съ головой унывной;
На рукахъ у ней лежитъ
Уланенокъ милый.
„Прими, мамынька родна,
Прими, дорогая!“
— „Пойди, доченька, туда,

¹⁾ Эта пѣсня считается старой [!] и поется рѣдко.

Съ кѣмъ совѣтъ имѣешь“.
 „Я имѣю съ тѣмъ совѣтъ,
 Со уланомъ съ милымъ“.

16.

Я посѣяла лукъ—думала, не горькій;
 Полюбила я милого—думала, не бойкій.
 Лукъ то горькій, да персійстый [sic],
 Милый бойкій, да форсистый.
 Лукъ то горькій, глазки рветъ,
 Милый бойкій, да не бьетъ.

17.

Вотъ пахалъ мужикъ вдоль дороги ¹⁾,
 Ой тпрусейцобъ [sic] вдоль дороги ²⁾.
 Вотъ его ли быки крутороги,
 Вотъ его ли торба непростая,
 Съ наваренными пирогами,
 Съ начиненными съ воробьями;
 Пироги то разломались,
 Воробьи то разлетѣлись.

18.

Всѣ мои товарищи гуляютъ при радости,
 А я мальчикъ при печали—во солдаты записали.
 Не за то ли записали, что я круглый сирота,
 Что я круглый сирота, нѣтъ ни матери ни отца.
 Нѣтъ ни матери, ни отца, пошли брить молодца.
 Хоть до тѣхъ поръ погодите, когда маменька придетъ,
 Мои волосы сберетъ, Миколиныкъ отвезетъ.
 Ты Миколя ли, Миколинъка, ты не знаешь моего горя;

¹⁾ Каждый стихъ поется по два раза.

²⁾ Послѣ каждого стиха повторяется припѣвъ, состоящий изъ второй половины строки въ предшествіи «Ой тпрусейцобъ».

Мое горе велико, стара крыша, новый домъ.
 Стара крыша, новый домъ, Миколинька живетъ въ ёмъ.
 У Миколи на задахъ много разныхъ забавъ,
 Много рѣдьки и капусты и зеленыхъ огурцовъ.
 Ты капуста ли, капуста милосердненькая,
 Тебя рубятъ и сѣкутъ, ты не сердишься,
 Тебя во щи то кладутъ, ты не свѣрнешься.

19.

Солнце за лѣсъ закатилось,
 Черный воронъ прокричалъ;
 Слеза на грудь мою скатилась,
 Я послѣднее рассказалъ.
 Одинъ я вьюночекъ несчастный,
 Одинъ я въ свѣтѣ сирота.
 День хожу я, ночь гуляю
 На кладбищѣ завсегда.
 Близко къ кладбищамъ подходитъ,
 Лечь [?] глухая полночь бьетъ.
 Могильный памятникъ сіяетъ,
 Я къ могилѣ все иду.
 Кругъ этой могилы
 Растетъ зеленый виноградъ;
 Какъ во этой могилѣ
 Лежитъ отецъ, родная мать.
 Съ отцомъ, съ матерью простился,
 Самъ уѣхалъ на Кавказъ
 Съ такѣмъ съ борцовскимъ [sic] я сразился,
 Я уѣхалъ видѣть васъ.

20.

Черный воронъ, храбрый воинъ,
 Что ты вьешься надо мной?
 Крылья—перья распускаешь,
 Ты пуцаешь надъ моею головою?

Ты послушай, черный воронъ,
Чего я тебѣ скажу:
Ты слетай ка, черный воронъ,
На родиму сторону;
Ты скажи ка, черный воронъ,
Моей маменькѣ поклонъ,
Дорогой моей хозяйкѣ:
Я женился на другой.... [конца нѣтъ].

21.

Послѣдній день разлуки;
Не вижу кромѣ скуки
Утѣхи себѣ никакой.
Никто меня горькую не утѣшитъ,
Никто не взвеселитъ.
Ходила я въ садочкѣ,
Гуляла въ зеленѣмъ,
Искала я слѣдочка,
Гдѣ милый проходилъ.
Искала, пріустила,
Садилась подъ кустокъ.
Подъ тотъ я кустъ садилась,
Гдѣ съ милымъ сидѣла.
Летѣли двѣ голубки,
Одна за одной гналась;
Одна съ кусту спорхнула
На розовый цвѣтокъ;
Друга съ кусту спорхнула
Ко мнѣ на бѣлу грудь,
А я, млада, вздохнула
Объ миленькомъ своемъ.
Гдѣ же моя отрада,
Любезный пастушокъ?
Ходилъ, гулялъ дѣтина

На крутой бережокъ,
 На крутой бережокъ,
 На желтенькій песокъ.

(Ср. въ статьѣ г-жи М. Бергъ „Текстъ и мелодіи пѣсенъ, пѣтыхъ одной крестьянкой изъ села „Высокая Гора“ Каз. губ. Каз. у.“ — Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, 1909, № 5—6, стр. 12—14 перваго счета, № 7. Куплетъ „Гдѣ же моя отрада“ etc. представляетъ собою искаженіе одной изъ строфъ приписываемаго Ломоносову стихотворенія „Молчите, струйки чисты“, о которомъ см. въ статьѣ Н. Петровскаго „Библиографическія мелочи“ — „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, тома XIV-го книжка 4-я, стр. 208—211).

22.

При бурной ночи прохладной
 Скрывался мѣсяцъ въ облака.
 На ту зеленую могилу
 Ко мнѣ красавица пришла.
 Своей буйной головой
 Ко мнѣ на памятникъ легла.
 Своимъ унылымъ голосочкомъ
 Будила милаго свою:
 „И ты возстань, возстань, другъ милый,
 Мнѣ стало скучно безъ тебя.
 Мнѣ стало скучно, стало грустно“.
 Изъ гроба голосъ раздался:
 „И ты отдай мое колечко;
 Не вѣнчаться мнѣ съ тобой.
 Вотъ на что было влюбляться,
 На что кольцо съ руки просить“!

(Ср. „Записки Семипалатинскаго Подъотдѣла“....., вып. IV, стр. 52—53 шестого счета, № 57).

Кромѣ приведенныхъ пѣсенъ въ с. Кургулѣ поются почти непереименованныя стихотворенія, напр. „Ночь темна“... (Огарева), „Вечоръ поздно изъ лѣсочка“ и др..

Е. Н. Петровская.

Киргизы Кустанайскаго уѣзда, Тургайской Области.

Настоящій мой очеркъ является результатомъ личныхъ наблюденій, произведенныхъ въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года, въ Сарайской волости Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области, въ аулѣ № 3-й.

Аулъ № 3-й находится въ разстояніи 10—12 верстъ къ юго-востоку отъ г. Троицка Оренбургской губерніи ¹⁾, по „Кустанайскому“ тракту, и занимаетъ въ окружности около 15 верстъ.

Этотъ аулъ имѣетъ 206 кибитковладѣльцевъ, а волость—1602, при 8 номерахъ.

Въ аулѣ—656 мужчинъ и 589 женщинъ, а всего, слѣдовательно, 1245 человекъ.

Упомянутые 206 кибитковладѣльцы не живутъ вмѣстѣ, а по родамъ. Всѣ родственники группируются и строятъ свои кибитки (коши) на одномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, въ аулѣ образуется нѣсколько такихъ отдѣльныхъ группъ, которыя отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 2—3 верстъ.

Каждая группа получаетъ названіе по фамиліи старшаго родственника, живущаго въ немъ, напримѣръ, Бурзямбай—аулъ, Биктай—аулъ и т. д.

¹⁾ Въ административномъ отношеніи Киргизы къ Оренбургской губерніи не принадлежатъ, несмотря на то, что живутъ въ окрестностяхъ г. Троицка.

Прим. редакціи. Авторъ этой статьи скончался въ январѣ 1910 г. въ Казанскихъ Университетскихъ клиникахъ.

Мѣстность здѣсь далеко не привлекательна. Особенной убогостью растительности отлично нынѣшнее лѣто. Это есть сплошная, однообразная, рѣдко холмистая степь, замирающая лѣтомъ въ тишинѣ и зноѣ.

Взглядъ на своемъ пути не встрѣчаетъ ни одной привлекательной картины, гдѣ бы можно было полюбоваться природой—всюду передъ глазами широкая, ровная, безбрежная, которую не можетъ окинуть человѣческое око, степь.

И вотъ среди такой то природы и живетъ киргизъ—кочевникъ, который одинаково хорошо переноситъ и невыносимый зной лѣта и морозы, со свирѣпыми выюгами, зимы.

Киргизы малорослы, широкоплечи, имѣютъ въ большинствѣ случаевъ хорошо развитую грудь, некрасивы, съ маленькими, узенькими, щеловидными глазами. Лица ихъ смуглы и желтоватаго цвѣта, скулы выдаются, носы приплюснутые, широкіе, ноги кривыя. Волосы на головѣ черные, жесткіе. Мужчины ихъ сбриваютъ и одѣваютъ на голову тюбетейку. На бородѣ волосы рѣдкіе, чаще темнорусые.

Что касается женщинъ, то нужно замѣтить, что онѣ типическихъ особенностей не имѣютъ.

На тѣло киргизы одѣваютъ длинную холщевую или ситцевую рубаху—„куйлюпъ“ и широкіе, той же матеріи, штаны, затѣмъ—халатъ, чулки, кожаные сапоги, а на послѣдніе—„кибисъ“—галоши, при чемъ галоши носятся всегда и въ сухую и въ дождливую погоду. На голову одѣваютъ, какъ выше упомянуто, тюбетейку, поверхъ которой или войлочную шляпу или малахай. (Мѣховая шапка съ наатыльникомъ и наушникомъ, мѣхомъ внутрь).

Киргизы любятъ одѣваться очень тепло. Какъ зимой, такъ и лѣтомъ они обычно носятъ мѣховую тулупъ. Особенность же зимней одежды составляютъ мѣховые штаны, которые киргизы одѣваютъ поверхъ холщевыхъ или же прямо на тѣло, и „пимы“—валенки изъ шерсти.

Женщины и дѣвушки на тѣлѣ носятъ „куйлюпъ“, на нее одѣваютъ камзолъ, на передней части котораго, именно

на груди, навѣшиваютъ зачастую различнаго рода украшенія—„тѣнка“, преимущественно бусы и старинныя монеты. На голову женщины одѣваютъ „джаулокъ“. Это—свернутый изъ бѣлаго коленкора или бѣлой шелковой матеріи головной уборъ, цилиндрической формы, вышиной до двухъ четвертей, стянутый блестящей тесьмой.

Дѣвушки на головѣ носятъ тюбетейку, въ которую, въ видѣ украшенія, вставляютъ перья—„окѣ“. Въ косы, которыхъ онѣ заплетаютъ нѣсколько штукъ, вплетаются нити, нанизанныя старинными монетами или просто блестящими металлическими обрѣзками различной формы или, наконецъ, —блестящую тесьму, съ металлическими наконечниками.

Это украшеніе называется „шолпа“.

Въ ушахъ носятъ серги—„алка“, которыя нерѣдко соединяются между собою нитью съ бусами.

Кромѣ того, тамъ, гдѣ начинается коса, у дѣвушекъ вставляется металлическое украшеніе, родъ звѣздочки—„шаш-тупъ“.

На ногахъ дѣвушки и женщины носятъ то же, что и мужчины.

Единственный домъ, знакомый киргизу—войлочная палатка—кошъ.

Онъ и можетъ служить, такъ сказать, исходнымъ пунктомъ для изученія жизни киргиза.

Здѣсь онъ рождается, растетъ; тутъ вся его домашняя и общественная жизнь. Зимовки,—хижины изъ земли,—являются лишь печальной необходимостью: сюда его загоняютъ стужа и степной буранъ.

Кошъ—это движимое, разборное имущество киргиза. Отдѣльныя его части могутъ легко складываться и перевозиться, по мѣрѣ перекочевокъ, вмѣстѣ съ другими предметами домашнего обихода.

Деревянные части коша приготовляются изъ березоваго лѣса или тальника. Вырабатывающій эти части называется „уйсе“.

Нижняя, цилиндрической формы, деревянная рѣшетка называется „керече“, затѣмъ идетъ „уукъ“—средняя часть коша. Это выгнутыя полукругомъ палки, которыя однимъ концомъ прикрѣпляются къ керече, а другимъ—вталкиваются въ ободокъ „чанрака“. „Чанракъ“—это куполообразное приспособленіе изъ дерева, которое вставляется въ верхъ коша.

Дверь одна, состоящая изъ опускающейся кошмы; впрочемъ бываетъ деревянная—рѣшетчатая.

Весь остовъ коша, съ верху до низу, покрывается кошмами, которыя стягиваются при помощи веревокъ, сдѣланныхъ изъ гривы молодыхъ лошадей. Кошма, покрывающая „керече“, называется „зукъ“, покрывающая „уукъ“—„турлюкъ“, а „чанракъ“—„тунлукъ“. При чемъ „чанракъ“ къ „тунлуку“ не прикрѣпляется, а по мѣрѣ надобности онъ или оттягивается и образуетъ отверстіе или затягивается. Между „керече“ и „зукъ“омъ помѣщаютъ, для бѣльшаго сопротивленія проникновенію вѣтра въ кошъ, „чи“—это камышъ, плотно связанный шелкомъ, а между „уукъ“ и „турлюкъ“омъ тянется обычно ковровая лента, шириною въ двѣ четверти, приложенная къ мѣсту соединенія „уукъ“-а съ „керече“. Эта лента служить скрѣпителемъ „уука“.

Такимъ образомъ понятно, что свѣтъ проникаетъ въ кошъ лишь черезъ дверь и отверстіе въ куполѣ.

Въ теплыя зимы киргизы остаются и на это время года въ кошѣ, но для увеличенія тепла кошъ одѣваютъ ихъ двойными кошмами, а низъ обкладываютъ камышемъ или снѣгомъ.

Костеръ разводятъ по срединѣ коша, противъ отверстія въ куполѣ, противъ „чанрака“. Это мѣсто называется „отбасъ“.

На кострѣ варятъ пищу и кипятятъ чай.

У богатыхъ киргизъ для приготовленія пищи существуетъ отдѣльный кошъ.

Въ виду дороговизны дровъ, для топки употребляютъ „кязакъ“. Способъ приготовленія его таковъ: берутъ навозъ, напитываютъ его водой, хорошо размѣшиваютъ, а затѣмъ,

придавъ ему форму кирпичиковъ, высушиваютъ. Эти кирпичики то и замѣняютъ дрова. Вся мебель коша состоитъ изъ мѣшковъ, сундуковъ, одѣялъ, ковровъ и посуды. Внутреннія части коша у зажиточныхъ киргизъ обиваются коврами.

Противъ двери, полукругомъ, возлѣ самыхъ „керече“, устанавливаются, преимущественно на окрашенныхъ подставкахъ — „джукъ—агасъ“, сундуки, съ имуществомъ киргиза, на которые накладывается постельная одежда: ватныя, выстеженные одѣяла, подушки, перины, ковры, кошмы и т. под.

Самое почетное мѣсто въ кошѣ—противъ двери, на коврѣ. Это мѣсто называется „тѣръ“,—отъ слова „тюре“, которымъ называютъ русскихъ чиновниковъ. При входѣ, направо, помѣщается кладовка. Здѣсь развѣшено мясо, стоятъ приспособленія для варки, ведра и „саба“—это прокопченный кожаный мѣшокъ для кумыса.

Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто для отдыха. У богатыхъ на этомъ мѣстѣ ставятъ кровати, которыя у нѣкоторыхъ завѣшиваютъ покрывалами. Мѣсто хозяина и хозяйки передъ кроватью. При входѣ, налѣво, помѣщаются остальные члены семьи.

Время лѣтнихъ кочевокъ есть въ то же время и сезонъ кумыса. Это самый любимый напитокъ киргизъ. Онъ готовится изъ кобыльяго молока, путемъ приведенія послѣдняго въ молочно-кислое и спиртовое броженіе. Это весьма питательное вещество.

Что касается пищи вообще, то должно замѣтить, что основой служить молочная пища, и только зажиточная часть населенія позволяетъ себѣ имѣть постоянно конину и говядину.

Однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ кушаній является „кавардакъ“. Это мелкіе куски, жаренаго въ салѣ, мяса отъ различныхъ частей животнаго. Часто, въ знакъ любезности и особаго почтенія, хозяинъ вкладываетъ въ ротъ гостя это кушанье прямо руками, поэтому оно еще называется „бишбармакъ“—пять пальцевъ.

Затѣмъ изъ баранины дѣлають „туштукъ“. Это баранья грудинка, срѣзанная съ кожей. Сначала она палится, затѣмъ жарится, солится и, наконецъ, рѣжется на кусочки.

Кромѣ того, у киргизъ можно встрѣтить, хотя и рѣдко и только лишь у богатыхъ, еще „пловъ“. Это — заимствованное отъ бухарцевъ кушанье.

Готовится оно слѣдующимъ образомъ: сначала варится мясо, нарѣзанное мелкими кусками, въ котлѣ съ водой; затѣмъ, въ полученный мясной отваръ опускается рисъ съ большимъ количествомъ сала и, наконецъ, шенкованная морковь и урюкъ (сушеные абрикосы) и варится безъ помѣшанья.

Изъ молочной пищи нужно отмѣтить „крутъ“, который готовится изъ варенаго и заквашенаго молока, преимущественно овечьяго. Онъ употребляется въ сухомъ видѣ. Иногда, впрочемъ, его измельчаютъ и растворяють въ водѣ, которая такимъ образомъ приобретаетъ молочный цвѣтъ и замѣняетъ молоко.

Изъ муки дѣлають „баурсакъ“. Для этой цѣли муку размѣшиваютъ съ водой и полученное прѣсное тѣсто разрѣзываютъ на мелкіе куски, а послѣдніе варятъ въ салѣ.

Это кушанье употребляется по преимуществу за чаемъ.

Кромѣ того дѣлають кашицу „кожо“ изъ проса, пшена или ячменя, иногда прибавляя туда сала или молока.

Спиртныхъ напитковъ киргизы не готовятъ, за исключеніемъ кумыса, который имѣетъ весьма малое процентное содержаніе спирта. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и пьютъ водку, но это весьма рѣдкіе, исключительные случаи. Вообще же у нихъ пьянства нѣтъ.

Табакъ они также не курятъ, но рѣдкій киргизъ не нюхаетъ его. Часто также можно встрѣтить киргиза, жующаго табакъ, отчего у него крѣпнутъ зубы и дѣлаются поразительной бѣлизны.

Что касается семейной жизни киргизъ, то прежде всего замѣчу, что у нихъ позволительно многоженство, но, несмотря на это, большинство имѣетъ по одной женѣ.

Совершеннолѣтія для вступленія въ бракъ у киргизъ не существуетъ.

Обычно же женщины не вступаютъ въ бракъ ранѣе 13 лѣтъ, а мужчины — ранѣе 15-ти, но сговоръ нерѣдко происходитъ гораздо раньше: когда женихъ и невѣста еще въ колыбели. Поступаютъ такъ: киргизъ, имѣющій сына и желающій породниться съ другимъ киргизомъ, у котораго есть дочь, сватаетъ послѣднюю за своего сына. Если сватающій получаетъ согласіе, то тотчасъ же начинается со стороны родителей жениха платежъ калыма, выкупа за невѣсту.

Размѣръ калыма находится въ зависимости отъ степени состоятельности договаривающихся сторонъ, а также и отъ самаго договора.

Впрочемъ, въ Кустанайскомъ уѣздѣ есть и норма калыма для людей средней состоятельности: 47 головъ разнаго скота, а затѣмъ, за нѣсколько недѣль до свадьбы, еще денежный калымъ 200—300 рублей.

Эти деньги идутъ на приготовленіе приданого, причемъ, конечно, невѣста богатыхъ родителей затрачиваетъ на приданое и свои деньги.

Послѣ такой помолвки бракъ считается обязательнымъ.

Понятно, что женихъ и невѣста въ данномъ случаѣ видятся въ первый разъ и узнаютъ другъ друга только лишь послѣ свадьбы.

Если женихъ умираетъ, то невѣста обязана перейти къ слѣдующему брату умершаго, хотя бы у послѣдняго и была еще жена. Если брата у умершаго нѣтъ, то невѣста переходитъ къ ближайшему его родственнику.

Если невѣста умираетъ, то невѣстой становится сестра умершей, если она не была просватана раньше. Въ противномъ случаѣ калымъ возвращается.

Когда калымъ выплаченъ и приданое готово, назначаютъ день свадьбы. Въ день свадьбы (туй) къ родителямъ невѣсты собираются гости. Туда же является женихъ съ нѣсколькими товарищами. Для него раскидываютъ отдѣльный кошъ, от-

стоящій отъ аула будущаго тестя въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой. Въ этотъ кошъ, лишь только узнаютъ о пріѣздѣ жениха, идутъ дѣвушки и женщины и несутъ разныхъ яствъ, которыми и угощаютъ жениха и его товарищей въ теченіе дня.

Между тѣмъ происходитъ самое бракосочетаніе: мулла въ присутствіи гостей и родителей невесты прочитываетъ соотвѣтствующія молитвы.

Послѣ этого обряда начинается празднество: гостей обычно угощаютъ обильнымъ запасомъ различнаго рода кушаній.

Только вечеромъ, когда гости разъѣзжаются, сваха передаетъ новобрачную ея мужу, за что послѣднимъ и одаривается. Въ теченіе нѣсколькихъ дней новобрачные живутъ въ отдѣльномъ кошѣ и только наканунѣ отъѣзда ихъ приглашаютъ въ кошъ отца новобрачной. Въ этомъ кошѣ родители привѣтствуютъ новобрачнаго и одариваютъ его чѣмъ-либо цѣннымъ, сообразно со своими средствами, обычно конемъ.

Итакъ, спустя нѣсколько дней новобрачные уѣзжаютъ домой, причемъ вмѣстѣ съ ними отправляется и приданое, въ числѣ котораго обычно бываетъ и кошъ. Провожаетъ ихъ мать невесты. Въ аулѣ новобрачнаго его жену встрѣчаютъ женщины и дѣвушки. Затѣмъ она идетъ къ кошу родителей своего мужа и становится у входа на одно колѣно, привѣтствуя ихъ такимъ образомъ.

Этотъ обычай называется „саламъ“. Отецъ новобрачнаго благодаритъ невестку за привѣтъ словами „алла разыбулсынъ капіаша“ и, какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, одариваетъ ее. Послѣ этого новобрачная идетъ въ раскинутый уже кошъ—ея приданое, гдѣ и начинается новое празднованіе свадьбы, которое обычно длится въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Замѣчу, кстати, что, пока мать новобрачной гоститъ, послѣдняя ночуетъ въ своемъ кошѣ вмѣстѣ съ гостями: дѣвушками и женщинами. Молодой же спитъ въ отцовскомъ кошѣ.

Свадебныя празднества сопровождаются различнаго рода играми и состязаніями, причемъ каждый побѣдитель получаетъ подарокъ отъ родителей новобрачнаго. Напримѣръ: бѣгаютъ съ завязанными въ мѣшкѣ ногами и кто быстрѣе пробѣжитъ назначенное разстояніе, тотъ получаетъ призъ.

Ставятъ также котелъ съ гущей, на дно котораго опускаютъ монету, и приглашаются желающіе достать эту монету изъ гущи ртомъ или вкапываютъ тщательно обтесанный столбъ, длиною аршина 4—5, смазываютъ его мыломъ, а на верхъ этого столба кладутъ призъ и предлагаютъ залѣзть и воспользоваться этимъ призомъ.

Несомнѣнно, прежде чѣмъ кто-либо достанетъ этотъ призъ, очень много разъ свалится и это доставляетъ величайшее удовольствіе зрителямъ.

Вѣнцомъ всѣхъ этихъ состязаній нужно считать борьбу и лошадиныя скачки.

Борьба нерѣдко настолько захватываетъ киргизъ, что они изъ-за состязающихся нерѣдко вступаютъ къ ожесточенный споръ между собою, кончающійся обычно общей дракой.

Что касается положенія женщины и мужчины въ семьѣ, то нужно замѣтить, что оно далеко не одинаково. Жена прежде всего считается слугою мужа. Она, какъ вещь, купленная калымомъ, является собственностью мужа или другихъ ближайшихъ его родственниковъ, въ случаѣ смерти перваго.

Въ домашнемъ быту женщина—работница и обязана быть послушна не только мужу, но и старшимъ членамъ его семьи. Она обязана готовить пищу, доить скотину, дѣлать кумысъ, обшивать семью, собирать топливо, ставить и разбирать коши, слѣдовательно работать цѣлый день.

Такъ какъ бракъ есть результатъ торговой сдѣлки, то несомнѣнно здѣсь не можетъ быть и рѣчи о любви между брачующимися. Нерѣдко женихъ за долгій періодъ просватанья сдѣлается физическимъ или нравственнымъ уродомъ, но не смотря на это, если его родными выплаченъ калымъ, невѣста не вправѣ отказаться отъ брака.

Если какіе-либо недостатки женихъ найдетъ у неvěсты, то онъ, отказавшись отъ части выплаченнаго калыма, имѣетъ право отклонить бракъ съ ней.

И здѣсь, какъ видно, преимущество на сторонѣ мужчины.

Религію киргизы исповѣдуютъ магометанскую. Они далеко не фанатики и сравнительно равнодушны къ догматическимъ вопросамъ, да и мало съ ними знакомы, но, какъ говорятъ, съ каждымъ годомъ укрѣпляются въ своей вѣрѣ, освобождаясь отъ отпечатковъ древне-языческаго міросозерцанія. Теперь въ каждомъ аулѣ есть мулла.

Главное занятіе киргизъ—скотоводство. Они разводятъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ и верблюдовъ.

Больше всего разводятъ овецъ, отъ которыхъ они извлекаютъ весьма значительную пользу. Прежде всего овца даетъ киргизу важныя сѣстные продукты: мясо, молоко. Изъ послѣдняго, какъ выше упомянуто, готовятъ крутъ. Затѣмъ ея шкурка идетъ на шубу, штаны, малахай; ея шерсть—на выдѣлку кошмы (войлока) и валенки. И кромѣ всего этого овца составляетъ главнѣйшій предметъ торговли.

Верблюдовъ киргизы разводятъ здѣсь по преимуществу двугорбыхъ, какъ болѣе приспособленныхъ къ условіямъ мѣстнаго климата.

Обычно годовалому верблюду прокалываютъ носовой хрящъ и продѣваютъ въ полученное отверстіе палочку, къ одному концу которой привязываютъ веревку, служащую поводомъ при управленіи. Затѣмъ учатъ верблюда опускаться на колѣна по данному знаку и по знаку же вставать. Обученный верблюдъ очень послушенъ.

Верблюды также приносятъ значительную пользу ихъ обладателю. Прежде всего, они очень сильны и выносливы и вмѣстѣ съ тѣмъ не прихотливы на кормъ.

Затѣмъ, шерсть верблюда, которая весной, во время линянья, отстаетъ клочьями, собирается и употребляется на выдѣлку веревокъ, мѣшковъ, а также на фабрикахъ Россіи

изъ нее изготовляютъ желтое верблюжье сукно. Мясо верблюда употребляется въ пищу и киргизы любятъ его больше мяса рогатаго скота, а потому оно у нихъ и цѣннѣе. Верблюжье молоко очень питательно. Изъ него киргизы готовятъ тоже кумысъ, который въ этомъ случаѣ называютъ „чубать“.

Самый любимый скотъ у киргизъ—лошади. Внѣшній видъ этихъ лошадей непривлекателенъ: онѣ малорослы, мохнаты, переднія ноги замѣтно короче заднихъ, голова непропорціонально велика, по сравненію съ туловищемъ, но эти лошади очень крѣпки, выносливы, не знающія усталости и далекихъ разстояній,—настоящія дѣти степи!

Эти кони почти не знакомы съ заранѣе для нихъ приготовленнымъ кормомъ, поэтому крайне на него неприхотливы. Они не имѣютъ также теплыхъ загонновъ и конюшенъ, а потому вынуждены лѣто и зиму проводить подъ открытымъ небомъ. Итакъ, они и рождаются и переживаютъ дѣтство подъ открытымъ небомъ. Нерѣдко лишены очень рано материнскаго молока, ибо киргизы для приготовленія кумыса выдаиваютъ почти всѣхъ кобылъ. Самое дѣтство киргизской лошади протекаетъ, слѣдовательно, безъ питательнаго корма, поэтому естественно, что нерѣдко жеребята не переносятъ такого режима идохнуть, но за то тѣ, которые остаются, крѣпнутъ, легко переносятъ продолжительныя голодовки и жажду, не боятся ни жары, ни холода, не легко дрессируются, понавъ подъ арканъ киргиза, но за то потомъ всю жизнь вѣрно ему служатъ.

Прекрасныя качества киргизскихъ лошадей, какъ боевого, выносливаго коня, доказаны неоднократно во время степныхъ походовъ, а потому давно обратили на себя вниманіе правительства.

Что касается рогатаго скота, то нужно замѣтить, что его киргизы почему то не особенно любятъ, хотя разводятъ въ значительномъ количествѣ, ибо отъ продажи его киргизы получаютъ хорошую прибыль.

Главный интерес хозяина заключается въ томъ, чтобы возможно меньше въ теченіе круглаго года кормить скоть сѣномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при томъ громадномъ количествѣ скота, какое покрываетъ киргизскія степи, едвали бы и возможно было бы продовольствовать его весь сѣномъ. Сѣна обычно заготовляютъ на зиму очень мало и по преимуществу для рогатаго скота и верблюдовъ. Остальной же скоть вынужденъ самъ доставать себѣ кормъ. Этотъ способъ продовольствія стадъ у нихъ называется тебеневкою. Въ несуровую зиму тебенюютъ и верблюды, вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ, причемъ они выпускаются за лошадьми. Лошади сѣдаютъ верхнюю часть травы, верблюды и рогатый скоть—середину, а нижняя часть остается на долю овецъ и козъ.

Несомнѣнно, что отъ такой пищи киргизскій скоть не тучнѣетъ, но лишь только поддерживаетъ свое существованіе, а это все, къ чему стремится киргизъ-хозяинъ.

Киргизы дѣлятъ свои земли на двѣ категоріи. Во первыхъ—на земли, годныя для зимовокъ и во вторыхъ—на земли, годныя для лѣтнихъ пастбищъ. Въ первомъ случаѣ необходимыми условіями являются слѣдующія: чтобы были тебеневочныя мѣста, а также запасъ топлива, какъ подспорье въ кизяку, и, наконецъ, чтобы была возможность заготовить сѣно для рогатаго скота и верблюдовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что камышевыя и луговныя мѣста—лучшія для зимовокъ.

Во второмъ случаѣ лучшими мѣстами считаютъ мѣста, поросшія густымъ ковылемъ, гдѣ киргизы располагаются весной и лѣтомъ. На осень же перебираются на солонцеватые травы и полынь. Пока полынь и солонцеватые травы въ соку—онѣ горьки и не охотно ѣдятся скотомъ, за исключеніемъ верблюдовъ. Осенью же эти травы подсыхаютъ, горечь въ нихъ пропадаетъ, и ихъ охотно ѣстъ весь скоть.

Такимъ образомъ коши въ теченіе года переносятся на нѣсколько мѣстъ. Въ ихъ передвиженіи существуетъ, конеч-

но, извѣстная система: каждый родъ и каждая волость имѣютъ свое мѣсто и каждое время года—свои кочевки.

Кромѣ скотоводства киргизы занимаются еще земледѣліемъ, хотя оно развито среди нихъ въ сравнительно малыхъ размѣрахъ.

Въ большинствѣ киргизы не имѣютъ достаточно хозяйственного инвентаря для удовлетворительной распашки земель.

Паровая обработка полей почти отсутствуетъ и, если кто и паритъ землю, то пашетъ ее очень мелко, благодаря чему почва не имѣетъ возможности удерживать снѣговую и дождевую воду, отчего посѣвы сильно страдаютъ отъ періодическихъ засухъ.

У киргизъ одно стремленіе: обработать и засѣять возможно бѣльшую площадь земли, не обращая вниманіе на качественную сторону обработки.

Что касается общественной жизни киргизъ, то нужно замѣтить, что она стоитъ на довольно значительной степени развитія.

Съ 1869 года вся киргизская степь была раздѣлена на уѣзды, волости и аулы. Во главѣ уѣздовъ стоятъ русскіе чиновники (уѣздные начальники). Слѣдственно—судебная власть надъ уѣздомъ передана въ руки мировыхъ судей, а мѣстное общественное управленіе и народный судъ образованы примѣнительно къ организаціи общественныхъ сельскихъ управленій. Каждый уѣздъ дѣлится на волости, а послѣднія въ свою очередь—на аулы. Ауломъ управляетъ аульный съѣздъ. Правомъ голоса на этомъ съѣздѣ пользуется каждый кибитководѣлецъ. Съѣздъ выбираетъ изъ своей среды аульнаго старшину и народнаго судью. Аульный старшина соотвѣтствуетъ сельскому старостѣ. Онъ является посредникомъ между волостнымъ управителемъ и сходомъ и ему также вручается исполнительная власть, какъ со стороны схода, такъ и волостного управителя. Кромѣ того ему вручается надъ ауломъ и полицейская власть, власть полицейскаго урядника.

Во главѣ волости стоитъ волостной управитель. Прежде выбирались уполномоченные отъ каждаго пятидесяти кибитковладѣльцевъ, которые въ свою очередь выбирали изъ своей среды уполномоченнаго отъ аула, а аульные уполномоченные съѣзжались въ волость и выбирали уже волостного управителя.

Происходившіе при такомъ избраніи различнаго рода злоупотребленія, какъ напримѣръ, подкупы, дурно вліяющія на правильность избранія, обратили на себя вниманіе правительства и порядокъ избранія въ 1893 году, съ введеніемъ степнаго положенія, былъ измѣненъ. По новому положенію, избраніе волостныхъ выборныхъ производится на аульномъ съѣздѣ большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ выборы должностныхъ лицъ находятся въ рукахъ цѣлаго общества или избранныхъ имъ представителей волостного съѣзда. Утвержденіе въ должности выборнаго волостного управителя поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія Военнаго Губернатора, который можетъ потребовать новыхъ выборовъ или назначить управителя по своему усмотрѣнію.

Итакъ, волостной управитель—это глава волости. Онъ по полномочіямъ соотвѣтствуетъ волостному старшинѣ. Ему вручена также полицейская власть, власть полицейскаго пристава.

Каждый аулъ, какъ выше упомянуто, выбираетъ изъ своей среды народнаго судью, который имѣетъ право судить обывателей своего аула за маловажныя преступленія. Лишь только скопляется нѣсколько дѣлъ важнаго характера (гражданскихъ), а также апелляцій на рѣшеніе аульныхъ судей, волостной управитель сзываетъ черезъ аульныхъ старшинъ народныхъ судей и съѣздъ ихъ уже можетъ разрѣшить эти дѣла. Вообще у съѣзда народныхъ судей полномочій больше даже, чѣмъ у мировыхъ судей.

Киргизы дѣлятъ свои земли до сего времени по числу кибитковладѣльцевъ. Подушнаго дѣлежа нѣтъ, но съ будущаго года предполагаютъ ввести эту форму дѣлежа, потому

правительство приказало привести въ точную извѣстность число обывателей каждаго аула. Прежде же велся лишь счетъ кибитковладѣльцевъ.

И подати собираются пока не подушно, а тоже лишь съ кибитковладѣльцевъ. На аулъ № 3-й въ 1908 году полагалось выплатить податей 1753 рубля 81 копѣйку. Былъ собранъ съѣздъ кибитковладѣльцевъ, который и распредѣлил между собою эти подати, руководствуясь степенью состоятельности каждаго. Сумма 1753 рубля 81 коп. составила изъ слѣдующихъ пунктовъ: Государственного сбора 843 рубля, областного земскаго сбора 481 рубль 33 копѣйки, частныхъ земскихъ повинностей 140 рублей 71 коп., на ремесленное училище 20 рублей 50 копѣекъ, на построение зданія въ г. Кустанаѣ для реального училища 25 рублей, на преобразование Кустанайской прогимназіи въ гимназію 31 рубль 27 копѣекъ. На возмѣщеніе, выданныхъ въ 1900 году изъ свободныхъ суммъ Кустанайскимъ уѣзднымъ управленіемъ, 12 рублей. Жалованье аульному старшинѣ 150 рублей и его писарю 50 рублей. Къ отбыванію воинской повинности киргизы пока не привлечены.

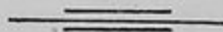
Громадное значеніе должно отвести дѣлу народнаго образованія въ киргизской степи: оно пріобрѣтаетъ здѣсь значеніе звена, которое несомнѣнно прочно свяжетъ магометанскихъ обывателей и ихъ широкую, привольную степь съ Государствомъ, ставшимъ ихъ отечествомъ. Тургайская администрація прониклась сознаніемъ необходимости пріобщенія киргизъ къ общей культурной семьѣ и въ этомъ направленіи ею сдѣланы крупныя и успѣшныя шаги, и просвѣщеніе среди туземнаго населенія идетъ быстро впередъ.

Сами киргизскія общества, сознавая недостаточность имѣющихся образовательныхъ средствъ, возбуждаютъ ходатайства объ открытіи въ степи новыхъ русско-киргизскихъ школъ, и ходатайства эти, по мѣрѣ имѣющихся въ распоряженіи администраціи средствъ, постоянно удовлетворяются. Теперь въ рѣдкомъ аулѣ нѣтъ передвижной школы, приспособленной

къ кочевому образу жизни киргизъ. Киргизскія общества весьма охотно обезпечиваютъ содержаніе этихъ школъ, а частныя лица дѣлаютъ значительныя на нихъ пожертвованія. При Троицкой и Оренбургской мужскихъ гимназіяхъ имѣется 18 киргизскихъ стипендій. Всѣ онѣ заняты и много еще желающихъ записано кандидатами въ ожиданіи открытія вакансій.

Вообще говоря, киргизы любятъ учиться и богато одарены способностями, а кромѣ того очень довѣрчивы и любознательны, а это такія свойства, которыя не позволяютъ имъ застыть въ невѣжествѣ, но даютъ право ожидать, что при благопріятныхъ условіяхъ этотъ народъ разовьется и легко усвоить русскую гражданственность.

Студ. Войтеховскій.

Поэзія кладбища.

[Изъ наблюденій надъ могильными надписями Казанскаго Ар-
скаго кладбища].

Я не думаю, что мнѣ много придется говорить о томъ значеніи, какое имѣетъ описаніе кладбища, изученіе его могильныхъ надписей. Стоитъ только обозрѣть, хотя поверхностно, могилы, и передъ нами цѣлый рядъ лицъ, память о которыхъ уже слаба, а между тѣмъ они играли роль въ исторіи города, въ его жизни. Не говорю уже о тѣхъ личностяхъ, которыя выходятъ изъ предѣловъ мѣстной исторіи, которыя интересны не только въ силу болотнаго патріотизма кулика, баковы, напр., гр. Толстые, предки Л. Н. Толстого ¹⁾, Лобачевскій и др. Они напоминаютъ намъ и о фактахъ, выходящихъ за предѣлы мѣстной исторіи. Такихъ лицъ мы, правда, найдемъ немного, но за то яркая картина мѣстной жизни встанетъ предъ нами, когда мы ознакомимся съ холодными плитами мертваго города.

Я бы сказалъ даже болѣе. Въ области всесторонняго изученія мѣстной жизни кладбище одинъ изъ видныхъ источниковъ.

Прежде всего. Здѣсь, въ этихъ надписяхъ мы знакомимся съ міросозерцаніемъ классовъ въ области эсхатологиче-

¹⁾ О нихъ см. Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по рус. исторіи XVIII—XIX. СПб. 1910 г. стр. 2.

скихъ вопросовъ. И это міросозерцаніе имѣетъ въ своей основѣ оффиціальное ученіе церкви не въ чистомъ его видѣ, а пропущенное сквозь призму пониманія отдѣльныхъ классовъ, здѣсь оно высказано при освѣщеніи того глубокаго чувства печали, которое окрашиваетъ его въ разнообразныя цвѣта. Я бы не рѣшился прямо утверждать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ апокрифовъ, сказокъ, но матеріализацію отвлеченныхъ понятій мы встрѣтимъ.

Дальше. Надписи, явившіяся подъ впечатлѣніемъ факта, часто написанныя наскоро, помимо своихъ мыслей, цѣнны, какъ матеріалъ для изученія языка. Надпись болѣе всего слѣдуетъ живой рѣчи; если же примемъ во вниманіе, что этихъ надписей мы найдемъ за болѣе чѣмъ столѣтній періодъ, то поймемъ всю ту роль, какую онѣ могутъ сыграть въ дѣлѣ изученія мѣстнаго языка.

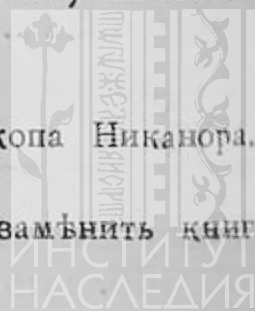
Я бы еще указалъ на одну сторону,—на которой я и хочу остановиться,—это стремленіе поэтически, въ формѣ литературно-художественной выразить свое чувство, свое настроеніе. Правда, это не столько важно, сколько интересно, но тѣмъ не менѣе и съ этой стороны кладбище дастъ намъ матеріалъ для изученія интересовъ, вкусовъ общества.

Между тѣмъ вниманіе къ надписямъ, къ памятникамъ кладбища со стороны изучающихъ мѣстный край очень незначительно. Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ мы имѣемъ лишь описаніе кладбища при Кизическомъ монастырѣ, составленное въ началѣ 90-хъ годовъ ¹⁾, теперь уже устарѣвшее. Остальныя кладбища не имѣютъ и старыхъ описаній ²⁾.

А время уходитъ, а вмѣстѣ со временемъ идетъ и разрушеніе. Памятники ветшаютъ, падаютъ. Ихъ убираютъ, и на мѣстѣ старыхъ могилъ появляются новыя, исчезаютъ изъ

¹⁾ См. Казанскій сборникъ статей Архіепископа Никанора. Казань 1909 года.

²⁾ Для Арскаго кладбища описаніе можетъ замѣнить книга Агафонова: «Казань и Казанцы».

памяти и лица и надписи. Теперь уже нѣтъ особенно древнихъ памятниковъ, да и болѣе новые убираются: цѣлыя груды ихъ лежатъ за кладбищенскою церковью.

Не затрагивая въ всей широтѣ вопроса о кладбищенскихъ надписяхъ, не задаваясь цѣлью описать его, прошлымъ лѣтомъ я довольно часто посѣщалъ Арское кладбище, и въ немъ мое вниманіе остановили стихотворныя надписи. Ихъ сравнительно съ общимъ количествомъ могилъ немного, но изъ наблюденій надъ ними я вынесъ нѣчто и любопытное.

Обычно наше представленіе о кладбищенской поэзіи нейдетъ дальше курьезовъ. Они чаще бросаются въ глаза, легче запоминаются, да ими можно при случаѣ и блеснуть, какъ Онѣгинъ анекдотами отъ Ромула до нашихъ дней.

Если даже намъ извѣстно и болѣе, то наше впечатлѣніе о надписяхъ,—впечатлѣніе о произведеніяхъ бѣдныхъ содержаніемъ, а отсюда и наивныхъ по формѣ. Съ подобными могильными надписями мы встрѣчаемся и въ художественной литературѣ.

Напомню, напр., ту надпись, которую находимъ у Тургенева въ его разсказѣ „Льговъ“.

„Подъ камнемъ симъ лежитъ французскій эмигрантъ:

Породу знатную имѣлъ онъ и талантъ.
Супругу и семью оплакавъ избіянну,
Покинулъ родину, тиранами поправу:
Россійскія страны достигнувъ береговъ,
Обрѣлъ на старости гостепріимный кровъ,
Училъ дѣтей, родителей покоилъ.....

Всевышній судія его здѣсь успокоилъ“¹⁾.

Конечно, теперь подобные стихи вызовутъ улыбку. Но еще здѣсь надо отмѣтить бо́льшую или меньшую содержатель-

¹⁾ Сочиненія. Изд. Маркса. СПб. 1898 г. т. I стр. 82.

ность надписи. Совсѣмъ другое мы найдемъ у Пушкина. У него приведенныя надписи наивны не только по формѣ, но и по содержанію.

Не говорю о той надписи, которая была на памятникѣ Ларина:—

Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ. (Евг. Онѣгинъ
гл. II. стр. XXXVI).

Не говорю о ней: Ларинъ самъ по себѣ безцвѣтная личность. Лучшаго содержанія, кромѣ этой, какъ выражался Достоевскій, надписи „изъ старинныхъ, общеупотребительныхъ на могилахъ средняго люда кладбищенскихъ стиховъ“ (Бр. Карамазовы, ч. I. кн. I. гл. IV), онъ не могъ заслужить. Но даже такая личность, какъ поэтъ Ленскій, человѣкъ незаурядный, не изъ дюжины, и тотъ не заслужилъ лучшей надписи: на его могилѣ такая же бессодержательная эпитафія въ стихахъ:

Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
Погибшій рано смертію смѣлыхъ,
Въ такой то годъ, такихъ то лѣтъ.
Покойся юноша поэтъ. (Евг. Онѣгинъ).

Бессодержательность надписей, а отсюда, въ силу тѣсной зависимости мысли и слова, бѣдность самой формы, размѣра и риѣмы, конечно, могутъ возбуждать лишь только односторонній интересъ, о которомъ я говорилъ раньше, могутъ возбуждать лишь ироническое къ нимъ отношеніе.

Наблюдаемъ и другой фактъ, который также питаетъ тоже ироническое отношеніе къ надписямъ—это несоотвѣстствіе мысли и настроенія надписи съ дѣйствительностью.

На самомъ дѣлѣ. Установилось мнѣніе, что о мертвыхъ или хорошо, или ничего не говорить. Въ силу этого, конечно, во всѣхъ надписяхъ мы найдемъ одну лишь похвалу. Будто уже такъ хороши всѣ погребенные. Вполнѣ естествен-

но задать вопросъ, какой задается въ одномъ стихотвореніи Минскаго:

Посмотри: на каждомъ камнѣ
 Что ни надпись похвала.
 Тотъ супругомъ былъ примѣрнымъ,
 Та женой средь женъ была.
 Все то добрые, святые,
 Слуги церкви, мудрецы.
 А куда жъ дѣвались злые,
 Нечестивцы и глупцы?

Вполнѣ психологически законное явленіе—вспоминать только добромъ,—не всегда и не у всѣхъ на лицо. Зло, которое, можетъ быть, принесено умершимъ кому либо, можетъ вызвать совершенно другое впечатлѣніе отъ надписи, и не всѣ найдутъ оправданіе этого явленія въ той сентенціи, какой объясняется оно у Минскаго:

Знай: глупцы не умираютъ,
 Зло безсмертно на землѣ. [Минскій Полное
 собраніе стихотвореній, т. I. изд. 4-е. СПБ. 1907 г. стр.
 193).

Тѣмъ болѣе это объясненіе не будетъ имѣть мѣста спустя много лѣтъ послѣ смерти. Впечатлѣніе потери, грусть утраты уже ослабится, и будетъ только одно—мысль о несоответствіи надписи съ дѣйствительнымъ фактомъ, а отсюда, въ лучшемъ смыслѣ, ироническое отношеніе къ надписи.

Но это отрезвленіе, если можно такъ выразиться, наступаетъ еще раньше. То выраженіе горя, печали, которое написано на лицахъ знакомыхъ покойнаго, исчезаетъ уже въ силу даже того, что горе дорого только свое, а жизнь и ея чувство сильно въ человѣкѣ; мертвый тотчасъ же забывается:

Тихо замеръ послѣдній аккордъ надъ толпой,
 Съ плачемъ въ землю твой гробъ опустили;

Помолились въ приливѣ тоски надъ тобой,
Пожалѣли тебя и забыли.... (Надсонъ. Стихотворе-
нія. Изд. 23. СПБ. 1908 г. стр. 160).

И эта мысль поэта глубоко вѣрная, только рѣдко она
сознается нами, хотя сознаніе этой истины и бываетъ, чѣмъ,
вѣроятнѣе, и объясняется появленіе этого стихотворенія на
могилахъ.

Печаль близкихъ родныхъ, правда, не такая уже крат-
ковременная, но часто бываетъ, что человѣкъ подъ вліяні-
емъ сильнаго чувства утраты даетъ клятвы, которыя трудно
исполнить. Опять психологическая черта: горе настолько овла-
дѣваетъ человѣкомъ, что ему кажется вся остальная его жизнь
безцѣльной, безцвѣтной. Одна услада—память о покойномъ.
Но надолго-ли? Для иллюстраціи отвѣта на этотъ вопросъ
напомню другое произведеніе того же поэта.—Часто посѣщая
кладбище, однажды онъ увидѣлъ, какъ

Крестъ одинъ склонился и упалъ;
Онъ падалъ медленно, за сучья задѣвая,
И подойдя къ нему, на немъ я прочиталъ:
„Спѣши,—я жду тебя, подруга дорогая!“
Должно быть вешній дождь вчера его подмылъ.
И я задумался съ невольною тоскою,
Задумался о томъ, чей прахъ онъ сторожилъ,
И кто гніетъ теперь подъ этою землею....
„Спѣши,—я жду тебя“—Завѣтные слова!
Услышала ль она завѣтный голосъ друга?
Пришла ль къ тебѣ на зовъ, иль все еще жива
Твоя любимая и нѣжная подруга?
Я имени ея не нахожу кругомъ.....
Ты тлѣешь окруженъ чужой тебѣ толпою,
Забутъ и одинокъ,—и ни однимъ вѣнкомъ
Ея любовь къ тебѣ не говоритъ съ тобою....
Жизнь увлекла ее въ водоворотъ страстей,—
И жгучую печаль, какъ рану, исцѣлила,

И не придетъ она подъ тѣнь густыхъ вѣтвей
 Поплакать надъ твоей размытою могилой,
 И только этотъ крестъ, заботливой рукой
 Поставленный тебѣ когда то къ изголовью,
 Храня съ минувшимъ связь, смѣется надъ тобой,
 Надъ памятью людской и надъ людской печалью.
 (Надсонъ стр. 88).

И если съ этой точки зрѣнія понаблюдать за могильными надписями, а наблюдать почти даже и не придется, — еще рѣзче выступаетъ это несоотвѣтствіе надписи съ дѣйствительностью и, конечно, каково же будетъ отношеніе къ надписямъ, какъ не ироническое?

Все это вмѣстѣ взятое и создаетъ атмосферу отношеній къ надписямъ, заставляетъ въ нихъ видѣть въ большинствѣ случаевъ курьезы, и съ точки зрѣнія ихъ оцѣнивать надписи, искать въ нихъ только матеріалъ для шутокъ и остротъ.

Но если мы внимательнѣе присмотримся къ надписямъ, то, можетъ быть, найдемъ и другое объясненіе этому факту. Объясненіе, правда, внѣшнее, но и его нужно имѣть въ виду. Среди стихотвореній на могильныхъ памятникахъ мы находимъ стихотворенія, которыя больше уже не повторяются, и стихотворенія, которыя часто встрѣчаются въ различныхъ вариантахъ. И чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе стихотвореній второй категоріи. Такъ, за періодъ времени съ 1824 г. по 1840 г. мы не найдемъ ни одного стихотворенія-дубликата, — съ 1840-50 есть уже одинъ дубликатъ. Въ слѣдующее десятилѣтіе ихъ уже 6 и т. д. Постепенно возвышаясь, цифра дубликатовъ въ десятилѣтіе 1890—1900 возрастаетъ до 53, а въ 1901—1909 до 127.

Цифры говорятъ сами за себя, даже и при томъ ихъ относительномъ значеніи, какое имъ можно придать, принимая во вниманіе плохую сохранность памятниковъ. Шаблонъ, очевидно, начинаетъ съ годами играть все бѣольшую и бѣольшую роль, и этотъ шаблонъ уничтожаетъ и самостоятельное

творчество и индивидуализацію надписей. Теперь одно и тоже стихотвореніе видно на самыхъ разнообразныхъ, въ смыслѣ общественнаго положенія погребенныхъ, памятникахъ. А это вліяетъ и на содержаніе надписей: содержаніе въ этихъ шаблонахъ вращается въ области общихъ фразъ, а отсюда и форма не блещетъ богатствомъ разнообразія, и она становится общимъ мѣстомъ.

Всѣ эти шаблоны, конечно, особой цѣнности не представляютъ и съ точки зрѣнія литературной и съ точки зрѣнія мысли, содержанія. Цѣнность ихъ опредѣляется лишь временемъ ихъ перваго появленія.

Но ихъ прогрессивный ростъ, вытѣсненіе ими произведеній самостоятельныхъ характеренъ въ томъ отношеніи, что иллюстрируетъ собою то положеніе, что кладбищенская поэзія все болѣе становится поэзіей профессионаловъ, что творчество индивидуальное падаетъ, свобода поэтического творчества уничтожается. Въ этомъ отношеніи внѣшняя судьба ихъ напоминаетъ судьбу погребальныхъ плачей (заплачекъ), которые даже и теперь стали почти исключительно достояніемъ особой категоріи лицъ—плакальщицъ.

А это обрекаетъ ихъ на мертвенность, что мы и замѣчаемъ не только въ области содержанія, но и въ области формы. Въ послѣднемъ даже больше. На самомъ дѣлѣ, что было вполне естественно для стихотворенія въ 1866 году, отъ какового сохранился шаблонъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ въ видѣ стихотворенія:

Покойся другъ души безцѣнной,

повторяющагося до 40 разъ, или что было естественно въ области формы въ 1848 году, напр., въ стихотвореніи

Почто о милой другъ растался рано съ нами,—

ставшемъ шаблономъ и встрѣчающемся въ предѣлахъ до 1887 года до 20 разъ,—все это, конечно, теперь, когда поэзія и поэтическое творчество съ каждымъ годомъ развивается, от-

зовется архаизмомъ и будетъ рѣзать наше ухо и несовершенствомъ формы, шероховатостью стиха и наивностью риѣмы. Содержаніе этихъ шаблоновъ слишкомъ прозаично, слишкомъ элементарно: нѣтъ розмаха поэтическаго творчества, нѣтъ образовъ,—а отсюда и форма скорѣе размѣренная проза. И это надо сказать почти о всѣхъ шаблонахъ.

Готовыя мысли, слезы по заказу, грусть по шаблону,—все это едвали можетъ вызвать какое либо другое чувство по отношенію къ надписямъ, чѣмъ то, которое вызывается и прежде указанными явленіями. Не зададимъ ли мы, прочитавъ ихъ, тотъ же вопросъ Минскаго?

И тѣмъ болѣе интересны, конечно, тѣ произведенія, которыя являются плодомъ непосредственнаго творчества, выражаютъ личные взгляды, міросозерцаніе, и сумма которыхъ дастъ намъ картину взглядовъ общества.

Правда, въ данномъ случаѣ меня интересуетъ не эта сторона дѣла, а другая,—насколько въ этихъ стихотвореніяхъ мы можемъ увидѣть отраженіе стремленія не только вылить свои чувства,—чувства грусти и скорби, высказать свои взгляды, но высказать ихъ въ опредѣленной образной формѣ; насколько мы въ нихъ найдемъ стремленіе къ художественности, понимая эту художественность не сколько въ смыслѣ художественности формы, а въ смыслѣ тонкости пониманія и наблюденія психологическихъ эмоцій.

Отражающіе въ себѣ настроеніе человѣка, находящагося подъ сильнымъ вліяніемъ горя, которое еще усиливается или видомъ покойнаго, или живымъ воспоминаніемъ о немъ, стихи кладбища, думаю, не могутъ говорить о той чертѣ настоящаго горя, когда человѣкъ уходитъ въ себя, живетъ только самъ своимъ горемъ, не выдавая его другимъ. Этотъ мотивъ молчаливости истиннаго горя хорошо подмѣченъ народными заплачками, но здѣсь онъ по указаннымъ выше соображеніямъ выступаетъ рѣдко. Можно лишь увидѣть намѣкъ на эту психологическую черту въ стихахъ:

У твоего то изголовья
 Говорю я, но безъ словъ.
 Немъ язы(къ) для выраженья
 Горькихъ думъ моихъ скорбей. (1906).

Но то вліяніе, какое оказываетъ горе на человѣка, вліяніе сильное, когда человѣкъ не можетъ даже найти себѣ мѣста, изображено довольно ярко:

Весь истерзанный тоскою
 То по кладбищу брожу,
 То съ поникшей головой
 На пріютъ твой здѣсь гляжу.

И это состояніе не состояніе момента: горе преслѣдуетъ его всегда: его мысль работаетъ въ одномъ направленіи. Порядокъ жизни нарушенъ; человѣкъ выбитъ изъ колеи и ему въ эту минуту представляется, что и возстановить строй жизни нѣтъ возможности:

Скука душу раздираетъ
 Каждый день и каждый часъ.

Она овладѣваетъ имъ всецѣло и парализуетъ самую мысль—

Сирота я! что затѣю
 И придумать не могу.

И все это сдѣлала могила—

Да мой другъ твоя могила
 Сколько горя принесла!
 Сколько бѣдъ мнѣ причинила!
 Сколько вздоховъ извлекла! (1906 г.)

Для человѣка теперь нѣтъ радости. Даже тѣ предметы, которые для него прежде, можетъ быть, доставляли удовольствіе, теперь вызываютъ только лишь чувство грусти—они теряютъ подъ вліяніемъ горя всю свою прелесть:

На что не погляжу вздыхаю всеминутно. (1891).

Психологическая черта, опять таки, подмѣченная и поэзіей народныхъ заплачекъ.

Но переживая свое горе, человѣкъ особенно чутокъ къ горю другихъ, особенно тѣхъ, кто самъ ясно не сознаетъ всю тяжесть своего положенія, и неизбѣжно онъ начинаетъ болѣе сочувственно относиться къ этимъ людямъ. Забота о дѣтяхъ усиливается: сильно свое горе, но оно увеличиваетъ заботу о дѣтяхъ, лишившихся родителей. Теперь они—

Нешастные сиротки непримутъ груди матери своей (1862).

Для нихъ уже потеряно все:

Гдѣ юнымъ сиротамъ отрада?

Кто къ жаркой груди ихъ прижметъ? (1864).

Еще одна психологическая черта, подмѣченная поэзіей. Человѣкъ, потерявъ близкаго, долго не вѣритъ въ дѣйствительность этого факта: слишкомъ живы воспоминанія и слишкомъ тяжела мысль о вѣчной разлукѣ. Неизбѣжно человѣкъ задается вопросомъ:

Уже ли мы съ тобой простились?

Уже ли скрылся ты отъ насъ? (1893 и 1902).

Не вѣря этому, къ покойному и обращаются, какъ къ живому и желаютъ его пробужденія—

Встань проснись отъ мертваго сна,

тѣмъ болѣе, что мысль о вѣчности не можетъ улечься въ головѣ человѣка. Да и жалко человѣка. Какъ бы не жили, но въ первую минуту горя онъ становится дорогимъ. Сильна утрата его:

Приди и дай еще тебя увидѣть
И покой на сердце обрести
И голосъ твой родной услышать. (1857).

Всѣ эти факты изображенія моментовъ горя людскаго говорятъ о той наблюдательности, которую можно отмѣтить, какъ одну изъ чертъ поэзіи кладбища, говорящую о ея художественности. Но этимъ еще не ограничивается стремленіе къ художественности. Мы найдемъ и образныя представленія, какъ, напр., образное изображеніе соотношенія тѣла и души человѣка:

Что ты плачешь мать родная
Надъ могилою моею,
Часто слезы проливаешь?
Все ищешь дочери своей,—

какъ бы обращается умершая къ своей матери, и замѣчая ея устремленные на гробъ, на могилу взоры, куда мать, естественно, обращается въ своихъ поискахъ, какъ бы говорить:

Тамъ ужъ нѣтъ давно меня,
Тамъ одежда лишь моя
Износилась, изветшала,
Хоть носила ее мало.

Почему же нельзя искать дочь тамъ, гдѣ ея тѣло,—эта одежда души. Почему и она ее оставила, хотя и носила мало?

Въ ней нельзя моя родная
Явиться было мнѣ туда,
Для меня она была
И груба и тяжела,
Недостало бъ силъ моихъ
Въ обитель ангеловъ святыхъ
Дотащить такое бремя,
Намъ дана она на время. (1885).

Почти во всѣхъ стихахъ говорится о смерти, но тѣмъ не менѣе ярко очерченнаго образа смерти, какъ, напр., въ заплачкахъ, мы здѣсь не найдемъ. Правда, есть попытка матеріализовать это отвлеченное понятіе. Но этотъ образъ смер-

ти съ „своею острою косою“ едвали представилъ бы что нибудь новое съ тѣмъ обычнымъ ея представленіемъ, какое мы имѣемъ въ обиходномъ оборотѣ сказокъ, легендъ, заплачекъ. Даже картина дѣйствія смерти, представленная въ болѣе опредѣленномъ, даже обобщающемъ видѣ, что смерть или земля, въ нѣдра которой погребаютъ покойниковъ, не отдаетъ назадъ свою добычу—

Что земли добычей станетъ
Не вернетъ она опять.
Таковъ удѣлъ и всѣхъ людей:
Вельможъ и нищихъ и царей—

и смерть всесильна: ничто и никто не избѣгнетъ этой участи:

Безъ жалости все смерть разить;
И звѣзды ея сокрушатся,
И солнца ея потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.—(1866).—

Даже эта картина не явилась самостоятельной. Какъ можно видѣть, она возникла подъ вліяніемъ стихотворенія Державина. (Сочиненія Г. Р. Державина. 2-е акад. изданіе. Т. I. СПБ. 1868 г. стр. 54).

Сравнительно мало также найдемъ въ стихотвореніяхъ описаній природы,—и это естественно: горе велико и природа и ея явленія мало обращаютъ на себя вниманія: собственныя чувства, грусть, скорбь проникаютъ всего человѣка. Но всеже чуткая душа не всегда останется равнодушной—

Надъ твоей могилкой солнышко сіяетъ
Въ зелени сирени птичка распѣваетъ.—

И часто даже тишина природы на кладбищѣ соотвѣтствуетъ настроенію тихой грусти, печали. Въ этой тишинѣ отдыхаетъ и душа человѣка:

Какъ тихо здѣсь въ тиши тѣнистой.
Никто не нарушитъ безмолвный покой.
Лишь звонко поетъ соловей голосистый,
И пѣснь его льется блестящей струей.

Все это вмѣстѣ взятое,—стремленіе изобразить психологическіе моменты горя человѣка, найти откликъ настроенію души въ природѣ, стремленіе въ образахъ изобразить свои мысли и чувства,—все это и создаетъ тѣ истинно поэтическія произведенія, каковыхъ мы найдемъ немало среди стихотвореній кладбища. И этому, по моему, не всегда вредитъ та невыдержанность формы, какую можно отмѣтить у большинства стиховъ кладбища.

Этимъ можно было бы и кончить общій обзоръ, но невольно обращаетъ на себя вниманіе еще одна черта, которую трудно было бы ожидать отъ поэзіи кладбища, какъ поэзіи, мало подверженной вліянію жизни. При смерти, если судить апріорно, нѣтъ разговора о жизни, о ея событіяхъ, тревоженіяхъ. Но это далеко не такъ.

Правда, это отраженіе очень слабое, но оно есть. Чѣмъ, напр., какъ не чувствомъ тяжести жизни, сознаніемъ безвременья, отзываются стихи 1899 года:

Вдали отъ слезъ, вдали отъ горя
Ты будешь жить въ счастливой долѣ,
Тамъ гдѣ блаженная страна,
Гдѣ вѣчный миръ и тишина,
Гдѣ подъ ярмомъ земной юдоли
Не гибнуть въ рабствѣ племена,
И гдѣ царить, царить на волѣ,
Лишь правда вѣчная одна.

Но если здѣсь еще общая мысль, которую можно, пожалуй, расширить въ ея предѣлахъ времени, то уже послѣдующее десятилѣтіе даетъ болѣе опредѣленные факты отраженія чувствъ и понятій отдѣльных слоевъ общества. Для характеристики приведу одно стихотвореніе, явно уже указывающее на событія послѣднихъ лѣтъ. Стихотвореніе безграмотное. Грамматически трудно въ немъ разобратъ, но мысль, хотя и незаконченная, но довольно опредѣленная—

Кто правду хочетъ знать, то вы мнѣ повѣрьте
Но насвѣтъ безъ смертной и тотъ неможетъ быть
безъ смерти....

Кое что бы еще я написалъ....
Но кабы ты въ крамолу не попала
Мать моя ведь ты шла за бѣдняка
Нужду и бѣдность испытала.

Шаблонами, самостоятельными произведеніями далеко еще не исчерпывается поэзія кладбища. Съ теченіемъ времени и поэзія кладбища должна была испытать на себѣ вліяніе литературы книжной. Не могла она замѣниться исключительно въ себѣ самой и это тѣмъ болѣе, что—съ одной стороны—развитіе грамотности дѣлало наиболѣе извѣстными произведенія писателей, а—съ другой стороны—тотъ же фактъ приводилъ и къ болѣе строгимъ требованіямъ по отношенію къ формѣ литературныхъ произведеній. Теперь уже не удовлетворялись той элементарной формой, что была раньше. Вкусъ былъ болѣе развитъ.

Наконецъ и то,—что въ художественной литературѣ можно было найти болѣе яркое, рельефное отраженіе тѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ человѣка въ моменты, когда онъ сталкивается съ фактомъ смерти. Да эти произведенія часто могутъ быть приспособлены къ почвѣ, отвѣчать характеру лица болѣе, чѣмъ, напр., ходовые шаблоны. Не говорю уже о формѣ и содержаніи этихъ произведеній—то и другое безукоризненно.

Съ фактами заимствованія произведеній изъ книжной литературы мы встрѣчаемся особенно въ послѣднія десятилѣтія.

Въ области этихъ фактовъ мы замѣчаемъ два рода явленій. Помѣщаются на памятникахъ стихотворенія, имѣющія чисто вмѣшную связь съ памятью умершаго.

Напр, четырехстишіе изъ стихотворенія Лермонтова „Ангель“ —

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,—

помѣщенно на памятникъ по той причинѣ, что предъ смертью произнесла эти стихи умершая.

Или же стихи, любимые умершими при ихъ жизни.
Напр.,

Отворите окно, отворите!
Мнѣ недолго осталось жить,
А теперь на свободу пустите,—
Не мѣшайте страдать и любить...

Или,—другой примѣръ—

Пой, ласточка, пой!
Сердце успокой,
Ты эту пѣсню про сладость любви
Мнѣ еще разъ повтори!—

Тотъ и другой отрывокъ помѣщены, какъ любимыя и часто исполнявшіяся покойными вещи. Но фактовъ этого порядка сравнительно немного.

Больше тѣхъ произведеній литературы, которыя отвѣчаютъ настроенію, переживаемому близкими покойному людьми, или же такъ или иначе характеризуютъ покойнаго.

Въ этой плоскости фактовъ, мы, конечно, наблюдаемъ тѣхъ поэтовъ,—художниковъ, которые затрагивали мотивы о краткости земной жизни, объ ожиданіяхъ будущаго, о чувствахъ, переживаемыхъ при мысли о смерти. Форма этихъ произведеній—элегическая. Для иллюстраціи приведу нѣсколько примѣровъ. На одномъ изъ памятниковъ читаемъ:

„Помолитесь надъ этой могилой.
Она въ ней нашла пріютъ
Отъ всѣхъ земныхъ тревогъ.
Здѣсь все оставила она,

Что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ ея Спаситель Богъ
(1886 г.).

Стихотвореніе, повторяющее мысль послѣднихъ строкъ элегіи Жуковскаго „Сельское кладбище“. Оно нѣсколько измѣнено и это измѣненіе говоритъ о чисто внѣшнемъ отношеніи компилятора къ своей работѣ: слова „что въ немъ грѣховно было“ понятны будутъ только тогда, если мы вспомнимъ, что слово „въ немъ“ относится къ „земному міру“, о которомъ говоритъ Жуковскій, а не къ тому „пріюту“, какъ можно подумать по грамматическому строю кладбищенской редакціи. (Жуковскій. Полное собраніе сочиненій. Изд. Маркса вн. I. стр. 17).

Не послѣднее мѣсто занимаетъ въ ряду поэтовъ, популярныхъ въ кладбищѣ, Кольцовъ заключительными словами своей думы—„Послѣдняя борьба“.

Подъ крестомъ твоя могила,
На крестѣ—моя любовь. (Ср. Кольцовъ. Изд. Разр. из. слов. Имп. Ак. Н. 1909. стр. 106).

Одно изъ стихотвореній Надсона я уже приводилъ выше. Но вліяніе Надсона этимъ не ограничивается. Его поэзія болѣе всего отвѣчаетъ требованіямъ кладбища и настроенію грусти и печали. Среди стихотвореній встрѣчается его элегія:

Спи спокойно моя дорогая:
Только въ смерти желанный покой... и т. д.

(Надсонъ стр. 127). И Надсонъ болѣе счастливъ въ этомъ отношеніи. Его стихотворенія помѣщаются обычно въ ихъ цѣломъ видѣ, безъ измѣненій, какъ въ большинствѣ случаевъ по отношенію къ другимъ поэтамъ.

Въ цѣломъ видѣ, безъ измѣненія, помѣщенъ на одной надписи и извѣстный романсъ:

Ея ужъ нѣтъ, а я страдаю,
И сердце все болитъ о ней.... и т. д.

Можно указать еще на отрывокъ изъ новогреческихъ пѣсенъ Ап. Майкова: „Мать и дѣти“ —

Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори
Ночи звѣздныя плывутъ“. (Майковъ. т. II. Изд. Маркса. Изд. 9-е. СПб. 1893 стр. 184).

Но особенно любопытно то, что среди стихотвореній русскихъ писателей, повліявшихъ такъ или иначе на поэзію кладбища, мы найдемъ такое, которое трудно было бы ожидать, — стихотвореніе Лермонтова: „На смерть Пушкина“. Притомъ взяты стихи менѣе всего подходящіе къ кому либо другому, кромѣ Пушкина:

Свершилъ убійца преступленья,
За нимъ не вѣдая обидъ,
Погибли у юноши стремленья,
Къ познанью свѣта онъ убитъ.
Онъ, неожиданно сраженный,
Мученья перенести не могъ,
Упалъ безъ словъ окровавленный,
Увялъ торжественный вѣнокъ. (1906 г.)

И въ этомъ случаѣ, вѣроятно, придется сказать то же, что и о стихотвореніи Жуковскаго. Вліяніе чисто внѣшнее. За это говоритъ особенно фраза „мученья перенести не могъ“, употребленная здѣсь въ смыслѣ физическихъ страданій, чего нѣтъ въ стихотвореніи Лермонтова. (На заимствованія изъ оды Державина: „На смерть кн. Мещерскаго“ я уже указывалъ).

Едва ли не безъ вліянія литературы возникло и слѣдующее стихотвореніе:

Онъ родомъ князь и князь не титуломъ что сіяетъ,
Но слава лишь объ кѣмъ между людей вѣщаетъ.
Онъ князь былъ Божій рабъ и другомъ былъ людей,
Не дѣлалъ въ свѣтѣ зла, былъ ангелъ въ жизни сей.

Если не по формѣ въ немъ можно усмотрѣть вліяніе литературы, то во всякомъ случаѣ по мысли оно напомнитъ мысль изъ оды Державина: „Вельможа“

Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю;

Царю, закону, церкви другъ. (Державинъ. Сочиненія. 2-е Акад. изд. т. I. СПБ. 1868. стр. 433.),—или во всякомъ случаѣ слова Сумарокова: „тотъ сіятельный, который сердцемъ и разумомъ сіяетъ“. (Соч. г. VI. стр. 345).

Можно было бы увеличить число фактовъ этого порядка еще десяткомъ—двумя стихотвореній, но, думаю, что и приведенныхъ фактовъ вполне достаточно для выясненія того вліянія, какое оказываетъ литература на поэзію кладбища.

Укажу только, что это вліяніе не очень давнее. Эта струя можетъ быть отмѣчена за періодъ времени десятилѣтій. Здѣсь невольно опять наша мысль обращается къ аналогіи народной поэзіи, которая теперь переживаетъ переходную эпоху къ новому строю. Только тамъ этотъ новый элементъ прежде всего въ стихосложеніи и риѣмѣ: старый народно-тоническій стихъ исчезаетъ, пѣсня становится риэмованной. Здѣсь же, какъ въ литературѣ, сложившейся подъ вліяніемъ книжной, обязательны и риѣмы и литературно-тоническое стихосложеніе, но процессъ перерожденія въ томъ, что старыя, непосредственно на случай составленные стихи замѣняются произведениями художественной литературы. И, можетъ быть, и къ поэзіи кладбища приложимы ожиданія Н. И. Костомарова, высказанныя имъ по поводу современной народной пѣсни:— „Навѣрное можно ожидать, что распространеніе грамотности и книжнаго образованія убьетъ безсознательное... творчество“.

Казань.

Л. Ильинскій.

15. II. 10.

О памятниках идеографического письма крестьянок Скопинскаго уѣзда Рязанской губерніи ¹⁾).

Идеографическое письмо, какъ извѣстно, является самой начальной ступенью въ медленномъ процессѣ развитія человѣческой письменности. Извѣстно также, что нѣкоторые народы не пошли далѣе примитивнаго фигурнаго письма, продолжая пользоваться имъ и до настоящаго времени. Таковы, напримѣръ, индѣйцы С. Америки и другіе некультурные народцы. Культурныя націи, напротивъ, путемъ многовѣковыхъ упражненій выработали усовершенствованный алфавитъ, видоизмѣнивши первоначальныя идеограммы до неузнаваемости. Однако оказывается, что и въ средѣ культурныхъ народовъ идеограммы съ теченіемъ времени не уничтожились окончательно. Сослуживши свою службу въ качествѣ необходимой точки отправленія въ дѣлѣ выработки человѣческаго письма, онѣ не были преданы совершенному забвенію. Наиболѣе косныя массы цивилизованныхъ націй, тѣ массы, которыхъ еще не успѣли коснуться новыя завоеванія человѣческаго ума въ области письменности, часто по необходимости продолжали и продолжаютъ удовлетворять свои несложные умственные запросы идеограммами. Вотъ почему въ средѣ одного и того же народа идеографическое письмо нерѣдко уживается съ вполне развитой письменностью, являясь какъ бы ея допол-

¹⁾ Докладъ, читанный авторомъ 25 апрѣля текущаго года въ очередномъ собраніи Общества.

неніемъ. По отношенію къ русскому народу этотъ любопытный пережитокъ сѣдой старины въ свое время былъ констатированъ проф. Высоцкимъ, опубликовавшимъ образчикъ фигурнаго письма, найденный въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка среди крестьянъ Кузнецкаго уѣзда Саратовской губ. ¹⁾. При этомъ проф. Высоцкій высказалъ предположеніе о существованіи подобнаго рода письма и въ другихъ глухихъ уголкахъ Россіи, приглашая поспѣшить съ ихъ записью въ виду быстрого развитія грамотности. Въ 1904 г. на это приглашеніе отозвался г. Лабановъ, сообщившій о найденныхъ имъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ. такъ называемыхъ „биркахъ“ ²⁾.

Но уже самая скудость найденныхъ до сихъ поръ образчиковъ идеографическаго письма указываетъ на то обстоятельство, что послѣднее сохранилось лишь въ очень немногихъ мѣстностяхъ Россіи. Очевидно, что въ большинствѣ случаевъ оно, если и существовало ранѣе, то съ теченіемъ времени было забыто. Но оно могло быть и изобрѣтено вновь, при наличности благопріятныхъ для этого условій. Простая мысль о возможности изображенія понятій при помощи несложныхъ рисунковъ легко могла притти въ голову и современнаго малокультурнаго человѣка, незнакомаго съ общепринятою письменностью. Именно такой случай вполне самостоятельнаго воз-

¹⁾ Высоцкій. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма (Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Каз. Унив., т. VI, вып. 2, стр. 1—15).

²⁾ Лабановъ. Образцы идеографическаго письма изъ Чистопольскаго у. Казанской губ. (Извѣстія Общества Археол., Исторіи и Этнограф. при Импер. Каз. Унив., т. XX, стр. 349—354). Другіе случаи опубликованія въ Евр. Россіи образцовъ идеографическаго письма, понимаемаго въ смыслѣ начертанія фигурными значками цѣлаго ряда связанныхъ другъ съ другомъ понятій, мнѣ неизвѣстны. Что касается идеограммъ, употребляемыхъ въ качествѣ символовъ для единичныхъ и раздѣльныхъ понятій, то онѣ встрѣчаются у насъ въ изобиліи. Таковы знаки собственности (тамги, гербы, клейма), полевые знаки, пожарныя дощечки, рисунки на вывѣскахъ и другія фигурныя начертанія самыхъ различныхъ наименованій.

никновенія идеографическаго письма мнѣ и пришлось наблюдать зимою 1908 г. въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Скопинскаго уѣзда Рязанской губ. Здѣсь передъ нашими глазами повторился интересный процессъ возникновенія чело-вѣческой письменности, процессъ, который, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны изслѣдователей первобытной культуры. На самомъ дѣлѣ, случай подобнаго рода даетъ намъ возможность, такъ сказать, осязательно наблюдать самые первые шаги чело-вѣческаго ума въ дѣлѣ изобрѣтенія письменности.

Изобрѣтеніе упомянутыхъ мною идеограммъ принадле-житъ крестьянкѣ деревни Ерлинскихъ Выселокъ Катеринѣ Ефремовой или Бодакиной, 49 лѣтъ отъ роду. Надо замѣтить, что грамотность въ деревнѣ Ерлинскихъ Выселкахъ развита очень слабо—и то лишь среди подросткающаго поколѣнія. Люди зрѣлаго возраста—почти поголовно безграмотные. Никакихъ слѣдовъ употребленія фигурнаго письма ранѣе здѣсь не замѣчалось, такъ что о какомъ либо заимствованіи или преемственности не можетъ быть и рѣчи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что идеограммы были изобрѣтены именно Катери-ной Ефремовой, и при томъ безъ всякаго посторонняго влія-нія. Мнѣ кажется, что для уясненія процесса даннаго изобрѣ-тенія и для правильнаго пониманія характера самыхъ идео-граммъ нелишне привести здѣсь автобіографію этой крестьян-ки, записанную съ ея словъ моимъ отцемъ, священникомъ села Ерлина. „Росла я въ Рождествинѣ, рассказываетъ Ка-терина. Мать моя прохворала 7 лѣтъ (на ней была чахотка и была она покрикуша). Умерла мать, отецъ женился на другой. Мачиха меня не обижала и не ласкала. На 19-мъ году меня просватали. Поѣхала я съ отцемъ въ городъ за приданымъ. Подходить тамъ ко мнѣ старичекъ въ солдатской одеждѣ и говоритъ: „Ты, дѣвушка, просватава?“—„Просва-тана“.—„Одинъ годъ ты будешь счастлива, а остальная жизньъ твоя будетъ горькая; запомни мои слова“—и ушелъ. Есть люди, которые знаютъ, что будетъ впереди.

„Болѣе года я прожила съ мужемъ по хорошему. Напала на меня свекровь, стала обвинять въ колдовствѣ. Объ этомъ она постоянно твердила моему мужу и всѣмъ домашнимъ. „Смотри, говоритъ она однажды при мнѣ моему мужу, твоя жена выпустила изъ подъ задника трехъ куръ и двухъ пѣтуховъ“. „Я не вижу ни куръ, ни пѣтуховъ“, сказалъ мужъ. „Ты не видишь, а я вижу“, отвѣтила мать. Приходитъ деверь со двора и говоритъ моей свекрови, что на дворѣ не ладно. „Вотъ какое ужъ утро я замѣчаю, что кобыла въ поту, словно кто на ней ѣздитъ ночью“. „У насъ есть кому ѣздить“, сказала свекровь и взглянула на меня. А около меня стоялъ телокъ, привязанный къ лавкѣ. Этотъ телокъ ни съ того, ни съ сего какъ зареветъ дурнымъ голосомъ, прыгнулъ на лавку и стоитъ. Послѣ этого случая домашніе стали вѣрить, что я—колдунья. Заболѣла однажды неvěстка и кричить ночью: „тяжко мнѣ, тошно мнѣ“. Свекровь подняла меня съ постели, вытолкнула вонъ изъ избы на морозъ, и неvěсткѣ легчало.

„Съ свекоромъ и свекровью мы прожили 10 лѣтъ. При нихъ мужъ не пилъ. Умерли старики, мужъ раздѣлился съ братомъ, все прогулялъ, ушелъ на сторону, а меня съ ребятами оставилъ безъ хлѣба и топки. Я стала кормиться сумой. Но это еще не горе. Горе было впереди. Былъ у меня сынъ Алеша. Сосѣдка позвала его картофельъ выбирать изъ ямы—пошелъ. Сосѣдка отошла изъ ямы въ избу, а Алешу тѣмъ временемъ задавило въ ямѣ землей. Много я о немъ плакала и молилась, и хотѣлось мнѣ знать, каково ему на томъ свѣтѣ. Однажды днемъ я долго молилась и просила Матерь Божію, чтобы она дала увидѣть мнѣ Алешу и сказать съ нимъ два слова. Молилась я и разговаривала съ Царицей Небесной какъ съ живой, и показалось мнѣ, что Она сейчасъ же исполнить мою просьбу. Легла я на задникъ, оперлась на локоть, положила голову на ладонь и закрыла глаза. Въявѣ ли или во снѣ—не знаю, только вижу: входитъ Алеша мой. Я обрадовалась, обняла его и стала спрашивать. Алеша

сказалъ, что жить ему хорошо, что онъ тамъ учится. Я покормила его грудью (Алеша умеръ 9-ти лѣтъ). Тутъ Алеша пропалъ. Я открыла глаза—никого нѣтъ. Но, повидавшись съ Алешей, я такъ обрадовалась, что принялась смѣяться. Съ этихъ поръ я стала меньше горевать о смерти Алеши и стала вѣрить, что Господь слышитъ мою молитву.

„Ходила я побираться по чужимъ деревнямъ, часто запаздывала и боялась.. Сказали мнѣ добрые люди, что, кто знаетъ читать псаломъ „Живый въ помощи“, тотъ во всякое время можетъ ходить и ничего не бояться. Стала я искать человѣка, какой знаетъ этотъ псаломъ. Указали на старика Зота; оказалось: онъ знаетъ, да не весь. Сказали про Алешу Гришина. Тотъ мнѣ прочелъ весь. Запомнить я не могла, записать не умѣла. Вотъ и стала я придумывать, какъ бы мнѣ записать псаломъ и заучить. И придумала такіе значки, какими пишу сейчасъ“.

Приведенный безхитростный рассказъ живо рисуетъ намъ ту культурную и матеріальную обстановку, въ которой вращалась Катерина. Мы видимъ, что несчастная жизнь выработала изъ нея не совсѣмъ нормальнаго человѣка. Это особа крайне нервная, нерѣдко страдающая галлюцинаціями. Сильное религіозное чувство, особенно развившееся у нея послѣ гибели сына, граничитъ съ религіознымъ помѣшательствомъ. Изобрѣтеніе идеограммъ было вызвано у Катерины настоятельной необходимостью. Ея письмо—не забава. Оно служитъ высшей цѣли—записи священнаго текста. Когда я попросилъ Катерину записать какое либо свѣтское произведеніе, она рѣшительно отказалась, несмотря на всю мягкость своей натуры. Запись свѣтскихъ (или „балясныхъ“, какъ она выражается) произведеній—величайшее преступленіе. Идеограммы предназначены исключительно для заучиванія молитвы. Этимъ опредѣляется и характеръ самыхъ значковъ. Прежде всего они предназначены для личныхъ цѣлей изобрѣтательницы: требуется записать молитву такъ, чтобы потомъ самой имѣть возможность прочесть ее. Далѣе требуется записать

не простой только смыслъ молитвы, а удержать самую ея терминологию, по возможности не измѣняя звукового выраженія понятій. Въ противномъ случаѣ, по мнѣнію нашего простонародья, вся сила молитвы теряется. Мы увидимъ, что Катерина старалась изображать даже такіа слова молитвы, которыя являлись для нея совершенно непонятными.

Обращаемся къ разсмотрѣнію образцовъ ея письменности. Псаломъ 90-й „Живый въ помощи Вышняго“ она изобразила въ такомъ видѣ (см. табл. 1—2).

Значеніе отдѣльныхъ фигуръ слѣдующее:

Ф. 1—измятая солома—является заглавнымъ знакомъ для обозначенія понятія „псаломъ“. Въ данномъ случаѣ К. руководствовалась звуковымъ соотвѣтствіемъ между терминами „псаломъ“ и „солома“.

Ф. 2 состоитъ изъ двухъ крючковъ и вертикальной линіи. Это—условный знакъ для обозначенія первыхъ трехъ словъ молитвы „Живый въ помощи Вышняго“. Начало псалма К. твердо знала наизусть, почему и не сочла нужнымъ записать его особыми идеограммами, ограничившись двумя ничего незначащими начертаніями съ изображеніемъ идущей вверхъ линіи („Вышняго“).

Ф. 3—крыша съ крестомъ внизу—озн. „въ кровѣ Бога Небеснаго“.

Ф. 4—заборъ для двора—озн. „водворится“.

Ф. 5—два кружка—озн. рядъ словъ, образующихъ рѣчь („речеть“).

Ф. 6—крестъ—символь „Господеви“.

Ф. 7—человѣкъ, огражденный со всѣхъ сторонъ заборомъ—озн. „Защитникъ мой еси“.

Ф. 8—двѣ ноги—озн. „прибѣжище мое“.

Ф. 9—крестъ—озн. „Богъ мой“.

Ф. 10 изображаетъ что либо развѣвающееся по вѣтру, напр., паклю, повѣшенную на палку, тряпку и т. п. Рисунокъ напоминаетъ вѣтеръ, который поднимаетъ легкіе предметы и заставляетъ ихъ опять падать на землю. Это—знакъ для

термина „упова“, смыслъ котораго К. совершенно не понимаетъ и почему то производить его отъ слова „падать“.

Ф. 11—условный знакъ для обозначенія термина „яко“.

Ф. 12, представляющая изъ себя точное повтореніе фигуры 7-й, ozn. „избавить мя“.

Ф. 13—сѣкира или топоръ—ozn. „сѣти“, произносимое К. какъ „сѣкй“ (отъ сл. „сѣчь“, „рубить“).

Ф. 14 есть повтореніе ф. 5-й и ozn. „словесе“.

Ф. 15—плечи—ozn. „плещма“.

Ф. 16—крылья—ozn. „подъ крилѣ“.

Ф. 17—ружье—ozn. „оружіемъ“.

Ф. 18 есть фантастическое изображеніе „нощнаго страха“.

Ф. 19—лукъ и стрѣла—ozn. „отъ стрѣлы летящія“.

Ф. 20—солнечный дискъ—ozn. „во дни“.

Ф. 21—аналог. съ ф. 18, ozn. „вещи, во тѣмѣ преходящія“.

Ф. 22—бѣсъ.

Ф. 23—нѣсколько наклоненныхъ къ землѣ предметовъ—ozn. „падетъ отъ страны твоея тысяща“.

Ф. 24 состоитъ изъ двухъ частей и ozn. „къ Тебѣ же не приблизится“. Въ первой части изображены двѣ линіи—два предмета, стремящіеся приблизиться другъ къ другу, на что указываетъ горизонтальная черта посрединѣ. Во второй части изображены тѣ же двѣ линіи, но уже безъ горизонтальной черты. Отсутствіе послѣдней указываетъ на то, что усилія двухъ предметовъ приблизиться другъ къ другу успѣхомъ не увѣнчались.

Ф. 25—дубина—ozn. „обаче“. Терминъ „обаче“ К. производитъ отъ мѣстнаго провинціализма „обачить“ или „убачить“, т. е. ударить дубиною.

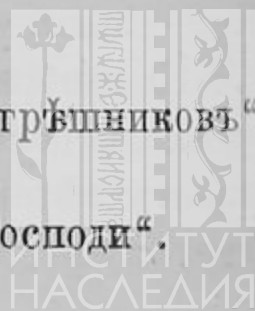
Ф. 26—глаза или очи—ozn. „очима“.

Ф. 27—то же самое—ozn. „узриши“.

Ф. 28—изображеніе человѣка—ozn. „грѣшниковъ“.

Ф. 29—повтореніе ф. 11—ozn. „яко“.

Ф. 30—повтореніе ф. 6 и 9—ozn. „Господи“.

Ф. 31—нѣсколько измѣненное повтореніе ф. 10—озн. „упованіе мое“.

Ф. 32—повтореніе ф. 8—озн. „прибѣжище“.

Ф. 33—упрощеніе ф. 24—озн. „не приидеть“.

Ф. 34—зіяющее отверстіе раны съ текущей изъ нея кровью—озн. „рана“.

Ф. 35—повтореніе ф. 33—озн. „не приблизится“.

Ф. 36—„тѣлеси твоему“.

Ф. 37—„яко“.

Ф. 38—„ангеломъ“.

Ф. 39—повтореніе ф. 5—озн. „заповѣсть“.

Ф. 40—повтореніе ф. 3 и 12—озн. „сохранить ты“.

Ф. 41—двѣ дороги—озн. „на всѣхъ путяхъ твоихъ“.

Ф. 42—„на рукахъ“.

Ф. 43—„да не когда преткнеши о камень ногу твою“.

Ф. 44—„на аспидѣ“. Аспидъ почему то изображенъ въ видѣ кувшина.

Ф. 45—фантастическое изображеніе „василиска“.

Ф. 46—„левъ“.

Ф. 47—„и попереси змія“.

Ф. 48—„яко“

Ф. 49—изображаетъ *намятую* коноплю и озн. „на мя“.

Не понимая значенія слова „на мя“, К. связала его съ родственнымъ по звуковому составу словомъ „намять“.

Ф. 50—повтореніе ф. 10—озн. „упова“.

Ф. 51—человѣкъ подъ крышей—озн. „покрыю и“.

Ф. 52—есть то же изображеніе слова или имени, которое мы находимъ въ ф. 5, но въ увеличенномъ объемѣ, такъ какъ это имя „Мое“, т. е. Божіе.

Ф. 53—человѣкъ, къ уху котораго направлено слово—озн. „воззоветъ ко мнѣ“.

Ф. 54—рядъ кружковъ, соединенныхъ линіей внизу—озн. совокупность несчастій, „скорби“.

Ф. 55—два креста, соединенныхъ линіей внизу—озн. „прославлю его“.

Ф. 56—ряды солнечных кругов—озн. „долготу дней“.

Ф. 57—человѣкъ, окруженный ореоломъ святости—озн. „явлю ему спасеніе Мое“.

Данный псаломъ К. записала безъ посторонней диктовки, по собственной памяти. Она изобразила его такъ, какъ ранѣе заучила. Этимъ и объясняется искаженіе отдѣльных мѣстъ, пропуски терминовъ и цѣлыхъ выраженій. Я попросилъ ее записать нѣсколько неизвѣстныхъ ей молитвъ экспромтомъ, подъ мою диктовку. Въ качествѣ примѣра такой записки приведу изображеніе псалма „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ (См. табл. 3—4).

Ф. 1—есть повтореніе 1-й ф. вышеприведенной молитвы и опять озн. слово „псаломъ“.

Ф. 2—двѣ струи текущей воды—озн. „на рѣкахъ“.

Ф. 3—косматый черный человѣкъ—„нехристь“, т. е. вавилонянинъ—озн. „вавилонскихъ“.

Ф. 4—человѣкъ плачущій—озн. „тамо сѣдохомъ и плакахомъ“.

Ф. 5—изображаетъ башню рядомъ съ горой. Это—символь Сіона. Среди этого Сіона растеть дерево, на которомъ повѣшенъ музыкальный инструментъ. Все вмѣстѣ должно обозначать: „всегда помянути намъ Сіона. На вербіихъ посреда́ его обѣсихомъ органы наша“.

Ф. 6—усл. знакъ, обознач. терм. „яко“.

Ф. 7—три кружка—слова, а подъ ними широкая полоса—символь земли—озн. „тамо вопросиша ны“.

Ф. 9—изображаетъ двухъ черныхъ людей—вавилонянъ, а ф. 8 поясняетъ, что это тѣ самые вавилоняне, которые посадили нѣсколькихъ человѣкъ въ темницу. Все вмѣстѣ озн. „плѣншіи насъ“.

Ф. 10—двѣ дороги и человѣкъ въ концѣ ихъ—озн. „и ведшіи насъ“.

Ф. 11—рядъ соединенныхъ вмѣстѣ кружковъ—словъ—озн. „отъ плѣній“.

Ф. 12—нѣкоторое видоизмѣненіе предыд. ф.—озн. „воспойте“.

Ф. 13—вавилонянинъ, который требуетъ пѣть пѣсни—озн. „намъ“.

Ф. 14—кружки—слова, помѣщенные въ срединѣ той Сіонской горы, которая изобр. въ ф. 5—озн. „отъ пѣсней Сіонскихъ“.

Ф. 15—изображаетъ два кружка—символы двухъ пѣсенъ. Стоящіе подъ ними кресты указываютъ, что это пѣсни Господни. Внизу изображена земля. Все вмѣстѣ должно обозначать: „Како воспоимъ пѣснь Господню на земли чуждѣй“.

Ф. 16—причутливое изображеніе Іерусалима.

Ф. 17—изображаетъ руку съ крестомъ вверху—символомъ забвенія. Обѣ фигуры означаютъ: „Аще забуду Тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя“.

Ф. 18—„прильпни языкъ мой къ гортани моему“.

Ф. 19—изображаетъ человѣка съ бусами на шеѣ, т. е. женщину. Рѣка внизу указываетъ, что это—женщина съ Вавилонской рѣки, а рога на головѣ служатъ признакомъ того, что она—окаянная. Все это озн. „дщи вавилоня окаянная“.

Ф. 20—два соединенныхъ креста, указывающихъ на блаженство, и протянутая рука—озн. „блаженъ иже иметь“.

Ф. 21—человѣкъ, падающій на камни—озн. „и разобьетъ младенцы твои о камень“.

Изъ другихъ записей я приведу только нѣкоторые, наиболѣе характерные отрывки¹⁾. Начало молитвы „Къ Тебѣ, Владыко, Человѣколюбче“ изображено такимъ образомъ (См. табл. 4).

Ф. 1—черта, направленная къ кресту—озн. „Къ Тебѣ, Владыко“.

Ф. 2—состоитъ изъ двухъ частей—изображенія человѣческаго лица и изобр. калача или кренделя. Озн. „человѣко-“

¹⁾ Двѣ вышеприведенныхъ молитвы записаны Ефремовой въ декабрѣ 1908 г. Слѣдующіе образцы, доставленные мнѣ моимъ братомъ, студ. С. Петерб. Университета С. П. Граціанскимъ, написаны въ февралѣ текущаго 1910 г. Какъ видимъ изъ таблицъ, эволюція письма сказалась въ томъ, что рисунки стали получать болѣе тщательную отдѣлку.

любче“. Для выраженія отвлеченнаго понятія „любче“ нари-
сованъ калачъ, какъ самое любимое кушанье К-ны.

Ф. 3—встающій съ постели человѣкъ—озн. „отъ сна
возставъ“.

Ф. 4—двѣ ноги—озн. „прибѣгаю“.

Изображеніе отрывка евангельскаго текста о крещеніи
І. Христа такое (См. табл. 5).

Ф. 1—изображаетъ протяженіе времени и означ. „во
время оно“.

Ф. 2—„Иисусъ“.

Ф. 3—изображаетъ зорю и означ. „на зарѣ“ (вм. Наза-
рета).

Ф. 4—„крестися“.

Ф. 5—„отъ Іоанна“.

Ф. 6—„во Іорданѣ“.

Ф. 7—„восходя отъ воды“.

Ф. 8—„разводящаяся небеса“.

Ф. 9—„Духъ“

Ф. 10—„яко голубъ“.

Ф. 11—„глазъ (гласъ) съ небесе“.

Ф. 12—ребенокъ и крестъ—озн. „Сынъ мой“.

Ф. 13—калачъ—озн. „возлюбленный“.

Ф. 14—намятая конопля—озн. „на мя“ (вм. „о немъ
же“).

Въ молитвѣ „Милосердія двери отверзи намъ“ (Табл. 5)
отвлеченное понятіе „Милосердіе“ обозначено (ф. 1) изобра-
женіемъ хлѣба, увѣнчаннаго крестомъ (хлѣбъ, подаваемый въ
качествѣ милостыни).

Ф. 2—озн. „двери отверзи намъ“.

Ф. 3—„благословенная Богородице“.

Ф. 4—„надѣющіеся на тя да не погибнемъ“.

Ф. 5—„но да избавимся“.

Ф. 6—„Тобою“.

Ф. 7—„отъ бѣдъ“.

Ф. 8—„Ты бо еси спасеніе“.

Ф. 9—„рода христіанскаго“.

Приведенныхъ образчиковъ достаточно, чтобы судить о характерѣ письменности крестьянки Ефремовой. Ея идеограммы можно подраздѣлить на четыре разряда. Однѣ изъ нихъ представляютъ изъ себя прямые рисунки тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ молитвѣ; другія—символы этихъ предметовъ; третьи—изображенія предметовъ, звуковое наименованіе которыхъ подходитъ къ звуковому составу словъ молитвы; наконецъ, четвертыя—простые условные знаки. Есть любопытные случаи употребленія пояснительныхъ фигуръ, нѣсколько напоминающихъ детерминативы Египетскихъ гіероглифовъ. Въ цѣломъ письмо представляетъ изъ себя рядъ грубо исполненныхъ значковъ, предназначенныхъ для закрѣпленія въ памяти извѣстнаго текста¹⁾. Письмо не лишено нѣкотораго остроумія, но въ общемъ крайне примитивно и наивно. Приемы записи разнообразны. Твердыхъ принциповъ письма еще не установлено. Определенные знаки выработаны лишь для очень немногихъ понятій. Въ остальныхъ случаяхъ открыто широкое поле для фантазіи. Словомъ, это яркій примѣръ первыхъ блужданій человѣческаго ума въ поискахъ письменности.

Интересно сравнить только что рассмотрѣнныя идеограммы съ другими извѣстными намъ образцами идеографической письменности. При всемъ внутреннемъ сходствѣ тѣхъ и другихъ, между ними замѣчается и очень большая разница²⁾.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ мексиканскими идеограммами, предназначенными для записи латинскаго текста молитвы «Pater noster» (См. Тайлоръ. Антропология, русск. перев. д-ра Ивина. С.П.Б. 1882, стр. 167).

²⁾ Исключеніе составляютъ фигурныя начертанія, найденныя въ Skebbergvall'ѣ (Швеція) и среди эскимосовъ. По своему внѣшнему виду эти начертанія очень близко подходятъ къ Рязанскимъ идеограммамъ. (См. Lepoint. Histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres médiques, t. I, pp. 403, 405. Neuvième ed. Paris. 1881).

Эта разница касается внѣшняго вида рисунковъ. И въ Сѣв. Америкѣ, и въ Саратовской губ. (не говоря уже о Египетскихъ гіероглифахъ и древне-китайскомъ письмѣ) фигуры чрезвычайно упрощены, такъ что въ концѣ концовъ онѣ сводятся къ простымъ геометрическимъ линіямъ ¹⁾. Въ Рязанской губ. фигуры, напротивъ, почти всегда очень усердно разрисованы. Разница будетъ еще болѣе замѣтна, если мы возьмемъ тѣ идеограммы Ефремовой, которыя имѣютъ цѣлью не записъ молитвъ, а изображеніе различныхъ событій ея жизни. Такова, напримѣръ, ея автобіографія ²⁾. Здѣсь геометрическія линіи почти совершенно отсутствуютъ. Лица и предметы изображены такъ, какъ они встрѣчаются въ природѣ. Правда, и у Ефремовой замѣчается стремленіе къ упрощенію. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ ея рисункахъ схвачены лишь самые общіе кон-

¹⁾ См. для образчика изображенія на табл. 9 (заимств. изъ статьи проф. Высоцкаго). Съ лѣвой стороны (вверху) помѣщенъ разсказъ объ экспедиціи знаменитаго индѣйскаго начальника Майнгуна или «Волка» черезъ Верхнее озеро. Участники экспедиціи отправились на пяти лодкахъ. Главный союзникъ Волка Кишкемунаси, т. е. «Зимородокъ» ѣдетъ въ первой лодкѣ. Сводъ съ тремя кружками подъ нимъ есть изображеніе неба и трехъ солнцъ. Рисунокъ означаетъ, что путешествіе продолжалось три дня. Черепаха (эмблема земли), повидимому, знаменуетъ благополучное окончаніе экспедиціи. Наконецъ, изображеніе начальника сидящимъ на конѣ показываетъ, что экспедиція происходила послѣ того времени, какъ лошади были введены въ Канаду.

Съ правой стороны помѣщенъ списокъ съ письма, полученнаго солдатомъ Никитою Колесниковымъ, въ Петербургѣ, отъ своихъ родныхъ, изъ Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ. Значеніе отдѣльныхъ фигуръ слѣдующее: 1—коса съ ручкой обозн. родного брата Никиты (получившаго письмо) Ѳедора, 2—привязанная лошадь, 3—домъ, 4—три солнца, 5—земля, 6—женщина, 7—вода, 8—трое дѣтей, 9—отсутствіе хлѣба, 10—деньги на лошади, 11—женщина семейства Косы-Цапля, 12—два кольца катятся, 13—колесо. Смыслъ письма таковъ: «твой (Никитинъ) братъ Ѳедоръ (обладающій семейнымъ знакомъ косы и личнымъ-ручкой) пріѣхалъ домой (онъ, какъ извѣстно было Никитѣ, ѣздилъ въ извозъ въ Элтонъ); по прошествіи трехъ дней, умеръ; жена его плачетъ, а трое дѣтей голодныя сидятъ. Никита! пришли денегъ. Племянница твоя Цапля обручилась съ Петромъ Колесниковымъ.»

²⁾ См. табл. 6—8. Смыслъ отдѣльныхъ рисунковъ слѣдующій: 1—Катерина осталась сиротой. 2—Она вышла замужъ. 3—Мужъ бросилъ Кате-

туры изображаемыхъ предметовъ. Однако случаи подобнаго рода очень немногочисленны. Таковы, напримѣръ, идеограммы, изображающія понятія „небо“, „солнце“, „слово“ и др. Повидимому, превосходство подобнаго рода идеограммъ сознается и самою изобрѣтательницею. Она крѣпко держитъ ихъ въ своей памяти и старается употреблять при каждомъ благопріятномъ случаѣ. Надо думать, что съ теченіемъ времени число упрощенныхъ идеограммъ будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, пока разрисовка фигуръ не исчезнетъ окончательно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно въ такомъ направленіи шла выработка идеографическаго письма въ Америкѣ и у насъ въ Россіи, среди крестьянъ Саратовской губ.

Нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что упрощенныя фигуры письма кр. Ефремовой поразительно сходны съ другими письменами подобнаго же рода. Мы видѣли, что для изображенія понятія „вода“ Ефремова употребляетъ волнообразную линію. Этотъ рисунокъ очень близко подходитъ къ изображенію воды въ извѣстномъ письмѣ крестьянъ Саратовской губ., въ одномъ африканскомъ письмѣ и въ Египетскихъ гіероглифахъ. Начертаніе китайскаго слова „вода“ тоже очень похоже на это изображеніе. Солнечный кругъ, какъ символъ понятія „день“, употребляется во всѣхъ извѣстныхъ намъ идеограммахъ, между прочимъ и у Ефремовой. Изображеніе раскрытаго рта служитъ для обозначенія понятія „слово“ и въ Рязанской губ. и въ древнемъ Египтѣ. Дугообразная линія почти вездѣ является символомъ неба. Наконецъ, изображеніе хлѣба тождественно и въ Рязанской

рину и гуляетъ съ чужой бабою. 4—Катерина возвращается домой съ собранной милостынею. 5—Она сидитъ пригорюнившись за столомъ съ голодными дѣтьми, а мужъ лежитъ на полу пьяный. 6—Пьяный мужъ бьетъ Катерину, а дѣти въ испугѣ разбѣгаются. 7—Алешу задавило землей въ картофельной ямѣ. 8—Катерина молится Богу. 9—Она лежитъ на задникѣ. 10—Разговоръ съ выходцемъ съ того свѣта—Алешей.

и въ Саратовской губ. и въ Египетскихъ гіероглифахъ ¹⁾. Подобнаго рода сходство—одно изъ интереснѣйшихъ явленій культурной исторіи человѣчества.

Крестьянка Ефремова изобрѣла свои знаки три года тому назадъ. Мужское населеніе ея родной деревни отнеслось къ этому изобрѣтенію въ высшей степени пренебрежительно; женское, напротивъ, имъ очень заинтересовалось. Дочь Ефремовой—двѣнадцатилѣтняя дѣвочка—съ успѣхомъ усваиваетъ письмо своей матери. Находятся и другія подражательницы. Можно надѣяться, что идеографическое письмо найдетъ себѣ здѣсь довольно широкое распространеніе и не такъ скоро исчезнетъ подъ вліяніемъ развитія грамотности. Съ теченіемъ времени письмо это, конечно, будетъ претерпѣвать разнаго рода измѣненія. Мнѣ кажется, что было бы не безынтересно внимательно прослѣдить характеръ этихъ измѣненій въ будущемъ.

Н. Граціанскій.

¹⁾ Для иллюстраціи сказаннаго см. т. 9. Здѣсь внизу) помѣщена сравнительная табличка идеографическихъ начертаній воды, дня, слова, неба, хлѣба и ногъ въ Рязанской (1), Саратовской губ. (2), С. Америкѣ (3), Египетскихъ гіероглифахъ (4), древне-китайскомъ (5) и Африканскомъ письмѣ (6). Матеріалъ для сравненія взятъ изъ цитированной статьи проф. Виссоцкаго и книги Lenormant'a Histoire ancienne de l'Orient, тт. I et III. Neuv. ed. Paris. 1881—1883.

4.

Handwritten signature or title at the top center of the page.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ис-та Красивейшей
и Музейной работы

33.

34.

35.

36.

38.

37.

39.

40.

41.

42.

43.

44.

45.

46.

47.

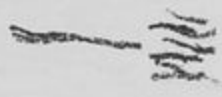
48.

49.

50.

51.

52.

53.

54.

55.

56.

57.

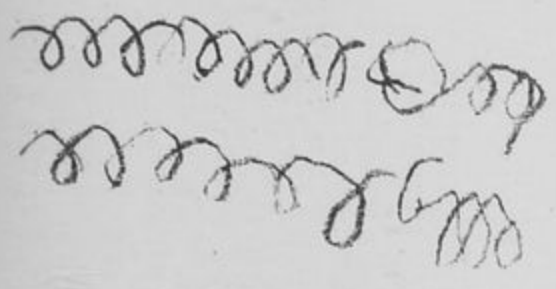
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИ Иста Краеведческой
и Музейной работы

2.

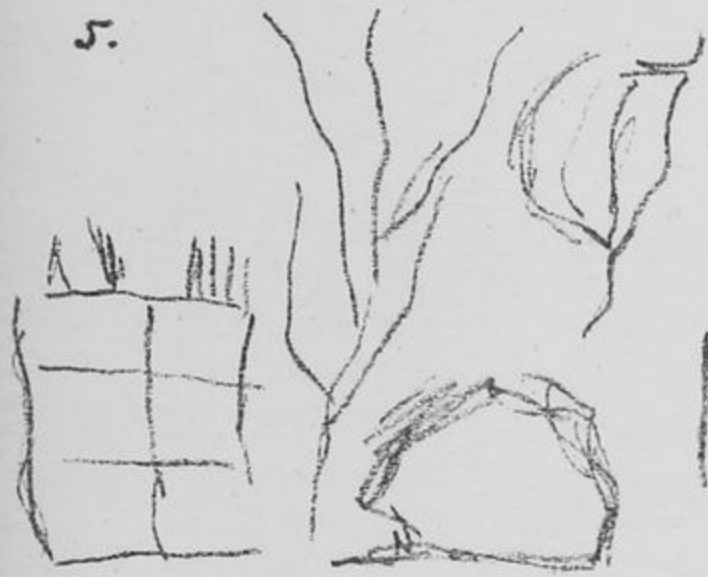
3.

4.

5.

6.

7.

8.

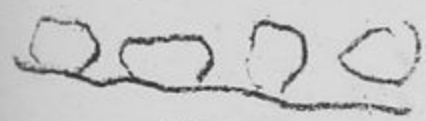
9.

10.

11.

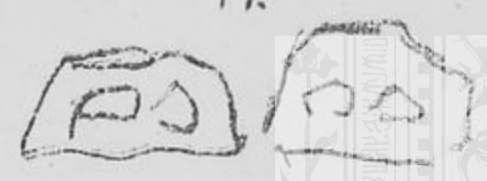
13.

12.

14.

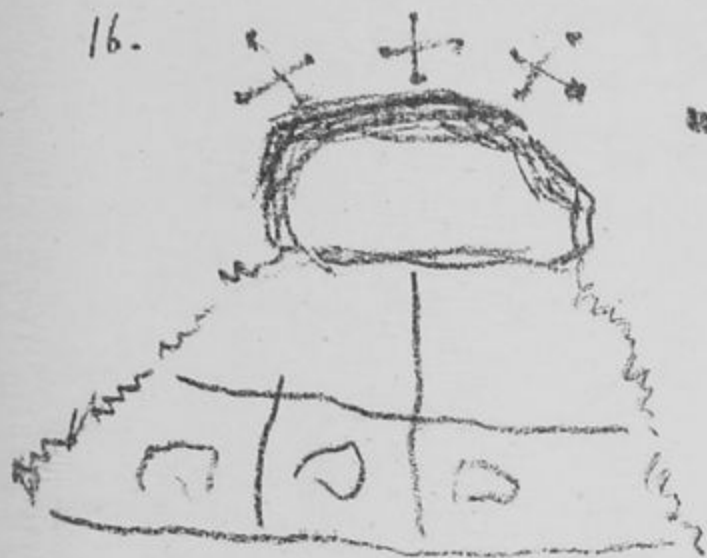
15.

Библиотека
НИИ-та Краеведческой
и Музейной работы

16.

17.

18.

19.

20.

21.

1.

2.

3.

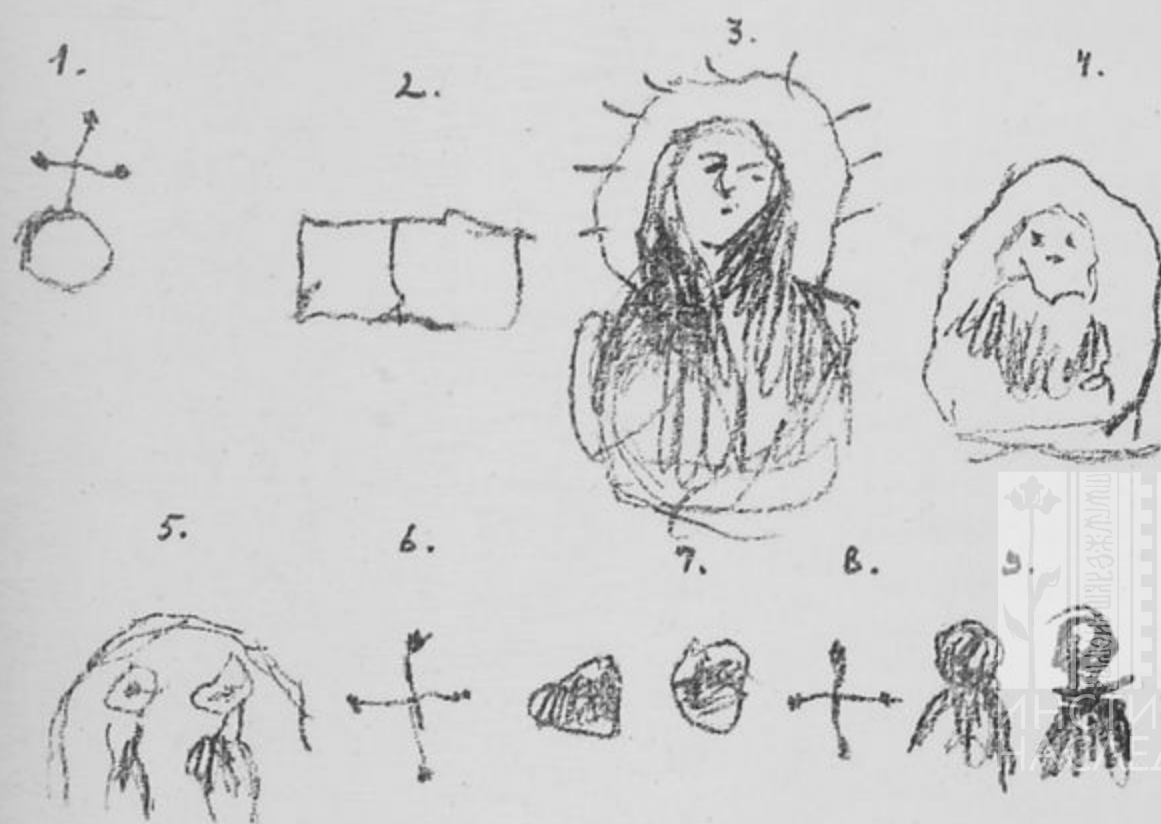
4.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ
ИЗВЕСТИЯ

БИБЛИОТЕКА
НИИ краеведческой
и музейной работы

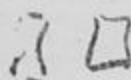
1.

2.

3.

4.

5.

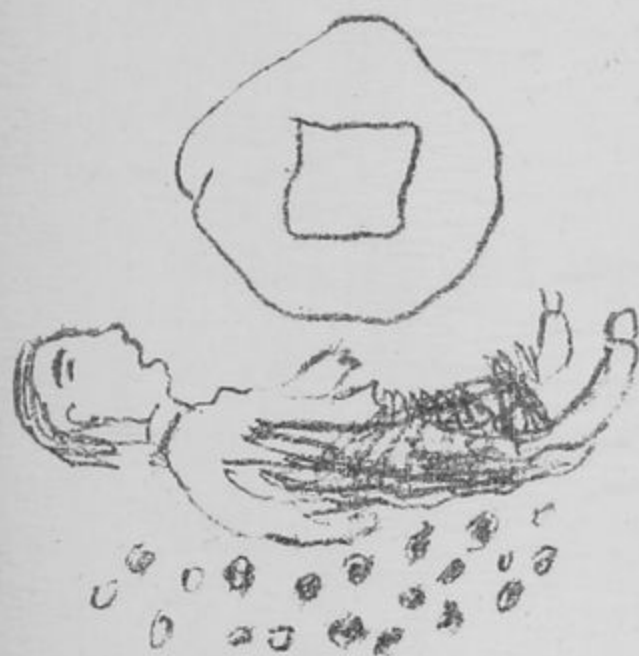
БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Криведческой
и Музейной работы

6.

7.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

8.

9.

10.

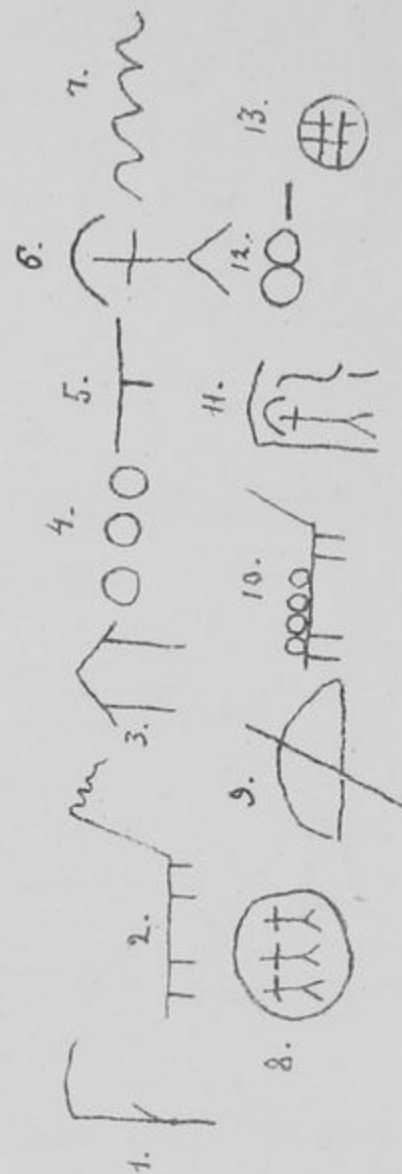
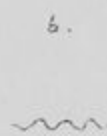
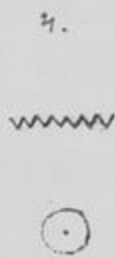
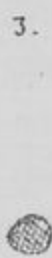
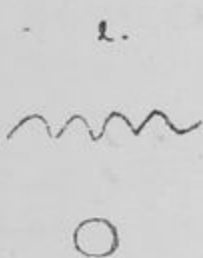
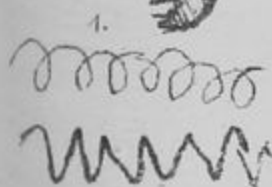
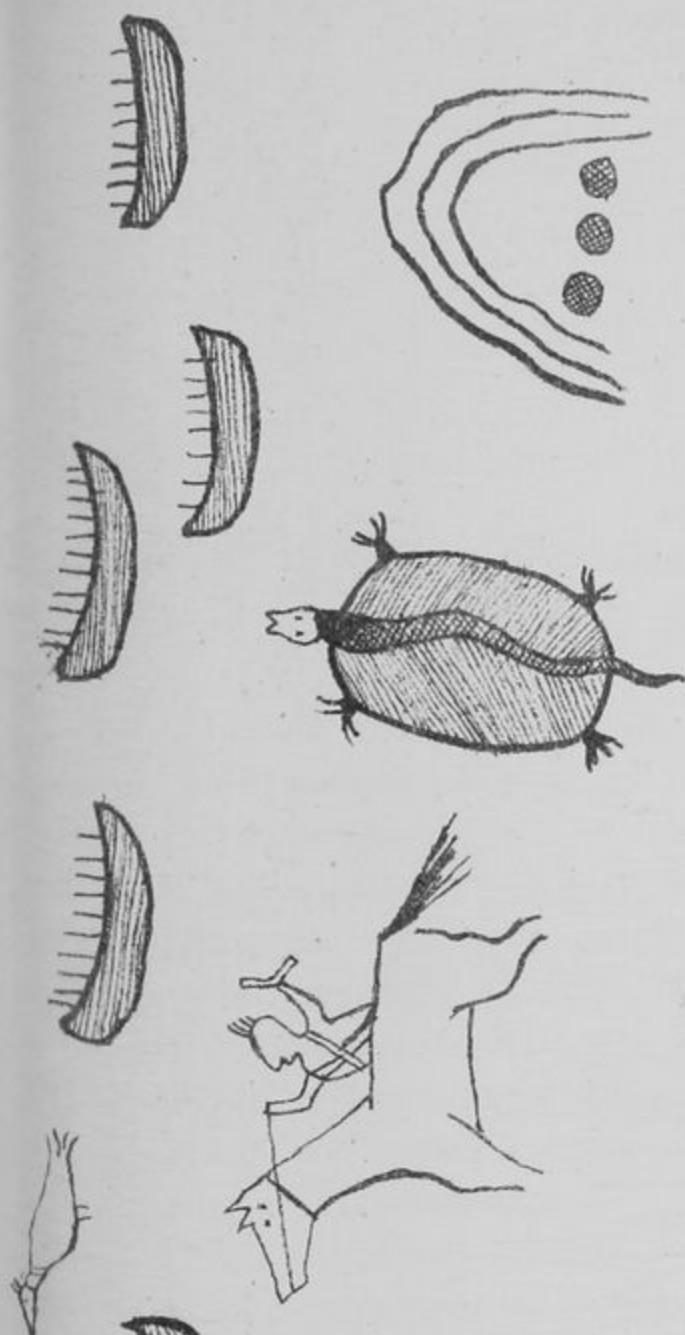

33

БИБЛИОТЕКА
НИИ та Краеведческой
и Музейной работы

Серебряный рубль Суздальско - Нижегородскаго князя Василя Кирдяпы.

Въ сентябрѣ 1899 г. въ г. Казани, въ Сибирскихъ номерахъ, у прїѣзжаго изъ Астрахани нѣкоего Александрова мнѣ пришлось купить вмѣстѣ съ другими старинными монетами древній и очень рѣдкій серебряный рубль, который по клеймамъ, находящимся на немъ, можно отнести къ князю Суздальско-Нижегородскому Василю Димитріевичу Кирдяпѣ.

Василій Димитріевичъ Кирдяпа (1350—1403), старшій сынъ Димитрія—Θомы Константиновича, становится извѣстенъ по лѣтописямъ со второй половины XIV в.

По смерти Нижегородскаго князя Андрея Константиновича († 1365) онъ былъ посломъ отъ своего отца, законнаго преемника князя Андрея, къ князю Борису, занявшему Нижній Новгородъ, и въ Орду. Изъ Орды Василій привезъ отцу ярлыкъ на Владимірское великое княженіе. Отъ послѣдняго вн. Димитрій отказался въ пользу Московскаго князя, съ помощью котораго добился затѣмъ своей вотчины, причемъ сыну Василю отдалъ Суздаль. Чрезъ два года Кирдяпа упоминается по случаю похода съ отцемъ своимъ и дядей на Булатъ-Темира ¹⁾ (1367), въ 1370 г. онъ совершаетъ походъ на Казань противъ князя Асана, подъ 1374 г. ему приписывается избіеніе съ нижегородскими гражданами свиты татарскаго посла Сарайки. Въ походѣ русскихъ войскъ на болгаръ 1376 г. Кирдяпа съ братомъ Иваномъ стоялъ во главѣ нижегород-

¹⁾ Булатъ-Темиръ есть тотъ самый Золото-ордынскій царевичъ, которъ по «Древнему Лѣтописцу» въ 1361 году взялъ г. Болгары.

скаго войска своего отца. Чрезъ годъ онъ отыскиваетъ тѣло своего брата Ивана, утонувшаго въ р. Пьянѣ во время пораженія русскихъ полковъ татарами.

Затѣмъ имя Кирдяпы связывается съ Тохтамышемъ. Когда этотъ ханъ шелъ въ 1382 г. къ Москвѣ, чтобы отомстить Дмитрію Донскому за куликовскій позоръ, Нижегородскій князь Дмитрій, хотя войска его не участвовали въ Куликовской битвѣ, послалъ къ нему своихъ сыновей Василия и Семена, чтобы свидѣтельствовать свои чувства хану. Князья-братья сопровождали Тохтамыша до Москвы и убѣдили москвичей открыть ему ворота, поклявшись въ его добрыхъ намѣреніяхъ. Въ результатъ было ужасное кровопролитіе... Оставляя Москву, Тохтамышъ увелъ съ собой Кирдяпу въ качествѣ заложника. Протомившись въ Ордѣ четыре года, Василій Кирдяпа въ 1386 г. бѣжалъ оттуда, по дорогѣ былъ пойманъ, возвращенъ къ хану и потерпѣлъ отъ него „истому велику“. Наконецъ, милостиво отпущенный Тохтамышемъ въ 1387 г., Василій въ томъ же году отнимаетъ съ братомъ Семеномъ у своего дяди Бориса отцовскій Нижній Новгородъ.

Оставляя Нижній, Борисъ сказалъ племянникамъ, что теперь плачетъ отъ нихъ, но нѣкогда и они будутъ плакать отъ своихъ враговъ. Предсказаніе это сбылось въ 1393 г., когда великій князь Василій Дмитріевичъ, получивъ ярлыкъ на Нижегородское княжество, отнялъ его у Бориса, который тогда вновь владѣлъ имъ, и пошелъ ратью на Суздаль противъ Кирдяпы и Семена. Если вѣрить Татищеву, послѣдніе получили теперь Шую. Недовольные столь незначительнымъ удѣломъ, братья въ 1394 г. побѣжали въ Орду добиваться своей вотчины, причемъ ускользнули отъ погони, посланной великимъ княземъ. Но пока Семень хлопоталъ тамъ о своихъ дѣлахъ и служилъ „не почивая“ ханамъ, Василій поведимому примирился съ Васиціемъ Дмитріевичемъ и воротился домой. Въ лѣтописяхъ онъ болѣе не упоминается до самой кончины

своей, послѣдовавшей въ 1403 г. Погребенъ онъ въ Нижегородскомъ Спасо-преображенскомъ соборѣ ¹⁾).

Что касается времени, когда были впервые отчеканены монеты Суздальско-Нижегородскаго княжества, то оно точно не извѣстно. Прежде думали, что „нумизматическія данныя пока не позволяютъ отодвинуть появленіе первыхъ русскихъ монетъ, чеканенныхъ послѣ нашествія татаръ, ранѣе второй половины XIV в.—времени Дмитрія Донскаго“, почему полагали, что и въ Суздальско-Нижегородскомъ княжествѣ онѣ появились не ранѣе того же времени ²⁾. Но теперь появленіе въ обращеніи рублей находятъ возможнымъ относить къ первой половинѣ XIV ст. „Въ сохранившихся лѣтописныхъ памятникахъ впервые упоминается о рублѣ въ договорѣ Тверскаго князя Дмитрія Михайловича съ Московскимъ княземъ Георгіемъ Даниловичемъ (1321 г.). Стало быть въ XIV ст. начинается возникать рублевая система; но развитіе и распространеніе новой денежной системы совершалось медленно, такъ что гривенная денежная система вышла изъ употребленія и была замѣнена рублевою системою не ранѣе XV ст.“ ³⁾. Самые рубли по своему происхожденію и названію стоятъ въ связи съ гривнами, являясь болѣе или менѣе крупными *отрубками* отъ нихъ. Рублями называются отрубки, равные по своему вѣсу полгивнѣ, а потомъ и цѣлые слитки, вѣсомъ отъ 19 до 24 золотниковъ.

Относительно цѣнности первоначальнаго рубля, по сравненію съ нашими деньгами, мы точно сказать не можемъ, но историка В. О. Ключевскаго, въ его трудѣ: „Русскій рубль

¹⁾ А. В. Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., II (Спб. 1891), 424—426.

²⁾ А. В. Орѣшниковъ. Русскія монеты до 1547 г. Москва, 1896 г., стр. 175—176.

³⁾ А. И. Черепнинъ. О гривенной денежной системѣ по древнимъкладамъ. Труды Моск. нумизм. общ., Т. 2-й, вып. 2-й. Москва. 1900 г. стр. 205.

XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему“, мы находимъ указаніе, что „рубель 1500 г. стоилъ не менѣе 100 нынѣшнихъ“ (Чтенія въ Моск. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1884, I, отд. IV, 72). Слѣдовательно, столѣтіемъ ранѣе онъ стоилъ еще дороже.

Принадлежащій мнѣ рубль представляетъ отрубокъ слитка серебра въ формѣ желобка, причемъ оконечность, противоположная мѣсту, гдѣ слитокъ разсѣченъ, обострена (рис. 1).

Длина рубля $1\frac{9}{16}$ верш., толщина въ отрубѣ $\frac{5}{16}$ верш., вѣсъ 22 зол. и 60 долей. На слиткѣ съ одной стороны желобка часть отъ отруба срублена и нѣсколько обломлена,—надо полагать, это сдѣлано для приведенія рубля въ соотвѣтствующій вѣсъ. На немъ два клейма. Первое (рис. 2) изображаетъ четыре кружка, связанныхъ между собою въ формѣ креста; въ трехъ изъ нихъ помѣщено по человѣческой головкѣ, въ четвертомъ тамга рѣшеткой, какъ украшеніе, часто встрѣчающееся на монетахъ хановъ Золотой Орды. Клеймо второе (рис. 3) изображаетъ четвероногое животное, идущее вправо, надъ нимъ большая звѣзда съ сіяніемъ и рядъ мелкихъ звѣздочекъ, идущихъ отъ нея къ головѣ звѣря.

Въ 1900 г. я посылалъ свой рубль для осмотра въ Москву къ А. В. Орѣшникову, несомнѣнному знатоку русскихъ монетъ до XVI-го ст., и онъ любезно сообщилъ мнѣ письмомъ, что, по его предположенію, этотъ рубль долженъ относиться къ Василию Димитріевичу Кирдяпѣ, великому князю Суздальско-Нижегородскому. Но далѣе онъ поясняетъ: „если мое предположеніе вѣрно, то этотъ рубль Суздальско-Нижегородскій, а если я ошибаюсь, то Московскій: кромѣ этихъ двухъ княжествъ, никакимъ другимъ онъ принадлежать не можетъ. Крестообразное клеймо съ тремя человѣческими головками и тамгою мнѣ встрѣчается впервые“. Хотя послѣ этой экспертизы появилась замѣтка Н. И. Булычова о клейменныхъ слиткахъ, въ которой воспроизведены оба клейма (Извѣстія Импер. Археологической Коммиссіи, вып. 18, Спб. 1906, 147—148, рис. 34—35, 40), такъ что, слѣдовательно,

Рисун. 1.

Рисун. 2.

Рисун. 3.

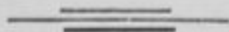
БИБЛИОТЕКА
НИ Иа-та Краеведческой
и Музейной работы

они не могут считаться безусловной рѣдкостью, но въ этой же статьѣ мы находимъ подтвержденіе экспертизы г. Орѣшниковъ. Если голова вправо въ первомъ клеймѣ относится къ слиткамъ *Суздальскаго* князя Данила Борисовича, то фантастическое животное на второмъ клеймѣ можетъ быть прямо приурочено къ *Василію Дмитріевичу*, т. е. къ Кирдяпѣ (*ibid.* 155. 165).

Такимъ образомъ, данный рубль—XIV ст. и весьма рѣдкаго образца ¹⁾).

О. Т. Васильевъ.

¹⁾ О В. Д. Кирдяпѣ говорится, кромѣ сочиненій, указанныхъ О. Т. Васильевымъ, также въ соч. *Hammer-Purgstall'a* «Geschichte der goldenen Horde. Pesth, 1840», стран. 320, 321, 334, 335, 339, 355, 357, 369—371, 374, ис 573 и 385, гдѣ авторъ пользуется русскими и итальянскими источниками. *Примѣч. редак.*

ОТЧЕТЪ

о поѣздкѣ съ археологическою цѣлью лѣтомъ 1909 года въ Свіяжскій и Тетюшскій уѣзды Казанской губерніи.

I.

Будучи командированъ Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ Свіяжскій и Тетюшскій уѣзды для обозрѣнія мѣстностей, имѣющихъ быть обозначенными на археологической картѣ Казанской губерніи, лѣтомъ нынѣшняго года я посѣтилъ слѣдующіе пункты Свіяжскаго уѣзда:

1. Осматривалъ мѣстности близъ г. Свіяжска, между селеніями „Введѣнская слобода“ и „Медвѣдкова“, гдѣ по указанію И. А. Износкова имѣлись слѣды каменнаго вѣка. Изъ разспросовъ у мѣстныхъ старожиловъ мнѣ не удалось найти вблизи этихъ селеній слѣдовъ и предметовъ каменнаго вѣка, такъ-что никто не помнитъ—были ли здѣсь когда либо находимы предметы той отдаленной эпохи, если не считать указанія Н. Θ. Высоцкаго на подобные слѣды.

2. Городище около деревни „Тавлиной“ (по-татарски „Тау—или“, что значитъ горное селеніе) находится въ 25 верстахъ къ югу отъ г. Свіяжска и въ 4-хъ верстахъ на западъ отъ р. Свіаги на крутомъ холмѣ. Съ востока и запада оно окружено глубокими оврагами, съ юга—долиной безымянной рѣчки, а съ сѣверной стороны—искусственнымъ ровомъ и двойнымъ валомъ, въ серединѣ которыхъ оставленъ проходъ.

Самое городище представляетъ форму узкаго полуострова длиною 145 сажень. Ширина городища и длина наружнаго вала 58 сажень, а внутренняго вала—8 сажень. Разстояніе между двумя валами—55 сажень. Глубина рва отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ. На южномъ концѣ городища находится древнее кладбище, которое часто посѣщается татарами окрестныхъ селеній. Длина кладбища—45 сажень. Площадь городища и кладбище до сего времени никѣмъ не тронуты, т. е., не распахиваются и не раскопаны. По характеру мѣстности и самыхъ сооруженій можно предполагать, что это было не что иное, какъ сторожевой пунктъ Казанскихъ татаръ; здѣсь могли слѣдить за движеніемъ Московской арміи во время походовъ на Казань. Есть указаніе на это городище и у Износкова ¹⁾, и у Шпилевского ²⁾, но подробнаго описанія ни у того, ни у другого нѣтъ. У Шпилевского это городище, по ошибкѣ, значитъ два раза, на разныхъ мѣстахъ („Городище близъ дер. Тавлиной“ и „Городище на сѣверъ отъ дер. Тавлиной“); въ обоихъ случаяхъ онъ ссылается на сообщеніе Артемьева.

О городищѣ близъ дер. Тавлиной Шпилевскій между прочимъ говоритъ, что „какъ называлось это поселеніе—неизвѣстно, но жители увѣряютъ, что здѣсь нѣкогда жили Казанскіе цари. Это преданіе подтверждается тѣмъ, что въ жалованныхъ грамотахъ на земли этой мѣстности говорится, что онѣ принадлежали нѣкогда царю Мухаммедъ-Аминю. Въ окрестностяхъ этого селенія выпаживаются еще и понынѣ, впрочемъ годъ отъ году рѣже, разные желѣзные вещи, копья, наконечники со стрѣлъ, бердыши и т. п.“

3. Въ объяснительной запискѣ къ археологической картѣ Казанской губерніи Износкова есть указаніе на городище при деревнѣ Киреевой, о которомъ сообщалъ Казариновъ.

¹⁾ Объяснительная записка къ археологической картѣ Казанской губерніи, стр. 14.

²⁾ Древніе города..., стр. 490.

Мнѣ не удалось напасть на слѣды какого-либо городища и земляныхъ сооружений при этой деревнѣ. Старожилы не помнятъ о существованіи какого-либо городища при ихъ селеніи.

Мнѣ между прочимъ рассказывали, что въ прежнее время у нихъ были церковь и кладбище, окруженное канавою. Эти рвы вокругъ стараго кладбища дѣйствительно долгое время существовали и послѣ упраздненія церкви (вѣрнѣе—перенесенія ея въ сосѣднее село), поля давно уже нѣтъ. Быть можетъ, Казариновъ принялъ это самое кладбище за городище, такъ-какъ въ его время (лѣтъ 25 тому назадъ) слѣды земляныхъ укрѣпленій вокругъ брошеннаго кладбища могли еще существовать.

4. Въ объяснительной запискѣ Износкова къ его археологической картѣ есть указаніе на „группу кургановъ“ за деревней Новые Ача-сыры. Относительно мѣстонахожденія этихъ кургановъ я замѣтилъ нѣкоторыя неточности: во-первыхъ, съ такимъ названіемъ (Новые Ача-сыры) нѣтъ селенія въ Свіяжскомъ уѣздѣ, а есть двѣ деревни—Большіе и Малые Ачасыры, вблизи которыхъ нѣтъ кургановъ. Группа кургановъ находится въ 2-хъ верстахъ къ востоку отъ желѣзнодорожной станціи „Тюрьлема“ и къ сѣверу (тоже въ 2-хъ верстахъ) отъ татарской деревни Васюкова, а деревня Малые Ачасыры (неправильно названная у Износкова—Новые Ачасыры) отстоитъ отъ этихъ кургановъ въ 5 верстахъ. Между ними и курганами есть еще два татарскихъ селенія—„Уразбаги“.

Мною осмотрѣно около 20 кургановъ, большинство которыхъ въ настоящее время распаивается подъ посѣвъ, у нѣкоторыхъ распаивана только половина. Совсѣмъ не тронутыхъ только 4 кургана. Послѣдніе находятся на самой дорогѣ изъ села Косякова въ Козловку и на станцію „Тюрьлема“. Всѣ курганы круглой формы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно, кладоискателями, или, быть можетъ, и археологами, изрыты вершины.

5. У Износкова есть указаніе на городище въ деревнѣ Городищахъ. У Шпилевского то же самое городище значитъ при селѣ Утяковѣ. Вблизи же этого села городищъ нѣтъ. Оба эти селенія находятся на лѣвомъ берегу р. Свіаги въ 30 верстахъ на югъ отъ г. Свіяжска и въ 3-хъ верстахъ другъ отъ друга. Мною осмотрѣно небольшое городище при татарской деревнѣ Городище, самое названіе которой указываетъ на существованіе при ней древняго укрѣпленнаго мѣста. Ошибка въ трудахъ Шпилевского, по моему мнѣнію, произошла отъ того, что это селеніе у татаръ носитъ другое названіе—„Утякъ“.

Городище находится при самой деревнѣ и съ трехъ сторонъ окружено болотами, а съ 4-й (южной) стороны двойнымъ рвомъ и валомъ, длина которыхъ 90 сажень. Ширина наружнаго рва 6 сажень, глубина ея около $1\frac{1}{2}$ сажень. Въ самой серединѣ ихъ оставленъ проходъ. Площадь городища около $\frac{3}{4}$ десятины въ настоящее время распахивается подъ посѣвъ, на валахъ устроены кирпичные сараи.

Къ западу отъ этого городища на разстояніи одной версты (около $1\frac{1}{2}$ верстъ отъ р. Свіаги) на полѣ года полтора тому назадъ обнаруженъ провалъ, весьма похожій на подземный ходъ къ городищу. Провалъ образовался въ небольшомъ оврагѣ, объ немъ мѣстные жители заявляли и полицейскимъ властямъ и Азилеевскому волостному правленію, по большаго интереса никто этому не придавалъ. Въ народѣ были объ немъ разные толки. Я осматривалъ эту мѣстность два раза. Въ первый разъ за позднимъ временемъ ограничивался лишь наружнымъ осмотромъ и разспросами у мѣстныхъ жителей. Во второй разъ, по совѣту предсѣдателя нашей комиссіи П. И. Кротова, я поѣхалъ туда съ цѣлью болѣе подробнаго осмотра этого загадочнаго провала. Нанимъ троихъ рабочихъ, которые желѣзными лопатами скоро открыли (заваленный по распоряженію мѣстныхъ властей) входъ въ пещеру, гдѣ обнаружился небольшой корридоръ шириною около одной сажени.

Вышина отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ аршинъ. Первоначальную высоту ея опредѣлить трудно, она была гораздо больше, такъ какъ въ настоящее время вслѣдствіе того, что обнаружень входъ, вся земля надъ ней въ зимнее время стала мерзнуть, а весною по мѣрѣ оттаиванія постепенно обваливается. Я вошелъ со свѣчкою въ пещеру и прошелъ по ней около 5 сажень, но воздухъ оказался въ ней слишкомъ тяжелымъ, вѣроятно, отъ сырости, и свѣчка горѣла очень плохо, отчего я поспѣшилъ скорѣе выйти наружу. Этимъ окончился весь мой осмотръ. Рабочіе, по приказанію присутствовавшего тутъ мѣстнаго сельскаго старосты, завалили входъ снова, какъ было должно.

6. Въ двухъ верстахъ къ югу отъ татар. деревни Мулвиной есть небольшихъ два кургана круглой формы, которые въ настоящее время распахируются подъ посѣвъ.

7. Около деревни Луковскаго я осматривалъ городище „Япанчино“, подробное описаніе котораго можно видѣть и у Шпилевскаго (стр. 491) и въ „замѣткахъ о городищахъ, курганахъ и другихъ земляныхъ насыпяхъ въ Казанской губерніи“ (стр. 4). Впрочемъ у Шпилевскаго объ этомъ городищѣ написано и много неправдоподобнаго и фантастическаго.

Такъ какъ въ задачу мою входило не подробное описаніе существующихъ и извѣстныхъ уже городищъ, а лишь провѣрка и точное опредѣленіе ихъ мѣстонахожденія для внесенія на археологическую карту Казанской губерніи, то я, не повторяя одного и того же описанія городища Япанчина, ограничиваюсь лишь сообщеніемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній о немъ, какъ результата своихъ личныхъ наблюденій. По какому случаю называютъ это городище именемъ извѣстнаго Казанскаго наѣздника „Епанча“ — никто не знаетъ. Въ народѣ это городище не имѣетъ никакого названія.

Въ прежнее время татары окрестныхъ селеній въ годъ разъ (въ девятую пятницу послѣ Пасхи) собирались около этого городища и справляли тутъ увеселительный праздникъ. Крестьяне сосѣдней деревни — Бурундуки, какъ хозяева

земли, съ прїѣзжихъ торговцевъ стали брать за мѣсто высокую плату, то послѣдніе стали собираться около деревни Татарскихъ Наратлей (что въ 3-хъ верстахъ отъ городища). Этотъ увеселительный праздникъ и понынѣ справляется въ 7 окрестныхъ татарскихъ селеніяхъ и называется „Калá-алды“, что значитъ въ буквальномъ переводѣ—предгорьдье (мѣсто предъ городомъ).

Типъ земляныхъ сооружений, обиліе въ городищѣ толстыхъ глиняныхъ черепковъ, огарковъ и случайно найденное мною болгарское напрасло (обожженный глиняный шарикъ съ дырочкою въ серединѣ) доказываютъ принадлежность этого городища къ болгарской эпохѣ.

8. При деревнѣ Татарскихъ Наратлей (на правомъ берегу р. Кубни) есть круглой формы небольшой курганъ, называемый мѣстными татарами „Могилою Святыхъ“.

9. Между деревнями Агишевой и Татарскихъ Наратлей на правомъ берегу р. Кубни у сосноваго бора имѣются слѣды приготовленія каменныхъ орудій, повсюду разбросаны осколки кремня, между которыми есть по формѣ и довольно интересные и образцы которыхъ мною привезены; мною доставлены также многочисленные обломки прѣсноводныхъ раковинъ крупныхъ размѣровъ, здѣсь же собранные мною.

10. Мною осмотрѣна группа кургановъ въ 2-хъ верстахъ на западъ отъ села Ульяновова, что на юго-западной границѣ Свіяжскаго уѣзда.

Всѣ курганы круглой формы, въ настоящее время распахиваются подъ посѣвъ и расположены другъ отъ друга въ 10 и 15 саженьяхъ.

Вблизи этихъ кургановъ есть огромная яма неизвѣстнаго названія. Длина ея 9 сажень, ширина сверху 5 сажень, съ боковъ и съ обоихъ концовъ къ низу постепенно суживаются. Глубина ямы около 2-хъ сажень, по сторонамъ ея имѣются 4 холма различной высоты и нѣсколько похожихъ на курганы.

По разсказамъ мѣстныхъ жителей къ югу отъ этой мѣстности въ 2-хъ верстахъ есть еще подобная же яма, но меньшаго размѣра. Видѣть послѣднюю мнѣ самому не удалось. Можно предполагать, что изъ этихъ ямъ брали землю для кургановъ. У мѣстныхъ жителей существуетъ преданіе, что на этомъ мѣстѣ была остановка арміи царя Ивана Грознаго во время похода на Казань. Царь обѣдалъ въ селѣ Подберезьѣ, находящемся въ 3-хъ верстахъ къ западу отъ этихъ кургановъ.

11. Между деревнями Большіе и Малые Кайбичи на правой сторонѣ рѣчки Бирля (на разстояніи $1\frac{1}{2}$ версты отъ нея) есть древнее кладбище, гдѣ до нынѣ сохранились три большихъ надгробныхъ памятника, съ арабской надписью третного письма. По характеру письма памятники относятся къ XIV столѣтію. Снять копію съ надписей мнѣ не удалось, такъ-какъ онѣ были покрыты плѣсенью.

12. Въ двухъ верстахъ къ востоку отъ деревни Малые Кайбичи на полѣ есть множество однообразныхъ воронкообразной формы ямъ. Подобныя же ямы, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, имѣются и въ казенномъ лѣсу за деревней Берлибашами. По преданію тутъ жила въ прежнее время мордва.

13. У Износкова и Шпилевскаго есть указаніе на существованіе городища при деревнѣ Улановой на р. Бирлѣ (лѣвомъ притокѣ Свіаги), оба ссылаются на сообщенія Артемьева.

Но при всемъ здѣсь стараніи мнѣ не удалось найти слѣдовъ этого городища, такъ-что старожилы не помнятъ о существованіи при ихъ деревнѣ какого либо городка и вообще древнихъ земляныхъ укрѣпленій въ видѣ валовъ и рвовъ. Хотя самое названіе „Уланова“ (особенно меня интересовавшее) и нѣсколько указываетъ на существованіе тутъ сторожеваго пункта и стоянку Казанскихъ улановъ.

14. У Износкова и Шпилевскаго есть указаніе на существованіе городища при селѣ Улановѣ въ 2-хъ верстахъ отъ рѣчки Сулицы (праваго притока Свіаги). Здѣсь городища тоже нѣтъ, но есть при самомъ селѣ мѣсто, нѣсколько похожее

на сторожевой пунктъ и весьма удобное для стоянки арміи.

Множество однообразныхъ ямъ и правильно устроенныхъ насыпей (въ формѣ грядъ) указываютъ на то, что здѣсь могъ стоять сторожевой отрядъ Казанскихъ татаръ и слѣдить за движеніемъ Московской арміи во время походовъ на Казань. По мѣстнымъ преданіямъ тутъ жили въ прежнее время, т. е., до прибытія русскихъ, какіе-то „улань“, отчего и самое селеніе получило названіе „Уланова“, а по церкви оно носитъ другое названіе, кажется, „Иваново“.

Мнѣ между прочимъ рассказывалъ 70-лѣтній старикъ Павелъ Нагайцевъ, со словъ дѣдовъ своихъ. Отецъ и дѣдъ его жили по долгу, первому было 90 лѣтъ, а второму около 100 лѣтъ.

Самое названіе селенія указываетъ на стоянку въ этой мѣстности Казанскихъ улановъ, соотвѣтствующихъ нашей конной гвардіи (гусарамъ). Улань назначались изъ дѣтей Казанскихъ вельможъ для постоянной военной службы. Въ Казанско-татарскомъ нарѣчій „Уланъ“—значить юноша, дѣтина, такъ называютъ обыкновенно взрослыхъ сыновей.

15. У Износкова и Шпилевскаго есть указаніе на городище при селѣ Кураловѣ, расположенное по обѣимъ сторонамъ рѣчки Сулицы. Но изъ разспросовъ на мѣстѣ мнѣ не удалось найти какихъ либо слѣдовъ этого городища. Старожилы не помнятъ о существованіи какого-либо городища и вообще древнихъ земляныхъ укрѣпленій при ихъ селеніи. Старикъ Василій Голубевъ, которому въ настоящее время около 90 лѣтъ, между прочимъ рассказывалъ, что тутъ въ прежнее время жили татары, ихъ баринъ прогналъ, а мѣсто населилъ плѣнными калмыками и татарами, которыхъ потомъ окрестилъ. Есть разныя урочища съ татарскимъ названіемъ, напр.: „Камаевъ оврагъ или долъ“ и пр.

II.

При поѣздѣ въ Тетюшскій уѣздъ задача моя состояла главнымъ образомъ въ отысканіи слѣдовъ продолженія тѣхъ

валовъ и рововъ, которые начинаются около г. Буинска и тянутся въ направленіи къ Волгѣ и будто бы до села Пролейкаши. Предполагая, что эти валы суть не что иное, какъ продолженіе Закамской сторожевой линіи, сооруженной еще въ XVII столѣтіи для защиты отъ набѣговъ ногайскихъ татаръ, я надѣялся отыскать ихъ ближе къ Волгѣ. Но изъ разспросовъ старожиловъ въ трехъ сосѣднихъ селеніяхъ (Пролейкаши, Урюмъ, Богдашкина) ничего не выяснилось о существованіи какихъ либо валовъ въ этой мѣстности.

Попутно съ этимъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ я осматривалъ только два городища, одно древнее кладбище и одинъ небольшой курганъ, такъ-какъ въ комиссію поступило тогда изъ Тетюшскаго уѣзда только одно сообщеніе, а именно отъ крестьянина села Урюмъ Дементьева о томъ, что въ ихъ мѣстности существуютъ одно городище, одно древнее кладбище и одинъ курганъ.

1. Городище „Юматиха“ находится въ 10 верстахъ къ юга отъ г. Тетюшъ на высокомъ берегу Волги. Площадь его, въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятинъ, въ настоящее время распаивается подъ посѣвъ. Ровъ и валъ чуть замѣтны. Послѣдній можно замѣтить лишь по красной обожженной глинѣ. Конецъ ихъ упирается въ казенный лѣсъ, гдѣ еще оба, т. е., валъ и ровъ, не тронуты.

Можно замѣтить, что, хотя площадь этого городища очень большая и съ трехъ сторонъ окружена глубокими обрывами, но укрѣпленіе его съ 4-й стороны состояло только изъ одного неглубокаго рва и невысокаго вала, до красна обожженнаго, почему самое городище важнаго стратегическаго значенія не имѣло. Судя по самому названію мѣстности „Юматиха“ (по татар. Джома-тауы), что значитъ въ переводѣ Моделльная гора, вѣрнѣе гора соборнаго моленія Джума, можно предполагать, что тутъ въ прежнія времена окрестное мусульманское населеніе собиралось по пятницамъ для соборнаго моленія, какъ это было у болгаръ и Казанскихъ татаръ, отчего въ Казанской губерніи тамъ и сямъ и встрѣчаются

селенія съ такимъ названіемъ, напр., есть въ Свіяжскомъ у. село Юматово.

По правиламъ мусульманской религіи соборное моленіе Джума можетъ быть отслужено не въ каждой деревнѣ и не въ каждой мечети, а только тамъ, гдѣ имѣетъ пребываніе самъ властитель народа или его представитель.

На этомъ городищѣ около валовъ много кусковъ обожженной красной глины и огарковъ (шлаковъ), образцы которыхъ мною доставлены.

2. Въ одной верстѣ къ западу отъ села Пролейкаши есть небольшой курганъ, который въ настоящее время распахивается подъ посѣвъ. Около этого кургана, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, въ прежнее время было старинное татарское кладбище съ явными слѣдами могилъ. Въ послѣднее время уже распахивается подъ посѣвъ и оно, такъ-что слѣдовъ совсѣмъ не замѣтно. Вблизи этой мѣстности татарскихъ селеній совсѣмъ нѣтъ.

Въ окрестностяхъ села Пролейкаши въ направленіи къ Волгѣ есть еще одинъ курганъ, круглой формы, но видѣть его мнѣ самому не удалось.

3. У Износкова и Шпилевского есть указаніе на древнее кладбище въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Мордовскаго села Урюма. Я осмотрѣлъ это кладбище и нашелъ на немъ груды камней, обломковъ различныхъ надгробныхъ памятниковъ. Они сложены въ одну кучу на небольшомъ не распаханномъ клочкѣ земли. Судя по характеру различныхъ надписей куфическаго и третного арабскаго письма можно догадаться, что тутъ существовало болѣе или менѣе значительное мусульманское кладбище временъ Булгарскихъ на Волгѣ. Я сложилъ нѣсколько кусковъ одного памятника, разобралъ и списалъ слѣдующія слова куфическаго письма:

الحکم لله العالی الکبیر احمد ا.... ز العیس.... یارة بورح...

Части 2-го камня третного письма разобрать было не возможно.

Мѣстное населеніе, мордва и чуваша, относится къ этимъ древностямъ очень осторожно и почтительно, что замѣтно и по существующимъ у нихъ преданіямъ. Камни аккуратно сложены въ одну кучу, на нихъ положено нѣсколько колевъ, въ прежнее время ихъ поддерживали кольями.

4. Около села Богдашкина въ двухъ верстахъ на западъ отъ него мною осмотрѣно огромное городище, на которое нѣтъ указанія ни у Износкова, ни у Шпилевского.

Городище занимаетъ очень большое пространство и окружено тройнымъ валомъ.

Вышина валовъ около $1\frac{1}{2}$ сажень, ровъ тоже. На городищѣ находятся много толстыхъ черепковъ глиняной посуды (Булгарскаго типа) и изъ обожженной глины круглые шарики (напрясла).

Судя по величинѣ городища, присутствію вблизи него древняго Булгарскаго кладбища и находкамъ можно предполагать, что тутъ существовало болѣе или менѣе значительное Булгарское поселеніе, названіе котораго народъ забылъ.

Гайнетдинъ Ахмаровъ.

ХРОНИКА.

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

Императорская Академія Наукъ, имѣя въ виду исполняющееся 8-го ноября 1911 года двухсотлѣтіе со дня рожденія Ломоносова, постановила ознаменовать этотъ юбилей, между прочимъ, изданіемъ особаго Ломоносовскаго Сборника, въ которомъ будутъ напечатаны статьи, касающіяся жизни и научной и литературной дѣятельности Ломоносова, составленіемъ особаго Ломоносовскаго Отдѣла при Библіотекѣ, а также устройствомъ Выставки «Ломоносовъ и Елизаветинское время». На Выставку этой будутъ собраны портреты великаго Русскаго ученаго, его семьи и современниковъ, его покровительницы—Императрицы Елисаветы Петровны и ея сотрудниковъ, а также представлено все Елизаветинское время въ наиболѣе крупныхъ его культурныхъ событіяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ Ломоносова, какъ, напримѣръ: основаніе Московскаго Университета, Академіи Художествъ и гимназій въ Москвѣ и Казани, начало Русской журналистики, русскаго драматическаго и опернаго театра, основаніе Морского Корпуса, начало мозаичнаго дѣла, изданіе первой Библіи, упорядоченіе домашняго воспитанія и т. д.

Подготовительныя работы къ составленію Ломоносовскаго Отдѣла, изданію Ломоносовскаго Сборника и по устройству Выставки уже начаты Академіею въ лицѣ особой Коммиссіи.—Коммиссія, сознавая всю сложность намѣченныхъ предположеній, постановила, въ послѣднемъ засѣданіи своемъ, обратиться при посредствѣ временной печати, ко всѣмъ лицамъ, которыя, обладая рукописями Ломоносова или документами, его касающимися, или же предметами, подходящими къ задачамъ Выставки (какъ-то: книгами, портретами, художественными вещами, рукописями и т. под.), могли бы сообщить Академіи или самые предметы, или свѣдѣнія о нихъ.

Академія глубоко убѣждена, что Русскому обществу дорога память о Ломоносовѣ, и что Академія встрѣтитъ общее сочувствіе и содѣйствіе осуществленію достойнаго чествованія памяти великаго Русскаго ученаго.

Сообщенія слѣдуетъ обращать по адресу: С.-Петербургъ, въ Императорскую Академію Наукъ, Непремѣнному Секретарю.

Примѣчаніе. На основаніи Высочайше утвержденного 22 Апрѣля 1906 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта: «1. Императорской Академіи Наукъ предоставляется, сверхъ установленныхъ дѣйствующими постановленіями льготъ въ отношеніи почтовыхъ отправленій, право пересылки, безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ, посылокъ въ закрытой—мягкой или твердой—упаковкѣ, со всякаго рода вложеніемъ, вѣсомъ до одного пуда. 2. Такія же (см. 1) посылки, а также закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя Академіи Наукъ, принимаются на почту безъ платы вѣсовымъ сборомъ».

Суевѣріе чувашъ.

Въ с. Б-Яльчикахъ Тегюшскаго уѣзда, было много больныхъ «свиней»¹⁾. И вотъ крестьяне этого села вздумали въ среду на масляной недѣлѣ выпроводить эту болѣзнь въ другое село. Мѣстомъ выдворенія болѣзни назвали с. Байтеряково. Запряжены были въ однѣ сани 5 лошадей, на шестой верхомъ ѣхалъ человекъ впереди. Хвосты и гривы лошадей были переплетены лентами. Болѣзнь изображала старушка, которая, не доѣзжая Байтерякова саж. 15—20, слѣзла и должна была ждать тутъ, пока провожатые (5 чел.) не объѣдутъ Байтерякова три раза, а потомъ идти домой пѣшкомъ. Послѣ всей этой процедуры болѣзнь, по мнѣнію чувашъ, должна остаться въ Байтеряковѣ. Но проводы вышли не удачны. Кр-не с. Байтерякова скоро догадались, что не даромъ по ихъ селу разѣзжаютъ на разукрашенной лентами шестеркѣ. И вотъ, когда шестерка стала вторично объѣзжать село, группа крестьянъ остановила процессію и чуть было дѣло не дошло до кулачной расправы. Только благодаря молодежи, которая въ суевѣрія своихъ отцовъ и дѣдовъ плохо вѣритъ, «провожатымъ» удалось благополучно выбраться изъ села.

(Камско-Волжская Рѣчь отъ 1910, № 412).

Заклинаніе кометы Галлея.

На одной изъ самарскихъ площадей толпа обступила субъекта въ монашескомъ платьѣ, продававшаго рукописные листки противъ появленія кометы Галлея и ея, «тлетворныхъ дѣйствій». Вотъ дословное и буквальное изложеніе заклинательнаго листка:

¹⁾ Не слѣдуетъ ли читать «свинкой»? Ред.

«Ты чортъ сатана Вильзеуль преисподній непритворяйся Звездой Небѣсной не обмануть тѣбе православныхъ неспрятать хвостища Бого мерзкаго ибо нетъ хвоста у Звѣсть Господніхъ Провались ты фтаръ тарары вниещъ геенную вкладязъ губительную. А ты Лециферъ всемъ чертямъ чортъ всѣмъ бесамъ бѣсъ нибоимси мы хрисьяне благоверные твоего чада утробнаго мерзко чрѣвнаго Галеи зловоной ниуморить она насъ чадомъ смердіѣмъ азомъ тлѣтворнымъ да запечатваетъ Господь Богъ Царь Небѣсный устна наши и ноздри ладаніемъ Благоухательнымъ Галея свирипая змеиша лютишая Хвостища поганая обмакни свой хвостъ въ реку огненную допочѣрниѣть онъ да опалитца да изжаритца а попадаетъ на зафтракъ твоему родителю Лициферу Не Галея ты а Анафема Анафѣмъ Анафѣмъ Анафѣмъ Сто кратъ Двѣсти Триста Четыреста Пягьсотъ шестьсотъ шиздисятъ шесть Ижѣ въ Апокалипсе написано Будь ты проклята навсегда з.пѣчатлена навѣки Ключъ Замокъ Аминь десить расъ».

(«Камско-Волжская Рѣчь» отъ 1910, № 429).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иллюстрированный научный и торгово-промышленный адресь-календарь мусульманъ всей Россіи «Маалюматъ» на 1908 годъ. Томъ I-ый. Изданіе газеты «Баянуль-хакъ» *).

Подобнаго этому адресь-календаря у мусульманъ никогда до сихъ поръ не появлялось, такъ что настоящее изданіе казанско-татарской газеты «Баянуль-хакъ» должно считаться по времени первымъ.

Содержаніе адресь-календаря довольно разнообразно. Въ немъ имѣются слѣдующіе отдѣлы: Императорская фамилія, календари мусульманскій, русскій и астрономическій, исторія гор. Казани, башня Сюмбеки, перечень фирмъ, помѣстившихъ свои объявленія въ «Маалюматъ», общій справочникъ, состоящій изъ 4 статей: почта и телеграфъ, желѣзныя дороги, пароходства, метрологія и монеты, научный отдѣлъ, состоящій изъ 5 статей: астрономія, географія, исторія, общая мусульманская исторія и исторія распространенія ислама. Всѣ перечисленныя статьи написаны по-татарски. Кромѣ того на 64 страницахъ помѣщены адреса торгово—промышленныхъ фирмъ и заведеній всей Россіи съ краткимъ описаніемъ губерній, уѣздовъ и городовъ.

Пропустивъ статьи общаго характера и объявленія разныхъ фирмъ и заведеній, остановимся на статьяхъ, имѣющихъ отношеніе лишь къ мѣстному краю.

На 14 страницахъ помѣщена исторія гор. Казани и описаніе Сюмбекиной башни. Эта башня именуется по-татарски минаретомъ ханской мечети, при которой погребали будто хановъ и ихъ семьи. Иванъ Грозный велѣлъ однѣ мечети разрушить, а другія превратить въ церкви, но Сюмбекину башню велѣлъ оставить въ цѣлости, чтобы наблюдать съ нея за движеніемъ непріятелей. Затѣмъ, по Рыбушкину и др. рус. источникамъ, разсказывается вкратцѣ о 13 ханахъ, въ теченіе 114 лѣтъ царствовавшихъ въ Казани, при чемъ вскользь указывается и на историческую связь Казани съ Болгарами.

¹⁾ Доложено общему собранію 25 апрѣля 1910 года.

Въ доказательство того, что прежде мусульмане подлѣ мечетей хоронили покойниковъ, указывается на то, что въ Болгарахъ, въ церкви Св. Николая были найдены кости человѣческія и надъ ними камень, но не сказано ни о томъ, что написано на этомъ камнѣ, ни о томъ, что этотъ камень вставленъ въ стѣну университетской библіотеки. Далѣе приводятся народныя преданія объ основаніи Казани. Эти преданія начинаются съ заявленія о томъ, что съ Болгарами воевалъ Аксакъ-Тимуръ, т. е., Тамерланъ, одинъ изъ хановъ Золотой Орды. Однако изъ «Древняго Лѣтописца» извѣстно, что Болгары были взяты въ 1361 (6869) г. золотоордынскимъ царевичемъ Булатъ-Тимуромъ, а вовсе не Тамерланомъ. Потомъ приводится общеизвѣстная сказка о томъ, что Казань получила имя отъ котла (по-татарски «казанъ»), утопленнаго въ Казанкѣ одной служанкой. Вслѣдъ за этимъ говорится о массѣ змѣй, наполнявшихъ Зилантову гору, и кабановъ, наполнявшихъ окрестности Казани—между тѣмъ какъ не приводятся другія, болѣе достовѣрныя, свѣдѣнія, напр., о томъ, что Старая Казань названа по имени татарина помѣщика Казана и что Кабанъ названъ по имени др. татарина, Кабана. Потомъ, по Малову, Шпилевскому и др. русскимъ авторамъ, говорится объ отношеніи Казан. ханства къ Россіи и о взятіи Казани Иваномъ Грознымъ. Статья украшена 4 картинками, изображающими: отдѣльно Сюмбекину башню, «черную палату» въ Болгарахъ, Сюмбекину башню со стороны р. Казанки и зданіе университета.

Въ отдѣлѣ исторіи, послѣ общихъ свѣдѣній о значеніи этой науки для человѣчества, говорится очень коротко объ Австро-Венгріи, Великобританіи, Греціи, Даніи, Испаніи, Голландіи, Бельгіи, Германіи, Италіи, Польшѣ, Черногоріи, Швейцаріи, Турціи, Швеціи, Норвегіи, Болгаріи, Россіи, Португаліи, Франціи, Японіи и Америкѣ, при чемъ свѣдѣнія почерпаются по видимому изъ европейскихъ источниковъ.

Въ отдѣлѣ исторіи ислама говорится: о рожденіи и дѣяніяхъ Мухаммеда, битвахъ Мухаммеда за исламъ, о кончинѣ его, о 4 пресмникахъ его (халифахъ)—Абубекрѣ, Омарѣ, Османѣ и Али, о династіяхъ и государяхъ Омейядскихъ и Аббасидскихъ, при чемъ за отсутствіемъ генеалогической таблицы нельзя понять ихъ взаимныхъ родственныхъ отношеній, а за отсутствіемъ таблицы хронологической нельзя установить, и послѣдовательности событій, ибо въ однѣхъ статьяхъ приводятся христіанскія даты, въ другихъ же даты мусульманскія, разнящіяся отъ первыхъ на 33 года.

Въ отдѣлѣ о распространеніи ислама, кромѣ общихъ разсужденій о томъ, что эта «Богомъ данная религія» распространялась не смотря на противодѣйствія «европейскихъ поповъ» очень хорошо, никакихъ др. свѣдѣній не имѣется: ни о томъ, какъ исламъ распространялся въ Сред. Азіи, ни о томъ, какъ онъ проникъ въ Золотую Орду и Вост. Европу.

Словомъ сказать, новаго для русскихъ адресъ календарь «Маалюматъ» ничего не даетъ, ибо составители его пользовались не какими-либо неизданными матеріалами, а матеріалами, уже давно извѣстными въ русской печати.

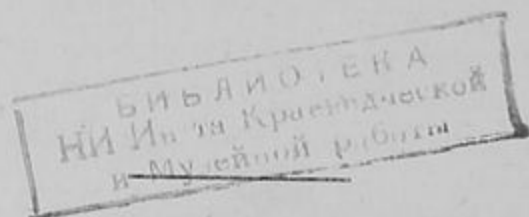
Что-же касается статистическихъ данныхъ о разныхъ городахъ въ русскомъ отдѣлѣ, данныхъ, почерпнутыхъ цѣликомъ изъ русскихъ источни-

ковъ, то при этихъ данныхъ не сказано ничего—ни о томъ, откуда таковыя взяты, ни о томъ къ какому году они относятся. Описываются и губерніи и города, и уѣзды. При названіи каждаго города указаны: чѣсло жителей и составъ оныхъ, число мечетей и зданій, положеніе города и разстояніе его отъ обѣихъ столицъ. На 64 страницахъ указаны губерніи съ городами, начинающіяся съ А, Б, В, Г, Д и Е. Для характеристики описанія губерній приведемъ описаніе вятской губерніи. «Вят. губ. (земская) одна изъ сѣверныхъ, черноземныхъ. Поверхность представляетъ равнину, постепенно понижающуюся къ ю.—з. Почва весьма разнообразна: сѣверная часть покрыта лѣсами, песчана и болотиста, сред. и южн.—суглинистая, мѣстами черноземная. Климатъ суровый, отлич. не рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду. Минералы: жел. руда (добывается болѣе 5 милліон. пуд.), известъ, алебастръ, жерновъ камень, огнеупорная глина. Лѣса болѣе 7.795 т. дес., преобл. сосна, пихта и ель. Населеніе разнообразно: русскихъ 2.430.000, вотяковъ 397.73, черемисовъ 155.055, татаръ 112.000, пермяковъ 15.000, тептярей 11.000, башкиръ 10.000 и др. инородцевъ до 10.000, магометанъ 129,528 чел. Коневодство падаетъ. Хорошей породы лошадей можно встрѣтить только еще въ Глазов. у. Описывая уѣзды, составитель говоритъ объ общемъ числѣ и составѣ населенія, о хлѣбопашествѣ, о промыслахъ, о мѣстахъ съ почтой, телеграфомъ, банками, фабриками, заводами, магазинами лавками и складами и проч. торгово-промышленными предпріятіями. По уѣздамъ число и составъ жителей вятской губ. распредѣляются такимъ образомъ; вятскій у.—жителей 208.700 (всѣ русскіе), глазовскій у.—жит. 397.400 (русскіе, вотяки, бесермяны, татары, пермяки и др.), слобужскій у.—жит. 257.000 (русскіе, вотяки, татары, тептяри, башкиры, черемисы и пр.), котельничскій у.—жит. 304.600 (почти всѣ русскіе), малмыжскій у.—жит. 302.200 (русскіе, вотяки и татары), нолинскій у.—жит. 200.300 (русскіе), орловскій у.—жит. 232.100 (русскіе и незначительно пермяковъ), сарапульскій у.—жит. 437.400 (русскіе, вотяки, татары, башкиры, тептяри и черемисы), слободской у.—жит. 234.200 (русскіе, вотяки и татары), уржумскій у.—жит. 309.500 (русскіе, черемисы и татары) и яранскій у.—жит. 401.500 (русскіе и черемисы). При указаніи торгово-промышленныхъ фирмъ и предпріятій указываются какъ русскія, такъ и татарскія, послѣднія почти всюду.

На внутреннихъ сторонахъ корешковъ адресъ-календаря помѣщены снимки: на одной сторонѣ—башня Сюмбеки, а на другой—типографія и редакция газеты «Баянуль-хакъ».

Для II тома обѣщаны: карты Россійской Имперіи и Европ. Россіи, статья «прогрессъ и исламъ», статьи «опредѣленіе всѣхъ наукъ» и «программа чтенія для самообразованія» и разныя свѣдѣнія научно-практическаго характера.

Н. Катановъ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

- 19) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1909 годы по 25 коп.
- 20) Пономаревъ, П. А. Апаньинскій могильникъ. 1892. 34 стр. 8°. Ц. 35 к.
- 21) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Казан. губ. 1877. 160 стр. 8°. Ц. 1 р.
- 22) Спицынъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886. 30 стр. 8°. Ц. 10 коп.
- 23) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8°. ц. 10 коп.
- 24) Записка по поводу реферата Г. Н. Потанина: «У вотяковъ Елабужскаго у.». С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.
- 25) Инструкціи, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1877. Стр. 7. 8°. Ц. 5 коп.
- 26) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.
- 27) Магницкій, В. К. Къ біографіи Василя Афанасьевича Сбоева. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.
- 28) Фуксъ, К. О. «Краткая исторія г. Казани. Казань. 1817 г.». Изданіе 1905 г. съ послѣсловіемъ Н. М. Петровскаго и біографическими свѣдѣніями о К. О. Фуксѣ и его портретомъ. Стр. 60. Цѣна 50 коп.
- 29) В. К. Магницкій. Чувашскія языческія имена. Казань 1905 г. Ц. 75 коп.
- 30) И. В. Альфонсовъ. Указатель къ «Извѣстіямъ Общества археологій, исторіи и этнографіи при Имп. Казан. Университетѣ» за 1878—1905 годы (т. I—XXI). Каз. 1906. Ц. 70 коп.
- 31) Два историческихъ документа Императрицы Екатерины II о древностяхъ Волги и Кавказа. Казань 1907. Ц. 5 к.
- 32) Н. О. Высоцкій. Лихорадка, ея происхожденіе и способы леченія, по народнымъ воззрѣніямъ. К. 1907. Ц. 20 коп.
- 33) Общество Археологій, Исторіи и Этнографіи за 30 лѣтъ (1878—1908) рѣчь Н. О. Катанова. Казань. 1908. Ц. 10 коп.

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) при покупкѣ на наличныя деньги пользуются 30% уступки и безплатною пересылкою; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Рукописи, не принятые къ печати, хранятся въ теченіе 3 мѣсяцевъ со дня посланки автору извѣщенія, а затѣмъ уничтожаются. Обратная высылка производится только по полученіи денегъ на пересылку.

Въ 1910 г. «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;

2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника. Извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи: отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: А. И. Александровъ (Казань), А. Е. Алекторовъ (Томскъ), И. В. Альфонсовъ (Казань), о. Н. А. Архангельскій (Ядринъ), Г. Н. Ахмаровъ (Казань), Н. И. Ашмаринъ (Казань), Б. В. Варпеке (Одесса), Д. В. Васильевъ (Кострома), О. Т. Васильевъ (Казань), С. Н. Введенскій (Задонскъ), Н. О. Высоцкій (Казань), Н. К. Горталовъ (Казань), Я. I. Гурляндъ (С.-Петербургъ), А. И. Добросмысловъ (Симбирскъ), В. М. Іоновъ (Якутскъ), Н. О. Катановъ (Казань), Д. А. Корсаковъ (Казань), П. И. Кротовъ (Казань), И. П. Кузнецовъ (Минусинскъ), С. К. Кузнецовъ (Москва), А. С. Лебедевъ (Казань), о. Е. А. Маловъ (Казань), И. С. Михеевъ (Казань), В. А. Мошковъ (Варшава), Н. Н. Пантусовъ (Николаевъ), Э. К. Пекарскій (С.-Петербургъ), Н. М. Петровскій (Казань), И. М. Покровскій (Казань), И. С. Порфирьевъ (Москва), о. К. И. Прокопьевъ (Челябинскъ), о. Я. Н. Саркинъ (Симферополь), П. В. Селицкий (Омскъ), М. М. Хомяковъ (Казань), А. А. Сухаревъ (Казань), К. В. Харламовичъ (Казань), С. И. Шестаковъ (Казань) и друг.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ въ случаѣ надобности измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1-му июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются:

Въ г. Казань, Университетъ, Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Цѣна cadaго выпуска (кроме немногихъ) 1 рубль.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVI, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мнеология казанскихъ татаръ Я. Д. Коблова. 445—470.
Душевная грамота вдовы Федосьи М. И. Бенеманскаго 471—482.
Масляница у чувашъ свящ. Н. Архангельскаго. 483—488.
Владѣиная память (1689) года Н. В. Никольскаго. 489—493.

Библиографія:

Первые (дошедшіе до насъ) труды по изслѣдованію калмыцкаго языка І. Гурія. 494—500.

Проф. Л. Нидерле о болгаряхъ Н. М. Петровскаго. 501—502

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Разнесеніе сыра. 503.
Чувашская легенда. 504—505.

Хроника.

Отъ отдѣленія русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. 505—510.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1910.

Вышелъ 16 декабря 1910 г.

*Въ книжномъ складѣ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ
могутъ быть приобрѣтаемы слѣдующія изданія:*

1) Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

2) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Веске. 1890. 324 стр. 8°. Цѣна 2 руб.

3) Труды IV Археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани, томъ I и II (1884 и 1891) по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891)—цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877. Цѣна 1 рубль.

4) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882. Часть I. 300 стр. 8° Цѣна 1 руб. 25 коп.

5) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стр. 8°. Цѣна 75 коп.

6) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886 стр. 12°. Цѣна 10 коп.

7) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36. 12°. Цѣна 20 коп.

8) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгарь, Биляръ и Морквашъ. Н. И. Золотницкаго. 1884. 56 стр. 8°. Цѣна 45 коп.

9) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882 г. 67 стр. 8°. Цѣна 45 коп.

10) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 10 коп.

11) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стр. Цѣна 5 коп.

12) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

13) Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губерніи. Докладъ IV археологическому съѣзду (съ 5 таблицами). 53 стр. in f-o. Казань. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

14) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ, Составилъ И. О. Токмаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

15) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аристовъ. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

16) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

17) Дуброва Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1893. Цѣна 1 руб. 50 коп.

18) Уставъ Общества Арх. Ист. и Этн. при Император. Казан. Унив.: изд. 1895 г. 7 стр. 8° ц. 10 к.
1898 г. 11 стр. 8° ц. 10 к.

НАСЛЕДІЯ

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXVI, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мифологія казанскихъ татаръ Я. Д.
Коблова. 415—470.
Душевная грамота вдовы Федосьи
М. И. Бенеманскаго 471—482.
Масляница у чувашъ свящ. Н. А р-
хангельскаго. 483—488.
Владѣиная память (1689) года Н. В.
Никольскаго. 489—493.

Библиографія:

Первые (дошедшіе до насъ) труды
по изслѣдованію калмыцкаго языка
І. Гурія. 494—500.

Проф. Л. Нидерле о болгаряхъ Н.
М. Петровскаго. 501—502.

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Разнесеніе сыра. 503.
Чувашская легенда. 504—505.

Хроника.

Отъ отдѣленія русскаго языка и сло-
весности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. 505—510.

57

Г.

Г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и
Этн. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь М. Бенеманскій.

1945г.
БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

570/4.

~~Г. Инв. № 472~~

Отдѣльный оттискъ изъ XXVI-го т. «Извѣстій Общества
Археологій, Исторіи и Этнографіи» за 1910 годъ.

Мифологія казанскихъ татаръ.¹⁾

Въ настоящей статьѣ, представляющей изъ себя докладъ, читанный въ годичномъ собраніи общества археологій, исторіи и этнографіи 18 марта 1910 года, Я. Д. Кобловъ даетъ систематическій очеркъ вѣрованій казанскихъ татаръ въ духовъ дома, хлѣва, лѣса, пустырей, воды и пр., причемъ въ статьѣ попутно говоритъ также о гаданіяхъ, примѣтахъ, снахъ и пр.

Такія вѣрованія въ духовъ, какія Я. Д. Кобловъ нашель у казанскихъ татаръ, существуютъ съ древнихъ временъ и у всѣхъ угорскихъ и татарскихъ племенъ В. Европы, Сѣв. и Средней Азіи. Изъ народовъ, исповѣдующихъ исламъ, вѣра въ духовъ существуетъ также у турокъ, сколько по крайней мѣрѣ можно судить по издававшемуся и въ Казани турецкому сочиненію *یولдуз-наме* юлдузь-намэ (звѣзdochетство).

Въ своемъ любопытномъ очеркѣ Я. Д. Кобловъ говоритъ о вѣрованіяхъ не только у татаръ-мусульманъ, но и у татаръ крещеныхъ. Надо замѣтить, что изученіемъ этихъ вѣрованій у татаръ до нашего автора занимались: у мусульманъ Абдуль-Каюмъ Насыровъ, а у крещеныхъ татаръ Габоръ Балинтъ. Статья перваго, извѣстная и Я. Д. Коблову, была напечатана на стр. 241—270 тома VI „Записокъ Император. Рус. Географ. Общества по отдѣленію этнографіи“ (Спб. 1880), а

¹⁾ Рефератъ, читанный въ общемъ годичномъ собраніи членовъ Общества 18 марта 1910 года.

статья второго, оставшаяся неизвѣстною Я. Д. Коблову, помѣщена на стр. 59—64 сочиненія „Kazáni - Tatár Szövegek“ (Budapest 1875). Прочіе авторы, изучавшіе вѣрованія казанскихъ татаръ, указаны у В. И. Межова въ томѣ II „Библиографіи Азіи“ (Спб. 1892). Нашъ авторъ основываетъ свои сужденія не на записяхъ своихъ предшественниковъ, а на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ и на свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ самимъ, что и придаетъ его очерку особенную научную цѣнность.

Изъ очерка Я. Д. Коблова видно, что у татаръ, не смотря ни на исламъ, ни на христіанство, все еще существуютъ древніе обычаи и обряды шаманства. Въ доказательство древности нѣкоторыхъ обычаевъ можно привести слѣдующіе: Въ статьѣ о скотскомъ надежѣ говорится, что скоть отъ чумы могутъ избавить 2 большихъ костра. Извѣстно, что между кострами былъ пропущенъ въ VI в. Земархъ, посланный Юстиномъ къ тюркамъ (татарамъ), и что между кострами пропускали и русскихъ князей, являвшихся въ Золотую Орду. Китайскіе писатели говорятъ, что еще въ древнія времена и монголы, и татары признавали духовъ огня, воздуха, воды и земли и приносили имъ жертвы. Подобныя вѣрованія у монголовъ и татаръ отмѣчаетъ и Планъ Карпинъ, посланный въ 1246 г. къ нимъ папою Иннокентіемъ IV. Этотъ путешественникъ наблюдалъ, что татары не ломаютъ костей тѣхъ животныхъ, которыхъ они приносятъ въ жертвы духамъ. Нашъ авторъ, Я. Д. Кобловъ, въ главѣ о киремети замѣчаетъ, что ломать кости жертвенныхъ животныхъ запрещалось не такъ давно и у татаръ. По видимому этотъ обычай остался отъ древняго шаманства, ибо онъ существовалъ и существуетъ лишь у инородцевъ-шаманистовъ. У этихъ шаманистовъ, въ Сѣв. и Сред. Азіи, кромѣ вѣрованій въ вышеупомянутыхъ духовъ, существуетъ и вѣра въ духа, называемаго у здѣшнихъ татаръ „албасты“, а въ Азіи „албысь“, „алмышь“ и „албасты“, каковое названіе можетъ быть объяснено скорѣе монгольскимъ „алмасъ“ (нечистый духъ, фурія), не-

жели татарскими „эль“ и „басты“, какъ дѣлаетъ Я. Д. Кобловъ. Въ Сред. Азіи подъ „албасты“ разумѣютъ обыкновенно духа, обитающаго въ степяхъ и заманивающаго путешественниковъ. Про подобныхъ духовъ пустынь и степей (долины Лобъ-нора) довольно много разсказовъ слышалъ и путешественникъ XIII в. Марко Поло.

Въ заключеніе можно пожелать автору собрать подробныя свѣдѣнія о разныхъ духахъ и у др. инородцевъ, угорскихъ и татарскихъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, во что и какъ вѣруютъ эти племена, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти вѣрованія у нихъ одного и того-же происхожденія,—шаманскаго.

Н. Катановъ.

На какой бы низкой ступени умственнаго развитія ни находился народъ, онъ обыкновенно не довольствуется тою суммою познаній, которая достигнута имъ путемъ опыта и наблюденія. Въ природѣ много удивительныхъ неразгаданныхъ и непонятныхъ явленій, относительно которыхъ умъ человѣческій не можетъ оставаться въ неизвѣстности, пытается такъ или иначе ихъ объяснить, разгадать. И вотъ, не имѣя опредѣленныхъ твердыхъ познаній положительнаго характера, народъ прибѣгаетъ къ творчеству своей фантазіи для объясненія всего непонятнаго. Въ сферу природы, ея естественныхъ явленій вводятся новыя силы, особыя существа, дѣйствіемъ которыхъ народъ и объясняетъ по своему все выходящее изъ ряда обычныхъ явленій. Эти существа владѣютъ—каждое какою нибудь стороною въ природѣ и человѣческой жизни; ихъ вліяніе и воздѣйствіе сказывается повсюду—и дома, и въ лѣсу, и въ полѣ. Такъ создается народная міеологія.

У казанскихъ татаръ разнообразныя народныя повѣрья, гаданія и примѣты отъ старинныхъ временъ сохраняются до настоящаго времени, и, по нашему наблюденію, нисколько не

въ меньшей степени, чѣмъ у другихъ народностей, находящихся на одинаковомъ съ ними уровнѣ умственнаго развитія. Какъ будто этого не должно-бы быть. Вліяніе ислама на его послѣдователей настолько сильно, что обыкновенно онъ подавляетъ народную фантазію, и можно-бы ожидать, что онъ, регулируя каждый шагъ жизни магометанина и представляя всему непонятному свои собственные объясненія, уже успѣлъ подавить, уничтожить всѣ продукты творческой фантазіи народа.

А между тѣмъ у казанскихъ татаръ мы видимъ довольно богатую мифологію, можно слышать отъ нихъ рассказы о разныхъ сверхъестественныхъ баснословныхъ существахъ, можно наблюдать, что татары придаютъ огромное значеніе вліянію этихъ существъ, а также гаданіямъ и примѣтамъ. Все это конечно можно объяснить темнотою народа, который въ область религіи вноситъ произведенія своей фантазіи и съ одинаковой довѣрчивостью относится къ тому и другому. И хотя во внѣшнихъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ сообразуется съ предписаніями религіи, но не можетъ освободиться и отъ своихъ суевѣрій, которыми переполнено его воображеніе.

Всѣ мифическія баснословныя существа, по вѣрованію татаръ, полудуховны, полувещественны. Многія изъ нихъ имѣютъ человѣческой видъ, или по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ они являются людямъ, но при этомъ съ какою-нибудь особенностью, которая ихъ отличаетъ отъ людей. То они слишкомъ малаго роста, какъ Бичура, то у нихъ слишкомъ длинныя руки и ногти, какъ у Шурыле (лѣшій), нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ какого-нибудь члена человѣческаго тѣла. Во всякомъ случаѣ всѣ они производятъ странное, жуткое впечатлѣніе на человѣка.

Баснословныхъ существъ очень много, и они наполняютъ весь міръ. Каждое изъ нихъ является владѣтелемъ какого-нибудь отдѣльнаго мѣста. Одни изъ нихъ владѣютъ лѣсомъ, другіе живутъ въ водѣ на положеніи распорядителей водныхъ пространствъ рѣкъ и озеръ, нѣкоторые живутъ просто въ полѣ и являются людямъ въ буранѣ, въ непогоду, многія,

наконецъ, любятъ вести домашнюю жизнь и расселились по домамъ и дворамъ жителей, такъ что въ каждомъ домѣ, въ каждомъ дворѣ, кромѣ хозяина-человѣка, есть особый хозяинъ—степенный и дѣловитый Ёй-эясе (домовой), блюститель скота—Абзаръ-эясе, неумная и озорная Бичура. О нѣкоторыхъ рассказываютъ, что они живутъ семьями, имѣютъ дѣтей. Такъ, напримѣръ, водяной имѣетъ жену, которую многіе видѣли, какъ она въ полночь выходитъ на мостикъ или на переходъ черезъ рѣчку и моетъ своихъ дѣтей.

Если человѣкъ вѣритъ въ эти существа и проникнуть уваженіемъ къ нимъ,—такому человѣку они вреда не приносятъ, развѣ только иногда попугаютъ его, такъ сказать, напугать о себѣ. Наоборотъ человѣка, не вѣрующаго въ нихъ и не почитающаго ихъ, они всегда готовы изловить въ какомъ нибудь удобномъ для нихъ мѣстѣ и погубить.

„Духи“, ютящіеся въ домахъ и во дворахъ, по повѣрью татаръ, обыкновенно пожилые, серьезные и степенные. Существеннаго вреда они не приносятъ,—имъ не слѣдуетъ только перечить да не нужно бранить ихъ. Напр., домовый (Ёй-эясе) представляется изряднымъ старцемъ, очень строгимъ и внимательнымъ. Онъ непременно накажетъ того, кто провинился предъ нимъ, пошлетъ какую нибудь болѣзнь, но несмертельную. Предвидя несчастье дому, онъ сильно беспокоится, ходитъ всю ночь по избѣ, тяжело вздыхаетъ. Домашніе „духи“, напр. Абзаръ эясе, наблюдаютъ за скотомъ и заботятся о немъ. Животное, которое не понравится имъ, хозяинъ долженъ скорѣе продать, иначе оно будетъ худѣть день ото дня, пока совсѣмъ не захирѣетъ. Если у лошади грива завивается косичками и сильно путается, то не слѣдуетъ ее расчесывать,—это можетъ не понравиться тому духу, который завилъ гриву. Онъ все равно будетъ завивать гриву каждую ночь, пока не разсердится. И когда его прогнѣваешь, то онъ отомститъ тѣмъ, что изведетъ лошадь или сдѣлаетъ такъ, что она гдѣ нибудь пропадетъ безъ вѣсти. Во всякомъ случаѣ, если домашнія баснословныя существа иногда и причиняютъ вредъ, то дѣйствуютъ они по какимъ либо серьезнымъ основаніямъ и мотивамъ.

Не таковы тѣ изъ миѳическихъ существъ, по повѣрью татаръ, которыя живутъ въ поляхъ и въ лѣсахъ. Они отличаются преимущественно озорствомъ, какъ напр. Шуряле—лѣшій, или кровожадностью, какъ Убырь, Албасты и т. п. Когда случится вьюга, непогода, они непременно кого нибудь скружатъ, запутають въ полѣ, далеко, далеко уведутъ его съ дороги, бросятъ въ безпомощномъ состояніи. Находчивость да умѣнье обращаться съ ними еще могутъ спасти человѣка; что касается людей малоопытныхъ, то имъ грозитъ неминуемая гибель.

Помимо вѣры въ особыя баснословныя существа, у казанскихъ татаръ есть много другихъ повѣрій,—суевѣрныхъ обычаевъ, гаданій, примѣтъ. Они вѣрятъ въ сверхъестественную силу колдуновъ, по гаданіямъ и примѣтамъ узнають о пропажѣ вещей, о выходѣ въ замужество, предугадываютъ урожай или какое либо бѣдствіе.

При разсмотрѣніи вѣрованій казанскихъ татаръ въ баснословныя существа, ихъ суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ, можно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ повѣрій, повидимому, не самостоятельнаго происхожденія, а заимствованы. Ой-эясе—домовой, причесывающій себѣ волосы и занимающійся пряжей, похожъ скорѣе на русскаго старичка, а не на татарина съ бритыми волосами. Абзаръ - эясе, живущій въ стойлахъ и заплетающій гривы лошадямъ, тоже, какъ и Ой-эясе, напоминаетъ русскаго домового, Убырь и Діу (пери) тоже не татарскаго происхожденія, а позаимствованы,—первый не что иное какъ Упырь (вампиръ), а второй персидскаго происхожденія.

Сходство съ русскими повѣрьями есть и въ представленіяхъ татаръ о лѣшемъ и водяныхъ въ разныхъ ихъ видахъ. Вѣра казанскихъ татаръ въ киреметь обща всѣмъ приволжскимъ инородцамъ,—чувавамъ, черемисамъ, и какъ она впервые возникла,—сказать это конечно очень затруднительно. Наконецъ, нѣкоторыя изъ вѣрованій казанскихъ татаръ магометанскаго происхожденія, и о нихъ говорится въ магометанскихъ вѣроучительныхъ книгахъ. Такова, напр., вѣра въ джинновъ, суще-

ства, составляющія нѣчто среднее между ангелами и людьми, живущія и въ воздухѣ, и среди людей, хотя и невидимыя. Такимъ образомъ нельзя всѣ излагаемыя ниже повѣрья отнести полностью къ разряду національных татарскихъ повѣрій. Многіе изъ нихъ принесены въ татарскую среду со стороны и только съ теченіемъ времени были усвоены татарами и получили въ области татарскихъ вѣрованій право гражданства.

Излагая миеологию казанскихъ татаръ, мы должны замѣтить, что эта область—наименѣе другихъ изслѣдованная въ этнографической литературѣ и наиболѣе трудная. Намъ извѣстенъ лишь единственный довольно обстоятельный трудъ, который мы имѣли все время въ виду при собираніи миеологическихъ свѣдѣній, съ нимъ сопоставляли собранныя нами свѣдѣнія и по немъ провѣряли ихъ. Это—статья г. Каюма Насырова подъ заглавіемъ: „Повѣрья и примѣты казанскихъ татаръ“¹⁾.

Трудность изслѣдованія происходитъ отъ того, что многія изъ повѣрій, какъ и у русскихъ, среди татаръ начинаютъ терять свое значеніе. Молодежь имѣетъ нерѣдко самое смутное представленіе о баснословныхъ существахъ и повѣрьяхъ, и только старики да старухи продолжаютъ вѣрить въ ихъ существованіе. Да и они дѣлятся своими свѣдѣніями неохотно и нерѣдко съ оговорками: теперь уже этому не вѣрятъ, или напр. въ такомъ видѣ: теперь лѣшаго или водяного нѣтъ. Образованные изъ татаръ, главнымъ образомъ въ магометанскомъ духѣ, при разговорахъ о вопросахъ миеологіи обыкновенно заявляютъ, что вѣдь ничего этого нѣтъ, желая этимъ указать на несерьезность миеологическихъ преданій.

Трудность собирать свѣдѣнія изъ области татарской миеологіи единолично побудила меня обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ къ нѣкоторымъ лицамъ, близко стоящимъ къ народной татарской средѣ. Въ настоящее время я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность

¹⁾ «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографіи». С.-Петербургъ. 1880 г. Т. 6-ой.

всѣмъ лицамъ, которые оказали мнѣ то или иное содѣйствіе, а именно: священникамъ казанской епархіи о.о. Ляпидовскому и М. Чебешеву, мулламъ казанской губерніи Ф. М. Мухутдинову, Кяриму и Харису Маликовымъ, елабужскому муллѣ И. Хузяханову, мулламъ Бондюжскаго завода елабужскаго уѣзда Ш. Сюндукову, учителямъ русско-татарскихъ училищъ елабужскаго уѣзда М. Сабаеву, А. Абдуллину, А. Мратову, К. Мратову, С. Исмагилову, К. Сахабитдинову, учителю мектеба тамбовской губерніи Латыфу Маликову, учителямъ народныхъ училищъ Э. Трофимову, Е. М. Медвѣдкову и Н. А. Туберозову. Путемъ сопоставленія, сравненія и провѣрки на мѣстахъ доставленнаго матеріала, а также путемъ свѣрки его съ статьей Абдуль-Каюма Насырова я, кажется, составилъ болѣе или менѣе правильное представленіе о народныхъ повѣрьяхъ казанскихъ татаръ, которое и излагаю ниже. Не могу въ заключеніе не высказать благодарности Н. О. Катанову, который обратилъ мое вниманіе на татарскую мифологію, какъ на очень интересный предметъ для изслѣдованія. Безъ этого совѣта или побужденія я колебался и сомнѣвался относительно значенія этого вопроса въ области этнографіи и потому откладывалъ это дѣло до неопредѣленнаго, во всякомъ случаѣ далекаго будущаго.

Соотвѣтственно характеру мифологическихъ представленій, они распредѣлены мною на три части: 1) вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя (мифическія) существа; 2) повѣрья, ворожба и гаданія; 3) примѣты.

I.

Вѣрованія казанскихъ татаръ въ баснословныя существа.

Ќй эясе (домовой).

Баснословныя существа, по вѣрованію казанскихъ татаръ, живутъ повсюду,—и въ домахъ, и въ полѣ, и въ лѣсу, и въ водѣ. Начнемъ описаніе ихъ съ существъ перваго разряда,

живущихъ въ домахъ и во дворахъ, а потому ближе всѣхъ другихъ стоящихъ къ человѣку. Среди нихъ почетное мѣсто занимаетъ Ёй эясе (домовой).

Ёй эясе (хозяинъ дома, домовой) жилищемъ своимъ обыкновенно избираетъ подполье, откуда и выходитъ по ночамъ. Въ воображеніи татарина онъ рисуется старикомъ, носящимъ довольно длинные волосы. Домовой заботливый хозяинъ и, по признанію татаръ, даже полезная тварь. Онъ оберегаетъ домъ, въ предчувствіи бѣды всю ночь ходитъ, беспокоится и вздыхаетъ. Если случится какое либо несчастье ночью, напр., пожаръ, а люди спятъ, онъ будитъ ихъ, трясетъ за ноги или стучитъ.

Обыкновенныя занятія домового слѣдующія: ночью онъ чешетъ голову; иногда сѣетъ рѣшетомъ муку, это—признакъ хорошій, обѣщающій богатство; воетъ домовой не къ добру,—это означаетъ приближеніе бѣдности. Можно слышать иногда, какъ домовой прядетъ ленъ, но самого домового въ это время не бываетъ видно. Домовой прядетъ только ту пряжу, которая остается на прялкѣ неоконченной. Если кто нибудь послѣ него будетъ прядь эту пряжу, то непременно захвораетъ, поэтому лучше всего не оставлять на ночь пряжу на прялкѣ, или уже, если необходимо оставить, то только перекинуть ее спереди назадъ на прялку, и тогда домовой прядь не будетъ.

При хорошихъ отношеніяхъ домовой бываетъ благодушнымъ, заботливымъ хозяиномъ. Полезно его иногда умиловать. Чтобы умиловать домового, хозяинъ дома долженъ давать милостыню. Эта милостыня раздается обыкновенно въ „русскій“ воскресный день и носить названіе „якшамбе са-дакасы“.

Когда домовой гнѣвается, а хозяинъ не пытается ничѣмъ угодить ему, то съ обитателями дома могутъ происходить и несчастья, какъ то чесотка, чирьи и другія болѣзни; бываетъ и падежъ скота, хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ уже Абзаръ эясы, а непосредственно домовой имѣетъ отно-

шеніе только къ животнымъ, живущимъ въ домѣ, напр. къ кошкѣ. Въ особенности не правится домовому, когда кто либо мочится въ подполье;—въ этомъ случаѣ для его умиловленія необходимо варить кашу, иначе не избѣжать опухоли и связанныхъ съ ней мучительныхъ болей. Не любитъ домовый, когда ему перечать. Напр., онъ имѣетъ обыкновеніе заплетать волосы, бороду не только себѣ, но и живущимъ въ домѣ. Не нужно ихъ расплетать, пока сами не расплетутся. Если же заплетенные имъ волосы и бороду расплечешь или, что еще хуже, отрѣжешь, то непременно или умрешь, или сдѣлаешься уродомъ, или приключится какое нибудь другое несчастье.

При выдѣленіи части семейства для жительства въ новый домъ необходимо соблюсти по отношенію къ домовому нѣкоторые обряды, своего рода умиловленіе его или прощаніе съ нимъ, чтобы жизнь въ новомъ домѣ была спокойной и благополучной. Вотъ что для этого дѣлаетъ сынъ, отдѣляющійся отъ своего отца. Въ полночь онъ приходитъ съ хлѣбомъ въ домъ родителей, конечно съ согласія послѣднихъ, и спускается въ подполье. Тамъ, зажегши три свѣчи, онъ беретъ нѣсколько земли, уноситъ ее домой и высыпаетъ въ подполье новаго дома. При этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы на пути никто не встрѣтился. Если кто нибудь встрѣтится, даже животное, то этотъ обрядъ становится безполезнымъ и нужно изъ подполья вторично брать землю, чтобы достигнуть желаннаго результата,—счастливой и спокойной жизни въ новомъ домѣ.

Приведемъ разсказъ одного татарина дер. Балтачевой лаишевскаго уѣзда, казанской губ. о томъ, какъ онъ видѣлъ домового (Ой эясе).

„Однажды въ лунную ночь, проснувшись, я вижу предъ собою предметъ, похожій на человѣка. Я рѣшилъ, что это Ой эясе (домовой), и въ то же время постарался, чтобы онъ не замѣтилъ, что я не сплю. Домовой же въ эту минуту сидитъ себѣ спокойно на скамьѣ и прядетъ; звукъ веретена

слышенъ по всей комнатѣ. Онъ весь былъ бѣлый какъ полотно; голова у него была покрыта какъ будто длинными волосами, но черты лица я никакъ не могъ разобрать, потому что онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной. Потомъ домовой, должно быть, почувствовалъ, что я не сплю, быстро всталъ, взялъ свою прялку и скрылся за печкой“.

Другой разсказъ (его же).

„У насъ была бѣлая кошка, которой жилось хорошо и привольно. Послѣ нея мы завели черную, но сколько мы ее ни кормили, она всегда была худая. Мы постоянно удивлялись, почему у насъ кошка не поправляется, какъ бывшая бѣлая, потомъ начали догадываться, что ее навѣрное мучитъ домовой. И догадка эта оправдалась. Узналъ я объ этомъ такъ: разъ, возвращаясь съ поля, вхожу я въ избѣ и слышу, кто то шебаршитъ на печи; посмотрѣлъ я вездѣ, нѣтъ никого, а кошка вся измучена и лежитъ на полу. Это ее мучилъ домовой. Послѣ этого мы черную кошку отдали сосѣду, а сами завели опять бѣлую, и она у насъ была всегда сытая, жирная и веселая“.

Абзаръ эясе (хозяинъ хлѣвовъ).

Кромѣ хозяина дома—Ой эясе (домовой), по повѣрью казанскихъ татаръ, существуетъ еще Абзаръ эясе—хозяинъ хлѣва, обитающій на дворѣ или въ хлѣву. У русскихъ нѣтъ соотвѣтствующаго названія для Абзаръ эясе, такъ какъ, по разсказамъ русскихъ, обязанности послѣдняго несетъ тотъ же домовой, и у нихъ нѣтъ различія, какъ у татаръ, между домовымъ и хозяиномъ хлѣва. Это одно и то же существо.

По разсказамъ татаръ, Абзаръ эясе по преимуществу—властелинъ скота. Иногда Абзаръ эясе показывается людямъ въ образѣ чловѣка или животныхъ, но только издали и ночью. Къ скоту онъ имѣетъ ближайшее отношеніе. У любимой лошади онъ заплетаетъ гриву, приносить ей кормъ. Лошадь, которую почему либо Абзаръ эясе не взлюбитъ, онъ всю ночь мучитъ, всю ночь на ней ѣздитъ, отнимаетъ у ней кормъ,

который передаетъ любимой лошади. Такія лошади дѣлаются скучными, худыми; ихъ лучше скорѣе всего сбыть со двора, чтобы онѣ окончательно не погибли.

Вотъ что разсказалъ одинъ татаринъ о дѣйствіяхъ Абзаръ эясе. „Мы при отцѣ держали гнѣдыхъ лошадей. Лѣтъ черезъ восемь, по смерти отца, я одного гнѣдка зарѣзалъ, такъ какъ подъ старость онъ плохо работалъ, а вмѣсто него купилъ хорошую вороную лошадь. Но сколько ни кормилъ я эту новопкупку, она у насъ начала худѣть да худѣть. Грива у ней, какъ и у другихъ лошадей, была прекрасно завита при покупке, а теперь день ото дня развивалась и стала короткою. Черезъ годъ я продалъ эту лошадь уже только за полцѣны и купилъ другого гнѣдка, который пришелся ко двору. Теперь я хорошо знаю, что на нашемъ дворѣ нельзя заводить скотины съ черною мастью—ни лошадей, ни коровъ, ни овецъ. Скотину съ черной мастью не любитъ Абзаръ эясе и губить ее.

Какъ и съ домовымъ, съ Абзаръ эясе нужно соблюдать хорошія отношенія, необходимо угождать ему и по временамъ умилоstellять его. Не любитъ особенно Абзаръ эясе, когда кто либо мочится въ колоду. Въ этомъ случаѣ, чтобы избѣжать бѣды, необходимо варить въ честь его кашу. Въ случаѣ сильнаго гнѣва Абзаръ эясе можетъ навести падежъ на скоть.

Б и ч у р а.

Бичура—это баснословное существо, то же, что у русскихъ кикимора или „сосѣдка“.

Бичура представляется татарину въ видѣ женщины—ростомъ отъ полутора до двухъ аршинъ; на голову у нея надѣтъ ирпакъ (старинный женскій татарскій головной уборъ).

Бичура живетъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ—на подволокахъ, въ подпольѣ и въ баняхъ, но не у всѣхъ, а только у нѣкоторыхъ хозяевъ. Нѣкоторые отводятъ для нея особую помнату, гдѣ ее поятъ и кормятъ. На ночь оставляется тарелка съ пищей и нѣсколько ложекъ. На утро въ тарелкѣ Бичура ничего не оставляетъ, все съѣдаетъ. А если разсердится за что

нибудь на хозяина, то разбиваетъ чашку, въ которой ей подается пища, и раскидаетъ все, что попадетъ ей подъ руку.

Бичура нерѣдко во снѣ давить человѣка, любить внезапно пугать его и вообще озорничаетъ надъ людьми. Вдругъ откуда ни возмись, пролетитъ кирпичъ, полѣно. Кто бросилъ полѣно, не знаютъ. Изъ-за Бичуры иногда бросаютъ дома: жить бываетъ нельзя, особенно одинокимъ. По татарскимъ рассказамъ, одинъ мулла просто измучился съ Бичурой: то валенкой въ него пустить, то полѣномъ съ печки, то кирпичемъ изъ-за печки, просто бѣда да и только. Что дѣлать? У муллы было ружье. Онъ зарядилъ его еще днемъ, а къ вечеру положилъ его съ собою на постель. Какъ только наступила полночь, прилетѣлъ съ печки кирпичъ, прямо на постель къ муллѣ. Мулла, не думая долго, схватилъ ружье и выстрѣлилъ прямо на печку. Сколько однако мулла ни стрѣлялъ, а толку было все мало: валенки, ичиги, старая шапка, лучина такъ на муллу и сыпались. Вотъ однажды мулла лежитъ на постели и слышитъ голосъ съ печки: „Мулла, ты—человѣкъ грамотный, прочитай такую то молитву, тогда стрѣлай“. Мулла такъ и сдѣлалъ, прочиталъ молитву и выстрѣлилъ. Попалъ ли мулла въ Бичуру или нѣтъ,—неизвѣстно, но только послышался жалобный плачъ съ печки. Съ той поры мулла спалъ спокойно: никто не швырялъ въ него всякою дрянью.

Какъ давить Бичура человѣка,—объ этомъ одинъ татаринъ передаетъ слѣдующій рассказъ, слышанный имъ отъ своего отца. „Въ 1863 г. мой отецъ служилъ мельникомъ на мельницѣ у помѣщика Юнусова близъ дер. Мордвы. Одинъ разъ часовъ въ 11 ночи онъ пришелъ съ мельницы въ рабочій домъ, въ которомъ спали двое рабочихъ — русскій мужикъ съ своимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. Ровно въ двѣнадцать часовъ, когда мой отецъ еще не уснулъ, вдругъ съ потолка падаетъ женщина, ростомъ не болѣе полуаршина, на головѣ у ней ирпакъ; она подходитъ къ ногамъ моего отца. Отецъ быстро толкнулъ ее ногой, она упала на полъ со стукомъ, какъ будто бы упала на полъ двухпудовая гиря.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого, вдругъ русскій мальчикъ началъ тяжело дышать и произносить во снѣ разные неясные звуки, какъ будто съ нимъ былъ кошмаръ или кто нибудь давилъ его. Несомнѣнно давила мальчика упавшая съ потолка Бичура. Когда отецъ разбудилъ мальчика, то онъ сказалъ, что его во снѣ кто то сильно давилъ“.

Но Бичура не только давить людей во снѣ и занимается озорствомъ, она иногда бываетъ очень полезна. Полезна она тѣмъ, что приноситъ хозяину дома деньги и многое другое, въ чемъ нуждается хозяинъ. У кого живетъ Бичура, тотъ нерѣдко богатѣетъ, и наоборотъ, по изгнаніи Бичуры, онъ становится бѣднымъ. Объ этомъ существуетъ слѣдующій рассказъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у указнаго муллы деревни Киска асты лаишевскаго уѣзда жила Бичура. Мулла богатѣлъ съ каждымъ днемъ. Денегъ и скота у него стало много. Скотъ былъ сытый и красивый. Оказалось, что Бичура приносила ему деньги ночью, ворую ихъ у сосѣдей, а лошадей кормила овсомъ изъ житницы сосѣдей. Когда мулла достаточно разбогатѣлъ, Бичура ему стала не нужна, надоѣла, и онъ рѣшилъ ее выпроводить изъ своего дома. Для этого мулла привезъ изъ одной деревни татарку ворожею, которая бы нашептываніемъ удалила Бичуру. Какъ только ворожея вѣхала во дворъ, загорѣлись у муллы надворныя строенія. Поджога и неосторожнаго обращенія съ огнемъ при этомъ не было. Черезъ пять-шесть часовъ мулла остался нищимъ. Все у него сгорѣло: и домъ, и имущество, и скотъ. Дома сосѣдей уцѣлѣли.

Баснословныя существа, обитающія въ лѣсу и въ полѣ.

Шурыле (лѣшій).

Шурыле имѣетъ жительство въ дремучихъ лѣсахъ. По внѣшнему виду онъ похожъ на человѣка; у него очень длинныя, крѣпкіе пальцы до трехъ вершковъ длины ¹⁾ и необычай-

¹⁾ Его пальцы нерѣдко находятъ въ известнякѣ: татары обрабатываютъ ихъ въ лѣкарство, растирая въ порошокъ и посыпая этимъ порошкомъ раны. У русскихъ они называются чертовыми пальцами, белемнитами.

но длинныя сосцы, которыя онъ закидываетъ черезъ плечо. По разсказамъ нѣкоторыхъ, Шуряле любятъ уводить человѣка въ самый глухой лѣсъ, гдѣ нѣкоторые неопытные люди погибаютъ. Послышится голосъ, какъ бы зовущій человѣка,—человѣкъ пойдетъ на этотъ голосъ, голосъ отдаляется, человѣкъ идетъ за нимъ все дальше и дальше и наконецъ заплутается. Такъ Шуряле заманиваетъ неопытныхъ людей къ себѣ. Впрочемъ двухъ человѣкъ или даже одного съ собакой Шуряле боится и нападаетъ только на одинокихъ.

Показываются людямъ Шуряле большею частью весною и лѣтомъ во время восхода и захода солнца. При встрѣчѣ съ человѣкомъ Шуряле называется по имени, иногда притворяется сбившимся въ лѣсу съ дороги и просить о помощи. Иногда плачетъ, а иногда весело разговариваетъ и смѣется, такъ что кого угодно можетъ расположить въ свою пользу.

На вопросы Шуряле никогда не отвѣчаетъ, но самъ любить спрашивать. Никогда не слѣдуетъ ему показывать зубы во рту. Какъ только Шуряле увидитъ зубы у человѣка, начинаетъ его щекотать и щекочетъ до смерти.

Имѣя длинныя, крѣпкіе, какъ бы оловянные пальцы, Шуряле очень любитъ это занятіе — щекотать людей. Немало людей и животныхъ погибло отъ щекотанья Шуряле. Каждому встрѣчному Шуряле предлагаетъ играть въ кытыкы-мытыкы (щекотку). Увидитъ человѣка, бѣжитъ за нимъ и еще издали кричитъ: кытый-кытый уйныйык,—давай въ щекотку играть. Игра эта—очень опасная. Сколько бы человѣкъ ни кричалъ, ни умолялъ о пощадѣ, Шуряле не перестанетъ его щекотать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не умретъ.

Умудренные опытомъ люди говорятъ, что для спасенія отъ Шуряле нужно бѣжать въ ручью или рѣкѣ и перескочить черезъ нее. Шуряле боится воды и, не имѣя возможности перейти ручей или рѣчку, спрашиваетъ: „гдѣ начало рѣчки?“ Нужно показывать ему не начало рѣки, а низъ. Шуряле, желая найти начало рѣки, бросится бѣжать по берегу внизъ по теченію, дойдетъ до моря и вынужденъ бываетъ возвратиться

ни съ чѣмъ. Если-же ему показать правильно начало рѣки, онъ быстро обѣжитъ кругомъ нея и, поймавъ человѣка, защекочетъ его до смерти.

Нѣкоторые прибѣгаютъ къ хитрости такого рода. Встрѣвившись съ Шуряле, предлагаютъ ему играть въ щель. Тяле соглашается. Тогда татаринъ ударомъ топора дѣлаетъ въ деревѣ щель и вставляетъ въ нее клинъ. Шуряле просунетъ палецъ въ щель и прищемитъ его деревомъ, если во время выхватить клинъ. Въ этихъ случаяхъ татаринъ обыкновенно называетъ себя именемъ „былтырь кысты“ (прошлый годъ ущемилъ). Когда Шуряле завопитъ отъ боли, то онъ будетъ кричать: былтырь кысты. Сбѣжавшіеся товарищи не поймутъ его и будутъ смѣяться надъ нимъ, потому что прошлый годъ уже прошелъ. Тѣмъ временемъ скрывшійся татаринъ успѣетъ убѣжать домой.

Шуряле—большой любитель ѣздить на хорошихъ лошадяхъ. Если на опушкѣ лѣса пасется табунъ лошадей, Шуряле непременно выберетъ самого хорошаго коня и скачетъ на немъ до тѣхъ поръ, пока конь не издохнетъ. Когда лошадь съ поля возвращается потная, это значитъ—навѣрное на ней ѣздилъ Шуряле. Для того, чтобы отучить Шуряле мучить лошадей, нужно помазать лошади спину смолой. Шуряле сядетъ на нее, не можетъ оторваться отъ смолы и приѣзжаетъ въ деревню. Такъ изловили многихъ Шуряле, при этомъ однихъ сожгли въ банѣ или на кострѣ, другихъ умертвили палками. Но жителей такихъ деревень постигаетъ проклятіе Шуряле. Число дворовъ послѣ умерщвленія Шуряле не увеличивается, и жители влачатъ жалкое существованіе.

Вотъ нѣсколько рассказовъ о гибели Шуряле и о послѣдствіяхъ этого для лицъ, погубившихъ его. Жители одного починка, находившагося вблизи лѣса, много потерпѣвъ отъ нападений Шуряле на ихъ лошадей, ухитрились поймать его. Они намазали спину самого хорошаго коня смолой и пустили въ табунъ. Къ вечеру видятъ, что на этомъ самомъ конѣ, сломя голову, скачетъ женщина (Шуряле). Конь, чуя на себѣ

незнакомаго и страннаго всадника, полнымъ ходомъ прискакалъ прямо въ починокъ. Сбѣжалась вся деревня посмотрѣть на это чудовище. Шуряле сидѣлъ на лошади лицомъ назадъ и все ревѣлъ. На немъ не было никакого платья, голова маленькая, волосы короткіе, глаза большіе, груди какъ у женщины, висѣли черезъ плечо. На вопросы онъ не отвѣчалъ, а только ревѣлъ: былтыръ кысты (прошлый годъ прищемилъ).

При видѣ такого всадника сначала всѣ удивлялись и не знали, какъ съ нимъ поступить. Но затѣмъ, порѣшивъ на сходѣ, сожгли его на кострѣ. Предъ казнью Шуряле жалостно просилъ ихъ отпустить его, но они не исполнили его просьбы. За это Шуряле ихъ проклиналъ. Жители этого починка теперь живутъ очень бѣдно. Число дворовъ не превышаетъ пятнадцати. Никто не имѣетъ двухъ избъ или стараго хлѣба. Что только ни заработаютъ, все до копѣйки пропиваютъ. Живутъ, не думая о завтрашнемъ днѣ и о дальнѣйшемъ существованіи. По ихъ же объясненію живетъ имъ такъ плохо потому, что ихъ прадѣды казнили Шуряле, а Шуряле предъ казнью проклиналъ ихъ самихъ и ихъ потомство. И вотъ теперь Богъ ихъ наказываетъ по просьбѣ Шуряле.

По разсказу въ другой варіаціи, жители деревни, поймавъ Шуряле, долго не могли съ нимъ справиться. Цѣлымъ обществомъ они начали его бить, но убить до смерти никакъ не могли его. Тогда они бросили Шуряле съ крутой горы, но онъ безъ всякаго вреда для себя скатился внизъ сидя, поднявши ноги кверху. Его опять поймали, привязали къ дереву и уже тогда сожгли. Послѣ этого въ той деревнѣ постоянно бываютъ пожары и ни въ чемъ нѣтъ прибыли. Лошадь послѣ сожженія Шуряле пропала.

Разсказовъ, подобныхъ приведеннымъ, очень много. Во всѣхъ этихъ разсказахъ однообразно передается о способѣ изловленія Шуряле, о его гибели, о проклятіи погубившихъ его и о послѣдующихъ несчастіяхъ съ жителями деревни, такъ что, когда татары видятъ захудалую маленькую деревню, то обыкновенно говорятъ: „Шуряле каргаган“, — Шуряле проклиналъ.

А вотъ разсказъ одного татарина о томъ, какъ Шуряле завелъ его дѣда въ самую глушь лѣса.

„Пошелъ мой дѣдъ однажды въ лѣсъ работать. Лѣсъ тогда былъ не такой какъ теперь, а очень большой и густой. Когда онъ работалъ тамъ, ему послышался голосъ, который звалъ его къ себѣ. Дѣдъ мой былъ человѣкъ небоязливый и пошелъ на голосъ. Шелъ, шелъ, а голосъ какъ бы все дальше уходитъ въ глубь лѣса. Начало уже смеркаться, дѣдъ хотѣлъ поворотить домой, да не тутъ то было: идетъ, идетъ, а придетъ какъ будто на старое мѣсто. Такъ дѣдъ проплуталъ всю ночь, а изъ лѣсу все же не вышелъ. Вышелъ изъ лѣсу дѣдъ только въ полдень и то не къ своей деревнѣ, а совершенно въ противоположную сторону—къ вотякамъ, верстъ за пятнадцать отъ нашей деревни.

Когда наступила ночь, а моего дѣда все еще не было дома, отецъ его и мать стали тревожиться. Собрали родныхъ и сосѣдей и отправились въ лѣсъ за дѣдомъ. Пришли въ лѣсъ, нашли то мѣсто, гдѣ работалъ дѣдъ, а его нѣтъ. Стали кричать—не откликается, искать—нигдѣ нѣтъ. Порѣшили, что дѣдъ ушелъ въ сосѣднюю деревню къ роднѣ въ гости, и воротились домой. Но мать дѣда не успокоилась, а заставила утромъ мужа сходить къ муллѣ, чтобы онъ помолился Богу за сына, и при этомъ обѣщала Богу жертву, чтобы Богъ избавилъ ихъ сына отъ шайтана. Какъ только мулла помолился Богу, пришелъ и мой дѣдъ домой—тощій, даже какъ будто больной. Весь день дѣдъ спалъ, только на другой день разсказалъ, какъ хитро Шуряле заманилъ его въ самый густой лѣсъ и какъ онъ плуталъ цѣлую ночь по лѣсу, ходя по голосу Шуряле, хотя самого Шуряле онъ не видѣлъ, и какой онъ изъ себя, дѣдъ сказать не могъ“.

У б ы р ь.

Убырь ¹⁾—это, по повѣрью татаръ, злое кровожадное существо, живущее нераздѣльно и въ связи съ человѣкомъ,

¹⁾ У русскихъ существуетъ приблизительно вѣрованіе въ такое же существо,—въ упыря, который высасываетъ кровь у спящихъ людей. Повѣрье это

даже какъ будто въ самомъ человѣкѣ. Люди, имѣющіе при себѣ Убыра, встрѣчаются большею частью среди женщинъ и носятъ названіе „убырлы кеше“ (человѣкъ съ Убыромъ). Такихъ людей можно узнать по тому, что на головной маковѣ у нихъ бываетъ углубленіе, и о такихъ людяхъ говорятъ: „башы тишекъ, бу убырлы икянь“ (такъ какъ у него на головѣ ямочка,—онъ съ Убыромъ, носить въ себѣ Убыра).

При жизни убырлы кеше Убырь нерѣдко оставляетъ во время сна того человѣка, съ которымъ связанъ. Какъ только человѣкъ, имѣющій Убыра, заснетъ, Убырь выходитъ черезъ печную трубу въ видѣ огненного шара. Онъ принимаетъ разные виды, ходитъ огненнымъ колесомъ, свиньей, черной кошкой, черной собакой. Въ виду того, что Убырь имѣетъ склонность влетать въ печныя трубы искрой, опытные люди совѣтуютъ трубы держать постоянно закрытыми.

Убырь не опасенъ для здоровья мужчинъ, даже избѣгаетъ встрѣчи съ ними, но въ общемъ, какъ увидимъ ниже, онъ приноситъ людямъ большой вредъ, въ особенности вреденъ для женщинъ, почему его стараются поймать и умертвить. Но поймать Убыра не такъ легко, потому что Убырь имѣетъ способность быстро разсыпаться искрами, и моментально исчезать.

Одинъ старикъ открылъ секретъ, какъ можно поймать Убыра. Оказывается, для этого слѣдуетъ только распоротъ на себѣ рубаху, тогда кажущійся огненный шаръ падаетъ прямо къ ногамъ человѣка, распоровшаго рубаху, и превращается въ того человѣка, отъ котораго онъ отдѣлился. Затѣмъ онъ

имѣетъ основаніе въ дѣйствительномъ существованіи особаго вида животныхъ изъ породы летучихъ мышей, т. наз. вампира или кровососа (*phyllostoma spectrum*), который по баснословнымъ рассказамъ многихъ народовъ, навѣвая пріятную прохладу, а съ нею крѣпкій сонъ на спящаго, высасываетъ у человѣка кровь, отчего человѣкъ умираетъ. Предполагаютъ, что слово вампиръ восточнаго происхожденія,—съ востока перешло на западъ и къ славянамъ. Изъ татарскихъ рассказовъ не видно, чтобы Убырь высасывалъ кровь у людей, хотя онъ признается крайне зловреднымъ и кровожаднымъ существомъ.

начинаетъ умолять, чтобы узнавшій его тайну не билъ его и не передавалъ никому о встрѣчѣ съ нимъ. При этомъ общается не причинять никакого зла ни ему, ни его роднымъ и знакомымъ, ни скоту его. Если въ это время Убыра побить какъ слѣдуетъ, то утромъ убырлы кеше жалуется на боль въ костяхъ и долго хвораеть, такъ что изъ-за Убыра приходится переносить побои и человѣку, спокойно спавшему на постели.

Существуетъ также относительно Убыра предупрежденіе такого рода: если въ собакѣ или кошкѣ, которые ходятъ поздно около амбаровъ и кладовыхъ, заподозришь Убыра, то непременно слѣдуетъ проколоть глаза этому животному или по крайней мѣрѣ какъ нибудь поранить его. Если на самомъ дѣлѣ это Убырь, то съ проколотыми глазами или пораненной окажется не только собака или кошка, но и тотъ человѣкъ, который имѣетъ въ себѣ Убыра. Такъ узнается Убырь, и послѣ этого такого человѣка всячески избѣгаютъ, не входятъ съ нимъ ни въ какія сношенія.

Есть еще средство, кромѣ упомянутыхъ, узнать и изловить Убыра. Если, говоритъ народная мудрость, взять деревянные черемуховыя вилы или вообще двухъчастное дерево и, разломивъ развѣтляющіяся части, отдѣлить одну отъ другой, то Убырь обратится въ человѣка, станетъ предъ тобой на колѣна и станетъ просить о пощадѣ. Въ это время надо бить его сильнѣе, чтобы онъ больше не приходилъ.

Почему народныя легенды такъ подробно распространяются о томъ, въ какомъ видѣ является Убырь, какъ его узнать и какъ избавиться отъ него?

Можно думать, это находится въ зависимости отъ того, что Убырь признается крайне вреднымъ существомъ. Дѣйствія его можно приравнять къ дѣйствіямъ русскихъ колдуновъ, оборотней и т. д. Люди, носящіе въ себѣ Убыра, бываютъ жадны и злы и, не довольствуясь своимъ, поѣдаютъ разными видами выходятъ по ночамъ на кражу. Похищаютъ они разные драгоценности. Въ особенности опасны Убыры для жен-

щинъ въ періодъ беременности. Они похищаютъ часто ребенка изъ утробы беременной женщины совершенно для нея безболѣзненно и прячутъ его. Послѣ родовъ они нерѣдко подмѣниваютъ ребенка до достиженія имъ сорокадневнаго возраста, безъ различія пола новорожденнаго. Во избѣжаніе этого при родахъ долженъ находиться кто нибудь изъ мужчинъ ¹⁾).

Что они дѣлаютъ съ женщинами, то же самое происходитъ со скотомъ—съ стельными коровами, жеребными лошадьми, суягными овцами. Убыры похищаютъ телятъ, жеребятъ и ягнятъ. Большой вредъ Убырь приносить также въ томъ отношеніи, что сосетъ коровъ и кобылицъ, послѣ чего животныя долгое время болѣютъ, а если были стельными, то происходитъ выкидышъ.

Помимо всего этого Убырь можетъ портить людей, наводить на нихъ разнаго рода болѣзни. Однихъ дѣлаетъ сухорукими, другимъ прививаетъ разные болячки и пузыри, иныхъ превращаетъ въ кликуновъ и кликушъ. Иной разъ человѣкъ до того влечетъ, что и самъ не знаетъ, что говорить. Противъ послѣдней болѣзни рекомендуется слѣдующее средство: когда человѣкъ начинаетъ выкликать, надо снять съ потной лошади хомутъ и надѣть на того человѣка, который влечетъ; тогда этотъ человѣкъ выздоравливаетъ и скажетъ, кто его испортилъ.

По сообщенію г. Каюма Насырова у татаръ особенно много рассказовъ объ Убырь-старухѣ. По этимъ рассказамъ, Убырь-старуха живетъ обыкновенно въ избушкѣ, въ глухомъ заброшенномъ мѣстѣ. Никто у ней не бываетъ за исключеніемъ заблудившихся и молодцовъ-богатырей, которые безстрашно сами ищутъ Убырь-старуху, чтобы узнать что либо отъ нея, или изъ простаго любопытства. Такіе молодцы не

¹⁾ По сообщенію г. Насырова Убырь давитъ людей во время сна. На вопросъ объ этомъ мы получали отрицательный отвѣтъ отъ татаръ. Повѣдку давить людей во время сна татары относятъ, поскольку мнѣ пришлось слышать, исключительно къ Бичурѣ и Албасты, о которомъ будетъ сказано ниже.

дѣлають Убырь-старухѣ обычнаго саляма, а если старуха на это разсердится и захочетъ убить ихъ, они однимъ взмахомъ сабли порѣшаютъ ее. Если посѣтителница Убырь-старухи женщина, то старуха испытываетъ ее въ честности. Добродѣтельную и честную награждаетъ, даритъ ей сундукъ съ драгоценностями, а нечестную наказываетъ; тоже даритъ ей сундукъ, но только не съ драгоценностями, а со змѣей, которая жалитъ ее на смерть, какъ только она откроетъ сундукъ.

По смерти человѣка, имѣющаго Убыра, злыя дѣйствія послѣдняго не прекращаются. Убырь не оставляетъ своего спутника и живетъ при немъ въ могилѣ. Убырлы-кеше послѣ смерти проглатываетъ свой саванъ и устраиваетъ для себя изъ могилы выходъ на подобіе норы, откуда и выходитъ по ночамъ. Говорятъ, что на всѣхъ могилахъ покойниковъ, которые имѣли при жизни Убыра, бываетъ отверстіе сверху до самого рта покойника, черезъ которое онъ будто бы дышетъ и выходитъ по ночамъ, чтобы кого либо заколдовать, напороть или же что нибудь похитить.

Разсказываютъ объ этихъ Убырахъ, что они будто-бы изъ своихъ могилъ проглатываютъ облака съ неба, отчего происходятъ гибельныя засухи.

Для того, чтобы уничтожить эту враждебную силу, необходимо могильное отверстіе Убыра набить коннымъ пометомъ и крѣпко накрѣпко заколотить дубовымъ коломъ. А еще вѣрнѣе и лучше будетъ, если, выкопавъ покойника, положить его навзничъ и пробить черезъ спину и грудь дубовымъ коломъ. Въ этомъ случаѣ уже навѣрняка можно сказать, что Убырь больше не появится и такимъ образомъ вредоносная его дѣятельность прекратится.

А л б а с т ы .

Именемъ Албасты ¹⁾ у татаръ называется нечистая сила или злое существо, живущее и являющееся людямъ преимуще-

¹⁾ Слово Албасты происходитъ отъ эль—рука и басмакъ—давить; существо, давящее кого либо рукою; или отъ алтъ—передъ и басмакъ—давить; существо, давящее «передъ», т. е. грудь.

ственно въ нежилыхъ домахъ, въ пустыряхъ, на поляхъ и въ логахъ. Много рассказовъ объ этой злой силѣ какъ у татаръ магометанъ, такъ и у крещеныхъ, но рассказы эти чрезвычайно однообразны.

Является людямъ Албасты въ видѣ человѣка, а больше всего въ видѣ большого воза, копны, стога, скирда, елки ¹⁾ и т. д. Опасность отъ Албасты заключается въ томъ, что онъ можетъ задавить человѣка на смерть, при чемъ еще пьетъ иногда у него кровь ²⁾.

Когда Албасты давить человѣка, то послѣдній чувствуетъ сильное сердцебиеніе и удушье. „Однажды, рассказываетъ одинъ ученикъ казанскаго медресе, въ мѣсяцъ Рамазанъ ночью послѣ ужина я легъ спать. Во снѣ я видѣлъ, что иду въ мечеть на молитву. Когда я вошелъ въ мечеть, мулла и народъ уже молились. Вдругъ я увидѣлъ очень большого здороваго старика нищаго, который грубо подошелъ ко мнѣ и началъ меня давить. Давилъ онъ меня такъ сильно, что я не могъ дышать. Я задыхался и терялъ сознаніе. Хотѣлъ было я закричать о помощи, но крикъ не выходилъ изъ горла; черезъ нѣсколько времени Албасты ушелъ и я, вскрикнувъ отъ

¹⁾ По сообщенію г. Насырова Албасты является въ видѣ человѣка, а въ видѣ копны или стога является особое существо Урякъ. По нашему мнѣнію, это утвержденіе не отличается правильностью. По татарскимъ рассказамъ, Албасты, какъ существо давящее, отличается грузностью и естественно является въ видѣ копны, стога и т. д., хотя показывается иногда людямъ и въ видѣ человѣка. Урякъ въ рассказахъ татаръ изображается въ видѣ человѣка. Да такъ и должно быть, потому что Урякъ, судя по многимъ даннымъ, есть не что иное, какъ душа человѣка умершаго насильственной смертью.

²⁾ За положеніе, что Албасты пьетъ кровь человѣка, мы не ручаемся, основываясь въ данномъ случаѣ на довѣріи къ г. Насырову. Одни изъ татаръ утверждаютъ, что кровь человѣка пьетъ Албасты, другіе (меньшинство и неувѣренно)—Убыръ, наконецъ третьи совершенно неосновательно относятъ это свойство къ Уряку. Естественнѣе всего было бы это свойство приписать Убыру—въ виду родственныхъ повѣрій у другихъ народовъ, но большинство рассказовъ совершенно отрицаютъ это свойство въ отношеніи Убыра и приписываютъ его скорѣе Албасты, существу кровожадному, какъ и Убыръ. Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы тѣмъ не менѣе на основаніи указанныхъ данныхъ болѣе склоняемся къ утвержденію г. Насырова.

испуга, проснулся. Я чувствовалъ себя измученнымъ, усталымъ и на другой день захворалъ“.

Впрочемъ не всегда Албасты давить человѣка, иногда человѣкъ отдѣливается испугомъ, и Албасты существеннаго вреда ему не приносятъ, хотя и покажется ему на время, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа одного татарина.

Ѣхалъ онъ зимою отъ города Казани въ свою деревню въ ночное время. Не доѣзжая до деревни какихъ нибудь двѣ—три версты, видитъ, что по обѣимъ сторонамъ его идутъ два стога сѣна, а возлѣ этихъ стоговъ что то свѣтится. Присмотрѣвшись внимательнѣе, татаринъ ужаснулся, признавъ въ стогахъ Албасты. Онъ началъ погонять лошадь, но сколько ни ѣхалъ, никакъ не можетъ проѣхать стоговъ со свѣтомъ возлѣ нихъ. Убѣдившись окончательно, что его преслѣдуетъ Албасты, отъ испуга онъ еще сильнѣе погналъ лошадь, но безуспѣшно.

Послѣ двухъ-трехчасовой гонки онъ подѣзжаетъ къ темному лѣсу, какого и не было въ этой мѣстности. Слышать звуки музыки, звонъ колоколовъ, отдаленные человѣческіе голоса, мычаніе коровъ, ржаніе лошадей и т. п. Еще сильнѣе испугался нашъ бѣдный татаринъ и съ молитвой поѣхалъ дальше. А стоги со свѣтомъ не отстаютъ отъ него ни на шагъ, все сопровождаютъ его. Посмотрѣлъ кругомъ, — тѣ же стоги и тотъ же свѣтъ около нихъ. Теперь онъ потерялъ всякую надежду на избавленіе. Нападетъ, думаетъ про себя, Албасты и задавить. „Ну будь, что будетъ!“ Легъ онъ въ кошевку и пустилъ лошадь на волю...

Слышать, вдругъ пропѣли пѣтухи и моментально исчезли и два стога, и свѣтъ возлѣ нихъ. Послѣ этого лошадь, почувствовавъ облегченіе, побѣжала уже не рысью, а прямо вскачь, такъ что нельзя было удержать ее. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ незнакомую деревню и не можетъ узнать, гдѣ онъ. Послѣ долгихъ соображеній догадался, что это та самая деревня, черезъ которую онъ проѣзжалъ еще днемъ.

Собравъ послѣднія силы, татаринъ поѣхалъ въ свою деревню. Между тѣмъ уже стало свѣтло. Когда онъ ѣхалъ, все смотрѣлъ по сторонамъ, дивился на слѣды своихъ саней и вспоминалъ о своемъ ночномъ путешествіи. Тутъ онъ оправился и, почувствовавъ свое освобожденіе отъ Албасты, благополучно пріѣхалъ въ свою деревню. Отъ этого нападенія Албасты татаринъ захворалъ и едва не умеръ. Если бы въ ту ночь не пропѣли пѣтухи во время, гибель его вѣроятно была бы неминуема.

У р я к ъ.

Подъ именемъ Уряка у татаръ разумѣется баснословное существо, преимущественно живущее тамъ, гдѣ былъ убитъ человѣкъ, на мѣстахъ, обогранныхъ человѣческою кровью. Въ виду отсутствія выдающихся характеристическихъ чертъ Убыра, Албасты и Уряка и возможности смѣшать ихъ, отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе яркія особенности каждаго изъ нихъ и установимъ между ними разницу.

Различіе между Урякомъ и Албасты заключается въ томъ, что Урякъ является людямъ исключительно *въ видѣ человека*, тогда какъ Албасты показывается въ видѣ какого либо воза, копны, стога и т. п. Албасты является во многихъ мѣстахъ, — въ полѣ, въ лѣсу и проч., а Урякъ только на мѣстѣ насильственной смерти человѣка. Затѣмъ Албасты существуетъ и дѣйствуетъ самостоятельно, вѣдъ человѣка и независимо отъ него, между тѣмъ какъ Урякъ повидимому бываетъ тѣсно связанъ съ существомъ человѣка и появляется на могилахъ насильственно умершихъ людей.

Въ отношеніи зависимости отъ человѣка есть нѣкоторое внѣшнее сходство между Урякомъ и Убыромъ. Убырь, какъ и Албасты, тоже отдѣльное существо, но подобно Уряку живущее въ связи съ человѣкомъ, лишь по временамъ отдѣляющееся отъ него. Убырь дѣйствуетъ не только послѣ смерти, но и при жизни человѣка. Урякъ, повидимому, не представляетъ отдѣльнаго отъ человѣка существа, а есть тотъ же человѣкъ

или его духовная сущность,—душа, начинающая жить самостоятельно послѣ смерти человѣка.

Къ этой мысли склоняется и г. Насыровъ, производя имя Урякъ отъ слова „урмякъ“—дуть. Въ виду того, что, по его словамъ, нѣтъ специально татарскаго названія для обозначенія души, а есть только персидское слово „джанъ“,—то онъ вполне допускаетъ, что словомъ Урякъ татары до принятія ислама обозначали душу. И теперь въ случаѣ испуга или сильнаго волненія татары употребляютъ выраженіе: „урягемъ купты“—мой Урякъ поднялся. Слѣдовательно, Урякъ имѣется у каждаго человѣка.

Признавая это предположеніе г. Насырова вполне правдоподобнымъ,—въ объясненіе того, почему Урякъ появляется только на могилахъ насильственно умершихъ людей, можно замѣтить, что вообще по народнымъ представленіямъ духъ умершаго неестественною смертію человѣка не находитъ себѣ успокоенія и бродитъ въ этомъ мірѣ. Лишнимъ доводомъ въ пользу того, что подъ Урякомъ разумѣется душа, можетъ служить то обстоятельство, что татары до сихъ поръ мѣстопробываніемъ души считаютъ кровь или даже больше того—самую душу считаютъ за кровь. Естественно конечно Уряку и жить на мѣстахъ, обогранныхъ человѣческою кровію, какъ гласятъ о томъ татарскія легенды. Во всякомъ случаѣ въ разсказахъ объ Урякѣ сказываются смутныя представленія доисламическихъ татаръ о человѣческой душѣ. Теперь Урякъ рисуется въ воображеніи татарина въ качествѣ отдѣльнаго баснословнаго существа, живущаго на могилахъ насильственно умершаго человѣка.

Въ отношеніи къ людямъ между Убыромъ, Албасты и Урякомъ тоже есть существенная разница. Албасты и Убырь—вредоносныя существа. Албасты можетъ задавить человѣка, а Убырь кромѣ того приноситъ много вреда, когда бродитъ ночью въ видѣ свиньи, кошки, собаки и т. д. Урякъ самъ собою большаго вреда причинить не можетъ. Говорятъ, что онъ отнимаетъ у человѣка сознаніе, сбиваетъ иногда съ пути,

любить иногда подсѣсть въ сани или телѣгу и покататься, причемъ лошади отъ этого бываетъ очень тяжело. Несмотря на то, что Урякъ не причиняетъ крупнаго вреда человѣку, онъ внушаетъ татарину сильнѣйшій страхъ. Татары стараются на далекомъ разстояніи обходить могилы умершихъ насильственной смертью людей и видятъ Уряка только издалека или только слышатъ его раздирающій душу вопль.

Если Урякъ находится вблизи человѣка и не желаетъ отстать отъ него, то освободиться отъ него можно только нехорошими бранными словами. Въ Уряка вѣрують и крещенные татары. Вотъ что рассказала одна крещеная татарка о встрѣчѣ съ Урякомъ.

Ѣхала она однажды днемъ по опушкѣ лѣса. Кругомъ было тихо; никого во всю дорогу она не встрѣтила. На пути лежалъ логъ съ довольно большимъ мостомъ черезъ него. Этотъ мостъ носитъ названіе „Джинъ кўпере“ (мостъ джина, черта). Когда она подѣзжала къ мосту, вдругъ видитъ, что на мосту стоитъ человѣкъ, одѣтый въ бѣлый черемисскій костюмъ, облокотившись на перила моста, съ пестеремъ на плечахъ и палкой въ рукахъ. Тихо спустилась татарка въ логъ и, не обращая вниманія на необыкновеннаго странника, вздумала его обѣхать. Но не тутъ то было. Странникъ началъ ее просить, чтобы она посадила его съ собой, но она поѣхала себѣ впередъ. Странникъ все стоялъ въ одномъ положеніи, облокотившись по прежнему на перила моста. Женщина поднялась изъ лога и вздумала посмотреть на него. Въ этотъ моментъ странникъ, обратившись въ круглый огненный шаръ, кубаремъ скатился къ телѣгѣ и, обратившись въ маленькую дѣвочку, вмигъ очутился на телѣгѣ.

Какъ только сѣла эта маленькая дѣвочка въ телѣгу, лошадь остановилась. Женщина начала съ испуга призывать на помощь святыхъ, стала читать молитвы, которыя знала, а дѣвочка все не слѣзаетъ съ телѣги. Вытаращила глазенки и сидитъ себѣ спокойно. Женщина начала гнать лошадь; но лошадь плетется, какъ будто везетъ возъ въ пять-

десять пудовъ, а на самомъ дѣлѣ въ телѣгѣ сидѣла только маленькая дѣвочка. Лошадь устала до невозможности, вся покрылась пѣною и ежеминутно останавливалась. Убѣдившись въ томъ, что это—не простая дѣвочка, женщина стала отъ страха терять сознаніе. Все время она читала молитвы: „Отче нашъ“, „Достойно“, „Богородицу“. Но и чтеніе молитвъ нисколько не помогало.

Тогда женщина осердилась и всячески начала ругать дѣвочку и бить ее палкой, сопровождая каждый ударъ произнесеніемъ непечатной ругани. Послѣ этого дѣвочка слѣзла съ телѣги и начала пугать женщину, говоря ей, что она не возвратится домой живою. Услышавъ это, женщина, ободренная нѣсколько тѣмъ, что дѣвочка слѣзла съ телѣги, стала снова бить ее палкой и осыпать бранными словами. Наконецъ, и сама уже начала выбиваться изъ силъ. Бросила ее, слѣла въ телѣгу и поѣхала дальше, а дѣвочка все бѣжитъ за ней, не отставая отъ нея ни на шагъ. Такъ женщина мучилась съ дѣвочкой около двухъ часовъ.

Но вотъ она вспомнила, что въ этихъ случаяхъ необходимо перепречь лошадь головой къ телѣгѣ. Такъ она и сдѣлала. Необыкновенная дѣвочка послѣ этого моментально исчезла. Въ такой странной запряжкѣ женщина въ страхѣ сидѣла около получаса времени. Послѣ этого опять перепрягла лошадь по прежнему и поѣхала. Такимъ образомъ избавилась она отъ Уряка и благополучно пріѣхала въ свое село.

Баснословныя существа, обитающія въ водѣ.

Подобно тому, какъ въ поляхъ и въ лѣсахъ, по вѣрованіямъ татаръ, живутъ въ большомъ количествѣ разныя странныя необыкновенныя существа, которыя являются распорядителями и хозяевами этихъ мѣстъ,—точно такъ же и въ водныхъ пространствахъ есть свои властители и обитатели, которые иногда въ человѣческомъ видѣ являются людямъ. Существа эти слѣдующія: Сну бабасы (водяной дѣдъ), Сну эясе (водяной хозяинъ), Сну анасы (водяная мать).

Изъ этихъ трехъ существъ составляются въ водныхъ пространствахъ семейства. Народныя легенды и рассказы не выясняютъ достаточно, какъ нужно представлять взаимоотношеніе этихъ существъ между собою. По однимъ рассказамъ можно думать, что Сую бабасы—главный хозяинъ водныхъ пространствъ, Сую анасы—его жена, Сую эясе—его сынъ, находящійся у него въ полномъ подчиненіи. На основаніи другихъ рассказовъ можно предполагать, что Сую бабасы уже отживающій свой вѣкъ старикъ, хотя еще крѣпко держащій власть въ своихъ рукахъ, но уже значительную долю ея уступившій своему сыну, имѣющему жену—Сую анасы.

Въ первомъ случаѣ Сую эясе изображается глуповатымъ, робкимъ, неопытнымъ, хотя и бойкимъ юношей, исполняющимъ только приказанія своего отца. Во второмъ случаѣ онъ въ воображеніи татарина является уже взрослымъ мужчиной, который можетъ проявлять самостоятельно свою силу и власть, хотя не всегда разумно и умѣстно. Какъ бы то ни было, если народное воображеніе въ водяномъ царствѣ допускаетъ семьи, то вполне естественно, что семейства этихъ существъ увеличиваются. Есть, значитъ, тамъ старики и дѣти, есть жены и есть юноши и дѣвушки, исполняющіе приказанія взрослыхъ.

Народные рассказы настолько слабо разбираются въ опредѣленіи этихъ существъ, что смѣшиваютъ иногда Сую эясе и Сую анасы, произвольно относятъ эти названія къ одному и тому же лицу, хотя, какъ заключаетъ и г. Насыровъ, странно относить къ одному и тому же существу столь противоположныя имена (муж. и жен. рода). Въ старину вѣроятно точнѣе представляли понятія, соединенныя съ этими названіями.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ упомянутыхъ водяныхъ существъ.

1) *Сую бабасы* (водяной дѣдъ). Это существо представляется въ воображеніи татарина старикомъ, въ подчиненіи у котораго находятся водныя пространства известной мѣстности. Онъ живетъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ. Изъ народныхъ

разказовъ не видно, чтобы онъ когда либо выходилъ на берегъ. Если же легенды и говорятъ объ этомъ, то въ своихъ дѣйствіяхъ въ это время онъ ничѣмъ не отличается отъ Сую эясе и Сую анасы, которые занимаются на берегу тѣмъ, что причесываютъ золотымъ или серебрянымъ гребнемъ свои длинные волосы.

Когда человѣкъ купается или упадетъ въ воду въ глубокомъ мѣстѣ, Сую бабасы уносятъ его, и тамъ человѣкъ погибаетъ. Поэтому, когда утонетъ человѣкъ, обыкновенно говорятъ „Сую бабасы или Сую эясе алганъ“, т. е. „водяной дѣдъ или водяной хозяинъ взялъ“.

Закамскіе татары рассказываютъ, что имъ приходится видѣть въ одномъ глубокомъ озерѣ Сую бабасы, превращеннаго въ дѣвушку. Вѣроятно же всего, это плодъ смѣшенія Сую бабасы и Сую эясе съ Сую анасы, о чемъ мы сказали выше.

Существенной разницей между Сую бабасы и Сую эясе, кромѣ возраста, служитъ также и то, что Сую бабасы серьезнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ не поднимаетъ напрасно бури и не причиняетъ безпричинно вреда людямъ, но въ случаѣ гнѣва онъ дѣйствительно можетъ причинить несчастіе людямъ, можетъ поднять бурю и потопить людей, прорвать плотину на мельницѣ, а также можетъ насылать на людей болѣзни. Такъ, напримѣръ, на тѣлѣ человѣка появляются иногда водянистые пузыри. Эту болѣзнь всегда приписываютъ водяному,—Сую бабасы и Сую эясе безразлично. Чтобы умиловить его, татары смѣшиваютъ горсть крупы съ солью и бросаютъ въ рѣку или ключъ. Послѣ этого болѣзнь проходитъ. Нѣкоторые въ случаѣ появленія болячекъ на тѣлѣ заворачиваютъ одну полбенную крупу безъ соли въ тряпицу и пускаютъ въ воду со словами: „каян килден, шунда кит, эяня итеб бир“—„откуда пришелъ, туда иди; отдай хозяину“. Болѣзнь тоже проходитъ. Называется этотъ обрядъ—тозь-жарма жибяреу (приношеніе соли и крупы).

Умиловляютъ татары водяного и въ томъ случаѣ, если имъ приходится пить или брать воду изъ рѣки въ первый

разъ. Женщины въ этихъ случаяхъ выдергиваютъ волосъ изъ головы и бросаютъ въ воду, а мужчины бросаютъ волосъ, выдернутый изъ бороды. Это — плата водяному за воду.

2) *Сыу эясе* (водяной хозяинъ). Сыу эясе бываетъ вездѣ, гдѣ только есть вода — рѣка, озеро или ручей. Это менѣе почтенное существо, чѣмъ Сыу бабасы, и своей властью пользуется часто легкомысленно и неразумно. Очень часто онъ сердится и въ порывѣ необузданнаго гнѣва рветъ плотины на мельницахъ, угоняетъ рыбу отъ рыбаковъ, схватываетъ людей и скотину и въ водѣ давить ихъ. Водяной хозяинъ сердитѣе дѣдушки. Дѣдушка, хотя и старше хозяина, но не злоупотребляетъ своей силою, степеннѣе хозяина, никого напрасно не обижаетъ. Водяной же хозяинъ, когда сердится, ничего не соображаетъ. Въ особенности большой вредъ онъ приноситъ тѣмъ, что прорываетъ плотины на мельницахъ. Иная мельница, жалуются нерѣдко татары, сколько лѣтъ стояла въ самую полную воду и все обходилось благополучно, а тутъ Сыу эясе ни съ того ни съ сего разсердится, прорветъ плотину, и мельница остается безъ воды.

Одинъ старый татаринъ такъ объяснялъ причину гнѣва хозяина. Онъ сердится сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда разсорится съ женой изъ-за ея ревности: ревнуетъ ли хозяйка его къ Сыу бабасы, превращенному въ дѣвушку, или просто по временамъ на нее дурь находить, но только причина его гнѣва въ ней; она черезчуръ донимаетъ его и доводитъ до сильнаго раздраженія. Способы умиловленія Сыу эясе тѣ же, что и Сыу бабасы, о которыхъ сказано выше.

Судя по описаннымъ дѣйствіямъ Сыу эясе, его слѣдовало бы представлять въ видѣ мужчины, но въ народныхъ разсказахъ, когда онъ изображается являющимся людямъ, онъ вездѣ рисуется какъ женщина. Сыу эясе, по этимъ разсказамъ, очень сходенъ съ Сыу анасы, и татары плохо ихъ различаютъ. Какъ и Сыу анасы, Сыу эясе является людямъ на берегу въ образѣ сидящей женщины съ длинными волосами, которая чешетъ золотымъ гребнемъ волосы. Онъ не имѣетъ

бровей. Потому, у кого маленькіе брови, того называютъ Сѹ эясе. Если тихонько подойти къ нему, онъ испугается и гребень оставить на берегу; поэтому къ рѣкѣ нужно подходить, подавая голосъ. Если взять его гребень, то онъ ночью подходить къ окну и просить свой гребень словами: „отдай мой золотой гребень“. Ходить и просить до тѣхъ поръ, пока не отнесешь гребня на берегъ. Нерѣдко Сѹ эясе покупаетъ на базарѣ фрукты и ѣстъ ихъ; денегъ у него много.

Насколько глуповать и неопытенъ Сѹ эясе, когда онъ въ молодыхъ лѣтахъ, это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, весьма похожаго на русскіе разсказы въ этомъ родѣ и, быть можетъ, даже заимствованнаго у русскихъ. Одинъ татаринъ началъ вить веревки на берегу рѣки или озера. Къ нему вышелъ водяной (Сѹ эясе) и спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?“ Татаринъ отвѣчаетъ ему: „Хочу воду къ небу привѣсить и всю рѣку высушить.“ Водяной сталъ умолять не губить его и его сотоварищей, не оставлять ихъ безъ воды. Тогда татаринъ проситъ водяного наложить ему полную шапку денегъ. Водяной пошелъ въ воду за деньгами, а татаринъ въ это время вырылъ яму, надъ ямой поставилъ дырявую шапку. Водяной сталъ сыпать деньги въ шапку, а деньги сыпались изъ шапки въ яму; наполнились деньгами и яма, и шапка. Тогда татаринъ отказался отъ своего намѣренія привѣсить къ небу воду, и всѣ водяные остались живы.

3) *Сѹ анасы* (водяная мать)—это водяное существо женскаго пола, то же приблизительно, что по русскимъ легендамъ русалка. Въ татарскихъ разсказахъ она изображается въ качествѣ жены Сѹ бабасы или Сѹ эясе. Сѹ анасы чаще другихъ водяныхъ существъ является на берегу людямъ, и поэтому о внѣшнемъ ея видѣ имѣются болѣе опредѣленныя свѣдѣнія. Сѹ анасы имѣетъ видъ человѣка. Тѣлосложеніе у ней не особенно складное, коса черная, длинная—чуть не до земли. Голова большая и продолговатая. Глаза большіе, черные, выпуклые. Тѣло имѣетъ цвѣтъ нѣсколько красноватый. Грудь у ней широкая, выдающаяся впередъ.

Какъ и Сую эясе (водяной хозяинъ), Сую анасы является людямъ причесывающей свои длинные волосы, иногда забываетъ свой золотой или серебряный гребень и приходитъ за нимъ къ тому, кто взялъ этотъ гребень. Всѣ эти и подобные рассказы относятся къ Сую анасы даже болѣе, чѣмъ къ Сую эясе, и только по какому то недоразумѣнію и повидимому вслѣдствіе позднѣйшаго смѣшенія этихъ двухъ существъ, стали относить къ нимъ одни и тѣ же рассказы.

Сую анасы обитаетъ какъ въ большихъ, такъ и малыхъ рѣкахъ. Если человѣкъ ей попадаетъ въ руки, то она уже его не отпуститъ. Ловить она людей вечеромъ, когда они купаются,—можетъ схватить человѣка также днемъ. Говорятъ, что Сую анасы питается человѣческимъ мясомъ. Поэтому она внушаетъ людямъ большой страхъ. Матери пугаютъ малыхъ дѣтей, угрожая, что имъ явится Сую анасы и утащитъ ихъ, если они пойдутъ одни на рѣку купаться.

Впрочемъ, если умиловитъ Сую анасы, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ быть и доброй. Существуетъ по этому поводу слѣдующій рассказъ. Одна водяница (Сую анасы) явилась мельнику и просила его о томъ, чтобы онъ доставилъ ей человѣка. Когда мельникъ отказывался исполнить ея просьбу, она угрожала ему прорвать мельничный прудъ. Дѣйствительно водяница нѣсколько разъ прорывала мельницу, и это было очень разорительно. Наконецъ, хозяинъ мельницы рѣшился удовлетворить ея просьбу. Давъ одному охотнику денегъ, онъ попросилъ его привести для водяницы мальчика.

Однажды подкупленный охотникъ взялъ съ собою 14—15 лѣтняго мальчика и пошелъ съ нимъ охотиться на прудъ. Охотились они почти до вечера. Подъ вечеръ парень убилъ одну утку. Чтобы достать утку изъ пруда, онъ, по совѣту охотника, снялъ съ себя платье и вошелъ по колѣна въ воду. Вдругъ мальчика не стало въ водѣ. Онъ утонулъ, несмотря на то, что и плавать хорошо умѣлъ. На другой день мальчика нашли мертвымъ вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ

упалъ. На этомъ основаніи предположили, что его унесла водяница.

Послѣ этого случая та же водяница пришла поблагодарить мельника и даже приглашала его въ гости къ себѣ. Долго мельникъ не соглашался идти къ ней въ гости. Водяница начала являться по десяти разъ въ день. Волей-неволей мельнику пришлось согласиться идти въ гости. Предъ тѣмъ, какъ идти къ ней, водяница предупреждала мельника, чтобы онъ на берегу рѣки закрылъ глаза. Мельникъ рѣшился исполнить и это. Въ одно мгновеніе онъ очутился въ стеклянномъ домѣ подъ водою, гдѣ для него былъ приготовленъ царскій пиръ. Водяница угощала его, любезно съ нимъ бесѣдуя, какъ теща съ зятемъ. Изъ этого народная легенда дѣлаетъ выводъ, что водяные, какъ и люди, бываютъ для добрыхъ добрыми и для злыхъ злыми. Довольно своеобразное пониманіе добра и зла.

Ю х а.

По вѣрованіямъ казанскихъ татаръ, Юха—это змѣй, превратившійся по прошествіи извѣстнаго количества лѣтъ въ дѣвицу, которая въ свою очередь можетъ принимать различные чувственные образы. Исторія этого превращенія такова.

Змѣй отъ одного года до восьми лѣтъ называется Хаятъ, отъ 8 до 100 лѣтъ называется Афги, отъ 100 до 1000 лѣтъ Аждага (драконъ). Чѣмъ старше змѣй, тѣмъ онъ становится крѣпче и сильнѣе. Такъ, если ужалить человека Хаятъ, то можно выздороветь. На это есть слѣдующія средства: нужно постараться убить ужалившую змѣю, прокипятить тѣло ея въ котлѣ, отбросивъ голову, и этимъ наваромъ напоить ужаленнаго, послѣ чего ужаленный поправляется. При невозможности убить змѣю нужно положить на ужаленное мѣсто нѣсколько капель лошадинаго пота и дать этотъ потъ принимать ужаленному внутрь вмѣстѣ съ кислымъ молокомъ, смѣшаннымъ съ солью; и въ этомъ случаѣ ужаленный змѣемъ Хаятъ поправляется. Человека, ужаленнаго змѣей Афги, никакими средствами излѣчить невозможно.

Что касается змѣя, прожившаго болѣе 100 лѣтъ и называемаго Аждага, то этотъ змѣй отличается необыкновенной силой. Вотъ что разсказывается о силѣ этого дракона. Одинъ мулла со своимъ семействомъ пошелъ косить траву. Когда мулла докосилъ свой прокосъ и хотѣлъ возвратиться обратно, чтобы закосить второй прокосъ, онъ услышалъ въ камышахъ около болота большой шумъ. Мулла, взявши вилы, пошелъ на этотъ шумъ и вдругъ видитъ въ камышахъ преболющаго змѣя, который сталъ притягивать къ себѣ муллу воздухомъ. Какъ мулла ни сопротивлялся, его притягивало воздухомъ прямо въ пасть змѣя. Тогда онъ уставиъ въ пасть вилы. Въ такомъ положеніи мулла держался нѣсколько времени. Но затѣмъ змѣй обернулъ муллу своимъ хвостомъ и задавилъ его, хотя и самъ околѣлъ, раненный вилами.

Змѣй Аждага рѣдко встрѣчается въ населенныхъ мѣстахъ. Это происходитъ отъ того, что столѣтняго змѣя, только что превратившагося въ Аждага, по повелѣнію Всевышняго Творца обыкновенно поднимаетъ облако и уноситъ на какой либо дальній островъ, находящійся въ Великомъ океанѣ (Мухитъ дингезъ), гдѣ драконъ и живетъ 1000 лѣтъ. Нѣкоторые заявляютъ, что видѣли, какъ драконъ бьетъ своимъ хвостомъ, когда несется по воздуху на островъ. Такой участи подвергаются только тѣ Аждаги, которые не мало надѣлали бѣдъ народу.

По истеченіи 1000 лѣтъ Аждага превращается въ Юху, которая имѣетъ способность превращаться въ человѣка и животныхъ и въ такомъ видѣ являться татарину. Юха, въ какомъ бы видѣ она ни являлась человѣку, крайне опасна и можетъ приносить человѣку только одинъ вредъ. Иногда Юха превращается въ красивую дѣвицу, на которой татаринъ можетъ даже жениться, влюбившись въ нее. Но Юха-дѣвица непременно причинить вредъ своему мужу или даже можетъ съѣсть его. Вполнѣ понятно, что такихъ браковъ нужно избѣгать.

Есть нѣкоторые признаки, по которымъ Юху-дѣвицу можно отличать отъ настоящей дѣвицы: 1) у Юхи всегда изъ

рта пахнетъ падалью; 2) у Юхи не бываетъ пупа; 3) у Юхи всегда большая потребность въ водѣ. При этомъ Юха, по превращеніи въ человѣка, будетъ ли то мужчина или женщина, существуетъ на свѣтѣ только 49 дней, потомъ она опять превращается въ Аждагу.

Въ статьѣ г. Насырова приводится между прочимъ рассказъ о томъ, какъ одинъ царевичъ женился на Юхѣ-дѣвицѣ, которая желала его погубить. По приведеннымъ признакамъ узнавъ, что живетъ съ чудовищемъ, онъ построилъ изъ жѣлѣза домъ, пригласилъ въ него свою супругу и развелъ вокругъ этого дома костеръ. Такъ онъ предалъ Юху сожженію, при чемъ слышалъ, какъ Юха-дѣвица, превратившись въ змѣю, била своимъ огромнымъ хвостомъ по стѣнамъ раскаленного терема.

Кромѣ превращенія въ человѣка и дѣвицу Юха можетъ превращаться въ животное,—корову, собаку, кошку и т. д.

Вѣра въ превращеніе змѣй вообще распространена среди татаръ, и можно слышать много рассказовъ, касающихся этого превращенія. Такъ одинъ татаринъ рассказалъ слѣдующее событіе изъ своей деревенской жизни. Въ деревню часто приходила захудалая кошка. Эту кошку люди гнали отъ себя, и никто не хотѣлъ взять ее къ себѣ въ домъ. На краю деревни жилъ одинъ бѣдный мужикъ, у котораго хворала жена старуха. Увидѣвъ однажды кошку, старуха взяла ее съ собой и принесла домой. Мужикъ прогналъ кошку, но старуха подъ вечеръ опять впустила ее въ избу. Когда хозяева дома заснули, кошка стала стучать и бѣгать по столамъ, по полкамъ и сталкивать вещи на полъ. Мужикъ проснулся и разбудилъ своихъ сыновей. Послѣ этого кошка вдругъ превратилась въ змѣю. Съ испугу мужикъ сталъ будить старуху, но старуха не встала. Змѣя задушила мужа и его сыновей и ушла. Утромъ старуха встала и видитъ, что мужикъ и сыновья лежатъ на полу. Она стала ихъ будить, но они были мертвы.

Подобнаго рода рассказовъ о превращеніи змѣй у татаръ очень много.

Баснословныя существа, созданныя воображеніемъ другихъ народовъ и усвоенныя татарами черезъ принятіе ислама.

Къ разряду этихъ существъ относятся Джинны,—геній, и Діу,—пери (дивъ). Первое существо—арабскаго происхожденія, второе—персидскаго. По принятіи ислама татарами вѣра въ эти существа была усвоена и ими.

Джинны. Вѣра въ геніевъ или Джинновъ была распространена у арабовъ съ незапамятныхъ временъ. Со времени Магомета эта вѣра получила религіозное освященіе, и о Джиннахъ, какъ о дѣйствительныхъ существахъ, много говорится въ Коранѣ.

По ученію Корана, человѣкъ не первоначальный разумный житель на землѣ: до него на землѣ существовали Джинны. Джинны, по представленію магометанскаго вѣроученія, составляютъ нѣчто среднее между ангелами и человѣкомъ. Они обитаютъ на землѣ и въ воздухѣ, ѣдятъ, пьютъ, рождаются и умираютъ, могутъ имѣть даже половыя общенія съ людьми. Они стремятся проникнуть въ тайны неба, но всякій разъ отгоняются „охранительными пламенниками“. Между ними есть вѣрующіе мусульмане и есть невѣрующіе¹⁾. Джинны были созданы прежде человѣка. „Мы сотворили, говорится въ Коранѣ, человѣка изъ брѣнія, а геніевъ прежде того мы сотворили изъ огня самума“²⁾. Вотъ эти Джинны и были первоначальными обитателями и господами на землѣ. Помѣщенные на землѣ, Джинны жили до созданія человѣка подобно людямъ. Но по прошествіи нѣкотораго времени они, сдѣлавшись нечестивыми, такъ возгордились, что думали ослабить могущество Божіе на землѣ; подобно нѣкоторымъ людямъ отрицали воскресеніе³⁾; подвержены были и другимъ заблужденіямъ. Нечестіе ихъ не знало границъ. Они проливали кровь на землѣ и убивали другъ-друга. Для наказанія

¹⁾ Коранъ. 55, 56, 72, 9; 71, 11, 14.

²⁾ Коранъ: 15, 26—27.

³⁾ Коранъ: 72, 7.

ихъ Богъ послалъ Иблиса ¹⁾ съ ангелами. Ангелы съ Иблисомъ во главѣ разбили Джинновъ въ сраженіи; многихъ изъ нихъ они избили, а оставшихся въ живыхъ выгнали съ земли на острова и горы ²⁾. Послѣ изгнанія Джинновъ съ земли Богъ обратился за совѣтомъ къ ангеламъ относительно сотворенія человѣка. Таково религіозное ученіе магометанъ о Джиннахъ.

Усвоивъ исламъ, татары приняли вѣру и въ Джинновъ. При этомъ народныя вѣрованія незначительно разнятся отъ того, что передано о Джиннахъ выше. Въ народныхъ разсказахъ о разныхъ событіяхъ изъ жизни Джинновъ и встрѣчѣ съ ними только иллюстрируются тѣ положенія, которыя высказаны въ Коранѣ.

Въ воображеніи татаръ-магометанъ Джинны занимаютъ приблизительно то же мѣсто, какое бѣсы по вѣрованію христіанъ, такъ-что, если спросить татарина: что такое Джинны?—онъ скажетъ, что это „чѣртъ“. Признавая и другія баснословныя существа нечистою силою, нѣкоторые изъ татаръ склонны считать ихъ разновидностями Джинновъ и даже называютъ ихъ Джиннами, вмѣстѣ съ тѣмъ обозначая и собственными именами. Такъ напр. въ разговорѣ можно слышать выраженія: Джиннъ Албасты, Джиннъ Бичура. Въ данномъ случаѣ происходитъ то же, что было у русскихъ по принятіи хри-

¹⁾ Слово «Иблисъ» одни изъ магометанскихъ толковниковъ производятъ отъ греческаго слова διαβολος, другіе—отъ арабскаго баяеса, что значитъ «отчаялся». Что касается природы Иблиса, то одни толковники на основаніи словъ Корана (18,48) признаютъ его геніемъ или Джинномъ; другіе на томъ основаніи, что распоряженіе Бога, сдѣланное ангеламъ, о поклоненіи первозданному человѣку—Адаму относилось и къ Иблису (Коранъ 2, 32; 7, 10), предполагаютъ, что Иблисъ былъ ангеломъ. Иблисъ, по магометанскому вѣроученію отказался поклониться первозданному человѣку, послѣ чего онъ сталъ, по словамъ Корана, въ числѣ неверныхъ (2, 32), а впослѣдствіи соблазнилъ прародителей нарушить заповѣдь Божию (Коранъ 7, 19, 21). Поэтому Иблисъ, по воззрѣнію магометанъ, то же, что у христіанъ диаволъ (Beidavii commentarius in Coranum, т. 1, стр. 49—52).

²⁾ Beidavii commentarius in Coranum, т. 1, стр. 47.

стіанства, когда многіе языческіе боги были отнесены къ разряду бѣсовъ.

По народнымъ повѣріямъ Джинны обитаютъ въ большомъ количествѣ и въ воздухѣ и на землѣ. Они являются людямъ въ разныхъ видахъ и формахъ,—въ видѣ человѣка, кошекъ, собакъ, змѣй. На дорогахъ встрѣчаются въ видѣ слѣпыхъ, хромыхъ и т. д. При встрѣчѣ съ ними человѣкъ начинаетъ испытывать какое то непонятное безпокойство и растерянность. По ночамъ Джинны навѣщаютъ татарокъ и обращаются съ ними по-супружески, впрочемъ безрезультатно,—дѣтей отъ такого сочетанія не бываетъ, хотя отъ союзовъ Джинновъ между собою рождаются дѣти. Джинны очень боятся желѣза и можжевельника, почему татарки нерѣдко кладутъ подъ подушку эти предметы, чтобы не явился Джиннъ ¹⁾).

Изъ рассказовъ не видно, чтобы Джинны приносили существенный вредъ людямъ. Но, отличаясь навязчивостью и принимая разные образы, они пугаютъ человѣка, и встрѣча съ ними во всякомъ случаѣ нежелательна.

Вотъ что рассказываетъ одинъ татаринъ о встрѣчѣ съ Джинномъ. „Года три тому назадъ зимою рано утромъ я отправился осматривать капканы, поставленные мною на волковъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе отъ деревни, я оглянулся и вижу, что за мною идетъ черная кошка. Сначала я не обращалъ на нее вниманія и продолжалъ свой путь; затѣмъ снова оглянулся, и что же?—я увидѣлъ уже не черную кошку, а черную собаку. Но и на это я не обратилъ никакого вниманія и все продолжалъ свой путь. Спустя нѣсколько времени я опять оглянулся назадъ. И вотъ я вижу, что черная собака уже превратилась въ человѣка, одѣтаго въ черный халатъ. Тогда я сталъ нѣсколько опасаться, догадываясь, что это Джиннъ. Вдругъ я вижу, что человѣкъ въ черномъ халатѣ уже близко отъ меня,—саженихъ въ пяти,—и хочетъ обходить меня. Обо-

¹⁾ Можжевельникъ въ казанскомъ краѣ употребляется какъ пѣлебное средство противъ водянки. Между тѣмъ Джиннамъ татары приписываютъ водянку. Вѣроятно, поэтому Джинны и боятся можжевельника.

гнавъ меня, онъ подходитъ къ одному пню и становится лицомъ ко мнѣ. Я вынужденъ былъ остановиться и не зналъ, что дѣлать. Въ это время въ ближайшей деревнѣ прокричали азанъ. Я приободрился и, взявъ ружье, выстрѣлилъ прямо въ стоявшаго противъ меня Джина. Послѣ выстрѣла Джиннъ моментально исчезъ. А я подошелъ къ пню и сталъ осматривать его; оказалось, что весь зарядъ попалъ въ пень. Послѣ этого я пошелъ дальше и, осмотрѣвъ всѣ свои охотничьи приборы, благополучно возвратился домой“.

Діу (пери, дивы) ¹⁾. Дивы въ значительной степени похожи на Джинновъ. Они въ большомъ количествѣ обитаютъ невидимо,—на землѣ, подъ землей и моремъ, живутъ семьями и цѣлыми городами. Такъ же, какъ Джинны, Дивы въ разныхъ видахъ являются людямъ. При этомъ они очень враждебно относятся къ человѣку и стараются погубить его. Между такъ какъ Джинны не приносятъ существеннаго вреда человѣку, Дивы похищаютъ татарскихъ дѣвицъ и затѣмъ женятся на нихъ, уводятъ татаръ къ себѣ и тамъ разными способами губятъ ихъ. Только молодцы-богатыри изъ татарскихъ юношей смѣло и безбоязненно идутъ къ Диву въ гости—выручать свою сестру или родственницу и, если нужно, убиваютъ его.

Въ случаѣ недостатка силы татаринъ, попавшій въ гости къ Диву, спасается отъ него хитростью. Объ этомъ существуетъ много рассказовъ. Мы приводимъ одинъ изъ нихъ, слышанный нами отъ одного татарина, весьма похожій на рассказъ въ статьѣ Каюма Насырова ²⁾, хотя въ другой вариаци.

¹⁾ По религіозному ученію персовъ, дивами (дэвами) называются духи зла; они олицетворяютъ дурныя наклонности человѣка, губительныя явленія природы. Дивы подъ предводительствомъ Аримана (духа зла) ведутъ постоянную борьбу съ представителями добраго начала Ормузда. Въ представленіи татаръ дивы рисуются въ болѣе измѣненномъ видѣ, чѣмъ у персовъ, со многими человѣческими слабостями, какъ-то трусливymi, глупыми и т. д.

²⁾ «Повѣрья и примѣты казанскихъ татаръ». Записки Императорскаго Рус. Геогр. Общества по отдѣлу этнографіи; т. 6. С.-Петербургъ. 1880 г., стр. 258.

Вотъ этотъ разсказъ:

„Въ старину, когда еще былъ живъ мой дѣдъ, мы были очень богаты. У дѣдушки много было разнаго скота и слугъ—работниковъ. Однажды онъ послалъ работниковъ въ лѣсъ рубить дрова. Они ушли. Послѣ ухода ихъ, дѣдушка послалъ меня къ нимъ съ завтракомъ. Я въ одну руку взялъ свѣжее молоко, а въ другую кислое и отправился къ нимъ. На пути мнѣ пришлось проходить лѣсомъ. Тамъ я встрѣтился съ нечистой силой—Дивомъ. Онъ увелъ меня къ себѣ въ гости. Мы съ нимъ закусили, а когда наступилъ вечеръ, легли спать. Ночью Дивъ велѣлъ своей матери укусить меня, чтобы я умеръ. Услышавъ объ этомъ, я положилъ вмѣсто себя пучокъ лучины, а самъ перешелъ на другое мѣсто. Прошло нѣсколько времени, мать Дива подошла къ кровати и, думая, что я тутъ сплю, укусила лучину и поднялась во второй этажъ, гдѣ она спала. Утромъ, проснувшись, я тоже пошелъ въ верхній этажъ дома. Дивъ и его мать спрашиваютъ меня: „не случилось ли съ тобой чего-нибудь нехорошаго?“ Я отвѣтилъ: „ничего не случилось; только среди ночи почувствовалъ я небольшую боль, какъ отъ укуса мухи, а кромѣ этого ничего не было, спалъ спокойно“. Опять наступилъ вечеръ. Мы легли спать. Я опять лучину положилъ на постель, а самъ легъ немного поодаль. Прошло нѣсколько времени, мать Дива взяла раскаленное шило и засунула шило въ лучину, думая, что на этомъ мѣстѣ сплю я, потомъ легла спать. Утромъ я поднялся къ нимъ наверхъ. Они какъ и въ прошлый разъ начали спрашивать, хорошо ли я спалъ и не случилось ли со мною чего-нибудь нехорошаго. Я отвѣтилъ по прежнему, что спалъ спокойно и непріятнаго для меня ничего не было. Когда легли спать въ третій разъ, я поступилъ по прежнему, лучину положилъ на постель, а самъ легъ на другое мѣсто. Они, думая задавить меня, спустили на мою постель жерновъ. А утромъ, вставши, спрашиваютъ меня: „Не случилось ли съ тобой что-нибудь опасное?“ Я отвѣтилъ, что спалъ спокойно; но все-таки въ одно время показалось мнѣ, будто пыль сыплется съ потолка.

Послѣ завтрака я сталъ звать Дива къ себѣ въ гости. Онъ согласился. Когда мы шли, на дорогѣ встрѣтили большую ель. Я выдернулъ эту ель и заставилъ Дива поднять ее за вершинку, а самъ сѣлъ на комель. Когда онъ оглядывался, я показывалъ видъ, будто бы и я несу, и ему говорилъ, что несу за толстый конецъ. На дорогѣ нашли жерновъ. Я взялъ этотъ жерновъ и, говоря, что это—орчокъ (веретено) моей матери, надѣлъ на его шею. Послѣ этого мы пришли домой. Я спросилъ у матери: „чѣмъ угостить гостя?“ Она сказала: „Отъ Дива отца, пойманнаго нами, осталась голова, отъ Дивы матери—грудь,—этимъ и можно угостить гостя“. Дивъ, услышавъ это, тотчасъ исчезъ и послѣ боялся показываться въ нашей сторонѣ“.

Баснословныя существа, олицетворяющія болѣзни.

Чячякъ анасы и Чячякъ эясе

(оспенная мать и оспенный хозяинъ).

Среди народа наиболѣе распространенныя болѣзни нерѣдко олицетворяются и представляются въ видѣ особыхъ существъ, которыя переходятъ съ одного мѣста на другое и губятъ людей. У русскихъ, напр., распространено повѣрье о семи сестрахъ—лихорадкахъ, которыя поочередно нападаютъ на человѣка и изнуряютъ его; есть рассказы и о другихъ, въ большинствѣ случаевъ эпидемическихъ болѣзняхъ.

У татаръ наряду съ другими повѣрьями пользуется большимъ распространеніемъ вѣра въ Чячякъ анасы (оспенную мать) и Чячякъ эясе (оспеннаго хозяина). Эти существа, по повѣрью татаръ, бывають при естественной оспѣ. Они живутъ въ тѣхъ впадинахъ на тѣлѣ, которыя производятъ болѣзнь оспа. Всѣ поврежденія и недуги организма, которыми сопровождается болѣзнь, относятся именно къ этимъ существамъ. Поэтому говорятъ: Чячякъ анасы или Чячякъ эясе давить человѣка, дѣлаетъ его слѣпымъ, кривымъ и т. д. Чячякъ анасы и Чячякъ эясе иногда дѣйствуютъ отдѣльно, а иногда

совмѣстно, но результатъ ихъ дѣятельности одинъ и тотъ же,—они приносятъ много вреда людямъ, доводя нѣкоторыхъ до смерти.

К и р е м е т ь.

Вѣра въ Киреметя составляетъ общее достояніе приволжскихъ инородцевъ. По первоначальному пониманію, подъ словомъ Киреметь разумѣлось особое священное мѣсто, обнесенное изгородью, въ которомъ совершались жертвоприношенія и другія священныя языческія дѣйствія. Но затѣмъ со словомъ Киреметь стали соединять понятіе о духахъ, обитающихъ въ этихъ священныхъ мѣстахъ. Вблизи черемисскихъ и чувашскихъ селеній доселѣ можно видѣть огороженные изгородью рощи, которыя считаются священными и въ которыхъ, по вѣрованію язычниковъ, обитаетъ духъ—Киреметь.

Въ настоящее время у инородцевъ слово Киреметь нерѣдко употребляется какъ для обозначенія священнаго мѣста такъ и для обозначенія духа, обитающаго на этомъ мѣстѣ. Въ этомъ смыслѣ Киреметей очень много. Они могутъ приносить вредъ человѣку; поэтому ихъ слѣдуетъ умилобивлять жертвами, что и дѣлаютъ до послѣдняго времени язычествующіе инородцы приволжскаго края.

Что касается казанскихъ татаръ, то и у нихъ въ прежнее время существовала вѣра въ Киреметя, которая выражалась въ принесеніи жертвъ. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у казанскихъ татаръ существовалъ обычай такого рода: въ домахъ въ углу имѣли обыкновеніе вѣшать мѣшки, въ которые члены семейства и родственники клали деньги. На накопленные въ этихъ мѣшкахъ деньги покупали животное и приносили его въ жертву. Приносили въ жертву разныхъ животныхъ: бѣлыхъ лошадей, гусей и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ татары, подобно другимъ приволжскимъ инородцамъ, почитали какой нибудь ключъ, озеро, рѣчку или лѣсокъ, признавая ихъ жилищемъ духа

или Киреметя, бросали туда деньги для умилоствленія его или же около этихъ мѣстъ приносили въ жертву какое нибудь животное. Дѣломъ жертвоприношеній завѣдывали особы лица—карты. Кожу послѣ жертвоприношенія отдавали мулламъ, мясо ѣли съ приглашенными муллами и гостями, а кости при ѣдѣ строго запрещалось ломать; ихъ зарывали въ чистомъ почитаемомъ мѣстѣ.

По поводу вѣрованій въ Киреметь съ теченіемъ времени распространилось очень много брошюръ, на основаніи шаріата запрещающихъ эти вѣрованія; напр. пользовалась въ прежнее время большимъ распространеніемъ брошюра „Гардуванъ“.

Въ настоящее время подъ вліяніемъ ислама слѣды вѣрованій въ Киреметь у казанскихъ татаръ, можно сказать, окончательно уничтожены и, если гдѣ сохраняются, то развѣ въ самыхъ отдаленныхъ, темныхъ и невѣжественныхъ деревушкахъ.

Наиболѣе ясно сохранились слѣды вѣрованій въ Киреметь у крещеныхъ татаръ, у которыхъ до сихъ поръ по мѣстамъ распространены старинные обычаи приносить жертвы. Вотъ, напр., какой обычай существуетъ въ дер. Нослахъ малмыжскаго уѣзда. Послѣ уборки хлѣба и овощей передъ праздникомъ Покрова, въ день поминовенія усопшихъ, крещеные татары рѣжутъ въ избѣ подъ столомъ гуся. Старшій въ семействѣ сначала точитъ ножъ, затѣмъ выходитъ на дворъ и, поймавъ одного гуся, завязываетъ ему ноги мочалой и, не говоря ни слова, возвращается въ избу. Въ это время всѣ находящіеся въ избѣ сидятъ молча, не переходя съ одного мѣста на другое. Потомъ хозяинъ укладываетъ гуся подъ столъ, беретъ ножъ въ руки и произноситъ въ умѣ: Аллага табшырдык, корбан кабыл булсын—приносимъ Богу жертву, да будетъ она ему угодна. Послѣ произнесенія этихъ словъ хозяинъ рѣжетъ гуся. Жена хозяина тутъ же щиплетъ гуся, чиститъ, моетъ въ горшкѣ и кладетъ гуся, дожидаясь обвѣчнаго заката. Какъ только солнце закатится, она беретъ изъ горшка гуся, рубитъ его пополамъ, кладетъ въ котелъ и ва-

рить. Когда сварится гусь, старшій въ семействѣ беретъ изъ котла одну часть, а его жена другую въ чашку или тарелку, и оба идутъ къ столу. Столъ накрываютъ чистой, бѣлой скатертью. Хозяинъ съ хозяйкой, держа чашку съ гусемъ въ рукахъ, молятся, произнося молитвы, какія кто знаетъ. На время молитвы, избу затворяютъ, чтобы не зашелъ посторонній чело-вѣкъ. По окончаніи молитвы, всѣ садятся за столъ и ѣдятъ жертвенное мясо.

По повѣрію крещеныхъ татаръ, кто ежегодно въ день Покрова приноситъ гуся въ жертву, того Богъ не наказываетъ ни болѣзнями, ни падежемъ скота.

Въ тотъ же день ночью часа въ два на подоконникъ кладутъ дикіе камни—плитняки и можжевельныя вѣтви въ цѣляхъ предохраненія отъ бѣсовъ¹⁾. Эти камни и вѣтви хранятся до слѣдующей субботы, потомъ камни бросаютъ, а можжевельныя вѣтви сжигаютъ.

Въ этихъ обрядахъ у крещеныхъ татаръ въ значительной степени сохранились слѣды прежнихъ вѣрованій въ Киреметя и обычай для умиловленія его приносить жертвы. Разница отъ прежнихъ обычаевъ та, что теперь въ обрядахъ упоминается имя Бога, а не Киреметя, что произошло подъ вліяніемъ христіанства. Но и языческія вѣрованія другихъ инородцевъ,—чувашъ, черемисъ,—эволюціонировали и вмѣсто множества духовъ-киреметей въ большинствѣ они начинаютъ признавать одного главнаго духа-Киреметя, вѣра въ котораго постепенно переходитъ въ признаніе единого Всевышняго Бога.

II.

Повѣрья, гаданія и ворожба, касающіяся разныхъ предметовъ и явленій природы и человѣческой жизни.

Кромѣ вѣры въ баснословныя существа среди казанскихъ татаръ распространены разнаго рода другія повѣрья—гаданія

¹⁾ По принятіи христіанства у крещеныхъ татаръ вѣра въ Джинновъ замѣнена вѣрою въ бѣсовъ. Но свойство Джинновъ бояться можжевельника сохранилось и за бѣсами.

и ворожба, при посредствѣ чего татары стараются узнать будущую судьбу человѣка или избѣгнуть грозящей опасности. Ниже мы излагаемъ означенныя повѣрья, касающіяся разныхъ сторонъ природы и человѣческой жизни.

1) *Предсказаніе удачи въ дѣль.* Ворожатъ на *двухъ крошкахъ хлѣба* и на *двухъ крошкахъ угля*. Ставятъ ихъ крестообразно на столъ на четырехъ мѣстахъ и посрединѣ надъ ними вертикально держать на ниточкѣ веретено. Если задумываемое сбудется или предпріятіе удастся, то веретено идетъ на хлѣбъ, а если послѣдуетъ неудача, то веретено уходитъ на уголь.

2) *Какъ избавиться отъ холеры.* Для этого нужно провести борозду вокругъ деревни; соху тянуть должны однѣ женщины безъ мужчинъ.

3) *Скотскій падежъ.* Для уничтоженія болѣзни нужно сварить кашу и поставить на столбъ забора безъ ложки, чтобы эта болѣзнь питалась кашей и не уничтожала скота.

Часто случается, что молодежь крадетъ эту кашу и съѣдаетъ, а хозяева думаютъ, что поѣдаетъ кашу болѣзнь.

Если скотины умираетъ много, то надо вырыть на берегу рѣки землю снизу вверхъ и пропустить скотину сквозь землю; тогда чума прекратится. Нужно зажечь два большихъ костра и пропустить скотину между кострами, болѣзнь тоже прекращается.

4) *Какъ избавиться отъ бѣсовъ.* Въ предохраненіе отъ враждебной нечистой силы передъ сномъ подъ постель кладутъ ложку, ножъ, топоръ или вообще какую либо стальную вещь.

На мужчинъ бѣсъ рѣдко нападаетъ и даже боится ихъ. Поэтому татарки очень часто въ баню берутъ съ собой одного ребенка мужского пола.

5) *Какъ избавиться отъ клоповъ.* Когда въ домѣ заведется много клоповъ, то для спасенія отъ нихъ одного изъ членовъ семейства заставляютъ кричать: „Дома-ли клопъ вашъ?“ — „Нѣтъ“, — отвѣчаютъ изъ дома. Вопросъ этотъ повторяется до трехъ разъ. Въ третій разъ изъ дома на вопросъ

отвѣчаютъ: „Нѣтъ клопа дома; онъ ушелъ къ такому то (имя) въ гости“. Послѣ этого клопы гибнутъ.

Есть еще способъ избавиться отъ клоповъ. Для этого нужно пустить тихонько клопа подъ хомутъ лошади прѣзжаго человѣка.

6) *Способъ узнать характеръ мужа и жены.* Нужно ночью поймать курицу и пустить ее въ избѣ при огнѣ. Если курица будетъ сидѣть смирно, то и жена будетъ смирна; если курица бойка, то и жена будетъ сварливая.

Для того, чтобы узнать характеръ мужа, нужно при огнѣ пѣтуха подпустить къ водѣ; если пѣтухъ будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если не будетъ,—то мужъ будетъ человѣкъ трезвый.

7) *Способъ заставить себя любить.* Когда соловей кончитъ пѣть и тутъ же отлетитъ съ дерева, нужно отломить еще качающійся сучокъ дерева, на которомъ онъ сидѣлъ. Кого этимъ сучкомъ ударишь, тотъ будетъ тебя любить.

8) *Способъ узнать, уйдутъ ли рекруты въ солдаты.* Четверо рекрутъ въ полночь упираются въ дверь, подпертую дубиной. За дверью разсыпана зола. Дверь подъ ихъ напоромъ треснетъ. Послѣ этого разсматриваютъ разсыпанную за дверью золу; если получается фигура, похожая на солдата, значитъ рекруты уйдутъ въ солдаты.

9) Весною увидѣвъ въ первый разъ скворца, потри щеку снѣгомъ; круглый годъ лицо будетъ бѣлое и красивое.

10) Когда дѣлаешь починъ жатвы, первую горстью сжатого хлѣба опояшся, спина не будетъ болѣть.

11) Когда несешь въ домъ ягненка, не говори ни слова, а то ягненокъ будетъ очень крикливый.

12) Если дѣвица косу плететъ и часть волосъ оставить на вискѣ не заплетенными,—замужъ выйдетъ; а если незамужней женщины часть волосъ останется незаплетенной, то ее въ гости пригласятъ.

13) Когда заплетешь косу, то самый конецъ на обѣихъ косахъ снова надо чесать и оправлять, чтобы садиться на нихъ двумъ ангеламъ.

14) Послѣ стирки рубаху вѣшай для сушки передней стороной, воротомъ вверхъ, всегда будетъ легко и здорово. Если рубаху повѣсить спиной вверхъ, то рубаха не будетъ просить тебѣ здоровья, и ходить въ ней будетъ тяжело. Также и штаны не вѣшай вверхъ задней стороной, а передней.

С а н ь - С у н ь.

У одного человѣка было двое дѣтей—сынъ и дочь. За непослушаніе мать проклѣла ихъ: „будьте, сказала она, Сакъ-Сукъ“, и они, превратившись въ птицъ, улетѣли. Впослѣдствіи они, возвратившись къ матери, плакали и умоляли ее, чтобы она простила. Мать сжалилась надъ ними и простила ихъ; но Богъ не простилъ ихъ за то, что обидѣли свою мать. И вотъ до настоящаго времени по ночамъ можно слышать голоса этихъ непокорныхъ дѣтей. Одинъ кричитъ: „Сакъ“, а другой отвѣчаетъ: „Сукъ“. Людямъ они никогда не показываются.

Матери-татарки часто рассказываютъ эту сказку дѣтямъ, чтобы они были послушны и оказывали полное повиновеніе родителямъ.

Леченіе при посредствѣ ворожбы, гаданія и другими способами.

Среди татаръ особенно распространено леченіе путемъ наговора, ворожбы и другими способами.

Едва ли не въ каждой деревнѣ имѣется свой лѣкарь, который, если пожелаетъ, можетъ вылѣчить отъ всякой болѣзни водой, надъ которой онъ наговариваетъ никому неизвѣстныя слова. По степени славы не всѣ лѣкаря одинаковы; нѣкоторые лѣчатъ только въ своей деревнѣ. Есть между ними и такіе, которые славятся на очень далекое разстояніе и пользуются большою извѣстностью. Къ нимъ издалека пріѣзжаютъ со всевозможными недугами. Такія знаменитости не ограничиваются при лѣченіи наговорами на одну воду, но дѣлаютъ наговоры и на другіе предметы, напр. на уголь, на лыко, на зерна, на одежду и т. д. Къ лѣченію наговорами прибѣгаютъ

какъ къ послѣднему средству, обращаются не только съ своими болѣзнями, но и съ болѣзнями скота.

Есть и другіе способы лѣченія. Напр. въ человѣка, страдающаго нервами, по повѣрью татаръ, вселился бѣсъ. Чтобы излѣчить человѣка, нужно выгнать бѣса. Какъ же это сдѣлать? Для этого слѣдуетъ только неожиданно, нечаянно для больного человѣка, въ его присутствіи сдѣлать выстрѣлъ изъ ружья. Бѣсъ напугается и тотчасъ же выскочитъ изъ человѣка. Въ случаѣ головной боли можно излѣчиться такимъ способомъ. Лѣкарь беретъ лыко и имъ окручиваетъ одинъ разъ голову около ушей; на лыкѣ углемъ проводитъ черту; затѣмъ снимаетъ лыко съ головы, складываетъ его вдвое и, если проведенныя черточки не сходятся, то это значитъ, что мозгъ перелился на одну сторону. Въ виду этого спать слѣдуетъ на другой сторонѣ головы, и тогда все пройдетъ.

Далѣе мы перечисляемъ разнаго рода болѣзни и способы ихъ излѣченія.

1) *Лѣченіе отъ болѣзни, посланной Ой эясе или Абзаръ эясе.* Если у кого заболитъ голова, нога или глазъ, ворожейка старается опредѣлить, кѣмъ послана эта болѣзнь, — Ой эясе или Абзаръ эясе, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры. Для опредѣленія причины болѣзни она беретъ веретено (орчокъ) съ ниткой, ставитъ (на него) два зерна хлѣба и начинаетъ, не шевеля руку, держать его. Спустя нѣкоторое время, веретено начинаетъ качаться на обѣ стороны (къ одному изъ зеренъ) хлѣба. По этому качанію ворожейка опредѣляетъ, кто испортилъ человѣка Ой эясе или Абзаръ эясе. Соотвѣтственно этому опредѣленію, начинается умиловивленіе того или иного существа, варятъ кашу и примѣняютъ другіе способы умиловивленія, послѣ чего болѣзнь проходитъ.

2) *Болѣзнь, посланная Сую эясе (водянымъ).* Если у кого заболитъ тѣло разными болячками, то надо завернуть въ тряпку полбенную крупу и пустить въ воду со словами: „каян билден шунда кит, эясеня итеп бир“ — (откуда пришелъ туда иди; отдай хозяину). Послѣ этого всѣ болячки проходятъ.

Перейдешь рѣчку или попьешь изъ нея воды, брось въ воду лоскутокъ изъ своей одежды. Иначе вода пошлетъ тебѣ нездоровье. Если по забывчивости не сдѣлаешь этого и ничего не будешь думать объ этомъ, то и вреда не будетъ. Если тронетъ тебя вода и захвораешь,—брось въ эту воду хлѣбъ и соль со словами: „Отецъ водяной, мать водяная, не тронь меня, не касайся, вреда своего и бѣды своей не пошли на меня“ (Сыу атасы, Сыу анасы, кагылма, сугылма, зыяныгны, зяряренне тей-бермя). Если перейденная рѣка далека и сходить къ ней нѣтъ времени, то можно бросить хлѣбъ-соль въ ближнюю рѣчку—съ прибавленіемъ въ концѣ словъ: жила воды одна,—сыу тамыры беръ.

3) *Болѣзнь отъ порчи глазъ.* Для того, чтобы узнать, кто сглазилъ человѣка, производятъ слѣдующее: берутъ холодные угли и кладутъ ихъ въ холодную воду; если уголь зашипитъ, то сглазилъ мужчина, если не шипитъ, то сглазила женщина.

Если кто сглазитъ ребенка, то вскорѣ послѣ ухода человѣка, сглазившаго ребенка, моютъ скобу двери или то мѣсто, гдѣ сидѣлъ этотъ человѣкъ, и этой водой моютъ ребенка.

4) *Лихорадка.* Гдѣ лихорадка начала трепать человѣка въ 1-й разъ, оттуда нужно перелечь на другое мѣсто. Лихорадка начнетъ искать и не найдетъ, потомъ будетъ кричать: гдѣ ты?—Ты не откликайся; а если будетъ кричать три раза, то отвѣчай: „мнѣ недосугъ, соль вѣшаю“. Тогда она скажетъ: „охъ, его не дожدهшься, лучше уйду“, и уходитъ совсѣмъ.

Лихорадка оставляетъ человѣка больного, если онъ перескочитъ черезъ рѣчку, или спрыснешь его холодной водой.

5) *Куриная слѣпота.* У кого куриная слѣпота и онъ не можетъ видѣть при огнѣ, ему нужно залѣзть на повѣти сосѣдняго двора и рыться въ соломѣ до тѣхъ поръ, пока не замѣтитъ этого хозяинъ дома. Когда хозяинъ увидитъ, онъ разсердится и закричитъ: „Что ты какъ курица на повѣти роешься?“ Тогда ты скажи: „у меня куриная слѣпота, пусть она пристанетъ къ тебѣ“ и спрыгни съ повѣти. Тогда куриная слѣпота пристанетъ къ хозяину сосѣдняго дома.

6) *Леченіе отъ чирья.* а) Когда на краяхъ рта у кого нибудь появятся болячки-чирья, то онъ долженъ взять въ ротъ удила и заржать три раза какъ жеребецъ со словами: „жеребцомъ сталь,—айгыр булдым“. Болѣзнь проходитъ. в) Если ребенокъ плюнетъ на огонь и у него на губахъ появляются желтыя болячки, тогда на огонь вылей желтое коровье масло, не говоря ни слова, и болѣзнь уничтожится.

7) *Леченіе отъ опухоли на щекѣ (флюсь).* Когда распухнетъ щека надъ челюстью, то обыкновенно говорятъ: появилась лягушка. Наговоръ производятъ такъ: у такого то (имя) лягушка образовалась (бака булган). Отъ лягушки наговоромъ лѣчу (бака имнейем). Затѣмъ начинается счетъ: разъ, два, три—до девяти. Снова счетъ отъ 1—8, отъ 1—до 7 и т. д. Послѣднія слова: одинъ, два, одинъ, нѣтъ ничего, тѣфу (плюетъ). Болѣзнь проходитъ.

8) *Леченіе отъ ячменя на глазахъ.* Если появится на глазахъ ячмень, то для излеченія производятъ наговоръ отъ ячменя въ такихъ же словахъ, какъ наговариваютъ отъ опухоли на щекѣ; у крещеныхъ татаръ наговоръ производитъ женщина по имени Марea.

9) *Болѣзнь живота.* Когда у ребенка заболитъ животъ, то эта болѣзнь называется мошкят булган. Наговариваютъ отъ болѣзни новосшитыми штанами, и эти штаны отдаютъ наговорщицѣ.

10) *Болѣзнь затылка.* Если затылокъ болитъ, выйди тихонько за форсистымъ человѣкомъ и поклонись вслѣдъ ему три раза со словами: купшылыгын мина, кѡязлеген ѱзеня: (форсъ твой одеждой пусть будетъ мнѣ, а стройная ходьба твоя станомъ пусть останется при тебѣ).

11) *Икота.* Икота бываетъ съ человѣкомъ, когда кто нибудь про него говоритъ. Икота оставляетъ человѣка, если обманешь его и заставишь божиться. Икота прекращается еще въ томъ случаѣ, когда, перебирая имена знакомыхъ, скажешь имя того человѣка, кто въ тотъ моментъ про тебя говоритъ.

Вѣра въ сверхъестественную силу талисмановъ

(ТЫЛЬСЫМЪ).

Талисманы (тыльсымъ) у татаръ пользуются большимъ распространеніемъ. Выписки изъ Корана, наговоры, записанные на бумагѣ, привѣшиваютъ на шею и носятъ для предохраненія отъ бѣсовъ, отъ злыхъ людей и несчастій. Женщины пользуются талисманомъ для возбужденія къ себѣ бѣльшей любви въ мужьяхъ. Дѣлается это обыкновенно такъ. Если замужняя татарка замѣчаетъ, что мужъ несовсѣмъ ее любить, то она обращается къ татаркѣ, знающей слова талисмана, съ просьбою написать слова на бумагѣ. Та за известную плату исполняетъ ея просьбу. Татарка, получившая талисманъ, носитъ его постоянно на шеѣ въ маленькомъ кошелькѣ, подъ рубашкой. Въ этомъ случаѣ она будетъ казаться очень красивой и симпатичной, ея мужъ уже никогда не можетъ увлечься другой женщиной, какъ бы она ни была красива. Талисманъ татары называютъ еще „сөйдөргөч“.

III.

Примѣты.

По разнымъ примѣтамъ изъ области внѣшняго міра, человеческой жизни и жизни животныхъ народъ пытается проникнуть въ будущее. По примѣтамъ угадываютъ будущую судьбу человека, удачу или неудачу въ его дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ, несчастье или какую-либо большую радость. Всѣ примѣты, о которыхъ мы слышали отъ казанскихъ татаръ, распредѣлены нами на слѣдующія группы: 1) Объ удачѣ въ дѣлахъ и благополучіи въ пути; 2) Погода; 3) Урожай; 4) Бѣдствіе; 5) Война; 6) Пожаръ; 7) Гости. Особую группу составляютъ примѣты, относящіяся къ разнымъ обстоятельствамъ жизни.

А) Объ удачѣ въ дѣлахъ и благополучіи въ пути. 1) Когда выходишь предпринимать какое нибудь важное дѣло и тебѣ

встрѣтится на пути мягкосердечный хорошій человѣкъ, дѣло пойдетъ хорошо; встрѣтится злой человѣкъ, дѣло впередъ не пойдетъ.

2) Когда выходишь сѣять, черезъ дорогу на пути никого не пропускай, а то не уродится хлѣбъ.

3) Лошадь испражняется,—путь будетъ благополучный.

4) Если лошадь въ началѣ пути шагнетъ правой ногой,—благополучный путь.

5) Лошадь фыркаетъ,—будетъ неблагополучіе въ дорогѣ.

Б) Погода. 1) Звонъ въ ушахъ,—зимой оттепель, лѣтомъ ненастье.

2) Если чешется въ правомъ ухѣ, погода ясная будетъ, въ лѣвомъ ухѣ чешется—будетъ буранъ или дождь.

3) Поясница ломить—къ ненастью.

4) Утки плещутся въ водѣ—дождь будетъ: осенью или зимой квакають—къ холоду.

5) Гуси моются—будетъ сильный дождь.

6) Цыплята собираются въ одно мѣсто—къ дождю.

7) Воробьи выютъ гнѣзда—хорошая погода.

8) Кошка царапается—будетъ сильный буранъ или дождь.

Кошка на печь ляжетъ—холодъ; на полу у двери ляжетъ—къ теплу.

9) Собака валяется спиной по землѣ—буранъ или дождь будетъ.

10) Лѣсъ шумить—сильный дождь будетъ.

В) Урожай. 1) Въ новый годъ сумрачно—къ урожаю.

2) Зимой вода на ледъ выступаетъ—урожай будетъ.

3) На елкѣ весной будутъ висѣть шишки, греча хорошо уродится.

4) Капусту, огурцы сажай во время пригона скота съ поля вечеромъ,—урожай будетъ сильный.

5) Таракановъ много въ домѣ—къ богатству.

6) Пролетитъ черезъ селеніе лебедь—голодъ будетъ.

Г) Бѣдствіе и радость. 1) Весною въ первый разъ громъ грянетъ съ востока или юга—годъ спокойный будетъ;

съ сѣвера, запада грянетъ—годъ будетъ беспокойный, случится война или другое несчастье.

2) Правая щека чешется—радость будетъ, лѣвая чешется—плакать будешь.

3) Если курица запоетъ пѣтухомъ, бѣда будетъ въ дому.

4) Если курица пѣтухомъ запоетъ на востокъ, югъ—къ добру; если запоетъ курица на сѣверъ, западъ, то будетъ покойникъ или другое несчастье.

5) Передъ несчастьемъ тараканы начинаютъ сильно шумѣть, переходя съ мѣста на мѣсто, а то и совсѣмъ уходятъ изъ избы; въ этомъ домѣ будетъ пожаръ или наступитъ бѣдность.

Д) Война. 1) Если послѣ заката солнца пѣтухи запоютъ, —жди Государева указа о войнѣ.

2) Предъ войной на небѣ огненный столбъ виднѣется, солнце и небо краснѣютъ.

Е) Пожаръ. 1) Если лебедь пролетитъ черезъ деревню, обязательно будетъ пожаръ.

2) Тараканы табуномъ уйдутъ изъ избы—тоже пожаръ будетъ.

3) Если въ деревнѣ кукушка кричать будетъ—будетъ пожаръ.

4) Когда при жатвѣ въ снопѣ попадетъ лошадиная щавель, въ деревнѣ будетъ пожаръ.

Ж) Гости. 1) Кошка моется, протянувши хвостъ,—гости пріѣдутъ.

2) Пѣтухъ запоетъ у дверей, гости пріѣдутъ.

3) Изъ печи вылетаютъ горячіе угли—тоже.

4) Ложка останется на столѣ немытой—тоже.

5) Въ дверяхъ прижать ногу—тоже.

6) Сажа загорится въ трубѣ—тоже.

7) Чайная чашка, ложка останутся не убранными—тоже.

8) Если дергаетъ правый глазъ, родственника увидишь.

9) Лѣвый дергаетъ—увидишь чужого человека.

Когда кошка лапу кладетъ на шею, говорится: *тартя кайзра**—оглобли ввертываютъ, т. е. гости собираются. Если

у кошки лапа холодная—гость будетъ мужчина; если лапа теплая, гостя женскаго пола.

10) Укусить языкъ нечаянно—голодный гость будетъ.

3) *Примѣты, относящіяся къ разнымъ предметамъ и явленіямъ жизни.*

1) Въ новый годъ долга не плати,—весь годъ будешь въ долгахъ.

2) Если чешется правая ладонь, получишь откуда нибудь денегъ, лѣвая чешется—на деньги будетъ расходъ.

3) На ногтяхъ появится бѣлое пятно, обнова будетъ.

4) Когда пѣтухи вразъ вечеромъ пропоютъ, будетъ тепло или же приѣдетъ кто либо изъ начальствующихъ (урис хабыре булыр).

5) Если у беременной женщины цвѣтъ лица красный, то она родитъ дѣвочку; если лицо будетъ темное, мальчика родитъ.

Значеніе нѣкоторыхъ сновъ.

1) Деньги мѣдныя видѣть во снѣ—несчастіе.

2) Домъ строить во снѣ—смерть.

3) Жениться или выходить замужъ—смерть.

4) За грибами ходить въ лѣсъ—бѣдствіе.

5) Картины видѣть—печаль.

6) Новый колодезь рыть—печаль.

7) Маленькимъ себя видѣть—болѣзнь.

8) Братъ во снѣ ребенка на руки—болѣзнь.

9) Лапти надѣть—бѣду нажить.

10) Лѣнивымъ видѣть себя—печаль.

11) Во снѣ увидишь зеленую траву, горохъ—слезы.

12) Во снѣ отдашь покойнику что нибудь—покойникъ.

13) Если отъ покойника возьмешь—польза будетъ.

О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ у крещеныхъ татаръ.

У крещеныхъ татаръ съ принятіемъ христіанства образовались съ теченіемъ времени особыя повѣрья, носящія христіанскій характеръ. Къ разряду ихъ относятся слѣдующія:

1) По повѣрью крещенныхъ татаръ, на страстной недѣлѣ въ великій четвертокъ всѣ покойники выходятъ изъ гробовъ. Въ этотъ день почти въ каждомъ домѣ топятъ баню и, когда вымоются, оставляютъ въ банѣ все въ готовомъ видѣ—тазы, вѣники, воду для покойниковъ, чтобы они могли помыться и попариться. Вечеромъ всѣ покойники приходятъ домой; ихъ можно видѣть на дорогѣ идущими одинъ за другимъ, если посмотрѣть на дорогу черезъ семь мѣдныхъ ситъ.

2) Въ день Благовѣщенія пройдешь подъ дугообразно согнутымъ деревомъ, спина цѣлый годъ не будетъ болѣть.

3) Если въ этотъ день по снѣгу съ горы прокатиться на донышкѣ прялки—ленъ длинный будетъ.

4) Въ Благовѣщеніе голову чесать—куры постоянно огородъ будутъ ковырять.

5) Кто въ день Благовѣщенія перепрыгнетъ черезъ огонь—круглый годъ онъ будетъ здоровъ и ему будетъ легко.

6) Въ томъ домѣ, гдѣ священникъ во время хода на Пасхѣ или на Рождествѣ сядетъ отдохнуть и побесѣдовать съ хозяевами, будутъ плодиться куры.

7) Въ новый годъ сумрачно—урожай будетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ тучи.

8) Въ великій четвергъ морозъ—не уродятся овощи.

9) У кого слышится въ великій четвертокъ стукъ топора—покойникъ будетъ.

10) Въ великую субботу сильный вѣтеръ—уродится греча и не уродится жито.

11) Въ Филипповъ постъ иней предвѣщаетъ урожай.

Я. Кобловъ.

«Душевная грамота вдовы Федосьи».

Давно известно про то огромное вліяніе, какое имѣло древнее русское духовенство на правовой укладъ русскаго народа. Въ настоящемъ экскурсѣ въ область правового быта XV столѣтія мы намѣрены привести одну яркую иллюстрацію того вліянія, какое оказывало оно на постановку древнихъ русскихъ завѣщаній, въ частности—какъ проводило оно въ право и сознаніе русскаго народа основныя тестаментарныя правоположенія Византіи.

Еще по „Русской Правдѣ“ съ необходимымъ наслѣдованіемъ дѣтей участвуетъ и Церковь: ей также слѣдуетъ „часть дати по душѣ“, разумѣется на „поминокъ“. Оставленіе части въ пользу Церкви, несомнѣнно и вызванное къ появленію самою же Церковію, стало, такимъ образомъ, юридическою необходимостію. Духовенство, несомнѣнно заинтересованное этой частію, заботливо охраняло права Церкви на нее и съ теченіемъ времени могло подчинить своему вліянію волю завѣщателей до такой степени, что послѣдніе, какъ думаетъ Цитовичъ, могли уже представлять Церкви не ту или другую часть, а все имущество цѣликомъ¹⁾. Такимъ образомъ, если что и могло вызвать въ древнемъ русскомъ правѣ субъективный произволъ, охранить его силу и воспитать его, такъ это исключительно вліяніе на волю завѣщателей духо-

¹⁾ «Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія». Стр.

венства. Насколько оно зорко слѣдило за ихъ волею, такъ это всего лучше доказывается цѣлымъ рядомъ духовныхъ грамотъ, гдѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, если кому-либо и назначается часть, то именно Церкви. Большой свѣтъ на постановку завѣщательнаго права въ послѣдующее время, на всю значительность вліянія на него духовенства и на сближеніе его съ правомъ Византійскимъ,—въ частности съ нормами, такъ называемаго „Градскаго Закона“ (Византійскаго *Πρόχειρον*¹⁾),—проливаетъ грамота митрополита Кипріяна отъ 14-го іюня 1404 года. Приводимъ ее дословно¹⁾: „Се язъ Кипреянь, митрополитъ кіевський и всея Руси. Что ми била челомъ Ѳеодосья, Филипова жена, а ркучи такъ: мужъ мой, господине, Филипъ мертвъ напрасною смертію, холопи его убили; а жила есми съ своимъ мужемъ полчетвертадцать лѣтъ, а дѣтей, господине, у насъ не было, и мы собѣ приняли пріимачка, за дѣтяти мѣсто, Тимошку, чтобы, господине, поминокъ былъ души мужа моего и моей, а духовныя грамоты нѣтъ. И язъ, господине, хочу сидѣти вдовою и до своего живота, а поминати душу мужа своего, а по моемъ бы животѣ не залегалъ поминокъ души мужа моего и моей: и ты, господине, какъ пожелаешь, какъ укажешь? И язъ Кипреянь митрополитъ възрѣлъ есмо въ Намаконунъ, да изнашелъ есми правило, аже пишетъ въ законѣ такъ: „аже мужъ умретъ безъ завѣта, безъ душевныя грамоты, или жена такожде умретъ, не сущу отроду отъ нихъ, или паки отца и дѣда, наслѣдуетъ мужъ жены своей стяжанія и приданая ея, такоже и жена наслѣдуетъ стяжанія мужа своего“. А въ иной главизнѣ законной писано есть, яко „пріимникъ наслѣдуетъ отца и матеръ, пріимшихъ его; аще и родные дѣти будутъ у нихъ, и тотъ ровень съ дѣтми родными, и тому такова же доля; а не будетъ дѣтей родныхъ,

¹⁾ Въ редакціи, данной ей † профессоромъ А. С. Павловымъ. Въ сентябрѣ текущаго года исполняется сорокалѣтіе со времени его службы въ Казанскомъ Университетѣ, свѣтлой памяти ученаго казанца въ связи съ указаннымъ сорокалѣтіемъ мы и посвящаемъ сей посильный трудъ.

наслѣдуетъ отца и мать, пріемшихъ его, аже будетъ сынъ или дщи пріимникъ“. Сего ради язъ Кипреянъ митрополитъ, по тѣмъ законнымъ правиломъ, разсудилъ есмь и управилъ есмь той Ѳедосіѣ Филиповѣ: волно ей въ землѣ и людѣхъ, и во всемъ стяжаніи мужа своего, сѣдитъ въ своемъ дому, а поминаетъ душу мужа своего и управливаетъ, а дитя свое пріемное кормить. А каковы хотеть завѣтъ и управленіе, душевную грамоту, списати о стяженіи мужа своего и о своемъ, и о души мужа своего и о своей, волно; а иной бы никто не вступался чрезъ сія законы и управленіе наше. Сего ради дана бысть грамота нашего смиренія, на утвержденіе той Ѳедосіѣ Филиповѣ, іюня въ 14, индикта 12, въ лѣто 6912¹⁾. Содержаніе ея устанавливаетъ наличность слѣдующихъ фактовъ:

а.) Во время ея появленія обычай дѣлать завѣщанія былъ уже настолько распространенъ, что не оставляли его только умершіе „напрасною (т. е. внезапною) смертію“ (въ данномъ случаѣ убіеніе холопами). Вдова Ѳедосья желаетъ сдѣлать то, чего не удалось сдѣлать мужу: „хочетъ завѣтъ и управленіе, душевную грамоту, списати о стяжаніи мужа своего и о своемъ“.

в.) Для своего завѣщанія она испрашиваетъ благословенія главы церкви. Значитъ, всѣ недоумѣнія, возникавшія при составленіи завѣщаній, къ чему въ данномъ случаѣ давался поводъ отсутствіемъ собственныхъ дѣтей и замѣною ихъ пріемышемъ, приносились обыкновенно на судъ духовенства. Она „бьетъ челомъ“ митрополиту: въ зависимости отъ того, къ кому она обращается съ просьбой, выставляется на первый планъ и оправдательный мотивъ такому обращенію религіознаго (душевнаго) свойства: она желаетъ, чтобы *поминокъ*

¹⁾ Изъ сборника графа А. С. Уварова № 512 (Прежде Царскаго № 366). Впервые изданы въ Акт. Историческихъ, т. I. № 255. Стр. 484. Вторично приведена въ «Русской исторической библіотекѣ», изд. Археографическою Коммиссію, т. VI. ч. I. Стр. 241—244.

былъ души мужа и ея. Если ей не позволено будетъ составить завѣщаніа, то этотъ поминокъ по животѣ ея можетъ „залечь“,—ей желательно, чтобы въ ея имущество „иный не вступался“.

с.) На ряду съ религіознымъ мотивомъ приводится оправдательный мотивъ и юридическаго свойства. Просьба ея, сводящаяся къ сохраненію за собою имущества мужа „до своего живота“, потому должна быть уважена, что она хочетъ „сидѣти вдовою и до своего живота, а поминати душу мужа своего“. Въ этомъ аргументѣ, предваряющемъ рѣшеніе самого митрополита, ясно сказывается привитый русскому правосознанію Византійскими источниками взглядъ на вторичный бракъ вдовы, какъ на поруганіе почившаго мужа, за что законъ каралъ ее отнятіемъ мужняго имѣнія (*Зак. Град.* Грань 6), что отразилось и на постановленіи Русской Правды: „аже жена (вдова) ворчеться сѣдѣти по мужи, а растеряетъ добытокъ и поидеть за мужъ; то платити ей все дѣтемъ“¹⁾.

д.) Такъ мотивированная просьба сводится къ тому, чтобы митрополитъ позволилъ доставшееся вдовѣ отъ мужа имѣніе передать ея „примачку“, который былъ принятъ „за дѣтяти мѣсто“. Последнее ясно указываетъ на усыновленіе, такой юридическій актъ, который не былъ еще регламентированъ русскими законодательными памятниками²⁾. О немъ говорили на Руси лишь Византійскіе правовые источники (*Зак. Град.* 25 грань, гл. 2: „сынотвореніе“, „твореный сынъ“), да памятники переводной литературы³⁾. Кто была

¹⁾ Н. Калачовъ: „Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій“. М. 1847. Стр. 18, ст. 95.

²⁾ Въ противоположность Византіи; о чемъ см. рядъ статей проф. И. И. Соколова въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“. 1910 г. №№ 4—6, 8—9.

³⁾ Толковая Палей по списку Царскаго: „постави себѣ раба въ сына мѣсто“ (Н. С. Тихомировъ: Памятники отреч. литер. I. стр. 261). Крековская палей: „постави паробѣка въ сына мѣсто“ Шалматовъ. „Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV вв.“ Ж. Мин. Нар. Пр. Нов. Сер. Ч. XXII. стр. 174. примѣч. 5-е).

вдова Ѳедосья по своему общественному положенію и гдѣ она жила, грамота ничего не говоритъ ¹⁾. Можно предполагать, что только самая исключительность ея дѣла заставила ее обратиться къ высшей инстанціи духовнаго суда—самому митрополиту. Въ древности усыновленіе на Руси не имѣло широкаго распространенія ²⁾.

е.) Какъ же рѣшаетъ это исключительное дѣло митрополитъ? „И язь Кипреянъ митрополитъ“,—говоритъ онъ о себѣ въ своей грамотѣ,—„възрѣлъ есмо въ Намаконунъ“, минуя источники мѣстнаго права, которые дѣйствительно не могли дать отвѣта на предлежавшій его рѣшенію вопросъ: извѣстно, въ какой зачаточной формѣ было завѣщаніе, напр., въ Русской Правдѣ. Въ Номоканонѣ онъ нашелъ правило, „яже пишетъ въ законѣ“,—*въ законъ, а не канонахъ*, чѣмъ ясно указывается на свѣтскій источникъ Номоканона. Далѣе онъ приводитъ и самое правило, которое представляетъ собою ни что иное, какъ передачу собственными словами 19 главы XX-ой грани *Градскаго Закона*:

„Егда скончается мужъ или жена безъ завѣта, ни единого же отъ восходящихъ, или отъ соущихъ отъ страны, или законнаго или родного, не имѣста наслѣдника, тогда мужъ во все цѣло жены своея призывается наслѣдіе, и жена мужа своего да пріемлетъ“.

„Аже мужъ (или „жена“,—что приноровительно къ настоящему дѣлу онъ опускаетъ) умереть безъ завѣта, безъ душевныя грамоты (приспособленіе къ народному пониманію перваго термина), или жена такожде умереть, не сущу отроду отъ нихъ, или пакы отца и дѣда (болѣе

¹⁾ Митрополиту тогда между прочимъ принадлежали города Алексинъ, Лухъ, церковныя села и Констангиновскій извѣчный монастырь съ правами суда въ нихъ. В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. Ж. М. Н. Пр. 1902 г. сент. Стр. 131.

²⁾ Ѳ. Леонтовичъ. Замѣтки о разработкѣ обычнаго права. Жур. М. Н. Пр. 1878. Часть. 198. Стр. 163—164.

конкретная передача терминовъ Номоканона), наследуетъ мужъ жены своея стяжанія и приданая ея, также и жена наследуетъ стяжанія мужа своего“.

Эта норма вполне исчерпывала первую половину челобитной вдовы Феодосьи: вводила ее во владѣніе имуществомъ, оставшимся отъ мужа. Но вмѣстѣ съ этимъ она ходатайствовала и о томъ, чтобы послѣ нея наследникомъ былъ ея пріемышъ, который, какъ не принадлежавшій къ ея роду, по закону (разумѣемъ Русскому,—Русская Правда упоминала только о родныхъ дѣтяхъ) не могъ имѣть права на наследство послѣ нея. Митрополитъ и эту просьбу разрѣшаетъ правиломъ „иной главизны законной“ Номоканона, въ которой „писано есть, яко пріимникъ наследуетъ отца и мать, пріимшихъ его; аще и родныи дѣти будутъ у нихъ, и тотъ ровень съ дѣтми родными, и тому такова же доля; а не будетъ дѣтей родныхъ, наследуетъ отца и мать, пріемшихъ его, аже будетъ сынъ или дчи пріимникъ“. Изъ Градскаго Закона этому правилу всего болѣе соотвѣтствуютъ 1 и 3 главы XXV-ой грани. Свой окончательный приговоръ дѣлу митрополитъ постановляетъ „по тѣмъ законнымъ правиломъ“, отстраняя всякую возможность обжалованья дѣла категоричнымъ объявленіемъ: „а иный бы никто не вступался чрезъ сія законы и управленіе наше“. Столь непогрѣшимыми представляются митрополиту приведенные законы Номоканона и его собственная судящая власть. Эту грамоту можно считать типичнымъ образцомъ рѣшенія дѣлъ о завѣщаніяхъ духовнымъ судомъ. Несомнѣнно, что она въ своемъ родѣ не единственная. Если же другія грамоты не сохранились до насъ, то въ этомъ повинны самыя условія, при которыхъ онѣ должны были сохраняться. По всей вѣроятности, онѣ давались на руки самимъ, нуждавшимся въ нихъ, частные же дома не представляли собою удобныхъ условій къ ихъ продолжительному

сохраненію. Къ тому же и значеніе ихъ должно было быть краткосрочно. Въ этой типичной грамотѣ, прямо говорящей о духовномъ завѣщаніи („А какы хочеть завѣтъ и управленіе, душевную грамоту, списати о стяжаніи мужа своего и о своемъ“), и тѣмъ самымъ уполномочивающей насъ къ допущенію на Руси завѣщаній согласныхъ съ Византійскими источниками, г. Цитовичъ склоненъ былъ видѣть скорѣе наслѣдованіе по закону. „Самъ митрополитъ основываетъ свое рѣшеніе не на томъ“, говоритъ онъ, „что свобода завѣщанія можетъ быть осуществлена Федосьей, какъ ей угодно; нѣтъ, опредѣливши ея положеніе къ имуществу мужа на основаніи одной главизны Номоканона, онъ затѣмъ, на основаніи другой главизны, признаетъ рѣшающимъ то обстоятельство, что Тимошка пріимникъ и, слѣдовательно, находится въ такомъ положеніи, въ которомъ онъ ни больше, ни меньше, какъ обыкновенный наслѣдникъ по закону, въ силу принципа семейной связи. И если, тѣмъ не менѣе, вдова Федосья дѣлаетъ завѣщаніе въ пользу Тимошки, то эта духовная, очевидно, ничѣмъ не отличается отъ того завѣщанія, которое бы она сдѣлала, будь Тимошка для нея не пріемнымъ, а натуральнымъ сыномъ“. И изъ этого онъ дѣлаетъ заключеніе о завѣщаніяхъ раннѣйшаго періода: „примемъ въ расчетъ, что актъ усыновленія Федосьей относится къ началу XV столѣтія (1404 г.); что же сказать о завѣщательномъ наслѣдованіи Русской Правды“ ¹⁾?

Объясненіе далеко не полное. Чтобы отстоять свое мнѣніе о слабомъ развитіи завѣщаній на Руси, Цитовичу пришлось предъявить къ нимъ слишкомъ строгія требованія. На основаніи приведенныхъ его словъ можно сдѣлать такой выводъ: завѣщаніе переставало быть завѣщаніемъ и переходило въ обычное наслѣдованіе по закону, разъ въ немъ упомянуты были наслѣдники по закону. Но вѣдь завѣщанія, въ которыхъ могли быть обойдены по личному произволу завѣщателей ихъ

¹⁾ Стр. 119.

законные наслѣдники, были достояніемъ лишь древне-Римскаго права. Позднѣйшее законодательство ограничило произволъ завѣщателей, принятый въ законахъ 12 таблицъ (l. 120. D. de U. S.). Византійское законодательство повторило это ограниченіе. Въ Градскомъ Законѣ, напр., тѣ завѣщанія, въ которыхъ не упомянуты (обойдены) законные наслѣдники, сыновья, внуки, пріемныя дѣти, прямо объявляются недѣйствительными¹⁾. Разсматривая съ этой точки зрѣнія грамоту митрополита, приходится сказать, что митрополитъ, хотя и не провелъ той мысли, что „свобода завѣщанія можетъ быть осуществлена Ѳеодосьею, какъ ей угодно“, тѣмъ не менѣе рѣшилъ дѣло именно такъ, какъ указывалъ ему Византійскій номоканонъ. Послѣ законнаго усыновленія Тимошки завѣщаніе вдовы Ѳеодосьи было бы недѣйствительнымъ, если бы въ немъ не было упомянуть послѣдній²⁾. Его усыновленіе нисколько не противорѣчило завѣщанію. Не будь этого усыновленія, ея завѣщаніе въ его пользу могло бы быть оспариваемо со стороны ея родственниковъ. И что здѣсь весь вопросъ сводится именно къ завѣщанію, а не къ наслѣдованію по закону, на то есть ясное указаніе въ самой грамотѣ: „А *какы хочетъ завѣтъ списати... волю*“. Наслѣдованіе по закону здѣсь совпало съ наслѣдованіемъ по завѣщанію, какъ оно могло часто совпадать и въ иныхъ случаяхъ, когда, напр., въ завѣщаніяхъ какъ наслѣдники указывались [жена, дѣти. Челобитная Ѳеодосьи сама по себѣ безъ послѣдовавшаго на нее рѣшенія для насъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія въ смыслѣ свидѣтельства объ установившейся за это время завѣщательной практикѣ, какъ не могутъ имѣть значенія различнаго рода современныя, подаваемые въ судъ прошенія при выясненіи дѣйствованія за это время тѣхъ или

¹⁾ «Не совершеніи же завѣти егда самовластнаго, или сущаго подъ властію сына или внука, отъ сущихъ подъ властію дѣтей скончавшихся имый нѣкто *сикъ* ни наслѣдникъ, ни не наслѣдникъ написа». (25 грань)

²⁾ «Растерзаніе (завѣту) егда твореный сынъ подъ властію отчею сый, не помяновенъ въ завѣтъ». (ibid.).

иныхъ законовъ. Для насъ важно только рѣшеніе суда, вызванное тою или иною просьбою. Митрополитъ даетъ отвѣты на просьбу вдовы выдержками изъ Номоканона въ границахъ вопросовъ, вызываемыхъ самымъ дѣломъ. Выборъ этихъ выдержекъ обнаруживаетъ въ немъ значительный навыкъ въ обращеніи съ Номоканономъ. Изъ послѣдняго имъ приводится только то, что непосредственно идетъ къ дѣлу. А этотъ навыкъ вѣрное доказательство примѣненія на Руси къ духовнымъ завѣщаніямъ нормъ Византійскаго права,—нормъ Прохирона, и поэтому сдѣланныя г. Цитовичемъ попытки доказать, что въ самой челобитной Федосьи „соблюдена форма необходимаго семейнаго наслѣдованія,—будущій наслѣдникъ заранѣе усыновляется, онъ принять за дитяти мѣсто тѣмъ, послѣ кого долженъ стать наслѣдникомъ, то есть не только самою Федосьей, но и ея мужемъ“¹⁾,—могутъ казаться излишними. Онъ самъ же соглашался съ тѣмъ, что „усыновленіе не было въ употребленіи у нашихъ предковъ“²⁾, вслѣдствіе чего допускать такую преднамѣренность въ дѣйствіяхъ Федосьи, предшествующихъ ея челобитной, какую онъ допускалъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Она ясно показываетъ, свою некомпетентность въ дѣлѣ своимъ недоумѣннымъ заявленіемъ митрополиту: „и ты, господине, какъ пожелаешь, какъ укажешь“?...

Интересны и послѣдствія указаній митрополита:

а) „Раба Божія, Филипова жена Федосья“—„по благословенію господина ... преосвященнаго Митрополита Кипреяна Кіевскаго и всея Руси“ написала „грамоту душевную своимъ цѣлымъ умомъ“. Послѣдняя подробность не случайна. Она вполне отвѣчаетъ требованію Византійскаго законодательства: „Завѣтъ завѣщаваяй долженъ есть умъ имѣти здравъ“. (Градск. Зак. XXI гр., ст. 2).

¹⁾ Стр. 119.

²⁾ Стр. 118.

б) „Своему дитяти, Тимошкѣ“, что былъ взятъ мужемъ и ею „у Θεодора“, она завѣщаетъ („приказываю“) „свой ста-токъ весь, да село Горьтовское съ деревнями“.—Эти детали завѣщанія Θεодосѣи вполне отвѣчаютъ требованіямъ Византійскаго законодательства: „Кто хочетъ сотворити завѣтъ самъ дѣтемъ имена... написуетъ... ино имъніе (недвижимое, не „размѣренное злато“), ему же написуетъ наслѣдники, не сложеніемъ числъ знаменуема, но вѣмъ имъніемъ показуема“. (ibid. Грань XXI, ст. 12.)

в) „А что люди полные мужа моего и мои“,—продолжаетъ далѣе въ своемъ завѣщаніи Θεодосѣя,—„и тѣмъ служить до моего живота, а по моемъ животѣ не надобѣ мнѣ, ни моему сыну Тимошкѣ“.—Это опять одна изъ подробностей Византійскаго завѣщанія, хотя и случайныхъ: „Можетъ кто свободити раба своего или во святыхъ церквахъ, или въ за-вѣтѣ, или инѣмъ нѣкимъ либо конечнымъ совѣтомъ“ (ibid. Грань XXXIV, ст. 9; въ греческ. текстѣ 8). „Аще же внѣшнимъ нѣкими образы хочетъ кто оставить дары людскія (эту подробность въ завѣщаніи Θεодосѣи встрѣчаемъ далѣе) или свободо-женіе и таковая своею рукою пишема и глаголема отъ завѣщающаго предъ свидѣтели... да будутъ тверда“. (Гр. XXI, ст. 12).

г) Другимъ случайнымъ содержаніемъ завѣщанія по Византійскому законодательству могли быть „легаты“—отказы частей имущества завѣщателя, помимо наслѣдника, частнымъ лицамъ. ¹⁾ Съ легатами мы встрѣчаемся и въ завѣщаніи Θεодосѣи: „А при моемъ животѣ дала есмь своему деверю Хлюпѣ лошакъ гнѣдъ и въ сѣдлѣ, а сыну его воронъ лошакъ въ сѣдлѣ же, а Рышку лошакъ рыжъ въ сѣдлѣ же; а по моемъ животѣ, Хлюпѣ лошакъ да стогаъ ржи, сто копенъ“. При этой хронологической классификаціи примѣтъ во вни-

¹⁾ М. Бенеманскій. „Ο πρόχειρος νόμος“. Выпускъ I, 1906. Стр.

маніе, что XXXV грань Градского Закона, посвященная „легатамъ“ („*Περὶ λεγάτων*“), въ Кормчей была озаглавлена: «Ὁ дарβὺς δαέμυς βз закѣтѣ: ἢли кз живο-тѣ, ἢли по смѣрти».

д) Наконецъ, къ таковымъ же случайностямъ содержанія Византійскаго завѣщанія принадлежало назначеніе (несовершеннолѣтнему наслѣднику) опекуна (*ibid.* Гр. XXXVI, ст. 8),—не позабываетъ и Оедосья въ своемъ завѣщаніи распорядиться: „а Сидору (Перепечину) печаловать душою мужа моего и моею да нашего дитя Тимошку блюсти“.

е) Завѣщательная грамота была написана Оедосьей „предъ своимъ отцемъ духовнымъ архимандритомъ Дороеѣмъ; а на то послуши: Олека, дьякъ князь Юрьевъ, Иванъ Зворыка, Максимъ Ооминъ, Игнатей Степуринъ, Оедотъ Сидоровъ“.... Присутствіе свидѣтелей и ихъ число также знаменательны. Византійское законодательство для того, чтобы завѣщаніе имѣло законную силу, требовало обязательнаго присутствія при его написаніи свидѣтелей: „*Αἱ διαθήκαι ἐκ τριῶν νομίμων τὴν οὐσίαν ἔχουσιν, ἐκ τοῦ πολιτικοῦ καὶ τῶν διατάξεων καὶ τοῦ πραΐτορος· ἐκ μὲν γὰρ τοῦ πολιτικοῦ κατὰγεται τὸ παρόντων τῶν μαρτύρων μιᾷ ὑφ᾽ ἡ συναπτῶς τὴν διαθήκην πληροῦσθαι*“ (*Proch.* XXI, 4. См. т. XXI, 12). При чемъ число свидѣтелей („*ὁ τῶν μαρτύρων ἀριθμὸς*“) было строго узаконено (*ibid.*). Ихъ должно было быть не менѣе пяти: „*Αἱ δὲ ἀτελεῖς κατὰ εἴ τρόπους νοοῦνται, καὶ πραῖτος μὲν τρόπος ἐστίν, ὅταν μὴ παρόντων εἴ ἢ εἴ μαρτύρων.... γίνε-ται ἢ διαθήκη*“... (*Proch.* XXV, 5)—„Несовершенніи же завѣты по пяти образовъ разумѣваема суть. Первый убо образъ есть, *егда будетъ завѣтъ не сущимъ седми или пяти свидѣтелемъ*“ (*Кормчая. Градск. Зак. Грань XXV. Последній отдѣлъ, гл. 1-ая.*), „а не токмо седмь, но и *пять* приедемъ послуховъ“ (*ibid.* XXI, 15; см. также XXI, 9.).

Всѣ эти частные аксессуары вдовьяго завѣщанія ясно свидѣтельствуютъ, что на почвѣ только мѣстныхъ національныхъ обычаевъ и правового уклада оно не могло возникнуть,

равно какъ и инициатива въ ихъ происхожденіи не могла принадлежать самой завѣщательницѣ,—простой обывательницѣ,—въ своемъ вдовствѣ не знавшей какъ управить потокъ живота своего. Ясно, что печать столь сильнаго Византійскаго вліянія на это русское завѣщаніе XV вѣка наложили тѣ обстоятельства, что писалось оно „по благословенію господина преосвященнаго Митрополита Кипреяна Кіевскаго и всея Руси“,—„предъ отцемъ духовнымъ архимандритомъ Дороеѣмъ“.... И это завѣщаніе является прекрасною иллюстраціею того насажденія правовыхъ началъ въ домашній обиходъ, въ которому такъ часто призывалось древнее русское духовенство,—той заботливости, съ которою иногда оно склонно было расположить распорядокъ обывательской жизни по буквѣ чужеземнаго закона.

Михаилъ Бенеманскій.

Масляница у чувашъ ¹⁾.

Въ послѣднее пятилѣтіе въ жизни Ядринскихъ чувашъ замѣчается весьма любопытное и, можетъ быть, знаменательное явленіе: на сырной седмицѣ бываетъ большое стеченіе ихъ въ чувашскій Александринскій монастырь, въ качествѣ богомольцевъ. Эти паломники идутъ и ѣдутъ сюда съ религіозною цѣлью—„поговѣть“, хотя сырная недѣля (въ простонарѣчьи—„масляница“) специально и не предназначена для этого. Мнѣ удалось узнать отъ словоохотливыхъ паломниковъ, что они на масляницѣ бѣгутъ изъ домовъ своихъ отъ „попоекъ“, которыя въ нынѣшнемъ году выдаются по своимъ размѣрамъ. Пьютъ всѣ: мужчины, женщины и дѣти; старики и молодые. Въ монастырь „бѣгутъ“: мужья отъ непрошенныхъ гостей, жены отъ пьяныхъ мужей, дѣти отъ буйныхъ родителей, дѣвушки отъ эротическихъ поползновеній деревенскихъ парней, мужская молодежь отъ хулиганствующихъ сотоварищей. Всѣ бѣгутъ, значить, отъ пьянства и пьяной компаніи. И бѣжать, въ самомъ дѣлѣ, есть отъ чего.

Чувашскія попойки начинаются задолго предъ масляницей. Предварительный деревенскій „праздникъ“ начинается въ 3-ю пятницу послѣ „зимняго“ Николина дня, которая (пятница) приходится иногда предъ праздникомъ Рождества Христова, иногда—на Рождествѣ, а въ истекшемъ году эта праздничная пятница пришлась какъ-разъ на самое

¹⁾ Читанъ въ Общемъ собраніи Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 25 апр. 1910 г.

Рождество. Этотъ праздникъ называется по чувашски „Сорых-оры“ (въ переводѣ „овечья нога“). Совершается онъ въ благодарность Богу за урожай хлѣба и приплодъ скота, и для испрошенія тѣхъ же благъ въ будущемъ году. Въ Ядринскомъ уѣздѣ „сурых-уры“ [соргоры] празднуется такъ. Вечеромъ, какъ только смеркнется, взрослые парни и подростки—мальчики, собравшись со всей деревни, начинаютъ обходить деревню по дворамъ, горлая: „Ме-е-э“ (звукоподражательное мѣстоименіе) „сурѣхсѣм пѣдж туѣяр, хирьзѣм хирьзѣр(ь) пулѣяр, арымзѣм аѣа туѣяр“,—что въ переводѣ на русскій языкъ будетъ значить: „Ме-е-э“ (подражаніе звуковому овпамъ)! „овцы ягнитесь, дѣвушки будьте дѣвственны, женщины родите дѣтей“! Для празднованія „сорых-оры“ добываются солодъ и мука (низшаго сорта). Изъ солода варится пиво, а изъ муки пекутся такъ называемые „колобки“—родъ круглыхъ нашихъ „булокъ“. Но, конечно, главной масляничной ѣдой являются блины. Ихъ чуваша ѣдятъ со временъ глубокой языческой древности, когда блинъ былъ символомъ круглаго диска луны, боготворимой чувашами ¹⁾. Потому во время язычества чуваша всегда праздновали масленицу въ новолуніе, придавая этому и доселѣ особенную важность. Кромѣ блиновъ, чуваша ѣдятъ рыбу, кашу, пироги. Мяса на масленицѣ чуваша Ядринскаго, Козмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ не ѣдятъ. Но Цивильскіе и Тетюшскіе употребляютъ, въ подражаніе татарамъ. Современные чуваша запасаются и водкой [покупаютъ „четвертями“]. На святкахъ чуваша пьютъ мало, и то только въ кругу своихъ семейныхъ и близкихъ сосѣдей-однодеревенцевъ. Послѣ „святковъ“, назм-

¹⁾ Въ Больше-Шатминскомъ приходѣ Ядринскаго уѣзда, близъ деревни Кошекъ, есть оврагъ, называемый: „агѣръ-сирмъ“, что по русски значить: „блинный оврагъ“. Въ этомъ оврагѣ изстари ведется обычай бросать на масленицѣ блины, предназначенные для недавно умершихъ. Самые овраги, выбираемые для такого поминованія, должны быть обращены наклономъ своимъ съ запада на востокъ, по положенію хоронимыхъ людей. Примѣч. Редак.

ваемых Чебоксарскими чувашими почему-то „чертовою(!) недѣлею“ [„шуйтанарни“], попойки усиливаются. Пьянство идетъ crescendo. Покупаютъ обязательно какъ можно больше водки, „починаютъ“ бочки пива („сра посылассе“—по чувашски); пьютъ сначала дома, а потомъ съ пѣснями разъѣзжаютъ по родственнымъ деревнямъ, такъ-что къ масляницѣ начинаютъ уже, говоря языкомъ алкоголиковъ, „впиваться“. Воскресеніе (мясопустное) предъ самой масляницей называется „авалги-сюварни-кон(ъ)“,—что по русски значитъ: „старинный масляничный день“. Называютъ это воскресеніе и „кизинни сюварни“ (младшая масляница). Въ этотъ день каждый домохозяинъ извѣстной деревнѣ на семейномъ совѣтѣ рѣшаетъ, въ какую деревню, когда и къ кому заѣхать въ гости. Каждый гостепріимный хозяинъ считаетъ своимъ долгомъ напоить каждого гостя „до рвоты“. Если иному и не удастся такъ напиться, то онъ, выѣхавъ со двора, все-таки притворится пьянымъ во избѣжаніе насмѣшекъ со стороны.

На масляницѣ—чаще съ четверга—начинается бѣшеная ѣзда на лошадяхъ (парами, тройками) вдоль деревни, продолжающаяся съ утра до вечера. Бѣднымъ животнымъ живется во время этаго разгула „разумныхъ“(?) тварей весьма плохо: они бываютъ и биты и голодны,—хотя пассажиры въ то же время сами-то и пьяны и сыты.

Въ первые три дня „пьютъ“ только взрослые, дѣти же собираются съ салазками куда-нибудь „на-гору“, которую и начинаютъ укатывать. Катаются съ пѣснями и гикомъ (дикимъ визгомъ). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, не отличающихся религіознымъ воспитаніемъ и образованіемъ, молодые парни недѣли за-двѣ до масляницы готовятъ фигуру изъ соломы, въ видѣ человѣка; эту фигуру, въ субботу—наканунѣ мясопустнаго воскресенія (въ „родительскую“)—поздно вечеромъ, предъ тѣмъ, какъ возвращаться съ катанья домой, ставятъ на горѣ, и дѣлаютъ фигурѣ по три (земныхъ) поклона. Фигуры эти чувашами именуются: „сюварни-карчыкъ“. На другой день послѣ постановки соломеннаго идола,

на зарѣ всѣ мужчины и женщины отправляются на „горку“ прокатиться хоть „разокъ“ („перь-хуть“), при чемъ надъ опоздавшими иронизируютъ, обзывая ихъ: „сюварни—карчыге“ (по русски: „соломенная бабенка“)! Предъ катаніемъ ставившіе соломенное чучело осматриваютъ его, съ цѣлью узнать, были ли тутъ собаки и не оставили ли слѣдовъ своего пребыванія, что считается предвѣстникомъ несчастія.

Послѣдній день маслянницы („прощенное“ воскресенье) у чувашъ называются „мун—сюварни—гонъ“ (великій масляничный день). „Великимъ“ этотъ день величается, по языческимъ понятіямъ чувашъ, потому, что въ это воскресенье можетъ свободно быть пьянымъ „и старый и малый“. Весьма достойны глубочайшаго сожалѣнія въ это время малолѣтнія дѣти, которыхъ также усердно отравляютъ неразумные родители алкоголемъ.... Въ послѣднее время, особенно въ нынѣшнемъ—1910-мъ году, чувашаи пьютъ спиртные напитки до безобразія и развратничаютъ до забвенія всякаго „человѣческаго“ достоинства, доходя даже до скотоложства. Этотъ омерзительнѣйшій порокъ особенно развитъ у здѣшнихъ инородцевъ.

Любители „выпить“ (безъ всякихъ „закусокъ“, что приняты въ средѣ чувашъ) продолжаютъ „опохмѣливаться“ („мухмур йозас“) и на первой недѣлѣ Великаго поста—до пятницы. Такимъ образомъ „пирующие“ чувашаи проводятъ свой „праздникъ“ въ теченіе 10-ти недѣль.

Нынѣшнія попойки, говорятъ, особенно усилились благодаря предсказаніямъ ученыхъ, вычитываемымъ грамотными чувашами изъ газетъ. Эти предсказанія грозныя: касаются предстоящаго повсемѣстнаго неурожая (яровыхъ) хлѣбовъ. Помимо этихъ нехорошихъ предвѣщаній—суевѣрныхъ чувашъ много смутило появленіе вечеромъ 8-го января на западномъ небосклонѣ кометы съ „поднятымъ вверхъ хвостомъ“. Дѣло въ томъ, что, по космогоническимъ понятіямъ

мѣстныхъ инородцевъ, всѣ звѣзды и планеты сотворены Богомъ (сюльди-Тора—вышній Богъ) одушевленными. Этотъ „Тора“ является властителемъ и распорядителемъ всего надзвѣзднаго, „духовнаго“ міра, земными же дѣлами Онъ,—сюльди Тора,—не занимается. Кометы причисляются чувашами къ звѣздамъ; эти „одушевленные“ существа не пользуются у нихъ почетомъ, а потому въ честь ихъ никакихъ жертвъ не приносятъ. Отсутствіе идололатрическаго почета зависитъ отъ той незавидной роли, какую играютъ планеты въ надзвѣздномъ мірѣ: Сюльди-Тора посылаетъ эти божества для обозрѣнія образа жизни земныхъ людей. Если Богъ захочетъ наказать людей за ихъ разнохарактерныя прегрѣшенія, то, по Его повелѣнію, и появляются на небѣ большія—„съ хвостами“—звѣзды, предвѣщающія непременно какое-либо общественное бѣдствіе: неурожай, пожары, моръ скота, эпидемическія болѣзни и войну. Нынѣ чуваша, съ появленіемъ кометы, ждутъ, неурожая (яровыхъ) хлѣбовъ и войны. Вотъ въ ожиданіи несчастій чуваша и стали усиленно гулять, передавая другъ-другу подъ вліяніемъ алкоголя напередъ тѣ грустныя впечатлѣнія, какія получатся отъ грядущей бѣды.

Пьянство здѣшнихъ инородцевъ, конечно, не нравится нѣкоторымъ религіозно—настроеннымъ домохозяевамъ. И, вотъ, они или сами бѣгутъ въ монастырь отъ деревенскаго разгула, или посылаютъ туда своихъ женъ (чаще дѣтей).

Вообще, многими чувашами сознается безсмысленность масляничныхъ попоекъ съ ихъ неизбѣжными скандалами, кончающимися подчасъ весьма плачевно. Эта сознательная мысль—бѣгство отъ пьяницъ—исключительно проводится паломниками, отдыхающими и тѣлесно и душевно подъ покровомъ тихой святой обители. Чудное пѣніе инородокъ-клирошанокъ заставляеть перерождаться, преображаться полуязычествующихъ инородцевъ. По этимъ, конечно, причинамъ развивается въ послѣднее время говѣніе чувашъ и въ Пасхальную недѣлю, хотя послѣдняя еще менѣе, чѣмъ сырная,

служить подготовительнымъ временемъ къ исповѣди. Во всякомъ случаѣ любопытно отмѣтить сочетаніе въ одномъ явленіи мотивовъ нравственныхъ, религіозныхъ и, отчасти, матеріальныхъ...

Свящ. *Николай Архангельскій.*

Владѣнная память рѣз (1689) года Свіяжскаго уѣзда деревни Андреевой безъясашной чувашѣ Иштыбайкѣ Ахтубаеву съ товарищами на урочища и угодья по р.р. Черемшану, Атасу.

Нижепечатаемый свитокъ имѣетъ 220 сантим. длины и 17 сантим. ширины (6 неполныхъ листовъ XVII в.).

Настоящій документъ находился въ рукахъ крестьянина изъ чувашъ села Сихтермы, Спасскаго уѣзда, Казан. губ., Якова Аеанасьева. Свитокъ достался Аеанасьеву по наслѣдству отъ предковъ, почему и оберегался имъ весьма тщательно. По убѣжденію Аеанасьева, документъ заключаетъ въ себѣ что-то очень важное для него, почему не должно обнаруживать нахожденія его у себя, а тѣмъ болѣе давать кому бы то ни было на руки. Только благодаря содѣйствію мѣстнаго священника о. Егора Васильева, удалось достать небезинтересный для исторіи Поволжья нижеприводимый текстъ. Н. Ник.

рѣз года марта в 5 день по указамъ великихъ государей царей и великихъ князей иоанна алексѣевича петра алексѣевича всея великия і малыя росіи самодержцевъ, бояринъ і воевода петръ аврамовичъ лопухинъ с товарищи дали владѣнную память свіяжскаго уѣзду деревни андрѣевы безъясашной чуваше иштыбайку ахутбаеву да мралѣку томакаеву да сардакайку яндыбаеву. въ прошломъ де во рѣз году по указамъ великихъ государей и по ихъ аштубайкову с това-

рищи челобитью велено поселитца въ казанскомъ уѣздѣ по нагайской дороге за камою рѣкою блиско ихъже вотчины на порозжей землѣ по малому черемшану и межъ атасу и анчины рѣчекъ съ устья и до вершинъ по обѣ стороны нижняя межа к черному лѣсу сухой врагъ а отъ сухова врагу до сорока сосенъ до речки шипку по обѣ стороны съ устья и до вершинъ с полянками по обѣ стороны с лѣсомъ и съ санными покосы и съ хмелевымъ щипаньемъ и со всѣми угоды въ тѣхъ урочищахъ велено владѣть а ясаку имъ с той земли в тѣхъ межахъ и урочищахъ велено платить три ясака за чемъ и на того землю сокладныхъ книгъ дана имъ выпись а откащика на того землю не посылавано і великие государи пожаловались ихъ велѣли на того землю послать откащика и того землю противъ ихъ челобитья въ тѣхъ межахъ и урочищахъ с санными покосы и с лѣсомъ и со всѣми угоды за ними оказать і приходной ясашной денежной книге прошлаго рѣ.л. году написано (:) по челобитью свияжскаго уѣзду горныя стороны деревни андрѣевы безъ ясашной чуваше іштубайку ахтубаеву да мралеку томакаеву с товарищи одинадцать человекъ велено имъ поселитца въ казанскомъ уѣздѣ по нагайской дороге за камою рекою блиско ихъже вотчины на порозжей землѣ по малому черемшану рекѣ межъ атасу и анчины рѣчекъ и платить имъ въ казну великихъ государей въ казани три ясака бортемъ (?) и августа въ день били челомъ блаженныя памяти великому государю царю і великому князю ѳеодору алексѣевичу всея великия и малыя и бѣлыя росіи самодержцу они іштубайка ахтубаевъ стоварищи велено де имъ поселитца въ казанскомъ уѣздѣ за камою рекою на порозжемъ мѣсте межъ атасу и анчины рѣчекъ а межи де і урочища того починка пашенной землѣ и саннымъ покосомъ не написано и чтобъ великіе государи пожаловали ихъ велѣли того ихъ починка пашенной землѣ и саннымъ покосамъ межи въ окладной ясашной книге справить а межи де той ихъ пашенной землѣ и саннымъ покосамъ по черемшану рѣкѣ да по рѣкѣ атасу по

обѣ стороны с устья и до вершины нижняя межа к черному
лѣсу сухой врагъ по одной сторонѣ да черезъ рѣчку атасу
до сухова врагу а отъ сухова врагу до сорока сосенъ до
рѣчки шапки по обѣ стороны с устья и до вершины с по-
лянками да по рѣчке анчинѣ по обѣ стороны с устья і до
вершины і в черномъ лесу хоромной лѣсѣ и дрова рубить и
лыка снимать и хмель щипать и по выписке за помѣтой
дьяка івана кучецкого велено противъ челобитья тѣ урочи-
ща будетъ въ ихъ даче и спору ни с кѣмъ не будетъ напи-
сать в книги і в прошломъ же во рѣ.л. годе по ихъ же
иштубайкова артубаева челобитью с товарищи и по приговору
боярина і воеводы петра аврамовича лопухина с товарищи и
по выписке за помѣтою дьяка никеора зайцова велено по-
слать для того велѣть того землю буде прежъ ихъ челобитья
ни за кѣмъ не в дачахъ и спору не будетъ по прежней
даче отказать челобитчикомъ и отказные книги за руками
подать в приказной полате а буде та земля объявитца прежъ
ихъ челобитчиковъ за кѣмъ въ дачахъ или отказу учинитца
споръ и тое земли отказывать не велѣть и о томъ писать
извѣтъ потому ж подать і в прошломъ же въ рѣ.л. ¹⁾ годе
еевраля въ 3̄ день. послана память в билярскъ к воеводе к
михаилу заборовскому велено ему ѣхать в казанской уѣздъ
по нагайской дороге за каму рѣку в деревню андрѣеву а
ис той деревни ѣхать ему с темъ челобитчикомъ с иштубай-
кой артубаевымъ с товарищи в деревню яшнуба написано
еевраля в 3̄ день про тою землю и сенные покосы розыскивалъ
а в розыске сторонние люди сказали деревни камкиной слу-
жилые татары, мамы комаралѣевъ утяшко мрамашевъ утя-
шко ярзяковъ о которой де землѣ и о сенныхъ покосехъ и

¹⁾ Здѣсь, очевидно, описка; надо читать: рѣ.л., такъ какъ самая
память дана въ рѣ.л. году.

о черномъ лесу о хоромномъ и о дровяномъ и о лышномъ
сниманье и о хмелевомъ щипанье били челомъ ясашные
чуваша казанскаго уѣзду деревни андреевы иштубайко ахты-
баевъ с товарищи по урочищамъ де по черемшану реки да
по рѣчке атасу с устья и до вершинъ по обѣ стороны сухой
врагъ по одной сторонѣ да черезъ рѣчку атасу до сухова
врагу до сорока сосенъ до рѣчки шапки по обѣ стороны съ
устья и до вершины съ полянками да по рѣчке анчинъ по
обѣ стороны с устья и до вершинъ и та де земля и сенные
покосы с полянками и со всѣми угодыи и по рѣчке атасу в
верхъ отъ сорока сосенъ до рѣчки шапки по обѣ стороны
с устья и до вершины с полянками да по рѣчке анчинъ по
обѣ стороны с устья и до вершины а в черномъ лѣсу хором-
ной и дровяной лѣсъ и лышное сниманье и хмелевое щип-
панье в помѣстья и на оброку и на ясакъ никому oprичъ
ихъ иштубайка ахтубаева с товарищи не отдано и спору
ни с кѣмъ не будетъ и при стороннихъ людехъ та пашен-
ная земля и сенные покосы а отъ лѣсу что межъ атасу и
и анчины речехъ а приѣхавъ в тое деревню про тое землю
и сенные покосы сыскать рускими людьми и татары буде та
земля и сенные покосы по тѣмъ межамъ и урочищамъ прежь
челобитчикамъ не в дачахъ ли и спору не будетъ ли и буде
та земля прежь ихъ челобитья ни за кѣмъ не в дачахъ и
спору не будетъ и тою землю и сенные покосы отказать
челобитчикамъ иштубайку артыбаеву с товарищи а буде о
той земле и о сенныхъ покосехъ по тѣмъ межамъ и урочи-
щамъ учинитца споръ и тою землю до указу за споромъ не
отказывать и написать в сей в отказные свои книги имянно
съ кѣмъ учинитца споръ дать книги за своею и стороннихъ
людей за руками и за татарскими знамены привести в казань
і подать в приказной полате боярину і воеводамъ петру
аврамовичу лопухину с товарищи а в отпискѣ из биларска
михайла заборовскаго написано в прошломъ де во рѣчѣ ¹⁾

¹⁾ Надо читать р.п.д., какъ какъ самая память рѣз года.

годѣ присланъ к нему великихъ государей указъ по челобитью безясашныхъ чувашъ казанскаго уѣзду нагайския дороги закамския стороны деревни андрѣевы иштубайки артыбаева с товарищи велено де ему иштубайку с товарищи отказать пашенную порозжую землю и сенные покосы і в лѣсу с хоромнымъ и дровянымъ лѣсомъ и с лышнымъ сниманиемъ и с хмелевымъ щипаньемъ и про тое де землю и сенные покосы обыскать и отказать имъ иштубайку с товарищи а в отказныхъ ево михайловыхъ книгахъ прошлаго рп.ѣ годъ с хоромнымъ и з дровянымъ лѣсомъ и с лышнымъ сниманиемъ и с хмелевымъ щипаниемъ с всѣми угоды по тѣмъ выше писаннымъ урочищамъ отказано имъ чувашамъ иштубайку артыбаеву с товарищи.

Копировалъ *Н. Никольскій*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

Первые (дошедшіе до насъ) труды по изслѣдованію калмыцкаго языка ¹⁾:

Калмыцкій языкъ, какъ извѣстно, весьма не богатъ ни грамматиками, ни словарями, ни научными изслѣдованіями, касающимися языка. Мы имѣемъ одну грамматику спеціально калмыцкаго языка Попова ²⁾ и грамматику монголо-калмыцкаго языка. А. Бобровникова ³⁾, небольшіе труды грамматическіе по языку Навроцкаго ⁴⁾, Zwick'a ⁵⁾, Позднѣева—вотъ почти и все, что имѣется въ печати по изслѣдованію калмыцкаго языка.

Что касается словарей калмыцко-русскихъ и русско-калмыцкихъ, то здѣсь дѣло обстоитъ еще печальнѣе. Калмыцко-русскихъ словарей печатанныхъ нѣтъ совсѣмъ (кромя небольшихъ отрывковъ словаря Крылова, печатавшагося въ давнее время въ „Донскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ“ русской транскрипціей). Изъ русско-калмыцкихъ словарей из-

¹⁾ «Грамматика калмыцкаго языка» ($\frac{1}{4}$ д. л. рукопись автографъ, 64 стр.). 1847 г. и «Русско-калмыцкій словарь» Архимандрита Гавріила (Любомудрова) ($\frac{1}{8}$ д. л. 591 стр.) 1847 г., найденные въ библіотекѣ Верхотурскаго монастыря.

²⁾ Проф. А. Поповъ. Калмыцкая грамматика. Казань 1848 г.

³⁾ А. Бобровниковъ. Грамматика монголо-калмыцкаго языка. Казань 1849 г.

⁴⁾ Навроцкій. Краткія замѣчанія о различіи между калмыцкимъ и монгольскимъ языками (Уч. Зап. Каз. Унив. 1840—41).

⁵⁾ Zwick. Grammatik der Westmongolischen Sprache. Baden 1851 г.

вѣстенъ словарь Голстунскаго ¹⁾ затѣмъ маленькіе словарчики П. Смирнова ²⁾, Санджирхаева ³⁾, Бадмаева ⁴⁾, Нармаева.

Изъ этого перечня трудовъ по изслѣдованію калмыцкаго языка, изъ которыхъ многіе при томъ относятся къ доброму старому времени, мы видимъ, что этотъ языкъ еще ждетъ энергичныхъ работниковъ для своего обслѣдованія въ должной степени и ждетъ трудовъ какъ въ области грамматической, такъ и по составленію словарей. Въ области грамматической языкъ весьма нуждается въ изслѣдованіяхъ по фонетикѣ и морфологіи, въ отношеніи словарей—въ составленіи калмыцко-русскаго словаря для обозначенія свободной и легкой возможности заниматься изученіемъ этого языка желающимъ.

Вновь открытые нами по указанію Высокопреосвященнѣшаго Никанора Архіепископа Казанскаго труды по калмыцкому языку: грамматика и словарь Арх. Гавріила (Любомудрова), относясь, по своему происхожденію, къ старому времени (половинѣ XIX-го столѣтія) и не имѣя поэтому особой цѣнности для изученія калмыцкаго языка въ его настоящемъ живомъ состояніи, тѣмъ не менѣе, въ виду столь незначительнаго количества трудовъ въ этой области, должны быть, однако, причислены къ общей сокровищницѣ трудовъ по изслѣдованію калмыцкаго языка и, какъ труды компактные и законченные, должны быть отмѣчены надлежащимъ образомъ и сохранены для потомства въ качествѣ своего рода археологической находки и библиографическаго значенія.

Авторъ найденныхъ нами трудовъ Грамматики калмыцкаго языка и Русско-калмыцкаго словаря Архимандритъ Гавріиль (Любомудровъ), какъ видно изъ послужнаго списка его за 1868-ой годъ ⁵⁾ происходилъ изъ духовнаго званія, родился

¹⁾ Голстунскій. Русско-Калмыцкій словарь. СПб. 1860 г.

²⁾ П. Смирновъ. Опытъ русско-калмыцкаго словаря.

³⁾ Литографированный словарь.

⁴⁾ Краткій русско-калмыцкій словарь. СПб. 1899 г.

⁵⁾ См. журналъ входящихъ, бумагъ за 1868 г. Николаевскаго Верхотурскаго монастыря.

въ 1800 году. Съ 1815—21 годъ обучался въ Калужской Духовной Семинаріи наукамъ богословскимъ, философскимъ, историческимъ, математическимъ, словеснымъ и языкамъ: латинскому, греческому, французскому; съ 1821—25 г. учился въ Петербургской Академіи.

По окончаніи Академіи опредѣленъ въ Вятскую Духовную Семинарію учителемъ по математикѣ и еврейскому языку, затѣмъ принялъ священство, занималъ въ Семинаріи кафедру Церковной Исторіи, былъ настоятелемъ и протоіереемъ въ Вятскомъ Богоявленскомъ Соборѣ. Въ 1845 году онъ былъ постриженъ въ монашество, въ половинѣ 1846 года возведенъ въ Архимандриты и переведенъ въ Астраханскую Духовную Семинарію Инспекторомъ, гдѣ пробылъ до октября 1847 г., преподавая Св. Писаніе, соединенные съ нимъ предметы и французскій языкъ.

Вотъ здѣсь, когда при Астраханскомъ Преосвященномъ Евгеніи I (1844—1856) было обращено особое вниманіе на миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ, когда по инициативѣ астраханскаго Архипастыря организовались въ Астрахани переводческія комиссіи и поощрялись труды по калмыцкому языку ¹⁾, Архимандритъ Гавріиль, какъ имѣвшій, очевидно, склонность и способность къ изученію языковъ, уже знавшій нѣсколько языковъ (греческій, латинскій, еврейскій, французскій), былъ привлеченъ къ участию въ переводческихъ комиссіяхъ по составленію религіозно-нравственныхъ переводовъ на калмыцкій языкъ; заинтересовавшись переводческимъ дѣломъ и калмыцкимъ языкомъ, онъ занялся изученіемъ языка, составленіемъ грамматики и русско-калмыцкаго словаря, столь нужнаго въ тогдaшнее время для переводческой дѣятельности за совершеннымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было словарей у переводчиковъ подъ руками. Результатомъ занятій явились соотвѣтствующіе, выше

¹⁾ См. нашу статью: «О переводческой дѣятельности на калмыцкій языкъ» въ «Прав. Соб.» 1910 г. Іюль—Августъ.

указанные нами, труды. Архимандритъ Гавріиль жилъ въ Астрахани около $1\frac{1}{2}$ лѣтъ. Конечно, въ этотъ срокъ времени не легко изучить какой бы то ни было языкъ до возможности составленія къ нему самостоятельно грамматики и словаря. Можно поэтому предположить, что автору не принадлежатъ данные труды. Но если мы примемъ во вниманіе сравнительно механическій характеръ и методъ составленія указанныхъ трудовъ, переписку ихъ (русскаго и калмыцкаго текста) рукой самого Архимандрита Гавріила, безусловную помощь со стороны знающихъ калмыцкій языкъ лицъ, быть можетъ, даже, ихъ преимущественное участіе (напр. извѣстнаго знатка калмыцкаго языка Свящ. Дилигенскаго, проживающаго тогда въ Астрахани и бывшаго самымъ дѣятельнымъ участникомъ переводческихъ комиссій, и другихъ ¹⁾), то большая доля сомнѣній можетъ отпасть.

Закончивъ грамматику калмыцкаго языка, Арх. Гавріиль дѣлаетъ слѣдующую надпись: „Писалъ сіи начальныя основанія Калмыцкой грамматики и подписалъ своею рукою во свидѣтельство Инспекторъ Астраханской Семинаріи и Профессоръ Архимандритъ Гавріиль, бывшій въ бѣломъ (Вятскомъ) духовенствѣ, родомъ изъ Калужской Епархіи, Протоіерей Григорій Любомудровъ 18iv/1247. Суббота Мурносицкой недѣли утро. 5-ый часъ на разсвѣтѣ“.

Данная надпись какъ будто ясно свидѣтельствуетъ объ участіи Архимандрита Гавріила въ трудахъ по изученію Калмыцкаго языка и въ составленіи имъ самимъ грамматики Калмыцкаго языка, но, конечно, при строгой критикѣ указанной надписи, изъ нея можно вывести—только несомнѣнную принадлежность Арх. Гавріилу переписки калмыцкаго и русскаго текста грамматики, быть можетъ, и чужого составленія. Словарь переписанъ также рукою Арх. Гавріила, и объ немъ могутъ быть сужденія совершенно аналогичныя съ вышеприведенными.

¹⁾ Ibidem.

Теперь переходимъ къ ознакомленію съ самыми трудами Архимандрита Гавріила.

„Начальныя основанія Калмыцкой грамматики“. Этотъ трудъ представляетъ рукопись въ $\frac{1}{4}$ долю листа, состоящую изъ четырехъ тетрадей по 4 листа каждая.

Сама по себѣ грамматика Калмыцкаго языка Арх. Гавріила представляетъ ничто иное, какъ съ нѣкоторыми сокращеніями переложеніе примѣнительно къ калмыцкому языку монгольской грамматики Шмидта ¹⁾).

Авторъ во всемъ рабски слѣдуетъ Шмидту, не исключая даже и примѣровъ, хотя и не безусловно. Нѣкоторые примѣры онъ приводитъ свои, приводитъ также въ качествѣ образца для чтенія самостоятельную выдержку изъ калмыцкой рукописи.

Оригинальность автора заключается въ томъ, что онъ мѣстами, хотя крайне рѣдко, выраженія и формы книжной рѣчи стремится приблизить къ рѣчи разговорной и указываетъ, какія грамматическія формы не употребляются въ разговорной рѣчи.

Являясь такимъ образомъ подраженіемъ грамматикѣ Шмидта, грамматика Арх. Гавріила имѣетъ, поѣтому, и соответствующее значеніе для настоящаго времени болѣе, какъ археологическая цѣнность, и сравнительно въ меньшей степени, какъ матеріалъ полезный при составленіи новыхъ трудовъ въ области изслѣдованія калмыцкаго языка.

„Русско-калмыцкій словарь“ Арх. Гавріила представляетъ рукопись въ $\frac{1}{8}$ долю листа на 590 страницахъ, при чемъ на каждой страницѣ помѣщается до 20 калмыцкихъ словъ, писанныхъ калмыцкимъ алфавитомъ, такъ что въ совокупности словарь заключаетъ въ себѣ около 12 тысячъ словъ.

Отличительной чертой этого словаря является то, что онъ составленъ не примѣнительно къ языку калмыцкому,

¹⁾ Грамматика Монгольскаго языка, сочиненная Я. Шмидтомъ. СПб.

соображаясь съ словами и выраженіями, свойственными этому языку, а примѣнительно исключительно къ языку русскому, очевидно будучи вызванъ неотложными потребностями времени.

Для составленія его былъ сначала взятъ русскій словарь, и затѣмъ къ каждому слову этого русскаго словаря составитель старался, во что бы то ни стало, найти калмыцкое слово. А такъ какъ на многія русскія слова онъ, естественно, калмыцкакъ не нашелъ, то ему пришлось самому выдумывать и создавать эти слова. Такъ, напр, если взять хотя бы первую страницу этого словаря, то автору пришлось выдумать слѣдующія слова: „адскій—тамуин“, „адамантовый—эрдэни чолутай, алчно—өлөсутэй“. Подобнаго рода выдуманныхъ словъ и при томъ по большей части внѣ соображенія съ законами языка въ словарь весьма достаточное количество.

Далѣе словарь страдаетъ излишествомъ производныхъ словъ и особенно словами съ отрицательными частицами: „не“, „безъ“; предлогами: „по“, „при“ и проч. Объ ошибкахъ въ словообозначеніи и правописаніи мы здѣсь не упоминаемъ, ибо онѣ вполнѣ естественны въ этомъ, едва-ли не первомъ (по крайней мѣрѣ сохранившемся) опытѣ русско-калмыцкаго словаря. Безусловно, въ свое время до появленія русско-калмыцкаго словаря Голстунскаго, словарь Арх. Гавріила могъ имѣть весьма важное значеніе, какъ превышающій объемомъ своихъ словъ существовавшіе словари; нынѣ онъ этого значенія имѣть уже не можетъ, хотя для составителей новыхъ словарей можетъ быть весьма не излишнимъ въ качествѣ матеріала.

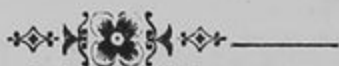
Въ архивахъ Астраханской Духовной Консисторіи и Духовной Семинаріи есть указаніе на существовавшій въ половинѣ XIX-го ст. рукописный русско-калмыцкій словарь Горшкова, затѣмъ утерявшійся. Возможно, что словарь Арх. Гавріила имѣетъ какое-либо отношеніе къ этому утерянному словарю Горшкова, но во всякомъ случаѣ какъ грамматика,

такъ и словарь Арх. Гавріила, появившись на свѣтъ въ 1847 году, должны быть отнесены нами къ самымъ первымъ трудамъ, сохранившимся до настоящаго времени въ этой области по изслѣдованію калмыцкаго языка. Кромѣ указанныхъ трудовъ Арх. Гавріила по калмыцкому языку, представляющихъ законченное цѣлое, отъ него сохранились черновыя работы по составленію русско-калмыцкаго словаря. Эти работы представляютъ тетради въ $\frac{1}{4}$ л. въ количествѣ болѣе 20, разграфленныя на квадраты, въ которыхъ писаны русскія и калмыцкія слова. Тетради имѣютъ разныя подписи, соотвѣтствующія рукѣ писавшихъ напр: „Михаилъ Гранниковъ“, „Андрей Кохановъ“, „Уалеріанъ Дмитріевъ“, „Семенъ Павлодольскій“, „Д. Карагачевъ“. Возможно, что это были ученики Семинаріи.

Далѣе сохранились черновыя работы по составленію Калмыцко-русскаго словаря и опытъ бѣловой работы по составленію этого словаря на нѣсколько буквъ (гласныя и согласныя: б, н.), но работы эти разрознены и не сохранились въ полнотѣ.

—Такъ какъ Арх. Гавріиль въ 1854 году былъ переведенъ настоятелемъ Верхотурскаго Николаевскаго второ-клас. монастыря (изъ Вятки, куда былъ перемѣщенъ изъ Астрахани въ 1847), и жилъ здѣсь до смерти,—то въ библіотекѣ Верхотурскаго монастыря оказались и всѣ указанные нами труды Архимандрита и сохраняются тамъ до настоящаго времени.

И. Гурій.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. Л. Нидерле о болгаряхъ.

Профессоръ чешскаго университета въ Прагѣ, г. Люборъ Нидерле, неутомимо работая надъ монументальнымъ трудомъ по славянскимъ древностямъ («Slovanské Starožitnosti»), весною текущаго 1910 года выпустилъ въ свѣтъ вторую часть (стр. 281—547 и заглавные листы) второго тома своей книги, посвященнаго древнѣйшей исторіи южныхъ славянъ. Для гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ наибольшій интересъ, конечно, представляютъ тѣ страницы этого тома, на которыхъ рѣчь идетъ о болгаряхъ—народѣ, происхожденіе котораго нерѣдко являлось предметомъ изысканій гг. членовъ Общества.

Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ читателя ждетъ полное разочарованіе, такъ какъ трудъ г. Нидерле не даетъ по этому вопросу ничего новаго. Сообщая (стр. 400 sqq.) свѣдѣнія о восточной группѣ племенъ балканскаго славянства, легшей въ основу нынѣшняго болгарскаго народа, авторъ замѣчаетъ (стр. 403): «*Болгаре*, племя родомъ изъ Азіи, о началѣ и этнической принадлежности котораго долго велся споръ, рѣшенный теперь въ пользу турецко-татарскаго происхожденія ¹⁾, пришли отъ Волги къ Дунаю»..... Въ сноскѣ къ этимъ словамъ читаемъ: «¹⁾ Объ исторіи этого спора вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса въ упомянутомъ смыслѣ смотри подробный разсказъ въ тщательно составленной книгѣ д-ра *Ив. Шишманова* «Критиченъ прѣгледъ на въпроса за происхода на прабългаритѣ отъ езиково гледище» (Сборникъ нар. умотв. XVI—XVII. 505—733, также отдѣльно, Софія 1900). Болѣе старый обзоръ этого вопроса далъ *Маринъ Дриновъ*, Погледъ врѣхъ происхожданьето на българскій народъ и началото на българска история (Вѣна 1869). Подробнѣе смотри въ *приложеніи II* на основаніи статьи Шишманова. Шишмановъ въ главѣ I. (стр. 518 и слѣд.) даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обзоръ всѣхъ источниковъ по вопросу о происхожденіи и началѣ собственныхъ Болгаръ». Обѣщанное здѣсь *Приложеніе II* находится на стр. 527—530 и носитъ заглавіе «Споръ

о происхожденіи Болгаръ». Дѣйствительно, то, что здѣсь сообщается по исторіи вопроса, основано на трудѣ г. Шипманова съ нѣкоторыми дополненіями. О лингвистическомъ разборѣ извѣстнаго «Именника» болгарскихъ князей г. Нидерле говоритъ (стр. 530): «Среди изслѣдователей, которые шли по этому направленію и успѣшнѣе содѣйствовали рѣшенію вопроса, слѣдуетъ назвать *В. Томашка*, *К. Вамбери* и *А. Куника*, который вмѣстѣ съ *В. Радловымъ* является авторомъ т. наз. чувашской гипотезы (Болгаре были народомъ, наиболѣе родственнымъ нынѣшнимъ Чувашамъ), *Блау*, графа *Гезу Кууна*, *Г. Маркварта* и *Б. Мункачи*». Такимъ образомъ г. Нидерле оставилъ безъ упоминанія работы г. Н. И. Ашмарина, наиболѣе призваннаго судьи въ вопросахъ чувашскаго языка. Между тѣмъ въ его статьяxъ, какъ «Болгары и чуваша» («Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ», томъ XVIII) или «Объ одномъ мусульманскомъ могильномъ камнѣ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ въ Казани» (тамъ же, томъ XXI) находится немало весьма важныхъ замѣчаній для рѣшенія вопроса о «чувашской» теоріи. Возможно, что не всѣ они будутъ приняты наукой, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что считаться съ ними необходимо.

На нашъ взглядъ, вопросъ о происхожденіи орды, давшей свое имя покореннымъ ею мизійскимъ славянамъ, можетъ быть рѣшенъ въ Казани съ большимъ удобствомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было: особенности быта задунайскихъ болгаръ въ послѣднее время изучаются въ очень широкихъ размѣрахъ и доступны для ознакомленія въ весьма многочисленныхъ изданіяхъ, тогда какъ жизнь нашихъ инородцевъ, являющихся потомками насельниковъ Болгарскаго царства, все еще не можетъ считаться достаточно обслѣдованной и требуетъ новыхъ наблюденій на мѣстѣ и приведенія ихъ въ систему; поэтому казанскій изслѣдователь, вооружившись печатными трудами болгарскихъ этнографовъ, можетъ сличить ихъ сообщенія съ современными пережитками древняго быта волжскихъ болгаръ и указать, съ какимъ изъ нашихъ инородческихъ племенъ всего сходнѣе по остаткамъ своей древней культуры ославяненные задунайскіе родичи ихъ. Если при этомъ окажется, что та или другая особенность жизни балканскихъ болгаръ, неизвѣстная другимъ славянскимъ племенамъ, встрѣчается у нашихъ инородцевъ, то это можетъ дать матеріалъ для исторіи древне-болгарской культуры.

Н. Петровскій.

МАТЕРІАЛЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

„Разнесеніе сыра“.

Въ статьѣ «Изъ жизни крестьянъ села Кургуль» былъ описанъ «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ», XXVI, вып. 4-ый) обычай «собиранія сыра». Въ селѣ Пальчиковѣ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи также сохранился подобный обрядъ называющійся «разнесеніе сыра». Вотъ описаніе его: на другой день послѣ свадьбы, когда всѣ гости соберутся въ домъ отца молодого, дружка обходить гостей съ угощеніемъ, поднося нарѣзанный кусочками хлѣбъ и водку. Начинаетъ онъ съ отца молодого. При этомъ онъ приговариваетъ:

Сыръ примите,
А на сыръ то положите
Не рубль, не полтину,
Одну золотую гривну.
Сверхъ того, чѣмъ Господь Богъ благословилъ:
Отъ кобылы жеребеночка,
Отъ коровы теленочка,
Отъ овцы ягненочка.

Молодые кланяются въ землю и, получивъ подарки, цѣлуются съ дарящими.

(Записано въ Казани въ мартѣ 1910 г. со словъ уроженца С. Пальчикова).

ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ.

Чувашская легенда.

Въ іюльской книгѣ «Русской Старины» за текущій 1910 годъ напечатана слѣдующая легенда о происхожденіи хлѣба:

«Очень давно, когда лѣса покрывали еще всѣ берега Свіяги и весь тотъ край, гдѣ она протекаетъ; когда всякаго звѣря и птицы водилось великое множество, а люди кормились, убивая ихъ; когда еще священной Керемети (заповѣдная роща чувашъ, не забывшихъ язычества) не касалась рука безбожника, и когда еще самъ великій Тора помогалъ людямъ добывать изъ дуплистыхъ деревьевъ ароматный медъ дикихъ пчелъ,—жили два брата, Якишъ и Велюкъ. Старшій—Якишъ былъ злой, младшій—добрый. Однажды Якишъ охотился въ лѣсу. Тора не захотѣлъ помочь злому охотнику, и охота кончилась неудачей. Голодной и злой пришелъ Якишъ къ брату. Тотъ въ это время ѣлъ медъ. Старшій попросилъ у него меду, и Велюкъ охотно съ нимъ подѣлился. Якишу понравилось лакомство, и, притворяясь, будто его интересуется жизнь брата, онъ попросилъ показать ему то мѣсто, гдѣ пчелы собираютъ столь сладкую пищу. Простодушный Велюкъ показалъ ему всѣ дупла. Прошло нѣсколко дней. Прокравшись тайкомъ къ деревьямъ брата, Якишъ укралъ меду изъ дупла. Однако, не чтя законовъ Торы, онъ не отнесъ первый кусокъ сота въ Кереметь, на священный обрубокъ дерева, Тора разсердился, и пчелы по его приказанію слетѣлись со всѣхъ сторонъ, чтобы искусать дерзкаго. Якишъ былъ зажаленъ до смерти, а пчелы, вонзившія въ него свои жала, также умерли. Когда добрый Велюкъ увидѣлъ погибшаго брата и пчелъ, онъ заплакалъ, такъ жалко стало ему Якиша и своихъ кормилицъ. Долго плакалъ онъ и заснулъ въ слезахъ. И вотъ во снѣ вдругъ слышитъ онъ голосъ Торы: «Пойди, поймай теленка, облей его водой и, что будетъ съ водой, то сдѣлай и съ мертвыми пчелами».

Проснувшись, Велюкъ исполнилъ повелѣніе Торы. Теленокъ отряхнулся и вода свѣтлыми каплями попадала на землю и скрылась въ ней. Тогда согласно наученію Торы, Велюкъ разбросалъ мертвыхъ пчелъ и закопалъ ихъ въ землю. Это была первая пашня и первый посѣвъ. Скоро изъ земли появилась травка, на которой выросли колосья. Одни изъ нихъ были покрыты точь-въ-точь такими жалами, какими пчелы убили Якиша; на

другихъ же зерна висѣли какъ висить на деревѣ рой пчелъ. Къ тому времени, когда прежде Велюкъ собиралъ медъ, колосья поспѣли. Велюкъ выбилъ изъ нихъ зерна, часть положилъ на священный обрубокъ Кереметь, а остальное растеръ камнемъ, смѣшалъ съ водой, высушилъ и ѣлъ вмѣсто меда. Такъ появился «сюгюръ (хлѣбъ)». А Якишъ былъ унесенъ злымъ духомъ, сдѣлавшимъ изъ его сердца червей, и донинѣ убивающихъ молодыхъ пчелъ; изъ злого же тѣла вывелись мыши, воровски поѣдающія хлѣбъ, добытый человѣкомъ». (Стр. 84—85).

Г. Тюбякъ Чирковскій, сообщившій эту легенду, прибавляетъ, что обычай обливать бжка или теленка водой предъ постѣвомъ вывелся у чувашъ недавно—лѣтъ 15—20 тому назадъ. Чуваша собирались всей деревней и смотрѣли на животное. Если оно отряхивалось отъ воды, это предвѣщало урожай; если нѣтъ—неурожай.

Послѣ гаданья животное убивалось и съѣдалось. Въ глухихъ деревняхъ Тетюшскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ (Казанской губ.) обычай этотъ и донинѣ свято хранится чувашами. Только, стыдясь русскихъ, они держатъ его въ тайнѣ.

ХРОНИКА.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1910—1912 г.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Вмѣстѣ, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, приуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры*). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для дре-

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

внѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго приуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которое оно могло войти впоследствии, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть приурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Выясненіе, какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Определеніе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена

существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. Слова русскаго языка со звукомъ „х“.

Фонетическія условія происхожденія звука «х» въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ «х» или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское «х», въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе «х» въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука «х» въ словахъ русскаго языка: «х» какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ «х» въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ «х».

6. Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка.

Древній слой заимствованій, ведущій свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финнами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій.

Предлагается собрать иноземныя слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ, и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ литературномъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: 1) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-прусскомъ, литовскомъ и латышскомъ, 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ, 3) составляющія исключительную принадлежность русскихъ Славянъ (или всѣхъ, или же только великорусовъ, въ отличіе отъ малорусовъ).

Собственные имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію.

Къ систематическому обзрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ и выраженій: 1) русскихъ, 2) скандинавскихъ.

9. Грамматическія и стилистическія ошибки, вкравшіяся въ современный русскій письменный языкъ.

Собраніе, по возможности, обширнаго количества примѣровъ ошибочнаго употребленія словъ, оборотовъ и грамматическихъ формъ изъ языка писателей, ученыхъ и публицистовъ. Распределеніе собраннаго матеріала по категоріямъ или въ алфавитномъ порядкѣ. Указаніе происхожденія отдѣльныхъ ошибокъ (варваризмы, провинціализмы и т. д.).

10. Мадыарское вліяніе на лексическую сторону подкарпатскихъ говоровъ русскаго языка.

Прослѣдить это вліяніе по памятникамъ письменности и даннымъ фольклора, чтобы опредѣлить возрастъ заимствованныхъ изъ мадыарскаго словъ и площадь ихъ распространенія. Въ списокъ такихъ словъ должны быть включены сверхъ нарицательныхъ и собственные, встрѣчающіяся въ названіяхъ личныхъ и мѣстныхъ.

11. Сборникъ русскихъ синонимовъ.

Собраніе синонимовъ съ примѣрами, по возможности, изъ извѣстныхъ русскихъ писателей. Желательно, чтобы была использована литература по русской синонимикѣ первой половины XIX вѣка.

12. Греческія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ.

Указаніе греческихъ элементовъ въ памятникахъ русской письменности, современныхъ русскихъ говорахъ (великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ), а также въ условныхъ (офенскихъ) языкахъ. Указаніе ближайшихъ къ русскимъ греческихъ формъ. Указаніе періодовъ заимствования, путей, которыми они проникали въ русскій языкъ, и опредѣленіе географическаго распространенія каждаго слова въ греческомъ языкѣ. Желательно использование всего матеріала для исторической грамматики греческаго и русскаго языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія *).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ.

*) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1912 года — печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

- 19) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1909 годы по 25 коп.
- 20) Пономаревъ, П. А. Ананьинскій могильникъ. 1892. 34 стр. 8°. Ц. 33 к.
- 21) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Казан. губ. 1877. 160 стр. 8°. Ц. 1 р.
- 22) Спицынъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886. 30 стр. 8°. Ц. 10 коп.
- 23) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8°. ц. 40 коп.
- 24) Замѣтка по поводу реферата Г. Н. Потанина: «У вотяковъ Елабужскаго у.». С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 3 коп.
- 25) Инструкціи, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1877. Стр. 7. 8°. Ц. 5 коп.
- 26) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.
- 27) Магницкій, В. К. Къ біографіи Василя Аванасьевича Сбоева. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.
- 28) Фуксъ, К. О. «Краткая исторія г. Казани. Казань. 1817 г.». Изданіе 1903 г. съ послѣсловіемъ Н. М. Петровскаго и біографическими свѣдѣніями о К. О. Фуксѣ и его портретомъ. Стр. 60. Цѣна 50 коп.
- 29) В. К. Магницкій. Чувашскія языческія имена. Казань 1903 г. Ц. 75 коп.
- 30) П. В. Альфонсовъ. Указатель къ «Извѣстіямъ Общества археологін, исторіи и этнографіи при Имп. Казан. Университетѣ» за 1878—1903 годы (т. I—XXI). Каз. 1906. Ц. 70 коп.
- 31) Два историческихъ документа Императрицы Екатерины II о древностяхъ Волги и Кавказа. Казань 1907. Ц. 5 к.
- 32) Н. О. Высоцкій. Лихорадка, ея происхожденіе и способы леченія, по народнымъ воззрѣніямъ. К. 1907. Ц. 20 коп.
- 33) Общество Археологін, Исторіи и Этнографіи за 30 лѣтъ (1878—1908) рѣчь Н. О. Катанова. Казань. 1908. Ц. 10 коп.

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) при покупкѣ на наличныя деньги пользуются 30% уступки и бесплатною пересылкою; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Рукописи, не принятые къ печати, хранятся въ теченіе 3 мѣсяцевъ со дня послышки автору извѣщенія, а затѣмъ уничтожаются. Обратная высылка производится только по полученіи денегъ на пересылку.

Въ 1910 г. «Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника. Извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи: отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: А. И. Александровъ (Казань), А. Е. Алекторовъ (Томскъ), И. В. Альфонсовъ (Казань), о. Н. А. Архангельскій (Ядринъ), Г. Н. Ахмаровъ (Казань), Н. И. Ашмаринъ (Казань), М. И. Бенеманскій (Казань), Б. В. Варнеке (Одесса), Д. В. Васильевъ (Кострома), О. Т. Васильевъ (Казань), С. Н. Введенскій (Задонскъ), П. О. Высоцкій (Казань), Н. К. Горталовъ (Казань), Я. І. Гуляндъ (С.-Петербургъ), А. И. Добросмысловъ (Симбирскъ), В. М. Юновъ (Якутскъ), Н. О. Катановъ (Казань), Д. А. Корсаковъ (Казань), П. И. Кротовъ (Казань), И. П. Кузнецовъ (Минусинскъ), С. К. Кузнецовъ (Москва), А. С. Лебедевъ (Казань), о. Е. А. Маловъ (Казань), И. С. Михеевъ (Казань), В. А. Мошковъ (Варшава), Н. В. Никольскій (Казань), Э. К. Пекарскій (С.-Петербургъ), Н. М. Петровскій (Казань), И. М. Покровскій (Казань), И. С. Порфирьевъ (Москва), о. К. П. Прокопьевъ (Челябинскъ), о. Я. Н. Саркинъ (Симферополь), И. В. Селицкий (Омскъ), М. М. Хомяковъ (Казань), А. А. Сухаревъ (Казань), К. В. Харламповичъ (Казань), С. И. Шестаковъ (Казань) и друг.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ въ случаѣ надобности измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1-му июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., и лица, помѣщающія свои статьи въ каждомъ выпускѣ, получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы и статьи адресуются:

Въ г. Казань, Университетъ, Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Цѣна cadaго выпуска (кроме немногихъ) 1 рубль.

